Т-5933

В. Ананьинъ и А. Насимовичъ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ХРЕСТОМАТІЯ

ДЛЯ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЕЙ.

Настоящая книга предназначается для ознакомленія съ отечественной исторіей на урокахъ чтенія въ начальной школѣ.

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, которое оспариваетъ желательность прохожденія даже самаго элементарнаго курса русской исторіи въ начальной школѣ, въ виду своеобразности дѣтской психики, обычно преломляющей историческія явленія въ грубо искаженномъ видѣ. Раннее ознакомленіе съ историческими фактами будетъ, по вышеприведенному мнѣнію, не научнымъ.

Возможно, что нѣкоторая доля справедливости и есть въ этомъ взглядѣ, но, къ сожалѣнію, вполнѣ научное прохожденіе и другихъ отдѣловъ знанія невозможно въ низшей начальной школѣ вслѣдствіе особенностей дѣтскаго пониманія. Напримѣръ: далеко не всякій ученикъ можетъ понять обобщеніе, сдѣланное на основаніи физическихъ опытовъ,—для многихъ, что бы ни говорилъ учитель, опытъ будетъ представляться чѣмъ-то въ родѣ фокуса. Между тѣмъ уже въ раннемъ возрастѣ у дѣтей возникаетъ интересъ къ исторіи. Изъ собственнаго педагогическаго опыта мы знаемъ, что отдѣлы по русской исторіи въ книгахъ для класснаго чтенія ученики считаютъ самыми интересными; изъ школьныхъ библіотекъ они просятъ постоянно книгъ «про старину»; любимѣйшія дѣтскія книги въ этомъ возрастѣ: «Капитанская дочка», «Тарасъ Бульба», «Юрій Милославскій», «Князь Серебряный». Въ семьѣ, особенно городской, въ связи съ историческими юбилеями и крупными событіями текущей жизни, ребенокъ слышитъ разговоры, которые зарождаютъ въ его душѣ живой интересъ къ родной исторіи.

Школа не можетъ не пойти навстрѣчу этимъ естественнымъ запросамъ ребенка, не можетъ отказаться отъ воспитанія въ дѣтяхъ зачатковъ здороваго національнаго самосознанія и любви къ отечеству.

Преподаваніе исторіи въ начальной школѣ требуетъ отъ учителя, быть-можетъ, большей освѣдомленности, чѣмъ преподаваніе другихъ предметовъ, т. к. красочность и образность изложенія, умѣнье выдѣлить изъ обширнаго матеріала яркія типичныя явленія здѣсь особенно необходимы.

Въ руки ученикамъ низшей начальной школы не слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, давать краткій учебникъ, лишь въ общихъ чертахъ воспроизводящій сообщенное учителемъ на урокѣ. Ученикъ низшей начальной школы не только не умѣетъ хорошо *читать,* но не умѣетъ достаточно хорошо *слушать.* Многое изъ разсказаннаго учителемъ ускользнетъ отъ вниманія, забудется, тѣмъ болѣе, что преподаваніе исторіи не имѣетъ въ своемъ распоряженіи такихъ могучихъ средствъ наглядности, какъ, наприм., естествознаніе и даже географія. Историческія экскурсіи возможны лишь для весьма ограниченнаго количества школъ, а изученіе письменныхъ памятниковъ въ начальной школѣ преждевременно. Поэтому мы полагаемъ, что въ рукахъ учащихся низшей начальной школы должна быть достаточно подробная учебная историческая хрестоматія, матеріалъ которой могъ бы самъ по себѣ привлечь вниманіе ученика, заинтересовать его.

При составленіи настоящей хрестоматіи мы стремились освѣтить крупнѣйшіе факты русской исторіи, принимая во вниманіе возрастъ учащихся, при чемъ дали въ хрестоматіи рядъ біографическихъ разсказовъ, окрашенныхъ колоритомъ эпохи. Культурно-бытовой матеріалъ проникаетъ всю нашу хрестоматію. Незамѣнимую услугу въ усвоеніи прошлаго должна оказать историческая художественная литература. Широко пользуясь художественными произведеніями нашихъ классиковъ, мы имѣли въ виду, что прочитанный въ классѣ отрывокъ вызоветъ у ученика желаніе прочесть и все произведеніе. Здѣсь на помощь классному преподаванію выступаетъ школьная библіотека и связанное съ нею домашнее самостоятельное чтеніе.

Для оживленія текста и закрѣпленія въ памяти учащихся прочитаннаго, мы помѣщаемъ въ книгѣ большое количество снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и старинныхъ гравюръ, а также портреты историческихъ дѣятелей.

8907
1922
III
И.-К. 33

В. АНАНЬИНЪ и А. НАСИМОВИЧЪ.

III-5933
Пров. 52
ПРОВ. 2000

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

ХРЕСТОМАТІЯ
ДЛЯ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Ин-та
62266
им. А. И. ГЕРЦЕНА
БИБЛИОТЕКА
3-го Л. Т. Г. Р. Педагогическ.
ИНСТИТУТА

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1914.

Наши предки.

Наши предки назывались *славянами*. Пришли они туда, гдѣ теперь мы живемъ, изъ далекой Азіи. Но не сразу они попали на свою новую родину. Они на пути остановились и жили нѣкоторое время на склонахъ Карпатскихъ горъ.

Быть-можетъ, славяне и остались бы на Карпатахъ, да ихъ потѣснилъ какой-то сильный народъ. Пришлось оставить Карпаты и искать новыхъ мѣстъ для поселенія. Постепенно стали славяне переселяться въ теперешнюю Европейскую Россію. Часть ихъ поселилась по рѣкѣ Вислѣ, Одеру, Эльбѣ. Это — теперешніе поляки, чехи, моравы. Другая часть заняла Балканскій полуостровъ, осѣла по среднему и нижнему Дунаю. Наконецъ восточные славяне — наши предки, потянулись на сѣверо-востокъ и разселились на русской равнинѣ.

Одни остановились на берегахъ рѣки Днѣпра, гдѣ теперь городъ Кіевъ, и по его притокамъ. Изъ нихъ осѣвшіе на западномъ берегу средняго Днѣпра назвались *полянами* — жители полей. Поселившіеся на сѣверо-западъ отъ полянъ, въ дремучихъ лѣсахъ рѣки Припети, назывались *древлянами*. Противъ полянъ, на восточномъ берегу Днѣпра и по рѣкѣ Деснѣ, помѣстились *сѣверяне*, дальше по верхней Окѣ—*вятичи*. Верховья трехъ рѣкъ: Днѣпра, Западной Двины и Волги заняли *кривичи*. Въ нынѣшней Новгородской губерніи, по рѣкѣ Волхову и у озера Ильменя, основались славяне *новгородскіе*, или ильменскіе.

Природа русской равнины.

Лѣсъ. Средняя Россія и теперь богата лѣсомъ, а въ первые вѣка нашей исторіи, когда славяне спускались съ Карпатскихъ горъ и разсѣялись по теченію рѣкъ, все громадное пространство отъ далекаго сѣвера вплоть до южныхъ степей было покрыто густымъ лѣсомъ.

Въ этомъ лѣсу трудно было попасть на мало-мальски торную тропинку. Приходилось пробираться впередъ, вырубая деревья, или двигаться по рѣкѣ.

Гніющаго валежника въ такомъ лѣсу—пропасть. То и дѣло попадаются обширныя, глубокія болота, а мѣстами трясины съ «окнами». Это страшныя, погибельныя мѣста. Кто попалъ въ эти невѣдомыя лѣсныя дебри—берегись, гляди въ оба!

Вотъ на нѣсколько верстъ протянулся мхомъ поросшій кочкарникъ. Саженными пластами покрываетъ онъ глубокую, чуть не бездонную топь. Это моховое болото. Поросло оно мелкимъ, чахлымъ лѣсомъ, нога грузнетъ въ мягкомъ зыбунѣ. Отъ тяжести идущаго человѣка зыбунъ ходуномъ ходитъ, и вдругъ иногда въ двухъ-трехъ шагахъ фонтаномъ брызнетъ вода черезъ едва замѣтную для глаза продушину.

Миріады комаровъ день и ночь несмѣтными роями толкутся въ воздухѣ, столбами носятся надъ болотами и преслѣдуютъ человѣка нестерпимыми мученіями. На вѣтвяхъ деревьевъ, въ густой чащѣ, токуютъ тетерева, воркуютъ дикіе голуби, заунывно перекликаются иволги, стонутъ рябыя кукушки. Съ дерева на дерево прыгаютъ бѣлки. Гудятъ въ дуплахъ деревъ шумные рои дикихъ пчелъ. Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся совы и длинноухіе филины. Ихъ плачевный, дикій крикъ, какое-то странное уханье пугаютъ по ночамъ человѣка. «Это аукается и хохочетъ лѣшій», говоритъ человѣкъ.

А внизу, сквозь густую заросль, по сухому валежнику пробирается съ трескомъ то дикій кабанъ, то косолапый медвѣдь, то длинноногій лось или ломится цѣлое стадо зубровъ. Часто человѣку было не до охоты на дикаго звѣря, лишь бы самому остаться живу. Недаромъ князь Владимиръ Мономахъ писалъ въ своемъ поученіи дѣтямъ, какъ много разъ на охотѣ смерть смотрѣла ему въ очи. «Два тура (дикіе быки),—пишетъ онъ,—метали меня на рогахъ съ конемъ вмѣстѣ; олень меня бодалъ; два лося — одинъ ногами топталъ, другой рогами бодалъ; вепрь оторвалъ у меня мечъ сбоку; медвѣдь у колѣна прокусилъ подсѣдельный войлокъ; лютый звѣрь вскочилъ ко мнѣ на колѣни и повалилъ коня со мною, а Богъ сохранилъ меня цѣлымъ и невредимымъ».

Жутко въ темномъ лѣсу одинокому человѣку. Глухой шумъ разливается по верхушкамъ деревьевъ, а внизу царитъ сонная, «дремучая» тишина. Странная робость овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ вступаетъ въ сумрачную сѣнь лѣса. Въ непрерывномъ шумѣ вѣковыхъ вершинъ ему чудится что-то зловѣщее. Каждую минуту онъ ждетъ опасности, изъ-за каждаго темнаго куста выглядываютъ на него воображаемые страхи. Лѣсъ, думаетъ чело-

вѣкъ, это царство одноглазаго лѣшаго, который дурачится надъ путникомъ и кружитъ его на одномъ мѣстѣ. «Тамъ, надъ болотомъ,—думаетъ человѣкъ,—сидитъ по ночамъ русалка. Черные волосы ея раскинулись по спинѣ и убраны осокой и незабудками. Какъ завидитъ она человѣка, станетъ звать его сладкимъ голосомъ, сквозь тихія, жалобныя слезы. И горе человѣку, если онъ повѣритъ русалкѣ, одинъ шагъ—и опустится онъ навсегда въ бездонную пропасть болотной пучины».

Рѣка. Душа славянъ отдыхала на рѣкѣ. Тамъ, на широкомъ водномъ просторѣ, онъ оживалъ духомъ и, быстро двигаясь на своемъ утломъ челнѣ, набирался широкой удали и веселья. Много пѣсенъ сложилъ онъ про рѣку. Въ этихъ пѣсняхъ онъ называетъ ее то «матушкой», то «кормилицей».

При переселеніяхъ рѣка указывала путь славянину. По рѣкѣ входилъ онъ въ лѣсную страну, и стукъ его топора будилъ вѣковую тишину лѣсной глуши. Около рѣки, на высокомъ непоемномъ берегу выбиралъ онъ себѣ поляну или вырубалъ участокъ лѣса и строилъ жилье. Рѣка кормила его рыбой. Рѣка пріучала его къ порядку: у нея на все свое время—время половодью, время рыбной ловлѣ, время санному пути. По рѣкѣ лѣтомъ и зимой была хорошая дорога, и рѣка тянула славянина въ дальній путь, научая обращаться съ чужими людьми, мѣняться съ ними товарами и наблюдать ихъ нравы. Тамъ, гдѣ рѣки близко подходили одна къ другой, славянинъ въ своихъ переселеніяхъ вытаскивалъ челнъ на берегъ и тащилъ его «во́локомъ» отъ воды до воды. Высокій рѣчной тростникъ хоронилъ славянина отъ врага, а въ крайнемъ случаѣ онъ весь залѣзалъ въ воду, дыша черезъ длинную, пустую внутри, тростинку.

Степь. Вплоть до Чернаго и Каспійскаго морей отъ лѣсного пространства тянутся широкія, безконечныя степи. Кое-гдѣ онѣ перехвачены цѣпью холмовъ, которые, тѣснясь и выглядывая другъ изъ-за друга, тянутся до тѣхъ поръ, пока не исчезнутъ въ лиловой дали. И трудно увидѣть глазомъ, гдѣ эта степь начинается, гдѣ кончается: кажется, ей нѣтъ конца-краю. Весною, когда еще степь не выжжена жаркимъ солнцемъ, ея равнина похожа на зелено-золотой океанъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозятъ голубыя, синія и лиловыя волошки; желтый дрокъ выскакиваетъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка пестрѣетъ своими зонтикообразными шапками. Воздухъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стоятъ ястребы, распластавъ свои крылья и устремивъ глаза въ траву. Крикъ двигающейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдается, Богъ вѣсть, въ

какомъ дальнемъ краѣ. Изъ травы мѣрными взмахами подымается чайка, роскошно купаясь въ синихъ волнахъ воздуха. Вотъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою; вотъ она перевернулась крыльями и блеснула передъ солнцемъ...

Въ далекія времена крестьянская соха еще не проходила по неизмѣримымъ волнамъ степныхъ растеній. Только дикіе кони прятались въ травѣ, какъ въ лѣсу, и вытаптывали ее своими гулкими копытами; да страшные кочевники половцы, и потомъ татары, будили по ночамъ спящую степь громкимъ скрипомъ своихъ телѣгъ, похожимъ на крикъ дикихъ лебедей.

Много горя несла степь славянину. Каждый день могъ ожидать онъ съ ея стороны набѣга дикихъ кочевниковъ, которые безъ пощады жгли славянскія селенія, грабили и уводили народъ въ плѣнъ. Недаромъ народная фантазія въ своихъ былинахъ создала образы могучихъ богатырей, которые стояли въ степи «на заставахъ богатырскихъ», чтобы постеречь землю русскую «отъ поганыхъ»: видно, нужны были въ то время такіе защитники.

Жизнь славянъ.

Спускаясь съ карпатскихъ предгорій, славяне почти повсюду встрѣчали одно и то же: большую рѣку или рѣчку съ широкимъ поемнымъ лугомъ, поросшимъ по мѣстамъ тростникомъ, пригорокъ и лѣсъ,—безконечный лѣсъ, стоявшій непроходимой стѣною.

Съ каждымъ годомъ все глубже и глубже по рѣкамъ и рѣчкамъ входили они въ лѣсную страну, и все чаще и чаще вѣковую тишину лѣсной глуши будилъ говоръ людей и стукъ топоровъ.

Свободной земли въ новой странѣ было много. Облюбовавъ пространство, какое нужно, выдѣляли выгонъ, лѣсъ и другія угодья, которыми пользовались всѣ сообща, и затѣмъ каждая семья занимала себѣ участокъ. Не тѣснясь, селились семьи вразбродъ и расходились далеко по лѣсистой равнинѣ. На своемъ участкѣ и жила семья, пока звѣря и рыбы было довольно въ окрестности, пока пашня не истощалась и для скота не требовалось новыхъ луговъ. Выбравъ среди своего участка сухое мѣсто, обыкновенно у рѣчки на высокомъ ея берегу, семья переселенца принималась за устройство жилья. Изъ сваленныхъ деревьевъ мужчины клали срубъ, женщины изъ нарубленнаго хвороста дѣлали плетень и обмазывали его глиною; тѣмъ и другимъ помогали дѣти-подростки. Деревянные гвозди, хворостъ и лыко служили для скрѣпы. Изъ собранныхъ по-сосѣдству камней складывали внутри хижины очагъ или печь для приготовленія пищи. Скуд-

ный свѣтъ пропускали небольшія окна, которыя задвигались въ случаѣ нужды досками. Входъ закрывала тяжелая дверь. Въ окна и двери выходилъ дымъ изъ очага, такъ какъ трубы не было. Для храненія хлѣба служили вырытыя въ землѣ ямы. На случай опасности въ хижинахъ дѣлалось много выходовъ, а жилища обносились насыпью изъ земли—валомъ и частоколомъ.

Въ новой странѣ богатства природы не тронуты, и они въ изобиліи окружаютъ людей. Много рыбы въ рѣкѣ, но ее нужно наловить, а для этого изготовить неводъ и послѣдить за нимъ, не порвалась ли сѣть, цѣлы ли каменныя грузила. Есть скотъ: мелкія молочныя коровы, лошади, овцы и свиньи; есть и хорошія пастбища. Въ дуплахъ старыхъ деревьевъ пчелы кладутъ дикій медъ — это лучшее лакомство, но нужно поставить на бортяхъ [1]) знакъ, чтобы легко было различить свои борти отъ бортей сосѣднихъ семей и собрать по осени медъ. Есть лѣсъ, но нужно для домашнихъ подѣлокъ его нарубить и притащить домой; есть ягоды, грибы и дикіе плоды, но ихъ нужно собрать; есть въ лѣсу и звѣри, которые даютъ мясо и шкуры, но ихъ нужно убить.

Можно добыть и хлѣбъ, но для этого нужно много труда, упорнаго и постояннаго. Мало затратить одинъ разъ усилія, расчистить подъ пашню лѣсъ. Пройдетъ два-три года, и тамъ, гдѣ собирали раньше обильный урожай, вырастаетъ уже тощій хлѣбъ. Приходится тогда бросать эту пашню, нужно снова расчищать ляду [2]).

Всѣ лѣсные и полевые участки завоеваны трудомъ всѣхъ членовъ семьи, и члены семьи сообща владѣютъ собственностью и всѣ равны въ общемъ совѣтѣ. Главарь семьи разбираетъ домашнія ссоры, сносится съ чужими. Обычно бываетъ главаремъ старшій.

Рано вставъ и поѣвъ, семья принимается за работы. Ихъ распредѣляетъ старикъ — главарь. Одни спускаются къ рѣчкѣ, чтобы половить рыбы, другіе уходятъ къ стаду и въ лѣсъ, третьи — на пашню, четвертые отправляются на охоту. Захвативъ стрѣлы и лукъ, рогатину и копье, ножъ и топоръ, а также собаку, въ челнокѣ охотники направляются по рѣчкѣ, слѣдя среди зарослей, не попадется ли дичь или боберъ. По проложенной тропѣ они входятъ въ лѣсъ, гдѣ у нихъ въ разныхъ мѣстахъ разставлены западни, выкопаны ямы для звѣрей, растянуты сѣти для птицъ. Расчищая путь топоромъ и ножомъ, охотники продираются въ самую чащу, внимательно прислушиваясь къ лаю собаки и присматриваясь къ звѣринымъ слѣдамъ.

---

[1]) Борть — дупло.

[2]) Такъ называлось расчищенное изъ-подъ лѣса поле.

Вѣрованія славянъ.

Окружающая природа казалась славянину живою, такою же, какъ и человѣкъ. Деревья, огонь, молнія, вѣтеръ, дождь, солнце,— все это было похоже на человѣка, рождалось и умирало, могло радоваться и печалиться, уходить, приходить, помогать и вредить человѣку. Такъ думалъ славянинъ. Онъ поклонялся деревьямъ, приносилъ имъ жертву, чтобы задобрить, украшалъ ихъ. Еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ народѣ почитаютъ дубы, пораженные молніей, или украшаютъ березку. Въ Семикъ (четвергъ передъ Троицынымъ днемъ) деревенскія дѣвушки съѣдаютъ пироги и яичницу подъ березой и поютъ:

„Радуйтесь, березы,
Радуйтесь, зеленыя!
Къ вамъ дѣвушки идутъ,
Къ вамъ красныя,
Къ вамъ пироги несутъ,
Лепешки, яичницы“.

Поклонялся славянинъ и другимъ явленіямъ природы. Еще теперь дѣти поютъ:

„Дождикъ, дождикъ, пуще:
Дамъ тебѣ гущи,
Дамъ тебѣ ложку,
Хлебай понемножку“!

Или поютъ такъ:

„Солнышко-ведрышко,
Выгляни въ окошечко:
Твои дѣтки плачутъ“...

А въ глубокую старину, вѣроятно, эти обращенія къ дождю, къ солнцу пѣли и взрослые и вѣрили во все то, что въ пѣсенкахъ говорится. Времена года — весну, зиму... — славянинъ тоже представлялъ въ образѣ человѣка: весна—красная дѣвица, зима—злая старуха. Зиму не любили. Въ декабрѣ, когда съ 12-го начиналъ прибывать день, славяне радовались возрожденію солнца, устраивали праздники, пѣли пѣсни. Эти пѣсни, такъ называемыя колядки, и теперь поютъ на Рождествѣ: въ нихъ слышится намъ отголосокъ прежней вѣры славянъ. Вотъ, напримѣръ, одна такая колядка:

„Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества.
За горою за крутою,
За рѣкою за быстрою
Стоятъ лѣса дремучіе,

Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ палящіе.
Вокругъ огней люди стоятъ,
Люди стоятъ — колядуютъ:
„Ой, Коляда, Коляда,
Ты бываешь, Коляда,
Наканунѣ Рождества“.

Начало весны также праздновали. Это время совпадаетъ съ теперешней масленицей. Зиму провожали съ радостью, дѣлали чучело зимы изъ соломы и сжигали. Славяне думали, что приходъ весны можно ускорить, если весну ласково звать, кликать, приманивать лепешками. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ и теперь въ началѣ весны выходятъ за околицу или садятся на крышу и «закликаютъ» весну. Поютъ такъ называемыя веснянки. Вотъ одна такая веснянка:

„Весна красна!
На чемъ пришла?
— На жердочкѣ,
На бороздочкѣ,
На овсяномъ колосочкѣ,
На пшеничномъ пирожечкѣ,
А весну ждали,
Клочки допрядали.
Летѣлъ куликъ
Изъ-за моря,
Принесъ куликъ
Девять замковъ.
„Куликъ, куликъ!
Замыкай зиму,
Замыкай зиму,
Отпирай весну —
Теплое лѣто“

Смерть, счастье, несчастье или горе, свои болѣзни,—все это славянинъ представлялъ въ образѣ человѣка. Болѣзни — трясовицу, огневицу, колючку, черную немочь и другія—можно испугать, и тогда онѣ выскочатъ изъ тѣла больного. Вездѣ, кругомъ человѣка и вдали отъ него — дома и въ полѣ, и въ рѣкѣ, и въ болотѣ, и въ дремучемъ лѣсу—живутъ разныя существа: домовой, водяной, русалка, лѣшій и другія. Есть и такія существа: Сонъ, Дрёма, Гомонъ, Ходунокъ, Говорокъ, Утренникъ, Сумеречникъ. Недаромъ сохранялись до нашего времени старинныя пѣсни, въ которыхъ поется:

„Сонъ ходитъ по сѣнямъ,—
Дрёма по новымъ,
Сонъ ищетъ Дрёму,
Дрема спрашиваетъ“...

Или такъ:

„Ты спи — усни
Угомонъ тебя возьми“.

Или такъ:

„Потягунюшки, поперекъ толстунюшки,
А въ ножки ходунюшки,
А въ ручки хватунюшки,
А въ ротъ говорокъ,
А въ голову разумокъ“.

Славяне думали, что со смертью душа человѣка выходитъ черезъ ротъ. Этой души боялись, и важно было замѣтить, въ какую сторону душа полетитъ: для этого умирающему давали въ руку горящую свѣчу и, какъ только онъ умиралъ, свѣчу тушили и смотрѣли, куда направится дымъ. Въ стѣнѣ или въ двери продѣлывали отверстіе, чтобы душа могла улетѣть. Покойника выносили не черезъ двери: иначе душа вернется и будетъ мучить живыхъ. Изъ стѣны вынимали нѣсколько бревенъ или проламывали полъ, чтобы вынести мертваго. Покойника или сжигали или закапывали, вмѣстѣ съ нимъ оружіе, ладью, утварь, коня и даже жену. Думали, что все это будетъ нужно мертвому. Время отъ времени на могилу приносили пищу, чтобы покойный могъ подкрѣпиться. По мертвомъ справляли поминки или тризну, изъ каждой чарки отливали подъ столъ и бросали туда часть кушанья: это для души покойнаго. На тризнѣ пѣли и плясали, чтобы душа покойнаго не скучала съ непривычки первое время.

Славяне дѣлали и идоловъ, сначала домашнихъ, а потомъ, когда возникли города, постоянныхъ общихъ идоловъ, которымъ поклонялись всѣ горожане. Въ Кіевѣ былъ идолъ Перуна, бога грома и молніи въ Ростовѣ идолъ Велеса, бога скотьяго, покровителя скота. Кромѣ Перуна и Велеса, вѣрили въ Даждь-бога—солнце, Стрибога—вѣтеръ, и нѣкоторыхъ другихъ боговъ.

Домовой, лѣшій, водяной.

Язычникъ поклонялся природѣ, которая, какъ ему казалось, наполнена живыми существами.

Такъ, въ образѣ домового представлялась ему жизнь дома. Язычникъ не умѣлъ понять, отчего его дворовая скотина добрѣетъ, отчего вдругъ худѣетъ, отчего поднимается во дворѣ невѣдомый трескъ, неожиданный переполохъ между тою же скотиною и домашнею птицею, отчего извѣстный цвѣтъ скотины не приходится ко двору: она гибнетъ, какъ ни сохраняй и что ни дѣлай. Должно-быть, здѣсь всѣмъ дѣломъ заправляетъ какая-то невѣдомая сила. Существующій въ дому очагъ или печка пред-

ставляетъ какъ бы сердце самаго дома и всего двора. Здѣсь сохраняется благодать всего жилища, согрѣвающая во время холода, изготовляющая всякую снѣдь, способная претворять всякое вещество на пользу или удовольствіе человѣку. Огонь и безъ того являлся живымъ существомъ. И домовой въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ самый этотъ домашній огонь, очагъ. При переселеніи въ новую избу язычникъ переносилъ весь этотъ огонь въ видѣ горящихъ угольевъ изъ старой печи въ новую, съ привѣтомъ: «Милости просимъ, дѣдушка, на новое жилье!»

Обыкновенно домовой живетъ за печкою, куда и кладутъ ему домашнія жертвы—маленькіе хлѣбцы. Его вообще покармливаютъ, какъ человѣка, хлѣбомъ, кашею, пирогами, лепешками, оставляютъ ему на ночь накрытый ужинъ. Но важнѣйшая для него жертва—это пѣтухъ. Эта жертва его вполнѣ умилостивляетъ, если онъ чѣмъ-либо раздраженъ.

Домовой очень добрый и самый заботливый хозяинъ во дворѣ. Вновь купленная скотина: лошадь, корова, отдавалась ему на руки съ привѣтомъ: «Полюби, пои, корми сыто, гладь гладко, самъ не шути и жены не спущай и дѣтей унимай!» Веревку, на которой приводили скотину на дворъ, вѣшали у печки.

Домовой любитъ только свой домъ, свой дворъ, такъ что иной разъ таскаетъ даже изъ чужихъ сѣноваловъ и закромовъ кормъ для своей скотины. Онъ видитъ всякую мелочь, хлопочетъ и заботится, чтобы все было въ порядкѣ и наготовѣ,—здѣсь подсобитъ, тамъ поправитъ. По ночамъ слышно, какъ онъ стучитъ и хлопочетъ за разными подѣлками. Если жилье придется ему по душѣ, то онъ смотритъ за всѣмъ домомъ и дворомъ пуще хозяйскаго глаза, соблюдаетъ домашнія выгоды и радѣетъ объ имуществѣ пуще заботливаго мужика: охраняетъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ, свиней; смотритъ за птицею, особенно любитъ куръ; наблюдаетъ за овиномъ, огородомъ, конюшнею, хлѣвами, амбарами. Поэтому домовой иначе называется *доможилъ*, *хозяинъ*, *жировикъ*, что уже прямо означаетъ привольную жизнь. Его также называютъ *отецъ*, *дѣдушка*.

Онъ — хранитель дома. Домового представляли себѣ старичкомъ, обросшимъ густою, мохнатою шерстью и мягкимъ пушкомъ. Даже ступни и ладони у него тоже покрыты волосами. По ночамъ онъ сонныхъ обитателей дома гладитъ ладонью; если она тепла и мягка — къ счастью и богатству; холодна и щетиниста—не къ добру. По ночамъ онъ душитъ соннаго, но ради шутки. Такъ точно и во дворѣ по ночамъ онъ возится, проказитъ—все только тѣшится, безъ злобы. Домовой лихъ только до чужихъ дворовъ, и большое зло дѣлаютъ только чужіе домовые.

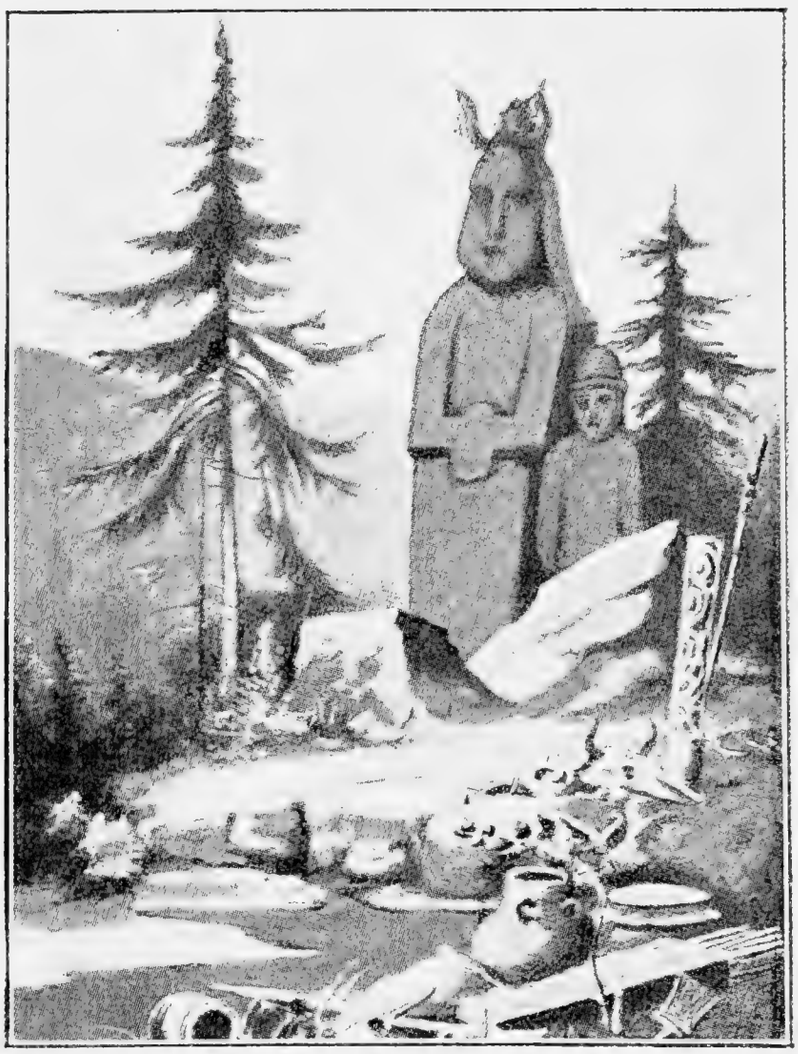
Лѣшій изображаетъ жизнь лѣса. Лѣшій осенью пропадалъ и появлялся весною: стало-быть, это не былъ лѣсъ только стоячій, деревянный, это былъ лѣсъ живой, одѣтый живою зеленью,— лѣсъ, пѣвшій весеннею птицею, рыскавшій всякимъ звѣремъ. Лѣшій былъ такъ высокъ, какъ самое высокое дерево, и такъ малъ, какъ самая малая травка. Волосы у него на головѣ и бородѣ длинные, косматые, зеленые. Онъ остроголовый, мохнатый. Онъ любитъ вѣшаться, качаться на вѣтвяхъ, какъ въ люлькѣ или въ качеляхъ. Онъ свищетъ, хохочетъ такъ, что на 40 верстъ кругомъ слышно; хлопаетъ въ ладоши, ржетъ, какъ лошадь, мычитъ, какъ корова, лаетъ собакой, мяукаетъ кошкой, плачетъ ребенкомъ, стонетъ умирающимъ, шумитъ рѣчнымъ потокомъ. Всякій лѣсной звѣрь и всякая лѣсная птица находится подъ его покровительствомъ. Лѣшій иногда заводитъ путника въ непроходимыя трущобы и болота и потѣшается надъ нимъ, перепутывая его дорожныя примѣты, станетъ передъ нимъ тѣмъ самымъ деревомъ, тѣмъ пнемъ, тою тропою, куда слѣдовало по примѣтѣ итти, и непремѣнно собьетъ съ дороги, заливаясь самымъ громкимъ хохотомъ. Иногда обращается въ волка, въ филина. Иногда въ образѣ старика, такого же путника, въ звѣриной шкурѣ, или въ образѣ мужика съ котомкою, самъ выходитъ навстрѣчу, заводитъ разговоръ, проситъ пирога, проситъ подвезти въ деревню, садится, ѣдетъ, глядь—а его ужъ нѣтъ, а путникъ съ возомъ уже въ болотѣ, въ оврагѣ или на крутомъ обрывѣ. Обошедши подобнымъ образомъ путника, онъ принимается его щекотать и можетъ защекотать насмерть. Онъ уноситъ ребятъ, которые приходятъ домой иногда черезъ нѣсколько лѣтъ.

Однако это духъ добрый и благодарный, если его задобрить жертвою. Пастухъ, начиная пасти стадо, долженъ пожертвовать ему корову, — тогда онъ самъ съ охотою пасетъ стадо. Охотники всегда приносятъ ему на поклонъ краюху хлѣба съ солью, блинъ, пирогъ и кладутъ эту жертву на пень. Другіе жертвуютъ первый уловъ птицы или звѣря и т. д. На Ерофея, 4 октября, лѣшій пропадаетъ. Въ то время онъ бѣсится, ломаетъ деревья, гоняетъ звѣрей и проваливается. Жизнь лѣса умираетъ на всю осень и на зиму.

Водяной живетъ въ омутахъ, водовертяхъ и особенно у мельницы.

Водяной — нагой старикъ съ большимъ, одутловатымъ брюхомъ и опухшимъ лицомъ — образъ утопленника. Волосы на головѣ и бородѣ длинные, зеленые. Онъ является иногда весь въ тинѣ, въ высокой шапкѣ изъ водорослей, подпоясанъ поясомъ, также изъ травы. Всякая водяная трава — это его одежда, его

кожа. Но онъ является иногда и въ образѣ обыкновеннаго смертнаго мужика. Тогда его легко узнать: полы его платья всегда мокры; съ лѣвой полы всегда каплетъ вода; гдѣ сядетъ—то мѣсто всегда оказывается мокрымъ. Въ омутахъ онъ живетъ богато: у него есть каменныя палаты, стада лошадей, коровъ, овецъ, свиней (утонувшихъ). Женится онъ на русалкѣ (утопленницѣ). Онъ можетъ загонять въ рыболовныя сѣти множество рыбы. Ѣздитъ онъ на сомѣ и очень его жалуетъ. Днемъ водяной сидитъ въ глубинѣ омута. Съ закатомъ солнца начинается его жизнь; тогда и купаться очень опасно и даже дома опасно ночью пить воду — можно схватить болѣзнь водянку. Въ лунныя ночи онъ хлопаетъ по водѣ ладонью. Вдругъ гдѣ завертится и заклубится и запѣнится вода — это водяной. Онъ бодрствуетъ только лѣтомъ, а зимою спитъ. Онъ просыпается отъ зимней спячки на Никитинъ день—3 апрѣля. Ломится и претъ по руслу весенній ледъ, бурлитъ и волнуется рѣка — значитъ просыпается дѣдушка водяной, рѣка оживаетъ. Тогда приносятъ ему въ жертву лошадь, и онъ успокоивается. Рыбаки возливаютъ ему масло, мясники приносятъ черную откормленную свинью. На прощанье, когда жизнь рѣки приходила къ концу, водяному приносили въ жертву гуся.



Идольское мольбище.

Какъ въ домѣ—домовой, въ лѣсу—лѣшій, въ водѣ—водяной, такъ и въ нивѣ живетъ ея живой духъ, дѣдъ полевой, или полевикъ, ростомъ равный высотѣ хлѣба, а послѣ жатвы — каждому оставшемуся срѣзанному стеблю.

Курганъ.

Въ степи, на равнинѣ открытой,
Курганъ одинокій стоитъ.
Подъ нимъ богатырь знаменитый
Въ минувшіе вѣки зарытъ.

Въ честь витязя тризну свершали:
Дружина дралася три дня;
Жрецы ему разомъ заклали
Всѣхъ женъ и любимца коня.

Когда же его схоронили,
И шумъ на могилѣ затихъ,
Пѣвцы ему славу сулили,
На гусляхъ гремя золотыхъ:

«О, витязь, дѣлами твоими
Гордится великій народъ!
Твое громоносное имя
Столѣтія всѣ перейдетъ!

И если курганъ твой высокій
Сравнялся бы съ полемъ пустымъ,
То слава, разлившись далеко,
Была бы курганомъ твоимъ!»

И вотъ миновалися годы,
Столѣтія вслѣдъ протекли,
Народы смѣнили народы,
Лицо измѣнилось земли;

Курганъ же съ высокой главою,
Гдѣ витязь могучій зарытъ,
Еще не сравнялся съ землею,
Попрежнему гордо стоитъ!

А витязя славное имя
До нашихъ временъ не дошло.
Кто былъ онъ? Вѣнцами какими
Свое онъ украсилъ чело?

Чью кровь проливалъ онъ рѣкою?
Какіе онъ жегъ города?
И смертью погибъ онъ какою?
И въ землю опущенъ когда?

Безмолвенъ курганъ одинокій,
Наѣздникъ державный забытъ,
И тризны въ пустынѣ широкой
Никто ужъ ему не свершитъ.

Лишь мимо кургана мелькаетъ
Сайгакъ [1]), черезъ поле скача,
Иль вдругъ на него налетаетъ,
Крылами треща, саранча.

Порой журавлиная стая,
Окончивъ подоблачный путь,
Къ кургану шумитъ подлетая,
Садится на немъ отдохнуть;

А слезы пролютъ развѣ тучи,
Надъ степью плывя въ небесахъ,
Да вѣтеръ лишь свѣтъ летучій
Съ кургана забытаго прахъ.

Первые князья.

Вотъ откуда пошла русская земля по разсказу стараго лѣтописца,—разсказу, въ которомъ многое передано по баснословнымъ преданіямъ. Варяги, пришельцы изъ-за моря, наложили дань на

---

[1]) *Сайгакъ*, или *сайга*—двукопытное животное одного вида съ козломъ.

новгородскихъ славянъ, кривичей и на сосѣднихъ имъ финновъ. Славяне скоро изгнали варяговъ и стали управлять сами собою, жить по своей волѣ; только не было въ нихъ правды; родъ всталъ на родъ, началась усобица, пошли они другъ на друга войною. Наконецъ, не зная, какъ устроить порядокъ, сказали они: «Поищемъ себѣ князя: пусть онъ владѣетъ нами и судитъ по праву». Какъ порѣшили, такъ и сдѣлали: послали за море къ одному племени варяговъ, которое называлось *Русью*. Этой Руси они сказали: «Земля наша велика и обильна, а наряда (порядка) въ ней нѣтъ; пойдите княжить и владѣть нами». Цѣлое племя Русь собралось въ походъ подъ управленіемъ трехъ братьевъ: старшій, Рюрикъ, сѣлъ въ Новгородѣ. Отъ нихъ-то и прозвалась *Русская* земля, а прежде новгородцы назывались славянами. Это случилось, по разсказу лѣтописца, въ 862 году по Рождествѣ Христовомъ. Два года спустя Рюрикъ сталъ одинъ владѣть землею; онъ роздалъ своимъ людямъ города: кому Полоцкъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро. Два брата, не изъ рода Рюрикова, Аскольдъ и Диръ, выпросились у него итти со своимъ родомъ къ Царьграду. Они поѣхали по Днѣпру, увидали на горѣ городокъ и спросили: «Чей это городъ?» Жители отвѣчали: «Было у насъ три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ: они вотъ и построили этотъ городъ, да умерли, а мы теперь платимъ дань хозарамъ». Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, созвали къ себѣ множество варяговъ и стали управлять полянами.

Когда умеръ Рюрикъ, то сынъ его Игорь былъ еще очень малъ и княжить сталъ Олегъ, родственникъ Рюрика.

Вѣщій Олегъ.

Олегъ былъ очень воинственный князь; онъ задумалъ овладѣть всѣмъ теченіемъ Днѣпра, забравъ въ свои руки водный путь въ богатую Грецію.

Для такого дѣла одной княжеской дружины было мало. Набралъ Олегъ большую рать изъ ильменскихъ славянъ, подчиненныхъ ему кривичей и финновъ и пустился внизъ по Днѣпру. Прежде всего онъ овладѣлъ Смоленскомъ, городомъ тѣхъ кривичей, которые еще не были ему подвластны, и посадилъ въ немъ своего мужа (воеводу—правителя), потомъ занялъ Любечъ (городъ сѣверянъ) и тоже оставилъ въ немъ свой отрядъ.

Подплывая къ Кіеву, Олегъ велѣлъ своимъ воинамъ спрятаться въ лодкахъ, другихъ оставилъ позади, а самъ послалъ сказать Аскольду и Диру: «Мы—купцы, идемъ въ Грецію отъ Олега и Игоря-княжича; приходите повидаться съ нами». Вре-

мена были тогда простыя; всякому гостю были рады. Аскольдъ и Диръ, не подозрѣвая хитрости, пришли. Тогда по знаку Олега воины выскочили изъ лодокъ и окружили кіевскихъ князей, а Олегъ сказалъ имъ: «Вы не князья и не княжескаго роду, а я одного рода съ княземъ. А вотъ сынъ Рюриковъ», прибавилъ онъ, указывая на Игоря, и велѣлъ убить Аскольда и Дира. Ихъ погребли на горахъ кіевскихъ, и доселѣ одна изъ нихъ называется Аскольдовой могилой. Полюбился Олегу Кіевъ; сѣлъ онъ въ Кіевѣ и назвалъ его «матерью городовъ русскихъ». И сталъ съ этихъ поръ Кіевъ главнымъ русскимъ городомъ. Покорилъ Олегъ подъ свою власть древлянъ, сѣверянъ и радимичей и началъ снаряжаться въ походъ на Византію (Константинополь). Собралъ большую силу; однѣхъ лодокъ было до 2.000, а каждая лодка поднимала 40 человѣкъ. Двинулась русская рать на коняхъ и въ лодкахъ, и во второй разъ явились руссы подъ стѣнами Константинополя. Греки замкнули гавань и затворили городъ. Олегъ велѣлъ вытащить лодки на берегъ и сталъ опустошать городскія окрестности: русскіе разоряли дома, жгли церкви, перебили множество грековъ. Греки, видя все это, испугались и выслали изъ города сказать Олегу: «Возьми дани, сколько хочешь, только не губи города». Олегъ потребовалъ съ грековъ большой окупъ, по 12 гривенъ (фунтовъ) серебра на человѣка; потомъ немного сбавилъ, но все-таки взялъ съ грековъ большую дань, разсчитанную даже на оставшихся дома по городамъ дружинниковъ. Кромѣ того, Олегъ вытребовалъ у грековъ разныя льготы для русскихъ купцовъ и съ богатою добычею воротился въ Кіевъ. Всѣ дивились необычайной удачѣ походовъ Олега, его уму и хитрости и прозвали его «вѣщимъ», т.-е. чародѣемъ. Черезъ шесть лѣтъ послѣ похода на Византію Олегъ умеръ.

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ отмстить неразумнымъ хозарамъ: ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ, обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ. Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ, князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ. Изъ темнаго лѣсу навстрѣчу ему идетъ вдохновенный кудесникъ, покорный Перуну старикъ одному, завѣтовъ грядущаго вѣстникъ, въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ. И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.—«Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ, что сбудется въ жизни со мною? И скоро ль на радость сосѣдей-враговъ могильной засыплюсь землею? Открой мнѣ всю правду, не бойся меня: въ награду любого возьмешь ты коня».—«Волхвы не боятся

могучихъ владыкъ, а княжескій даръ имъ не нуженъ; правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ и съ волей небесною друженъ. Грядущіе годы таятся во мглѣ, но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ. Запомни же нынѣ ты слово мое: воителю слава—отрада; побѣдой прославлено имя твое, твой щитъ на вратахъ Цареграда; и волны и суша покорны тебѣ; завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ. И синяго моря обманчивый валъ въ часы роковой непогоды, и пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ щадятъ побѣдителя годы... Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ—незримый хранитель могучему данъ. Твой конь не боится опасныхъ трудовъ; онъ, чуя господскую волю, то смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ, то мчится по бранному полю; и холодъ и сѣча ему ничего, но примешь ты смерть отъ коня своего». Олегъ усмѣхнулся, однако чело и взоръ омрачилися думой. Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло, съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый, и вѣрнаго друга прощальной рукой и гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой. «Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга, разстаться настало намъ время; теперь отдыхай: ужъ не ступитъ нога въ твое позлащенное стремя. Прощай, утѣшайся, да помни меня. Вы, отроки, други, возьмите коня, покройте попоной, мохнатымъ ковромъ, въ мой лугъ подъ уздцы отведите, купайте, кормите отборнымъ зерномъ, водой ключевою поите». И отроки тотчасъ съ конемъ отошли, а князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ при звонѣ веселомъ стакана, и кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ надъ славной главою кургана... Они поминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они. «А гдѣ мой товарищъ,—промолвилъ Олегъ,—скажите, гдѣ конь мой ретивый? Здоровъ ли? Все такъ же ль легокъ его бѣгъ? Все такъ же ль онъ бурный, игривый?» И внемлетъ отвѣту: «На холмѣ крутомъ давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ». Могучій Олегъ головою поникъ и думаетъ: «Что же гаданье? Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ! Презрѣть бы твое предсказанье: мой конь и донынѣ носилъ бы меня!» И хочетъ увидѣть онъ кости коня. Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора, съ нимъ Игорь и старые гости, и видятъ—на холмѣ, у брега Днѣпра, лежатъ благородныя кости; ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль, и вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль. Князь тихо на черепъ коня наступилъ и молвилъ: «Спи, другъ одинокій! Твой старый хозяинъ тебя пережилъ: на тризнѣ, уже недалекой, не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь и жаркою кровью мой прахъ напоишь! Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя! Мнѣ смертію кость угрожала!» Изъ мертвой главы гробовая змѣя, шипя между тѣмъ выползала; какъ черная лента, вкругъ ногъ

обвилась — и вскрикнулъ внезапно ужаленный князь. Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ на тризнѣ плачевной Олега; князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ; дружина пируетъ у брега; бойцы поминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Игорь, сынъ Рюрика.

Ходилъ и Игорь на Византію, да не такъ счастливо, какъ Олегъ. Собрались греки съ силами, окружили русскихъ и послѣ злой сѣчи одолѣли ихъ. Русскіе сѣли ночью въ лодки и отплыли, но на дорогѣ встрѣтилъ ихъ греческій воевода съ флотомъ и началъ пускать на русскія лодки небывалый огонь, который и въ водѣ горитъ; падетъ такой огонь на ладью—нѣтъ ей спасенія, мигомъ охватитъ. Ужасъ овладѣлъ всѣми; все пустилось въ бѣгство; иные бросались изъ лодокъ въ море и тонули. Немногіе вернулись изъ этого похода въ Кіевъ. Дома они такъ объясняли свою неудачу: «У грековъ въ рукахъ точно молнія небесная, которую они пускали на насъ и жгли насъ; оттого мы и не одолѣли ихъ».

Русскіе князья совершали свои походы обыкновенно лѣтомъ, а зимою объѣзжали подвластныя имъ племена, творили между ними судъ и расправу, собирали дань, совершали такъ называемое «полюдіе».

Подъ старость Игорь пересталъ самъ ходить на полюдіе, поручилъ онъ сборъ дани своему воеводѣ Свѣнельду. Это невыгодно было для остальной дружины, и стала она роптать: «Отроки (младшая дружина) Свѣнельда разбогатѣли оружіемъ и платьемъ, а мы наги; пойди, князь, съ нами за данью, и ты добудешь и мы». Послушался Игорь дружины, пошелъ въ землю древлянъ. Собравъ дань, уже повернули домой, да подумалъ князь, что можно собрать еще, и сказалъ дружинѣ: «Ступайте домой, а я похожу еще». Съ немногими людьми возвратился онъ въ землю древлянъ. Эти, услыхавъ, что Игорь опять идетъ къ нимъ, поднялись, собрались на вѣче съ княземъ своимъ Маломъ и толковали: «Когда повадится волкъ ходить въ стадо овецъ, то все стадо перетаскаетъ,—такъ этотъ Игорь, если не убьемъ его, всѣхъ насъ погугубитъ». И дѣйствительно, когда Игорь сталъ снова собирать дань, древляне вышли изъ города Искоростеня и убили его.

Ольга правительница.

Убивши Игоря, древляне сказали: «Вотъ мы убили князя русскаго; возьмемъ же и жену его Ольгу за князя нашего Мала, возьмемъ и сына его, младенца Святослава, и сдѣлаемъ съ нимъ,

что хотимъ». И послали древляне двадцать лучшихъ мужей своихъ къ Ольгѣ. Тѣ въ ладьѣ спустились по Припети и Днѣпру къ Кіеву, стали подъ кіевскими горами и послали сказать княгинѣ, что пришли послы древлянскіе. Ольга призвала ихъ и спросила: что имъ нужно? Древляне отвѣчали: «Послала древлянская земля сказать тебѣ такъ: мужа де мы твоего убили за то, что онъ былъ хищенъ, какъ волкъ; наши же князья добры и хорошо управляютъ своею землею, — выйди замужъ за князя нашего Мала».—«Ваша рѣчь мнѣ нравится,—отвѣчала Ольга,—и мужа своего мнѣ уже не воскресить; я же хочу васъ почтить передъ людьми моими. Идите же теперь въ свою ладью и разлягтесь въ ней. Я пошлю за вами утромъ, а вы и скажите: «Не хотимъ де на коняхъ ѣхать, ни пѣшкомъ итти, а несите насъ въ ладьѣ». Древляне ушли, а Ольга велѣла выкопать большую и глубокую яму за городомъ, на дворѣ своего терема, и утромъ послала за гостями сказать имъ: «Зоветъ де васъ Ольга на честь великую». Они же отвѣчали: «Не ѣдемъ ни на волахъ, ни на коняхъ, ни пѣшкомъ не идемъ, но несите насъ въ ладьѣ».—«Что жъ дѣлать?—отвѣчали кіевляне,—приходится намъ васъ слушаться: князь нашъ убитъ, а княгиня хочетъ выйти замужъ за вашего князя», и понесли ихъ въ лодкѣ, а древлянскіе послы сидѣли и величались. Ихъ принесли на дворъ княжескій и бросили въ яму съ ладьей. «Хороша ли вамъ честь?» спросила Ольга у древлянъ, наклонившись надъ ямой, и велѣла засыпать ихъ живыхъ землею. Потомъ уже сама Ольга послала къ древлянамъ сказать: «Если вы поистинѣ хотите, чтобы я вышла замужъ за вашего князя, то пришлите за мной побольше лучшихъ людей вашихъ, чтобы мнѣ итти къ вамъ съ великою честью, а то, иначе, кіевляне меня не пустятъ». Древляне выбрали лучшихъ мужей своихъ, управлявшихъ древлянскою землею, и послали ихъ за Ольгою. Когда же пришли древлянскіе послы, то Ольга велѣла жарко вытопить баню и сказала: «Пусть сначала вымоются въ банѣ и придутъ ко мнѣ». Когда древлянскіе послы пошли въ баню, ихъ тамъ заперли, а баню зажгли. Послѣ этого послала Ольга сказать древлянамъ: «Вотъ ужъ я иду къ вамъ: наварите побольше медовъ и приготовьте пиръ тамъ, гдѣ убили мужа моего; я хочу прежде поплакаться надъ его могилой и сотворить тризну». Древляне такъ и сдѣлали. Тогда Ольга взяла небольшую дружину и налегкѣ пошла въ древлянскую землю. Поплакала надъ могилой мужа своего и стала праздновать тризну, а отрокамъ своимъ велѣла прислуживать древлянамъ. Когда же древляне спросили: «Гдѣ дружина наша, которую мы за тобою послали», то Ольга отвѣчала: «Идутъ за мною съ дружиною мужа моего». Древляне

перепились на тризнѣ,—и тогда дружина Ольгина напала на нихъ и перебила до 5.000 человѣкъ, а Ольга возвратилась въ Кіевъ.

На слѣдующій годъ Ольга собрала много войска и пошла съ сыномъ своимъ Святославомъ на древлянъ. Древляне вышли противъ нея, и когда оба полка сошлись, то Святославъ бросилъ въ древлянъ копье; копье пролетѣло между ушей лошади и ударило ей въ ноги, потому что Святославъ былъ еще дитя. Тогда воеводы сказали: «Князь уже началъ; пойдемъ, дружина, за княземъ!» Древляне были разбиты, разбѣжались и затворились по городамъ. Ольга пошла на главный древлянскій городъ, Искоростень, потому что жители этого города убили мужа ея. Простояла Ольга подъ городомъ цѣлое лѣто, но не могла взять его. Тогда послала сказать жителямъ: «До чего вы хотите досидѣться въ городѣ? Всѣ ваши города уже отдались мнѣ, взялись платить дань и спокойно пашутъ свои нивы; а вы хотите, вѣрно, вымереть голодомъ, жалѣючи дани». Древляне отвѣчали: «Рады бы мы дать тебѣ дань, но ты хочешь мстить намъ за мужа своего». Отвѣчала имъ Ольга: «Вы знаете, что я уже отомстила за мужа, и разъ, и два, и три, и отпраздновала по немъ тризну; не хочу болѣе мстить — давайте мнѣ небольшую дань, и я, помирившись съ вами, пойду домой». И спросили ее древляне: «Чего хочешь отъ насъ? Рады дать тебѣ дань и медомъ и шкурами звѣриными». Отвѣчала древлянамъ Ольга: «Не нужно мнѣ ни меду ни звѣриныхъ шкуръ; не хочу на васъ класть дани, какъ мужъ мой,—вы же теперь изнемогли въ осадѣ; а потому и прошу у васъ немногаго: дайте мнѣ по три голубя и по три воробья отъ каждаго дома». Обрадовались древляне такой легкой дани, собрали отъ каждаго двора по три голубя и по три воробья и послали къ Ольгѣ съ поклономъ. «Вотъ теперь вы покорились мнѣ и моему сыну,—сказала Ольга,—идите же въ свой городъ, а я завтра отступлю и пойду къ себѣ домой». Когда древляне ушли, Ольга раздала голубей и воробьевъ своимъ воинамъ и приказала къ хвосту каждой птицы привязать по тряпочкѣ съ сѣрой, а когда смеркнется, зажечь эти тряпочки и пустить птицъ. Все такъ и случилось, какъ разсчитывала Ольга: голуби воротились въ свои голубятни, воробьи забились подъ свои стрѣхи, и разомъ загорѣлись всѣ дома въ городѣ, такъ что невозможно было тушить. Побѣжали всѣ люди изъ города, а Ольга велѣла убивать ихъ, или брать въ плѣнъ и обращать въ рабовъ. Потомъ пошла Ольга по всей древлянской землѣ и наложила на нее тяжелую дань. Такъ мстила язычница Ольга, по языческимъ обычаямъ, за смерть мужа. Но съ тѣхъ поръ княжила она въ Кіевѣ спокойно и мудро.

Въ это время, вѣроятно, узнала Ольга христіанскую религію. Еще со времени Аскольда и Дира въ Кіевѣ были уже христіане. Ольгѣ было уже болѣе 60 лѣтъ, когда она въ 955 году отправилась въ Грецію, въ Царьградъ, и приняла тамъ христіанство. Патріархъ крестилъ ее и далъ ей имя Елены, а царь греческій былъ крестнымъ отцомъ. Возвратившись въ Кіевъ, Ольга думала преклонить и сына своего Святослава принять христіанство. «Я познала истиннаго Бога, сынъ мой,—говорила она ему,—и радуюсь; узнай и ты, и будешь радоваться». Святославъ же отвѣчалъ: «Какъ мнѣ одному принять новую вѣру? Дружина станетъ смѣяться надо мной!»

Церковь причислила княгиню Ольгу къ лику святыхъ.

Лансере. Святославъ.

Святославъ.

Душа Святослава не лежала къ христіанской вѣрѣ. Онъ былъ истинный язычникъ — грубый, воинственный и жестокій. Онъ былъ средняго роста, съ широкой грудью. Всѣ волосы на

головѣ были выстрижены, только одинъ клокъ висѣлъ въ родѣ косички, какъ у запорожцевъ. Подъ плоскимъ носомъ висѣли длинные усы. Видъ голубыхъ глазъ былъ мраченъ и строгъ.

Когда Святославъ выросъ и возмужалъ, то сталъ набирать себѣ дружину изъ храбрыхъ воиновъ и воевать съ ней. Въ походъ съ собой Святославъ не бралъ ничего—ни обоза, ни котловъ, ни шатровъ. Спалъ на землѣ, подложивши конскій потникъ да сѣдло подъ голову. Ѣлъ сырое мясо, слегка поджаренное на угляхъ. Когда шелъ въ походъ, то прямо говорилъ своимъ врагамъ: «Иду на васъ».

Нападалъ на враговъ Святославъ быстро и также быстро уходилъ. Въ походѣ его обыкновенно сопровождала небольшая дружина отборныхъ и преданныхъ воиновъ. Съ такой дружиной Святославъ заставилъ вятичей платить себѣ дань и разорилъ хазарское царство.

Про его подвиги прослышалъ даже греческій императоръ Никифоръ и позвалъ его помочь отразить дунайскихъ болгаръ. Святославъ охотно откликнулся на зовъ Никифора, отразилъ болгаръ и даже остался жить въ ихъ столицѣ Переяславцѣ съ своей дружиной.

Пѣснь Баяна.

Русскій князь былъ приглашенъ греческимъ императоромъ къ нападенію на болгаръ, но, когда Святославъ слишкомъ загостился въ завоеванной землѣ, то Цимисхій пошелъ выгонять его.

О ночь, о ночь! лети стрѣлой.
Несносенъ отдыхъ Святославу:
Онъ жаждетъ битвы роковой...
О ночь, о ночь! лети стрѣлой.
Несносенъ отдыхъ Святославу.
Цимисхій, крѣпокъ ли твой щитъ?
Не тонки ль кованыя латы?
Нашъ князь убійственно разитъ...
Цимисхій, крѣпокъ ли твой щитъ?
Не тонки ль кованныя латы?
Дружинѣ борзыхъ дай коней,
Не то мечи ее нагонятъ,
И не ускачетъ отъ мечей...
Дружинѣ борзыхъ дай коней,
Не то мечи ее нагонятъ.
Ты рать обширную привелъ;
Немного насъ, но мы—славяне:
Ударъ нашъ мѣтокъ и тяжелъ...
Ты рать обширную привелъ:
Немного насъ, но мы—славяне.
О ночь, о ночь! лети стрѣлой.
Поля, откройтесь для побѣды,
Проснися, ужасъ боевой...
О ночь, о ночь! лети стрѣлой.
Поля, откройтесь для побѣды.

Князь Владимиръ и крещеніе Руси.

По смерти Святослава въ Кіевѣ княжилъ его сынъ Владимиръ. Однажды Владимиръ возвратился въ Кіевъ изъ удачнаго похода и сталъ приносить жертву языческимъ богамъ. Стоявшіе кругомъ бояре сказали: «Кинемъ жребій на отроковъ и дѣвицъ: на кого падетъ, того принесемъ въ жертву богамъ». Въ Кіевѣ въ то время жилъ одинъ варягъ-христіанинъ. У него былъ сынъ; случилось такъ, что жребій палъ на сына этого варяга, и посланные отъ народа пришли къ нему за сыномъ. «Твоего сына угодно взять богамъ», сказали они ему. Варягъ возмутился. «У васъ не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніютъ, ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ, но сдѣланы руками человѣческими изъ дерева. А Богъ одинъ,—Которому служатъ и кланяются греки». Посланные вернулись къ народу и разсказали. Разсерженный народъ бросился съ оружіемъ въ рукахъ къ дому варяга и разломалъ заборъ. «Дай сына своего богамъ!» кричали въ толпѣ. «Если они боги,—сказалъ имъ въ отвѣтъ варягъ,—пусть пошлютъ кого-нибудь изъ боговъ за моимъ сыномъ». Разъяренная дерзкимъ отвѣтомъ толпа набросилась на варяга, убила его съ сыномъ, а домъ разнесла въ щепки. Этотъ случай былъ толчкомъ къ принятію христіанства...

Мужественная и мученическая смерть христіанъ-варяговъ многихъ поразила и смутила. Варягъ назвалъ языческихъ боговъ *деревянными*. «Что же это за богъ, когда его можно сдѣлать и самому же сломать его?» Такъ стали думать въ народѣ. Къ тому же въ Кіевѣ были уже христіане; они уговаривали язычниковъ принять христіанство.

Задумался надъ языческой вѣрой и самъ князь Владимиръ: не правы ли христіане, не перемѣнить ли вѣру? И Владимиръ крестился въ православную вѣру, а потомъ, черезъ два года, крестилъ и весь русскій народъ.

Черезъ два года послѣ своего крещенія случилось Владимиру воевать съ греками. Онъ подступилъ къ городу *Корсуню* (въ нынѣшнемъ Крыму), обложилъ его и послалъ сказать затворившимся горожанамъ:

— Если не сдадитесь, то три года простою у вашего города.

Корсунцы, однако, не сдавались. Тогда Владимиръ велѣлъ дѣлать насыпь кругомъ города. Видя это, корсунцы пошли на хитрость: они сдѣлали подкопъ подъ городской стѣной и ночью сносили въ городъ всю землю съ насыпи. На счастье Владимира,

среди корсунцевъ нашелся измѣнникъ. Одинъ корсунянинъ, по имени *Анастасъ*, бросилъ въ русскій станъ стрѣлу, а на стрѣлѣ было написано: «Перекопай колодецъ, который отъ тебя къ востоку: изъ него по трубѣ вода идетъ въ городъ». Владимиръ тотчасъ же велѣлъ перекопать колодецъ, вода перестала течь въ городъ, и осажденные, изнемогая отъ жажды, сдались. Взявъ Корсунь, Владимиръ послалъ къ греческимъ царямъ *Василію* и *Константину* пословъ требовать руки ихъ сестры.

В. Васнецовъ. Крещеніе Кіевлянъ.

— Я взялъ вашъ славный городъ,—велѣлъ онъ сказать,— слышалъ я, что у васъ сестра дѣва; если не отдадите ее за меня, такъ же сдѣлаю и съ Царьградомъ.

Цари согласились и уговорили сестру выйти замужъ за Владимира.

Анна долго отказывалась, но, наконецъ, уступила просьбѣ братьевъ.

Со слезами на глазахъ сѣла она въ судно и, простившись съ родными, поплыла моремъ въ Корсунь. Въ Корсуни ее встрѣтили съ большимъ почетомъ

Съ царевной Анной пріѣхали сановники и священники. Корсунскій епископъ обвѣнчалъ Владимира съ Анной.

Послѣ совершенія брака Владимиръ возвратился въ Кіевъ. Съ нимъ поѣхали корсунскіе священники съ иконами и церковными сосудами, чтобы крестить русскій народъ.

Возвратясь изъ Греціи въ Кіевъ, Владимиръ велѣлъ истреблять идоловъ. Главнаго идола, бога Перуна, привязали къ хвосту лошади и волокли черезъ весь городъ, ударяя палками. Дотащивъ до берега Днѣпра, сбросили его въ рѣку и надругались надъ нимъ... Не всѣ, однако, легко разстались съ языческими богами. Многіе горько плакали, видя поруганіе язычества, защищали своихъ боговъ, наконецъ иные бѣжали въ лѣса и оставались тамъ, не желая принимать новой вѣры.

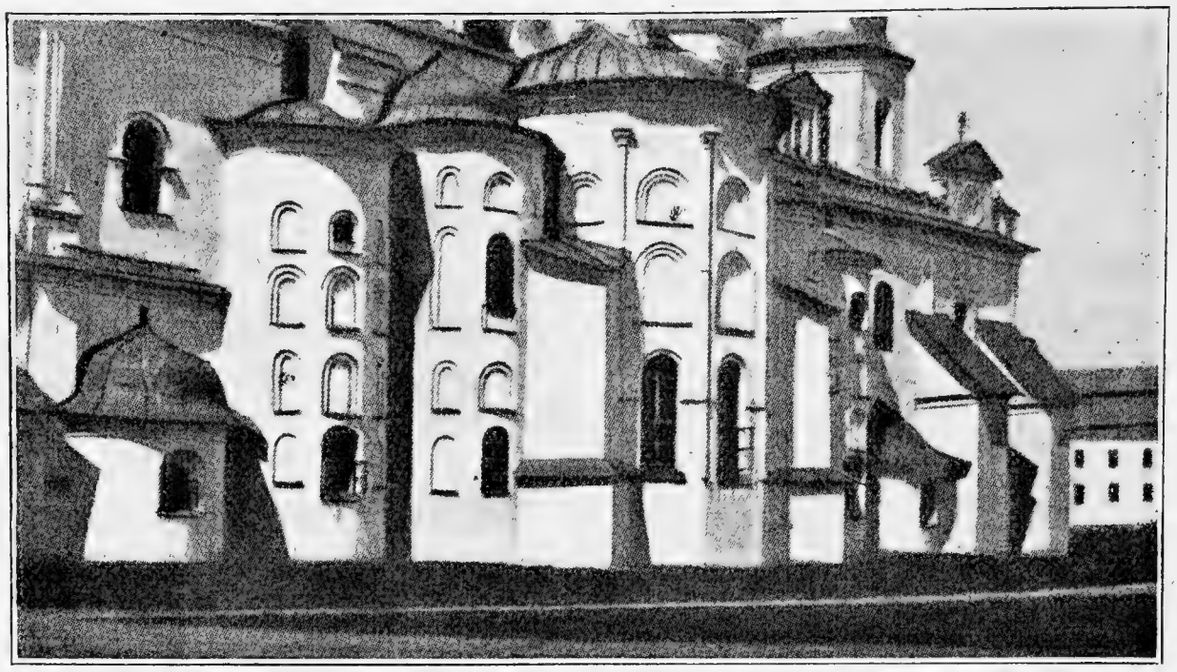
Истребивъ идоловъ, Владимиръ сталъ крестить народъ. Поначалу крестили добровольно, и многіе съ радостью шли принять новую вѣру. Потомъ, видя, что многіе упорствуютъ, Владимиръ приказалъ всѣмъ некрещеннымъ собраться къ рѣкѣ.

— Кто не придетъ къ рѣкѣ,— объявляли княжескіе вѣстники,— богатый или бѣдный, работникъ или нищій, тотъ будетъ противникомъ князю.

Послѣ этого народъ толпами сталъ собираться къ рѣкѣ. Когда же пришелъ Владимиръ со священниками, народъ вошелъ въ воду; кто стоялъ до шеи, кто до груди; дѣти стояли у берега, другіе держали грудныхъ дѣтей. Священники стояли на берегу и читали молитвы. Такъ крестились кіевляне. *Это было въ 988 году.*

Кіевъ.

Высоко предо мною—
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ·
Днѣпръ сверкаетъ подъ горок
Переливнымъ серебромъ...
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель.
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный
Руси чистая купель!
Громко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?
— Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей.



Софійскій соборъ въ Кіевѣ (1036 г.).

— Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей.
— Я отъ Ладоги холодной.
— Я отъ синихъ волнъ Невы.
— Я отъ Камы многоводной.
— Я отъ матушки Москвы.
Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ!..
Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго востокъ!.

Борьба Владимира со степью.

Владиміръ не похожъ былъ на своего отца Святослава. Тому только бы воевать да добывать себѣ богатствъ, а до Руси мало было дѣла. Онъ даже уѣхалъ изъ Руси и остался жить въ Болгаріи. Отъ этого подвластныя русскому князю племена, видя, что князь уѣхалъ изъ Руси, отпали и перестали платить дань. Эти племена были *радимичи* и *вятичи*. Владиміръ тотчасъ же, какъ утвердился въ Кіевѣ, пошелъ на радимичей и вятичей и заставилъ ихъ опять платить дань.

Но главными врагами Владимира и Руси были не вятичи и радимичи, а дикіе кочевники. Они издавна приходили изъ степей на Русь, жгли села и города, грабили и убивали населеніе, и уже первые князья русскіе вели съ ними постоянную борьбу. Въ борьбѣ съ ними (печенѣгами) палъ отецъ Владимировъ Святославъ. Нужно было защитить отъ нихъ Русь. И вотъ Владимиръ идетъ на кочевниковъ и прогоняетъ ихъ въ степь. Но мало было прогнать кочевниковъ въ степь; сегодня прогналъ ихъ въ степь, а завтра они опять пришли. Надо было отъ нихъ обороняться укрѣпленіями, и Владимиръ это хорошо понималъ.

— Худо, что мало городовъ около Кіева, — говорилъ онъ.

Потому онъ сталъ строить города по рѣкамъ. Такъ мало-помалу по южной границѣ Руси вытянулся цѣлый рядъ новыхъ городовъ и прикрылъ отъ кочевниковъ мать русскихъ городовъ— Кіевъ.

Въ новыхъ городахъ Владимиръ поселилъ воинственное населеніе. Онъ нарочно подбиралъ удальцовъ и храбрецовъ, чтобы они могли всегда отразить кочевниковъ.

И. Билибинъ. Пѣснь Баяна.

Богатыри на заставѣ.

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цыцарскіихъ,
Стояла застава богатырская;
На заставѣ атаманомъ былъ Илья Муромецъ,
Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ;
Ясаулъ—Алеша, поповскій сынъ.
Всѣ были братцы въ разъѣздьицѣ:
Алеша Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ-градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,

Спалъ въ бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ къ синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотою за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископыть великую.
Учалъ онъ ископыть досматривать:
«Еще что же то за богатырь ѣдетъ?»
А и ѣхалъ-то изъ земли изъ жидовскія,
Ѣхалъ Жидовинъ могучъ богатырь,
На эти степи Цыцарскія.
Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ-градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
«Ой вы гой еси, братцы, ребятушки!
Что на заставушкѣ углядѣли?
Мы что на заставушкѣ устояли?
Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ».
Собирались тутъ всѣ во единъ кругъ,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
Положились на Алешу на Поповича:
Алешѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить Жидовина изъ туга лука.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ-атаманъ, сынъ Ивановичъ:
«Неладно, ребятушки, удумали:
У Алеши глаза завидущіе,
У Алеши руки загребущія;
Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
Много злата, много серебра,
Злату-серебру Алеша позавидуетъ,
Погинетъ Алеша понапрасному».
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить Жидовина изъ туга лука,
По-плечь отсѣчь буйну голову.
Добрыня того не отпирается;
Уздаетъ онъ коня богатырскаго,
Сѣдлаетъ въ сѣделышко черкасское,
Въ торокà вяжетъ палицу боевую,

В. М. Васнецовъ. Богатыри.

На бедры беретъ саолю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую.
Выѣзжаетъ на гору Сорочинскую,
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на полѣ чернизину,
Жидовина богатыря могучаго.
Закричалъ Добрыня зычнымъ голосомъ:
— Воръ, собака, нахвальщина!
Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?
Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
Подъ-атаману Добрынѣ Никитичу?
Ясаулу Алешѣ Поповичу?
Учу́лъ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ онъ своего добра коня,
Попущалъ на Добрыню Никитича:
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ,
Самъ Добрыня-младъ Богу молится:
«Унеси, Господи, отъ нахвальщика!»
Подъ Добрыней конь скоро справился,
Уѣхалъ на заставу богатырскую.
Говоритъ Илья Муромецъ:
«Видно не кѣмъ мнѣ замѣнитися,
Ѣхать, знать, самому атаманушкѣ!»
Онъ уздаетъ коня богатырскаго,
Сѣдлаетъ въ сѣделышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую—
Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ,—
На бедры беретъ саблю вострую,
Во руки беретъ плеть шелковую,
Выѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
Увидѣлъ на полѣ чернизину,
Жидовина богатыря могучаго.
Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голосомъ.
«Воръ, собака, нахвальщина!
Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?
Мнѣ, атаману Ильѣ Муромцу, челомъ не бьешь?
Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
Ясаулу Алешѣ Поповичу?»
Услышалъ воръ-нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ Жидовинъ добра коня,

И. Билибинъ.

Попущалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ да не ударился,
Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ.
Впервые палицами ударились—
У палицъ цѣвья отломалися.
Саблями вострыми ударились—
Востры сабли приломилися,
Другъ дружку не ранили.
Бились, дрались рукопашнымъ боемъ,
Бились, дрались день до вечера,
Съ вечера бьются до полуночи,
Съ полуночи бьются до бѣла свѣта.
Махнетъ Илья рукою правою,
Поскользнулась у Ильи ножка лѣвая;
Палъ Илья на сыру землю.
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
Вынималъ кинжалище булатное,
Хочетъ вспороть Ильѣ груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По-плечь отсѣчь буйну голову.
Да на бою-то смерть Ильѣ не написана;
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщику въ бѣлы груди,

Вышибалъ его̀ выше дерева стоячаго
Чуть пониже облака ходячаго;
Палъ Жидовинъ да о сыру-землю,
Въ сыру землю ушелъ дѡ̀-поясъ.
Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
Недосугъ было много спрашивать,
Скоро споролъ груди бѣлыя,
Скоро затмилъ очи ясныя,
По-плечь отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую,
Самъ говорилъ товарищамъ таково слово.
«Ѣздилъ вѡ̀ полѣ тридцать лѣтъ
Экого чуда не наѣзживалъ!»

Ярославъ и его братья.

Владимиръ умеръ; его тѣло завернули въ коверъ и, проломавши полъ, спустили на веревкахъ (таковъ былъ погребальный обрядъ), затѣмъ положили на сани и свезли въ церковь Богородицы, имъ построенную. Собралось безъ числа народу; плакали о немъ и бояре и убогіе, какъ о своемъ защитникѣ и кормильцѣ; съ плачемъ схоронили его въ мраморномъ гробу. По смерти его не долго княжилъ въ Кіевѣ старшій сынъ его, Святополкъ, прозванный Окаяннымъ за то, что коварно убилъ трехъ братьевъ. Одинъ изъ нихъ, Борисъ, только что возвратился изъ похода противъ печенѣговъ. Узнавъ о смерти отца, онъ горько о немъ плакалъ, потому что отецъ любилъ его больше всѣхъ. Дружина совѣтовала ему завладѣть отцовскимъ престоломъ; онъ отвѣчалъ: «Не могу поднять руки на старшаго брата: онъ мнѣ вмѣсто отца». Услышавъ это, войско разошлось, и Борисъ остался только со своими слугами. Святополкъ лицемѣрно выказывалъ свою любовь къ брату, а между тѣмъ подослалъ къ нему убійцъ. Посланные пришли ночью къ его палаткѣ и услышали, что онъ молится: какъ дикіе звѣри, они напали на шатеръ, просунули туда копья и закололи Бориса; вѣрный слуга его, Георгій, также исколотый копьями, упалъ на тѣло господина. Борисъ очень любилъ Георгія и возложилъ на него большую золотую гривну (ожерелье). Убійцы второпяхъ не могли снять этой гривны съ шеи и, чтобы скорѣе овладѣть ею, отрубили ему голову. Точно такъ же убиты были братья Бориса,—Глѣбъ и потомъ Святославъ. Святополкъ думалъ ужъ одинъ княжить въ Кіевѣ, но въ Новгородѣ оста-

вался еще братъ, Ярославъ, и въ Тмутаракани—Мстиславъ. Ярославъ собралъ войско и пошелъ на Святополка, сказавъ: «Не я началъ убивать братьевъ, а онъ; пусть Богъ накажетъ его за пролитую имъ праведную кровь Бориса и Глѣба... Ждать мнѣ, что ли, когда и со мной онъ то же сдѣлаетъ?»... Святополкъ выступилъ также съ очень большимъ войскомъ.

Едва взошло солнце, враги ударили другъ на друга; началась сѣча, какой до того не бывало на Руси. Къ вечеру одолѣлъ Ярославъ, а Святополкъ бѣжалъ. Бѣжалъ онъ больной, такъ ослабѣвъ, что не могъ сидѣть. Его несли на носилкахъ и уходили съ нимъ все дальше, а онъ говорилъ въ бреду: «Бѣгите со мною, бѣгите, за нами гонятся». Дружина посылала не разъ узнавать, не гонится ли кто-нибудь. Но не было и слѣдовъ непріятеля. Такъ бѣжали съ нимъ, а онъ лежалъ въ безпамятствѣ; вдругъ на минуту очнется и вскрикнетъ: «Ой, гонятся, — бѣгите!» Невыносимо было ему оставаться на одномъ мѣстѣ; онъ пробѣжалъ всю польскую землю, достигъ пустыни между ляхами и чехами и тутъ испустилъ духъ свой. Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ.

Ярославъ Мудрый.

Въ то время, какъ Ярославъ боролся со Святополкомъ, братъ его, Мстиславъ, спокойно княжилъ въ Тмутаракани, между Азовскимъ и Чернымъ морями. Въ 1022 году онъ пошелъ на сосѣдній народъ, косоговъ. Косожскій князь Редедя выступилъ противъ него; два войска стали другъ противъ друга. Редедя сказалъ Мстиславу: «Зачѣмъ намъ губить свою дружину? Сойдемся-ка сами побороться; если ты одолѣешь, то возьми мое имѣнье и жену, и дѣтей, и землю, а одолѣю я, такъ возьму все твое».

Мстиславъ отвѣчалъ: «Изволь. Да не оружьемъ будемъ биться, а борьбою». Тогда оба крѣпко схватились и долго боролись между собою. Мстиславъ уже началъ изнемогать, потому что Редедя былъ великъ и силенъ. Въ отчаяніи онъ воскликнулъ: «Пречистая Богородица! помоги мнѣ; если поборю его, то построю церковь во имя твое», собралъ всѣ свои силы и ударилъ Редедю о землю; потомъ вынулъ ножъ и закололъ его. Онъ пошелъ въ его землю, взялъ все его имѣнье, жену и дѣтей и возложилъ дань на косоговъ. Возвратившись въ Тмутаракань, Мстиславъ построилъ церковь Богородицы. Послѣ этого онъ пошелъ на Ярослава, желая овладѣть Кіевомъ. Войска обоихъ братьевъ вступили въ бой ночью; была тьма, молнія, громъ и дождь. То была сильная, страшная сѣча, и гроза не стихала; какъ блеснетъ молнія, такъ и заблеститъ оружіе. Мстиславъ побѣдилъ, но скоро помирился съ братомъ, сказавъ Ярославу: «Садись въ своемъ Кіевѣ, — ты старшій братъ, а я буду княжить по другую сторону Днѣпра». Такъ братья и раздѣлили землю. Ярославъ княжилъ въ Кіевѣ, а Мстиславъ въ Черниговѣ. Этотъ князь былъ крѣпокъ и полонъ тѣломъ, имѣлъ красное лицо и большіе глаза, былъ храбръ на войнѣ, сильно любилъ свою дружину и не щадилъ своего добра на ея угощенье.

Ярославъ передъ смертью такъ говорилъ сыновьямъ своимъ: «Вотъ я умираю, дѣти, живите въ любви между собою: вы братья отъ одного отца и матери. Будете жить мирно и дружно между собою, то и Богъ вамъ поможетъ покорить подъ вашу руку враговъ, а ссорясь да затѣвая распри другъ съ другомъ, и сами погибнете и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую они добыли себѣ трудомъ великимъ. Живите же мирно, слушайте другъ друга. Вотъ послѣ себя я поручаю кіевскій престолъ старшему моему сыну и вашему брату, Изяславу; вы слушайтесь его, какъ бы меня самого; онъ замѣнитъ мое мѣсто. Святославу я даю Черниговъ, Всеволоду — Переяславль, Вячеславу — Смоленскъ». Такъ раздѣлилъ онъ города между своими сыновьями, завѣщая имъ не трогать братняго удѣла, и сказалъ Изяславу: «Кто обидитъ брата своего, такъ ты помогай обиженному».

Ярославъ распространялъ городъ Кіевъ, строилъ церкви и монастыри; при немъ христіанская вѣра все болѣе расширялась, и стали умножаться монахи. Ярославъ любилъ церковные уставы, священниковъ и особенно черноризцевъ (монаховъ). Онъ любилъ чтеніе и часто читалъ книги днемъ и ночью, собралъ много писцовъ; они переводили съ греческаго на славянскій языкъ и списали многія книги. Онъ собралъ много книгъ и велѣлъ положить ихъ въ построенной имъ церкви св. Софіи, которую украсилъ мра-

морными и порфировыми колоннами, мозаическими стѣнными изображеніями и живописью. Мастера, исполнявшіе мозаику, были уже не греки, а русскіе, ученики грековъ.

Судъ Божій у славянъ.

Случилось это въ глубокую старину, лѣтъ восемьсотъ тому назадъ. Въ дремучемъ лѣсу, со всѣхъ сторонъ окружавшемъ сельцо Вышгородъ, что близъ Кіева, пробирался одинокій путникъ. Это былъ средняго роста человѣкъ, лѣтъ за пятьдесятъ, широкоплечій, съ длинными усами, которые свѣшивались на бритый подбородокъ. Одѣтъ онъ былъ въ бѣлыя холщевыя порты и такую же рубаху, съ вышитой по подолу каймой. Голову прикрывала шапка изъ бѣличьяго мѣха, ноги обуты въ лапти. За поясомъ у него былъ заткнутъ топоръ, въ одной рукѣ онъ держалъ небольшое копье, а въ другой—ведерко изъ бересты.

Въ лѣсу не было примѣтно даже признаковъ дороги или тропинки. Но человѣкъ увѣренно подвигался впередъ, сворачивая то направо, то налѣво и по временамъ внимательно поглядывалъ на стволы деревьевъ. Повидимому, онъ хорошо зналъ этотъ лѣсъ и не боялся заблудиться. Нѣтъ, заблудиться ему трудно, онъ знаетъ въ лѣсу каждый бугоръ, каждую ложбинку. У него есть свои тропы, которыя онъ узнаетъ по особымъ замѣткамъ на стволахъ деревьевъ. Звали этого человѣка Мирославъ Погожичъ. Онъ родился и выросъ въ Вышгородѣ и съ пятнадцати лѣтъ занимался охотой и бортничествомъ въ окрестныхъ лѣсахъ. Кромѣ охоты, Погожичъ засѣвалъ немного земли.

Семья у него была небольшая—онъ самъ, жена да еще дочка лѣтъ тринадцати. Близкихъ родственниковъ также не было: одни померли, другіе погибли въ битвахъ съ половцами. Сегодня Погожичъ отправился въ лѣсъ къ своимъ бортямъ, чтобы принести домой меду. Онъ ужъ подходилъ къ тому мѣсту, гдѣ были его борти, какъ вдругъ услыхалъ впереди себя стукъ топора,—словно кто рубилъ дерево. Этотъ стукъ почему-то показался ему подозрительнымъ. Погожичъ прибавилъ шагу и скоро увидѣлъ, что около его бортей хозяйничаетъ какой-то человѣкъ.

Осторожно ступая и прячась за деревьями, Погожичъ подкрался къ незнакомцу и узналъ въ немъ своего односельца, Якуна Соловья. Соловей старательно стесывалъ съ бортнаго дерева знакъ, который былъ на немъ, и ставилъ новый знакъ. У древнихъ славянъ былъ обычай: кто первый нашелъ въ лѣсу борть—дуплистое дерево съ роемъ дикихъ пчелъ — и поставилъ на немъ свой знакъ, тотъ считался собственникомъ борти. Никто

другой не имѣлъ права стесывать знакъ и ставить вмѣсто него свой. Такой поступокъ приравнивался къ воровству чужого добра.

Злость взяла Погожича. Онъ вышелъ изъ-за дерева и крикнулъ:

— Это ты что же дѣлаешь?

Соловей смутился, однако, не надолго. Съ дерзкой усмѣшкой онъ отвѣтилъ:

— То, что видишь: нашелъ борть и ставлю на ней свой знакъ.

Погожичъ даже ротъ раскрылъ отъ изумленія, — такъ поразилъ его Соловей своимъ нахальствомъ; но сейчасъ же онъ съ гнѣвомъ набросился на Соловья.

— Какъ это нашелъ! — воскликнулъ онъ.—Мою борть нашелъ, злодѣй ты этакій?! Да я тебя, воръ, завтра же къ князю на судъ поволоку... Онъ тебѣ покажетъ, какъ чужія борти находить, чужіе знаки стесывать и свои ставить...

— Самъ ты злодѣй и воръ!—отвѣчалъ Соловей.—Не больно-то боюсь тебя. Уходи-ка лучше, пока цѣлъ...

Не могъ стерпѣть Погожичъ такой обиды. Онъ подскочилъ къ Соловью и хватилъ его берестянымъ ведромъ по головѣ. И тутъ же грохнулся на землю съ раскроеннымъ вискомъ: Соловей ударилъ его топоромъ наотмашь и угодилъ въ високъ.

Соловей не имѣлъ намѣренія убивать Погожича и съ ужасомъ глядѣлъ на холодѣющій трупъ. Но дѣло было сдѣлано и вернуть убитаго къ жизни нельзя. Соловей пугливо осмотрѣлся по сторонамъ, нѣтъ ли какого свидѣтеля,—никого не было видно поблизости. Тогда Соловей бросился бѣжать.

При входѣ въ деревню онъ повстрѣчалъ одного изъ своихъ сосѣдей, Богомила.

— Удачно охотился?—спросилъ Богомилъ.

— Да вотъ всего на все двѣ бѣлки попались, — отвѣчалъ Соловей, указывая на болтавшихся у пояса бѣлокъ.

Богомилъ внимательно посмотрѣлъ на Соловья и спросилъ:

— А что же это у тебя топоръ въ крови?

Соловей растерянно пробормоталъ:

— Топоръ?.. Не знаю... Должно, бѣличья кровь попала какъ-нибудь...

— Гмъ... бѣличья, говоришь?—недовѣрчиво произнесъ Богомилъ.—На бѣлокъ, чай, охотятся съ лукомъ, а не съ топоромъ.

Соловей успѣлъ прійти въ себя и уже сердито сказалъ:

— А ты чего присталъ? Некогда мнѣ попусту болтать, я голоденъ, какъ собака...

Съ этими словами онъ быстро зашагалъ къ своему дому. А на утро въ Вышгородѣ только и было разговору, что объ убійствѣ Погожича. Пошли догадки, кто бы могъ это сдѣлать. Богомилъ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ Соловьемъ, и у многихъ вышгородцевъ явилось подозрѣніе, что убійца — Соловей. Подозрѣніе увеличивалось еще отъ того, что Соловей былъ извѣстенъ за человѣка вороватаго и буйнаго. А Соловей заперся и твердилъ одно: знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Убитая горемъ жена Погожича пришла къ старикамъ-вышгородцамъ просить совѣта, что ей теперь дѣлать.

— Надо тебѣ итти къ князю и требовать суда надъ Соловьемъ. Потому никто, какъ онъ, убилъ твоего мужа,—сказали старики.

Одинъ изъ родственниковъ вдовы, молодой и горячій парень, сказалъ:

— Чего тамъ ходить къ князю! Или некому отомстить за Погожича? Я первый готовъ искать на Соловьѣ кровь убитаго! А не сумѣю отомстить я—найдутся еще другіе...

Нѣсколько голосовъ поддержали парня. Но послышались и возраженія.

— Не гоже дѣлать такъ,—говорили вышгородцы.—Ну, убьешь ты Соловья, а дальше что? Князь за этакое дѣло по головѣ не погладитъ—свою голову сложишь. Нынче вѣдь не то, что въ старину—порядки пошли иные. Въ старину, точно, каждый сродникъ могъ мстить убійцѣ. А потомъ вышло отъ князей другое установленіе: мстить можетъ только близкій родственникъ: отецъ, сынъ, братъ, дядя или племянникъ. Другіе сродники не должны встревать въ дѣло. Вотъ оно, братъ, что.

Дня черезъ три послѣ убійства Погожича собралась во дворѣ кіевскаго князя большая толпа народа. Это пришли на судъ вдова Погожича и Соловей, а съ ними пришли и ихъ родственники. Вскорѣ вышелъ изъ терема князь и нѣсколько человѣкъ дружинниковъ. Князь сѣлъ на скамью, поставленную у стѣны терема, и приступилъ къ разбору дѣла. Молодой слуга—меченоша, съ княжескимъ мечомъ въ рукѣ, сталъ о-бокъ князя.

Разсказала вдова князю про свою тяжкую обиду и про то, почему она винитъ Соловья.

Выслушавъ вдову, князь спросилъ:

— Есть у тебя послухи (свидѣтели)? Пусть говорятъ, что они видѣли и знаютъ

Выступилъ Богомилъ и разсказалъ, какъ онъ встрѣтился съ Соловьемъ, о чемъ разговаривалъ, и какъ смутился Соловей, когда зашла рѣчь о крови на топорѣ. Разсказалъ и о томъ, какой есть человѣкъ Соловей.

— Ну, а ты что скажешь?—обратился князь къ Соловью.

— Напраслина все, княже!—заговорилъ Соловей.—Не вѣдаю, съ чего они взяли, будто я убилъ Погожича. Нѣтъ моей вины въ этомъ дѣлѣ.

Князь не спускалъ глазъ съ лица Соловья, словно хотѣлъ заглянуть ему въ душу. Подъ этимъ пристальнымъ взглядомъ Соловей опустилъ глаза и даже какъ-то съежился весь.

— Такъ ли было, какъ говоришь? Подумай...—сказалъ князь.

— Правду сказываю, княже, ни въ чемъ такомъ я неповиненъ

Задумался князь. А потомъ сказалъ боярину, стоявшему тутъ же, у скамьи:

— Настоящей улики нѣтъ, а чуется, что дѣло здѣсь не чисто. Не испытать ли этого Соловья желѣзомъ?

— Воля твоя, княже,—отвѣчалъ бояринъ.—Прикажешь развести костеръ?

— Погоди,—сказалъ князь и продолжалъ, обращаясь къ Соловью:—можешь ты доказать свою правоту испытаніемъ? Подумай еще, и лучше повинись добровольно и уплати этой женщинѣ, сколько положено по закону.

Но Соловей продолжалъ упорствовать.

— Не виновенъ я, и готовъ на испытаніе,—заявилъ онъ.

Князь подалъ знакъ боярину. Слуга принесъ охапку дровъ и развелъ костеръ. Когда огонь разгорѣлся, въ него положили кусокъ желѣза и накалили докрасна.

Князь сказалъ Соловью:

— Стань на колѣни, возьми изъ огня желѣзо и подержи его въ рукѣ, пока я не скажу слова: довольно. Ежели ожоги на рукѣ будутъ малые и заживутъ скоро — ты правъ; если ожоги заживутъ не скоро — значитъ правда не на твоей сторонѣ.

Соловей поблѣднѣлъ. Однако опустился на колѣни и медленно сталъ протягивать дрожащую руку къ пламени. Всѣ присутствовавшіе на судѣ затаили дыханіе и не спускали глазъ съ этой дрожащей руки. Но только пламя коснулось пальцевъ, какъ силы оставили Соловья, онъ отдернулъ руку и закричалъ:

— Грѣхъ мой ко мнѣ пришелъ! Винюсь—я убилъ Погожича...

— Такъ долженъ ты за это уплатить его женѣ сорокъ гривенъ,—медленно и громко сказалъ князь, подымаясь со скамьи.

Судъ окончился. Князь и бояре ушли въ теремъ, а вышгородцы отправились домой.

Подобно другимъ народамъ, древніе кіевскіе славяне въ теченіе долгихъ вѣковъ жили по обычаямъ своихъ предковъ.

Всякіе споры объ имуществѣ, объ убыткахъ разрѣшались старѣйшинами племени или отдѣльнаго поселка. У каждаго племени существовали свои обычаи, согласно которымъ рѣшалось то или иное дѣло. Но часто споры рѣшались самосудомъ: кто сильнѣе, тотъ и правъ. Былъ одинъ обычай, общій для всѣхъ славянъ: за убійство полагалась кровная месть. Мстили не только близкіе, но и самые дальніе родичи убитаго; если же убійца принадлежалъ къ другому племени, то мстителемъ за убитаго было все его племя, и месть падала на каждаго соплеменника убійцы. Такъ, напримѣръ, поступила княгиня Ольга: она отомстила за смерть мужа цѣлому племени древлянъ, хотя не все оно принимало участіе въ убійствѣ Игоря. И много народа безвинно страдало отъ этого жестокаго обычая.

Но съ теченіемъ времени обычай кровной мести сталъ понемногу ослабѣвать. Въ общественной жизни славянъ стало больше порядка. Въ это время появился на Руси *первый писанный законъ*, подъ названіемъ *Русская Правда*. Составленіе его приписывается кіевскому князю Ярославу Мудрому (умеръ въ 1054 г.).

Правда точно устанавливала, на основаніи существовавшихъ у славянъ обычаевъ, сколько и за какой проступокъ полагается взыскать штрафа въ пользу обиженнаго и пошлины въ пользу князя; какъ должно начинать судебное дѣло и какъ долженъ жалобщикъ доказывать справедливость своей жалобы. Были кой-какія новыя правила въ Русской Правдѣ. Они были позаимствованы изъ греческихъ судебниковъ. Греки были народъ образованный, у нихъ издавна существовало прочное государственное устройство и законы. Главнымъ новшествомъ было то, что *Русская Правда* стѣснила право кровной мести: впредь могъ мстить только близкій родственникъ убитаго—отецъ, сынъ, братъ, дядя или племянникъ. Болѣе дальніе родственники не могли мстить.

По *Русской Правдѣ* князья и поставленные ими судьи—тіуны, судили народъ. Судъ въ тѣ времена былъ простой. Обиженный самъ долженъ былъ сыскать обидчика и доставить его къ судьѣ, собрать доказательства правоты своего дѣла; часто онъ долженъ былъ самъ исполнять и рѣшеніе судьи: отбирать у вора украденную вещь, взыскивать присужденный штрафъ. Судья больше всего смотрѣлъ затѣмъ, чтобы положенная въ пользу князя судебная пошлина исправно поступала въ княжескую казну. Какъ ни плохъ былъ этотъ судъ, все же онъ былъ лучше голаго произвола и самосуда, лучше кровной мести. Когда противъ обвиняемаго не было ясныхъ уликъ, судья могъ назначить ему испытаніе — желѣзомъ, водой или кипяткомъ. Объ испытаніи желѣ-

зомъ вы уже читали; при испытаніи кипяткомъ обвиняемый долженъ былъ опустить въ кипятокъ руку; если черезъ нѣкоторое время на рукѣ не появлялось ожоговъ, это значило, что правда на сторонѣ обвиняемаго. Испытаніе водой производилось такъ: человѣка завязывали въ мѣшокъ и бросали въ воду. Если мѣшокъ оставался на поверхности воды—обвиняемаго ждало осужденіе; пошелъ мѣшокъ ко дну — обвиняемаго оправдывали. Въ древности вода почиталась какъ божество; люди думали, что она не приметъ въ себя виновнаго человѣка. Такія испытанія назывались *судомъ Божьимъ*.

Вѣроятно, отсюда пошла народная поговорка: «Правда въ водѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ».

Основаніе Кіево-Печерской лавры.

При внукахъ Владимира Святого былъ основанъ въ Кіевѣ самый знаменитый нашъ монастырь Кіево-Печерскій. Впослѣдствіи монастырь этотъ сталъ называться Кіево-Печерской *лаврой*.

Основателемъ Печерскаго монастыря былъ преподобный Антоній, а главнымъ устроителемъ — преподобный Ѳеодосій.

Родители Ѳеодосія были люди зажиточные и старались дать своему единственному сыну хорошее по тому времени воспитаніе: когда онъ подросъ, его стали учить грамотѣ, и скоро Ѳеодосій опередилъ въ ученіи всѣхъ своихъ товарищей. Ребенокъ онъ былъ тихій и богобоязненный: любилъ посѣщать церковь, а въ свободное время, по своей охотѣ, работалъ со слугами на огородахъ или въ полѣ. Лишившись на четырнадцатомъ году отца, Ѳеодосій сталъ помышлять только о спасеніи души: избѣгалъ пустыхъ игръ, зналъ лишь школу да церковь. Матери не совсѣмъ нравилась такая жизнь Ѳеодосія.

Желая посвятить себя на служеніе Богу, Ѳеодосій покинулъ родительскій домъ и отправился въ Кіевъ. Здѣсь онъ обратился въ одинъ, въ другой монастырь, просилъ принять его, но ему вездѣ отказывали: что онъ за человѣкъ не знали, а судили о немъ по его убогой одеждѣ. Прослышалъ тогда Ѳеодосій, что близъ Кіева, на крутомъ берегу Днѣпра, живетъ въ пещерѣ съ немногими *иноками* великій *подвижникъ*, по имени Антоній. Ѳеодосій явился къ нему и со слезами на глазахъ просилъ принять его къ себѣ въ пещеру.

— Дитя мое!—сказалъ ему преподобный Антоній.—Ты видишь, какъ тѣсно и мрачно въ этой пещерѣ. Ты еще молодъ, по тебѣ ли наше жилище и наши труды?»

— Я на все готовъ; я все буду исполнять, что ни прикажешь мнѣ, отецъ святой!—отвѣчалъ Ѳеодосій.

— Если такъ, сынъ мой, то оставайся здѣсь. Вотъ тебѣ и мѣсто.

На 23 году жизни Ѳеодосій постригся въ монахи и сталъ жить въ пещерѣ, какъ жили и другіе *иноки* пещерные, даже превосходилъ ихъ своими *духовными подвигами*, т.-е. молитвою, постомъ и трудами.

Мать Ѳеодосія, прослышавъ, что сынъ ея постригся въ монахи, пріѣхала въ Кіевъ, обошла здѣсь всѣ монастыри и, наконецъ, узнала, что Ѳеодосій нашелъ убѣжище въ пещерной *обители* преподобнаго Антонія. Съ трудомъ добилась она свиданія съ сыномъ и напрасно умоляла его покинуть монастырь и вернуться домой.

— Мать моя,—сказалъ ей Ѳеодосій,—если ты меня любишь и желаешь часто видѣться со мною, останься и ты въ Кіевѣ; постригись здѣсь въ одномъ изъ женскихъ монастырей. Если же ты не захочешь этого сдѣлать, то воля твоя: ты меня больше не увидишь.

Къ великой радости сына, мать постриглась въ монахини.

Еще усерднѣе сталъ молиться и трудиться Ѳеодосій. Онъ часто работалъ не только за себя, но и за другихъ; замѣтитъ, бывало, что у кого-нибудь изъ *братіи* нѣтъ воды,—возьметъ тихонько кувшинъ, сходитъ по воду и поставитъ кувшинъ на мѣсто, какъ будто и не онъ набралъ воды. Или заснетъ отъ усталости какой-нибудь инокъ, а часть его *жита* лежитъ не смолотой [1]). Замѣтитъ Ѳеодосій несмолотое жито, смелетъ его и тихонько положитъ на мѣсто. Никакой работой не гнушался преподобный: онъ и тѣсто мѣсилъ, и книги переплеталъ, и шерсть прялъ на чулки и *клобуки*. Онъ былъ добръ ко всѣмъ; зато всѣ его и любили, какъ родного брата. Вотъ почему, когда не стало въ обители священника, вся братія просила поставить на эту должность Ѳеодосія, который былъ очень начитанъ, очень свѣдущъ въ священномъ писаніи. А вскорѣ, съ благословенія преподобнаго Антонія, братія избрала Ѳеодосія въ *игумены*.

Число иноковъ къ этому времени возросло въ Печерскомъ монастырѣ до 100, и Ѳеодосію пришлось много потрудиться надъ устройствомъ обители. Онъ увеличилъ и украсилъ монастырскую церковь и умножилъ число келлій.

Такъ какъ иноковъ было много, то необходимо было установить въ монастырѣ порядокъ: когда молиться, когда работать,

---

[1]) Иноки Печерскаго монастыря покупали хлѣбъ въ зернѣ и сами мололи себѣ жито на ручныхъ мельницахъ.

когда отдыхать. И преподобный Ѳеодосій ввелъ строгій *уставъ*. По этому уставу все въ монастырѣ дѣлалось только съ разрѣшенія и благословенія игумена, или старшаго брата. Своего имущества имѣть не позволялосъ никому; все у братіи было общее. Никто изъ монаховъ не могъ ѣсть отдѣльно отъ другихъ или имѣть свою особую одежду. При встрѣчѣ иноки должны были низко кланяться другъ другу и принимать благословеніе отъ старшихъ. Послѣ вечерней молитвы монахамъ запрещалось ходить другъ къ другу въ кельи для бесѣды. Самъ преподобный нерѣдко обходилъ коридоры и, если гдѣ въ кельѣ слышались праздные разговоры, то ударялъ *посохомъ* въ дверь, а на другой день дѣлалъ провинившимся внушеніе или налагалъ на нихъ наказаніе. Выше всего ставилъ преподобный послушаніе. Насколько печерскіе иноки были послушны своему игумену, показываетъ слѣдующій случай. Такъ какъ братія проводила большую часть ночи и все утро въ богослуженіи, то послѣобѣденное время назначалось для отдыха: монастырскія ворота запирались, и никто не смѣлъ ни войти въ монастырь ни выйти изъ него. Однажды, въ послѣобѣденное время, пріѣхалъ въ Печерскій монастырь великій князь кіевскій Изяславъ. Онъ любилъ преподобнаго и часто заѣзжалъ къ нему посовѣтоваться и побесѣдовать. Ворота оказались запертыми. Стучитъ князь, а вратарь (привратникъ) и говоритъ ему:

— Игуменъ приказалъ никому не отворять ворота до вечерни.

— Я князь,—сказалъ Изяславъ;—ужели и меня не впустишь?

Вратарь узналъ великаго князя, но воротъ ему все-таки не отворилъ, а побѣжалъ спросить игумена. Преподобный Ѳеодосій поспѣшилъ навстрѣчу князю.

— Что это у тебя, отче, за порядки такіе?—сказалъ Изяславъ.—*Чернецъ* этотъ сказалъ, что никого не велѣно впускать въ монастырь.

— Да, такой у насъ порядокъ, государь, и заведенъ онъ для того, чтобы братія не выходила изъ монастыря въ полдень, а почивала (т.-е. отдыхала): безъ этого не выстоять ночную службу. Твоему же приходу мы всегда рады.

Такіе строгіе порядки установилъ преподобный Ѳеодосій въ Печерскомъ монастырѣ.

Всѣ уважали, всѣ почитали и слушались преподобнаго Ѳеодосія, а онъ оставался прежнимъ смиреннымъ инокомъ: былъ скроменъ, трудолюбивъ и попрежнему не гнушался черной работой. Такъ, однажды приходитъ экономъ къ Ѳеодосію и говоритъ:

— Прикажи, отче, кому посвободнѣе дровъ наколоть, а то всѣ дрова вышли.

— Да я свободенъ,—отвѣчалъ преподобный.

Послалъ онъ иноковъ въ *трапезную*, потому что пора была обѣденная, а самъ принялся за работу. Пообѣдали иноки, выходятъ изъ трапезы, смотрятъ, а игуменъ ихъ колетъ дрова. Сію же минуту взялись они за топоры и наололи дровъ столько, что ихъ хватило на долгое время.

А то былъ какъ-то преподобный въ гостяхъ у великаго князя Изяслава, и пришлось ему возвращаться въ монастырь. Время было позднее, а дорога дальняя, и князь приказалъ подвезти Ѳеодосія на возкѣ. Возки въ старину были такіе, что возница (т.-е. кучеръ) сидѣлъ не на козлахъ, какъ теперь, а верхомъ на лошади. Выѣхалъ преподобный съ княжаго двора. Дорогой возница ему и говоритъ:

— Ты бы, чернецъ, сѣлъ лучше на коня, а меня пустилъ бы въ возокъ. Вѣдь дѣлать-то вамъ, чернецамъ, нечего; ты и безъ того всегда отдыхаешь. А я человѣкъ работящій и за день наморился. (Возница не зналъ преподобнаго и принялъ его, по его бѣдной одеждѣ, за простого монаха).

Преподобный Ѳеодосій послушно пересѣлъ на коня, а кучеръ забрался въ возокъ, и поѣхали они дальше. Въѣзжаютъ на утро въ городъ. Многіе знали преподобнаго и почтительно ему кланялись; удивлялись только при этомъ тому, что игуменъ ѣдетъ верхомъ на конѣ, а возница возсѣдаетъ въ телѣжкѣ. Видитъ княжій слуга, что многіе встрѣчные, и не только простые люди, но и вельможи, низко кланяются чернецу и думаетъ: «Что за диво?» А когда подъѣхали они къ монастырю, вся братія вышла встрѣчать своего игумена, радостно его привѣтствуя. Испугался возница и сталъ просить у чернеца прощенія. А преподобный благословилъ его и отпустилъ съ миромъ.

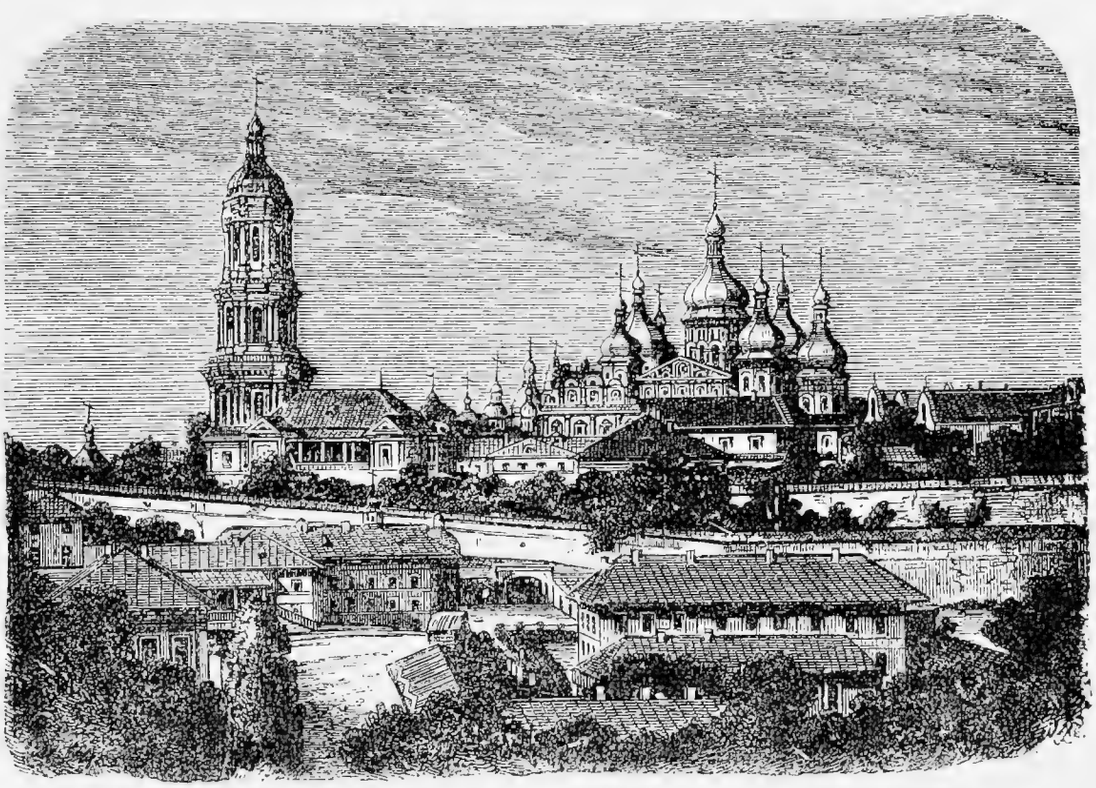
Затворившись въ Печерской обители, преподобный Ѳеодосій не забывалъ и тѣхъ, кто жилъ внѣ монастыря, т.-е. людей свѣтскихъ или мірянъ. Близъ своей обители онъ устроилъ странноприемный домъ, или богадѣльню, для увѣчныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ и давалъ на нихъ десятую часть монастырскихъ доходовъ. По субботамъ посылалъ хлѣбы въ темницы для раздачи заключеннымъ.

Часто мірскіе люди обращались къ Ѳеодосію съ просьбами похлопотать за нихъ передъ князьями или судьями, и преподобный помогалъ имъ своимъ заступничествомъ, такъ какъ князья и судьи очень его уважали.

Въ назиданіе братіи, а также и мірянамъ Ѳеодосій писалъ и произносилъ проповѣди, или поученія. Въ своихъ поученіяхъ преподобный училъ благочестію и скромности, умѣренности въ пищѣ и питьѣ; особенно же преподобный Ѳеодосій осуждалъ, порицалъ языческія *суевѣрія*, которыя жили и теперь еще жи-

вутъ въ русскомъ народѣ. Многіе люди, некрѣпкіе еще въ христіанствѣ, вѣрили въ разныя примѣты. Такъ, напр., думали, что встрѣча съ монахомъ или священникомъ предвѣщаетъ несчастіе, вѣрили въ гаданія и занимались ими. Преподобный Ѳеодосій строго осуждалъ всѣ эти суевѣрія.

Такъ провелъ въ молитвѣ, постѣ и трудахъ свою жизнь великій устроитель Кіево-Печерскаго монастыря. Предчувствуя *близость кончины*, преподобный Ѳеодосій простился со всею братіею, благословилъ всѣхъ иноковъ, благословилъ Печерскую оби-



Кіево-Печерская лавра.

тель; затѣмъ затворился въ своей пещерной кельѣ и тамъ мирно скончался на 65 году жизни. Преподобный Ѳеодосій причисленъ Церковью къ лику святыхъ.

Много славныхъ иноковъ было въ Печерской обители и при Ѳеодосіи и послѣ него. Иноки Печерскаго монастыря переводили съ языковъ болгарскаго и греческаго священныя книги, составляли церковныя пѣсни, житія святыхъ. Здѣсь же стали вести *лѣтопись*, т.-е. описаніе замѣчательныхъ событій, важныхъ происшествій *по годамъ*. Первымъ русскимъ лѣтописцемъ былъ монахъ Кіево-Печерскаго монастыря, преподобный Несторъ. Въ своей лѣтописи Несторъ подробно разсказываетъ о Владимирѣ Святомъ, о крещеніи Руси, о преподобныхъ Антоніи и Ѳеодосіи.

Полюдье и судъ.

Къ зимѣ, лучшему времени для поѣздокъ, подгоняетъ князь свой объѣздъ области. Въ позднюю осень, въ концѣ ноября, когда почти облетѣлъ уже листъ, пользуясь послѣдними бездождными осенними днями, онъ выступаетъ въ путь.

Князю нужно посѣтить нѣсколько городовъ, много поселковъ, гдѣ онъ долженъ судить, рядить и дань собирать, нужно ему побывать и въ своихъ усадьбахъ, селахъ, угодьяхъ, чтобы присмотрѣть за своимъ хозяйствомъ. Много дѣла предстоитъ князю. Всюду ему не поспѣть, поэтому онъ выдѣляетъ нѣсколько мѣстностей и посылаетъ туда своего боярина-дружинника для сбора дани, суда и устройства наряда, а по остальнымъ мѣстамъ съ частью дружины князь ѣздитъ самъ.

Пріѣхавши въ мѣстность, куда сошлись для взноса дани смерды, дѣлаетъ остановку князь съ частью дружины и тѣмъ тіуномъ (слуга, приказчикъ), которому ввѣренъ сборъ дани и котораго потому называютъ «данщикомъ».

Быстро налаживаетъ привычное дѣло тіунъ. Еще до пріѣзда князя сюда уже свезли смерды, жители округа, причитающуюся съ нихъ дань. Въ кадяхъ, ведрахъ, горшкахъ принесли смерды къ тіуну медъ, воскъ и овесъ, принесли и несутъ множество всякихъ шкуръ. Есть здѣсь лисица черная, черно-бурая, бѣлая и красная; есть здѣсь волчьи, медвѣжьи и лосиныя шкуры; есть прекрасныя и молочнаго цвѣта бѣлки, сѣрыя шкурки зайцевъ, черныя шкурки куницъ, попадаются мѣха бѣлые — соболиные, черные, черно-каріе и рыжіе — бобровые. Испытанный въ дѣлѣ взысканія взятый княземъ изъ своего села тіунъ-данщикъ строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы дань вносилась полностью. Онъ твердо знаетъ установленное для округа количество, помнитъ, сколько шкуръ и чего онъ долженъ дать отъ каждаго «дыма». И несутъ смерды то, что они въ теченіе года съ большой затратой труда добывали въ лѣсахъ и поляхъ; не имѣя ни времени ни умѣнья обработать это, они доставляютъ все въ сыромъ, необдѣланномъ видѣ.

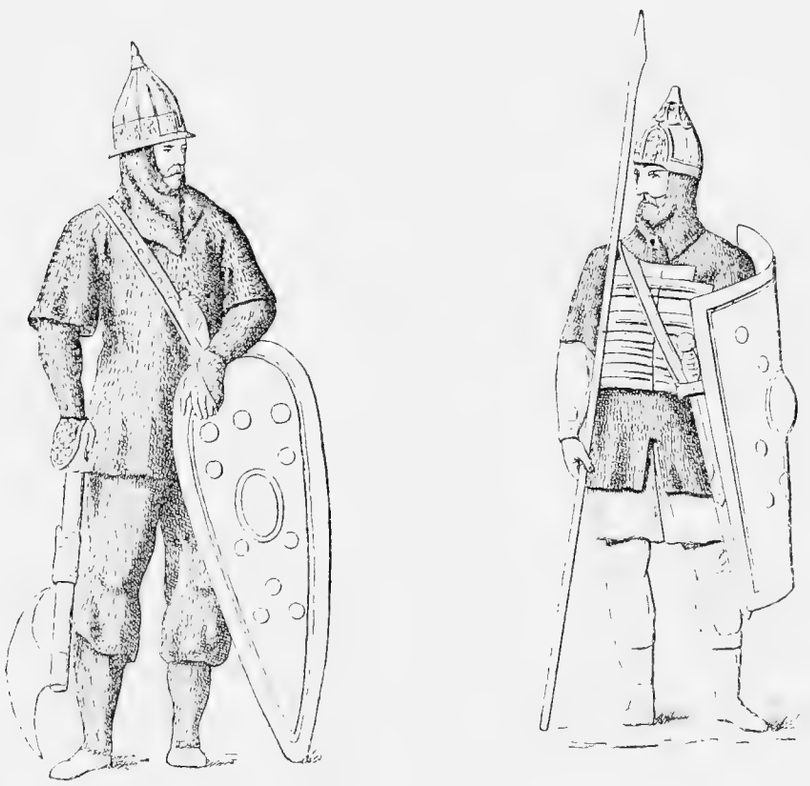
Все это: мѣхъ, медъ и воскъ — цѣнный товаръ. Онъ поступитъ въ собственность князя и дружины. Часть его оставлена будетъ для себя, часть будетъ спрятана для даровъ именитымъ гостямъ, а остальное пустятъ въ продажу иноземнымъ купцамъ, въ обмѣнъ на заморскія ткани, вина и дорогое оружіе.

Послѣ сбора дани князь смѣняетъ свою дорожную одежду на другую, болѣе пышную. Облачившись, князь садится, а сзади

него становится искушенный въ судебныхъ дѣлахъ старецъ-дружинникъ, хранитель вѣковыхъ обычаевъ. Съ нимъ князь можетъ посовѣтоваться въ трудныхъ судебныхъ вопросахъ.

Всѣ, у кого ѣсть дѣло до князя, теперь могутъ къ нему обратиться. Подходятъ къ князю братья съ тяжбою о раздѣлѣ наслѣдства, смерды съ жалобой на посадника; ведутъ къ князю татей (воровъ) и разбойниковъ.

Судъ князя простъ. Князь не отыскиваетъ виновныхъ. Кто потерпѣлъ, тотъ самъ долженъ сдѣлать это. Обвинитель самъ ведетъ къ князю отвѣтчика и свидѣтелей.



Воины X — XI вѣка.

Часто преступникъ не сознается, нѣтъ свидѣтелей преступленія, есть только одно подозрѣніе, что преступленіе совершено именно имъ. Такое обвиненіе иногда удается обвиняемому съ себя снять, если онъ можетъ представить не менѣе семи послуховъ, которые дали бы свидѣтельство о честномъ и добромъ его поведеніи. Выслушиваетъ князь обѣ стороны, и если нѣтъ ясныхъ уликъ [1]), то примѣняетъ при обвиненіи въ кражѣ и убійствѣ испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ, водою, а то и судебнымъ поединкомъ — полемъ. Это — судъ Божій.

---

[1]) Улики — это примѣты, которыя указываютъ, что преступленіе совершилъ такой-то человѣкъ.

Боярская усадьба.

На берегу рѣки раскинулось село и боярская усадьба; она обнесена тыномъ; кто былъ побѣднѣе,—довольствовался изгородью изъ кольевъ и плетня. Главную часть высокихъ хоромъ боярина составляетъ «истопка» — это зимнее жилье съ кирпичной печью; черезъ обширныя крытыя «сѣни», которыя служатъ пріемной комнатой, идетъ ходъ въ «клѣть» — лѣтній покой, который часто служитъ и кладовой для болѣе цѣнныхъ вещей: оружія, мѣди, свинца и всякаго другого добра. Въ «подклѣти» или подвалѣ — нижней части хоромъ — живутъ «людіе» и хранятся домовые припасы, которые должны быть подъ рукой: мука, соль, хлѣбы, копченое мясо, сало, а также что попроще изъ вещей — холстъ, овчина, воскъ, оружіе для людей, глиняные горшки и другіе предметы домашняго обихода. Въ покояхъ стоятъ кровати, лари для болѣе цѣнной одежи, а на полкахъ жбаны, мисы, ковши, ложки и разная домашняя утварь; скамьи, столы, стольцы (табуреты) по стѣнамъ, а также разбросанныя кое-гдѣ на полу и скамьяхъ медвѣжьи или рысьи шкуры дополняютъ незатѣйливое внутреннее убранство хоромъ, придающее имъ нѣсколько суровый видъ.

По-сосѣдству съ хоромами во дворѣ находится церковь, а также различныя дворовыя строенія, крытыя соломой. Рядомъ находится «порубъ» съ маленькимъ окошечкомъ — мѣсто заключенія для провинившихся холоповъ или плѣнныхъ. Въ хлѣвахъ или чаще въ «забоѣ» стоитъ домашній скотъ; особеннымъ вниманіемъ боярина пользуются его боевые кони дорогой породы, для которыхъ устроена конюшня. Замѣтной частью боярской усадьбы является птичій дворъ, гдѣ находится много куръ, гусей, утокъ, лебедей и журавлей. Позади хоромъ расположенъ хмельникъ, небольшой «садъ красенъ», гдѣ растутъ яблоки, и особый загонъ, гдѣ растетъ «овощъ» — рѣпа, капуста, тыква, бобы, чеснокъ и лукъ.

Жизнь богатаго княжескаго двора въ приднѣпровской Руси была разсчитана на большое количество людей, на широкое хозяйство. На «добромъ дворѣ» крупнаго южнаго князя могло быть до тысячи человѣкъ холоповъ, въ погребахъ и медушахъ стояло по нѣскольку сотъ берковцевъ меду, по нѣсколько десятковъ корчагъ вина; въ стадахъ княжескихъ ходило до 1.000 коней, по нѣскольку тысячъ кобылъ.

Во главѣ хозяйства стоитъ ключникъ изъ холоповъ—сельскій «тіунъ»: онъ хорошо знаетъ свою братію, отъ его зоркаго взгляда и тяжелой руки не ускользнетъ никто; и бояринъ цѣнитъ его, такъ какъ онъ отлично соблюдаетъ интересы своего господина.

Владимиръ Мономахъ.

Самымъ виднымъ изъ внуковъ Ярослава былъ Владимиръ Мономахъ.

Въ то время — время постоянныхъ усобицъ князей, губившихъ русскую землю—Мономахъ стоялъ совсѣмъ особо. Онъ свято хранилъ завѣтъ дѣда Ярослава жить въ любви и согласіи. Завидя вражду между князьями, онъ спѣшилъ быть посредникомъ и примирить ихъ. Готовъ былъ самъ поступиться своей выгодой, лишь бы прекратить ссору. Недаромъ его прозвали *братолюбцемъ*. Въ согласіи князей между собою Владимиръ полагалъ залогъ благополучія всей русской земли. У Руси тогда былъ постоянный врагъ — кочевники (половцы, потомъ татары). Бороться съ ними можно было только всѣмъ князьямъ вмѣстѣ, иначе кочевники могли перебить ихъ поодиночкѣ. Это отлично понималъ Владимиръ и призывалъ князей къ согласію

— Зачѣмъ губимъ русскую землю, поднимая сами на себя вражду?—говорилъ онъ на княжескомъ съѣздѣ въ городѣ Любечѣ.—А половцы землю нашу несутъ розно, и рады, что между нами идутъ усобицы?

Въ трудахъ на пользу своей земли Владимиръ Мономахъ не зналъ отдыха. Почти вся жизнь его прошла внѣ дома, въ походахъ противъ поганыхъ (такъ называли тогда кочевниковъ), уговорахъ съ князьями, охотѣ. Дома же онъ до свѣта вставалъ, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ совѣщался съ дружиной и судилъ людей. Въ полдень, послѣ обѣда, ложился отдохнуть, а затѣмъ опять принимался за работу. Все онъ дѣлалъ самъ, ни въ чемъ не полагался на людей.

Кіевляне узнали Владимира, когда онъ, еще при жизни отца, помогалъ ему въ управленіи, и полюбили его. Они предложили ему занять мѣсто, но Владимиръ отказался.

— Если я сяду на столѣ отца своего, — сказалъ Мономахъ, — то у меня будетъ война съ Святополкомъ (двоюроднымъ братомъ), ибо его отецъ раньше моего отца занималъ кіевскій столъ.

Но какъ только Святополкъ умеръ, кіевляне опять приступили къ Владимиру Мономаху.

— Ступай, князь, на столъ отцовскій и дѣдовскій,—сказали послы отъ кіевлянъ.

Но Мономахъ опять отказался, не желая занимать кіевскій столъ мимо старшаго.

Кіевляне вторично послали за нимъ.

Владимиръ Мономахъ.

— Приходи, князь, въ Кіевъ; если же ты не придешь, то знай, что много зла сдѣлается... и тогда ты, князь, дашь Богу отвѣтъ.

Послѣ такихъ рѣчей пословъ Владиміръ Мономахъ не могъ уже отказаться и пошелъ въ Кіевъ. Его радостно и торжественно встрѣтилъ народъ съ митрополитомъ и епископами во главѣ.

Двѣнадцать лѣтъ пробылъ Мономахъ великимъ княземъ, и эти 12 лѣтъ были для Руси временемъ мира и спокойствія. Мономахъ умѣлъ ладить съ прочими князьями—съ одними лаской, съ другими строгостью. Умѣлъ справляться и съ врагами Руси—половцами. Не диво поэтому, что когда въ 1125 году онъ умеръ, весь Кіевъ плакалъ по немъ, какъ дѣти плачутъ по отцѣ или по матери.

Поученіе Владимира Мономаха.

«Дѣти мои или кто иной, прочитавъ эту грамотку, не посмѣйтесь, но примите ее въ сердце свое. Прежде всего, ради Бога и души своей страхъ Божій имѣйте въ сердцѣ своемъ и

милостыню давайте нескудную. Это — начало всякому добру. Встрѣтили разъ меня на Волгѣ послы братьевъ моихъ и передали ихъ слова: «Соединись съ нами, выгонимъ Ростиславичей (Володаря и Василько) и волость ихъ отнимемъ; если не пойдешь съ нами, то мы порвемъ союзъ съ тобою». И сказалъ я имъ: «Хоть вы и гнѣваться станете, не могу нарушить клятву и итти съ вами». Отпустивъ пословъ, взялъ я въ печали Псалтырь, раскрылъ ее, и вотъ какое мѣсто попалось мнѣ: «Вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя и проч. (т.-е. чего печалишься, душа, чего смущаешься?) Не помогай лукавствующимъ, не завидуй творящимъ беззаконье, лукавые погибнутъ, повинующіеся Господу, тѣ получатъ власть надъ землею...» Поистинѣ, дѣти мои, подумайте, какъ человѣколюбивъ Богъ и милостивъ, а мы — люди грѣшные и смертные. Если намъ кто зло сотворитъ, хотимъ уничтожить врага нашего и кровь его пролить, а Господь нашъ, въ рукахъ Котораго и жизнь и смерть людей, терпитъ грѣхи наши «выше главы нашей» (выше всякой мѣры). Онъ, какъ отецъ, который, любя свое дитя, хоть и наказываетъ, но затѣмъ ласкаетъ. Тремя добрыми дѣлами можно отъ грѣха избавиться и царствія Божія не лишиться: покаяніемъ, слезами и милостынею. Не тяжкая эта заповѣдь, дѣти мои. Бога ради, не лѣнитесь; молю васъ, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ. Ни одиночество (отшельничество), ни монашество, ни голодъ (постъ), чему подвергаютъ себя нѣкоторые благочестивые люди, не такъ важны, какъ эти три дѣла... Послушайте меня, дѣти мои. Если не все наставленіе, то примите хоть половину. Да смягчитъ Богъ ваше сердце; проливайте слезы о грѣхахъ вашихъ, говоря: «Какъ разбойника и мытаря помиловалъ Ты, Господи, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй». И въ церкви это дѣлайте и спать ложася. И когда случится быть, даже ѣздя на конѣ, говорите мысленно: «Господи, помилуй». Эта молитва всѣхъ лучше.

«Всего же болѣе убогихъ не забывайте, но по мѣрѣ силъ кормите ихъ. Сироту и вдову сами на судѣ по правдѣ судите; не дайте ихъ сильнымъ въ обиду.

«Ни праваго ни виноватаго не убивайте, и не позволяйте убивать, хотя бы и заслуживалъ смерти; не губите никакой христіанской души.

«Когда рѣчь ведете о чемъ, не клянитеся Богомъ, не креститесь; нѣтъ въ этомъ никакой нужды. Если же придется вамъ крестъ цѣловать (давать клятву), то подумайте сначала хорошенько, можете ли сдержать клятву; а поклявшись, держитесь клятвы, чтобы, нарушивъ ее, не погубить своей души.

«Епископовъ, поповъ и игуменовъ почитайте, принимайте отъ нихъ благословеніе. Любите ихъ и по мѣрѣ силъ заботьтесь о нихъ, чтобы они молились за васъ.

«Болѣе же всего не имѣйте гордости ни въ сердцѣ вашемъ ни въ умѣ: мы всѣ смертны,—сегодня живы, а завтра въ гробу. Все, что далъ намъ Богъ, не наше, а поручено намъ на короткое время. Въ землю сокровищъ не зарывайте: то великій грѣхъ. Старика почитайте, какъ отца, молодыхъ, какъ братьевъ.

«Въ дому своемъ не лѣнитесь, но за всѣмъ присматривайте сами; не полагайтесь на тіуна вашего и отрока, чтобы приходящіе къ вамъ не посмѣялись надъ домомъ вашимъ и надъ обѣдомъ. На войнѣ не лѣнитесь, не надѣйтесь на воеводъ вашихъ, не предавайтесь ни питью, ни ѣдѣ, ни сну. Сами стражу разставляйте. Устроивъ все, ложитесь спать около воиновъ, а вставайте рано. Оружія съ себя не снимайте, не разглядѣвъ, есть ли опасность или нѣтъ: отъ безпечности человѣкъ можетъ внезапно погибнуть.

«Когда проѣзжаете по своимъ землямъ, не давайте слугамъ безчинствовать и причинять вредъ ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селахъ, ни на нивахъ, чтобы не проклинали васъ. Куда пріѣдете, гдѣ остановитесь, напойте, накормите бѣднаго. Болѣе всего чтите гостя, откуда ни пришелъ бы онъ, простой ли человѣкъ или знатный или посолъ. Если не можете почтить подаркомъ, то угостите кушаньемъ и питьемъ. Гости эти мимоходомъ по всѣмъ странамъ разнесутъ молву о человѣкѣ, какъ о добромъ или какъ о зломъ.

«Больного посѣтите; покойниковъ провожайте и не минуйте никого безъ привѣта, скажите всякому доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей власти надъ собою.

«Что знаете полезнаго, не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Мой отецъ, дома сидя, зналъ пять языковъ. За это ему была большая честь отъ другихъ земель. Лѣность всему худому мать: что знаешь, то забудешь; чего не знаешь, тому не выучишься. Творите добро, не лѣнитесь ни на что хорошее.

«Прежде всего идите въ церковь. Пусть не застанетъ васъ солнце на постели. Такъ дѣлалъ мой отецъ блаженный и всѣ лучшіе люди. Сотворивъ утреннюю молитву и воздавъ Богу хвалу, слѣдуетъ съ дружиною думать о дѣлахъ или творить судъ людямъ или ѣхать на охоту (если нѣтъ никакихъ важныхъ дѣлъ), а потомъ лечь спать. Въ полдень Самимъ Богомъ присуждено спать и человѣку, и звѣрю, и птицѣ.

«А вотъ повѣдаю вамъ, дѣти мои, о своихъ походныхъ трудахъ и охотахъ. (Здѣсь Владиміръ подробно перечисляетъ свои

походы.) Всѣхъ моихъ походовъ было,—говорится далѣе,—83 большихъ, а прочихъ меньшихъ и не вспомню. Девятнадцать разъ заключалъ я миръ съ половцами при отцѣ и послѣ смерти его. Болѣе ста вождей ихъ освободилъ изъ оковъ (изъ плѣна). Избито ихъ въ разное время около двухсотъ. А вотъ какъ трудился я на охотахъ и ловахъ: коней дикихъ по 10, по 20 вязалъ я своими руками; два тура (дикіе быки) метали меня на рогахъ съ конемъ вмѣстѣ; олень меня бодалъ; два лося — одинъ ногами топталъ, другой рогами бодалъ; вепрь оторвалъ у меня мечъ съ бедра; медвѣдь у колѣнъ прокусилъ подсѣдельный войлокъ; лютый звѣрь вскакивалъ мнѣ на плечи и валилъ меня съ конемъ на землю. Но Богъ сохранилъ меня цѣлымъ и невредимымъ. Съ коня много разъ я падалъ, голову разбивалъ дважды, получалъ поврежденія рукъ и ногъ, особенно въ юности моей, жизни своей не жалѣлъ, головы своей не щадилъ. Что можно было дѣлать и отроку моему, то самъ я дѣлалъ — на войнѣ и на ловахъ, ночью и днемъ, въ лѣтній зной и зимнюю стужу. Не давалъ я себѣ покою, не полагался ни на посадниковъ ни на баричей, — самъ все дѣлалъ, что надо; самъ смотрѣлъ за порядкомъ въ домѣ, охотничье дѣло самъ правилъ, о конюшняхъ, о соколахъ и ястребахъ самъ заботился. Простого человѣка, убогой вдовицы не давалъ въ обиду сильнымъ; за церковнымъ порядкомъ и службой самъ присматривалъ.

«Не осудите меня, дѣти мои, или иной, кто прочтетъ эти слова. Не себя я хвалю, а хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что Онъ меня, грѣшнаго и худого, сохранилъ отъ смерти столько лѣтъ и сотворилъ меня нелѣнивымъ и способнымъ на всѣ человѣческія дѣла.

«Прочитавъ эту грамотку, постарайтесь творить всякія добрыя дѣла. Смерти, дѣти мои, не бойтесь, ни отъ войны ни отъ звѣря, но творите свое дѣло, какъ дастъ вамъ Богъ. Не будетъ вамъ, какъ и мнѣ, вреда ни отъ войны, ни отъ звѣря, ни отъ воды, ни отъ огня, если не будетъ на то воли Божіей, а если отъ Бога смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могутъ спасти. Божья охрана лучше человѣческой...»

Изъ поученія этого видно, какъ глубоко понималъ Владиміръ Мономахъ ученіе Христово, какъ заботился онъ о правомъ судѣ и защитѣ слабыхъ, какъ высоко понималъ обязанности князя.

Цари московскіе впослѣдствіи великою честью для себя считали называться потомками Владимира Мономаха. Въ Оружейной палатѣ хранятся такъ называемая Мономахова золотая шапка и еще нѣкоторыя принадлежности торжественнаго царскаго убора.

(скипетръ, держава и бармы). По преданію, онѣ были присланы греческимъ императоромъ въ даръ Владимиру Мономаху. Впослѣдствіи московскіе цари, въ день торжественнаго вѣнчанія на царство, стали возлагать на себя эту шапку и бармы.

Сказаніе о походѣ Игоря.

Лучше всего можно видѣть, сколько было отваги у князей и какъ напрасно тратилась она иной разъ, изъ древняго сказанія о походѣ въ 1185 году сѣверскаго князя Игоря Святославича и брата его Всеволода. Вотъ это сказаніе («Слово о полку Игоревѣ»).

«Не начать ли намъ, братья, печальное сказаніе о походѣ Игоря. Станемъ сказывать повѣсть свою по былинамъ нашего времени, а не по вымысламъ Баяна (древняго пѣвца). Баянъ вѣщій, когда хотѣлъ кому пѣснь воспѣть, то носился мыслью по лѣсамъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по полю, сизымъ орломъ парилъ подъ небесами... Въ старыя времена князья на охотѣ пускали своихъ соколовъ на стаю лебедей; чей соколъ прежде настигалъ лебедь? Въ честь тому князю первому и пѣснь пѣлась. Баянъ же не десять соколовъ пускалъ на стадо лебедей, а клалъ свои вѣщіе персты на живыя струны, и онѣ сами князьямъ славу рокотали.

«Начнемъ же повѣсть свою объ Игорѣ. Наполнилось сердце его ратнымъ духомъ и доблестью; захотѣлось ему повести свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

«Недоброе знаменіе было ему: солнце затмилось; тьма покрыла воиновъ его. Неймется князю: доблесть полонила сердце его. «Братья и дружина,—говоритъ онъ,—лучше изрублену быть, чѣмъ въ плѣнъ попасть!.. Сядемъ, братцы, на своихъ борзыхъ коней, поглядимъ на синій Донъ. Хочу копье свое испытать въ полѣ половецкомъ съ вами, руссичи, хочу голову свою тамъ сложить или напиться шлемомъ изъ Дону.

«Кони ржутъ за рѣкою Сулою. Гремитъ слава въ Кіевѣ.

«Трубы трубятъ въ Новгородѣ (Сѣверскомъ). Стоятъ знамена въ Путивлѣ. Игорь ждетъ милаго брата Всеволода. И сказалъ Игорю Буй-туръ Всеволодъ (за силу свою и удаль сравнивается онъ съ буйнымъ или ярымъ туромъ):

«Одинъ братъ, одинъ свѣтъ ты, свѣтлый Игорь! Оба мы дѣти Святослава. Сѣдлай, братъ, своихъ быстрыхъ коней, а мои кони уже готовы, осѣдланы, стоятъ у Курска, — впереди.

«Мои куряне—лихіе наѣздники, подъ трубами они пеленаны, подъ шлемами взлелѣяны, концомъ копья вскормлены, дороги имъ вѣдомы, овраги имъ знакомы, луки у нихъ натянуты, кол-

чаны открыты, сабли навострены, скачутъ на коняхъ, словно волки въ полѣ, ищутъ себѣ чести, а князю славы...»

«Тогда вступилъ Игорь въ свое златое стремя и поѣхалъ по чистому полю. Тѣ передъ нимъ солнце затмилось, а теперь, какъ наступила ночь, буря застонала, гроза разбудила птицъ въ лѣсахъ. Звѣри воютъ въ степяхъ; зловѣщая птица (дивъ) кричитъ съ верху дерева.

«Неторенными дорогами несутся половцы къ великому Дону. Ведетъ Игорь къ Дону и своихъ воиновъ. Птицы уже чуютъ добычу; волки по оврагамъ завываютъ; орлы своимъ клектомъ скликаютъ звѣрей на трупы.

«Утромъ въ пятницу русскіе смяли поганые полки половецкіе, помчали въ плѣнъ красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними золото, ткани, дорогія парчи. Кожухами и епанчами стали дороги мостить по болотамъ да по топкимъ мѣстамъ. Красное знамя, бѣлая хоругвь, серебряное древко достались храброму Игорю.

«Отдыхаетъ въ полѣ храброе гнѣздо (русскихъ воиновъ). Не родилось оно на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый половчинъ. Гзакъ (половецкій ханъ) бѣжитъ сѣрымъ волкомъ, Кончакъ слѣдъ ему прокладываетъ къ широкому Дону.

«Кровавой зарею начинается день. Черныя тучи съ моря идутъ. Закроютъ онѣ князей русскихъ. Трепещутъ въ тучахъ синія молніи. Быть грому великому; итти дождю стрѣлами съ Дона широкаго; копьямъ тутъ поизломаться; саблямъ зазубриться о шлемы половецкіе на рѣкѣ на Каялѣ, у Дону широкаго.

«О Русь, далеко зашла ты! Вотъ вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ стрѣлами съ моря на храбрые полки Игоря! Земля дрожитъ, рѣки мутно текутъ, пыль по полямъ стелется, знамена шумятъ. Идутъ половцы отъ Дона, идутъ отъ моря, со всѣхъ сторонъ окружили они русское войско. Криками своими наполнили они поля. Заградили себя храбрые руссичи багряными щитами: Яръ-туръ Всеволодъ! ты стоишь впереди, прыщешь стрѣлами, гремишь мечами булатными по шлемамъ. Гдѣ проскачетъ Буй-туръ, своимъ золотымъ шлемомъ посвѣчивая, тамъ лежатъ поганыя головы половецкія, раздроблены шлемы аварскіе твоими саблями закаленными, Яръ-туръ Всеволодъ!

«Какой раны побоится тотъ, братцы, кто позабылъ о почестяхъ, о жизни, о золотомъ престолѣ, кто отказался отъ ласки жены своей, прекрасной Глѣбовны?

Были тяжелыя времена, были походы Олега Святославича. Олегъ тотъ мечомъ крамолу ковалъ, стрѣлы по родной землѣ сѣялъ. Много горя причинилъ онъ Всеволоду и Владимиру. Тогда

при этомъ Олегѣ Гориславичѣ сѣялись и всходили усобицы, гибла жизнь человѣческая, въ княжьихъ крамолахъ вѣкъ людской сократился. Рѣдко тогда на поляхъ въ Русской землѣ раздавались голоса пахарей; но часто вороны каркали, дѣля между собою трупы убитыхъ. То бывало во времена прежнихъ битвъ, прежнихъ походовъ, а о такой битвѣ, какъ эта, и не слыхано. Съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ копья стальныя въ невѣдомомъ полѣ, среди земли Половецкой. Земля была копытами вспахана, костьми засѣяна, кровью полита; горемъ взошелъ посѣвъ этотъ по Русской землѣ...

«Строитъ Игорь снова свои полки. Жаль ему милаго брата Всеволода.

«Бились день, бились другой, на третій день къ полудню пали знамена Игоря. Тутъ братья разлучились на берегу быстрой Каялы, тутъ кроваваго вина не достало, тутъ пиръ покончили храбрые руссичи, сватовъ попоили, а сами полегли за Русскую землю!

«Никнетъ трава отъ жалости, и дерево, словно въ печали, опустило вѣтви къ землѣ. Тяжелая невзгода въ пустынѣ силу похоронила...

«Не стало у князей единомыслія на поганыхъ. Говаривалъ братъ брату: «Это мое и то мое же, и стали князья малое считать за великое и сами на себя крамолу ковать, а поганые (половцы) тѣмъ временемъ со всѣхъ сторонъ съ побѣдами приходили на землю Русскую... О далеко залетѣлъ соколъ (Игорь), избивая птицъ, къ морю... Игоревой храброй дружины уже не воскресить! А по Русской землѣ поскакали половцы. Стали плакать жены русскія, причитаючи: «Уже намъ своихъ милыхъ мужей ни мыслію примыслить, ни думою придумать, ни глазомъ увидѣть, а золотомъ и серебромъ совсѣмъ ужъ не тѣшиться». Застоналъ, братья, Кіевъ, отъ скорби, а Черниговъ отъ напастей. Тоска разлилась, печаль великая потекла по Русской землѣ!.. А князья сами другъ на друга крамолу ковали, а поганые на Русскую землю нападали и дань брали по бѣлкѣ съ двора. Храбрые Игорь и Всеволодъ пробудили снова ту вражду, которую усыпилъ было отецъ ихъ, грозный Святославъ. Онъ, какъ гроза, привелъ въ трепетъ землю Половецкую своими сильными полками, своими булатными мечами... Тутъ (иноземные торговцы въ Кіевѣ) нѣмцы и венеціане, греки и моравцы прославляютъ Святослава, корятъ Игоря, что онъ силу потопилъ на днѣ Каялы, рѣки половецкой, много золота русскаго разсыпалъ...

«Видитъ Святославъ недобрый сонъ. «Въ прошлую ночь, разсказываетъ онъ боярамъ, снилось мнѣ, что въ Кіевѣ на горахъ съ вечера покрывали меня чернымъ покрываломъ на тесовой кро-

вати, черпали мнѣ синее вино съ зельемъ смѣшанное, сыпали мнѣ крупный жемчугъ на постель... Всю ночь каркали вороны». И отвѣчали бояре князю: «Тоска, князь, полонила умъ твой: два сокола слетѣли съ отцовскаго золотаго трона, чтобы опять добиться Тмутаракани или напиться шлемомъ изъ Дона. Уже поусѣкли сабли поганыхъ крылья у обоихъ соколовъ, а самихъ оковали желѣзными путами. На рѣкѣ Каялѣ тьма покрыла свѣтъ. По Русской землѣ разошлись половцы, словно хищные барсы. Князья наши потопили свое счастье и дерзость придали хану». Тогда Святославъ изронилъ изъ души золотое слово, слезами облитое: «Дѣти мои, Игорь и Всеволодъ! Рано вы начали Половецкую землю сокрушать мечами, а себѣ славы искать: безславно вы побѣдили, безславно кровь поганую пролили. Ваши мужественныя сердца крѣпкимъ булатомъ скованы, буйной удалью закалены! И вотъ что причинили вы моей сѣдинѣ!» Далѣе сочинитель «Слова», выражая свою печаль, называетъ сильныхъ князей, современныхъ ему — Всеволода Юрьевича, Ярослава Галицкаго и др., которые могли бы сокрушить половцевъ, если бы хотѣли.

«Великій князь Всеволодъ! Тебѣ и на мысль не пришло прилетѣть издалека на защиту отцовскаго золотаго престола? А можешь ты Волгу веслами раскропить, Донъ шлемами вычерпать!.. А ты, Галицкій Осмомыслъ — Ярославъ! Высоко ты сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ, укрѣпилъ ты Карпатскія горы своими могучими полками, заслонивъ путь венгерскому королю... Молва о грозныхъ силахъ твоихъ разносится по землѣ. Стрѣлами своими грозишь ты съ престола твоего султану. Стрѣляй, государь, въ Кончака, раба поганаго, заступись за Русскую землю, за раны Игоря, храбраго Святославича. И ты, буйный Романъ и Мстиславъ! Мужественная мысль возноситъ умъ вашъ на великій подвигъ; вы пылко стремитесь на дѣло, какъ соколъ, рѣющій по воздуху, на птицу...»

Далѣе въ сказаніи припоминаются и другіе князья, которые при всей ихъ храбрости напрасно кровь проливали и своими крамолами накликали литовцевъ на Русскую землю, и отъ нихъ приходилось терпѣть тѣ же насилія, какъ отъ половцевъ. Вспоминается и непосѣдливый, безпокойный князь Всеславъ. Изъ-за него на рѣкѣ Немизѣ (Нѣманѣ) много сгибло русскихъ силъ «словно на току вмѣсто сноповъ стелили людей, молотили цѣпами булатными (мечами), вѣяли душу отъ тѣла...» И не добрымъ засѣяны берега Нѣмана, — засѣяны трупами сыновъ русскихъ! Но безпокойный Всеславъ и самъ немало бѣды вытерпѣлъ.

Еще въ древности мудрый Баянъ припѣвалъ ему разумную припѣвку: «Ни хитрому ни гораздому суда божьяго не миновать»

Затѣмъ сказаніе переходитъ къ женѣ Игоря, Евфросиніи Ярославнѣ, дочери Галицкаго князя «Осмомысла».

«Слышенъ голосъ Ярославны (супруги Игоря), словно кукушка невидимая, рано она плачетъ и причитаетъ: «Полечу,—говоритъ она,—къ Дону кукушкою, омочу бобровый рукавъ свой въ Каялѣ рѣкѣ, оботру князю кровавыя раны его на могучемъ тѣлѣ его». Плачетъ Ярославна въ Путивлѣ на городской стѣнѣ. «О вѣтеръ, вѣтрило!—говоритъ она,—зачѣмъ, господинъ, несешь ты несчастья? Зачѣмъ несешь ты ханскія стрѣлы на воевъ мужа моего. Мало тебѣ развѣ вѣять на высотѣ подъ облаками? Лелѣешь корабли ты на море, зачѣмъ же ты мое счастье развѣялъ по ковылю? О Днѣпръ Словутичъ! (славный) ты пробилъ каменныя горы сквозь землю Половецкую, ты лелѣялъ на себѣ суда Святослава, взлелѣй, господинъ, моего мужа ко мнѣ, чтобы я не слала ему слезъ моихъ. Свѣтлое, пресвѣтлое солнце! Всѣмъ тепло и красно ты, зачѣмъ же ты жгло лучами своими воевъ мужа моего? Въ полѣ безводномъ засухою у нихъ луки согнуло, натуго у нихъ колчаны сомкнуло?»

(Игорю удается бѣжать изъ половецкаго плѣна.)

Игорю — князю Богъ путь даетъ изъ земли Половецкой въ землю Русскую къ отцовскому золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спитъ... Игорь пробудился... Мысленно онъ поле измѣряетъ отъ Дону великаго до малаго Донца. Готовъ конь къ полуночи, Овлуръ (сообщникъ Игоря) свистнулъ за рѣкою. Князя Игоря нѣтъ! Крикнулъ онъ, дрогнула земля, зашумѣла трава, поднялся станъ половецкій. Пустился Игорь, словно горностай въ тростникѣ, несется на борзомъ конѣ своемъ, словно волкъ въ степи. Не догнать Гзаку и Кончаку своего плѣннаго. «Тяжело тебѣ головѣ безъ плечъ,—говорилъ въ старину Баянъ,—худо тебѣ тѣлу безъ головы». Такъ тяжело землѣ Русской безъ Игоря. Что солнце сіяетъ на небѣ, такъ Игорь въ Русской землѣ. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святой Богородицѣ Пирогощей (церковь въ Кіевѣ). Страны рады, города веселы, воспѣвая пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ. Воспоемъ и мы: слава Игорю Святославичу, Буй-туру-Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Да здравствуютъ князья и дружина, поборающая за христіанъ на полки поганые!

Нашествіе татаръ.

Вскорѣ послѣ Мономаховой кончины опять поднялись на Руси смуты. Всякій норовилъ захватить столъ великокняжескій, и Кіевъ безпрестанно переходилъ изъ однѣхъ рукъ въ другія.

Такъ прошло безъ малаго 50 лѣтъ; великое княженіе досталось одному изъ внуковъ Мономаха, Андрею Боголюбскому. Видя, какая безладица стоитъ въ южной Руси, Андрей не поѣхалъ въ Кіевъ, а поставилъ великокняжескій столъ въ своей Суздальской области, въ городѣ Владимирѣ (на Клязьмѣ). Кіевъ пересталъ быть старшимъ городомъ Русской земли, и жизнь русскаго государства мало-по-малу перешла на иную дорогу.

Но пока нарождалась эта перемѣна, усобицы не утихали.

Такъ жила Русская земля, когда на нее обрушилась новая напасть — нагрянули татары.

Татары, или монголы, жили далеко на востокъ отъ русскаго рубежа, внутри Азіи. Они были народъ кочевой, избъ не строили, а жили въ круглыхъ кибиткахъ, или юртахъ, которыя дѣлали изъ хвороста или тонкихъ жердей и покрывали войлокомъ. Татары пашню не пахали, а были скотоводы, скота держали очень много и всюду гнали за собой стада. Вѣрили они въ одного бога, но молились и приносили жертвы идоламъ. Нравомъ татары были люты и на прибыль жадны, но въ жизни своей воздержны и терпѣливы: легко переносили голодъ, зной, стужу. На войнѣ они были проворны, увертливы, хитры и вѣроломны; ручныхъ схватокъ не любили, а бились больше издали, стрѣлами. Непріятелей своихъ они не щадили, особенно тѣхъ, которые оборонялись; плѣнныхъ убивали безъ милосердія; страну, которую воевали, жгли и разоряли до тла.

Татарами правили многіе князья, или ханы, каждый самъ по себѣ; они ссорились другъ съ другомъ, вели войны. Одинъ изъ такихъ князей, Чингизъ-ханъ, покорилъ подъ свою власть эти орды и двинулъ ихъ на сосѣдніе народы. Завоевавъ окольныя страны, татары пошли дальше. Одна изъ татарскихъ ратей дошла до половецкихъ степей и въ 1223 году стала громить половцевъ. Половцы толпами бѣжали въ Русь; князь ихъ пріѣхалъ съ поклономъ къ русскимъ князьямъ, одарилъ ихъ богато и просилъ помощи. «Мы теперь побиты,—говорили половцы;—а если намъ не поможете, такъ порубятъ и васъ». Нѣсколько князей русскихъ сошлись вмѣстѣ и встрѣтились съ татарами на рѣкѣ Калкѣ, у Азовскаго моря. Здѣсь князья, какъ и всегда, не поладили между собою. Двое изъ нихъ, не сказавши ничего другимъ, ударили на татаръ. Бились крѣпко и храбро, но татары налегли со всѣхъ сторонъ и осилили. Половцы побѣжали первые и смяли станъ русскій. Тѣ, которые были въ станѣ, держались, однако, еще три дня, а потомъ отдались татарамъ на клятву. Но татары, захвативъ русскихъ, всѣхъ ихъ до одного изрубили, а князей раздавили: положили ихъ подъ доски и сѣли на нихъ

обѣдать. Остальныхъ русскихъ татары гнали до рѣки Днѣпра и на пути погубили множество народа; жители выходили къ нимъ изъ городовъ съ крестами, а они всѣхъ побивали. У Днѣпра татары остановились, повернули назадъ и ушли опять въ свои азіатскія кочевья.

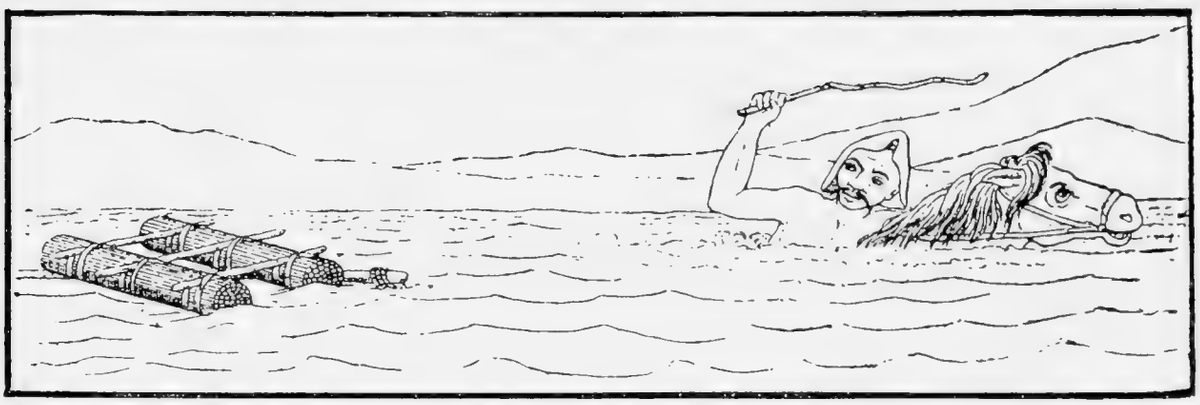
Прошло нѣсколько лѣтъ, про татаръ и слухъ пропалъ. О нихъ стали забывать, какъ о страшномъ снѣ, который не сбы-

Успенскій монастырь во Владимирѣ (1185—1189 г.).

вается; князья принялись усобиться попрежнему. Но народъ все-таки не былъ покоенъ и смутно ждалъ чего-то недобраго: пошли неурожаи, за ними голодъ, мѣстами стлался по землѣ густой туманъ, лѣса сильно горѣли, появилось моровое повѣтріе, и вдобавокъ ко всему, потянулась по небу комета, большая звѣзда съ длиннымъ хвостомъ. «Быть бѣдѣ», говорили всѣ въ ужасѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, бѣда нагрянула, хоть и комета, и туманы, и всѣ другія знаменія были тутъ ни при чемъ.

Огромная татарская орда, силою въ 300 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Батыя, появилась въ 1237 году въ Рязанскомъ княжествѣ. Батый послалъ къ рязанскимъ князьямъ требовать дѣсятую часть отъ всего: отъ князей, отъ простыхъ людей, отъ коней. Князья отвѣчали: «Когда насъ всѣхъ не станетъ, тогда все будетъ ваше». У князей рязанскихъ ратной силы было мало: по одному русскому ратнику приходилось на 100 татаръ; они послали къ великому князю просить подмоги. Великій князь Юрій не далъ помощи рязанскимъ князьямъ, думалъ управиться съ татарами одинъ. Какъ саранча обступили татары Рязань, взяли ее приступомъ, обманомъ залучили къ себѣ князя и княгиню и убили ихъ; церкви и монастыри пожгли; плѣнныхъ или рубили или разстрѣливали изъ луковъ. Такъ разорили они всю Рязанскую

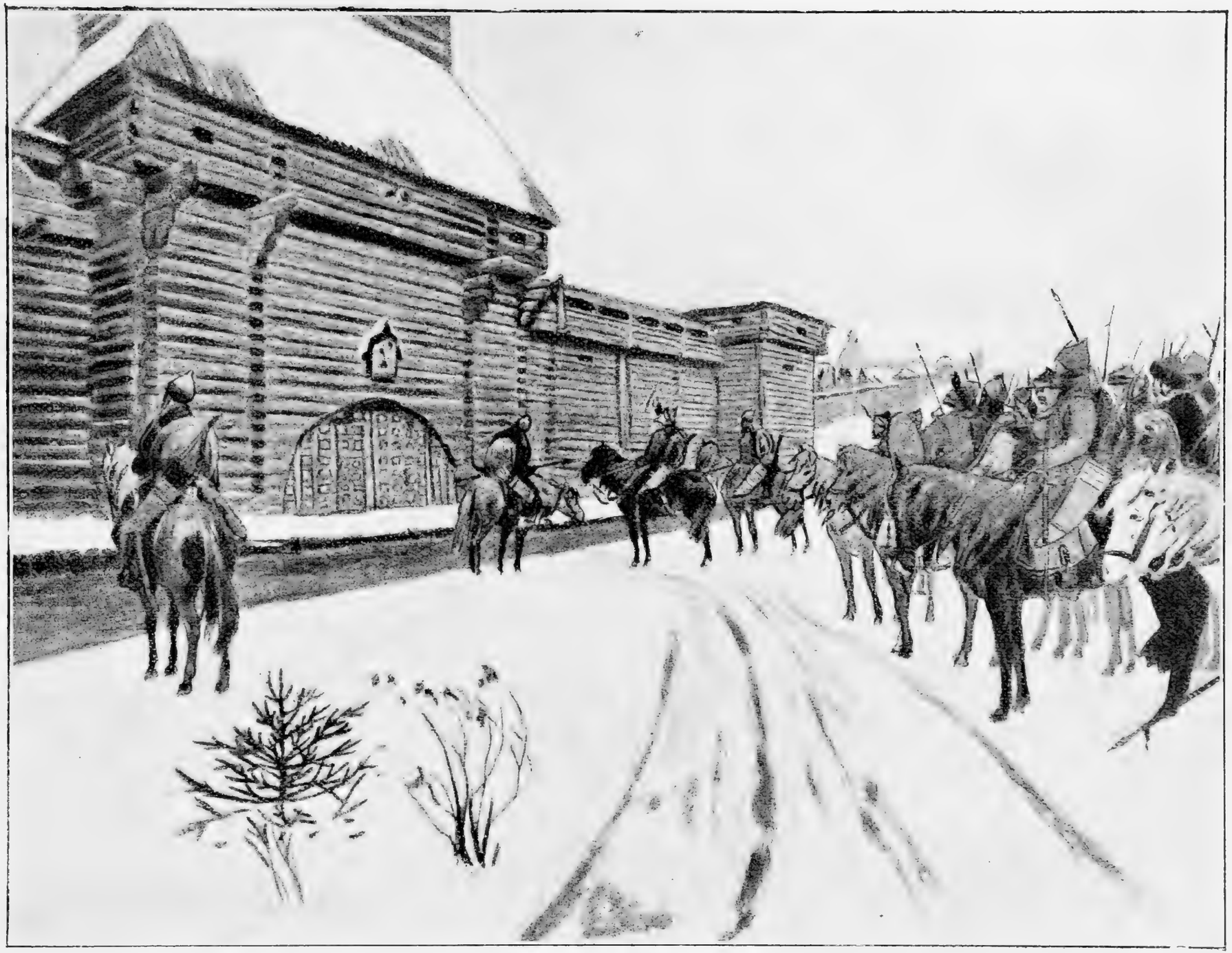


Переправа татарина черезъ рѣку.

землю, потомъ взяли Коломну, потомъ Москву и Суздаль, что можно разграбили, остальное сожгли, а народъ либо перебили, либо повели въ полонъ.

Какъ за рѣченькой, за быстрою,
Не огонь горитъ, а полымя,
Злы татарченки города берутъ,
Города берутъ, по себѣ дѣлятъ,
Да кому что достанется:
Кому золото, кому серебро,
Кому добрый конь, кому платье цвѣтное,
Кому платье цвѣтное, кому русска нянюшка.

Отъ Суздаля пошли они на стольный городъ Владимиръ. Сынъ великаго князя Всеволодъ вышелъ имъ навстрѣчу съ богатыми дарами, но Батый не смилостивился, не пощадилъ его молодости, велѣлъ его зарѣзать. Епископъ Митрофанъ, великая княгиня, многія другія княгини, бояре и простые люди запер-



А. Ѳ. Максимовъ. Врагъ подъ стѣнами.

лись въ церкви Богородицы; татары сожгли церковь со всѣмъ народомъ. Взявъ Владимиръ и пожегши всю суздальскую страну, татары ударили на великаго князя, который съ ратью стоялъ на р. Сити. Русскіе бились храбро, но не могли выстоять, побѣжали; великій князь былъ убитъ. Орда повалила дальше, взяла Тверь, Торжокъ и пошла было на Новгородъ, посѣкая людей какъ траву. Но, не доходя ста верстъ до Новгорода, Батый повернулъ назадъ, къ Волгѣ: убоялся онъ весенняго времени, когда таютъ болота и разливаются рѣки. Такъ спасся Новгородъ отъ неминучей бѣды.

На пути Батыя къ степямъ лежалъ городъ Козельскъ. Козельцы на вѣчѣ рѣшили: татарамъ не сдаваться и положить свой животъ за князя, чтобы получить на этомъ свѣтѣ славу, а на томъ вѣнецъ отъ Христа-Бога. Батый провозился съ Козельскомъ семь недѣль; горожане бились съ татарами въ полѣ, рѣзались съ ними на стѣнахъ городскихъ и полегли честно всѣ до послѣдняго. Не пощадила орда ни женщинъ, ни старцевъ, ни младенцевъ; сталъ Козельскъ одною огромною могилой. Козельскій князь тоже погибъ; былъ онъ еще малымъ ребенкомъ, и пронеслась молва, будто утонулъ въ крови. Съ той поры татары не называли города Козельскомъ, а звали злымъ городомъ.

Наконецъ татары отхлынули въ степи половецкія, покорили или выгнали половцевъ и заняли ихъ страну. Русскіе думали, что бѣда прошла и больше не вернется, что татары опять уйдутъ въ Азію, но ошиблись жестоко. Въ слѣдующемъ 1239 году татарскія толпы появились въ южной Руси, гдѣ ихъ еще не видали, взяли Переяславъ, Черниговъ и подошли къ Кіеву. Ни одинъ изъ русскихъ городовъ не приглянулся такъ татарамъ, какъ Кіевъ. Красиво раскинулся онъ на холмахъ днѣпровскаго берега; бѣлая каменная стѣна опоясывала его со всѣхъ сторонъ; надъ нею вились башни, изукрашенныя хитрой работой. Многое множество церквей красовалось на синемъ небѣ; главы ихъ сіяли и блистали на солнцѣ; вокругъ города тянулись рощи, одѣтыя зеленою листвой. Татары отправили въ городъ пословъ, требовать сдачи; кіевляне вмѣсто отвѣта убили пословъ. У татаръ было мало съ собой рати, и они отошли отъ города, но на другой годъ явился самъ Батый.

Орда облегла городъ со всѣхъ сторонъ, кіевляне не могли разслышать другъ друга отъ скрипа множества телѣгъ татарскихъ, отъ рева верблюдовъ и ржанія коней.

День и ночь били татары пороками (бревнами на цѣпяхъ) стѣны; наконецъ разбили ихъ и бросились въ городъ. Послѣ крѣпкаго боя орда захватила стѣны и полегла на нихъ отдыхать

на ночь. Кіевляне огородились въ ночь новымъ тыномъ около Богородичной церкви, такъ что татарамъ пришлось утромъ снова итти въ бой. Страшная была сѣча; горожане стояли крѣпко, но не могли одолѣть великую силу татарскую. Многіе стали спасаться въ церкви и сносить туда свои пожитки; стѣны церковныя не выдержали, рухнули отъ великой тяжести и передавили народъ. Въ Николинъ день, 6 декабря 1240 года, татары завладѣли городомъ. Мало кто изъ кіевлянъ спасся отъ смерти, да и самаго города почти не стало; вездѣ лежали однѣ груды камня и обгорѣлаго лѣса.

Изъ-подъ Кіева Батый пошелъ дальше, на западъ, опустошилъ русскія земли, которыя лежали на пути, и перешелъ рубежъ. Къ счастію крещенаго міра, не вездѣ была такая неурядица, какъ на Руси: нѣсколько иноземныхъ государей сошлись и заступили татарамъ путь. Татары не отважились на битву, повернули назадъ и ушли въ половецкія степи.

Съ той поры татары стали владѣть Русью. Они заняли своими кочевьями всѣ степи на югѣ и на востокѣ Россіи и назвали свое царство Золотою Ордой. Первымъ дѣломъ Батый отдалъ приказъ, чтобы всѣ русскіе князья ѣхали къ нему на поклонъ. Князья поѣхали: мало кто посмѣлъ ослушаться. Тамъ имъ пришлось выносить необычное униженіе и позоръ: проходить между двухъ огней, чтобы не занести къ хану какого зла, становиться передъ нимъ на колѣни, пить кумысъ (напитокъ изъ кобыльяго молока).

Какъ степной пожаръ прошла орда по Русской землѣ; города, села, церкви пылали. Поля тянулись вытоптанныя, выжженныя. Звѣрь лѣсной рыскалъ тамъ, гдѣ незадолго жили мирныя, работящія семьи; уцѣлѣвшіе люди отъ страха гнѣздились въ лѣсныхъ трущобахъ.

Полоняночка.

Изъ-за горы, горы, изъ-за темнаго лѣса
Татары идутъ, полоняночку везутъ.
У полоняночки коса изъ золотого волоса —
Густой боръ освѣтила,
Зеленую дубраву и дорогу.
За полоняночкой въ погоню бѣжитъ
Ея батенька.
Кивнула полоняночка головой,
Махнула бѣлою рукой:
«Вернись, батенька, вернись, родненькій.
Ты жъ меня уже не отнимешь,
Только самъ, старенькій, загинешь!»

Колыбельная пѣсня.

(Народная пѣсня.)

Спи, усни, мое дитятко,
Поколь гроза пройдетъ,
Поколь бѣда минетъ.
Спи, усни, мое дитятко,
Гроза пройдетъ страшная,
Бѣда минетъ наносная.
Спи, усни, мое дитятко.
Твоя матушка—полоняночка,
Твой батюшка—полоняночекъ.
Злы татарева набѣгали,
Домы, терема пожигали,
Старыхъ стариковъ убивали,
Молодыхъ въ полонъ полонили,
Животы по себѣ дѣлили.
Разлучили тебя, дитятко,
Во крѣпости и младости.
Ужъ у тебя ли на дворѣ
Стоитъ теремъ одинехонекъ,
Безъ батюшки и матушки.
Ты сѣдлай коня вороного,
Ты скачи въ орду золотую,
Вывози батюшку родного
На святую Русь;
Вывози матушку родиму
На широкій ли дворъ.
Баю, баюшки баю,
Баю, мое дитятко.

Состояніе русской земли во время татаръ.

Тяжко было владычество татаръ для русскихъ. Ханы смотрѣли на русскую землю, какъ на свой улусъ (владѣніе), на князей, какъ на слугъ своихъ, заставляли ихъ унижаться предъ собою, творили надъ ними судъ и расправу. Къ счастію, татары не преслѣдовали христіанской вѣры; хотя во время перваго нашествія грабили и разоряли церкви, но вообще отличались вѣротерпимостью.

По законамъ Чингизъ-хана служители всѣхъ вѣроисповѣданій освобождались отъ платежа дани; хотя татары взимали тяжелую дань со всѣхъ селъ и городовъ, но съ монастырей и церквей ничего не брали. Потомъ ханъ Мангу далъ духовенству ярлыкъ, по которому духовенство бѣлое и черное освобождалось отъ платежа даней и всякихъ пошлинъ,—«пусть, — говорится въ ярлыкѣ,—безпечально молятся за хана и за все его племя».

Тяжелѣе всего татарское иго было для простого народа. Русскія области были обложены тяжелою данью. Сначала ханъ посылалъ своихъ баскаковъ (чиновниковъ) съ военными отрядами собирать дань, а потомъ ханы стали отдавать ее на откупъ хивинскимъ (бесерменскимъ) купцамъ; откупщики эти впередъ уплачивали хану деньги, а потомъ собирали дань, конечно, съ большимъ барышомъ для себя. Они ходили по селамъ и городамъ съ отрядами татаръ и производили сборъ дани съ безчеловѣчной

жестокостью. Если кто не платилъ, ссылаясь на бѣдность, того заподозрѣвали, что онъ только притворяется неимущимъ, и безпощадно били его палками на улицахъ или на перекресткахъ, на рыночныхъ площадяхъ. Забирали у крестьянъ часто всѣ пожитки, лошадей, земледѣльческія орудія; многіе послѣ такихъ поборовъ оставались безпомощными нищими. Если нечего было взять у бѣдняковъ, то отбирали у нихъ дочерей, сыновей или ихъ самихъ уводили въ рабство. До сихъ поръ народъ въ пѣсняхъ своихъ вспоминаетъ, какъ «злой татаринъ собиралъ дань»:

Съ князей бралъ по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублей;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У кого дитяти нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.

Не одни сборщики податей притѣсняли народъ. Часто по русскимъ землямъ ѣздили къ разнымъ князьямъ татарскіе послы съ конными отрядами. Не только простой людъ, но и купцы и бояре терпѣли отъ нихъ оскорбленія. Нерѣдко подъ видомъ пословъ заходили въ русскія области бродячія шайки татаръ и творили всякія насилія. Они охотно захватывали дѣвицъ и молодыхъ женщинъ въ рабство. У татаръ было многоженство, и потому невольницъ въ Ордѣ охотно покупали.

Сохранилась у народа до сихъ поръ память о ненавистныхъ родственныхъ связяхъ съ татарами. Въ одной колыбельной пѣснѣ говорится о такомъ случаѣ: попала въ татарскую неволю русская дѣвушка, когда была еще семилѣтнимъ ребенкомъ; стала она потомъ женою татарина, а чрезъ нѣсколько лѣтъ попала въ плѣнъ къ этому татарину и ея мать.

— Привезъ я тебѣ русскую нянюшку, — говоритъ татаринъ своей молодой женѣ:—ты заставь ее дѣлать три дѣла: ковры вышивать, гусей стеречь и дѣтей качать.

Узнаетъ мать въ женѣ татарина свою родную дочь, убаюкиваетъ ребенка, сына «своего злого ворога и родной доченьки». Больно щемитъ сердце няни, когда она поетъ:

Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты по батюшкѣ злой татарченочекъ,
Ты не крещеный, не молитвенный,
А по матушкѣ милъ внученочекъ,
Мой внученочекъ—русска косточка!

Изъ южныхъ и юго-восточныхъ русскихъ областей, куда безпрерывно заходили шайки татаръ, народъ толпами уходилъ на сѣверъ. И тутъ была жизнь тяжелая, «сиротское житье», какъ выражался народъ; но все же сюда порѣже заходили татары. Страшно обѣднѣлъ народъ отъ татарскихъ поборовъ. Много обнищалыхъ крестьянъ принуждены были итти въ кабалу, въ холопы къ зажиточнымъ людямъ. Охотнѣе всего крестьяне селились на монастырскихъ земляхъ и княжескихъ: здѣсь было больше охраны отъ татарскихъ насилій.

Бѣдность, нищета отъ татарскаго разоренія и поборовъ больше всего мѣшали просвѣщенію. Не до ученія, не до книгъ было, когда большинству приходилось думать о томъ, какъ бы не умереть съ голода. Во время татарскаго погрома много погибло книгъ и дорогихъ рукописей.

Щелканъ Дудентьевичъ.

Народная пѣсня

А и дѣялось въ ордѣ,
Передѣялось въ большой,
На стулѣ золотѣ,
На рдѣтомъ бархатѣ,
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ.
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ
Азвякъ Тавруловичъ
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Одного не пожаловалъ:
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича,—
За то не пожаловалъ,—
Его дома не случилося.
Уѣзжалъ-то младъ-Щелканъ
Въ дальную землю литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ младъ-Щелканъ
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сто рублевъ,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ;
У котораго денегъ нѣтъ—
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ—
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ—
Того самого головой возьметъ.
Вывезъ младъ-Щелканъ
Дани-выходы,
Царскія невыплаты;
Вывелъ младъ-Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ—цѣны ей нѣтъ
Проговоритъ младъ-Щелканъ
Младъ Дудентьевичъ:
— Гой еси, царь Азвякъ,

Азвякъ Таврулович!
Пожаловалъ ты молодцовъ
Любимыхъ шуриновъ,
Двухъ удалыхъ Борисовичевъ:
Василья на Плесу,
Гордѣя къ Вологдѣ,
Ахрамея къ Костромѣ;
Пожалуй ты, царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи.
И въ тѣ поры младъ-Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А немного онъ судьею сидѣлъ:
Надо всѣми наругатися;
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,—
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ:
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли съ честными подарками—
И понесли они честные подарки
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Въ та поры младъ-Щелканъ—
Зачванился онъ, загординился,
И они съ нимъ раздорили:
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой—за ноги,
И тутъ его разорвали.
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося.

Александръ Невскій.

Великій Новгородъ сначала жилъ подъ рукой князей кіевскихъ; но Кіевъ былъ далеко, князья кіевскіе не могли править Новгородомъ, какъ Кіевомъ. Новгородцы повернули это въ свою выгоду и мало-по-малу стали управляться сами собой. Великій Новгородъ самъ выбиралъ себѣ князей, самъ же и отсылалъ ихъ отъ себя. Князь, котораго призывали въ Новгородъ, шелъ туда княжить на всей волѣ новгородской и въ томъ цѣловалъ крестъ Великому Новгороду.

Крѣпко любилъ Великій Новгородъ свою вольность и зорко сторожилъ ее отъ князей.

Передъ самымъ Батыевымъ нашествіемъ князь Ярославъ добылъ себѣ столъ Кіевскій и оставилъ въ Новгородѣ княземъ 17-лѣтняго сына своего Александра.

Первые годы Александрова княженія прошли мирно и покойно, но когда съ востока стали ломить на Русь татары, съ запада и съ полночи поднялись на нее другіе враги, и новгородцамъ пришлось отъ нихъ отстаивать себя и Русскую землю. Прежде всѣхъ начали шведы.

Шведская земля хоть и лежала далеко, за Балтійскимъ моремъ, но шведы уже давно начали пробираться въ сосѣднія съ Новгородскою областью финскія земли.

Лѣтомъ 1240 года шведское войско приплыло въ Неву, разсчитывая пройти Ладожскимъ озеромъ и Волховомъ въ самую глубь Новгородской земли. Александръ, не теряя времени, съ набранной насп'ѣхъ малою ратью пустился внизъ по Волхову.

Утромъ 15 іюля Александрова рать подошла къ шведскому становищу и дружно ударила на незванныхъ гостей. Между шведами поднялся переполохъ, ратники бросались изъ конца въ конецъ за оружіемъ и доспѣхами, а новгородцы рубили ихъ мечами и топорами.

Бой длился до ночи; шведовъ полегло великое множество, остальные сѣли на корабли и уплыли во-свояси. Новгородская земля спаслась отъ многихъ бѣдъ, и благодарные русскіе люди дали Александру названіе Невскаго.

Избавившись отъ одного врага, новгородцамъ скоро пришлось развѣдываться съ другимъ. Поморская страна, гдѣ теперь губерніи: Лифляндская, Эстляндская и Курляндская, была населена язычниками: эстами, ливами, латышами и другими. Русскіе люди хаживали туда и за данью и по торговому дѣлу; появились тамъ мало-по-малу русскіе поселки и даже городъ Юрьевъ. Въ эту-то землю приплыли изъ-за моря нѣмцы, завели сначала торговлю, потомъ заложили гор. Ригу, стали забирать въ свои руки земли одну за другой и завладѣли, наконецъ, всею страной.

Надо было дать нѣмцамъ отпоръ.

Александръ собралъ рать, двинулся къ крѣпости, которую нѣмцы заложили на Новгородской землѣ, взялъ ее и сравнялъ съ землею.

Нѣмцы собрали большое войско и повели его навстрѣчу Александру по льду Чудского озера. Это было въ 1242 году, въ началѣ апрѣля; весна стала тогда поздно. Александръ изрядилъ свою рать тамъ, гдѣ сходится Чудское озеро съ Псковскимъ. Нѣмцы построили свое войско къ бою, какъ тогда говорилось, свиньей, т.-е. такъ, что въ переднемъ ряду стояло мало людей, за ними побольше, и что дальше въ глубь, то шире становился полкъ. Подойдя къ русской рати, нѣмцы такъ и врѣзались въ нее. Поднялось между русскими великое смятеніе. Тогда Александръ съ запаснымъ полкомъ ударилъ на враговъ сзади: чудь и нѣмцы дрогнули и побѣжали.

Съ торжествомъ вернулся Александръ во Псковъ и потомъ въ Новгородъ.

Александръ Невскій съ новгородцами молится передъ битвой.

Громко гремѣла слава Александра Невскаго. Всѣ поминали его добрымъ словомъ, отовсюду несся къ нему горячій привѣтъ.

Захотѣлось повидать Александра Невскаго и Батыю. Послѣ погрома Руси почти всѣ князья перебывали въ Ордѣ, но Александръ не ѣздилъ. Батый велѣлъ ему сказать: «Знаешь ли ты, что Богъ покорилъ мнѣ многіе народы; ты ли одинъ не покоришься? Если хочешь соблюсти свою землю, то приходи поклониться мнѣ». Александръ не помышлялъ перечиться съ татарами, и такъ какъ въ это время умеръ его отецъ, то Александру все равно приходилось ѣхать въ Орду, чтобы не обнесли его при дѣлежѣ Русской земли. Ханъ принялъ его милостиво, почтилъ дарами и сказалъ ближнимъ своимъ людямъ: «Истинная правда все то, что̀ мнѣ про него говорили; нѣтъ подобнаго этому князю».

Александръ Невскій выѣхалъ во Владимиръ съ большимъ торжествомъ. Всѣ чаяли добра отъ его княженія, думали отдохнуть подъ его рукой отъ горькихъ бѣдъ и безвременья.

На великомъ княженіи Александръ занялся прежде всего успокоеніемъ народа и земскимъ устроеніемъ.

Батый ужъ умеръ. Орда досталась брату Батыеву. Надо было ѣхать къ новому хану съ поклономъ и подарками.

Въ это время татары перестали собирать дань сами, а начали отдавать ее на откупъ купцамъ иноземнымъ; съ ними ходили ханскіе посланцы, *баскаки*, съ большими толпами татаръ.

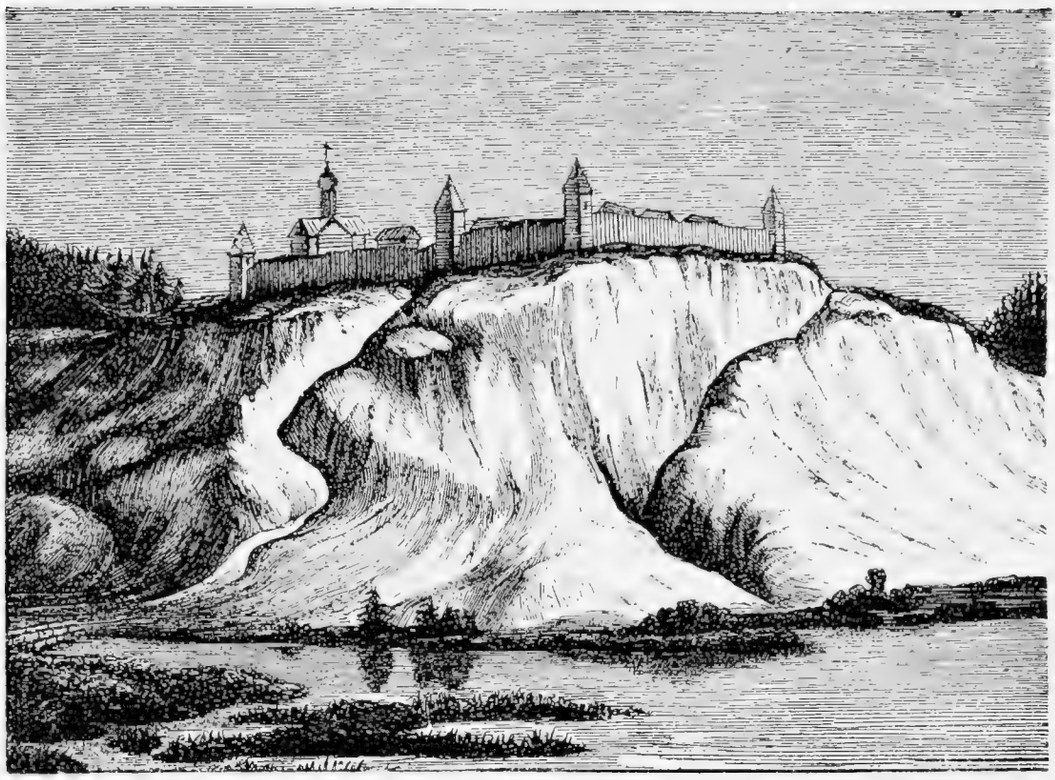
Снявши русскую дань, откупщики брали безъ милосердія со всякаго, что̀ только можно взять, забирали добро неисправныхъ плательщиковъ, либо уводили ихъ въ неволю.

Много долженъ былъ Александръ понести въ Ордѣ горя и труда, отстаивая Русь отъ жадныхъ татаръ. Пришлось пустить въ ходъ рѣчи изворотливыя, посулы разныя, пришлось полными горстями раздавать казну великокняжескую.

Въ Ордѣ князь занемогъ и осенью отправился домой больной, но доѣхалъ только до Городца (нынѣ село въ Балахнинскомъ уѣздѣ) и присталъ въ Ѳедоровскомъ монастырѣ. Здѣсь почуялъ онъ свой конецъ, по обычаю того времени принялъ постриженіе, облекся въ схиму и ночью 14 ноября 1263 года скончался.

Митрополитъ служилъ во Владимирѣ обѣдню, когда дошла до него скорбная вѣсть. Онъ обратился къ народу и со слезами на глазахъ сказалъ: «Дѣти мои милыя, закатилось солнце земли Русской!»

Православная церковь причла Александра къ лику святыхъ.



Древняя Москва.

Возвышеніе Москвы.

Городъ Москва заложенъ болѣе 700 лѣтъ передъ нашимъ временемъ, но въ которомъ именно году—неизвѣстно. На мѣстѣ нынѣшней Москвы издавна стояли поселки.

Сила Московскаго княжества началась съ князя Даніила, младшаго сына Александра Невскаго. Даніилъ былъ разуменъ и досужъ; владѣя волостью малою и небогатою, онъ, однако, не давался въ обиду, удачно воевалъ въ усобицахъ, отнялъ у рязанскаго князя гор. Коломну и самого его взялъ въ полонъ.

Юрій продолжалъ дѣло, начатое отцомъ. Въ самый годъ отцовской смерти онъ напалъ на Смоленскую волость и оторвалъ отъ нея Можайскъ. Вслѣдъ за тѣмъ, когда великокняжескій владимирскій столъ достался по старшинству князю Михаилу Ярославичу Тверскому, Юрій объявился ему противникомъ. Оба князя поѣхали въ Орду на судъ; ханъ далъ ярлыкъ (грамоту) на Владимирское великое княженіе Михаилу. Съ досадой вернулся Юрій домой и повелъ съ Тверью злую войну. Война эта тянулась съ перерывами безъ малаго 25 лѣтъ; много въ это время пролито крови и сотворено неправды. Юрій не брезгалъ ничѣмъ, чтобы усилиться.

Братья Юрія перемерли при его жизни, остался одинъ младшій, Иванъ Калита, прозванный такъ потому, что всегда носилъ при себѣ сумку съ мѣдными деньгами (по тогдашнему *калиту*).

Иванъ Даниловичъ еще при жизни брата правилъ Москвой, потому что Юрій часто и долго бывалъ въ отлучкахъ. Это время послужило Московскому княжеству на пользу.

Со временъ Владимира Святого митрополитъ былъ одинъ на всю Русскую землю, и мѣсто его жительства было для князей дѣломъ великой важности. Въ какомъ городѣ онъ жилъ, тотъ городъ становился, какъ будто, столицей Русской земли; отовсюду ѣздили туда князья, святители, бояре и великіе люди, кому была нужда до митрополита. Отъ этого городъ богатѣлъ и вырасталъ, а князь его становился больше и выше другихъ князей.

Раньше митрополичій престолъ стоялъ въ Кіевѣ, но при Данилѣ Александровичѣ митрополитъ Максимъ перебрался на постоянное жительство во Владиміръ, потому что Кіевъ съ Батыева погрома совсѣмъ запустѣлъ. Послѣ Максима былъ поставленъ въ митрополиты св. Петръ. Съ юныхъ лѣтъ онъ прославился горячимъ благочестіемъ, строгою жизнію и дѣлами христіанскаго милосердія. Онъ многократно давалъ князьямъ совѣты блюсти миръ, заклиналъ ихъ не проливать крови христіанской; ѣздилъ самъ въ Орду. Объѣзжая [illegible]ажды свою епархію, святитель заѣхалъ въ Москву, полюбилъ Ивана Даниловича, послѣ того сталъ часто навѣщать его городъ и проживать въ немъ подолгу. «Если послушаешь меня,—говорилъ онъ Ивану Калитѣ,—воздвигнешь храмъ Пречистой Богородицѣ и меня успокоишь въ своемъ городѣ, то съ сыновьями и внуками прославишься паче другихъ князей, градъ сей будетъ славенъ во всѣхъ городахъ русскихъ, святители въ немъ поживутъ, одолѣетъ онъ враговъ своихъ, и кости мои въ немъ положены будутъ». Иванъ Калита послушался и началъ строить первую въ Москвѣ каменную церковь во имя Успенія Богоматери, а св. Петръ сталъ готовить себѣ каменный гробъ. Скоро онъ преставился и погребенъ въ Москвѣ. Новый митрополитъ поселился на жительство тоже въ Москвѣ, и съ той поры престолъ митрополичій утвердился въ этомъ городѣ навсегда, къ великой пользѣ князей московскихъ.

Пока все это происходило, Русская земля продолжала жить подъ татарской рукой.

Иванъ Калита поѣхалъ въ Орду, обдарилъ всѣхъ по обычаю и выпросилъ себѣ у хана великое княженіе.

Московскій князь сталъ теперь такъ силенъ, что никто съ нимъ тягаться уже не могъ. Люди московскіе хозяйничали въ городахъ; въ Твери Калита велѣлъ снять отъ Спаса большой колоколъ и привезти въ Москву; отъ Великаго Новгорода вымогалъ деньги. Былъ онъ скопидомъ и разсчетливый хозяинъ, умѣлъ беречь деньги на дѣло, умѣлъ и добывать ихъ. Въ Ордѣ московскіе

князья почти всегда осиливали своихъ противниковъ, потому что могли больше платить, а Ивану Калитѣ удалось добиться у татаръ еще новой милости: сталъ онъ собирать на Орду дань съ удѣльныхъ князей. При этомъ онъ не забывалъ себя: казна его росла такъ, что онъ покупалъ у бѣдныхъ князей деревни, села и даже города. Жители сосѣднихъ княжествъ толпами переселялись въ Московскую волость, уходя отъ удѣльной неурядицы и татарскихъ насилій, и имя Ивана Калиты перешло въ потомство съ прозваніемъ *перваго собирателя Русской земли.*

Монастыри.

Въ XIII вѣкѣ продолжаетъ расширяться кругъ городскихъ и подгородныхъ монастырей. Въ сѣверныхъ городахъ къ существовавшимъ прежде монастырямъ прибавляются новые и въ то же время являются первые монастыри въ другихъ городахъ: Твери, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Устюгѣ, Москвѣ. Во многихъ городахъ, гдѣ прежде не сидѣли князья, устанавливаются княжескіе столы. Первый князь новаго удѣла старался украсить свой городъ хотя одной обителью: городъ не считался благоустроеннымъ, если не имѣлъ монастыря и собора.

Но съ XIV в. на сѣверѣ распространяются *пу̀стыни. Пустынь*,—это монастырекъ, возникшій вдали отъ городовъ, въ пустынной, незаселенной мѣстности, обыкновенно среди глухого лѣса.

Городскіе и пустынные монастыри различались между собою. Городскіе и подгородные монастыри обыкновенно созидались набожнымъ усердіемъ высшихъ церковныхъ іерарховъ, также князей, бояръ, богатыхъ горожанъ, — людей, которые оставались въ сторонѣ отъ основанныхъ ими обителей, не входили въ составъ созваннаго ими монастырскаго братства. Живя среди міра, въ ежедневномъ съ нимъ общеніи, такіе монастыри и назывались «мірскими». Другіе основывались людьми, которые, отрекшись отъ міра, уходили въ пустыню, тамъ становились руководителями братіи и сами изыскивали средства для построенія и содержанія монастыря. Строгость жизни, слава подвиговъ привлекала сюда издалека не только богомольцевъ и вкладчиковъ, но и крестьянъ, которые селились вокругъ богатѣвшей обители, рубили окрестный лѣсъ, ставили починки и деревни, расчищали нивы. Такъ на мѣстѣ одинокой хижины отшельника выросталъ многолюдный, богатый и шумный монастырь.

Нѣкоторые монастыри были особенно дѣятельны. Первое мѣсто между ними занималъ монастырь Троицкій Сергіевъ, возник-

шій въ XIV в. Преп. Сергій былъ великій устроитель монастырей: своимъ смиреніемъ, терпѣливымъ вниманіемъ къ людскимъ нуждамъ и слабостямъ и трудолюбіемъ онъ умѣлъ установить въ своей обители образцовый порядокъ. Сергія призывали строить монастыри и въ Москву, и въ Серпуховъ, и въ Коломну. Онъ пользовался всякимъ случаемъ завести обитель, гдѣ находилъ то нужнымъ. Въ 1365 г. в. кн. Димитрій Донской послалъ его въ Нижній Новгородъ мирить ссорившихся князей-братьевъ и на пути, мимоходомъ, онъ нашелъ время въ глуши, на болотѣ при р. Клязьмѣ, устроить пустынку, воздвигнуть въ ней храмъ св. Троицы и поселить «старцевъ пустынныхъ отшельниковъ, а питались они лыками и сѣно по болоту косили». Въ продолженіе XIV и XV в. изъ Сергіева монастыря или изъ его колоній образовалось 27 пустынныхъ монастырей, не говоря о 8 городскихъ. Небольшія лѣсныя рѣчки унизывались десятками монастырей, основатели которыхъ выходили изъ Троицкой Сергіевой обители и другихъ монастырей. Въ 1429 г. Савватій поставилъ первую келью на Соловецкомъ островѣ, гдѣ вскорѣ послѣ его смерти выходецъ изъ Новгорода Зосима устроилъ знаменитый бѣломорскій монастырь.

Лѣсной пустынный монастырь въ своей тѣсной деревянной или каменной оградѣ представлялъ земледѣльческое поселеніе, хотя и непохожее на мірскія, крестьянскія села: монахи расчищали лѣсъ, разводили огороды, пахали, косили, какъ и крестьяне. Вокругъ пустыннаго монастыря образовались мірскія, крестьянскія селенія, которыя вмѣстѣ съ иноческой братіей составляли одинъ приходъ. Куда шли монахи, туда же направлялось и крестьянское населеніе; передъ тѣми и другими лежала одна дорога—въ привольные пустыри сѣвера, гдѣ крестьянинъ могъ на просторѣ производить росчисть дикаго лѣса подъ пашню.

Куликовская битва.

6-го сентября [1]) войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать монголовъ или итти далѣе? Мысли были несогласны. Князья литовскіе говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка, и Александръ Невскій шведовъ.

Великій князь рѣшился—и, къ ободренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву,

---

[1]) 1380 г.

М. В. Нестеровъ.

Труды преподобнаго Сергія.

совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими и гнали ихъ. Дмитрій собралъ воеводъ и сказалъ имъ: «часъ суда Божія наступаетъ!» 7-го сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго броду для конницы и наводилъ мосты для пѣхоты.

Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся; войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ... Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія: «Боже! даруй побѣду государю нашему!» и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству,—Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна и, простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на *черномъ знамени* великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами и милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностью служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. «Долгъ князя,—говорили они,—смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и передай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды». Но Димитрій отвѣтствовалъ: «Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: братья! умремъ за отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ. Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ». Онъ первый ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ ряды смѣшались: гдѣ россіяне тѣснили монголовъ, гдѣ монголы—россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали; такъ нѣкото-

рые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ, или княжескимъ, знаменамъ и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня: тогда Волынскій вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: «Теперь наше время!» Засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на монголовъ. Этотъ внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги, изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: «Великъ Богъ христіанскій!» и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, довершивъ побѣду, *на костяхъ*, или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ и велѣлъ трубить въ воинскія трубы; со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: «гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей славы?» — Никто не могъ дать о немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ воеводы разсѣялись искать его живого или мертваго: долго не находили; наконецъ два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: «Государь! ты побѣдилъ враговъ!» Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ, цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ и сѣлъ на коня. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровью невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ князя среди безчисленныхъ опасностей. Димитрій, провожаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россіянъ и непріятелей.

Иванъ III Васильевичъ.

Послѣ Димитрія Донского московскіе князья продолжали собирать Русскую землю. Ханамъ они уже перестали кланяться, въ Орду ѣздили рѣдко, дань давали только временами, какую сами хотѣли, а часто не давали ничего, отговариваясь, что земля оскудѣла. Орда захирѣла, обезсилѣла; татары уже не громили попрежнему Русскую землю, не шли грозно напроломъ, а наѣзжали урывками, нежданно, по-разбойничьи

Иванъ Васильевичъ рѣшился покончить съ татарами. Онъ пересталъ чиниться съ Золотой Ордой, отказался давать ей дань и съ безчестіемъ выгналъ татарскихъ пословъ изъ Москвы. Ханъ Золотой Орды, Ахматъ, не стерпѣлъ такой обиды, вспомнилъ Батыево время и рѣшилъ привести московскаго князя въ свою волю.

Чтобы дѣло было вѣрнѣе, онъ сговорился съ Литвой напасть на Русь съ двухъ сторонъ и, поднявъ на ноги всю свою Орду, въ 1480 году пошелъ къ русскимъ рубежамъ. Свѣдавъ про это, Иванъ Васильевичъ послалъ навстрѣчу татаръ сильныя рати и, чтобы избавиться отъ Литвы, напустилъ на нее Менгли-Гирея съ крымцами.

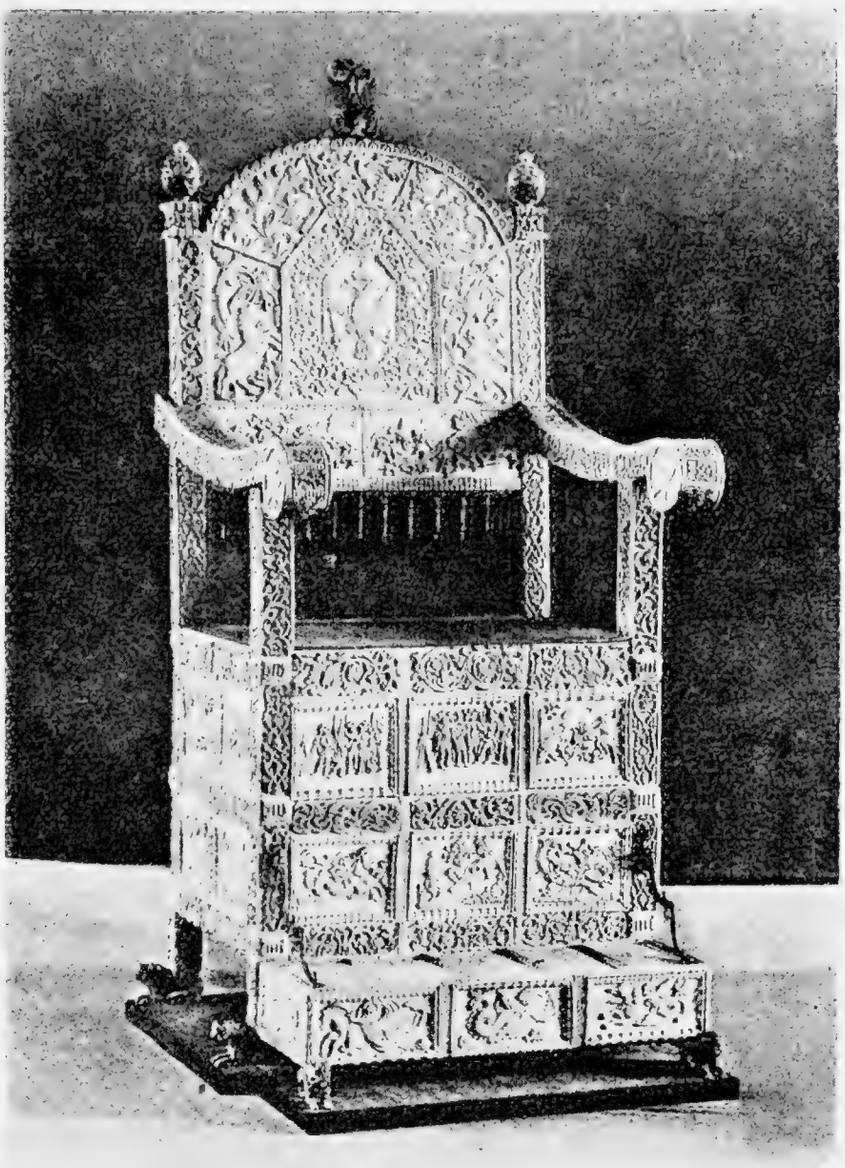
Татары пошли по русскому рубежу, высматривая, гдѣ бы имъ пробраться къ Москвѣ, но на рубежѣ всюду сторожили русскіе полки, и татары шли дальше. Такъ они дошли до рѣки Угры и тутъ разбили свой станъ. На другомъ берегу стояли русскіе, перенявъ броды и перевозы. Боя никто не начиналъ: стояли, смотрѣли другъ на друга да грозились и перебранивались черезъ рѣку. Иванъ Васильевичъ держался своего обычая—не торопился. Его брало раздумье, онъ любилъ всякое дѣло дѣлать навѣрняка, а бой съ татарами было дѣло не вѣрное. Онъ боялся однимъ разомъ потерять то, надъ чѣмъ такъ долго и копотливо работали прежніе князья московскіе и онъ самъ.

А тутъ стали еще его смущать нѣкоторые бояре, которые помышляли только о своемъ богатствѣ, о женахъ да о дѣтяхъ, и смертнаго боя боялись пуще всего.

Пошли переговоры, но ничѣмъ не кончились. Такъ наступила осень, потомъ настали морозы, рѣка Угра стала.

Ахматъ боялся не меньше русскихъ: поэтому въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ тронулся въ обратный путь, а чтобы не прійти домой съ пустыми руками, пограбилъ дорогой Литовскую землю. Великій князь вернулся въ Москву, не проливъ ни одной капли крови, и съ этой поры Русская земля вышла изъ-подъ татарской неволи.

Когда Иванъ III сѣлъ на государство, Москва была городъ деревянный; каменныхъ построекъ въ ней насчитывалось очень мало, да и тѣ валились, потому что въ каменной работѣ русскіе люди были неискусны. Иванъ Васильевичъ вызвалъ свѣдущихъ мастеровъ иноземныхъ, выстроилъ три собора, дворецъ, кремлевскія стѣны; глядя на него, люди богатые тоже стали строить себѣ каменныя палаты.



Тронъ Іоанна III.

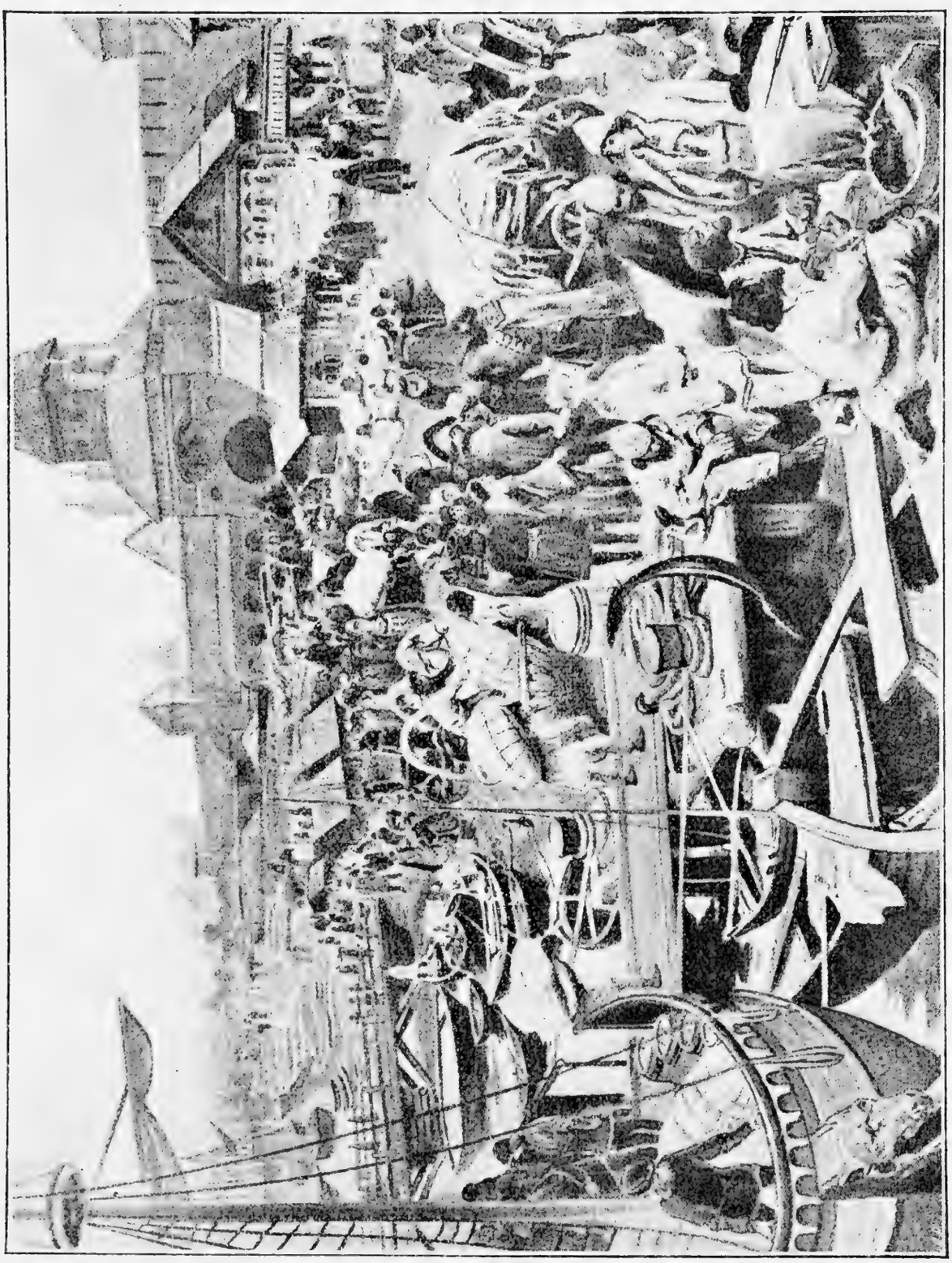
Иванъ Васильевичъ оставлялъ своему наслѣднику крѣпкую власть, богатую казну и землю, съ далеко раздвинутыми рубежами. Но минувшія бѣды оставили по себѣ на Руси долгую память. Русскій человѣкъ притерпѣлся къ обидамъ, къ насиліямъ; развелось воровство, разбои. Въ законъ вѣрить перестали; стали кланяться не правдѣ, а силѣ. Въ прежнее время русскій свободный человѣкъ зналъ побои развѣ только въ дракѣ. Подъ татар-

щиной перемѣнилось и это; за первое воровство стали клеймить, за вины важныя сѣчь кнутомъ, съ должниковъ править долги палками; появились мучительныя пытки.

Татарщина забралась даже въ домашнюю жизнь русскихъ людей. У татаръ, какъ у всѣхъ народовъ магометанской вѣры, женщины жили взаперти, особнякомъ, и чужимъ мужчинамъ не показывались съ открытымъ лицомъ. Этотъ дикій обычай перешелъ и въ Русь. Знатные и богатые люди стали запирать своихъ женъ въ терема, не показывали ихъ не только чужимъ, но иногда и близкой роднѣ.

Садко и господинъ Великій Новгородъ.

Созывалъ Садко-купецъ, богатый гость,
Созывалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыихъ мужиковъ новгородскіихъ
И тыихъ настоятелей новгородскіихъ:
Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися.
Похвальбами всѣ похвалялися.
Одинъ хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ,
Умный хвастаетъ старымъ батюшкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели новгородскіе:
«Всѣ мы на пиру наѣдалися,
Всѣ мы на почестномъ напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ,
Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?»
Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость:
«А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
У меня ль золота казна не тощится,
Цвѣтно платьице не носится,
Дружина хоробра не измѣняется,
А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
На свою безсчетну золоту казну
Повыкуплю товары новгородскіе,



К. В. Лебедевъ. На пристани въ Новгородѣ.

Худые товары и добрые!»
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели новгородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казнѣ,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ выкупить Садку товары новгородскіе,

Худые товары и добрые,
Чтобы въ Новѣ-градѣ товаровъ въ продажѣ не было.
Вставалъ Садко на другой день ранымъ-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И посылалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ.
Какъ повыкупилъ товары новгородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день вставалъ Садко ранымъ-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И посылалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупалъ товары новгородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день вставалъ Садко ранымъ-рано
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны.
И посылалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары московскіе
На ту на великую на славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
Еще повыкуплю товары московскіе,
Подоспѣютъ товары заморскіе,
Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій—
Побогаче меня славный Новгородъ».
Отдавалъ онъ настоятелямъ новгородскімъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.

Великій Новгородъ.

Посреди раздоровъ князей и въ вѣчной борьбѣ съ азіатскими народами возвышались одинъ за другимъ города: сначала Кіевъ,

потомъ не надолго Суздаль и Владимиръ-на-Клязьмѣ, наконецъ Москва. Въ это самое время Новгородъ существовалъ самъ по себѣ, независимо отъ великихъ князей кіевскихъ, владимирскихъ и московскихъ.

Великій Новгородъ усиливался и скоро сталъ именовать себя «Господиномъ». Отъ другихъ русскихъ городовъ отличался онъ тѣмъ, что въ немъ народъ удержалъ за собою главную власть и рѣшалъ всѣ дѣла, собираясь на вѣче [1]). Въ Новгородѣ были и князья, но вѣче по своей волѣ избирало и смѣняло ихъ. (Въ XII вѣкѣ перемѣнилось до 30 князей.) Вѣче собиралось на площади, называемой дворомъ Ярослава, по звуку вѣчевого колокола; здѣсь возвышалась *степень*, помостъ, съ котораго новгородскіе сановники обращались съ рѣчами къ собравшемуся на вѣче народу. Въ этихъ народныхъ собраніяхъ объявляли миръ или войну, выбирали главныхъ правителей—посадника и тысяцкаго, которые вмѣстѣ съ княземъ участвовали въ управленіи, завѣдывали судомъ и начальствовали надъ войскомъ. Епископа (съ половины XII вѣка) также выбирали на вѣчѣ и потомъ посылали на утвержденіе къ кіевскому митрополиту. Двѣ стороны Новгорода, Торговая и Софійская, дѣлились на пять *концовъ*, или частей города. Каждая часть, даже каждая улица, имѣла свои вѣча и своихъ выборныхъ старостъ. Случалось, что эти отдѣльныя собранія не ладили между собою на общемъ вѣчѣ: тогда дѣло нерѣдко оканчивалось рукопашнымъ боемъ. На Волховомъ мосту происходили подобныя стычки между Торговой и Софійскою сторонами, когда каждая изъ нихъ рѣшала дѣло по-своему, на своемъ вѣчѣ. Но епископу почти всегда удавалось помирить враждующихъ.

Новгородцы были народъ очень предпріимчивый и подвижный. Новгородскіе удальцы, такъ называемые *ушкуйники* (отъ слова: ушкуй, названіе судна), далеко ходили на своихъ большихъ лодкахъ. Такъ, въ 1375 году они съ дружиною овладѣли городомъ Костромою, пограбили ее дочиста, взяли съ собою и товаръ и народъ, поѣхали внизъ по Волгѣ, пограбили точно такъ же Нижній-Новгородъ, зашли по дорогѣ въ рѣку Каму и опять вернулись на Волгу.

Пермь и Печора платили дань новгородцамъ; до самаго дальняго сѣвера и востока распространяли они свою торговлю и свое вѣчевое устройство. Новгородцы особенно прославились торговлею съ нѣмцами. Въ Новгородѣ иностранные купцы имѣли

---

[1]) В ѣ ч е отъ слова: вѣщать (вѣчать), совѣщеваться. Вѣче было и въ другихъ городахъ Россіи, но постепенно теряло свою силу и значеніе.

свои дворы и пользовались полною свободою торговли. Нѣмцы привозили въ Новгородъ оружіе, вина, сукна, полотна, хлѣбъ, въ случаѣ неурожая, и серебряныя монеты. За границу же болѣе всего шли изъ Новгорода дорогіе мѣха.

Несмотря на богатство торговаго Новгорода, выпадали несчастные годы, когда въ немъ люди толпами умирали отъ голода. Болотная новгородская почва не удобна для хлѣбопашества; морозъ нерѣдко побивалъ хлѣбъ въ самомъ зародышѣ: тогда наступали дороговизна и скудость, пока нѣмцы не привозили хлѣба изъ-за моря.

Храмъ св. Софіи въ Новгородѣ (1045—1052 г.).

Особенно страшенъ былъ голодъ въ 1230 году. Тогда архіепископъ Спиридонъ приказалъ собирать трупы по улицамъ; вырыли глубокую яму и наполнили ее доверху: 3030 труповъ было въ ней положено. Другимъ бѣдствіемъ Новгорода были частые пожары, а иногда и наводненія. Городъ былъ деревянный, и особенно лѣтомъ, во время засухи, выгорали цѣлыя улицы. Вспыхивало во многихъ мѣстахъ разомъ; огонь бросало черезъ Волховъ, пламя съ вихремъ ходило по водѣ; сгорали лодки, нагруженныя товаромъ, и волховской мостъ. Изъ церквей не успѣвали выносить ни книгъ ни иконъ; народъ боялся оставаться въ домахъ,

а выходилъ въ поле. Такія бѣдствія нѣсколько разъ повторялись передъ тѣмъ, какъ Новгородъ завоеванъ былъ царемъ Іоанномъ III.

Ушкуйники.

Широка среди пустыни
Свѣтловодная Двина;
Катитъ пѣнистыя волны
Въ море Бѣлое она.
На привольѣ зеленѣютъ
Заливные острова...
Какъ нѣжна на этихъ гладяхъ
Луговая мурава!
Чайки бѣлыя мелькаютъ,
Будто искры, надъ рѣкой,
Журавли, чернѣя высью,
Словно плачутся порой.
Глушь... Безлюдье... Бездорожье...
Говоръ волнъ и птичій кличъ
И далеко залетаетъ
Неизвѣданная дичь...
То не говоръ ли потока?
То не вѣтеръ ли шумитъ?
Нѣтъ! Какъ будто издалека
Пѣсня звонкая гремитъ.
Ближе... Лодки надъ волнами
Остроносыя скользятъ,
Весла искрятся на солнцѣ,
Флаги бѣлые блестятъ.
Ближе... Громче... Кто отважный
Въ глушь пустынную проникъ?
Чей надъ этими лѣсами
Далеко несется крикъ?
Въ пѣснѣ той—орлиный клекотъ,
Вольный кличъ лихихъ бойцовъ,
Точно слышится отзвучье
Вѣчевыхъ колоколовъ.
Оживляются пустыни.
Втрепенулся темный боръ;
Гдѣ бродилъ одинъ сохатый,
Тамъ съ утра звенитъ топоръ.
Бродитъ тамъ ушкуйникъ смѣлый
По трущобамъ вѣковымъ;
Какъ грибы, растутъ поселки,
Вѣче слышится за нимъ...
И отъ края и до края
Надъ пустынею глухой
Все звучитъ не умолкая,
Выше, выше залетая,
Пѣсня Руси молодой.

Паденіе Новгорода.

Когда Русь была вконецъ разорена татарами, Новгородъ только что входилъ въ силу. Торговля его съ нѣмцами все увеличивалась; Александръ Невскій прославилъ его своими побѣдами, и новгородцамъ тяжело было покориться татарамъ. Они отказали посламъ, пріѣхавшимъ отъ Батыя съ требованіемъ десятины, но отпустили ихъ съ дарами. Скоро самъ Александръ Невскій, воротившись изъ Орды, привезъ въ Новгородъ татарскихъ чиновниковъ, чтобы переписать народъ для уплаты дани.

Послѣ Александра Невскаго первые московскіе князья, ставши вѣрными слугами хана, успѣли, съ помощью татаръ,

утвердить власть свою въ Россіи. Но новгородцы были еще такъ богаты, что могли откупаться и отъ татаръ и отъ князей московскихъ.

Дмитрій Донской, разгнѣвавшись на новгородцевъ за разореніе береговъ Волги, завоевалъ ихъ землю, забралъ множество товара и людей, и новгородцы съ трудомъ склонили великаго князя на миръ, заплативъ 10.000 рублей. Сынъ Дмитрія Донского, Василій, отнялъ было у новгородцевъ одну область, но они воротили завоеванный край. Новгородская старина скоро должна была пасть; со временъ Донского Новгородъ уже постоянно платилъ дань князьямъ московскимъ.

Въ Новгородѣ въ это время была большая неурядица: бояре утѣсняли народъ, народъ искалъ всякаго случая отомстить боярамъ. Притѣсняемые однимъ княземъ, новгородцы привыкли избирать себѣ другого, который могъ бы защищать ихъ, но теперь единственнымъ сильнымъ княземъ на Руси былъ Іоаннъ III. Онъ искусно пользовался раздорами, бывшими въ самомъ Новгородѣ, постепенно пріучая его жителей обращаться къ себѣ съ жалобами. Осторожный и разсчетливый, онъ умѣлъ выжидать до послѣдней крайности, собиралъ войска, не вступая въ сраженіе, томилъ и непріятелей и друзей своею медленностью, но дѣло вдругъ оканчивалось въ его пользу.

Русскіе князья, выступая противъ Новгорода, обыкновенно избирали зимнее время, потому что по пути къ озеру Ильменю, отъ множества болоть и рѣкъ, не было проходу. Москвичи на пути своемъ жгли, разоряли жилища и гнали къ Москвѣ множество скота и отправляли туда добычу.

Осенью 1475 года Іоаннъ поднялся съ Москвы, чтобы посѣтить этотъ городъ. Уже почти отъ самаго Торжка встрѣчали его ратные люди новгородскіе, купцы и бояре, съ дарами: кто привозилъ бочку заморскаго вина, кто дорогіе мѣха, и всѣ они шли съ жалобами на своихъ же братьевъ-новгородцевъ. Іоаннъ III пріѣхалъ къ Новгороду и сталъ въ верстѣ отъ него; цѣлыми толпами прибыли новые жалобщики. Между прочимъ, и простые люди жаловались на бояръ, пограбившихъ нѣсколько улицъ. Іоаннъ III велѣлъ своимъ приставамъ схватить бояръ и отослалъ ихъ въ оковахъ въ Москву.

Іоаннъ пировалъ въ Новгородѣ у архіепископа, у посадника и у преданныхъ себѣ бояръ; всѣ они приносили ему богатые дары. Обогативъ снова свою казну, великій князь вернулся въ Москву.

Въ 1478 году Іоаннъ съ великимъ войскомъ, призвавъ на помощь и тверского князя, и псковичей, и касимовскихъ татаръ,

отправился въ походъ на Новгородъ. Цѣлый мѣсяцъ тянулось войско отъ Торжка, все усиливаясь на пути новыми отрядами. Въ ноябрѣ Іоаннъ послалъ своихъ воеводъ, чтобы захватить всѣ монастыри и села около Новгорода, прежде чѣмъ новгородцы пожгутъ ихъ, а вслѣдъ за тѣмъ и самъ отправился по льду чрезъ озеро Ильмень къ городу. Сила московская окружила городъ со всѣхъ сторонъ; новгородцы огородились деревянною стѣною, построили такую же стѣну и на судахъ по обѣ стороны волховскаго моста. Но Іоаннъ не думалъ итти на приступъ: онъ терпѣливо стоялъ и ждалъ почти два мѣсяца.

Печать Іоанна III.

Кончилось тѣмъ, что великій Новгородъ покорился во всемъ Іоанну и далъ клятву по присланной имъ грамотѣ. Въ декабрѣ уничтожено вѣче, а въ январѣ великій князь посѣтилъ Новгородъ, принималъ дары отъ бояръ и архіепископа, и вернулся въ Москву, взявши съ собой вѣчевой колоколъ. Іоаннъ цѣлыя тысячи новгородскихъ бояръ перевелъ въ Московскую область, а имѣнія ихъ отобралъ; онъ посадилъ также въ тюрьму до 50 купцовъ, а товары ихъ взялъ въ казну. Разоренный Новгородъ потерялъ всю свою прежнюю силу, и его знаменитая торговля пришла въ упадокъ, затѣмъ и совершенно прекратилась.

Пѣсня о быломъ.

Время пролетѣло.
Слава прожита;
Вѣче онѣмѣло,
Сила отнята.
Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ,
Новгородъ великій
Тихо опочилъ.
Слава отшумѣла,
Время протекло;
Площадь опустѣла,
Вѣче отошло.

Вольницу избили,
Золото свезли.
Вѣче распустили,
Колоколъ снесли.
Порѣшили дѣло —
Все кругомъ молчитъ;
Только Волховъ смѣло
О быломъ шумитъ

Бѣлой плачетъ кровью
О былыхъ бояхъ,
И поетъ съ любовью
О свободныхъ дняхъ.
Путникъ тихо внемлетъ
Пѣснѣ ярыхъ волнъ;
И опять задремлетъ
Тайной думы полнъ.

Какъ строили храмы на Руси.

Первые искусные мастера-строители [1]) храмовъ были на Руси изъ Византіи, откуда распространилось и христіанство. Особенно много храмовъ построено греками въ Кіевѣ. До нашествія татаръ въ Кіевѣ было уже болѣе 12 каменныхъ храмовъ. Самый значительный изъ нихъ Софійскій соборъ, построенъ былъ при князѣ Ярославѣ (1036 г.). Этотъ храмъ много разъ перестраивался; съ разныхъ сторонъ воздвигали къ нему новыя пристройки.

Въ храмахъ сѣверныхъ городовъ Новгорода и Пскова уже проглядываетъ и русское мастерство. Главное свойство этихъ храмовъ — простота, гладкія стѣны, нѣтъ ничего мелкаго, пестраго, узоръ встрѣчается очень рѣдко. Древнѣйшій соборъ Новгорода — св. Софія, построенъ при сынѣ Ярослава Мудраго (въ XI вѣкѣ); строили храмъ 7 лѣтъ византійскіе мастера, но послѣдующія пристройки къ собору и передѣлки сдѣланы русскими.

Во второй половинѣ XII вѣка возвышается Владимиро-Суздальское княжество. Андрей Боголюбскій прилагаетъ усилія, чтобы украсить городъ Владимиръ. Въ 1158 году князь заложилъ на горѣ, надъ рѣкою Клязьмою Успенскій соборъ, который и до сихъ поръ составляетъ главную святыню Владимирскаго края. Владимирскіе князья для своихъ построекъ призывали мастеровъ изъ разныхъ земель.

Въ XIV вѣкѣ возвышается Москва, и при князѣ Калитѣ воздвигаются и въ Москвѣ каменныя церкви. Каменныя постройки въ Москвѣ въ то время были чрезвычайно рѣдки.

Всѣ храмы Калиты строились по образцу владимирскихъ, такъ какъ искусныхъ мастеровъ въ то время въ Москвѣ не было. Калита построилъ соборъ Успенскій и Архангельскій и церковь Спаса на Бору. Послѣдняя церковь уцѣлѣла до нашего времени, а оба собора были разобраны при Иванѣ III. Названіе церкви

---

[1]) Зодчіе.

Спаса указываетъ на то, что въ давнія времена кремлевскія кручи были покрыты густымъ боромъ.

При Иванѣ III Успенскій соборъ въ Кремлѣ былъ уже тѣсенъ для того времени; постройка отъ древности грозила разрушиться, такъ что своды храма были подперты бревнами. Митрополитъ Филиппъ сталъ усердно помышлять, какъ бы построить

Успенскій соборъ въ Москвѣ (1475—1479).

новый соборный храмъ. Стали собирать казну для новой постройки. Великій князь, получившій съ новгородцевъ 16 тысячъ рублей, тоже внесъ свою богатую лепту на доброе дѣло.

Призваны были русскіе мастера, которые прежде отправились во Владимиръ осмотрѣть и измѣрить Успенскій соборъ князя Андрея Боголюбскаго. Весною въ 1472 году приступили къ по

стройкѣ. Когда зданіе вывели въ ростъ человѣка, приступили къ разборкѣ стараго собора. Торжественно перенесли мощи митрополитовъ въ особые кіоты-впадины, которые были сдѣланы въ стѣнахъ новаго храма. Это былъ всенародный праздникъ, и великій князь роздалъ щедрую милостыню нищимъ и по монастырямъ, а духовенству и боярамъ устроилъ пиръ: «Всѣ,—сказано,—ядоша и пиша».

Митрополитъ Филиппъ скончался, когда церковь возведена была только еще до половины. Митрополита погребли также въ недостроенномъ храмѣ. Между тѣмъ постройка шла своимъ чередомъ. Къ веснѣ 1474 года она была выведена до сводовъ. И вдругъ

Благовѣщенскій соборъ въ Москвѣ (1484 г.)

въ маѣ церковь внезапно разрушилась, упали сѣверная стѣна и часть западной, столпы, своды. Виною этого событія было плохое знаніе мастеровъ. За время татарскаго ига русскіе разучились дѣлать большія постройки, не умѣли изготовить крѣпкую известь, не умѣли выбрать хорошаго камня.

Гогда Иванъ III рѣшилъ послать за мастеромъ въ Венецію. Русскій посолъ привезъ искуснаго зодчаго, котораго звали Аристотель Фіоравенти. Аристотель, кромѣ возведенія храмовъ, умѣлъ лить пушки и колокола.

Аристотель рѣшилъ разрушить остатки постройки и приступить послѣ этого къ возведенію совершенно новаго храма. Онъ

поставилъ три связанныя вверху бревна, а къ нимъ подвѣсилъ дубовый брусъ, окованный желѣзомъ. Раскачивая брусъ, разбивали стѣны, и всю постройку, которую дѣлали три года, развалили въ одну недѣлю. Въ Калитниковѣ, гдѣ нынѣ Калитниковское кладбище, устроили печь для обжиганія кирпичей.

Къ концу лѣта 1475 года постройка выведена была уже изъ земли. А въ 1478 году храмъ былъ почти готовъ. Кровлю дѣлали новгородскіе мастера, покрывая храмъ бѣлымъ желѣзомъ. «Была та церковь, — пишетъ лѣтописецъ, — чудна вельми величествомъ и высотою, и свѣтлостію, и звоностію, и про-

Архангельскій соборъ въ Москвѣ (1509 г.).

странствомъ, таковой прежде не бывало на Руси, кромѣ Владимирской». Соборъ освятили въ 1479 году. Радость всей Москвы была большая.

При Иванѣ III соорудили въ Кремлѣ еще соборы Благовѣщенскій и Архангельскій. Послѣ Аристотеля прибыли въ Москву и другіе итальянскіе мастера. Они строили новыя стѣны вокругъ Кремля, выкопали глубокій ровъ со стороны Красной площади и выложили его камнемъ, а съ другой стороны устроили глубокіе пруды, такъ что въ то время Кремль походилъ на крѣпость, окруженную водою, точно онъ былъ на островѣ.

Посольство германскаго императора

(въ XVI вѣкѣ).

Причины посольства при сынъ Ивана III, Васильъ Ивановичъ (Василій III). Въ 1512 году польско-литовскій король Сигизмундъ подбилъ крымцевъ сдѣлать набѣгъ на русскія владѣнія. Тогда Василій собралъ войско и самъ повелъ его прямо къ Смоленску, которымъ владѣла въ то время Литва.

Смольняне стойко оборонялись и только послѣ третьяго похода городъ былъ взятъ и присоединенъ къ московскимъ владѣніямъ.

Узнавъ, что Смоленскъ взятъ, Сигизмундъ пошелъ отвоевывать городъ.

Послѣ битвы на рѣкѣ Днѣпрѣ противники были утомлены и хотѣли перемирія. Тогда германскій императоръ выступилъ посредникомъ между Сигизмундомъ и Василіемъ, и въ Москву было отправлено посольство. Во главѣ посольства стоялъ баронъ Герберштейнъ.

Пріѣздъ пословъ въ Москву. Подъѣзжая къ русской границѣ, посольство дало знать о себѣ воеводѣ ближайшаго пограничнаго русскаго города. Воевода разспросилъ, что за послы ѣдутъ въ Россію, отъ какого государя и для чего и послалъ имъ навстрѣчу отъ себя людей. Въ то же время онъ отправилъ въ Москву гонца съ донесеніемъ о пріѣздѣ въ Россію иностранныхъ пословъ.

На границѣ посольство встрѣтилось съ посланными воеводы. Тѣ и другіе слѣзли съ коней и пожали другъ другу руки. Затѣмъ посланецъ воеводы спросилъ барона Герберштейна, по-добру ли, по-здорову онъ пріѣхалъ, далъ знакъ садиться на лошадей и всѣ вмѣстѣ тронулись въ путь.

Черезъ нѣсколько дней посольство прибыло въ Смоленскъ и остановилось здѣсь ждать отвѣта великаго князя о пріемѣ пословъ. Смоленскій воевода принялъ пословъ черезъ своихъ людей и въ знакъ особаго почтенія прислалъ имъ пятерную порцію напитковъ, хлѣба и другихъ продуктовъ.

Черезъ 10 дней въ Смоленскъ, наконецъ, пріѣхали двое дворянъ отъ великаго князя, въ богатыхъ, роскошныхъ платьяхъ. Имъ было предписано имѣть попеченіе о послахъ и сопровождать ихъ въ Москву. На третій день послѣ пріѣзда дворянъ посольство выѣхало изъ Смоленска.

Время было весеннее, рѣки разлились, такъ что часто приходилось наводить мосты и дѣлать остановки. 26 апрѣля послы,

С. В. Ивановъ. Пріѣздъ иностранцевъ въ Москву.

наконецъ, увидали Москву. Въ двухъ-трехъ верстахъ отъ столицы къ нимъ подошелъ запыхавшійся, весь красный и потный старый дьякъ и сообщилъ, что государь высылаетъ имъ навстрѣчу своихъ бояръ съ привѣтствіемъ, которое они должны выслушать стоя. И дѣйствительно, у самаго въѣзда въ Москву къ посламъ вышли бояре московскаго великаго князя и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Великій государь Василій, Божіею милостію, узнавъ, что прибыли вы, послы его брата императора римскаго, послалъ насъ, своихъ совѣтниковъ, спросить, какъ здоровье его брата римскаго императора.

Всѣ стояли съ обнаженными головами. Затѣмъ другой боярин спросилъ про здоровье Герберштейна и сказалъ, что государь поручилъ имъ ввести ихъ въ Москву и отвести помѣщеніе. Послѣ этого подвели лошадей, взятыхъ подъ пословъ изъ конюшни великаго князя. Послы и бояре великаго князя пожали другъ другу руки, сѣли на коней и поѣхали черезъ мостъ въ самую столицу. Здѣсь стояли толпы народа и съ любопытствомъ осматривали иностранцевъ.

Доѣхавъ до назначеннаго для пословъ дома, всадники остановились и пословъ провели въ ихъ помѣщеніе. Въ распоряженіе посольства были даны два пристава. Пристава должны были прислуживать посламъ и доставлять имъ все нужное: хлѣбъ, мясо, вино, дрова, кормъ для лошадей. Покупать на свои деньги пристава не позволяли посламъ, говоря, что это обидно для ихъ государя.

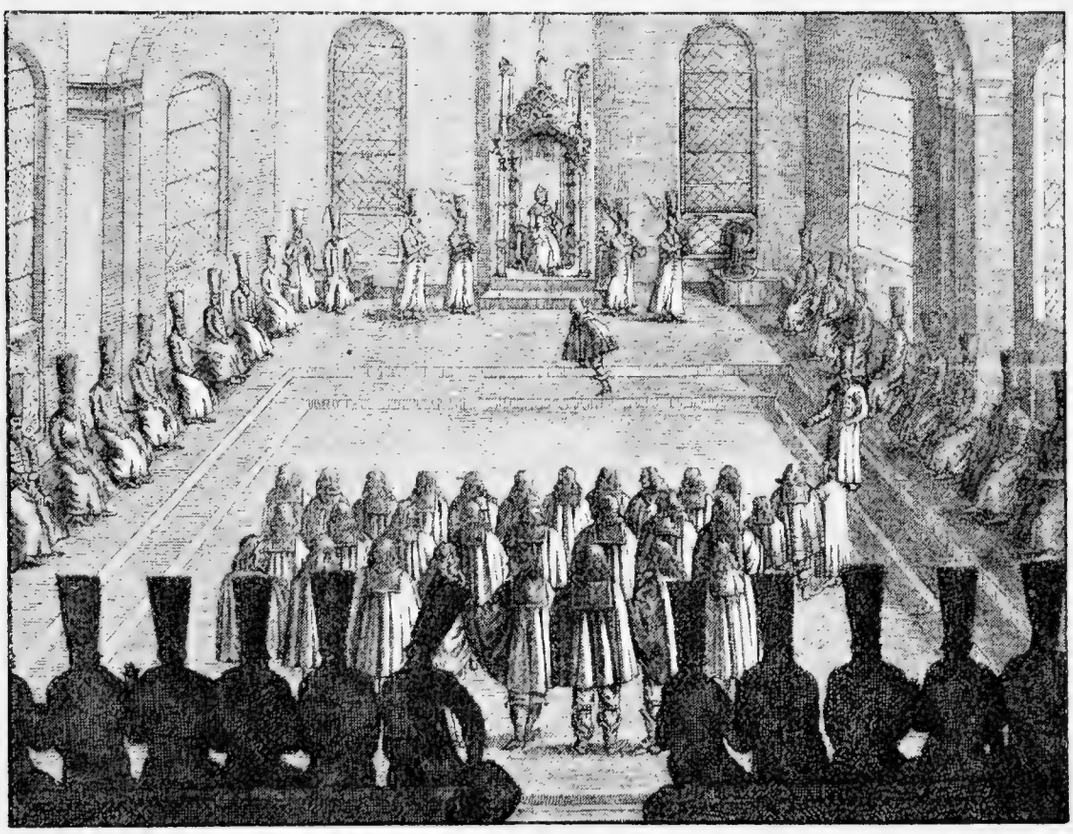
Пріемъ пословъ. Черезъ два дня былъ назначенъ пріемъ пословъ у великаго князя. Наканунѣ ихъ извѣстили объ этомъ. А въ день пріема къ нимъ пришли отъ великаго князя тѣ самые бояре, которые ихъ встрѣчали при въѣздѣ въ Москву, и объявили, что великій государь приказалъ имъ итти къ себѣ. Подали лошадей, и послы поѣхали во дворецъ въ сопровожденіи большой свиты.

Опять на улицахъ стояли толпы народа, еще бо̀льшія, чѣмъ при въѣздѣ пословъ въ Москву. Одни пришли изъ любопытства, другіе по приказанію властей. Чтобы придать больше величія и торжественности пріему пословъ, народъ нарочно собирали въ столицу. Лавки всѣ закрылись. Въ Кремлѣ была та же картина, тѣ же толпы народа. Кромѣ того, здѣсь были разставлены войска.

Еще не доѣзжая до дворца, посламъ предложили сойти съ лошадей и итти пѣшкомъ до дворцоваго крыльца. У самаго крыльца сходилъ съ лошади только великій князь. На серединѣ лѣстницы пословъ встрѣтили приближенные князя, подали руки

и провели дальше. Здѣсь ихъ тоже встрѣтили приближенные князя, уже поважнѣе, поздоровались и тоже провели дальше. Такимъ образомъ они дошли до первой комнаты дворца. Находившіеся здѣсь дворяне провели пословъ въ слѣдующую комнату и, наконецъ, они дошли до комнаты великаго князя. На всемъ пути ихъ стояли придворные чины.

Великій князь Василій Ивановичъ сидѣлъ съ непокрытой головой на возвышенномъ мѣстѣ, справа на скамьѣ лежала шапка, а слѣва скипетръ и тазъ съ двумя кувшинами и полотенцами. Подавая руку иностранцу, иновѣрцу, московскіе князья послѣ



Пріемъ пословъ.

этого умывались, смывали нечистоту. Противъ князя стояла скамья для пословъ.

Когда послы вошли къ князю, окружавшіе его чины встали и одинъ изъ наиболѣе знатныхъ представилъ пословъ.

— Великій государь, баронъ Герберштейнъ бьетъ тебѣ челомъ за твою великую милость,—сказалъ онъ, указывая на Герберштейна.

Василій Ивановичъ наклонилъ голову и рукой показалъ на скамью. Прежде чѣмъ сѣсть, послы передали привѣтствіе отъ своего государя. Когда послы упоминали имя своего императора, великій князь вставалъ. Затѣмъ онъ спросилъ про здоровье импе-

ратора и про здоровье самихъ пословъ, беря каждаго изъ нихъ за руку.

— Дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ на многія лѣта,— отвѣчали послы.—Мы же по милосердію Божію и по твоей милости здоровы.

Поклонившись великому князю и всей свитѣ, послы усѣлись на скамьѣ. Нѣкоторое время сидѣли въ полномъ молчаніи. Затѣмъ великій князь пригласилъ пословъ откушать его хлѣба-соли. Тогда къ нимъ подошелъ приставъ и провелъ ихъ въ другую комнату.

Здѣсь, пока приготовляли къ столу, послы изложили боярамъ и дьякамъ возложенныя на нихъ ихъ правительствомъ порученія. Когда столъ былъ готовъ и князь со своей свитой уже сидѣлъ за столомъ, сюда ввели и пословъ. При входѣ пословъ свита великаго князя встала, и послы въ свою очередь поклонились на всѣ стороны и сѣли на то мѣсто, которое имъ указалъ рукой великій князь.

Обѣдъ. Столы были поставлены кругомъ по стѣнамъ комнаты, посрединѣ же стоялъ отдѣльный столъ съ серебряной и золотой посудой. Великій князь сидѣлъ въ центрѣ, ниже его по правую и лѣвую сторону — братья, затѣмъ въ нѣкоторомъ разстояніи — бояре, дворяне и т. д. Послы сѣли за столъ противъ князя. На всѣхъ столахъ стояли: уксусъ соль и перецъ.

Передъ началомъ обѣда вошли въ столовую въ роскошныхъ платьяхъ слуги и остановились передъ великимъ княземъ. Князь подозвалъ одного изъ нихъ и далъ хлѣба. Слуга подошелъ къ Герберштейну и передалъ ему хлѣбъ, сказавъ:

— Великій государь дѣлаетъ тебѣ милость, посылаетъ хлѣбъ со своего стола.

Посолъ, стоя, выслушалъ слова слуги и, взявъ хлѣбъ, поклонился въ сторону великаго князя. Приступили къ обѣду. Сначала принесли водку, потомъ жареныхъ журавлей. Князь осмотрѣлъ жареное, попробовалъ ножикомъ, послѣ чего слуги удалились. Разрѣзавъ журавлей на части, они вернулись въ столовую и поставили блюда передъ княземъ и передъ остальными гостями.

Около великаго князя весь обѣдъ стоялъ человѣкъ, подававшій ему чашу и относившій кушанья, которыя князь жаловалъ со своего блюда кому-либо изъ гостей.

Послѣ журавлей подавали другія кушанья и пили вино, пиво, медъ. Великій князь нѣсколько разъ бралъ чашу и пилъ за здоровье пословъ и бесѣдовалъ съ ними.

Обрядъ омовенія рукъ послѣ пріема иностранныхъ пословъ.

Обѣдъ продолжался долго, нѣсколько часовъ. Послѣ обѣда тѣ же самые бояре, которые привели пословъ во дворецъ, отвели ихъ обратно въ ихъ помѣщеніе.

Охота для пословъ. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней Василій Ивановичъ угостилъ пословъ охотой.

Около Москвы было отведено мѣсто, покрытое кустарникомъ, гдѣ водилось очень много зайцевъ. Здѣсь никто не имѣлъ права охотиться, кромѣ великаго князя. Сюда-то на охоту и были приглашены послы.

Великій князь сидѣлъ верхомъ на лошади въ шапкѣ съ двумя козырьками и съ оружіемъ, украшеннымъ золотомъ. Справа ѣхалъ казанскій царь Шигъ-Алей, а слѣва молодые князья. Триста всадниковъ ожидали великаго князя на мѣстѣ охоты. Гончихъ собакъ охотники держали на поводу въ рукахъ.

Когда всѣ съѣхались, князь крикнулъ начинать охоту. Одинъ изъ всадниковъ понесся во весь опоръ съ сигналомъ великаго князя и оповѣстилъ всѣхъ, что охота начинается. Сейчасъ же всѣ спустили своихъ собакъ и началась потѣха. Когда охота кончилась, оказалось убито около трехсотъ зайцевъ. Тутъ же разбили нѣсколько шатровъ и устроили по случаю счастливой охоты торжество. Подавали разныя сласти и запивали ихъ напитками.

Исполнивъ свое порученіе, послы откланялись и уѣхали. Ихъ на прощанье одарили соболями и проводили до самой границы.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

Начало царствованія. По кончинѣ родителя своего Иванъ IV Васильевичъ остался на престолѣ младенцемъ по четвертому году, на рукахъ бояръ и матери своей, правительницы Елены. Восьми лѣтъ онъ лишился и матери. Во все его малолѣтство правили бояре. Бояре враждовали другъ съ другомъ за первенство, убивали другъ друга, ссылали въ ссылку. Обиженные, если имъ удавалось уйти, отъѣзжали въ Литву, въ Крымъ, подымали короля и хана на Россію, сами въ ихъ войскахъ ходили разорять отечество. Одинъ изъ такихъ перебѣжчиковъ, князь Семенъ Бѣльскій, нѣсколько лѣтъ жившій въ Крыму, даже хвастался, что три раза подымалъ ногайцевъ и крымцевъ на Россію. О воспитаніи царя не заботились, обходились съ нимъ грубо. Царь самъ потомъ вспоминалъ: «Мы, бывало, съ братомъ Юрьемъ играемъ, а князь Иванъ Шуйскій развалится на лавкѣ и ногу положитъ на постель отца моего...» Старались потакать всякому дѣскому желанію царя. Когда онъ подросъ, ночью цѣлой ватагой садились на коней и скакали по Москвѣ, творя всякія безчинства...

Когда царю исполнилось семнадцать лѣтъ, совершилось вѣнчаніе его на царство, и свадьба съ Анастасіей, изъ рода Романовыхъ, стараго боярскаго рода. Чрезъ два мѣсяца послѣ свадьбы сдѣлался въ Москвѣ страшный пожаръ, отъ котораго, между прочимъ, взорвало вспыхнувшимъ порохомъ стрѣльницу и часть стѣны въ Кремлѣ; черезъ нѣсколько дней новый пожаръ въ нынѣшней Яузской части; наконецъ налетѣла на Москву страшная буря съ громомъ и молніей, отъ которой Москва загорѣлась разомъ

въ нѣсколькихъ мѣстахъ,—и скоро, при сильномъ вѣтрѣ, словно огненное море разлилось по всему городу. Государь съ царицею едва спасся на Воробьевы горы

Съ Воробьевыхъ горъ царь смотрѣлъ на пожираемую пламенемъ свою столицу. На другой или на третій день, когда огонь утихъ, царь посѣтилъ пожарище, гдѣ бѣдные погорѣльцы съ воплями бродили, отыскивая своихъ пропавшихъ безъ вѣсти близкихъ, или свое имущество. На огромномъ пепелищѣ города торчали только почернѣлыя каменныя трубы да обгорѣвшія каменныя церкви. Около двухъ тысячъ народу сгорѣло... Царь далъ обѣтъ стать другимъ человѣкомъ; наложилъ на себя постъ и молитву; потомъ объявилъ по всѣмъ городамъ, чтобы съѣхались въ Москву отовсюду выборные люди. О началѣ этого съѣзда, или собора, сохранилось такое преданіе. Когда выборные съѣхались, Іоаннъ въ воскресный день велѣлъ всѣмъ собраться на Лобное мѣсто въ Москвѣ; послѣ обѣдни вышелъ изъ Кремля, сопровождаемый боярами, митрополитомъ и духовенствомъ, съ крестами и хоругвями. Отслужили молебенъ, послѣ чего царь обратился къ митрополиту и во всеуслышаніе говорилъ ему: «Молю тебя, святый владыко, будь мнѣ помощникомъ. Знаю, что ты дѣлъ благихъ и любви желатель. Я остался — ты знаешь, владыко, — послѣ отца своего четырехъ лѣтъ, а послѣ матери — осьми. Не стало родителей моихъ, чтобы пещись обо мнѣ, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли, творили всякія корысти и обиды, и никто имъ не возбранялъ».

И. Билибинъ. Боярин.

Потомъ поклонился царь на всѣ четыре стороны и сказалъ народу: «Люди Божіе и Богомъ намъ порученные! Молю васъ,

Библиотека Ленингр. Гос. Ордена Ленина им. А. И. Герцена

простите другъ другу всѣ вражды ваши! Отнынѣ, насколько Богъ дастъ мнѣ силы, самъ я буду вамъ судія и оборона, буду неправды исправлять и отнятое возвращать».

Съ этого времени до самой кончины царицы Анастасіи, въ теченіе тринадцати лѣтъ, совершились лучшія дѣла царствованія Ивана IV Васильевича. Про это время его лѣтописцы говорятъ: «Царю нашему обычай таковъ: оставилъ онъ всѣ забавы, и только тщится порученныя ему отъ Бога царства соблюсти, и устроить, и оборонить отъ всѣхъ иновѣрныхъ басурманъ и латынянъ».

Іоаннъ Грозный (Рисунокъ XVII в.).

При царѣ постоянно находился Алексѣй Адашевъ, юный другъ царевъ, котораго государь возвысилъ изъ незнатныхъ людей. Домашнимъ наставникомъ царя сталъ Благовѣщенскаго собора протопопъ Сильвестръ, мужъ строгій нравомъ и мудрый въ совѣтахъ. Нужно было прежде всего внутри государства завести порядокъ управленія и судъ. Чтобы люди знали, какъ въ какомъ случаѣ поступить, для того надобно написать законы; почему и былъ собранъ земскій соборъ изъ выборныхъ людей отъ всего государства и на немъ изданъ *Судебникъ*, т.-е. законы гражданскіе, потомъ, для исправленія дѣлъ церковныхъ, созванъ былъ другой соборъ духовенства и какіе на немъ установлены законы, тѣ написали въ другой книгѣ, которая называется *Стоглавъ*. Кромѣ того, разсуждали, что много у насъ всякаго богатства—и хлѣба,

и льну, и пеньки, и лѣсу, и звѣря, и рыбы, и въ землѣ всякихъ рудъ; но все это мы обрабатывать не умѣемъ; нѣтъ у насъ ни ремеслъ ни искусствъ; всякое цѣнное издѣліе надо получать изъ-за границы. А потому надо изъ Европы выписывать знающихъ людей, чтобы у насъ у самихъ завести всякое дѣло. Выискался въ Москвѣ нѣмецъ Іоаннъ Шлитте, которому дали денегъ и письмо къ нѣмецкому императору, чтобы онъ дозволилъ ему, Шлитте, нанять знающихъ людей изъ нѣмцевъ заводить у насъ всякія мастерства.

Покореніе Казани и Астрахани.

Золотая Орда распалась на нѣсколько царствъ: Казанское, Астраханское, Крымское и царство Сибирское. Всѣ эти орды промышляли грабежомъ. Особенно насъ безпокоили Крымъ и Казань. Ханъ Крымскій получалъ подарки отъ Московскаго и отъ Литовскаго государства, чтобы только не приходилъ съ ордой своей грабить и жечь и уводить плѣнниковъ. Да и съ подарками на него нечего было надѣяться; дары онъ отъ насъ бралъ, а все стращалъ: «Не укроетесь отъ меня за своими стѣнами-крѣпостями, дремучими лѣсами». И въ самомъ дѣлѣ, безпрестанно нападалъ, жегъ даже нѣсколько разъ Москву. Но все-таки отъ крымцевъ отдѣляла насъ степь, и московскіе государи устроили по всему рубежу крѣпости, заставы и разъѣзды и содержали тамъ войско. Казань же была къ намъ ближе. Грабители казанскіе господствовали на Волгѣ, разбойничали даже подъ Костромой, разбивали обозы и караваны нашихъ купцовъ; въ Казани, какъ и въ Крыму, сотни тысячъ русскихъ невольниковъ томились въ рабствѣ. Царь Иванъ Васильевичъ рѣшился прежде всего покончить съ Казанью. Два похода были неудачны.

Наконецъ, въ 1552 году, рѣшили итти подъ Казань лѣтомъ. Собрано было 150.000 войска. Царь выступилъ самъ изъ Коломны іюля 3. Войска шли тремя путями. Волгой сплавляли запасы, пушки, порохъ, всякіе снаряды и тяжести. Часть войска съ царемъ пошла на Владимиръ, а другая—черезъ Рязань. Пищи было обиліе, въ чистыхъ поляхъ лоси словно сами выходятъ стадами на убой. Гуси и бѣлые лебеди стаями плаваютъ въ тихихъ заводяхъ; рѣки кишатъ рыбою. Жители — русскіе, мордва, черемисы подвозили хлѣба и съ любопытствомъ разглядывали войска. Казанцы тоже готовились принять гостей и писали государю: «Ждемъ васъ на пиръ: не въ первый разъ бѣжать вамъ со срамомъ отъ нашего юрта». 30.000 заперлись въ своемъ крѣпкомъ городѣ съ высокими каменными мечетями, башнями и съ толстыми дубовыми

и земляными стѣнами; остальное же войско и всю свою конницу поставили за лѣсомъ, подъ начальствомъ своего хитраго князя Епанчи, и условились съ нимъ, что какъ скоро они выставятъ на башнѣ знамя и станутъ махать имъ, то это значитъ, что русскіе идутъ на приступъ и чтобъ Епанча ударилъ на нихъ съ тыла. Царь съ воеводами и со своимъ «розмысломъ», т.-е. нѣмцемъ-инженеромъ, умѣвшимъ вести подкопы въ землѣ, чтобы порохомъ взрывать башни и стѣны,—всѣ первые два дня не сходилъ съ коня, высматривая мѣста, гдѣ ставить пушки, откуда приступить къ городу и куда вести подкопы. На четвертый день, 27 августа, наши открыли огонь изъ 150 пушекъ. Казанцы отвѣчали тѣмъ же, и начался почти непрерывный, остервенѣлый бой. Больше всѣхъ донималъ нашихъ хитрый князь Епанча. Наши осаждали Казань, а онъ словно насъ держалъ въ осадѣ. Наши не пускали въ Казань хлѣба, а онъ отбивалъ хлѣбъ, который везли къ намъ, и являлся всегда тамъ, гдѣ его меньше всего ожидали. Чтобъ его истребить, пришлось отрядить противъ него половину войска. Царь думалъ сначала, что жаждой принудитъ казанцевъ сдаться, потому что Казань стоитъ на горѣ и отъ воды неблизко; онъ и перерѣзалъ всѣ ихъ пути къ Казанкѣ и къ рѣкѣ Булаку, но видитъ, что они все держатся. Узнали, что у нихъ около городской стѣны, въ одномъ мѣстѣ есть родникъ, куда они ходятъ подземнымъ путемъ и берутъ воду. Царь приказалъ подъ этотъ ходъ подвести подкопъ. Десять дней рылись въ землѣ, какъ вдругъ рабочіе услыхали надъ собой голосъ и шаги. Накатили въ этомъ мѣстѣ одиннадцать бочекъ пороху и зажгли фитиль: послѣдовалъ взрывъ—и часть стѣны и тайникъ полетѣли на воздухъ. Но казанцы не уныли духомъ, принялись въ самомъ городѣ рыть колодецъ; дорылись-таки до воды; вода оказалась мутная и вонючая, но они пили ее черезъ силу, пухли и болѣли,—а все же не сдавались. Русскіе били въ стѣны изъ пушекъ и таранами кидали огромные камни, выстроили великіе туры или подвижныя башни, придвинули ихъ къ стѣнамъ и съ нихъ стрѣляли въ городъ на улицы изъ пищалей и луковъ. Но ничто не помогало. Чуть не каждый день высыпали казанцы густыми толпами то изъ однихъ, то изъ другихъ воротъ, и завязывалась жестокая сѣча, такъ что войско наше поутомилось-таки довольно. Къ тому же подошли дожди; всѣ мѣста, гдѣ оно стояло, обратились въ болота, и одинъ разъ налетѣла такая буря, что много судовъ нашихъ потопила на Волгѣ, сорвала палатки воиновъ и даже царскій шатеръ.

Время между тѣмъ уже подходило къ октябрю. Дѣло замѣшкалось оттого, что все ждали, когда будутъ готовы подкопы. Наконецъ, къ 1 числу октября, розмыслъ (инженеръ государевъ)

объявилъ, что готовы два подкопа подъ главныя башни казанскія. Въ ночь на 2 число царь въ своей походной церкви велѣлъ служить раньше заутреню. Вдругъ главный воевода прислалъ ему сказать, что 45 бочекъ пороху ужъ въ подкопѣ, что казанцы свѣдали о нашемъ дѣлѣ и что нельзя терять ни минуты. Царь велѣлъ выстроить полки какъ можно тише, а самъ остался до-

Храмъ Василія Блаженнаго, или Покровскій соборъ въ Москвѣ.

слушать заутреню. Грянулъ громъ, земля потряслась. Надъ Казанью поднялся темный высокій столбъ дыму и глыбы земли, обломки башенъ и стѣнъ, люди, бревна, поднятые силою взрыва, падаютъ изъ этого дымнаго столба, со страшной высоты, на городъ... Полки кинулись къ проломамъ — къ стѣнамъ. Татары льютъ изъ тагановъ горящую смолу и скатываютъ бревна; въ

проломахъ, на грудахъ земли и камней, въ страшной давкѣ и конные и пѣшіе уже втискиваются въ городъ...

Бой шелъ въ самомъ городѣ. Толпы татаръ, тѣснимыхъ уже изнутри города, взлѣзли въ одномъ мѣстѣ на стѣну, замахали и завопили русскимъ: «Погодите стрѣлять! Пока стояло наше царство и городъ нашъ, мы бились за него и за царя нашего. Теперь выдаемъ вамъ царя своего жива и здрава; ведите его къ вашему царю, а мы выйдемъ въ широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу». И выдали своего царя и вдругъ стали прыгать со стѣнъ, хотѣли пробиться къ лѣсу и всѣ пали, но много положивъ и нашихъ.

Царь въѣхалъ въ городъ и тутъ его встрѣтила толпа русскихъ, только что освобожденныхъ плѣнниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые многіе годы томились въ неволѣ казанской. Увидѣвъ государя, блѣдные, худые, едва прикрытые, они кинулись на колѣна. Царь велѣлъ ихъ отвести въ свой станъ и кормить со своего стола. На другой день городъ былъ очищенъ; царь, духовенство, войско торжественно вступили въ Казань. Воротясь же въ Москву, государь въ память взятія Казани, построилъ въ Москвѣ Покровскій соборъ, что нынче называется *Василіемъ Блаженнымъ*: на этомъ мѣстѣ прежде было кладбище, на которомъ похороненъ и этотъ блаженный.

Въ лѣтописи сохранилось свидѣтельство, что храмъ этотъ строили русскіе мастера, одинъ по прозванію Барма, другой— Посникъ.

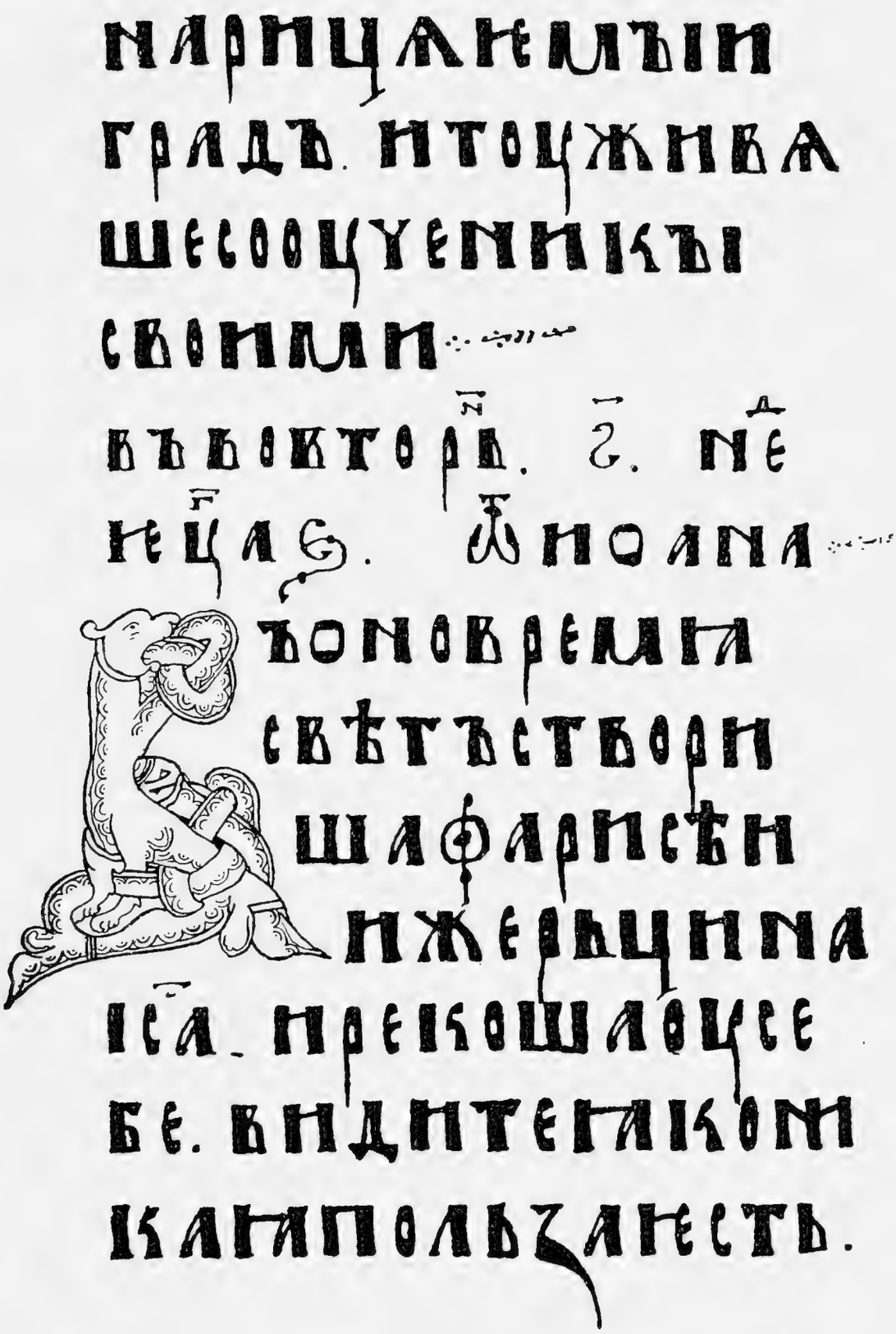
По паденіи Казанскаго царства не могло долго держаться и Астраханское. Царь спустилъ по Волгѣ двухъ воеводъ съ войскомъ, и они безъ большихъ хлопотъ заняли Астрахань.

Книга на Руси.

Книги существовали на Руси уже въ древности, но то были книги писанныя. Переписчики на Руси были уже при князѣ Ярославѣ Мудромъ, въ началѣ XI вѣка. Тогда монастыри были единственнымъ разсадникомъ грамотности. Въ уединенной тишинѣ монастырскихъ келлій, часто въ глуши лѣсовъ, изучались и списывались славянскіе переводы отцовъ Церкви. Въ публичной библіотекѣ въ Петербургѣ сохранилась дошедшая до насъ отъ сѣдой старины берестяная книга, шитая лыкомъ...

Переписываніемъ книгъ занимались и иноки, и лица бѣлаго духовенства, и міряне, иногда даже и князья.

Въ монастыряхъ книги переписывались не только для монастыря, но и для вольныхъ людей — на продажу. Даже на край-



Изъ Евангелія XIV вѣка. Рукопись.

немъ сѣверѣ Россіи, на Бѣломъ морѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ, монахи издавна, между прочимъ, занимались и перепискою книгъ для продажи.

Переписываніе книгъ происходило медленно и требовало усидчиваго труда. Приступая къ переписыванію книгъ, писецъ

молился Богу о благополучномъ окончаніи предпринятаго труда. Остромірово Евангеліе, хранящееся теперь въ Петербургѣ, въ Императорской Публичной библіотекѣ, писано въ 203 дня, по 100 строкъ въ день.

Смотря по умѣнію и усердію, книги писались весьма различно и красиво. Заглавныя буквы писались красными чернилами, киноварью, отсюда — названіе «красной строки». Иногда заглавныя буквы затѣйливо украшаются золотомъ, серебромъ, разными красками, узорами и цвѣтами.

Съ увеличеніемъ нашего государства, богатѣли города, умножались въ нихъ жители, число церквей росло, и въ книгахъ все болѣе и болѣе ощущался недостатокъ. Священное писаніе переписывали только по частямъ, и долго нигдѣ нельзя было найти полнаго списка Библіи. Только въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, при Иванѣ III, списана была полная Библія въ Новгородѣ.

Съ развитіемъ рукописнаго дѣла, перепискою книгъ стали заниматься *дьяки*.

Въ Москвѣ былъ особый классъ «добросписцевъ», которые занимались перепискою книгъ на продажу. Писанными книгами стали торговать на ярмаркахъ.

Иванъ Грозный зналъ уже о существованіи печатныхъ книгъ и рѣшилъ ввести ихъ въ Московскомъ государствѣ.

Въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, возвели типографію.

Нашлись у насъ и книгопечатники, постигшіе новое искусство и полюбившіе его. То были — дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ.

Въ 1563 году, 19 апрѣля, начали печатать первую книгу, а въ мартѣ 1564 года она была выпущена въ свѣтъ. То были — «Дѣянія Апостольскія, посланія соборныя и святого апостола Павла посланія». Внѣшность книги очень красива. По обычаю того времени, въ подражаніе рукописнымъ книгамъ, эта книга отпечатана съ разными украшеніями, между прочимъ, съ рисункомъ, гдѣ изображенъ евангелистъ Лука.

Царь Иванъ Васильевичъ не жалѣлъ своей царской казны на печатное дѣло, но противъ дѣла печатанія и противъ первыхъ типографщиковъ возстали переписчики, понявшіе, что книгопечатаніе отобьетъ у нихъ заработокъ. И стали они распространять по Москвѣ въ темной массѣ клевету на печатниковъ, называя ихъ еретиками и обвиняя ихъ въ волшебствѣ. Чернь, подговоренная врагами книгопечатанія, подожгла Печатный дворъ и разграбила его.

Первое оубослово сотворихъ о всѣхъ,
ѿ Ѳеофиле. о нихже начатъ іс, тво
ритиже и оучити. до негоже дне,
заповѣдавъ апломъ дхомъ стымъ,
ихже избра вознесеся. пре ними же
и постави себе жива пострадании
своемъ. во мнозехъ истинныхъ знаме
ніихъ. дньми четыридесятьми явля
ясѧ имъ и глѧ яже о цртвіи бжіи. сни
миже и яды, повелѣваше имъ ѿ іерусали
ма не ѿлучатисѧ. но ждати обѣтованіе
ѿчее, еже слышасте ѿ мене. яко іѡаннъ
оубо крстилъ есть водою. выже имате кре
ститисѧ дхомъ стымъ, не помнозѣхъ
сихъ дне. они же оубо сшедшесѧ, вопрашахꙋ

вос тꙋю и великꙋю нд пасхи. и на вознесеніе

гне

Снимокъ съ перваго листа Московскаго первопечатнаго Апостола 1564 года.

Иванъ Ѳедоровъ, оставя свой городъ и родную землю, ночью, тайкомъ бѣжалъ за границу, при чемъ ему удалось захватить съ собою нѣкоторыя типографскія принадлежности.

Онъ со своимъ товарищемъ удалился въ Литву, гдѣ основалъ типографію.

При помощи небогатыхъ горожанъ и нѣкоторыхъ лицъ изъ духовенства, Иванъ Ѳедоровъ приступилъ къ печатанію второго изданія «Апостола», который былъ оконченъ только черезъ годъ, въ 1574 году.

По приглашенію князя острожскаго, Ѳедоровъ отправился въ городъ Острогъ.

Князь острожскій задумалъ великое дѣло — напечатать цѣликомъ всю Библію, всѣ книги Ветхаго и Новаго завѣта. Предпріятіе это было трудное по тому времени. Начать съ того, что полнаго списка всѣхъ книгъ священнаго писанія подъ руками не было, да ихъ и достать было трудно. Надо было ихъ отыскивать...

Вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, въ 1581 году, Ѳедоровъ напечаталъ знаменитую *Библію Острожскую,* первую полную Библію на славяно-русскомъ языкѣ.

Ѳедоровъ готовился продолжать свою типографскую дѣятельность; онъ заводилъ новый шрифтъ, покупалъ бумагу, ѣздилъ по дѣламъ своего предпріятія.

Но ему не удалось осуществить своихъ дальнѣйшихъ плановъ: онъ умеръ 5 декабря 1583 года.

Учрежденіе опричины.

Отношеніе Іоанна къ боярамъ постепенно измѣнилось. Онъ отдалилъ отъ себя прежнихъ помощниковъ и старался окружить себя новыми, преданными людьми; изъ этихъ лицъ особенно извѣстны: Алексѣй Басмановъ, Малюта Скуратовъ, князь Аѳанасій Вяземскій. Въ концѣ 1564 г. онъ избралъ нѣкоторыхъ бояръ, дворянъ и приказныхъ людей, созвалъ также изо всѣхъ городовъ по выбору дворянъ и дѣтей боярскихъ съ ихъ людьми, въ полномъ вооруженіи, какъ будто на походъ, и въ началѣ зимы началъ со всѣмъ этимъ народомъ подыматься съ Москвы. Это не были обыкновенные сборы на богомолье. Жившимъ въ Москвѣ велѣно собираться съ женами и дѣтьми; на кремлевской площади укладывали въ сани всю царскую казну: иконы, кресты, драгоцѣнные сосуды, платье и деньги. 3 декабря государь, со всѣмъ семействомъ, въ сопровожденіи своей свиты, подобной цѣлому войску, выѣхали по дорогѣ въ Коломенское. Оттепель задержала его двѣ недѣли въ пути; наконецъ онъ пріѣхалъ въ Александров-

скую слободу (нынѣ городъ Александровъ, Владимирской губ.) и здѣсь остановился. Наконецъ 3 января 1565 г. пріѣхалъ изъ Александровской слободы гонецъ съ грамотами къ митрополиту и къ народу. Къ митрополиту Іоаннъ писалъ, что послѣ его отца бояре, служилые и приказные люди расхитили его государскую казну,—бояре разобрали себѣ государевы земли и, скопивъ многія богатства, болѣе не радѣли о службѣ, а только притѣсняли христіанъ, а духовенство, соединясь съ ними, покрывало виновныхъ, ходатайствуя за нихъ передъ государемъ. Другую грамоту приказано было прочесть въ собраніи народа; тутъ Іоаннъ объявлялъ, чтобы гости, купцы и всѣ тяглые люди ничего не боялись: на нихъ онъ не кладетъ никакой опалы.

Горожане, слыша ласковое слово Іоанна, рѣшили умолять его, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ сильныхъ людей, а «за государевыхъ лиходѣевъ и измѣнниковъ они не стоятъ и сами истребятъ ихъ». Неизвѣстно, что думали многіе изъ бояръ и изъ духовенства, но всѣ сказали митрополиту: «Виновныхъ въ измѣнѣ вѣдаетъ Богъ да государь; мы всѣ со своими головами идемъ за тобою бить государю челомъ и плакаться».

Іоаннъ допустилъ къ себѣ бояръ, высшее духовенство и приказныхъ людей, прибывшихъ въ Александровскую слободу. Теперь онъ рѣшилъ учредить въ своемъ государствѣ *опричину* [1]). Онъ устроилъ себѣ особый дворъ и весь обиходъ: особыхъ дворянъ, приказныхъ, во дворцахъ особыхъ поваровъ, мастеровъ, писарей и также особыхъ стрѣльцовъ для своей защиты: постепенно онъ назначилъ въ опричину, на свой государскій обиходъ, до 20 городовъ съ уѣздами и нѣсколько отдѣльныхъ волостей и доходы съ этихъ волостей онъ назначилъ на жалованье своимъ людямъ; въ этихъ же волостяхъ онъ роздалъ помѣстья тысячѣ князей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, взятыхъ въ опричину. Въ самой Москвѣ онъ отдѣлилъ нѣкоторыя улицы и слободы, гдѣ велѣлъ жить своимъ боярамъ, дворянамъ и приказнымъ, а прежнихъ жителей выселилъ въ другія улицы; онъ велѣлъ также построить себѣ за Неглинною особый дворецъ съ крѣпкою каменною оградою, но главнымъ мѣстомъ жительства назначилъ Александровскую слободу, гдѣ и должны были строиться приближенные опричники.

Опричники должны были *грызть* измѣнниковъ и *обметать* Русскую землю: въ знакъ этого, каждый изъ нихъ, ѣздя на ворономъ конѣ, весь въ черномъ, привязывалъ къ сѣдлу собачью голову и метлу.

---

[1]) Опричина — отъ слова *опричь*, кромѣ. Опричники назывались также кромѣшниками, т.-е. особыми, отдѣльными людьми.

Митрополитъ Филиппъ.

Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ тружениковъ Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями игуменъ Филиппъ, сынъ боярина Колычева. Государь слышалъ о Филиппѣ, дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни; помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостиницъ, плотинъ, ибо сей игуменъ былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣльнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго; очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ, пустыню; смягчилъ суровость климата.

Царь вздумалъ — мимо святителей, мимо всѣхъ архимандритовъ—возвести Филиппа на митрополію, желая изъявить тѣмъ свое особенное уваженіе къ христіанскимъ добродѣтелямъ и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его.

Филиппъ, царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву для *совѣта духовнаго*, отслужилъ литургію, причастилъ всю братію и со слезами выѣхалъ изъ своей любимой обители.

За три версты отъ Новгорода встрѣтили смиреннаго соловецкаго игумена всѣ жители древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, попросить за нихъ передъ тономъ, ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ Новгороду гнѣвомъ.

Царь принялъ Филиппа съ отмѣнною честію, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно и, наконецъ, объявилъ, что ему быть митрополитомъ. Пустынный инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не *ввѣрять бремени великаго ладіи малой*. Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ условіе; сказалъ: «Повинуюсь твоей волѣ, но умири же совѣсть мою; да не будетъ опричины! Да будетъ только единая Россія, ибо всякое раздѣленное царство, по глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества». Іоаннъ остановилъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ; отвѣтствовалъ тихо: «Развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня, что ближніе готовятъ мнѣ гибель?» и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но скоро, выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть.

Однажды, въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ, провождаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ,

входитъ въ соборную церковь Успенія. Царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ; Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: «Святый владыко! Се государь: благослови его!» Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: «Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства... О государь! Мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видно, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, — а въ Россіи ихъ нѣтъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства. Ты высокъ на тронѣ, но есть Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его, обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? Ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!.. Государь! Вѣщаю яко пастырь душъ. Боюся Господа единаго!» Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва, ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: «Чернецъ, доселѣ я излишне щадилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!» и вышелъ съ угрозою.

На другой день были новыя казни.

Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну, и велѣли митрополиту явиться на судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святого мужа съ неслыханною дерзостію. Вмѣсто оправданія безполезнаго митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вожделѣннаго, а царю: «Государь, великій князь! Ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти: нѣтъ! Достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій, се бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игумены и всѣ служители алтаря! Пасите вѣрно стадо Христово! Готовьтеся дать отчетъ и страшитеся небеснаго Царя еще болѣе, нежели земного». Онъ хотѣлъ удалиться; царь оста-

новилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день архангела Михаила (8 ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ передъ алтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свистокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Воины вступили въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви

Ссылка Филиппа.

метлами и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы; Филиппъ съ лицомъ свѣтлымъ, съ любовью благословлялъ людей и говорилъ имъ: «Молитеся!»

На другой день привезли его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ, не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа

воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ обитель св. Николая Стараго, на берегу Москвы рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Опасаясь любви гражданъ московскихъ къ сверженному митрополиту, слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотрятъ на келлію заключеннаго и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости,—царь велѣлъ отвезти страдальца въ тверской монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, троицкаго архимандрита, именемъ Кирилла.

Война за берега Балтійскаго моря.

При Иванѣ III и его сынѣ Василіи III всѣ удѣльныя княжества были присоединены къ Московскому княжеству. Московское княжество стало сильнымъ и большимъ государствомъ. Оно занимало всю сѣверо-восточную часть нынѣшней Европейской Россіи: отъ Бѣлаго моря до верховьевъ Днѣпра и Дона, отъ Уральскихъ горъ до Финскаго залива и верхняго теченія Западной Двины. Почти со всѣхъ сторонъ новому Московскому государству грозили сосѣди. Лишь съ дальняго сѣвера, гдѣ простиралась безконечная тундра, а за нею туманныя волны Бѣлаго моря, нечего было бояться нападеній врага. На сѣверо-западѣ шведы и нѣмцы владѣли побережьемъ Балтійскаго моря, они загородили русскимъ дорогу въ Западную Европу. На юго-западѣ Москвѣ грозило Польско-Литовское государство. А на юго-востокѣ по Волгѣ и Дону жили самые страшные враги Руси, причинявшіе ей неисчислимыя бѣдствія — татары.

Московскому государству приходилось вести тяжелую борьбу на всѣ стороны. Года не проходило спокойно безъ войны либо на западѣ, либо на востокѣ.

Когда Москва завоевала Новгородъ, она ближе придвинулась къ Западной Европѣ. До этихъ поръ изъ иноземныхъ государствъ были въ сношеніяхъ съ Москвою только греческое государство да Литва. Теперь пришлось вступить въ сношенія съ нѣмцами и шведами. Съ ними у Московскаго государства началась борьба изъ-за береговъ Балтійскаго моря.

Москва видѣла, что вступить въ тѣсныя сношенія съ Западной Европой можно только, завладѣвши морскимъ берегомъ. Иванъ Грозный и рѣшилъ воевать съ Ливоніей. Война затянулась на цѣлыхъ 25 лѣтъ. Вначалѣ русскія войска брали городъ за городомъ. Слабая Ливонія, видя, что ей не справиться съ сильнымъ врагомъ, рѣшила отдаться въ подданство шведамъ и полякамъ. На этотъ разъ пошли для русскихъ неудачи. Западные сосѣди

были сильнѣй русскихъ въ военномъ дѣлѣ, да и русскія войска были уже изнурены продолжительной войной. Поляки и шведы отобрали у русскихъ всѣ раньше завоеванные ими города, и Иванъ Грозный принужденъ былъ заключить миръ. По этому миру Москва не только должна была вернуть всѣ свои завоеванія, но и отдала шведамъ старинные русскіе города: Ямъ, Иванъ-Городъ и Капорье. Московское государство совсѣмъ лишилось и того небольшого побережья Финскаго залива, которымъ владѣло раньше. Морской путь въ Западную Европу былъ надолго закрытъ для русскихъ.

Василій Шибановъ.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ, съ нимъ Васька Шибановъ, стремянный. Дороденъ былъ князь, конь измученный палъ—какъ быть среди ночи туманной? Но рабскую вѣрность Шибановъ храня, своего отдаетъ воеводѣ коня: «Скачи, князь, до вражьяго стану, авось, я пѣшой не отстану!» И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ опальный сидитъ воевода; стоятъ въ изумленьи литовцы кругомъ, безъ шапокъ толпятся у входа, всякъ русскому витязю честь воздаетъ, не даромъ дивится литовскій народъ, и ходятъ ихъ головы кругомъ: «Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!» Но князя не радуетъ новая честь, исполненъ онъ желчи и злобы; готовится Курбскій царю перечесть души оскорбленной зазнобы: «Что долго въ себѣ я таю и ношу, то все я пространно къ царю напишу, скажу напрямикъ, безъ изгиба, за всѣ его ласки спасибо!» И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ, перо его местію дышитъ; прочтетъ, улыбнется и снова прочтетъ и снова безъ отдыха пишетъ, и злыми словами язвитъ онъ царя, и вотъ ужъ когда занялася заря, поспѣло, ему на отраду, посланіе, полное яду. Но кто жъ дерзновенныя князя слова отвезть Іоанну возьмется? Кому не люба на плечахъ голова, чье сердце въ груди не сожмется? Невольно сомнѣнья на князя нашли... Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли: «Князь, служба моя не нужна ли? Вишь, наши меня не догнали!» И въ радости князь посылаетъ раба, торопитъ его въ нетерпѣньи: «Ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба, а вотъ и рубли въ награжденье!» Шибановъ въ отвѣтъ господину: «Добро! Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро, а я передамъ и за муки письмо твое въ царскія руки!» Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой, Царь въ смирной одеждѣ трезвонитъ: зоветъ ли обратно онъ прежній покой иль совѣсть навѣки хоронитъ? Но часто и мѣрно онъ колоколъ бьетъ, и звону внимаетъ московскій народъ и мо-

лится, полный боязни, чтобъ день миновался безъ казни. Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема, звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый, звонитъ всей опрични кромѣшная тьма, и Васька Грязной, и Малюта, и тутъ же, гордяся своею красой, съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой, любимецъ звонитъ Іоанновъ — отверженный Богомъ Басмановъ. Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ и съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье — вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ, надъ шапкою держитъ посланье. И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой, къ царю Іоанну подходитъ пѣшой и молвитъ ему, не блѣднѣя: «Отъ Курбскаго, князя Андрея!» И очи царя загорѣлися вдругъ: «Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихого? Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ посланье отъ слова до слова! Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!» И въ ногу Шибанова острый конецъ жезла своего онъ вонзаетъ, налегъ на костыль—и внимаетъ: «Царю, прославляемому древле ото всѣхъ, но тонущу въ сквернахъ обильныхъ! Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ побилъ еси добрыхъ и сильныхъ? Отвѣтствуй, не ими ль, средь тяжкой войны безъ счета твердыни враговъ сражены? Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ? И кто имъ бысть вѣрностью равенъ? Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ, въ небытную ересь прельщенный? Внимай же! Пріидетъ возмездія часъ, писаніемъ намъ предреченный, и азъ, иже кровь, въ непрестанныхъ бояхъ, за тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ, съ тобой предъ Судьею предстану!» такъ Курбскій писалъ къ Іоанну. Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги кровь алымъ струилася токомъ, и царь на спокойное око слуги взиралъ испытующимъ окомъ. Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ, былъ мраченъ

И. Билибинъ. Думный дьякъ.

владыки загадочный взглядъ, какъ будто исполненъ печали, и всѣ въ ожиданьи молчали. И молвилъ такъ царь: «Да, бояринъ твой правъ, и нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной! Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ, я песъ, недостойный и смрадный! Гонецъ, ты не рабъ, но товарищъ и другъ, и много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ, что выдалъ тебя за безцѣнокъ! Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ!» Пытаютъ и мучатъ гонца палачи, другъ къ другу приходятъ на смѣну. «Товарищей Курбскаго ты уличи, открой ихъ собачью измѣну!» И царь вопрошаетъ: «Ну, что же гонецъ? Назвалъ ли онъ вора друзей, наконецъ?»—«Царь, слово его все едино: онъ славитъ своево господина!» День меркнетъ, приходитъ ночная пора, скрипятъ у застѣнка ворота, заплечные входятъ опять мастера, опять началася работа. «Ну, что же? Назвалъ ли злодѣевъ гонецъ?»—«Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ, но слово его все едино: онъ славитъ своево господина:»—«О, князь, ты, который предать меня могъ за сладостный мигъ укоризны, о, князь, я молю, да проститъ тебѣ Богъ измѣну твою предъ отчизной! Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ, языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ, но въ сердцѣ любовь и прощенье, помилуй мои прегрѣшенья, услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ, прости моего господина! Языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ, но слово мое все едино: за грознаго, Боже, царя я молюсь, за нашу святую, великую Русь — и твердо жду смерти желанной!» Такъ умеръ Шибановъ, стремянный.

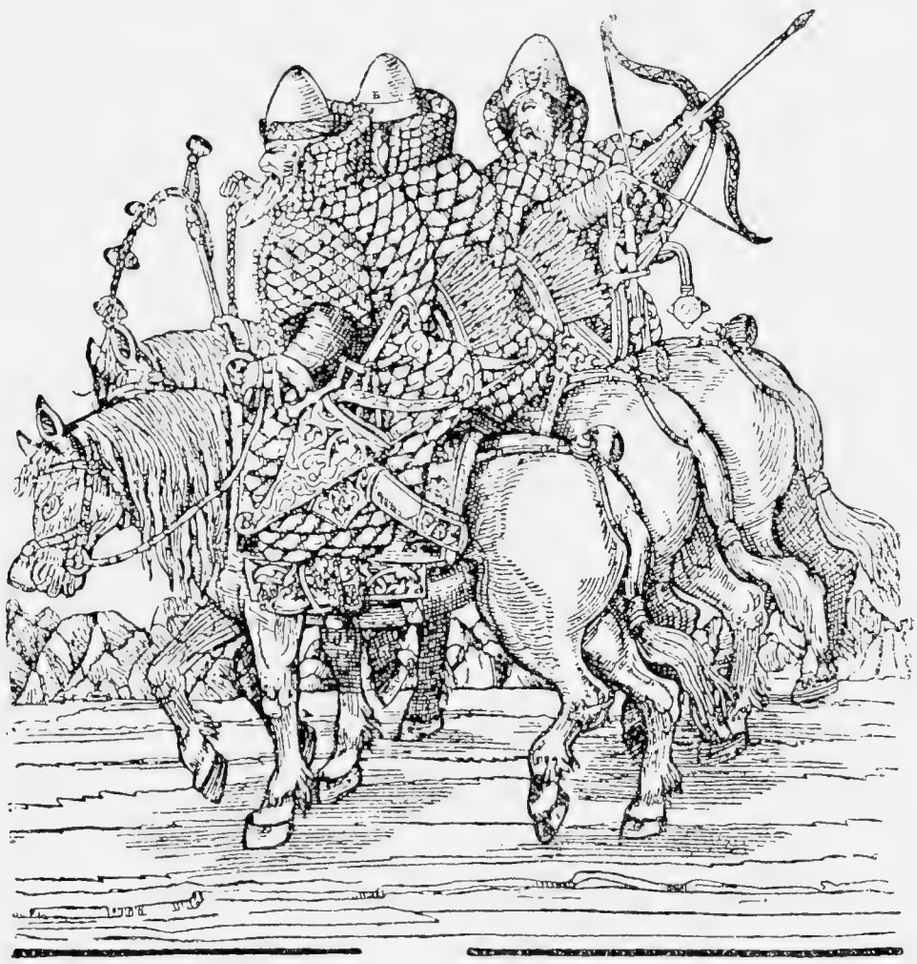
Ханство Крымское и борьба съ нимъ.

Много безпокойствъ причиняло Москвѣ Крымское ханство. Крымъ, прикрытый пустынными степями, соединяется съ материкомъ узкимъ перешейкомъ. Этотъ перешеекъ прорѣзанъ былъ широкимъ и глубокимъ рвомъ (*перекопью*) съ высокимъ укрѣпленнымъ валомъ. Такимъ образомъ съ суши Крымъ представлялъ настоящую неприступную разбойничью берлогу

Крымцы дѣлали набѣги на Польшу, Литву и Московію. Этими набѣгами крымцы и жили.

Татары крымскіе обыкновенно нападали на предѣлы Московскаго государства разъ или дважды въ годъ, иногда около Троицына дня, чаще во время жатвы, когда легче было ловить людей, разсѣянныхъ по полямъ. Но нерѣдки были и зимніе набѣги, когда морозъ облегчалъ переправу черезъ рѣки и топи. Татары, кое-какъ вооруженные луками, кривыми саблями и ножами, рѣдко пиками, на своихъ малорослыхъ, но сильныхъ и выносливыхъ

степныхъ лошадяхъ, безъ обоза, питаясь небольшимъ запасомъ сушенаго пшена или сыра да кобылиной, легко переносились черезъ необъятную степь, пробѣгая чуть не тысячу верстъ пустыннаго пути. Частыми набѣгами они прекрасно изучили эту степь, высмотрѣли удобнѣйшія дороги. Скрывая свое движеніе отъ московскихъ степныхъ разъѣздовъ, татары крались по лощинамъ и оврагамъ, ночью не разводили огней и во всѣ стороны разсылали ловкихъ развѣдчиковъ. Такъ имъ удавалось незамѣтно подкрадываться къ русскимъ границамъ и дѣлать страшныя опу-



Русскіе всадники XVI вѣка.

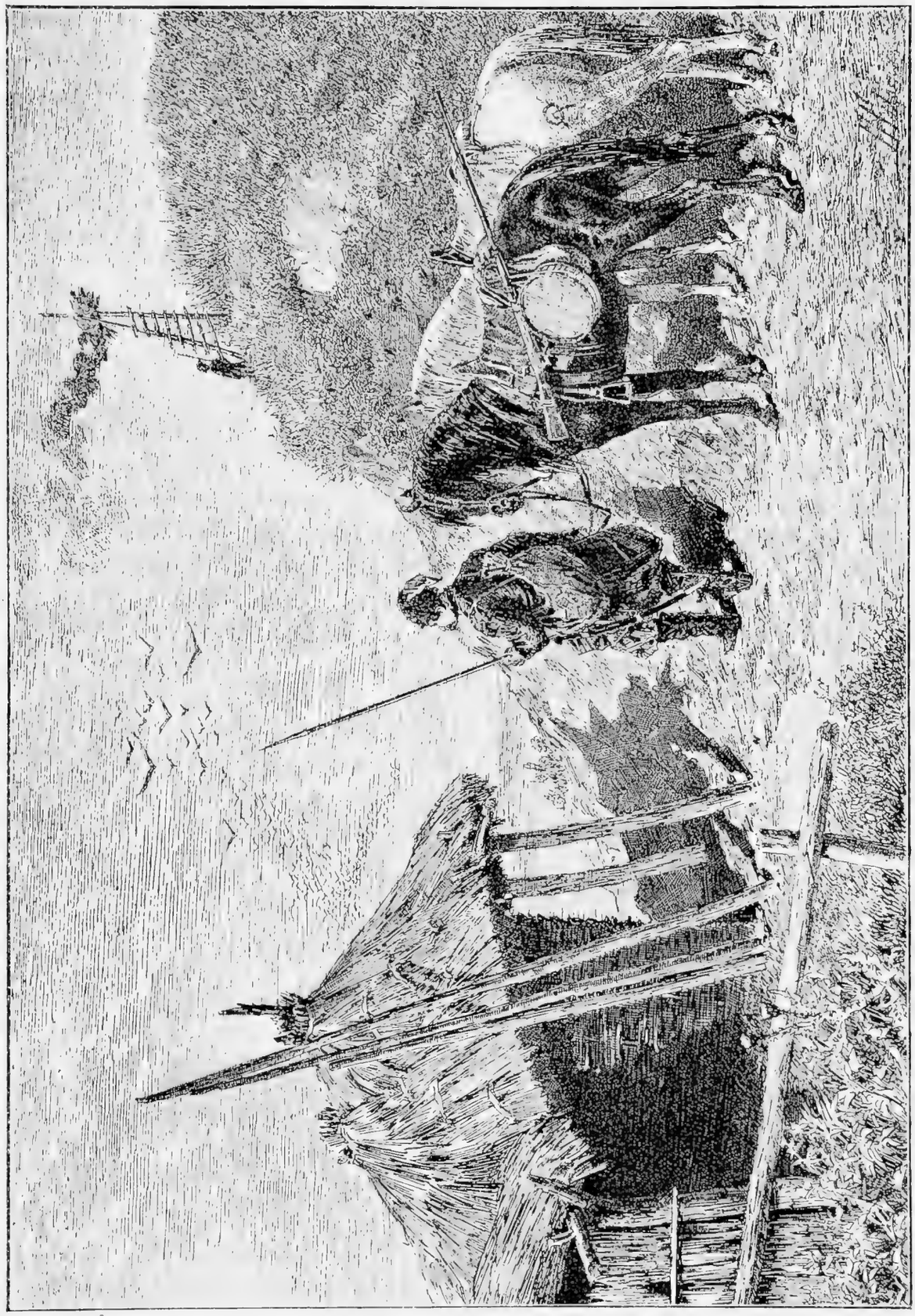
стошенія. Углубившись густою массой въ населенную страну верстъ на сто, они поворачивали назадъ и сметали все на пути, сопровождая свое движеніе грабежомъ и пожарами, захватывая людей, скотъ, всякое цѣнное и удобопереносное имущество. Это были обычные ежегодные набѣги, когда татары налетали на Русь внезапно, отдѣльными стаями въ нѣсколько сотенъ или тысячъ человѣкъ, кружась около границъ подобно дикимъ гусямъ, бросаясь туда, гдѣ чуялась добыча. Полонъ — главная добыча, которой они искали, особенно мальчики и дѣвочки. Для этого они

брали съ собой ременныя веревки, чтобы связывать плѣнниковъ, и даже большія корзины, въ которыя сажали забранныхъ дѣтей. Плѣнники продавались въ Турцію и другія страны. Кафа была главнымъ невольничьимъ рынкомъ, гдѣ всегда можно было найти десятки тысячъ плѣнниковъ и плѣнницъ изъ Польши, Литвы и Московіи. Здѣсь ихъ грузили на корабли и развозили въ Константинополь и въ другіе края Европы, Азіи и Африки. Въ XVI в. въ городахъ по берегамъ морей Чернаго и Средиземнаго можно было встрѣтить немало рабынь, которыя укачивали хозяйскихъ ребятъ польской или русской колыбельной пѣсней. Во всемъ Крыму не было другой прислуги, кромѣ плѣнниковъ.

Московское государство съ своей стороны напрягало всѣ силы для обороны своихъ южныхъ границъ. Первымъ изъ нихъ была *береговая служба*; ежегодно весной собирались значительныя силы на берегъ Оки. Ранней весной дьяки съ подьячими разсылали повѣстки въ уѣзды съ приказомъ собрать ратныхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ. Посланные, собравъ ратниковъ по списку всѣхъ сполна, ѣхали съ ними на государеву службу; укрывавшихся, сыскивая, били кнутомъ. Городовые дворяне и дѣти боярскіе выступали въ походъ «конны, людны и оружны», съ указнымъ числомъ коней, вооруженныхъ дворовыхъ людей и въ указномъ вооруженіи. Такимъ образомъ ежегодно поднималось на ноги до 65 тысячъ рати. Если не приходило изъ степи тревожныхъ вѣстей, полки стояли на своихъ мѣстахъ иногда до глубокой осени, пока распутица не являлась имъ на смѣну посторожить Московское государство отъ внѣшнихъ враговъ.

Другимъ средствомъ обороны было построеніе на опасныхъ границахъ цѣпи городовъ, остроговъ и острожковъ, обнесенныхъ рубленными стѣнами либо тыномъ, стоячими остроганными сверху бревнами, со рвами, валами, лѣсными *засѣками*, завалами изъ подсѣченныхъ деревьевъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ — все это съ цѣлью затруднить движеніе степныхъ конныхъ полчищъ. Населеніе этихъ городовъ и остроговъ составлялось изъ военнаго люда, казаковъ, стрѣльцовъ, дѣтей боярскихъ, разныхъ службъ служилыхъ людей; но къ нимъ присоединялись и простые обыватели изъ ближнихъ городовъ.

Вмѣстѣ съ укрѣпленными городами устроялась *сторожевая и станичная служба*. Изъ передовыхъ городовъ выдвигались въ разныхъ направленіяхъ на извѣстныя наблюдательныя мѣста *сторожи и станицы* въ два, въ четыре и больше конныхъ ратниковъ, дѣтей боярскихъ и казаковъ, наблюдать за движеніями въ степи ногайскихъ и крымскихъ татаръ, «чтобъ воинскіе люди на государевы украины безвѣстно войною не приходили». Сторо-



«Татаре идутъ». *В. Радомскій.*

жевые пункты отстояли одинъ отъ другого на день, чаще на полдня пути, чтобы возможно было постоянное сообщеніе между ними. Сторожи были *ближнія и дальнія*, называвшіяся по городамъ, изъ которыхъ онѣ выходили. Сторожа должны были стоять на своихъ мѣстахъ неподвижно, «съ коней не ссѣдая», оберегая

рѣчные броды, *перелазы*, гдѣ татары лазили черезъ рѣки въ своихъ набѣгахъ. Въ то же время станичники, по два человѣка, объѣзжали свои *урочища*, порученныя ихъ береженію, верстъ по шести, по десяти и по пятнадцати направо и налѣво отъ наблюдательнаго пункта. Высмотрѣвъ движеніе татаръ, станичники тотчасъ давали о томъ знать въ ближніе города. Сторожа становились обыкновенно у большихъ одинокихъ степныхъ деревьевъ; одинъ изъ нихъ наблюдалъ съ вершины дерева, другіе кормили осѣдланныхъ лошадей. Замѣтивъ пыль въ степи, сторожъ садился на готоваго коня и скакалъ къ другому сторожевому дереву, сторожъ котораго, едва завидѣвъ скачущаго, скакалъ къ третьему и такъ далѣе. Такимъ образомъ вѣсть о непріятелѣ довольно быстро достигала украйныхъ городовъ и самой Москвы.

Въ турецкой неволѣ.

Сидѣлъ разъ бандуристъ Кочерга на крылечкѣ въ одной деревнѣ.

Сидитъ себѣ, на бандурѣ играетъ, подпѣваетъ помаленьку; кругомъ бабы, дѣвки, ребятишки...

Слушаютъ.

Сыграетъ одну пѣсню, сейчасъ кто-нибудь:

— Діду, а, діду!..

— Ну, чего?..

— А сыграй, дескать, еще, діду!

Сидитъ себѣ, значитъ, на крылечкѣ, вдругъ — крикъ, шумъ. Бѣгутъ по улицѣ куры, бѣгутъ собаки — вотъ они: татары ворвались, прямо по улицѣ скачутъ...

Пыль подняли — страсть; только головы да шапки видны...

А деревушка была маленькая, можетъ, дворовъ съ двадцать.

Ну, что тутъ подѣлаешь?

Повыскочили казаки, хлопъ, хлопъ изъ ружей, изъ пистолетовъ, да развѣ съ ними сладишь?

Кто успѣлъ, — вскочилъ на лошадь, а кто и нѣтъ.

Врасплохъ застали.

И минуты не прошло, какъ всѣхъ, кто попался, посвязали, руки скрутили, значитъ — конецъ, неволя.

Захватили тоже и Кочергу.

Слѣпой онъ ужъ былъ и совсѣмъ старый, думалъ, тутъ и пришибутъ, потому что для чего онъ имъ? Только одна связа въ дорогѣ. Однако нѣтъ, и пальцемъ не тронули. Посадили на лошадь, связали ноги подъ брюхомъ лошади...

— Айда!

Въ степь, значитъ.

— Ну,—думаетъ Кочерга,—пропала моя воля.

Привезли татары Кочергу въ свой городъ, въ Крымъ; вывели на базаръ. Самъ ихній начальникъ вывелъ.

Поставилъ вмѣстѣ съ другими невольниками и самъ около сталъ.

Только прошло тамъ сколько времени, не знаю, подходитъ турокъ, важный изъ себя такой, въ чалмѣ, съ бородой.

Вынулъ турокъ трубку, закурилъ.

— Ну, какъ,—спрашиваетъ,—дѣлишки?

— Да ничего, дескать,—вотъ, есть товарецъ для вашей милости.

Кивнулъ головой на Кочергу.

— Хорошій,—говоритъ,—товарецъ, обойдете весь Крымъ, нигдѣ, какъ у меня, не найдете.

— Слѣпой только,—говоритъ турокъ.

Скосилъ татаринъ глаза на турка, выпятилъ губу.

— Ну и что жъ, что слѣпой!—говоритъ.—Они всѣ слѣпые!

— И играть можетъ?—спрашиваетъ турокъ.

— И играть.

— И пѣть?

— Ужъ какъ водится, дескать, да вотъ, не угодно ли.

Сейчасъ досталъ изъ-подъ лавки бандуру, смахнулъ съ нея пыль, подалъ Кочергѣ.

— Спивай, діду!

Ну, заигралъ Кочерга на бандурѣ, послѣ запѣлъ.

Слушалъ, слушалъ его турокъ.

— Ничего,—говоритъ,— не понимаю, а хорошо спиваетъ.

— А вы,—говоритъ татаринъ,—его хорошенько покормите, такъ, смотрите, еще и не такъ запоетъ, потому, дескать, какой у насъ харчъ? Харчъ у насъ плохой.

И начался тутъ у нихъ торгъ.

Торговались, торговались, сошлись на тысячѣ.

Вынулъ турокъ кисетъ, отсчиталъ деньги и отдалъ татарину.

Увелъ турокъ Кочергу.

Но зачѣмъ турку слѣпой человѣкъ, хоть онъ и бандуристъ, да еще старый?

А дѣло, видите ли, вотъ въ чемъ.

Жилъ въ Константинополѣ одинъ важный паша, и была у этого паши жена полонянка изъ Украйны, тоже, значитъ, наша. И пристала она да пристала къ пашѣ:

— Достань мнѣ бандуриста.

Паша было туда-сюда.

— Зачѣмъ онъ тебѣ?

А она заладила одно:

— Достань!

Что ты съ ней подѣлаешь!

Легкое ли дѣло достать бандуриста? Бандуристъ какъ ни какъ казакъ, а паша зналъ, каково плохо иногда приходилось и самимъ туркамъ отъ казаковъ.

Паша далъ управляющему кисетъ съ деньгами, далъ коней, далъ слугъ.

— Поѣзжай,—говоритъ,—и только какъ хочешь, а добудь мнѣ бандуриста, а то и на глаза не показывайся.

Управляющій сейчасъ въ Крымъ, побывалъ тамъ-сямъ, наконецъ, узналъ,—идутъ татары изъ одного поселка набѣгомъ въ Украйну.

Онъ къ нимъ, — прямо къ начальнику.

Дескать, такое дѣло, не можете ли? Можетъ, гдѣ попадется?

— Ладно, дескать, будь покоенъ. Къ такому-то числу выходи на базаръ: поймаю бандуриста — хорошо. Не поймаю — значитъ, такъ Богу угодно.

Такъ и попалъ Кочерга въ Крымъ, а потомъ и въ самый Константинополь.

Сидитъ разъ паша на диванѣ, кальянъ куритъ.

Вдругъ привезли Кочергу.

Вошелъ онъ, сталъ у порога.

— Дать ему бандуру,—говоритъ паша.

Принесли бандуру, подали Кочергѣ, сѣлъ онъ на порожекъ, какъ, бывало, сиживалъ на крылечкѣ около хаты. Заигралъ.

Заигралъ, а самъ подпѣваетъ.

А паша сейчасъ потихоньку:

— Позови-ка сюда жену.

Какъ пришла она, какъ увидала бандуриста, Господи, что тутъ было! И плачетъ, и смѣется...

— Діду,—говоритъ,—ахъ, діду!..

— Пойдемъ,—говоритъ,—діду, на мою половину.

Такъ и сталъ Кочерга съ того времени жить у паши на женской половинѣ.

Маруся Богуславка [1]).

(Малорусская дума.)

На Черномъ морѣ,
На бѣломъ каменьѣ,
Стояла темница каменная.

---

[1]) Переводъ съ малорусскаго и обработка Козленицкой.

Въ той темницѣ сидятъ семьсотъ казаковъ,
Бѣдныхъ невольниковъ.
Тридцать лѣтъ они въ темницѣ пребываютъ,
Свѣту Божьяго, солнца праведнаго не видятъ.
Приходитъ къ нимъ плѣнница турецкая,
Маруся - поповна Богуславская.
Приходитъ и такія слова промолвляетъ:
«Ой, казаки, вы бѣдные невольники;
Угадайте, что за день теперь въ нашей землѣ христіанской?»
Какъ услыхали тѣ слова бѣдные невольники,
Турецкую плѣнницу,
Марусю Богуславку,
По рѣчамъ узнавали
И такъ ей отвѣчали:
— Ой, ты, плѣнница турецкая,
Маруся - поповна Богуславская,
Почемъ мы можемъ знать,
Какой въ нашей землѣ христіанской день теперь?
Тридцать лѣтъ мы въ неволѣ пребываемъ,
Свѣта Божьяго, солнца праведнаго не видаемъ,
Какъ же намъ узнать, какой въ нашей землѣ христіанской день теперь?»
Тогда турецкая плѣнница,
Маруся - поповна Богуславская,
То услыхавши,
Казакамъ слово вымолвляетъ:
«Ой, вы, казаки, бѣдные невольники,
Сегодня въ нашей землѣ христіанской Страстная суббота,
А завтра святой праздникъ — Свѣтлое Христово Воскресеніе».
Какъ услыхали это казаки,
Бѣлымъ лицомъ къ сырой землѣ припадали,
Плѣнницу турецкую,
Марусю Богуславку,
Кляли - проклинали:
— А чтобъ тебѣ, плѣнницѣ турецкой,
Поповнѣ Богуславской,
Счастья - доли никогда не видать,
За то, что ты намъ, несчастнымъ невольникамъ,
Про Святой праздникъ, про Свѣтлое Христово Воскресеніе напомнила».
То услыхавши,
Маруся Богуславка
Такими словами казакамъ отвѣчала:

«Ой, вы, казаки, бѣдные невольники,
Не браните вы меня, не кляните,
А послушайте, что я вамъ скажу:
Какъ будетъ завтра турецкій паша въ мечеть выѣзжать,
Будетъ онъ мнѣ на руки ключи отъ вашей темницы отдавать,
А я темницу отомкну,
Всѣхъ васъ, бѣдныхъ невольниковъ
Завтра на святой праздникъ,
На Свѣтлое Христово Воскресеніе,
Изъ темницы буду выпускать».
Сталъ паша турецкій въ мечеть выѣзжать,
Своей плѣнницѣ
Марусѣ Богуславкѣ
Всѣ ключи отъ темницы на руки отдавать.
Маруся Богуславка
Къ темницѣ приходитъ,
Темницу отмыкаетъ,
Всѣхъ бѣдныхъ невольниковъ,
На волю выпускаетъ,
Такими ихъ словами провожаетъ:
«Ой, вы, казаки, бѣдные невольники,
Поспѣшайте, въ сторону христіанскую отъѣзжайте.
Объ одномъ только прошу я васъ:
Не минайте вы города Богуслава,
Моему отцу, матери поклонъ отвезите,
Отъ меня вы имъ скажите:
Пусть они своего добра не сбываютъ,
Серебра - золота не собираютъ,
Меня, молодую, изъ плѣна не выкупаютъ.
Отуречилась я, обасурманилась,
Ради лакомства турецкаго,
Ради выгоды несчастной...
А вамъ, бѣднымъ невольникамъ,
Пусть Богъ помогаетъ!..
Изъ тяжкой неволи
Въ родную сторону уѣзжайте
На ясныя зори,
На тихія воды,
Въ край веселый,
Въ міръ крещеный».

Завоеваніе Сибири.

Когда, по взятіи Казани и Астрахани, вся Волга досталась въ наши руки, государи московскіе должны были заботиться, чтобы по ней плаваніе для торговыхъ каравановъ было безопасное. По Волгѣ и по Дону и при татарахъ еще жило довольно много русскихъ людей, выходившихъ селиться въ степь по этимъ рѣкамъ и далѣе даже въ Кавказскія горы, на рѣку Терекъ. Хотя эти люди не прерывали своихъ связей съ далекой родиной, крѣпко держались вѣры отеческой и русскихъ обычаевъ, и называли себя людьми государевыми, вольными казаками,—однако государи московскіе, за дальностью, управлять ими и промышлять о нихъ не могли. На жалобы разныхъ татарскихъ хановъ, что казаки ихъ грабятъ, изъ Москвы частенько отвѣчали, что «степь велика—и государямъ за казаками смотрѣть не можно». Сами же казаки, своею постоянною войною съ татарами, не мало намъ приносили пользы, то и дѣло тревожа Казань и Астрахань. Когда же эти царства были взяты, на Волгѣ, по старой памяти, продолжали собираться въ шайки разные гулящіе люди—и изъ Россіи и изъ казаковъ,—и нападали безъ разбору на всѣ суда, шедшія по Волгѣ. Напрасно государь приказывалъ изъ Москвы, чтобы они надъ государевой казной и торговыми людьми никакого воровства не чинили. Вольница не унималась: атаманы ея разгуливали по Волгѣ и по Каспійскому морю, словно сами какіе цари морскіе, и царскаго приказа не слушались. Число ватагъ все росло и росло. Нѣкоторые атаманы стали грозою для судоходовъ. Между прочими особенно страшно для нихъ сдѣлалось имя атамана Ермака Тимоѳеича.

Были важные и умные люди Строгановы. Они выпросили себѣ у государя пустопорожнія земли между рѣками Камой и Чусовой, около Уральскихъ горъ, для того, что тамъ удобно варить соль—и всякой руды много. Царь далъ имъ земли съ тѣмъ, чтобъ ужъ они сами тамъ всѣмъ распоряжались: и народъ селили бы, и городки бы строили, и ружья и пушки имѣли бы, и ратныхъ людей, и сами бы оборонялись отъ сосѣднихъ дикихъ народцевъ.

И Строгановы начали устраивать этотъ край, вели дѣло умно, и за всякой своей нуждой сами переписывались съ царемъ.

Строгановы послали къ Ермаку ласковую грамоту съ такими рѣчами: «Чѣмъ мотаться тебѣ по бѣлу свѣту, ты бы, Ермакъ Тимоѳеевичъ, послужилъ честнымъ людямъ, а у насъ про тебя дѣло нашлось бы. Пожаловалъ намъ государь земли за Угорскимъ камнемъ, по рѣкамъ по Тагилю и по Тоболу, чтобы мы тамъ острожки

поставили, и на государевы земли сибирскимъ народцамъ: остякамъ и вогуламъ, а тѣмъ паче сибирскому царю, татарину Кучуму, путь перехватили, которые народцы царю покорность изъявятъ, съ тѣхъ бы мы дани принимали и къ царю бы отсылали; а какіе купцы пойдутъ, тѣхъ бы мы оберегали. И ты бы, Ермакъ Тимоѳеевичъ, намъ это дѣло справлялъ; ты бы набралъ вольныхъ людей, охотниковъ, а мы бы тебѣ все нужное дали; послужилъ бы ты царю вѣрой-правдою и заслужилъ бы прежніе грѣхи свои».

Какъ получилъ эту грамоту Ермакъ Тимоѳеевичъ, созвалъ онъ казацкій кругъ и велѣлъ передъ всѣми читать грамоту. «Кто хочетъ, братцы, со мной—иди; кто не хочетъ—тому воля вольная. И всѣ его любимые товарищи, храбрые есаулы возрадовались. Набралось съ ними еще пятьсотъ сорокъ человѣкъ. Пошли они

Домъ-замокъ Строгановыхъ.

въ Чусовые городки, и приняли ихъ Строгановы съ великою честью. Стали снаряжать за Угорскій камень; дали отъ себя еще триста человѣкъ ратныхъ людей; снабдили ихъ одеждой и запасами, и воинскими доспѣхами, и ружьями, и маленькими пушечками; свинцу и пороху дали вдоволь; вожаковъ и переводчиковъ.

Шелъ Ермакъ по рѣкѣ по Чусовой, потомъ перетащился волокомъ, поплылъ въ Тагиль рѣку; изъ Тагиля вошелъ въ Туру рѣку... Сторона была пустынная, тишина глубокая, ясное время стояло, сентябрь мѣсяцъ. Шли казаки скоро и весело. По рѣкамъ птицы, по берегамъ звѣря — великое множество. Какъ выстрѣлятъ изъ ружья — все всполошится, выстрѣлъ-то по пустыннымъ мѣстамъ далеко перекатывается. Только рѣдко-рѣдко гдѣ пашенки попадутся; рѣдко - рѣдко гдѣ выглянутъ люди ди-

кіе,—и прочь побѣгутъ. Только вотъ глядятъ казаки: словно войско стоитъ. Вышли казаки на берегъ да какъ грянули изъ ружей — все войско попадало. Оказалось, что войско велъ сибирскаго царя Кучума мурза Таузакъ. Ермакъ обошелся съ нимъ ласково, угощалъ и выспрашивалъ про царя Кучума и гдѣ его столица, и сколько у него силы, и далеко ли и какъ итти туда,— и отпустилъ его домой. Мурза прибѣжалъ къ Кучуму и на всѣхъ нагналъ страхъ своими разсказами: «Такіе, молъ, идутъ люди, роду русскаго, какихъ и не видано; сами сильные, а когда стрѣльнутъ изъ луковъ своихъ, то изъ конца дымъ и огонь исходитъ и громко голкнетъ, аки громъ на небеси; стрѣлъ исходящихъ не видать, а уязвляютъ ранами и смертью побиваютъ, и защититься отъ нихъ никакими ратными сбруями не можно: ни панцыри, ни кольчуги наши не держатъ, все пробиваетъ на вылетъ».

Царь Кучумъ переполошился. Самъ онъ заперся въ главномъ своемъ юртѣ, въ городкѣ, называемомъ Сибирь, а сыну своему, по имени Мегметъ-Кулу, назначилъ итти съ большой ратью на Ермака, и чтобъ онъ старался уничтожить русскихъ.

Мегметъ-Кулъ сталъ на Тоболѣ рѣкѣ и дожидалъ нашихъ. Провѣдавъ, что казаки недалеко отъ него высадились, послалъ онъ на нихъ впередъ свою конницу, а вслѣдъ за ней и пѣшее войско съ копьями и стрѣлами. Казаки встрѣтили ихъ выстрѣлами изъ пушечекъ и ружей. Тѣ было дрогнули, но скоро опомнились. Казаки кинулись на нихъ въ рукопашъ; сѣча была зла; но видя паденіе многихъ своихъ, войска Мегметъ-Куловы не выдержали и побѣжали. У нашихъ тоже были и убитые и раненые. Ермакъ поплылъ дальше внизъ по Тоболу, спѣша на Иртышъ, гдѣ Кучумовъ юртъ. Дорогой былъ еще бой: разбили казаки Кучумова мурзу Карачу и взяли его юртъ и богатую добычу — золота, припасовъ, меду, и перетащили все на свои лодки.

Разсказываютъ, что юртъ этотъ взяли они хитростью. Понадѣлали чучела изъ соломы, надѣли на нихъ кафтаны и шапки и привязали въ лодкахъ, оставивъ при нихъ малое число людей, а сами тайно высадились на берегъ. Подошли лодки и стали противъ юрта. Высыпали татары на берегъ и стали пускать стрѣлы. Стрѣляютъ и дивуются, какіе это люди русскіе—крѣпкіе: стрѣлъ въ нихъ, что въ снопики налѣплено, а они всѣ невредимы стоятъ. Настоящіе же казаки тѣмъ временемъ зашли къ татарамъ въ тылъ, и вдругъ гокнули изъ ружей. Такъ юртъ и взяли.

Войдя въ Иртышъ, Ермакъ повернулъ внизъ по рѣкѣ; казаки скоро увидали какое-то старое городище [1]), удобное для при-

---

[1]) Остатки бывшаго селенія.

вала, и, не встрѣчая на всемъ Иртышѣ непріятеля, расположились въ городищѣ. Но это-то и была устроенная Кучумомъ засада. На это-то городище Кучумъ и разсчитывалъ. Онъ велѣлъ заблаговременно совсѣмъ его очистить и оставить пустымъ. Близъ него стоитъ высокая гора; на этой горѣ расположился самъ Кучумъ съ половиной своего войска; а другую половину, подъ начальствомъ Мегметъ-Кула, укрылъ онъ съ другой стороны городища. Казаки вечеромъ подплыли къ городищу, стали пищу варить и готовить себѣ ночлегъ; какъ вдругъ замѣчаютъ, что въ засѣкѣ людей—видимо-невидимо. Свѣдавъ, что и на горѣ стоитъ самъ Кучумъ и что они окружены всей его силой,—они, усталые и раненые, вдругъ впали въ страхъ и отчаяніе, собирались въ круги и требовали, чтобы ночью же садиться на суда и ѣхать назадъ. Ермакъ, давши имъ наговориться, позвалъ всѣхъ въ большой кругъ; вышелъ, поклонился и началъ рѣчь: «Что же, братцы,—сказалъ онъ,—иль ужъ и впрямь приходится намъ бѣжать? Одно худо, — продолжалъ Ермакъ, — время позднее, рѣки скоро станутъ, до дому не догребемъ, придется зимовать въ глуши—Богъ вѣсть гдѣ и Богъ вѣсть какъ. Пожалуй, въ такомъ мѣстѣ замерзнемъ, гдѣ ни татарва ни сибирскіе народцы не подумали—теплыхъ хоромъ намъ не поставили и хлѣба не напахали... Одно только мѣсто для зимовки доброе я знаю: это Кучумовъ юртъ Сибирь-городокъ... Стыдно вамъ, братцы, — продолжалъ онъ съ негодованіемъ,—а еще казаки!»

Не дали Ермаку дальше говорить. «Всѣ мы готовы умереть,—заговорилъ казацкій кругъ, — ужъ во всемъ на тебя, Ермакъ Тимоѳеевичъ, полагаемся; ты, извѣстно, человѣкъ не намъ чета. Безъ тебя давно бъ ужъ намъ всѣмъ пропасть».

На утро вывелъ Ермакъ свою дружину изъ городища и указалъ на засѣку. «Съ нами Богъ!»—крикнули казаки, дали залпъ и побѣжали на приступъ. Татары выпустили тучу стрѣлъ. Дрались въ рукопашную; на одного казака приходилось по десяти, по двадцати, по тридцати человѣкъ. Но столбъ Кучумова царства, душа его войска—надломилась: палъ храбрый Мегметъ-Кулъ, раненый; едва успѣли отбить его, еле жива, и отвезть за Иртышъ. Разстроились его татары и побѣжали.

Побѣда Ермака была полная, хотя досталась не дешево. Пятая часть всей дружины его—сто семь воиновъ полегло въ этомъ бою. На другой же день пошелъ Ермакъ къ Кучумовой столицѣ. Осторожно начали казаки входить въ городъ и увидѣли, что юртъ совсѣмъ пустъ.

Отдохнули наши молодцы, поустроились въ городѣ. Три дня прошло тихо и мирно. На четвертый день показались остяцкіе

князьки, подъѣхали, выложили Ермаку богатые дары и били челомъ принять отъ нихъ присягу на вѣрность. За ними стали приходить жители съ семьями своими, присягали Ермаку—и онъ приглашалъ всѣхъ ихъ жить попрежнему въ городѣ. Городъ опять наполнился людьми. Обширныя земли были подвластны Ермаку; многіе народы несли ему дань.

Велѣлъ Ермакъ написать къ царю грамоту. «Царство де Сибирское взяли и царя Кучума съ воями его побѣдили; и подъ твою высокую руку покорили многихъ живущихъ въ Сибири инородцевъ: татаръ, остяковъ и вогуличей, и къ присягѣ ихъ привели, чтобы быть имъ подъ твоею государскою высокою рукою до вѣку и чтобы имъ ясакъ давати тебѣ, великому государю, безпереводно. А на русскихъ людей имъ зла никакого не мыслить; а которые похотятъ въ твою службу государскую, и тѣмъ служить прямо».

Велѣлъ онъ написать и другую грамоту—къ именитымъ людямъ Строгановымъ, увѣдомлялъ ихъ о дѣлахъ своихъ и просилъ переправить съ его грамотой посланца къ самому царю въ Москву.

Поѣхалъ есаулъ Иванъ Кольцо съ пятьюдесятью казаками. Остались Ермакъ съ товарищами дожидать, что велитъ имъ сказать великій государь.

Иванъ Кольцо пріѣхалъ въ Москву въ самое печальное время. Только что заключенъ былъ съ Польшею миръ. По этому миру царь потерялъ берега Балтійскаго моря, столь для Россіи необходимые. Мраченъ былъ грозный царь. Это былъ уже не тотъ красивый юноша, что ровно тридцать лѣтъ тому назадъ бралъ Казань. Онъ уже постарѣлъ и хворалъ, подозрѣвалъ, что окруженъ измѣною бояръ.

Обыкновенно государь принималъ гонцовъ самъ, сидя на креслахъ, а кругомъ его по лавкамъ — бояре. Вводятъ Ивана Кольцо съ товарищами. Они пали передъ государемъ на землю какъ преступники; Иванъ Кольцо положилъ себѣ на голову грамоту. Царь велѣлъ дьяку взять, распечатать и читать грамоту. Дьякъ прочелъ. Государь велѣлъ Ивану Кольцо встать и все дѣло разсказать—и что̀ они за люди. И повѣдалъ Кольцо, безъ утайки, всю правду истинную, что они тѣ самые воровскіе казаки, о которыхъ писано въ царскихъ указахъ, и какъ они пришли къ Строгановымъ и какъ въ Сибирь пошли и прочее. И объ Ермакѣ все доподлинно разсказалъ. Царь выспрашивалъ все до мелочи. Наконецъ объявилъ казакамъ, что всѣ вины ихъ онъ съ нихъ снимаетъ, а за службы жалуетъ своимъ государевымъ жалованьемъ. «А къ храброму воеводѣ нашему,—заключилъ онъ,—

князю сибирскому Ермаку Тимоѳеевичу, помощь пошлю и велю отписать къ нему мою царскую грамоту».

На помощь Ермаку отряжено было пятьсотъ стрѣльцовъ. Казакамъ царь послалъ денегъ, суконъ, камки [1]); Ермаку — шубу съ своего плеча, двѣ брони, серебряный кубокъ, и въ милостивой грамотѣ своей, назвавъ его княземъ сибирскимъ, поручилъ ему главное распоряженіе и начальство надъ всею покоренною страною.

Радость казаковъ была неописанная, когда воротился Иванъ Кольцо съ царскими милостями. Но Ермаку не долго пришлось ими пользоваться. Онъ попалъ-таки въ засаду къ Кучуму. Кучумъ распустилъ слухъ, что къ казакамъ идутъ бухарскіе купцы. Ермакъ вышелъ съ пятьюдесятью казаками имъ для прикрытія. Купцовъ на сказанномъ мѣстѣ не нашли и расположились на островкѣ, на Иртышѣ, ночевать. Ночь была бурная, вѣтеръ вылъ, рѣка шумѣла. Казаки спали богатырскимъ сномъ. Кучумъ переправился черезъ рукавъ рѣки, напалъ — и сонныхъ перерѣзалъ казаковъ. Ермакъ вскочилъ было на крики, бросился къ судамъ своимъ, отмахиваясь саблей; перепрыгивалъ съ лодки на лодку, оступился и упалъ въ бурную и глубокую рѣку; тяжелая броня была на немъ — она-то и стала причиной его гибели.

Смерть Ермака приключилась въ одинъ годъ съ кончиною царя Ивана Васильевича Грознаго — въ 1584 году; только царь скончался 18 марта, а Ермакъ погибъ 5 августа.

Начало Смутнаго времени.

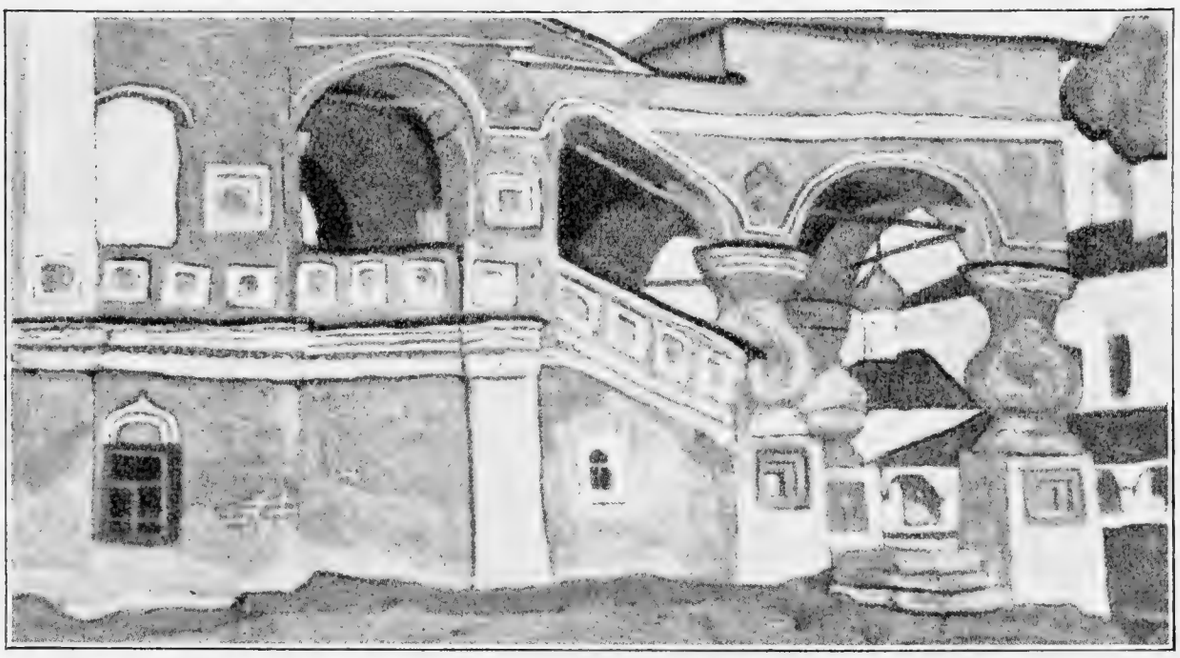
Лѣтъ черезъ сто послѣ нашествія татаръ, въ XIV вѣкѣ, явились и вырастали на Руси два государства — Москва и Литва, стало два государя: московскій и литовскій; а прежнія земли съ ихъ князьями стали повиноваться — иныя Москвѣ, другія Литвѣ. Русь, такимъ образомъ, раздѣлилась на двѣ половины. И въ той и въ другой половинѣ народъ былъ русскій. Были, правда, отличія и не малыя, да все не такія, чтобы жившіе подъ Литвою и подъ Москвою забыли, что они одинъ народъ. Вѣра православная и тамъ и здѣсь одна, разговорная рѣчь сходственна. Кому изъ князей, бояръ или вообще всякаго званія людей не пригоже покажется жить въ Московскомъ государствѣ, тотъ уѣзжаетъ въ Литовское, а кому въ Литовскомъ нехорошо — тотъ переселяется въ Московское.

---

[1]) Дорогая матерія.

Но Литва соединилась съ Польшею. Сначала это вышло такъ, что поляки выбирали себѣ литовскихъ государей одного за другимъ въ короли, а потомъ, въ XIV вѣкѣ, Польша съ Литвою составили одно соединенное государство. Черезъ это Польша втянулась въ споръ съ Москвою.

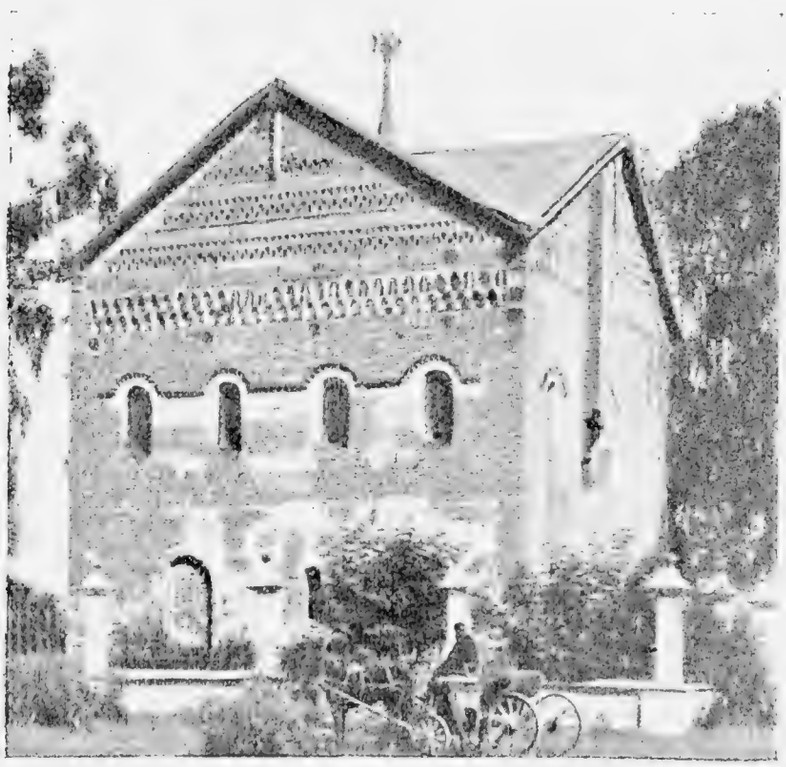
Противъ Польши стояло твердою стѣною Московское государство. Освободившись отъ татарской неволи, оно быстро вырастало, укрѣплялось и расширялось. Присоединенъ былъ къ Москвѣ Великій Новгородъ со всею страною до Ледовитаго моря и до Уральскихъ горъ, потомъ Псковъ со своею областью; завоеваны были при царѣ Иванѣ Васильевичѣ царства Казанское и Астраханское, со всѣмъ поволжскимъ низовьемъ. Стала Москва



Н. Рерихъ. Угличъ.

заявлять, что хочетъ присоединить къ своему государству Кіевщину, Волынь, Бѣлую Русь — всѣ земли, изстари русскія, находившіяся во власти польско-литовской державы. Польша увидала, что приходится ей стараться скорѣе покорить и присоединить къ себѣ Московское государство, какъ ей уже удалось сдѣлать это съ Литовскимъ, а иначе, если Москва еще болѣе усилится, то заберетъ себѣ всѣ русскія области у Польши. Въ началѣ XVII вѣка случилось въ Московскомъ государствѣ такое событіе, что́ полякамъ было на руку. Царствующій въ Москвѣ родъ прекратился. Послѣдній изъ этого рода государь Ѳедоръ Ивановичъ, человѣкъ слабый и бездѣтный, еще при жизни своей отдалъ все правленіе своему шурину, Борису Годунову. Этотъ послѣдній могъ надѣяться, что, по смерти царя Ѳедора Ивановича, выберутъ его, Бориса, на

престолъ. Но у Ѳедора Ивановича былъ малолѣтній братъ Димитрій Ивановичъ, жившій въ Угличѣ. Вдругъ онъ умеръ скоропостижно, насильственною смертью. Народъ въ Угличѣ перебилъ людей, на которыхъ падало подозрѣніе, что они извели московскаго царевича. Борисъ послалъ произвести слѣдствіе. На этомъ слѣдствіи вывели, что царевичъ самъ себя закололъ ножомъ, въ припадкѣ падучей болѣзни; но въ народѣ осталось подозрѣніе, что Борисъ приказалъ тайно убить царевича Димитрія. Царь Ѳедоръ Ивановичъ умеръ. У Бориса было много доброжелателей, которыхъ онъ, бывши при Ѳедорѣ Ивановичѣ правителемъ, расположилъ къ себѣ разными благодѣяніями. Были у него и враги, но они не смѣли тогда поднять голоса. Бориса выбрали на престолъ. Тогда сталъ носиться слухъ, что царевичъ Димитрій живъ, что его успѣли спасти отъ убійцъ, подмѣнивши другимъ мальчикомъ, котораго и убили, а царевичъ гдѣ-то проживаетъ въ неизвѣстности. Слухъ этотъ могъ произойти самъ собою. Но царь вообразилъ, что ему устраиваютъ втайнѣ что-то дурное; быть-можетъ, онъ и впрямь подозрѣвалъ не живъ ли Димитрій и не хочетъ ли отнять у него престолъ; а можетъ-быть, онъ боялся, что враги его подучаютъ кого-нибудь назваться Димитріемъ. Такъ ли онъ думалъ или иначе,— только онъ началъ доискиваться тайныхъ враговъ, приказалъ хватать людей, отдавать на муки въ пытку, кидать въ тюрьмы, ссылать въ пустыни. Такимъ образомъ, много знатныхъ родовъ потерпѣло безвинно и въ томъ числѣ семья Романовыхъ, любимая народомъ. Тутъ, на бѣду Борису и Русской землѣ, наступилъ ужасный голодъ, и народъ началъ думать, что Борисово царство не благословляется Богомъ; что онъ царь не законный, и черезъ него на всю Русь посылается такая кара. Былъ въ Польшѣ панъ воевода сендомирскій, Юрій Мнишекъ, человѣкъ



Дворецъ Димитрія царевича въ Угличѣ.

хитрый, лукавый; былъ онъ въ родствѣ и свойствѣ съ очень знатнымъ и богатымъ родомъ князей Вишневецкихъ. Они объявили королю своему Сигизмунду III, что явился царевичъ Димитрій. Кто былъ этотъ бродяга—до сихъ поръ не рѣшено, хотя въ Московскомъ государствѣ и укоренилось убѣжденіе, что онъ былъ бѣглый монахъ Чудова монастыря Григорій Отрепьевъ. Король принялъ его, какъ царевича, хотя онъ никакого вѣрнаго свидѣтельства не представилъ. Зато самозванецъ обѣщалъ, что станетъ вводить въ Московскомъ государствѣ римско-католическую вѣру и устроитъ на будущія времена соединеніе Московскаго государства съ Польшею. Многіе не повѣрили ему; и король не могъ довести дѣла до того, чтобы Польша цѣлымъ государствомъ повела его на престолъ, но дозволилъ панамъ помогать названному царевичу; Вишневецкіе составили войско изъ разныхъ сорванцовъ: пристали туда запорожскіе казаки, охотники воевать съ кѣмъ угодно; и съ такою шайкою названный Димитрій вступилъ въ Московское государство. Русскіе повѣрили, что къ нимъ идетъ настоящій Димитрій; думали, что Богъ, изъ милости къ русской странѣ, чудесно сохранилъ ея законнаго государя. Много стало приставать къ нему сразу. Борисъ умеръ скоропостижно 13 апрѣля 1605 г. Сынъ его Ѳедоръ нарекся царемъ. Но тутъ все войско, которое воевало противъ названнаго Димитрія, передалось ему. Московскіе люди убили Ѳедора Борисовича, а названный Димитрій сѣлъ на престолъ.

Лжедимитрій.

Изъ трагедіи „Борисъ Годуновъ“.

Сцена V.

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ (1603 года). Отецъ Пименъ. Григорій спящій.

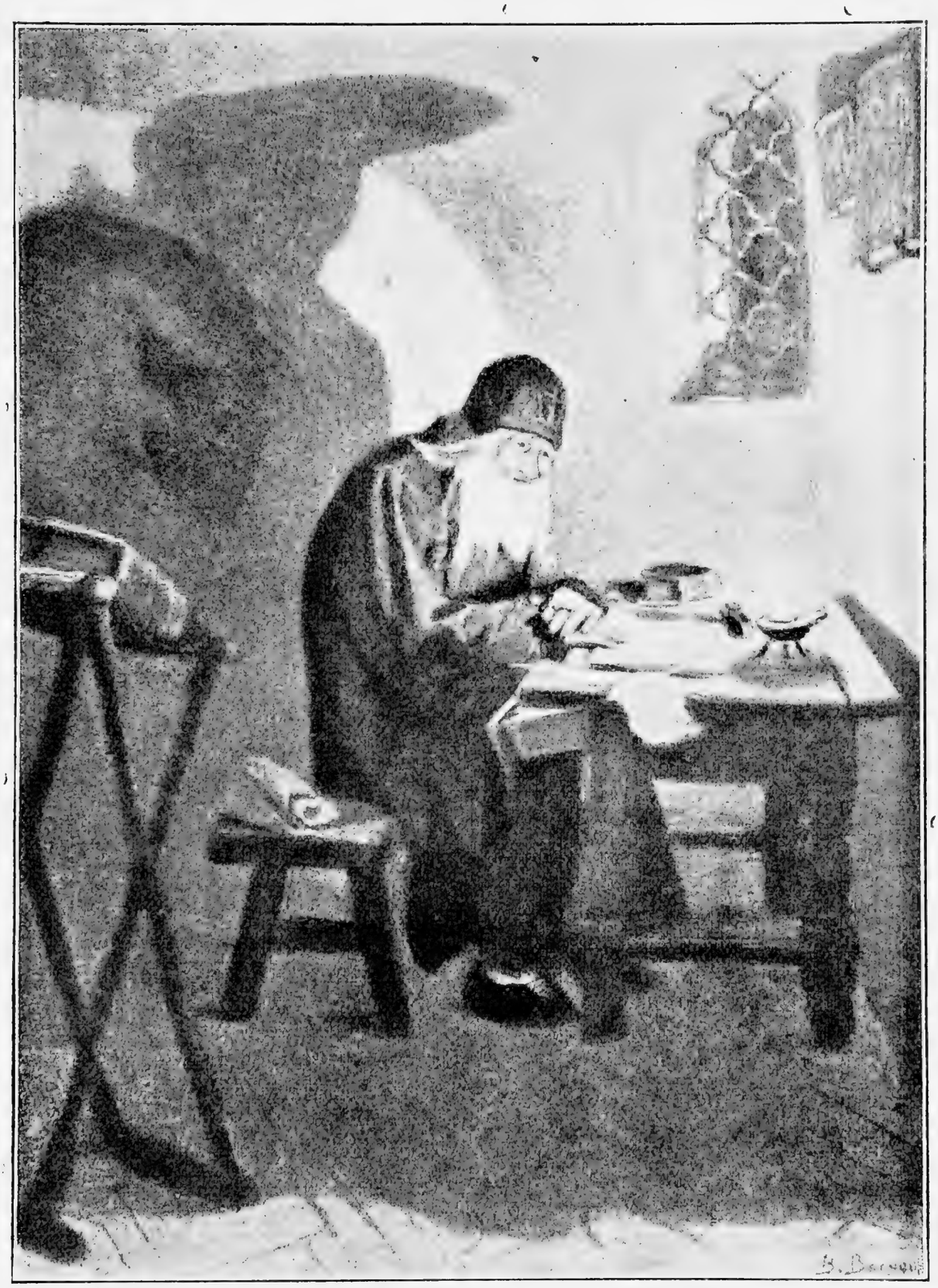
Пименъ *(пишетъ предъ лампадой).*

Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя;
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога

Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу:
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!..
Но близокъ день, лампада догараетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье *(пишетъ)*

Григорій *(пробуждается)*.

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ—и дремотой,
Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли новгородскомъ вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,



В. Васнецовъ. П и м е н ъ.

Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости ни гнѣва.

Пименъ.

Проснулся, братъ.

Григорій.

Благослови меня,
Честный отецъ.

Пименъ.

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и вовѣки.

Григорій

Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ:
И стыдно мнѣ, и страшно становилось.
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ—
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ,—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи,—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ!.. А я отъ отроческихъ лѣтъ,
По келліямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!

Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился—
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ),—здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ;
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный;
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,

И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши».
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ страдающей и бурной...
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась—а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ.
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ—
Ужъ не видать такого намъ царя
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили;
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія царевича. Въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ.

Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ

На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ: ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ... Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда же, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй»—раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца.
И—чудо!—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся!» народъ имъ загремѣлъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ: но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою: съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій!
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ

Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій! *(Уходитъ.)*

Григорій.

Борисъ! Борисъ! все предъ тобой трепещетъ;
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца.
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірского,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

Сцена X.

Царскія палаты. Царевичъ Ѳеодоръ (сынъ царя Бориса) *чертитъ географическую карту.* Царевна Ксенія (дочь царя Бориса). Мамка царевны.

Ксенія *(цѣлуетъ портретъ).* Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ: никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

Мамка. И, царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падаетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ, и прекрасный и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана королевича.

Ксенія. Нѣтъ, матушка, я и мертвому ему буду вѣрна.

(Входитъ царь Борисъ.)

Царь. Что, Ксенія? что милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства!
Я, можетъ-быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить:
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Ѳеодоръ. Чертежъ земли Московской, наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ пермскіе дремучіе лѣса,
А вотъ Сибирь.

Царь. А это что такое
Узоромъ здѣсь вiется?

Ѳеодоръ. Это Волга.

Царь. Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда-нибудь, и скоро, можетъ-быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ, и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

(Входитъ Семенъ Годуновъ.)

Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.
(Ксенiи.) Душа моя, поди въ свою свѣтлицу
Прости, мой другъ: утѣшь тебя Господь.

(Ксенія съ мамкою уходятъ.)

Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичъ?

Семенъ Годуновъ. Нынче.
Ко мнѣ чѣмъ свѣтъ дворецкій князь-Василія
И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

Царь. Ну?

С. Годуновъ. Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ—и черезъ часъ
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

Царь. Гонца схватить.

С. Годуновъ Ужъ послано въ догоню.

Царь. О Шуйскомъ что?

С. Годуновъ. Вечоръ онъ угощалъ
Своихъ друзей: обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ.
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

Царь. Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

С. Годуновъ. Государь!
Онъ здѣсь уже.

Царь. Позвать его сюда.

(С. Годуновъ уходитъ.)

Царь. Сношеніе съ Литвою!.. Это что?
Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,

А Шуйскому не должно довѣрять.
Уклончивый, но смѣлый и лукавый...
(Входитъ Шуйскій.)
Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
И выслушать хочу тебя сперва.
Шуйскій. Такъ, государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.
Царь. Я слушаю тебя.
Шуйскій *(тихо указывая на Ѳеодора)*. Но, государь...
Царь. Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.
Шуйскій. Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть...
Царь. Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ?
Шуйскій. Все знаетъ онъ!.. Я думалъ, государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.
Царь. Нѣтъ нужды, князь: хочу сообразить
Извѣстія; иначе не узнаемъ
Мы истины.
Шуйскій. Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что король и паны за него.
Царь. Что жъ говорятъ? кто это самозванецъ?
Шуйскій. Не вѣдаю.
Царь. Но... чѣмъ опасенъ онъ?
Шуйскій. Конечно, царь, сильна твоя держава;
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ.
Но знаешь самъ, безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага:
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.
Царь. Димитрія! Какъ? этого младенца?
Димитрія... Царевичъ, удались!
Шуйскій. Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ

Ѳеодоръ.) Государь,
Дозволишь ли?..
Царь. Нельзя, мой сынъ, поди,
(Ѳеодоръ уходитъ.)
Димитрія!..
Шуйскій. Онъ ничего не зналъ!
Царь. Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ,
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ

Колокольня Ивана Великаго, построенная при царѣ Борисѣ.

Не пробѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.
Шуйскій. Иду.
Царь. Постой. Не правда ль, эта вѣсть
Затѣйлива: слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать царей, законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ?

Смѣшно? а? что? что жъ не смѣешься ты?
Шуйскій. Я, государь...
Царь. Послушай, князь Василій;
Какъ я узналъ, что отрока сего...
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь
Тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца,
И не было ль подмѣны? Отвѣчай.
Шуйскій. Клянусь тебѣ...
Царь. Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ царевичъ?
Шуйскій. Онъ.
Царь. Подумай, князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.
Шуйскій. Не казнь страшна, страшна твоя немилость!
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровожденный.
Вокругъ его тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ царевича былъ ясенъ
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ.
Царь. Довольно, удались.

(Шуйскій уходитъ.)

Ухъ, тяжело!.. дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицо
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась...
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!

Да, да—вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь—
Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! Чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуй—и нѣтъ его.
Такъ, рѣшено: не окажу я страха;
Но презирать не должно ничего...
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

Царствованіе Дмитрія I.

Вотъ уже одиннадцать мѣсяцевъ, какъ царствовалъ новый царь. Никогда еще Москва не видала такихъ пировъ, такихъ празднествъ, какъ за это время! Царское вѣнчанье въ Успенскомъ соборѣ, въѣздъ въ Москву царской невѣсты, польки Марины Мнишекъ, бракосочетаніе царя,—все это было обставлено необычайной пышностью, необыкновенной торжественностью. Роскошные пиры смѣнялись разными забавами да потѣхами, веселью, казалось, не будетъ конца...

Никогда еще не видала Москва и такого царя. Пиры и забавы не мѣшали ему заниматься дѣлами. Въ боярскомъ совѣтѣ (Думѣ) онъ быстро рѣшалъ самыя запутанныя дѣла, надъ которыми долго ломали свои головы старые бояре. И дивились всѣ смѣтливости и быстротѣ его ума. Царь удвоилъ жалованье всѣмъ служилымъ людямъ, приказалъ строго наказывать за взятки, облегчилъ участь крестьянъ, запретивъ холопамъ переходить по наслѣдству отъ отца къ сыну, какъ то было прежде: умиралъ помѣщикъ, и они становились свободными. Всѣмъ предоставилъ царь право свободно заниматься торговлей и промыслами. Онъ вернулъ изъ ссылки всѣхъ сосланныхъ царемъ Борисомъ бояръ, пожаловалъ имъ помѣстья и новые чины. Два раза въ недѣлю принималъ на дворцовомъ крыльцѣ просителей, и всякій бѣднякъ имѣлъ къ нему доступъ, и всѣ радовались и прославляли царя за его необычайныя милости.

Дивился народъ привычкамъ и нравамъ молодого царя. Въ посты скоромное ѣстъ, передъ обѣдомъ не молится, послѣ обѣда не спитъ, а ходитъ гулять пѣшкомъ по улицамъ; этого никогда не дѣлали цари московскіе. Прежніе цари медленно двигались, сидя на смирныхъ коняхъ, а этотъ сядетъ на дикаго, рѣзваго коня и мчится вихремъ, словно казакъ какой. Прежніе цари, сидя на возвышенномъ мѣстѣ, спокойно глядѣли на забавы

московскія, на бой со звѣрьми, а этотъ самъ выходитъ на медвѣдя и такъ ловко справляется съ нимъ, словно самый заправскій охотникъ... Вонъ польку, католичку себѣ въ жены взялъ! Въ Кремлѣ, бывало, только и слышенъ былъ колокольный звонъ, а теперь цѣлые дни возлѣ дворца музыка польская гремитъ. Къ иноземцамъ такъ и льнетъ.

— Что за удивительный царь! Видно, въ чужихъ краяхъ забылъ обычаи отцовъ своихъ, поживетъ, привыкнетъ...—говорилъ сначала народъ, тронутый его милостями.

Но проходили дни и недѣли, а царь и не думалъ привыкать къ московскимъ обычаямъ, онъ даже подсмѣивался надъ ними. «Пошлю,—говоритъ,—я васъ, бояре, въ чужія земли учиться, тамъ и ремесла и науки разныя».—«Знаемъ мы, какія тамъ науки. Вонъ царь Борисъ посылалъ туда троихъ молодцевъ, а они и отчизну-то забыли, такъ и не вернулись совсѣмъ, видно обасурманились тамъ».

Народъ недоумѣвалъ и не зналъ, что думать. Зато хорошо знали это за него другіе. Самый знатный и родовитый изъ московскихъ бояръ, Василій Ивановичъ Шуйскій, только покачивалъ своей сѣдой головой да лукаво щурилъ свои подслѣповатые глазки. Ему и его друзьямъ, такимъ же родовитымъ, знатнымъ боярамъ, такое настроеніе народа было, какъ разъ, на руку. Давно уже завистливыми глазами посматриваютъ они на московскій престолъ, еще съ тѣхъ поръ, какъ сѣлъ на немъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ. Не ему, этому потомку татарскаго мурзы, безъ роду, безъ племени, а имъ, прирожденнымъ русскимъ боярамъ, принадлежало, по праву, это мѣсто послѣ смерти Ѳеодора Ивановича. Они служили царю Борису и въ душѣ ненавидѣли его. Но у нихъ еще не было силы. Какъ же обрадовались они, когда прошелъ слухъ о появленіи Самозванца, какъ слѣдили за его успѣхами! Теперь, думали они, настало время избавиться отъ ненавистнаго Бориса, и посланные въ Украйну не очень-то храбро сражались противъ Самозванца. Они сами съ радостью признали его царемъ. Борисъ погибъ.

Ну, а теперь неужто жъ склонить голову передъ этимъ бѣглымъ монахомъ, смотрѣть спокойно, какъ онъ, именемъ царевича Дмитрія, занимаетъ престолъ, который по праву принадлежитъ имъ?

И вотъ, въ тиши ночей, Василій Ивановичъ и его друзья замышляютъ недоброе. Не удалось въ первый разъ, заговоръ былъ открытъ, это было еще въ началѣ царствованія Самозванца самъ Василій Ивановичъ уже стоялъ у плахи, да помиловалъ царь.

Царь Василій Шуйскій.

Видѣлъ Шуйскій, что народъ не доволенъ, и, собравъ ночью заговорщиковъ, рѣшилъ дѣйствовать. Въ ночь съ 16 на 17 мая оцѣпили Кремль войсками и на разсвѣтѣ ударили въ набатъ сразу въ нѣсколькихъ церквахъ. Народъ повысыпалъ на улицу. Наученные же Шуйскимъ люди бѣгали и кричали: «Поляки убиваютъ государя». Раздраженъ былъ народъ противъ поляковъ и кинулся бить ихъ чѣмъ попало. А тѣмъ временемъ главные заговорщики ворвались во дворецъ. Лжедимитрій, спасаясь отъ нихъ, выскочилъ въ окно и разбился. Караульные стрѣльцы хотѣли защитить его, но одинъ изъ бояръ сказалъ, что онъ ходилъ къ царицѣ Маѳѣ, матери Дмитрія, и она объявила, что истинный Дмитрій зарѣзанъ въ Угличѣ, а царствуетъ обманщикъ. Тогда Лжедимитрій былъ убитъ вмѣстѣ съ вѣрнымъ ему Басмановымъ. Толпа издѣвалась надъ его трупомъ. На самозванца надѣли маску и положили на столъ съ дудкой и волынкой. Три дня онъ лежалъ такъ, потомъ его похоронили; но черезъ нѣсколько дней трупъ его вырыли изъ земли, сожгли и, смѣшавши пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили изъ пушки въ ту сторону, откуда пришелъ самозванецъ. Не стало ложнаго царя. Надо было избрать новаго. Предлагали было соборъ созвать, но время было горячее, надо было дѣйствовать скорѣе. 19 мая на Красной площади въ Москвѣ толпился народъ. Вышли бояре съ духовенствомъ. Закричали въ народѣ, что царемъ долженъ быть Василій Іоанновичъ Шуйскій. Никто не могъ возвысить голоса противъ него, такъ какъ знали, что главный виновникъ сверженія самозванца былъ онъ, князь Шуйскій. На томъ и порѣшили. Былъ свергнутъ и патріархъ и на его мѣсто возвели митрополита казанскаго Ермогена.

Бояре и купцы московскіе провозгласили царемъ боярина Василія Ивановича Шуйскаго и посадили его на царство безъ земскаго собора, безъ согласія выборныхъ людей земли Русской. Въ это же время въ стародубскомъ краѣ появился новый самозванецъ, который тоже назвалъ себя царемъ Дмитріемъ. Онъ со своимъ многочисленнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ поляковъ, казаковъ и русскихъ измѣнниковъ, расположился около Москвы, въ селѣ Тушинѣ, за что народъ и прозвалъ его «тушинскимъ воромъ». Тяжело было въ это время положеніе земли Русской, Царь Василій Ивановичъ не могъ ничего сдѣлать въ это трудное время безъ казны и войска, безъ крѣпкой власти. Народъ не почиталъ Василія Ивановича за царя, такъ какъ онъ былъ поса-

женъ на царство не земскимъ соборомъ, а боярами и его приспѣшниками, а потому въ народѣ было шатанье, неустойчивость: сегодня служили царю, завтра самозванцу, а потомъ опять царю.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ царь Василій послалъ своего племянника Скопина-Шуйскаго, человѣка еще молодого, но крѣпкаго умомъ и духомъ и горячо любившаго свою страдающую родину, въ шведскую землю нанимать для подмоги иноземную рать. Скопинъ, послѣ многихъ и долгихъ хлопотъ, нанялъ рать и началъ съ нею громить враговъ земли Русской. Но во время московскихъ празднествъ, когда всѣ чествовали доблестнаго Скопина, умеръ надежда Русскаго народа Михаилъ Васильевичъ Скопинъ. По смерти Скопина дѣла пошли еще хуже. Мятежъ и сумятица кругомъ. Поляки и измѣнники опять потянулись къ тушинскому вору, засѣвшему въ Калугѣ. Опять начались грабежи и убійства. Заволновалась и Москва. Царя Василія Ивановича обвинили въ смерти Скопина, насильно свели его съ царства, постригли въ монахи, а его родню заточили въ тюрьмы.

Осада Троицкой лавры.

Чтобы отрѣзать подвозъ хлѣба къ Москвѣ изъ заволжскаго края, поляки рѣшили овладѣть Троицкой лаврой. Съ этой цѣлью въ сентябрѣ 1608 года были посланы туда польскіе полководцы Сапѣга и Лисовскій съ отрядомъ войска тысячъ въ тридцать.

Троицкая лавра была хорошо защищена. Она была обнесена каменной стѣной въ $3^1/_2$ сажени вышины и 3 сажени ширины, съ башнями. Къ монастырю примыкали лѣсъ и нѣсколько прудовъ. Но въ обители было мало войска, всего какихъ-нибудь три тысячи ратныхъ людей.

Окрестныя села и деревни были всѣ опустошены и выжжены поляками, казаками и русскими людьми, служившими самозванцамъ. Обезумѣвшій отъ страха народъ разбѣгался, кто куда могъ. Много такихъ несчастныхъ бѣглецовъ нашло себѣ пріютъ въ Троицкомъ монастырѣ.

Подступивъ къ лаврѣ, Сапѣга сначала послалъ къ воеводамъ и игумену письмо, въ которомъ предлагалъ имъ сдаться безъ боя, обѣщая милости и щедрыя награды. Но монастырь отвергъ предложеніе польскаго полководца.

Тогда началась осада.

Непріятели выкатили башни на колесахъ, разставили ихъ вокругъ монастыря и открыли съ нихъ пальбу изъ пушекъ. Пальба шла каждый день безъ перерыва съ утра до вечера, даже ночью и ядра цѣлымъ дождемъ сыпались на монастырь. Но стѣны мо-

настырскія были крѣпки, а сила ядеръ слаба, и монастырь оставался невредимъ. Немного падало людей и во время приступовъ.

Въ станѣ поляковъ шли постоянные пиры, раздавались музыка, пѣніе, крики. Они и въ бой шли, напившись допьяна и, разгоряченные виномъ, бросались къ монастырю, стрѣляли изъ ружей, рубили саблями, какъ безумные. Въ монастырѣ, наоборотъ, была тишина и спокойствіе. Братія и ратные люди, готовясь къ бою, пѣли молебны и читали молитвы.

Когда наступила зима, положеніе монастыря сдѣлалось еще тяжелѣй. Надо было дѣлать частыя вылазки, то за дровами, то за припасами и на этихъ вылазкахъ гибло много народа.

Оставаться теперь на открытомъ воздухѣ было уже нельзя, холода загнали всѣхъ въ монастырь. И тѣсныя монашескія кельи переполнились сверхъ всякой мѣры. Люди прямо задыхались отъ недостатка воздуха. Отъ тѣсноты, грязи и вони появились болѣзни, отъ голода у многихъ пухли десны, вываливались зубы. Вмѣстѣ съ здоровыми лежали больные и раненные съ гнойными ранами и умирали отъ грязи, плохого ухода. На дворѣ валялись трупы павшихъ животныхъ и разлагались. Кое-какъ все же дотянули до весны.

Башня Сергіево-Троицкаго монастыря.

Съ весной стало легче, сдѣлалось тепло, прекратились болѣзни. Но зато возобновились приступы поляковъ. Сапѣга нѣсколько разъ приступалъ къ монастырю и хотѣлъ его взять, но такъ же безуспѣшно, какъ и раньше. Между тѣмъ на выручку Москвы отъ самозванца шелъ Скопинъ-Шуйскій. Слухи о побѣдахъ Скопина дошли и до Сапѣги, и онъ прекратилъ осаду монастыря.

Лавра сильно пострадала отъ осады, много погибло и людей здѣсь, но она, по крайней мѣрѣ, задержала Сапѣгу на нѣсколько мѣсяцевъ и этимъ оказала большую услугу Москвѣ.

Ночь передъ приступомъ.

Поляки ночью темною,
Предъ самымъ Покровомъ,
Съ дружиною наемною
Сидятъ передъ огнемъ.

Исполнены отвагою,
Поляки крутятъ усъ,
Пришли они ватагою
Громить святую Русь.

И съ польскою державою
Пришли изъ разныхъ странъ,
Пришли войной неправою
Враги на россіянъ.

Тутъ волохи усатые
И угры въ чекменяхъ,
Цыгане бородатые
Въ косматыхъ кожухахъ...

Валя толпою пѣгою,
Пришли за ратью рать,
Съ Лисовскимъ и Сапѣгою
Престолъ нашъ воевать.

И вотъ, махая бурками
И шпорами звеня,
Веселыми мазурками
Вкругъ яркаго огня,

Съ ухватками удалыми
Несутся ихъ ряды,
Гремя, звеня цимбалами,
Кричатъ, поютъ жиды.

Бренчатъ цыганки бубнами,
Наѣздники шумятъ,
Дѣлами душегубными
Грозитъ ихъ ярый взглядъ.

И всѣ стучатъ стаканами:
«Да здравствуетъ Литва!»
Такъ возгласами пьяными
Встрѣчаютъ Покрова.

А тамъ, едва замѣтная,
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ стоитъ завѣтная
Обитель чернецовъ.

Монахи съ вѣрой пламенной
Во тьму вперили взоръ,
Вокругъ твердыни каменной
Ведутъ ночной дозоръ.

Среди мечей зазубренныхъ,
Въ священныхъ стихаряхъ,
И въ панцыряхъ изрубленныхъ,
И въ шлемахъ, и въ тафьяхъ,

Всю ночь они морозную
До утренней поры
Рукою держатъ грозною
Кресты иль топоры.

Священное ихъ пѣніе
Вторитъ высокій храмъ,
Желѣзное терпѣніе
На диво ихъ врагамъ.

Не разъ они, предъ битвою,
Презрѣвъ ночной покой,
Смиренною молитвою
Встрѣчали день златой;

Не разъ, сверкая взорами,
Они въ глубокій ровъ
Сбивали шестоперами
Литовскихъ удальцовъ.

Ни на день въ ихъ обители
Гласъ Божій не затихъ;
Блаженные святители,
Въ окладахъ золотыхъ,

Глядятъ на нихъ съ любовію,
Святыхъ ликуетъ хоръ:
Они своею кровію
Литвѣ дадутъ отпоръ!

Но, чу! Тамъ пушка грянула,
Во тьмѣ огонь блеснулъ,
Рать вражая воспрянула,
Раздался трубный гулъ!..

Молитесь Богу, братія!
Начнется скоро бой!
Я слышу ихъ проклятія,
И гиканье, и вой;

Несчетными станицами
Идутъ они вдали, —
Приляжемъ за бойницами,
Раздуемъ фитили!

Освобожденіе Москвы отъ поляковъ.

Наступило Смутное время. Царскаго престола добивались новые самозванцы — невѣдомые люди, которые называли себя именемъ Димитрія. Съ запада начали наступать враги — поляки и даже захватили столицу русскаго царства Москву.

Въ это тяжелое для государства время, когда на престолѣ не было царя, а въ столицѣ распоряжались всѣмъ поляки, на защиту Русской земли выступило нѣсколько великихъ людей; они подняли народъ противъ враговъ, освободили отъ нихъ государство и положили конецъ смутамъ. Особенно прославился въ это время патріархъ Ермогенъ. Это былъ прямой и твердый духомъ человѣкъ, который горячо любилъ свою родину. Онъ зналъ, что польскій король въ своей землѣ преслѣдуетъ православную вѣру, и боялся, что такъ же будетъ онъ поступать и на Руси, когда ею завладѣетъ. И Ермогенъ сталъ поднимать народъ противъ поляковъ: разсылалъ по городамъ посланія, или, какъ тогда говорили, грамоты, и призывалъ русскихъ людей на освобожденіе Москвы.

Поляки, захвативши Москву, услышали, что патріархъ собираетъ народъ на борьбу съ ними, и посадили его въ тюрьму. Польскіе военачальники явились къ нему и обратились съ такими словами: «Ты писалъ по городамъ: идутъ русскіе люди на Москву. Напиши имъ, чтобы не ходили». Но Ермогенъ имъ отвѣтилъ: «Если вы выйдете изъ Москвы, напишу, чтобъ воротились назадъ».

Не разъ поляки повторяли свои требованія, грозили патріарху смертію, но онъ не измѣнилъ своему слову. Онъ умеръ въ тюрьмѣ.

Когда замолкъ голосъ патріарха, погибшаго въ тюрьмѣ, Троицкій монастырь сталъ продолжать его дѣло. Онъ всюду разсылалъ свои грамоты и звалъ народъ на защиту родины. Полетѣли грамоты во всѣ концы государства. По звону колокола со-

бирался народъ въ церквахъ и жадно слушалъ посланія изъ Троицкаго монастыря.

Одна изъ монастырскихъ грамотъ пришла и въ Нижній-Новгородъ. Городскія власти собрались на совѣтъ и рѣшили ее прочесть народу въ соборѣ. На другой день вдругъ услышали жители звонъ большого соборнаго колокола и въ тревогѣ—такъ какъ были будни—побросали свои занятія и толпами устремились на соборную площадь. А въ храмѣ въ это время шла обѣдня, и народъ усердно молился Богу. Когда окончилось богослуженіе, вышелъ къ народу священникъ и прочелъ монастырскую грамоту. «Приходитъ намъ гибель,—говорилось въ ней:—все разорено.

Патріархъ Ермогенъ отвергаетъ требованія русскихъ измѣнниковъ.

Безчисленное множество народа кончило жизнь въ горькихъ мукахъ. Сжальтесь надъ нашей гибелью, чтобы и васъ самихъ не постигла жестокая смерть». Глубокое уныніе охватило всѣхъ. Среди другихъ жителей былъ въ соборѣ купецъ Козьма Мининъ. Его очень уважали нижегородцы за большой умъ, за честный нравъ и за крѣпкую любовь къ родному городу. Когда сошлись жители на соборную площадь, Козьма Мининъ обратился къ народу. «Граждане нижегородскіе,—сказалъ онъ:—поможемъ государству: отдадимъ все золото и серебро, а не хватитъ—продадимъ свои дворы и будемъ просить надежнаго человѣка, чтобы онъ сталъ у насъ начальникомъ». Едва онъ кончилъ, какъ раздались на площади безчисленные крики: «Отдадимъ все за православную вѣру и Святую Русь!» И въ Нижнемъ-Новгородѣ закипѣла живая

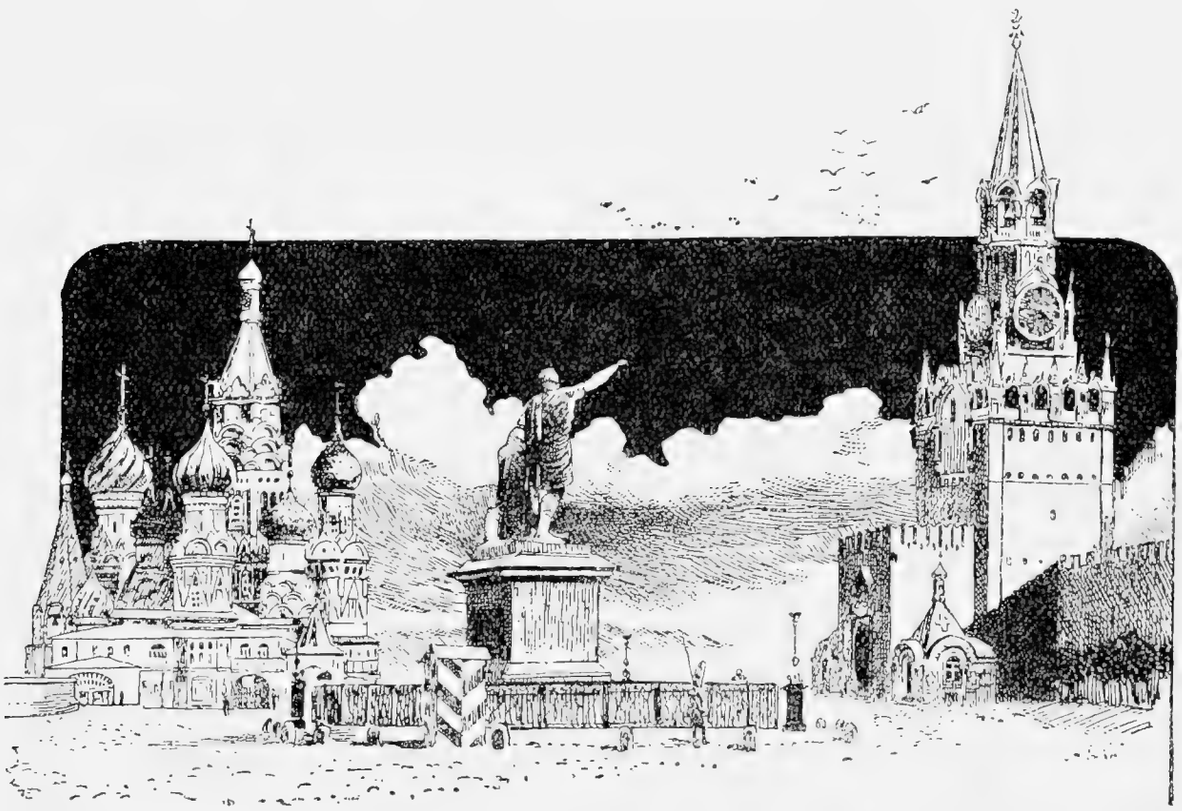
работа. Жители усердно стали собирать и деньги и войско, а Минина выбрали завѣдывать казной. Нѣкоторые отдавали все свое имущество. У кого не было денегъ, тотъ давалъ въ общую казну другія вещи, а у кого такихъ вещей не было, тѣ несли оружіе, обувь, одежду. Такъ выросла казна, а вмѣстѣ съ тѣмъ начало собираться и ополченіе. Недоставало военачальника. Тогда вспомнилъ Мининъ, что недалеко отъ Нижняго-Новгорода живетъ извѣстный воевода, князь Димитрій Пожарскій. Онъ былъ раненъ въ битвѣ съ поляками и лѣчился въ своемъ имѣніи. Послали къ нему, и Пожарскій отвѣтилъ, что онъ «радъ страдать за православную вѣру до смерти», и тотчасъ поспѣшилъ въ Нижній-Новгородъ. Но нижегородское ополченіе было невелико, и городскія власти послали грамоты по городамъ, просили денегъ и людей и призывали итти на освобожденіе Москвы. Города откликнулись на этотъ призывъ, и въ Нижній-Новгородъ полились деньги со всей восточной Руси, стали собираться люди и поступать въ войско. Такъ въ Нижнемъ-Новгородѣ собрали богатую казну и составили ополченіе.

Огромное ополченіе подъ начальствомъ Пожарскаго и Минина, какъ грозная туча, двинулось къ Москвѣ. Жители городовъ, лежавшихъ на пути, радостно выходили навстрѣчу ополченію съ крестами и иконами, приносили деньги, записывались въ ополченіе, и казна военная и войско все росли. Наконецъ подошли къ столицѣ. Началась осада Москвы. Поляки много терпѣли отъ голода, но не сдавались. На третій день осады русскіе увидѣли польскій отрядъ. Онъ шелъ къ Москвѣ, за нимъ везли возы съ провизіей для голодавшихъ поляковъ. Два раза бросались польскія войска въ бой, и оба раза побѣда оставалась за русскими. Тогда поняли поляки, что имъ не пробиться въ Москву, и повернули назадъ. А положеніе осажденныхъ въ Москвѣ поляковъ стало еще хуже. Запасы хлѣба все уменьшались, и наконецъ голодъ сталъ невыносимъ. Тогда поляки рѣшили сдаться. Они вступили въ переговоры съ Пожарскимъ. Тотъ обѣщалъ оставить имъ жизнь, и они отворили городскія ворота.

Такъ Москва была освобождена отъ поляковъ. Освободивъ Москву, вожди ополченія послали по городамъ грамоты съ просьбой выбрать достойныхъ людей и прислать въ Москву, чтобы сообща выбрать царя. Назначили по всей Русской землѣ трехдневный постъ; въ церквахъ усердно молились Богу, чтобы Онъ указалъ, кому быть царемъ. Наконецъ съѣхались изъ городовъ выборные люди и стали собираться для совѣщаній. На одномъ изъ такихъ собраній, или соборовъ, одинъ дворянинъ заявилъ, что ближе всѣхъ къ прежнему царскому роду юноша Михаилъ

Ѳеодоровичъ, изъ бояръ Романовыхъ. Родъ Романовыхъ любили въ Москвѣ. Онъ много пострадалъ въ Смутное время. Отецъ Михаила томился въ плѣну у поляковъ: вмѣстѣ съ посольствомъ онъ отправился къ польскому королю, но король всѣхъ пословъ задержалъ въ Польшѣ.

Когда выборныхъ людей собрали на площади и спросили, кого они хотятъ избрать въ цари, то выборные люди въ одинъ голосъ закричали: «Да будетъ нашимъ царемъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ!» Такъ свершилось избраніе царя.



Красная площадь. Памятникъ Мишину и Пожарскому.

Поляки покинули Москву, но не ушли изъ Русской земли. Шайки ихъ бродили по странѣ и занимались грабежомъ и разбоемъ. Одна изъ такихъ шаекъ узнала, что избрали царемъ Михаила и задумала его погубить. Будущій царь въ это время жилъ въ глухой лѣсистой сторонѣ, близъ города Костромы. Туда пробралась шайка поляковъ, зашла въ одну изъ деревень, принадлежавшихъ Романовымъ; встрѣтили поляки старика крестьянина и предложили ему за большую плату проводить ихъ къ царю. Имя этого крестьянина — Иванъ Сусанинъ. Понялъ Сусанинъ, что поляки хотятъ погубить царя, и рѣшилъ ихъ не допустить до этого. Онъ завелъ ихъ по сугробамъ снѣга въ самую чащу лѣса. Наступилъ морозный зимній вечеръ; темно становилось въ лѣсу; волчій вой сопровождалъ путниковъ; но они всѣ шли за

своимъ проводникомъ и вдругъ очутились передъ оврагомъ... Поняли тогда поляки обманъ, набросились на Сусанина и изрубили его саблями. Такъ погибъ Сусанинъ, но и поляки не выбрались изъ лѣсу. Долго они блуждали, отыскивая путь; наконецъ выбились изъ силъ, и всѣ замерзли.

Когда на соборѣ въ Москвѣ избрали царемъ Михаила, снарядили въ Кострому посольство просить его принять царскій вѣнецъ. Но мать долго не хотѣла отпускать сына въ Москву. Она указывала на молодость сына, говорила, что польскій король отмститъ отцу, когда узнаетъ объ избраніи въ цари Михаила. Долго упрашивали послы. Наконецъ мать благословила сына, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью прибылъ въ Москву, и въ 1613 году торжественно вѣнчался на царство. Это былъ первый царь изъ дома Романовыхъ.

Посольство къ Михаилу Ѳеодоровичу Романову.

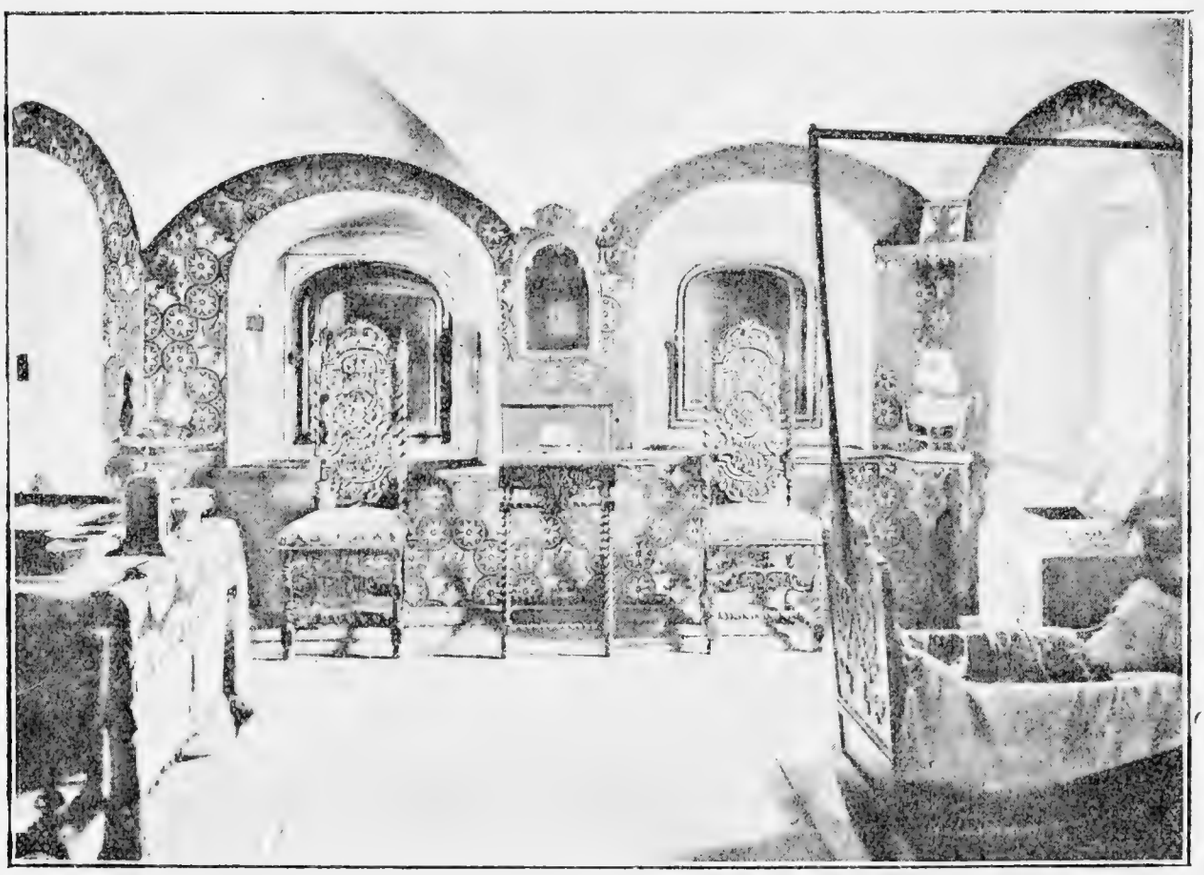
(Изъ старинной рукописи).

Великое посольство съ рязанскимъ архіепископомъ Ѳеодоритомъ, келаремъ Авраміемъ Палицынымъ и бояриномъ Шереметевымъ во-главѣ отправилось въ Кострому въ Ипатьевскій монастырь, чтобы отъ всей русской земли торжественно просить Михаила на царство. Послы земскаго собора, прибывъ въ Кострому, пошли со всѣми костромичами крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ жилъ тогда Михаилъ съ инокиней-матерью. Отслуживъ въ монастырѣ молебенъ, посольство прочитало Михаилу и Марѳѣ грамоту земскаго собора объ избраніи всей русской землей Михаила на царство. Марѳа сначала не соглашалась отпустить сына на царство.

— Его ли юнаго отдамъ вамъ въ цари?—говорила Марѳа. — Люди русскіе! вспомните прошедшее: по грѣхамъ вашимъ, всѣ вы измалодушествовались, и кому вы прямо служили, отдавая души свои подъ клятвою? когда судомъ Божіимъ не стало царя Бориса, не вы ли клялись быть вѣрными сыну его и передались вору, разстригѣ, убійцѣ дѣтей Бориса? Когда погубленъ былъ разстрига, не вы ли клялись царю Василію и поѣхали къ тушинскому вору, предали вашего царя, постригли его, отдали врагамъ? И послѣ сихъ прежнимъ государямъ клятвопреступленій, позора, убійствъ, поруганія, какъ сѣсть на царство, зная ваши измѣны, непостоянство, клятвопреступленіе? И что же такое ваше русское царство? Сокровища и села царскія разграблены, разобраны измѣнниками,

народъ страждетъ, обѣднѣлъ. Чѣмъ будетъ царь вашъ жаловать служилыхъ людей, обиходы полнить и противъ враговъ стоять? И для того ли благословлю сына моего на царство, чтобы надъ отцомъ его, въ неволѣ польской сущимъ, враги всякое зло сдѣлали? и могу ли я приступить къ тому безъ благословенія отца его?

— Благослови только, великая инокиня!—возражалъ ей Ѳеодоритъ. — Ты упрекаешь насъ прошедшимъ; но то были грѣхи и наказаніе Божіе за грѣхи наши. Не самъ сынъ твой восхотѣлъ:



Домъ бояръ Романовыхъ. Дѣтская.

мы всей русской землей его выбрали. Ты говоришь о Борисѣ, но вспомни, что Борисъ извелъ царскій корень, убилъ Дмитрія царевича, и разстрига былъ мститель ему за преступленія его. Когда судомъ Божіимъ погибъ разстрига, царя Василія выбрали немногіе люди, другіе не хотѣли ему служить; сдѣялась рознь, явилось междоусобство и возникъ злодѣй тушинскій, обольщая народъ на пагубу. Сигизмундъ увлекъ насъ надеждою мира и счастія, сохраненіемъ православія. Мы били челомъ Василію, да оставитъ онъ царство свое для блага русской земли, и онъ добровольно оставилъ царство. Не мы предали его врагамъ: наша ли была тогда воля? Поляки измѣнили свою присягу; измѣнники Ми-

хайло Салтыковъ и Ѳедька Андроновъ предали царя злодѣю Жолкѣвскому. И если было притомъ наше участіе, не наказаны ли мы довольно? Всѣ мы каемся, пришли въ соединеніе, хотимъ стать за церковь Божію; всею землею избрали мы сына твоего, хотимъ за него головы класть и кровь лить. Не испытывай судебъ Божіихъ, хоть и погибли Годуновы и Шуйскій; судьбами царей воля Божія дѣйствуетъ; ей ли воспротивиться? Не страшись и за государя нашего митрополита Филарета: мы послали уже въ Польшу и отдаемъ за выкупъ его всѣхъ плѣнныхъ поляковъ.

Но тщетны были эти слова: Марѳа и Михаилъ плакали и отрицались. Тогда, какъ будто вдохновенный Богомъ, Ѳеодоритъ взялъ образъ Владимирскія Богоматери, Авраамій поднялъ образъ московскихъ чудотворцевъ, и они понесли святыя иконы къ мѣсту, гдѣ стоялъ Михаилъ.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

— Что дѣлаете? — воскликнулъ благочестивый юноша; — зачѣмъ сей подвигъ Божіимъ иконамъ, трудъ вамъ и дѣло выше силъ моихъ!

— Если вѣришь имъ, — говорилъ владыка, указывая на образа, — вѣрь, что ихъ, а не нашею волею ты избранъ, и что они дадутъ тебѣ силы царствовать и спасутъ отца твоего! Что человѣкъ и что имъ дѣлается? Волею Бога сіи святыя иконы совершили путь изъ Москвы: преклонись же предъ ними и повинуйся!

Михаилъ бросился къ мѣсту, гдѣ стояла и плакала мать его. Духовенство съ образами приблизилось къ ней: послы, воины, народъ повергнись предъ нею на колѣни; сквозь растворенныя двери храма видны были толпы воиновъ и народа, повергшіяся на землю и вопившія о пощадѣ, о согласіи. Матери бросили на землю дѣтей и соединили клики свои съ рыданіями старцевъ и младенцевъ. Уже около шести часовъ продолжалось умилительное зрѣлище.

— Такъ вы не внемлете мольбамъ, — возгласилъ, наконецъ, Ѳеодоритъ.—Совершилось, да будетъ по-вашему; мы идемъ обратно и скажемъ Москвѣ и пославшимъ насъ, что вы отвергли мольбы и слезы наши. Бѣдствуй, русская земля! Пусть возстанетъ прежнее безначаліе, пусть плачетъ снова народъ, опозорятся церкви! Но передъ симъ святымъ образомъ говорю тебѣ, царь Михаилъ, что отнынѣ на тебя падаетъ бѣдствіе отчизны. И ты, инокиня благочестивая, ты будешь отвѣчать передъ судомъ Божіимъ за кровь и слезы христіанъ! Да настанетъ вновь междоусобіе, да расточится царство Московское, да услышатъ о безгосударствѣ нашемъ враги, да прійдутъ и расхитятъ насъ!

Голосъ его казался грознымъ голосомъ Божіимъ. Марѳа повергласъ предъ святыми иконами и изрекла согласіе. Ѳеодоритъ благословилъ избраннаго царя; возложили на Михаила наперсный крестъ, вручили ему царскій посохъ. Онъ сталъ близъ приготовленнаго царскаго мѣста и слушалъ литургію; запѣли благодарственный молебенъ и провозгласили многолѣтіе царю Михаилу.

Московское государство послѣ смуты.

Михаилъ Ѳеодоровичъ совѣтовался со своими боярами, дворянами, духовенствомъ и всѣми людьми, какъ бы всѣ безпорядки исправить и государство устроить.

Въ 1625 году послали писцовъ во все государство, которые переписали народъ, всѣ земли и угодья и наложили подати.

Много народа еще бѣгало отъ притѣсненій воеводъ и разныхъ приказныхъ. Воеводы завѣдывали сборомъ податей всѣхъ казенныхъ пошлинъ.

Царь, желая убавить поборы, «чтобы люди русскіе жили въ покоѣ и тишинѣ, отъ бѣдъ и скорбей поразживались», запретилъ воеводамъ брать «посулы», деньги и заставлять работать на себя.

Большое вниманіе обратило правительство при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ на торговлю и промыслы; старались ихъ увеличить, потому что съ товаровъ бралась пошлина, отчего казна получала немалую прибыль. Купцы постоянно жаловались на свое разореніе отъ Смутнаго времени, поборовъ, войнъ, на всякія притѣсненія и просили льготы. Мелкихъ торговцевъ разоряли еще откупы; они состояли въ томъ, что извѣстнымъ товаромъ могли торговать не всѣ, а только купившіе на то право. Откупали даже торговлю квасомъ, брагой, дегтемъ, овсомъ, мыломъ и проч.; небогатымъ торговцамъ совсѣмъ было нечѣмъ кормиться. Царь отмѣнилъ эти мелкіе откупы. Но вообще русскіе не вели большой торговли. Главная торговля находилась въ рукахъ англичанъ, голландцевъ,

шведовъ, нѣмцевъ; изъ азіатскихъ народовъ торговали съ персами, татарами, армянами. Особенною честію пользовались англичане; они давно уже торговали съ Россіею и въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича много ей помогали въ дѣлахъ съ другими государствами. За всѣ услуги имъ дозволяли не платить пошлинъ. Они торговали шелковыми тканями, серебромъ, сукнами, золотыми иностранными монетами. Изъ Голландіи привозили военные снаряды, порохъ, свинцовыя ядра, сабельное желѣзо. Иностранцамъ дозволялось торговать не вездѣ, только въ извѣстныхъ городахъ:

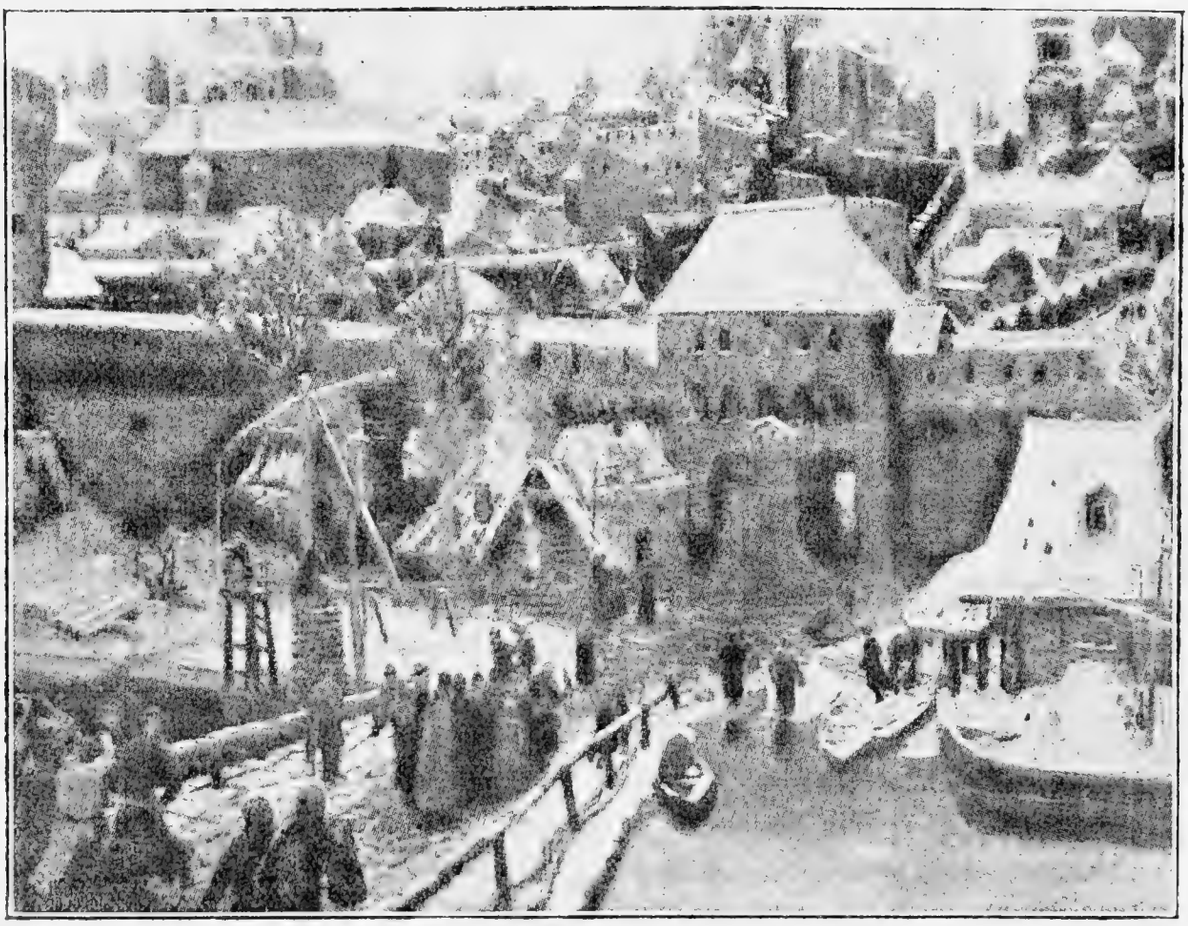
Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ Боярской Думѣ.

Архангельскѣ, Холмогорахъ, Новгородѣ, Псковѣ; съ разрѣшенія государя они строили здѣсь дворы. Дѣлалось это изъ опасенія, что они своими лучшими и пожалуй болѣе дешевыми товарами вытѣснятъ совсѣмъ русскихъ. Одни англичане ѣздили въ Москву и другіе города. Изъ Россіи отправляли за границу хлѣбъ, ленъ, мѣха, медъ, воскъ, сало

Во всѣхъ дѣлахъ правленія помощникомъ Михаила былъ отецъ его, патріархъ Филаретъ. Онъ имѣлъ твердый характеръ, умъ, опытность, такъ какъ съ юныхъ лѣтъ стоялъ близко къ го-

сударямъ, хорошо распознавалъ людей и умѣлъ цѣнить ихъ по заслугамъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ ничего не рѣшалъ безъ совѣта отца.

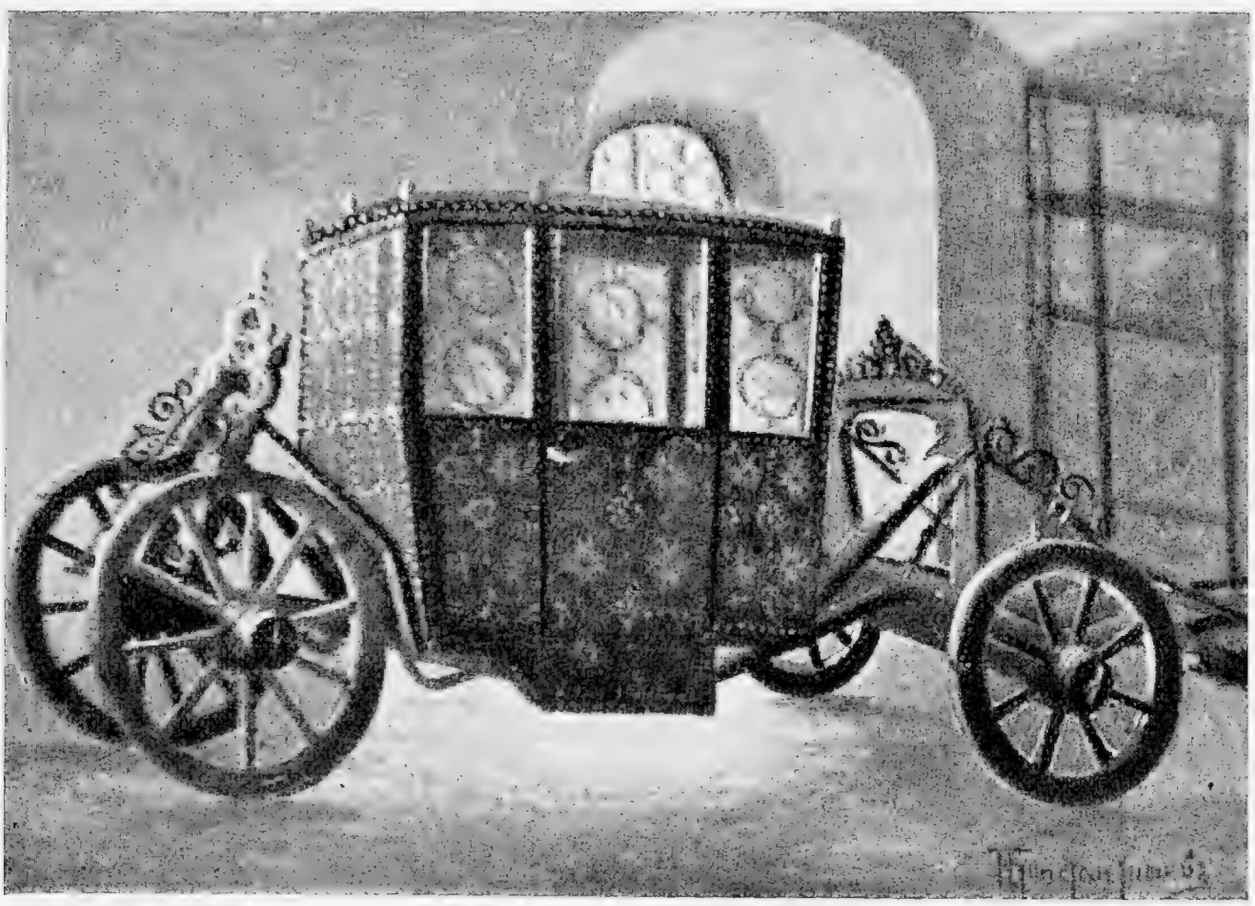
Москва въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича только что начала застраиваться послѣ польскаго разоренія. Она дѣлилась на четыре части. Первая часть была Китай-городъ, обнесенная толстою стѣною изъ краснаго кирпича. Половину этой части занималъ Кремль, въ которомъ находились самыя богатыя каменныя зданія, палаты государя, патріарха, бояръ, два монастыря,



А. М. Васнецовъ. Москва XVII столѣтія: Москворѣцкій мостъ и Водяныя Ворота

до 50 церквей, всѣ продовольственные и пороховые склады. Передъ Кремлемъ, въ Китай-городѣ, гдѣ теперь Красная площадь, былъ расположенъ самый большой и лучшій въ Москвѣ рынокъ. Для каждаго товара отводились особыя мѣста на рынкѣ и сосѣднихъ улицахъ, и продавцы шелковыхъ и суконныхъ матерій, золотыхъ дѣлъ мастера, сапожники, портные и проч. имѣли свои улицы, почему каждый покупатель легко отыскивалъ, что ему нужно. Иностранцы говорили, что русскіе очень смышлены въ торговлѣ, но не считали за грѣхъ обмануть кого-нибудь. Удивляло иностранцевъ умѣнье русскихъ долго и горячо торговаться, на-

бравъ въ ротъ штукъ до 50 мелкихъ монетъ изъ опасенія потерять ихъ изъ рукъ при осмотрѣ товара. За Китай-городомъ шелъ Царь-городъ; его окружала Бѣлая стѣна. Тутъ построились разныя лавки, монетный дворъ, жили бояре, купцы. Третья часть называлась Скородомъ, потому что тутъ продавались совсѣмъ готовые и прилаженные дома, которые оставалось только перевезти и поставить на мѣсто. На окраинахъ Москвы протянулась Стрѣлецкая слобода; ее огораживали одни заборы въ родѣ частокола; обитали въ ней стрѣльцы и простой народъ.



Возокъ патріарха Филарета.

Дома въ Москвѣ большею частію были деревянные, крытые тесомъ, а поверхъ еще березовой корой, иногда дерномъ. Отъ такихъ построекъ случались частые пожары; каждую недѣлю выгорало нѣсколько домовъ, а при сильномъ вѣтрѣ и цѣлыя улицы. Но какъ скоро выгорали цѣлыя улицы, такъ же скоро отстраивались вновь, благодаря продававшимся готовымъ домамъ. Грязь на московскихъ улицахъ стояла страшная, поэтому лучшія улицы выкладывались деревянной мостовой изъ бревенъ, положенныхъ другъ подлѣ друга наподобіе моста. Въ городѣ находилось великое множество церквей, часовенъ, монастырей, — ихъ насчитывалось болѣе 2000.

Какъ самые дома москвитянъ, такъ и вся утварь въ нихъ отличались простотою. Комнаты были совершенно пустыя, только тянулись по стѣнамъ лавки. Посуды въ домѣ средней руки требовалось немного: 3—4 глиняныхъ горшка, столько же блюдъ глиняныхъ или деревянныхъ. Спали на скамьяхъ, а зимой на печи. Рѣдко кто имѣлъ пуховики, ихъ замѣняла солома, рогожа, своя одежда.

Съѣстные припасы стоили очень дешево, потому что земля въ Россіи была очень плодородна, и все добывалось во множествѣ. Иностранцы разсказывали про ежегодные богатые урожаи въ Россіи, которымъ не вредили ни сильнѣйшіе морозы зимой ни жары лѣтомъ. По ихъ словамъ, русскіе могли получать хлѣба еще больше, если бы не оставляли половину земли необработанной, потому что, надѣясь на хорошій урожай, сѣяли столько, сколько имъ требовалось на годъ. Въ обширныхъ лѣсахъ водились различные звѣри и такъ много дичи, что не считали стоящимъ охотиться за мелкими птицами: дроздами, рябчиками и др. Въ тѣхъ же лѣсахъ находили медъ въ громадномъ количествѣ. Незанятыя полями и лѣсами земли покрывали отличныя пастбища, отчего не было недостатка и въ скотѣ. Скотъ стоилъ тоже дешево, напр., быкъ — около 2 рублей, овца 10 копеекъ. Сама Москва славилась садами, гдѣ вырастали прекрасные сорта яблонь, грушъ, вишенъ и сливъ. Много разводили дынь, и онѣ доходили до громадной величины. Проста была пища въ будни, но званые пиры справлялись съ большимъ великолѣпіемъ; чѣмъ больше подавалось кушаній и винъ, тѣмъ пиръ считался богаче; иногда число блюдъ доходило до 40.

Ночью Москва становилась не безопасна отъ множества воровъ.

Для защиты отъ воровъ у дворовъ знатныхъ бояръ стояли сторожа и выбивали часы. По улицамъ разставлялись рогатки, скакали съ досмотромъ объѣздчики.

Такъ текла жизнь москвитянъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, такъ съ небольшою разницею шла она много лѣтъ и послѣ него.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ было много волненій внутри страны.

Причина этого заключается въ бѣдственномъ положеніи русскаго государства, еще не оправившагося отъ потрясеній Смутнаго времени.

А. Васнецовъ. Всесвятскій мостъ.

Страна была страшно разорена; въ городахъ и селахъ населеніе разбѣжалось; много его погибло на войнѣ и во внутреннихъ междоусобіяхъ, отъ воровъ и разбойниковъ, которые шайками безъ всякаго страха бродили по странѣ.

Иностранцы, посѣщавшіе Россію при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и оставившіе описаніе своего путешествія, рисуютъ страшную картину запустѣнія селъ и деревень, картину покинутыхъ избъ, въ которыхъ сгнивали неубранные трупы.

Правительство при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ употребляло всѣ мѣры для возстановленія порядка послѣ «великой разрухи»,—какъ называли Смутное время. Оно старалось собрать разбѣжавшихся людей, усадить ихъ на мѣста и обложить всѣхъ податью, такъ какъ казна была совсѣмъ пуста. Но Михаилу Ѳеодоровичу нельзя было обратить все свое вниманіе на внутреннее устройство государства; его постоянно отвлекали отъ этого войны съ поляками и со шведами, которыя требовали все новыхъ и новыхъ расходовъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Таково было положеніе государства при вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича.

Все населеніе къ половинѣ XVII вѣка дѣлилось на два большихъ класса: служилый и тяглый.

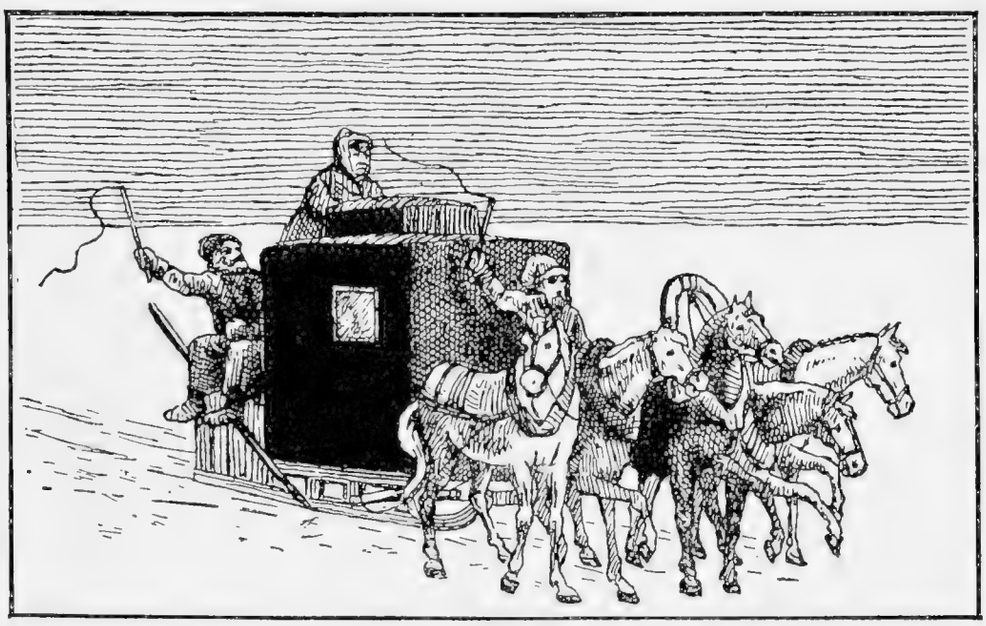
Къ первому принадлежали чины думные, которые входили въ составъ Боярской Думы; это—самые родовитые и знатные бояре; далѣе — чины служилые московскіе, наконецъ, чины служилые «городовые», т.-е. иногородные. Главною обязанностью тѣхъ и другихъ была военная служба. Служилые люди составляли большую часть тогдашняго войска, именно — конницу. Они должны были являться на войну съ отрядами вооруженныхъ на свой счетъ крестьянъ и холоповъ. Денежнаго жалованья за службу государство не платило, а взамѣнъ его надѣляло землей, благо свободной земли въ то время было много.

Кромѣ того, служилые люди были освобождены отъ уплаты податей за землю; подати вносились только за ту часть помѣщичьей земли, которою пользовались для себя крестьяне, и уплачивались крестьянами.

Къ служилымъ людямъ принадлежали низшіе военные чины, стрѣльцы и солдаты, которые набирались за извѣстное жалованье изъ крестьянъ и посадскихъ людей.

Тяглый классъ назывался такъ потому, что долженъ былъ «нести тягло»—платить подати и отправлять разныя повинности. Въ составъ его входили торговые люди и крестьяне.

Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича крестьянство закономъ было прикрѣплено къ землѣ. До этого времени крестьяне не были лишены права переходить съ одного участка земли на другой; но крестьянамъ рѣдко приходилось пользоваться этимъ правомъ, потому что, селясь на помѣщичьей землѣ, они по бѣдности не могли сами обзаводиться хозяйствомъ и становились



Помѣщичій возокъ въ дорогѣ.

должниками землевладѣльца; разсчитаться же съ нимъ при переходѣ имѣли возможность очень немногіе, но отсюда развился обычай крестьянъ перебѣгать отъ одного помѣщика къ другому безъ расплаты. Да и сами землевладѣльцы, нуждаясь въ работникахъ, переманивали крестьянъ другъ у друга, а иногда силой увозили у бѣднѣйшихъ помѣщиковъ.

Правительство указомъ 1645 года запретило переходъ и увозъ крестьянъ.

Каждый крестьянинъ долженъ былъ сидѣть на своемъ участкѣ; кто же изъ нихъ уходилъ или былъ увезенъ, могъ отыскиваться во всякое время, и отысканный возвращался на прежнее мѣсто.

Часть крестьянъ жила на помѣщичьемъ дворѣ на положеніи прислуги; они находились въ полной зависимости отъ хозяина.

Земли у крестьянъ было мало. Много они не могли брать ея для своего хозяйства, потому что земля была обложена тяжелыми налогами.

Поэтому крестьяне стали уменьшать запашку, а многіе и совсѣмъ бросили землю.

Правительство старалось поймать такихъ и заставить платить подати. Оно завело писцовыя книги для того, чтобы переписать всѣхъ тяглыхъ людей; но справиться съ этимъ дѣломъ было трудно, и попрежнему оставалось много «вольныхъ», «гуляющихъ» людей.

По областямъ обижали народъ воеводы, въ рукахъ которыхъ находилось все управленіе. Воеводъ назначало правительство, но жалованья имъ не платило. Однако должности воеводскія считались доходными; населеніе должно было давать воеводѣ «кормы», т.-е. доставлять ему все, что нужно было на содержаніе его самого, семьи и дьяка, служившаго у него въ канцеляріи. «Земскій староста» собиралъ со всего «міра» деньги и припасы; ежедневно онъ носилъ на воеводскій дворъ мясо, хлѣбъ, пироги, свѣчи, даже бумагу, чернила и пр. Въ праздники и именины онъ шелъ поздравлять воеводу и несъ подарки и деньги какъ ему, такъ женѣ, дѣтямъ и другимъ его домочадцамъ.

Правительство старалось удерживать и наказывать слишкомъ «усердныхъ» воеводъ, но безъ успѣха. Главная причина этого неустройства заключалась въ томъ, что правительство не могло платить воеводамъ казеннаго жалованья, а также въ томъ, что не было надъ ними строгаго надзора. Воеводы были подчинены московскимъ приказамъ, въ которыхъ было высшее управленіе, и которые замѣняли нынѣшнія министерства. Но и приказные чиновники не отличались неподкупностью.

Это были люди большею частью небогатые и незнатные. Сдѣлавшись важными людьми, они также пользовались своимъ новымъ положеніемъ для того, чтобы нажиться.

Заселеніе Сибири.

Русскіе люди покоряли новыя Сибирскія земли не набѣгомъ, какъ кочевые народы; они, какъ люди, привыкшіе къ осѣдлой жизни, старались закрѣпить ихъ за собою. Изъ Москвы наказывалось казакамъ итти Сибирскою землею, отыскивать *„новыя землицы“*, брать *ясакъ* [1]) со встрѣчныхъ людей, приводить ихъ подъ высокую государеву руку, ставить жилыя мѣста. Еще Ермакъ,

---

[1]) Дань.

изъ осторожности, на всякій случай, оставилъ позади *Кокуй-городокъ*, чтобы было куда отступить и гдѣ укрыться; то же дѣлали казаки и послѣ Ермака. Они шли, оставляя за собой рядъ небольшихъ крѣпостей (остроговъ). Изъ нихъ они расходились потомъ небольшими артелями въ разные концы Сибири. До самой Оби была она уже въ нашихъ рукахъ, но пробирались и дальше. Большія рѣки со многими притоками помогали казакамъ подвигаться довольно скоро. По текущимъ съ юга на сѣверъ рѣкамъ они то спускались до промерзлыхъ сѣверныхъ болотъ, по которымъ ходили кочевники съ своими оленями до самаго моря, то поднимались до густыхъ, неоглядныхъ лѣсовъ, на югѣ, до Каменныхъ хребтовъ. Весною и лѣтомъ плыли по рѣкамъ на нехитроустроенныхъ *судахъ*. Въ этихъ посудинахъ иной разъ не было ни одного желѣзнаго гвоздя, ни одной желѣзной скобы.

Остатки якутскаго острога (1683 г.).

Даже якори были деревянные и для тяжести къ нимъ привязывали камни. Канаты дѣлали изъ оленьей кожи; изъ нея нарѣзывались ремни и сплетались. Вмѣсто парусовъ, за недостаткомъ холста, развѣшивали сыромятныя оленьи шкуры. Когда подходила зима, суда оставлялись на какомъ-нибудь волокѣ и строилось зимовье. Промышленники, забиравшіеся на сѣверъ часто раньше казаковъ, ставили его больше въ лѣсу, или около него, къ звѣрю ближе; казаки же—по рѣкамъ, а иной разъ, гдѣ придется. Зимовьемъ звалась простая курная изба, съ большою глиняною печью, со слюдой въ окнахъ, а то и просто съ кускомъ льду. Жило въ такой избѣ самое малое—шесть казаковъ; коли надо было, такъ избу огораживали. Въ отличіе отъ сосѣдей-*нехристей*, около зимовья ставился большой деревянный крестъ. Выпадали глубокіе снѣга, въ полѣ вьюжило; трещали страшные морозы...

Зимовье часто кругомъ заносило высокими сугробами, и только небольшая струйка дыма указывала по временамъ, что въ занесенной одинокой избѣ есть люди. Казаки и промышленники подвязывали къ ногамъ длинныя *лыжи* и пускались на нихъ по лѣсамъ и равнинамъ—одни за звѣремъ, другіе—за сборомъ царева ясака. Припасы везли на оленяхъ или собакахъ, запряженныхъ въ легкія *сани*.

Изъ простого огороженнаго зимовья выросталъ *острожекъ*, а потомъ острогъ. Такъ называли всякое обнесенное тыномъ мѣсто. Тынъ или частоколъ дѣлался изъ свай, которыя, будучи врыты стоймя острыми, обтесанными концами, торчали кверху. За острожнымъ тыномъ, который поставить было дѣломъ скорымъ и не мудренымъ, рубились избы или копалось жилье въ землѣ

Для поселеній выбирали мѣсто повыше—на пригоркѣ или на рѣчномъ юру, чтобы весной сильная сибирская вода не затопляла. Коли мѣсто было удобно, то о немъ отписывалось, что оно *„угоже и крѣпко, и рыбно, и пашенка невелика есть, и луговъ много, и гдѣ стояти городу и то мѣсто высоко—большая вода не поимаетъ“*.

Число поселеній увеличивалось съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ ними—и число переселенцевъ изъ-за Уральскихъ горъ. Между ними были въ Сибири не одни служилые люди — казаки да промышленники; изъ сѣверныхъ русскихъ городовъ шли охотой и высылались еще пашенные люди и торговцы. Намъ извѣстно, что еще при жизни Ермака Иванъ Кольцо набиралъ въ Сибирь охочихъ людей. Въ 1586 году, при сынѣ Грознаго, царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, изъ Сольвычегодска (уѣзднаго города нынѣшней Вологодской губерніи) посланы были въ покоряемую страну пашенные люди съ лошадьми, коровами и сохами. Для возки хлѣба высылались изъ Руси ямщики; суда строили тоже присыльные, *умѣющіе топоромъ* люди.

Жители сибирскихъ поселеній кормились охотой и рыбною ловлей; гдѣ было можно, тамъ заводили пашни. Въ 1604 году построенъ былъ городъ Томскъ; онъ лежалъ довольно близко отъ юга Сибири. Для Томска приказано было набрать 50 человѣкъ охочаго люда и дать имъ по два рубля съ полтиной, хлѣба—по четверти муки, по полъ-осминѣ крупъ да столько же толокна. Наказывалось прибрать молодцовъ *добрыхъ*, которые бы стрѣлять умѣли. Работы этимъ молодцамъ было не мало: они должны были расчищать дороги, ровнять пеньки послѣ вырубленныхъ лѣсовъ... При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, а послѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Сибири, особливо въ южной ея половинѣ, было неспокойно: кромѣ туземцевъ, возставали противъ русскихъ татары и

киргизы, а позже не было покоя отъ калмыковъ. Кочевники приходили и жгли остроги, угоняли скотъ, били людей. На краю степей, которыя лежали на юго-западѣ вперемежку съ горами, надо было ставить крѣпости посильнѣе, заводить пушки, сажать ратныхъ людей побольше. Почти въ каждомъ небольшомъ поселеніи была одна пушка, а то и больше: выгнать русскихъ людей изъ Сибири кочевникамъ было не подъ силу.

Укрѣпившись на Оби и ея притокахъ, казаки дошли до другой великой рѣки—Енисея и въ 1621 году поставили Енисейскій острогъ. Въ нѣсколько лѣтъ городъ выросъ и въ немъ стала скопляться государева казна, назначаемая въ отправку до Москвы. Изъ описанія города видно, что за тыномъ выстроены были, кромѣ казенныхъ, два хлѣбныхъ амбара, съѣзжая изба да таможенная. Въ Енисейскѣ бывалъ большой торгъ, на который съѣзжались окружные народцы и русскіе торговые люди—мѣнять разныя подѣлки на мѣха; потому кромѣ воеводскаго двора, былъ и гостиный.

Народъ изъ Руси продолжалъ высылаться на обширныя сибирскія пустыни. Въ 1630 году изъ-за Уральскихъ горъ отправлены были 500 мужиковъ и 150 бабъ съ дѣвками.

За Енисеемъ стало больше лѣсовъ и болотъ; часто показывались горы. Прошло съ основанія Енисейскаго острога еще лѣтъ десять... Доносили казаки, что найдена ими третья великая рѣка—Лена, и течетъ эта рѣка тоже на сѣверъ, какъ первые двѣ рѣки (Обь и Енисей).

На самой Ленѣ русскіе нашли якутовъ. Якутскій князь *Тоёмъ* велѣлъ своимъ людямъ пускать въ русскихъ стрѣлы. Казаки выстрѣлили въ якутовъ холостыми зарядами, но не испугались якуты; за то какъ только первая пуля убила человѣка наповалъ, они отказались отъ своей воли и стали платить ясакъ.

Якутскъ былъ выстроенъ лѣтъ черезъ десять съ небольшимъ послѣ прихода на Лену. Мѣсто было ровное и песчаное; съ двухъ сторонъ виднѣлись невысокія горы; кое-гдѣ были разбросаны озера и темнѣли лѣса. Скоро городъ этотъ сталъ главнымъ мѣстомъ въ восточной Сибири. Изъ него, поднимаясь по рѣкамъ, казаки дошли къ 1640 году до высокихъ горъ съ голыми вершинами и увидали передъ собой много воды, безъ конца много... Это было Охотское море.

Пройденная путина отъ Оби до Восточнаго моря мѣрялась не верстами, какъ у насъ, а *днищами*; много Сибирской земли было подъ нашимъ началомъ; къ концу царствованія Алексѣя Михайловича десятки мелкихъ племенъ подведены были подъ высокую руку Московскаго государя...

Путина, по которой шли казаки вдоль Сибири до нынѣшняго Охотскаго моря, была главною путиной. На ней построены были всѣ три большіе сибирскіе города того времени: Тобольскъ, Енисейскъ и Якутскъ (Иркутскъ основанъ гораздо позже).

Города были серединными мѣстами; къ нимъ тянули зимовья и острожки; къ нимъ сходилось и народу больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Людское жилье было разбросано тогда кое-гдѣ, по лѣсамъ и берегамъ рѣкъ, поближе къ кормежкѣ, промыслу. Къ сѣверу оно встрѣчалось рѣже, къ югу же—чаще.

Людей было мало, все одно, что капля воды на цѣлое море; кругомъ вездѣ—болотистыя пустыни, лѣса на сотни верстъ, степи. Хозяевами этихъ лѣсовъ, болотъ, рѣкъ и степей считались разные сибирскія народцы, издавна ловившіе на этихъ мѣстахъ рыбу, звѣрей, пасшіе своихъ оленей; надо было ладить съ ними, сталкиваться изъ-за земли. Много было работы служилымъ людямъ. Отъ Москвы до Строгановскихъ имѣній на Камѣ, шло извѣстіе цѣлый мѣсяцъ,—сколько же времени должно оно было итти отъ Москвы до Якутска? По дорогѣ было много задержекъ и остановокъ; ѣхали цѣлый годъ. Долго шли приказы Московскаго царя, и еще дольше шли въ Москву сибирскія вѣсти.

До Москвы доходили челобитныя служилыхъ людей, гдѣ описывались *казацкое горе и нужа*. Вотъ одна изъ нихъ описанная въ 1640 г. служилыми людьми Енисейскаго острога, посланными на Лену.

«Посланы мы были, холопи твои, на государеву службу, на Лену рѣку съ атаманомъ съ Осипомъ Алексѣевымъ Галкинымъ. А будучи на твоей государевой службѣ недѣль по тридцати и больше, ободралися, государь, мы, холопи твои, на тѣхъ твоихъ государевыхъ дальнихъ службахъ, наги и босы. И будучи, государь, на твоей государевой службѣ, тѣ топоренка приломали, а новыхъ намъ, государь, холопямъ твоимъ, купить нечѣмъ»... *„Мы, холопи твои, нужны и бѣды“*.

«Дано было намъ хлѣбное и денежное жалованье на два года, а соляное—не дано; отпущенныхъ на всякій дощаникъ ста двадцати аршинъ холста не хватило; довелось прикупать его—на каждаго человѣка аршинъ по тринадцати и больше. Покупали холстъ на государево жалованье; холсты подрались и погнили. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!»

Ждать по челобитной распоряженія изъ Москвы надо было года два, а часто и больше этого.

Не одни служилые люди терпѣли; промышленные люди, за которыми они подвигались, терпѣли не меньше ихъ. Крестьяне жаловались тоже на то, что хлѣбъ иной годъ весь льдомъ вытирало, или вымывало полою водою.

Присоединеніе Малороссіи.

Казаки, появившіеся еще во время татаръ, въ степяхъ южной Руси, выбѣгали туда изъ Руси московской и изъ Руси литовской. Первыхъ больше всего собралось на рѣкѣ Донѣ, а вторыхъ—на рѣкѣ Днѣпрѣ. Днѣпровскихъ казаковъ во время Ивана Грознаго было ужъ такъ много, что они заселяли нынѣшнія Полтавскую и Кіевскую губерніи и протягивались дальше къ морю, за днѣпровскіе пороги. Казаки эти раздѣлялись на *украинскихъ* и на *запорожскихъ*.

Запорожскіе казаки жили на днѣпровскихъ островахъ, за порогами; главный ихъ притонъ назывался *Запорожскою сѣчью*.

За славой и добычей запорожскіе казаки ходили часто; безъ набѣговъ имъ жить было и скучно и голодно. Они безпрестанно дрались съ крымскими татарами, либо ходили моремъ въ Турецкую землю. Свои морскіе наѣзды они дѣлали въ лодкахъ, которыя называли *чайками*. Лодки эти были сверху открытыя, безъ палубы, и едва виднѣлись надъ водой, а чтобы ихъ не заливало и не опрокидывало морской волной, къ бокамъ ихъ привязывали большіе пуки хвороста. На чайкахъ казаки переплывали Черное море, брали съ бою встрѣчные турецкіе корабли, нападали на берега, жгли и грабили города и села. Вернувшись съ добычей въ Сѣчь, казаки начинали пировать. Горѣлка (хлѣбное вино) лилась рѣкой, раздавалась музыка, шли пляски.

Удалая казацкая жизнь была такъ завидна для бѣднаго народа, что люди толпами уходили отовсюду въ казачество, въ Украйну (нынѣшнія Полтавская и Кіевская губерніи). Казаки были народъ вольный; такъ называли они сами себя, такъ звали ихъ и государи. Долгое время они только по одному имени считались подданными великихъ князей литовскихъ. Долгое время они выбирали своихъ гетмановъ (предводителей) сами собой, сами собой воевали, съ кѣмъ хотѣли, мирились, когда хотѣли. Но потомъ мало-по-малу пошло иначе: польскіе короли разными ласками и милостями задабривали казаковъ и забирали въ свои руки Украйну. Дошло до того, что назначали, въ какомъ числѣ быть казакамъ; имъ стали давать жалованье, но за то требовали отъ нихъ службы. Земли на Украйнѣ стали раздавать польскимъ панамъ и русскимъ, которые душой передавались Польшѣ. Казаковъ, не записанныхъ въ казачій списокъ, поворачивали въ крестьянство и заставляли отбывать на помѣщиковъ панщину (барщину).

Какова ни была крестьянская судьба въ Руси московской, но въ польской Украйнѣ, да и въ другихъ земляхъ подъ короною

польской хлопамъ жилось еще тѣснѣе и хуже. Они бѣгали отъ такого житья не только въ казаки, подобно московскимъ людямъ, но переселялись и въ Московское государство, такъ что цѣлыя села пустѣли. Нужда и тягота ихъ росли съ каждымъ годомъ. Ко всему этому присоединились еще гоненія на православную вѣру.

Казаки вступились съ оружіемъ въ рукахъ за святыню отцовъ и дѣдовъ. Они бились съ поляками жестоко, немилосердно и побивали ихъ не одинъ разъ, но одолѣть не могли.

Наконецъ, въ 1647 году, поднялъ возстаніе казацкій гетманъ Богданъ Хмельницкій. Нѣсколько разъ одерживалъ онъ побѣды надъ поляками, но эти побѣды не могли еще окончательно рѣшить дѣло.

Въ 1651 году казацкая и польская рати сошлись на рѣкѣ Стыри, при Берестечкѣ. Поляковъ было триста тысячъ, не считая погонщиковъ и слугъ; у Хмельницкаго было казаковъ тысячъ сто слишкомъ, да немногимъ меньше пришло татаръ съ крымскимъ ханомъ. Какъ только поляки ударили, ханъ не выдержалъ, поворотилъ коня и поскакалъ назадъ во весь духъ; за нимъ бросилась вся орда. Хмельницкій съ малымъ числомъ казаковъ кинулся вдогонку за ханомъ, чтобы уговорить его вернуться въ бой. Тѣмъ временемъ поляки бросились на казацкое войско съ трехъ сторонъ. Между казаками поднялась такая суматоха, что они не могли распознать своихъ отъ чужихъ и палили другъ въ друга. Поляки одолѣли, казаки отошли назадъ.

Наступила ночь. Поджидая своего гетмана, казаки огородились возами и принялись окапываться. Но прошелъ день, прошло два, а Хмельницкій все не показывался. Поляки облегли казачій таборъ и стали въ него бить изъ пушекъ. Казаки отбивались огненнымъ боемъ, дѣлали вылазки, пускались на разныя хитрости, входили даже въ мирные переговоры. Такъ выстояли они 10 дней, а о гетманѣ все не было никакого слуха. Въ таборѣ появилась измѣна; многіе передались полякамъ. Казаки рѣшили, что ждать больше не для чего, и пустились наутекъ черезъ топкое болото. Много тутъ перетонуло казаковъ, а еще больше крестьянъ, которые отсиживались вмѣстѣ съ казаками за возами. Много было и такихъ, что не успѣли выбраться изъ табора и погибли подъ польскими саблями. Да и тѣхъ, которымъ удалось перебресть болото и уйти, постигла горькая доля: они либо попались въ руки поляковъ, либо перемерли съ голода въ дремучихъ лѣсахъ. Прахомъ была развѣяна подъ Берестечкомъ великая казацкая сила!

А съ Хмельницкимъ случилось вотъ что: догнавши хана, онъ принялся было его уговаривать, но ханъ не только не послу-

шался, а еще его самого захватилъ съ собою, грозясь выдать полякамъ. Ханъ озлобился на него за то, что подъ Берестечкомъ наткнулся на большую польскую силу, а Хмельницкій увѣрялъ, что поляковъ будетъ мало, и добычи у нихъ много. Съ трудомъ удалось Хмельницкому выкупиться за огромныя деньги. Взявъ деньги, ханъ все-таки его ограбилъ и пустилъ въ одной рубашкѣ да въ тулупѣ.

Пришлось опять просить у поляковъ мира. По новому договору пропадало почти все, что было добыто раньше. Народъ роптalъ, земля была разорена въ конецъ, отъ разоренія пошелъ голодъ. Многія тысячи народа перебрались тогда въ Московское государство и построили казачьи слободы, что теперь города: Сумы, Лебединъ, Харьковъ и другіе. А въ то время, какъ они уходили, другіе волновались и готовились встать на поляковъ снова. Поляки собирали войско. Видя все это, Хмельницкій сталъ просить московскаго царя, чтобы онъ принялъ украинскій народъ подъ свою крѣпкую руку, иначе Украйна задастся за турецкаго султана. Тогда въ Москвѣ царствовалъ сынъ Михаила Ѳеодоровича, Алексѣй Михайловичъ. Хмельницкій уже не въ первый разъ заводилъ объ этомъ переговоры, однако царь все не рѣшался, не хотѣлъ ввязываться въ войну съ Польшей. Но теперь затягивать дѣло было уже нельзя: приходилось либо совсѣмъ отступиться отъ Украйны, либо не дать ея въ обиду. Царь положилъ взять Украйну подъ свою защиту, но напередъ хотѣлъ спросить объ этомъ совѣта у выборныхъ людей. Осенью 1653 года онъ созвалъ въ Москвѣ земскій соборъ. Земскій соборъ приговорилъ: «за честь государеву стоять и противъ польскаго короля войну вести, а гетмана Хмельницкаго и все войско запорожское, съ городами и землями, чтобы государь изволилъ принять подъ свою руку». Государь на этотъ приговоръ согласился и отправилъ къ гетману пословъ.

По пріѣздѣ пословъ, 8 января 1654 года собралась въ гор. Переяславлѣ великая рада (народное собраніе). Богданъ Хмельницкій вышелъ со всею старшиною украинскою и сталъ говорить народу: «Вотъ уже шесть лѣтъ», сказалъ онъ, «живемъ мы въ тревогѣ и утѣсненіи; видно, нельзя намъ обойтись безъ царя. Выбирайте, кого хотите: турецкаго султана, крымскаго хана, короля польскаго либо православнаго царя Великой Руси. Турецкій султанъ—басурманъ, отъ него православные греки терпятъ большую бѣду. Крымскій ханъ тоже басурманъ; по нуждѣ мы свели съ нимъ дружбу и за то сколько вынесли горя, разоренія и пролитія крови христіанской! Объ утѣсненіяхъ отъ поляковъ и говорить нечего. А православный царь восточный одного съ нами

благочестія, одного греческаго закона. Онъ сжалился надъ нами и прислалъ къ намъ своихъ ближнихъ людей съ царскою милостью. Если мы его съ усердіемъ возлюбимъ, то и лучшаго пристанища не найдемъ. А кто насъ не послушаетъ, то пусть идетъ, куда хочетъ: вольная дорога». Выслушавъ своего гетмана, весь народъ завопилъ: «Хотимъ подъ царя восточнаго православнаго!» Одинъ полковникъ пошелъ по кругу и спрашивалъ на всѣ стороны: «Всѣ ли такъ хороши? — «Всѣ», кричалъ народъ. Тогда Хмельницкій громкимъ голосомъ сказалъ: «Да укрѣпитъ насъ Господь Богъ подъ его царской рукой!» Народъ закричалъ: «Боже, утверди, Боже, укрѣпи, чтобы мы навѣки всѣ были едино!»

Послѣ этого прочитали договоръ, по которому Украйна отходила отъ Польши къ Московскому государству. Московскія войска стали помогать казакамъ, и мало-по-малу Украйна окрѣпла за Московскимъ государствомъ.

Козацкій батька.

(Пѣсня кобзаря.)

Не орелъ подъ облаками
Носится, летаетъ:
То Максимъ, козацкій батька,
По степи гуляетъ;
Не орелъ степной летаетъ,
А за нимъ орлята:
То Максимъ въ степи гуляетъ—
Съ нимъ его ребята.
Запорожцы—тѣ ребята.
Онъ имъ скажетъ слово—
Бить ли, пить ли, веселиться—
Мигомъ все готово.
Онъ мигнетъ—и всѣ танцуютъ,
Только пыль несется;
Запоетъ—и всѣ горланятъ:
Горе съ нимъ смѣется.
Медъ и водку онъ не чаркой,
Ковшикомъ черпаетъ,
А врага, гдѣ только встрѣтитъ,
Бьетъ, не выжидаетъ.
Вотъ каковъ орелъ нашъ сизый,
Атаманъ нашъ новый!
И воюетъ, и гарцуетъ,
Онъ на все готовый.
Нѣтъ ни хаты у Максима,
Ни пруда, ни сада...
Степь безлюдная—дорога,
Море—не преграда...

Изъ повѣсти „Тарасъ Бульба“.

1. Послѣдняя ночь въ отеческомъ домѣ.

«Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! Намъ не нужна постель: мы будемъ спать на дворѣ».

Ночь еще только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ ту-

лупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклоченныя кудри и смачивала ихъ слезами; она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ—и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою! «Сыны мои, сыны мои милые! Что будетъ съ вами? Что ждетъ васъ?» говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное когда-то лицо ея.

Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалого вѣка. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуху. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла ласки, оказываемыя только изъ милости. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею... Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, съ слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, — берутъ для того, чтобы ей не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ? Можетъ быть при первой битвѣ татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица; а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: «Авось либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ; можетъ-быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ».

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и мало-по-малу лепечущая струя спусти-

лась по нимъ до самаго низу. Она просидѣла до свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше.

По степи пронеслось звонкое ржаніе жеребенка; красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера. «Ну, хлопцы, полно, спать! Пора, пора! Напойте коней! А гдѣ стара? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть: путь лежитъ великій!»

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства.

Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебрянными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ [1]); къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки, съ кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были засунуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли; молодые, черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ.

Бѣдная мать! Она, какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

«Ну, сыны, все готово! Нечего мѣшкать!—произнесъ, наконецъ, Бульба.—Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть».

Всѣ сѣли, не исключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

«Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!—сказалъ Бульба:—моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую [2]), чтобы стояли всегда за вѣру Христову, а не то—пусть лучше пропадутъ, чтобы и духа ихъ не было на свѣтѣ!

---

[1]) Очкуръ — поясъ.

[2]) Т.-е. рыцарскую.

Подойдите, дѣти, къ матери: молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ!»

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. «Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... Пришлите хоть вѣсточку о себѣ...» Далѣе она не могла говорить.

«Ну, пойдемъ, дѣти!» сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцатипудовое бремя, потому что Тарасъ былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидала мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности [3]); она схватила его за стремя, она прильнула къ сѣдлу его и, съ отчаяніемъ въ глазахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота,—со всею легкостью дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, выбѣжала она за ворота, съ непостижимой силой остановила лошадь, обняла одного изъ сыновей съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностью. Ее опять увели.

Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца, который, съ своей стороны, былъ тоже нѣсколько смущенъ, хотя старался этого не показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ; хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю; только видны были надъ землей двѣ трубы скромнаго ихъ домика, да вершины деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазили, какъ бѣлки; еще остался передъ ними тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію своей жизни, отъ лѣтъ, когда валялись по росистой травѣ его... Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ въ небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла... Прощайте, и дѣтство, и игры, и все, все!

2. Запорожская Сѣчь.

Главнымъ гнѣздомъ казацкой удалой вольницы была знаменитая Запорожская Сѣчь, основанная во второй половинѣ XVI в. на низовьяхъ Днѣпра. Вся Сѣчь представляла необыкновенное

---

[3]) Андрій — младшій сынъ Бульбы, Остапъ — старшій.

явленіе: это было какое-то безпрерывное пиршество, балъ, начавшійся шумно и потерявшій конецъ свой. Нѣкоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла съ утра до вечера, если въ карманахъ звучала возможность и добытое добро не перешло еще въ руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имѣло въ себѣ что-то околдовывающее. Оно не было сборищемъ бражниковъ, напивавшихся съ горя, но было просто бѣшеное разгулье веселости. Всякій приходящій сюда позабывалъ и бросалъ все, что дотолѣ его занимало. Онъ, можно сказать, плевалъ на свое прошедшее и беззаботно предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, гулякъ, не имѣвшихъ ни родныхъ ни угла, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей.

Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ [1]) во всякое время могли найти здѣсь работу.

Остапу и Андрію казалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчь бездна народу, и хоть бы кто-нибудь спросилъ, откуда эти люди, кто они и какъ ихъ зовутъ. Они приходили сюда, какъ будто бы возвращаясь въ свой собственный домъ, откуда только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому [2]), который обыкновенно говорилъ:

— Здравствуй! Во Христа вѣруешь?

— Вѣрую!—отвѣчалъ приходившій.

— И въ Троицу Святую вѣруешь?

— Вѣрую!

— Въ церковь ходишь

— Хожу!

— А ну, перекрестись!

Пришедшій крестился.

— Ну, хорошо,—отвѣчалъ кошевой, ступай же въ который самъ знаешь курень.

Этимъ оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣчь молилась въ одной церкви и готова была защищать ее до послѣдней капли крови, хотя и слышать не хотѣла о постѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстію евреи, армяне и татары осмѣливались жить и торговать въ предмѣстьи, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула изъ кармана денегъ, столько и платили. Впрочемъ, участь этихъ корыстолюбивыхъ торгашей была очень жалка: они были похожи на

---

[1]) Реалъ—старинная испанская монета.

[2]) Кошевой—главный начальникъ запорожскаго войска.

И. Е. Рѣпинъ. «Запорожцы». На высокопарную грамоту турецкаго султана Магомета IV кошевой Иванъ Дмитровичъ Сирко съ товарищами отвѣчаютъ насмѣшками.

тѣхъ, которые селились у подошвы Везувія [1]), потому что, какъ только у запорожцевъ не ставало денегъ, то удалые разбивали ихъ лавочки и брали всегда даромъ. Сѣчь состояла изъ шестидесяти слишкомъ куреней, которые очень походили на отдѣльныя, независимыя республики, а еще болѣе на школу и бурсу дѣтей, живущихъ на всемъ готовомъ. Никто ничѣмъ не заводился и ничего не держалъ у себя; все было въ рукахъ у куреннаго атамана, который за это обыкновенно носилъ названіе батька. У него были на рукахъ деньги, платья, весь харчъ, саламата [2]), каша и даже топливо; ему отдавали деньги подъ сохранъ. Нерѣдко происходила ссора у куреней съ куренями; въ такомъ случаѣ дѣло тотъ же часъ доходило до драки. Курени покрывали площадь и кулаками ломали другъ другу бока, покамѣстъ одни не пересиливали, наконецъ, и не брали верхъ, и тогда начиналась гульня. Такова была эта Сѣчь, имѣвшая столько приманокъ для молодыхъ людей.

3. Сборы въ походъ [1]).

Въ готъ же часъ отправились нѣсколько человѣкъ на противоположный берегъ Днѣпра, въ войсковую скарбницу, гдѣ въ неприступныхъ тайникахъ, подъ водою въ камышахъ, скрывалась войсковая казна и часть добытыхъ у непріятеля оружій. Другіе всѣ бросились къ челнамъ осматривать ихъ и снаряжать въ дорогу. Вмигъ толпою народа наполнился берегъ. Нѣсколько плотниковъ явились съ топорами въ рукахъ. Старые, загорѣлые, широкоплечіе, дюженогіе запорожцы, съ просѣдью въ усахъ и черноусые, засучивъ шаровары, стояли по колѣни въ водѣ и стягивали челны крѣпкимъ канатомъ съ берега. Другіе таскали готовыя сухія бревна и всякія деревья. Тамъ обшивали досками челнъ; тамъ, переворотивши его вверхъ дномъ, конопатили и смолили; тамъ увязывали къ бокамъ другихъ челновъ, по казацкому обычаю, связки длинныхъ камышей, чтобы не затопило челновъ морскою волною; тамъ дальше по всему прибрежью разложили костры и кипятили въ мѣдныхъ казанахъ смолу на заливанье судовъ. Бывалые и старые поучали молодыхъ. Стукъ и рабочій крикъ подымался по всей окружности; весь колебался и двигался живой берегъ.

Въ это время большой поромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ куча людей еще издали махала руками.

---

[1]) Везувій — огнедышащая гора въ Италіи.

[2]) Саламата — толокно.

[1]) Изъ IV гл.

Это были казаки въ оборванныхъ свиткахъ. Безпорядочный нарядъ (у многихъ ничего не было, кромѣ рубашки и коротенькой трубки въ зубахъ) показывалъ, что они или только что избѣгнули какой-нибудь бѣды, или же до того загулялись, что прогуляли все, что ни было на тѣлѣ. Изъ среды ихъ отдѣлился и сталъ впереди приземистый, плечистый казакъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Онъ кричалъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ; но за стукомъ и крикомъ рабочихъ не было слышно его словъ.

— А съ чѣмъ пріѣхали?—спросилъ кошевой [1]), когда поромъ приворотилъ къ берегу.

Всѣ рабочіе, остановивъ свои работы и поднявъ топоры и долота, смотрѣли въ ожиданіи.

— Съ бѣдою!—кричалъ съ порома приземистый казакъ.

— Съ какою?

— Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать!

— Говори!

— Иль хотите, можетъ-быть, собрать раду [2])?

— Говори; мы всѣ тутъ.

Народъ весь стѣснился въ одну кучу.

— А вы развѣ ничего не слыхали о томъ, что дѣлается въ гетманщинѣ?

— А что?—произнесъ одинъ изъ куренныхъ атамановъ.

— Э, что? Видно вамъ татаринъ заткнулъ клейтухомъ уши, что вы ничего не слыхали.

— Говори же, что тамъ дѣлается?

— А то дѣлается, что и родились и крестились, а еще не видали такого.

— Да говори намъ, что дѣлается, собачій сынъ!—закричалъ одинъ изъ толпы, какъ видно, потерявъ терпѣніе.

— Такая пора теперь завелась, что уже церкви святыя теперь не наши.

— Какъ не наши?

— Теперь у жидовъ онѣ на арендѣ. Если жиду впередъ не заплатишь, то и обѣдню нельзя править.

— Что ты толкуешь?

— И если разсобачій жидъ не положитъ значка нечистою своею рукою на святой пасхѣ, то и святить пасху нельзя.

— Вретъ онъ, паны-братцы, не можетъ быть того, чтобы нечистый жидъ клалъ значокъ на святой пасхѣ.

---

[1]) *Кошъ* — казацкое селеніе, станица. *Кошевой атаманъ* — начальникъ коша.

[2]) *Рада* — народное собраніе запорожскихъ казаковъ.

— Слушайте! Еще не то разскажу: и ксендзы [1]) ѣздятъ теперь по всей Украйнѣ въ таратайкахъ. Да не то бѣда, что въ таратайкахъ, а то бѣда, что запрягаютъ уже не коней, а просто православныхъ христіанъ. Слушайте! Еще не то разскажу: уже, говорятъ, жидовки шьютъ себѣ юбки изъ поповскихъ ризъ. Вотъ какія дѣла водятся на Украйнѣ, панове! А вы тутъ сидите на Запорожьи, да гуляете, да видно татаринъ такого задалъ вамъ страха, что у васъ уже ни глазъ ни ушей—ничего нѣтъ, и вы не слышите, что дѣлается на свѣтѣ.

— Стой, стой!—прервалъ кошевой, дотолѣ стоявшій, потупивъ глаза въ землю, какъ и всѣ запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тѣмъ въ тишинѣ совокупляли грозную силу негодованія.—Стой! И я скажу слово. А что жъ вы,—такъ бы и этакъ поколотилъ чортъ вашего батька,—что жъ вы дѣлали сами? Развѣ у васъ сабель не было, что ли? Какъ же вы попустили такому беззаконію?

— Э, какъ попустили такому беззаконію?.. А попробовали бы вы, когда пятьдесятъ тысячъ было однихъ ляховъ, да и нечего грѣха таить, были тоже собаки и между нашими—ужъ приняли ихъ вѣру.

— А гетманъ вашъ, а полковники что дѣлали?

— Надѣлали полковники такихъ дѣлъ, что не приведи Богъ и намъ никому.

— Какъ?

— А такъ, что ужъ теперь гетманъ, зажаренный въ мѣдномъ быкѣ, лежитъ въ Варшавѣ, а полковничьи руки и головы развозятъ по ярмаркамъ на показъ всему народу! Вотъ что надѣлали полковники!

Всколебалась вся толпа. Сначала пронеслось по всему берегу молчаніе, подобное тому, какъ бываетъ передъ свирѣпою бурею, а потомъ вдругъ поднялись рѣчи, и весь заговорилъ берегъ: «Какъ, чтобы жиды держали на арендѣ христіанскія церкви! Чтобы ксендзы запрягали въ оглобли православныхъ христіанъ! Какъ! Чтобы допустить такія мученья на русской землѣ отъ проклятыхъ недовѣрковъ, чтобы вотъ такъ поступали съ полковниками и гетманомъ! Да не будетъ же сего, не будетъ!» Такія слова перелетали по всѣмъ концамъ. Зашумѣли запорожцы и почуяли свои силы. Тутъ уже не было волненій легкомысленнаго народа: волновались все характеры тяжелые и крѣпкіе, которые не скоро

---

[1]) *Ксендзъ* — польскій католическій священникъ.

накалялись, но, накалившись, упорно и долго хранили въ себѣ внутренній жаръ.

...Бульба отправился на площадь, потому что давно уже собиралась туда вся толпа. Всѣ бросили вмигъ берегъ и снарядку челновъ, ибо предстоялъ теперь сухопутный, а не морской походъ, и не суда да казацкія чайки [1]), а понадобились телѣги и кони. Теперь уже всѣ хотѣли въ походъ, и старые и молодые; всѣ съ совѣта всѣхъ старшинъ куренныхъ [2]), кошевого и съ воли всего запорожскаго войска положили итти прямо на Польшу, отомстить все зло и посрамленье вѣры и казацкой славы, награбить добычу съ городовъ, зажечь пожаръ по деревнямъ и хлѣбамъ, пустить далеко по степи о себѣ славу. Все тутъ же опоясывалось и вооружалось. Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ. Это уже не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтреныхъ желаній вольнаго народа; это былъ неограниченный повелитель; это былъ деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ своевольные и гулливые рыцари стройно стояли въ рядахъ, почтительно опустивъ головы, не смѣя поднять глазъ, когда кошевой раздавалъ повелѣнія: раздавалъ онъ тихо, не выкрикивая, не торопясь, но съ разстановкою, какъ старый, глубоко опытный въ дѣлѣ казакъ, приводившій не въ первый разъ въ исполненіе разумно задуманныя предпріятія.

— Осмотритесь, всѣ осмотритесь хорошенько!—такъ говорилъ онъ,—исправьте возы и мазницы, испробуйте оружье. Не забирайте много съ собой одежды: по сорочкѣ и по двое шароваръ на казака, да по горшку саламаты [1]) и толченаго проса — больше, чтобъ и не было ни у кого! Про запасъ будетъ въ возахъ все, что нужно. По парѣ коней чтобы было у каждаго казака! Да паръ двѣсти взять воловъ, потому что на переправахъ и топкихъ мѣстахъ нужны будутъ волы. Да порядку держитесь, панове, больше всего. Я знаю, есть между вами такіе, что чуть Богъ пошлетъ какую корысть — пошли тотчасъ же драть китайку [2]) и дорогіе оксамиты [3]) себѣ на онучи. Бросьте такую чортову повадку, прочь кидайте всякія юбки, берите только одно оружье, коли попадется доброе, да червонцы или серебро, потому что они емкаго свойства и пригодятся во всякомъ случаѣ. Да вотъ вамъ панове, впередъ говорю: если кто въ походѣ напьется, то ника-

---

1) *Чайка* — лодка.

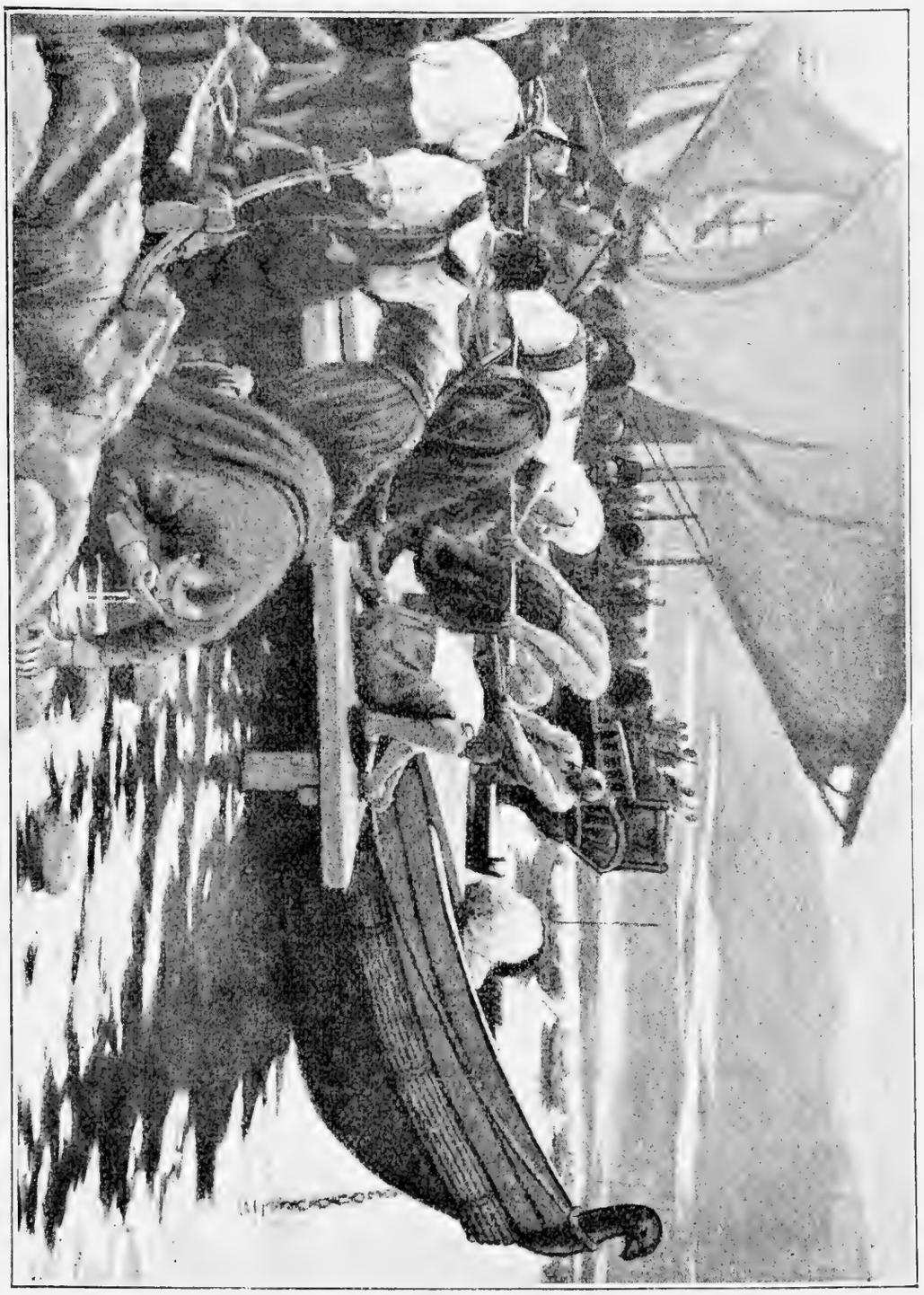
2) *Куренные атаманы* — выборные отъ сотенъ (*курень* — нѣсколько хатъ или землянокъ.

1) *Саламата* — кисель изъ гречневой или пшеничной муки.

2) *Китайка* — простая бумажная ткань.

3) *Оксамитъ* — дорогая ткань.

кого нѣтъ на него суда: какъ собаку за шеяку повелю его присмыкнуть до обозу, кто бы онъ ни былъ, хотя бы наидоблестнѣйшій казакъ изо всего войска: какъ собака, будетъ онъ застрѣленъ на мѣстѣ и кинутъ безо всякаго погребенія на поклевъ



С. Ѳ. Чуприненко.

Въ походъ собираются.

птицамъ, потому что пьяница въ походѣ недостоинъ христіанскаго погребенья. Молодые, слушайте во всемъ старыхъ! Если цапнетъ пуля, или царапнетъ саблей по головѣ, или по чему-нибудь иному, не давайте большого уваженья такому дѣлу: размѣшайте зарядъ пороху въ чаркѣ сивухи, духомъ выпейте, и все пройдетъ—не

будетъ и лихорадки; а на рану, если она не слишкомъ велика, приложите просто земли, замѣсивши ее прежде слюною на ладони. то и присохнетъ рана. Ну-те же за дѣло, за дѣло, хлопцы, да не торопясь, хорошенько принимайтесь за дѣло.

Такъ говорилъ кошевой, и какъ только окончилъ онъ рѣчь свою, всѣ казаки принялись тотъ же часъ за дѣло. Вся Сѣчь оправилась, и нигдѣ нельзя было сыскать ни одного пьянаго, какъ будто бы ихъ не было никогда между казаками. Тѣ исправляли ободья колесъ и перемѣняли оси въ телѣгахъ; тѣ сносили на возы мѣшки съ провіантомъ, на другіе валили оружіе; тѣ пригоняли коней и воловъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались топотъ коней, пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье сабель, мычанье быковъ, скрипъ поворачиваемыхъ возовъ, говоръ и яркій крикъ и понуканье. И скоро далеко, далеко вытянулся казачій таборъ по всему полю. И много досталось бы бѣжать тому, кто бы захотѣлъ пробѣжать отъ головы до хвоста его. Въ деревянной небольшой церкви служилъ священникъ молебенъ, окропилъ всѣхъ святою водою; всѣ цѣловали крестъ. Когда тронулся таборъ и потянулся изъ Сѣчи, всѣ запорожцы обратили головы назадъ. «Прощай, наша мать!—сказали они почти въ одно слово,—пусть же тебя хранитъ Богъ отъ всякаго несчастья!»

4. Атаманъ.

... Тарасъ видѣлъ, какъ смутны стали казацкіе ряды и какъ уныніе, неприличное храброму, стало тихо обнимать казацкія головы; но молчалъ: онъ хотѣлъ дать время всему, чтобы свыклись они и съ уныньемъ, наведеннымъ прощаньемъ съ товарищами [1]). А между тѣмъ въ тишинѣ готовился разомъ и вдругъ разбудить ихъ всѣхъ, гикнувши по-казацки, чтобы вновь и съ большею силою, чѣмъ прежде, воротилась бодрость каждому въ душу, на что способна одна только славянская порода, широкая, могучая порода передъ другими, что море передъ мелководными рѣками: коли время бурно, все превращается оно въ ревъ и громъ, бугря и подымая валы, какъ не поднять ихъ безсильнымъ рѣкамъ; коли же безвѣтренно и тихо, яснѣе всѣхъ рѣкъ разстилаетъ оно свою неоглядную стеклянную поверхность, вѣчную нѣгу очей.

И повелѣлъ Тарасъ распаковать своимъ слугамъ одинъ изъ возовъ, стоявшій особнякомъ. Больше и крѣпче всѣхъ другихъ

---

[1]) Нападеніе татаръ на Сѣчь во время похода противъ поляковъ повлекло за собою раздѣленіе казацкихъ войскъ; часть ихъ была отряжена для защиты Сѣчи.

онъ былъ въ казацкомъ обозѣ; двойною крѣпкою шиною были обтянуты дебелыя колеса его; грузно былъ онъ навьюченъ, укрытъ попонами, крѣпкими воловьими кожами и увязанъ туго засмоленными веревками. Въ возу были все баклаги и боченки стараго добраго вина, которое долго лежало у Тараса въ погребахъ. Взялъ онъ его про запасъ на торжественный случай, чтобы если случится великая минута, и будетъ всѣмъ предстоять дѣло, достойное на передачу потомкамъ, то чтобы всякому, до единаго, казаку досталось выпить заповѣднаго вина, чтобы въ великую минуту великое бы чувство овладѣло человѣкомъ. Услышавъ полковничій приказъ, слуги бросились къ возамъ, палашами перерѣзывали крѣпкія веревки, снимали толстыя воловьи кожи и попоны, и стаскивали съ воза баклаги и боченки.

— А берите всѣ,—сказалъ Бульба,—всѣ, сколько ни есть, берите, что у кого есть: ковшъ или черпакъ, которымъ поитъ коня, или рукавицу или шапку, а коли что, то и просто подставляй обѣ горсти.

И казаки всѣ, сколько ни было ихъ, брали: у кого былъ ковшъ, у кого черпакъ, которымъ поилъ коня, у кого рукавица, у кого шапка, а кто подставлялъ и такъ обѣ горсти. Всѣмъ имъ слуги Тарасовы, расхаживая промежъ рядами, наливали изъ баклагъ и боченковъ. Но не приказалъ Тарасъ пить, пока не дастъ знаку, чтобы выпить имъ всѣмъ разомъ. Видно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать. Зналъ Тарасъ, что какъ ни сильно само по себѣ старое доброе вино и какъ ни способно оно укрѣпить духъ человѣка, но если къ нему да присоединится еще приличное слово, то вдвое крѣпче будетъ сила и вина и духа.

— Я угощаю васъ, паны-братья,—такъ сказалъ Бульба,—не въ честь того, что вы сдѣлали меня своимъ атаманомъ, какъ ни велика подобная честь; не въ честь также прощанья съ нашими товарищами: нѣтъ, въ другое время прилично то и другое; не такая теперь передъ нами минута. Передъ нами дѣла великаго поту, великой казацкой доблести! Итакъ, выпьемъ, товарищи, разомъ напередъ всего за святую православную вѣру: чтобы пришло, наконецъ, такое время, чтобы по всему свѣту разошлась и вездѣ была бы одна святая вѣра, и всѣ, сколько ни есть басурмановъ, всѣ сдѣлались бы христіанами! Да за однимъ уже разомъ выпьемъ и за Сѣчь, чтобы долго она стояла на погибель всему басурманству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нея молодцы, одинъ одного лучше, одинъ одного краше. Да уже вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тѣхъ внуковъ, что были когда-то такіе, которые не постыдили товарищества и не выдали своихъ. Такъ за вѣру, панове-братове, за вѣру!

— За вѣру! — загомонили всѣ, стоявшіе въ переднихъ рядахъ густыми голосами. — За вѣру! — подхватили дальніе — и все, что ни было, и старое и молодое, выпило за вѣру.

— За Сичь! — сказалъ Тарасъ и высоко поднялъ надъ головою руку.

— За Сичь! — отдалось густо въ переднихъ рядахъ. — За Сичь! — сказали тихо старые, моргнувши сѣдымъ усомъ; и встрепенувшись, какъ молодые соколы, повторили молодые: «За Сичь!» И слышало далече поле, какъ поминали казаки свою Сичь.

— Теперь послѣдній глотокъ, товарищи, за славу и всѣхъ христіанъ, какіе живутъ на свѣтѣ!

И всѣ казаки, до послѣдняго, выпили послѣдній глотокъ за славу и всѣхъ христіанъ, какіе ни есть на свѣтѣ. И долго еще повторялось по всѣмъ рядамъ, промежъ всѣми куренями: «За всѣхъ христіанъ, какіе ни есть на свѣтѣ».

Уже пусто было въ ковшахъ, а все еще стояли казаки, поднявши руки; хотя весело глядѣли очи ихъ всѣхъ, просіявшія виномъ, но сильно задумались [1]) они. Но не о корысти и военномъ прибыткѣ теперь думали они, не о томъ, кому посчастливится набрать червонцевъ, дорогого оружія, шитыхъ кафтановъ и черкесскихъ коней; но задумались [2]) они, какъ орлы, сѣвшіе на вершинахъ каменистыхъ горъ, обрывистыхъ, высокихъ горъ, съ которыхъ далеко видно растилающееся безпредѣльное море, усыпанное, какъ мелкими птицами, галерами, кораблями и всякими судами, огражденное по сторонамъ чуть видными тонкими поморьями, съ прибрежными, какъ мошки, городами и склонившимися, какъ мелкая травка, лѣсами. Какъ орлы, они озирали вокругъ себя очами все поле и чернѣющую вдали судьбу свою. Будетъ, будетъ все поле съ облогами и дорогами покрыто бѣлыми торчащими ихъ бѣлыми костями, щедро обмывшись казацкою ихъ кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями; далече раскинутся чубатыя головы съ перекрученными и запекшимися въ крови чубами и запущенными книзу усами; будутъ, налетѣвъ, орлы выдирать и выдергивать изъ нихъ казацкія очи. Но добро великое въ такомъ широко и вольно разметавшемся смертномъ ночлегѣ! Не погибаетъ ни одно великодушное дѣло, и не пропадаетъ, какъ малая порошинка съ ружейнаго дула, казацкая слава. Будетъ, будетъ бандуристъ, съ сѣдою по грудь бородою, а можетъ, еще полный зрѣлаго мужества, но бѣлоголовый старецъ, вѣщій духомъ, и скажетъ онъ про нихъ свое

---

[1]) *Въ подл.:* загадались.

[2]) *Въ подл.:* загадались.

густое, могучее слово. И пойдетъ дыбомъ по всему свѣту о нихъ слава, и все, что народится потомъ, заговоритъ о нихъ: ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной мѣди, въ которую много повергнулъ мастеръ дорогого чистаго серебра, чтобы далече по городамъ, лачугамъ, палатамъ и весямъ разносился красный звонъ, сзывая равно всѣхъ на святую молитву

Жизнь въ московскомъ дворцѣ.

Царь Алексѣй Михайловичъ получилъ названіе «Тишайшаго». Это былъ человѣкъ мягкій, ласковый, добродушный.

Почти каждый день на царскомъ дворѣ раздавалась отъ царя щедрая милостыня. Мало того, въ праздники часто давались «кормы»—обѣды для нищихъ въ палатахъ самого царя, и онъ собственноручно угощалъ ихъ и одѣлялъ деньгами; а наканунѣ такихъ великихъ праздниковъ, какъ Рождество, Пасха, или по случаю какого-нибудь важнаго событія въ жизни царской семьи, Алексѣй Михайловичъ обходилъ въ ночное время московскія тюрьмы, освобождалъ заключенныхъ и раздавалъ милостыню.

Впрочемъ, въ тѣ времена къ нищимъ вообще относились заботливо и даже съ уваженіемъ, въ особенности къ тѣмъ изъ нихъ, которые назывались странниками. Послѣдніе были любимыми гостями въ домахъ бояръ; москвичи любили послушать ихъ разсказы о путешествіяхъ ко святымъ мѣстамъ, о чужихъ краяхъ и проч. Такіе странники принимались даже въ царскомъ дворцѣ, гдѣ въ долгіе зимніе вечера самъ царь и члены его семьи съ удовольствіемъ слушали занимательные разсказы. Поэтому въ милостивомъ обращеніи царя къ меньшей братіи не было чего-нибудь очень удивительнаго по тому времени. Но Алексѣй Михайловичъ отличался обходительностью въ обращеніи со всѣми окружавшими его, такъ что вызывалъ всеобщее удивленіе.

Въ своей домашней жизни Алексѣй Михайловичъ былъ очень благочестивъ. Никто строже его не соблюдалъ постовъ, не удѣлялъ такъ много времени молитвѣ, какъ онъ. Каждый день, не говоря о домашней молитвѣ, царь присутствовалъ при церковномъ богослуженіи и выслушивалъ всѣ службы, начиная съ утрени и кончая вечерней. Великимъ постомъ и въ большіе праздники царь выстаивалъ въ церкви по 5—6 часовъ и полагалъ по 1.000 земныхъ поклоновъ. Всегда умѣренный въ пищѣ, царь доходилъ до подвижничества постомъ; тогда онъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ ѣлъ по одному разу въ день, при чемъ пищу его составлялъ простой ржаной хлѣбъ, соленые огурцы, капуста или

соленые грибы, а въ остальные дни недѣли, кромѣ воскресенья, онъ не ѣлъ ничего.

Алексѣй Михайловичъ любилъ, чтобы всѣ вокругъ него были веселы; любилъ шутки, развлеченія. Съ особеннымъ увлеченіемъ онъ занимался соколиной охотой и придумывалъ цѣлый чинъ или уставъ для этой охоты. Но царя легко можно было разгнѣвать неосторожнымъ словомъ или поступкомъ, и тогда онъ выходилъ изъ себя, при чемъ не ограничивался однимъ словеснымъ внушеніемъ, но «по-отечески смирялъ» виновнаго, т.-е. расправлялся съ нимъ собственноручно. Но гнѣвъ царя скоро остывалъ, и онъ первый дѣлалъ шагъ къ примиренію, посылалъ иногда подарки обиженному, чтобы тотъ не сердился.

Вставалъ Алексѣй Михайловичъ очень рано, въ четыре часа утра, и первымъ его дѣломъ было совершеніе утренней молитвы. Царь выходилъ въ Крестовую палату, которая служила молельней, и тамъ, предъ иконостасомъ, сплошь уставленнымъ горящими свѣчами и лампадами, читалъ полунощницу. По окончаніи ея царь прикладывался къ иконамъ, а духовникъ царскій окроплялъ его святою водою, которая свозилась отъ разныхъ чудотворныхъ иконъ. Затѣмъ царь шелъ въ покои къ царицѣ, спрашивалъ ее о здоровьѣ и о томъ, хорошо ли она почивала, и вмѣстѣ съ нею направлялся къ утренѣ. Въ это время во дворцѣ собирались придворные чины, которые въ то время носили названіе бояръ (высшій чинъ), окольничихъ, думныхъ дворянъ, стольниковъ, стряпчихъ, дѣтей боярскихъ. Всѣ они ждали выхода царя, чтобы «бить ему челомъ» или поздравить его съ добрымъ утромъ и пожелать ему добраго здоровья. Утреня кончалась, растворялись двери изъ внутреннихъ покоевъ въ переднюю палату, и при выходѣ царя всѣ падали на колѣни. Этотъ утренній пріемъ занималъ немало времени, потому что бояре не ограничивались однимъ земнымъ поклономъ; чѣмъ больше бояринъ кланялся, тѣмъ больше онъ выражалъ усердія царю; бывало, за особыя милости отъ царя боярин кланялся ему въ землю до 30 разъ сряду.

Въ сопровожденіи свиты изъ бояръ, царь шелъ къ обѣднѣ въ соборъ. Выходы эти совершались торжественно; особеннымъ блескомъ и пышностью отличались царскіе выходы въ праздники. Царь шелъ въ богатой одеждѣ, украшенной золотомъ, серебромъ, и драгоцѣнными каменьями. На немъ былъ царскій кафтанъ, порфира, корона, въ рукахъ царскій золоченый жезлъ. Его окружали рынды—тѣлохранители изъ сыновей знатныхъ бояръ, одѣтые въ блестящіе, бѣлые, шитые серебромъ, кафтаны и высокія, также бѣлыя, бархатныя шапки, украшенныя жемчугомъ. Бояре шли въ богатыхъ разноцвѣтныхъ кафтанахъ. Въ заключеніе шелъ рядъ

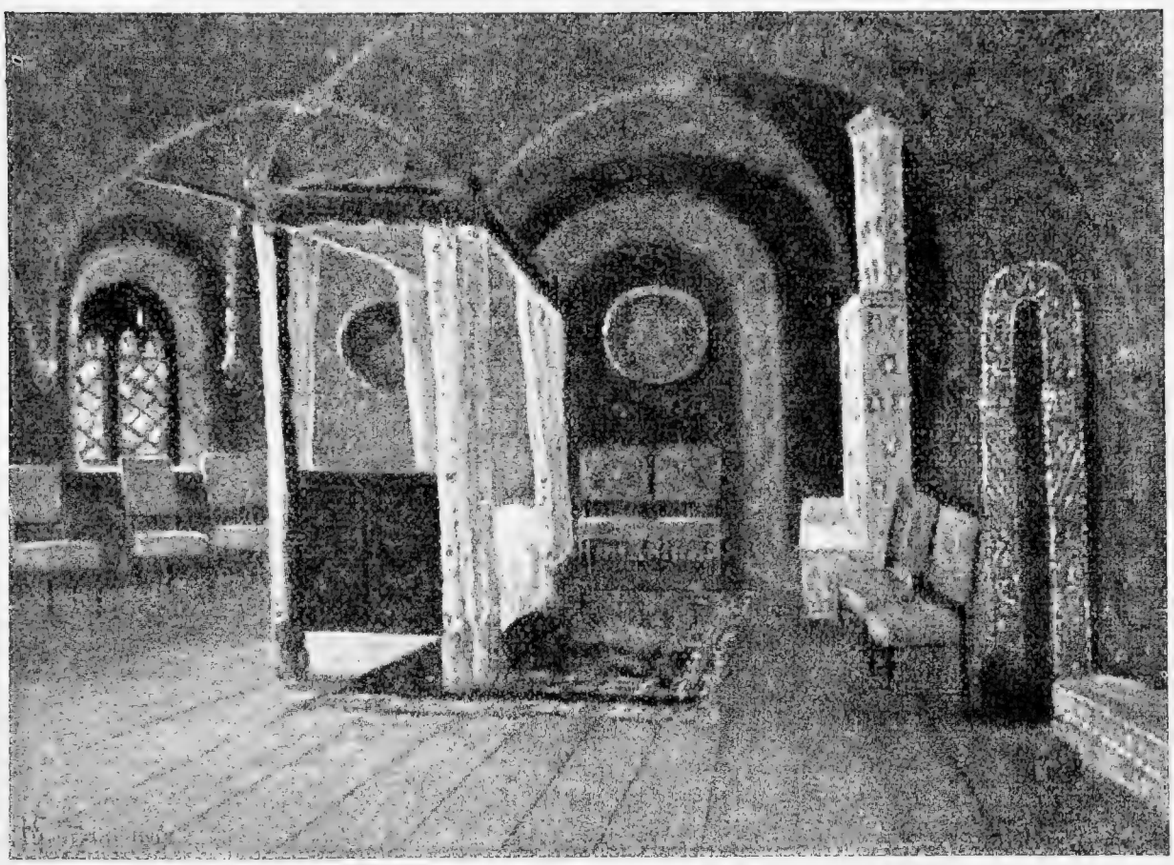
В. Г. Шварцъ. Вешній поѣздъ царицы на богомолье при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ.

дворцовой гвардіи—стрѣльцовъ. Кремль оглашался праздничнымъ звономъ колоколовъ всѣхъ кремлевскихъ церквей и соборовъ. Толпы народа собирались въ кремль посмотрѣть на красивую церемонію и стояли стѣной по обѣ стороны царскаго шествія.

Послѣ обѣдни, оканчивавшейся въ будни часовъ въ 10, царь шелъ во внутренніе покои и тамъ до обѣда «сидѣлъ съ бояры», т.-е занимался въ боярской думѣ государственными дѣлами. Бояре разсаживались на скамьяхъ «по породѣ», т.-е. у кого старше и знаменитѣе родъ, тотъ садился впереди. Думные дьяки—писаря стояли; но во время длинныхъ засѣданій царь приказывалъ и имъ садиться.

Въ праздничные дни дума не собиралась, а послѣ обѣдни устраивались пріемы иноземныхъ пословъ, или же приносили царю поздравленія патріархъ и духовенство.

Въ будни засѣданія думы продолжались до полудня, когда царь шелъ обѣдать. Если царь не приглашалъ къ столу кого-ни-



Въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича. Опочивальня.

будь изъ ближайшихъ бояръ, то обѣдалъ одинъ. Царица обѣдала отдѣльно въ своихъ покояхъ. Какъ мы уже видѣли, Алексѣй Михайловичъ довольствовался самой простой, незатѣйливой пищей; но тѣмъ не менѣе къ столу его подавалось и въ будни до 70 блюдъ. Онъ посылалъ то или другое кушанье въ видѣ особой царской милости боярамъ. Каждое блюдо, прежде чѣмъ дойти до царя, проходило черезъ множество рукъ, начиная съ повара, дворецкаго, стольника, ключника, кравчаго[1]) и т. д., при чемъ каждый изъ

[1]) Впночерпій.

изъ нихъ долженъ былъ отвѣдывать кушаній. Дѣлалось это изъ боязни отравы, которой во дворцѣ постояно опасались, начиная съ грознаго и смутнаго времени.

Таковъ былъ столъ царя въ будни. Отъ него отличались праздничные, парадные обѣды, къ которымъ царь приглашалъ своихъ бояръ, а иногда иноземныхъ пословъ. И здѣсь царь хотѣлъ блеснуть своимъ богатствомъ и хлѣбосольствомъ. Столъ накрывался дорогой скатертью; разставлялась серебряная, позолоченая посуда: блюда, чаши, солонки и т. д., съ разными украшеніями и фигурами; ставилась, напримѣръ, «нѣмка серебренна, золочена, а у ней въ рукахъ лахань; кубокъ золоченый, а на кубкѣ—колокольчикъ съ язычкомъ, а подъ кубкомъ змѣй со свистомъ; слонъ серебряный, а на немъ арабъ съ топоркомъ, на слонѣ чердакъ, на чердакѣ мужикъ съ алебардой, три мужика съ пиками». Приготовлялись разныя затѣйливыя фигуры изъ тѣста, сахара, студня, какъ, наприм., башенки, дома, разныя птицы.

На первомъ мѣстѣ во главѣ стола садится царь; по обѣ стороны отъ царя вдоль стола садятся бояре, которые такъ же, какъ и въ боярской думѣ, разсаживаются по старшинству и знатности рода. Но здѣсь-то чинность и обрядность царскаго стола часто нарушались; и самъ царь не могъ справляться съ гордыми боярами. Все дѣло происходило изъ-за мѣстъ за столомъ, кому садиться выше и кому ниже.

Каждый бояринъ считалъ кровной обидой для себя и всего своего рода сѣсть за столомъ послѣ другого, родъ котораго, по его мнѣнію; былъ ниже. Отсюда происходилъ раздоръ и перебранка между боярами въ царской столовой. Царь гнѣвался и приказывалъ садиться по мѣстамъ. Но не такъ-то легко было унять расходившагося боярина, и властнаго царскаго слова онъ на этотъ разъ не слушался. Дѣло доходило до того, что нѣкоторые бояре разъѣзжались по домамъ; но царь посылалъ за ними и приказывалъ разсаживать ихъ насильно. Бояринъ не хотѣлъ сидѣть за столомъ.

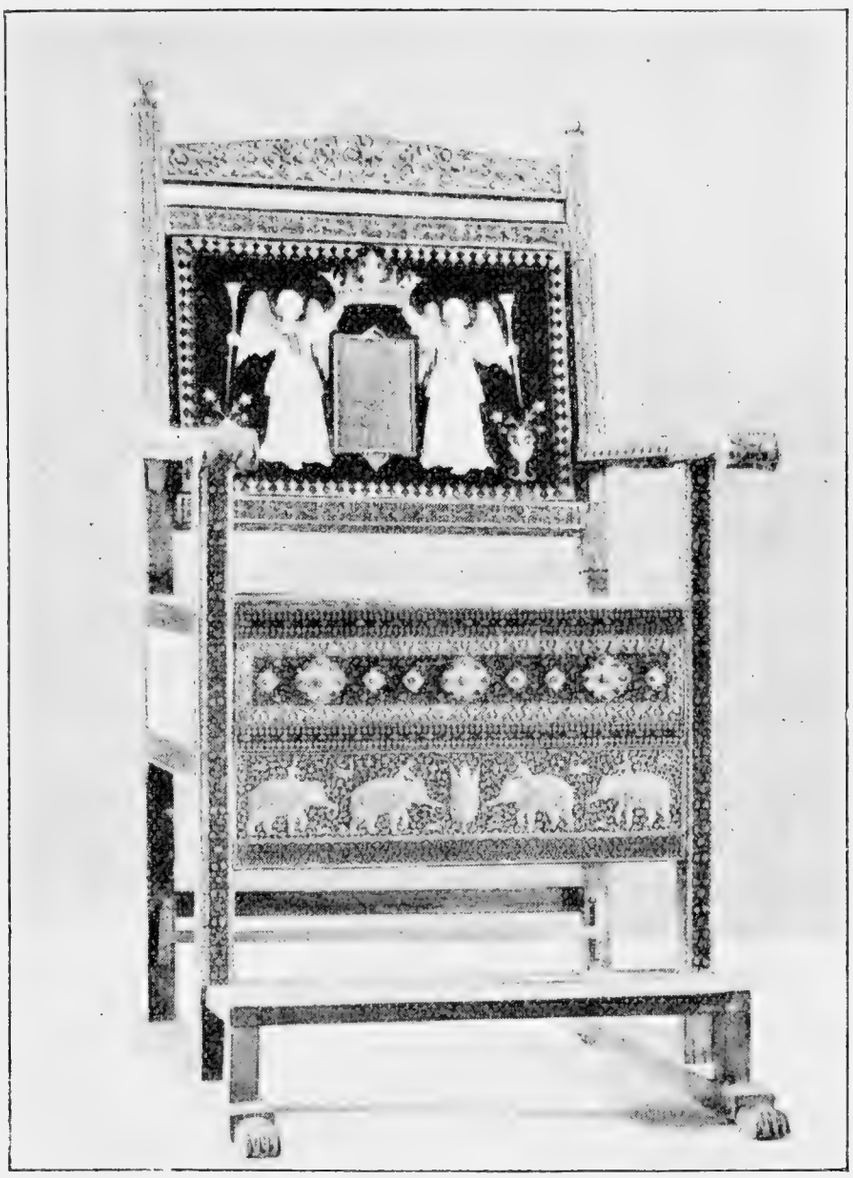
— Хотя царь мнѣ велитъ голову отсѣчь,—кричалъ онъ,—а мнѣ не на своемъ мѣстѣ, ниже другихъ бояръ, не сидѣть!

Въ концѣ-концовъ, бояринъ спускался со скамьи подъ столъ да такъ и сидѣлъ тамъ, подъ столомъ.

Конечно, царскіе столы не всегда проходили такъ шумно. Мѣстничество было единственной причиной, когда чинъ и порядокъ царскаго дворца нарушались. Обыкновенно же порядокъ соблюдался во всей строгости, и нарушители его наказывались.

Послѣ обѣда Алексѣй Михайловичъ, если не ѣхалъ на Дѣвичье поле на соколиную охоту, по древнему «благочестивому»

русскому обычаю ложился отдыхать часа на два,—на три: а затѣмъ шелъ къ вечернѣ. Остальное время дня царь проводилъ въ семейномъ кругу; въ царскіе покои призывались странники, такъ называемые «верховые старцы», и занимали царскую семью своими разсказами. Иногда царь посвящалъ свободное время дня чтенію книгъ, большею частью религіозно-нравственнаго



Алмазный тронъ Алексѣя Михайловича.

содержанія. Это были житія святыхъ, духовныя слова и поученія, св. Писаніе, книги вѣроучительныя и церковно-историческія. Изъ писемъ Алексѣя Михайловича, сохранившихся до настоящаго времени, между прочимъ изъ писемъ къ патріарху Никону, видно, что онъ былъ очень начитаннымъ и религіозно-образованнымъ человѣкомъ: онъ отлично зналъ св. Писаніе, исторію церкви, церковные уставы и обряды. Но Алексѣй Михайловичъ со-

всѣмъ не чуждался и свѣтскихъ книгъ. Сама жизнь заставляла его прибѣгнуть къ нимъ: царю больше, чѣмъ кому бы то ни было, нужно было знать, какъ жили и царствовали его предшественники, что и какъ было на Руси прежде, до него; русское государство при Алексѣѣ Михайловичѣ находилось уже въ живыхъ сношеніяхъ со многими иностранными государствами на западѣ и на востокѣ: вело съ ними торговлю, воевало, посылало своихъ пословъ и принимало иностранныхъ у себя; поневолѣ приходилось знакомиться съ тѣмъ, какія государства находились по ту и другую сторону обширной Руси, какіе народы тамъ жили, — знакомиться съ ихъ нравами и обычаями. Да и самъ Алексѣй Михайловичъ былъ человѣкъ любознательный и любилъ чтеніе.

Иногда вечера въ царскомъ дворцѣ проводились въ шумныхъ веселыхъ забавахъ и потѣхахъ. Всѣ шли въ особую «Потѣшную палату».

При Алексѣѣ Михайловичѣ были еще въ большомъ ходу старинныя забавы, когда на сцену выходили шуты, дураки, карлики, уроды, скоморохи, всѣ въ шутовскихъ костюмахъ; они забавляли зрителей пляской, кривляньемъ, забавными, но безсмысленными шутками и прибаутками, которыя казались интересными и до слезъ смѣшили тогдашнихъ русскихъ людей. Вотъ, напримѣръ, являлся шутъ и говорилъ, что онъ женихъ, а «невѣста у него богатая-пребогатая; приданое за ней даютъ: восемь дворовъ крестьянскихъ промежъ Лебедяни, на старой Рязани, не доѣзжая Казани, гдѣ пьяныхъ вязали, межъ неба и земли, поверхъ лѣсу и воды; да восемь дворовъ бобыльскихъ, въ нихъ полтора человѣка съ четвертью, четыре человѣка въ бѣгахъ, да два человѣка въ бѣдахъ, а хоромнаго строенія: два столба вбито въ землю, третьимъ покрыто. Да съ тѣхъ же дворовъ сходится на всякій годъ насыпного хлѣба восемь амбаровъ безъ заднихъ стѣнъ, да четыре пуда каменнаго масла. Да съ тѣхъ же дворовъ сходится на всякій годъ запасу по сорокѣ шестовъ собачьихъ хвостовъ, да по сорока кадушекъ соленыхъ лягушекъ. И всего приданаго будетъ на тристо пусто, на пятьсотъ ни кола. А у записи приданаго сидѣли Еремей женихъ Тимоѳей, котъ да кошка да сторожъ Филимошка. А запись писали въ сѣрую субботу, въ рябой четвертокъ, въ соловую пятницу. Тому честь и слава, а слушательщикамъ коровай сала».

При Алексѣѣ Михайловичѣ такихъ безсмысленныхъ развлеченій становится все меньше и меньше. Ихъ вытѣсняетъ музыка на органахъ и цимбалахъ[1]),—пѣвцы и разсказчики народныхъ

---

[1]) Родъ гуслей съ металлическими струнами, по которымъ ударяли деревянными молоточками.

сказаній. При Алексѣѣ Михайловичѣ появилась новая иноземная потѣха—театръ, на которомъ давались «комедійныя дѣйства» — представленія.

Послѣ ужина царь заканчивалъ день такъ же, какъ и начиналъ его,—молитвой въ Крестовой палатѣ и въ девять часовъ ложился почивать.

Такъ съ небольшими и рѣдкими отступленіями проходила жизнь во дворцѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Какъ жили бояре.

Семейная жизнь знатнаго московскаго человѣка мало отличалась отъ царской.

Обыкновенно родители знатнаго молодого человѣка, провѣдавъ, что гдѣ-либо имѣется подходящая невѣста, посылали спросить ея родителей, согласятся ли они выдать за него свою дочь. Если со стороны послѣднихъ не было никакихъ препятствій, то они составляли роспись всего того, что даютъ за своею дочерью, и посылали эту роспись жениху, не говоря ни слова о томъ невѣстѣ. Если жениху нравилось приданое, то назначались смотрины; однако онъ самъ не могъ видѣть невѣсты, а посылалась отъ него какая-нибудь близкая родственница, которая говорила съ невѣстой за столомъ и потомъ передавала жениху свое впечатлѣніе.

Самая свадьба знатнаго человѣка была обставлена такими церемоніями: послѣ надлежащихъ приготовленій, женихъ ѣхалъ «по невѣсту» въ такомъ порядкѣ: впереди обыкновенно каравайники несли хлѣбъ на носилкахъ, потомъ ѣхалъ священникъ съ крестомъ, за нимъ провожатые и, наконецъ, женихъ съ тысяцкимъ, лѣтомъ верхомъ, а зимою на саняхъ. По пріѣздѣ въ домъ родителей невѣсты, послѣдніе приглашали всѣхъ къ столу.

Сваха расчесывала невѣстѣ косу, во время чего пѣли пѣсни.

Передъ женихомъ и невѣстой ставили блюдо съ хлѣбомъ и сыромъ (творогомъ).

По совершеніи трапезы родители благословляли невѣсту.

Тогда свадебный чинъ отправлялся въ церковь, гдѣ совершалось таинство.

Такъ какъ новобрачный обыкновенно видѣлъ свою суженую только послѣ брака, то въ Москвѣ безпрестанно случались обманы; иногда приходившей отъ жениха родственницѣ, показывали постороннюю дѣвушку, иногда вмѣсто одной пригожей дочери выдавали другую съ какимъ-нибудь недостаткомъ.

Жены знатныхъ людей вели такой же образъ жизни какъ царицы. Подобно имъ, онѣ не ѣздили иначе, какъ въ крытыхъ саняхъ или колымагахъ. Если бывали гости, то мужчинъ принималъ въ своихъ покояхъ мужъ, а боярынь—жена въ своихъ. Къ мужчинамъ знатныя боярыни выходили только для такъ называемаго поцѣлуеваго обряда, который состоялъ въ слѣдующемъ. Хозяйка дома выходила къ гостямъ и кланялась имъ въ поясъ, а они отвѣчали ей земными поклонами. Послѣ этого хозяинъ приглашалъ всѣхъ присутствующихъ поцѣловать ее; каждый подходилъ и цѣ-

К. В. Лебедевъ. Боярыни разсматриваютъ рисунокъ для вышиванія.

ловался съ ней въ губы, послѣ чего она выходила и выносила каждому изъ присутствующихъ по кубку вина.

Дѣвицы совершенно не выходили къ мужчинамъ и вели въ своихъ теремахъ затворническій образъ жизни.

Ежедневный столъ знатнаго боярина не отличался изысканностью. Обыкновенно онъ начинался водкой; затѣмъ подавалась холодная вареная говядина, приправленная сырымъ лукомъ и уксусомъ, потомъ слѣдовало нѣсколько другихъ блюдъ мясныхъ или рыбныхъ, но всегда съ сильной приправой лукомъ. Званые обѣды были изысканнѣе, и на нихъ число блюдъ доходило до ста.

К. В. Лебедевъ. Боярская свадьба.

Послѣ обѣда, который всегда былъ въ полдень, наши предки имѣли обыкновеніе почивать, и въ это время ни одинъ бояринъ не принялъ бы пришедшаго къ нему по дѣламъ. Впрочемъ, это было обыкновеніе не однихъ бояръ, такъ что въ полдень въ Москвѣ бывали даже закрыты всѣ лавки.

Одѣваніе невѣсты.

По послѣднему денечку
Нанесло тучу черную
Со громами со трескучими,
Съ молоньями со сверкучими
На батюшковъ высокъ теремъ,
На матушкину горенку.
Пріѣзжалъ чужой чужбининъ
Съ храбрымъ своимъ поѣздомъ,
Съ поѣзжанами молодыми.
Гдѣ-то есть у молодешеньки
Соколъ-братецъ, братецъ родименькой,
Голубчикъ златокрыленькой,
Запонка да воротовая,
Сердоликъ, дорогой камень.
Наряжу я, молодешенька,
Службицу я не великую,
Да работку не тяжелую:
Ты сходи-ка, братецъ-соколъ мой,
Въ постоялую конюшеньку,
Ты возьми-ка, братецъ-соколъ мой,
Что ни лошадь саму лучшую;
Запряги-ка, братецъ-соколъ мой,
Въ саночки да въ самокаточки,
Поѣзжай-ка, братецъ-соколъ мой,
Въ славный городъ Вытегру,
Въ лавочки торговыя,
Закупи-ка, братецъ-соколъ мой,
Гарнитуру мнѣ чернаго
И шелкóвъ семи разныхъ.
Гдѣ-то есть у молодешеньки
Тайны, милыя подруженьки,
Дорогія поровеночки.—
Вы повышейте, голубушки,
Заузорчатую занавѣсь:
Вы на первомъ углѣ вышейте
Вы Литву да со татарами;
На другомъ углѣ вышейте
Вы Москву да со боярами;
Вы на третьемъ углѣ вышейте
Царя да со царицею;
На четвертомъ углѣ вышейте
Короля со королицею.
На середочкѣ же вышейте
Красно солнышко со мѣсяцемъ,
Да со частыми звѣздочками.
Ты повѣсь-ко, братецъ-соколъ мой,
Заузорчатую занавѣсь
Ко крыльцу да ко перильному
И ко столбику точеному,
Ко колечку золоченому.
Какъ поѣдетъ да чужой чужбининъ,
Въ городахъ онъ не бывающій,
Мудрости мало видающій:
Разглядится да разсмотрится
На узорчатую занавѣсь
И оставитъ молодешеньку
На родимой на сторонушкѣ,
У желанныхъ у родителей.—
Глупая я красна-дѣвица,
Неразумная головушка!

Какъ поѣдетъ чужой чужбининъ:
Впереди его вожатые,
Позади же провожатые,
По сторонѣ да сбережатые,
Въ городахъ они бывалые,
Много мудрости видалые,—
Не отпустятъ молодешеньку
На родимую сторонушку.
Не пускай-ка, братецъ-соколъ мой,
Безъ допросу на крыто крыльцо,
Безъ докладу красной дѣвицѣ.

Старинная масленица.

На масленицѣ съ самаго понедѣльника въ каждомъ домѣ пекли блины, и въ каждомъ домѣ хозяйка особый способъ знала, какъ блины ставить, да какъ ихъ печь и другимъ его не выдавала.

Стряпуха выходила ставить опару во дворъ, когда мѣсяцъ взойдетъ. Вмѣсто воды набирала чистаго снѣга, а растворяя муку, приговаривала:

«Мѣсяцъ ты мѣсяцъ, золотые твои рожки, серебряныя твои ножки! Загляни въ окошечко, подуй на опару!»

Считалось, что, если мѣсяцъ заглянетъ въ горшокъ, блины выйдутъ бѣлые да рыхлые.

Первые блины шли всегда нищей братіи, на поминъ души усопшихъ. Нищіе такъ и ждали возлѣ домовъ, когда начнутъ запекать блины. Стояли да приговаривали: «Блинъ да лепешка, кладись на окошко!» Веселье и гости начинались со вторника. Этотъ день такъ и назывался—«заигрышъ».

Хозяйка съ хозяиномъ держали совѣтъ, какъ проводить праздничные дни: кого въ гости звать и на какой день, чѣмъ подчивать, когда и куда самимъ пойти. Послѣ этого хозяйскаго совѣта снаряжалась въ путь бабушка-позыватка.

Наряжалась такая бабушка, смотря по дому. Изъ богатыхъ домовъ бабушки-позыватки выкатывались такія, что каждый встрѣчный дорогу имъ уступалъ. Изъ домовъ побѣднѣе и бабушки поскромнѣе ходили.

Вкатывалась бабушка-позыватка въ домъ и перво-на-перво пояснымъ поклономъ хозяевамъ честь отдавала и величала ихъ по имени, по отчеству, поклоны передавала, а потомъ уже говорила:

— Приказали васъ покорно просить: на вечеръ посидѣть, съ ледяныхъ горъ на саночкахъ-самокаточкахъ покататься, на красныхъ дѣвушекъ поглядѣть, блиновъ откушать.

Полагалось не сразу принимать приглашеніе. Для начала принято былс отказываться: говорили, что и напрасно безпо-

коятся, что и звать ихъ совсѣмъ не слѣдовало, а бабушка-позыватка въ отвѣтъ увѣряла, что безъ приглашаемыхъ и пира не будетъ, а безъ ихъ боярышень и дѣвичье веселье пропадетъ.

Бабушку-позыватку усаживали, угощали, а за угощеніемъ старались вывѣдать у нея и какіе гости званы, и въ какихъ кто нарядахъ будетъ, и какіе женихи придутъ смотрѣть на дѣвичьи игры. Въ положенный день съ утра готовились принимать гостей.

Къ вечеру съѣзжались приглашенные. Какъ бы близко ни жилъ одинъ бояринъ отъ другого, пѣшкомъ въ гости онъ не ходилъ, а подъѣзжалъ въ саняхъ. Дѣлалось это изъ важности, да еще, можетъ быть, и потому, что въ праздничныхъ старинныхъ одеждахъ было ходить тяжко, особенно людямъ немолодымъ и дородным.

И шуба, и кафтаны, особенно праздничные, дѣлались изъ тяжелыхъ добротныхъ матерій, часто изъ парчи, изъ тканей серебротканныхъ и златотканныхъ. И украшенія на одеждахъ были тяжелыя: позументы, золотое кружево, камни драгоцѣнные, пуговицы огромныя и тоже изъ золота и серебра. Одна шапка чего стоила, да и не одну, а цѣлыхъ три надѣвалъ бояринъ когда собирался въ гости. Сверху домашней «тафьи» изъ легкой шелковой матеріи надѣвался колпакъ, а на колпакъ шапка бобровая, соболиная или изъ чернобурой лисицы съ головкой изъ бархата, чаще всего вишневаго цвѣта. Такая парадная шапка стояла у боярина дома надѣтая на расписномъ «болванцѣ».

И женщины одѣвались не легче мужчинъ. Сарафаны изъ парчи, кокошники изъ бархата съ позументомъ, тѣ же шубы тяжелыя. И чѣмъ толще была боярыня, тѣмъ это считалось красивѣе, тѣмъ больше почета было ей на пирахъ.

Гдѣ ужъ тутъ было пѣшкомъ итти, только бы доѣхать при дородности да еще въ богатомъ нарядѣ.

Хозяинъ встрѣчалъ гостей у воротъ, велъ ихъ черезъ дворъ въ хоромы. Здѣсь въ сѣняхъ ихъ принимала уже хозяйка и вела въ горницу.

Начиналось пированье. Гости принимались за блины. Ѣли ихъ такими горячими, что только масло спасало ротъ отъ обжоговъ. Блины запивали винами заморскими, наливками, медомъ бѣлымъ да клюквеннымъ, пивомъ душистымъ, брагой.

Покончивъ съ блинами, гости разсаживались вдоль стѣнъ по скамьямъ. На почетныхъ мѣстахъ сидѣли гости постарше. Рядомъ съ молодыми боярынями присаживались боярышни. Къ этому времени ихъ выпускали изъ терема, но разговаривать имъ передъ старшими не дозволялось, и онѣ перешептывались, прикрывая ротъ платочками-ширинками.

Братцы съ пріятелями и совсѣмъ не садились, а стояли по уголочкамъ да только посматривали. Посреди горницы на столѣ разставлены были всякія угощенія.

Хозяйка съ поклонами просила гостей всего откушать. Гости благодарили, отказывались, а потомъ ѣли, кромѣ боярышень. Дѣвушкамъ на людяхъ ѣсть помногу не полагалось.

И молодыя боярыни тоже церемонились. Хорошимъ считалось, если боярыня просидитъ въ гостяхъ — рта не раскроетъ, а если и позабавится, то ни чѣмъ другимъ, какъ переборочкой: сложитъ руки на колѣняхъ, и вертитъ большимъ пальцемъ одной руки вокругъ пальца другой. Только и всего.

И вдругъ въ это чинное пированье врывалась ватага ряженыхъ.

Впереди всѣхъ шла Бука, вся въ бубенчикахъ, съ лицомъ, вымазаннымъ сажей, съ соломенными руками, на кривыхъ ногахъ и съ рогами на головѣ. За Букой скакала коза въ вывороченномъ тулупѣ и кричала. За козой переваливался съ ревомъ медвѣдь въ лаптяхъ и съ палкою. Рядомъ съ нимъ шелъ поводырь. Баба-яга ѣхала въ ступѣ, помеломъ слѣдъ заметала, костылемъ правила.

За ряжеными выступали музыканты съ бубнами, рожками, погремушками, трещотками, балалайками. Съ ряжеными начиналось настоящее веселье. Играли музыканты, медвѣдь показывалъ свои штуки: и какъ бояринъ важничаетъ, и какъ малыя ребята горохъ воруютъ.

Среди шума и гама въ толпѣ ряженыхъ показывались «дорожные люди». Это женихи ходили по домамъ и высматривали себѣ невѣстъ. Въ рукахъ у нихъ были палки, на плечахъ дорожные кафтаны, на ногахъ лапти. Лица раскрашеныя, на спинѣ горбы изъ рѣшетъ, длинные волосы и бороды изъ пакли. Хозяева сразу смекали въ чемъ тутъ дѣло, но, исполняя обычай, спрашивали странныхъ людей.

— Гдѣ, что слышно? Куда идутъ? Какъ Богъ привелъ сюда?..

— Слыхали мы, что сегодня у боярина вечеръ красныхъ дѣвушекъ и пришли поглядѣть,—отвѣчали прохожіе люди.

Хозяева же въ отвѣтъ говорили, что безъ нихъ, странныхъ людей, и веселье не въ веселье.

Ряженыхъ усаживали. Хозяинъ угощалъ и званныхъ и незванныхъ.

А на другой день было пированье въ другомъ домѣ. И такъ до самаго вечера прощенаго воскресенья веселилась боярская Русь. У простого народа тоже было веселье...

Тамъ и безъ всякихъ бабушекъ-позыватокъ угощались блинами во всю. Цѣлыми днями безъ умолку скрипѣли качели, трень-

кали балалайки, разливались залихватскія пѣсни, молодежь скатывалась съ ледяныхъ горъ, въ ушахъ звонъ стоялъ отъ бубенцовъ. Такъ проходила въ старину на Руси широкая масленица.

Грамота въ старину.

Въ старое время на Руси школы были только отъ частныхъ лицъ: не было городскихъ или казенныхъ школъ. Училища открывали или священники или дьячки. За свой трудъ учителя получали съ родителей плату — могорычъ. Учениковъ въ каждой школѣ было немного. Дѣтей начинали учить съ 7 лѣтъ, а царскихъ дѣтей—съ 5 лѣтъ. Въ XVII вѣкѣ бывало и такъ, что грамотѣ учились подростки 15—16 лѣтъ — «недоросли». Курсъ ученія продолжался два года. За это время ученикъ долженъ былъ научиться чтенію, письму и пѣнію. Послѣ азбуки читали Часословъ и Псалтирь. Самые хорошіе ученики были тѣ, которые могли выучить наизусть Апостолъ.

Изъ московской азбуки 1637 года.

Читать учили по азбукамъ, которыя до XVII вѣка были не печатныя, а рукописныя. Да и въ XVII вѣкѣ въ ходу было больше рукописныхъ азбукъ. Почти каждый учитель писалъ свою азбуку. Первый печатный букварь (1634 г.) приписываютъ дьяку Василію Бурцеву. Въ 1692 году поднесъ царицѣ свой букварь съ картинками и стихами Каріонъ Истоминъ. Этотъ букварь также напечатали, при чемъ къ каждой буквѣ сдѣлали картинки, при буквѣ «ч», напр., чванъ (кувшинъ), чернильница, часы, чаша, черемуха и другіе предметы. Въ азбукѣ напечатаны были, кромѣ буквъ, склады, молитвы, заповѣди и стихи. Подъ буквой «ч», напр. такіе стихи:

И человѣкъ червь | псаломски назвася
Червь пиша мысли | гдѣ быти создася

Чашу ученій | юнымъ почерпàти
Словесъ благихъ долгъ | черту соблюдати,
Въ челну разума | въ книгахъ проѣзжайся...

Изъ букваря Каріона Истомина 1694 года.

Ученіе въ старину было дѣломъ очень труднымъ. Буквы называли: а—азъ, б—буки, в—вѣди, г—глаголь, д—добро и т. д. Чтобы сложить, напр., слогъ «ба», читали сначала такъ: буки—

азъ—ба. Не всякій могъ догадаться, что изъ «буки—азъ» должно выйти—«ба». Недаромъ гласила старинная пословица: «Азъ да увязъ, да и не выбрахся». Писать учили разными почерками и буквы разной величины. Учили также украшать буквы узорами, изображеніями травы, птицъ и звѣрей. Съ азбуки списывали пословицы, напримѣръ, такія: «Сѣди крѣпко, а пиши гладко, не описливо, мастера не гнѣви, а себѣ побоевъ не чини».

А побои въ старинной школѣ были не рѣдкость. Въ одномъ старинномъ букварѣ даже стихи такіе были:

Розга умъ востритъ, память возбуждаетъ
И волю злу въ благу прилагаетъ.

Какъ прежде читать учили.

Въ исходѣ пятаго года моего возраста отдали меня учиться грамотѣ къ Никитѣ Михайловичу. Фамиліи настоящей его не знаю. Помню, что каждый день я ходилъ въ школу, что у меня были еще два товарища, что учился я весьма легко и быстро, ибо едва мнѣ минуло шесть лѣтъ, я уже всю премудрость выучилъ, т.-е. азбуку, Часословъ и Псалтирь; этимъ, обыкновенно, тогда и оканчивалось все ученіе, изъ котораго мы, разумѣется, не понимали ни слова, а пріобрѣтали только способность бѣгло читать церковныя книги. Помню, что при перемѣнѣ книги, т.-е. когда я окончилъ азбуку и принесъ въ школу въ первый разъ Часословъ, то тутъ же принесъ горшокъ молочной каши, обернутый въ бумажный платокъ, и полтину денегъ, которая, какъ дань, слѣдуемая за ученье, вмѣстѣ съ платкомъ вручалась учителю. Кашу же, обыкновенно, ставили на столъ, и послѣ повторенія задовъ (въ такой торжественный день ученія уже не было) раздавали всѣмъ учащимся ложки, которыми и хватали кашу изъ горшка.

Я, принесшій кашу и совершившій подвигъ, т.-е. выучившій всю азбуку, долженъ былъ бить учениковъ по рукамъ, что и исполнилъ усердно при всеобщемъ шумѣ и смѣхѣ учителя и его семейства. Потомъ, когда кончили кашу, вынесли горшокъ на чистый дворъ, поставили его на срединѣ и бросали въ него палкой; тотъ, кому удавалось разбить его, бросался стремглавъ бѣжать, а прочіе, изловивъ его, поочередно драли за уши. Помню, что по окончаніи Часослова, когда я принесъ новую Псалтирь, опять повторялось то же, и что, кромѣ меня, разъ еще принесъ кашу одинъ изъ моихъ товарищей, когда кончилъ Часословъ, надъ которымъ я и засталъ его, такъ какъ эти оба товарища мои учились очень тупо. Что это была за церемонія, для чего она дѣлалась, когда было ея начало, я ничего не знаю и не могу сказать.

Суевѣрія въ старину.

Въ старое время на Руси было много разныхъ суевѣрій. Въ бумагахъ русскаго правительства, въ дѣлахъ, которыя вели когда-то приказы, дошло до насъ много свѣдѣній о колдовствѣ, заговорахъ, гаданьяхъ и т. п. Въ старое время вѣру въ силу колдовства раздѣлялъ не только простой народъ, но и царь и бояре. Всѣ боялись и вѣрили въ чародѣйство. Думали, что чародѣйство можетъ излѣчить болѣзнь, сдѣлать человѣка добрымъ, можетъ уморить, изсушить человѣка. Колдуны лѣчили травами, нашоптываніями, наговариваніями. Нѣкоторыя травы, дѣйствительно, были полезны, но въ большинствѣ случаевъ колдуны просто обманывали. Народъ боялся припадочныхъ, больныхъ женщинъ-кликушъ, такъ какъ вѣрилъ въ порчу. Во время припадковъ, думали, кликуши выкрикиваютъ имена тѣхъ, которые ихъ испортили. Думали, что порчу можно сдѣлать наговоромъ на соль, на воду или хлѣбъ, если потомъ дать съѣсть это человѣку. Правительство сурово относилось къ колдунамъ, но и само вѣрило въ ихъ силу Разбирательства обвиненій въ колдовствѣ велись даже въ XVIII вѣкѣ. Всѣхъ причастныхъ къ колдовству обыкновенно строго наказывали.

Былъ, напр., у царя Алексѣя Михайловича любимый боярин Семенъ Стрѣшневъ. Въ 1647 году обвинили одного крестьянина Данилова въ колдовствѣ. На допросѣ тотъ сознался и показалъ, что ворожбу онъ дѣлалъ во многихъ домахъ и, между прочимъ, у боярина Стрѣшнева. Даниловъ лѣчилъ людей боярина отъ болѣзни шептаньемъ и кореньемъ, а въ деревнѣ у Стрѣшнева лѣчилъ лошадей и изъ конюшни дьявола травами выгонялъ; положа въ воду коренья и травы, приговаривалъ свои слова и воду трижды крестилъ рукою и кореньемъ, потомъ людей Стрѣшнева этою водою спрыскивалъ, и самъ бояринъ при этомъ присутствовалъ. Потомъ Даниловъ призывалъ всѣхъ святыхъ и приговаривалъ: «Зори, орлы и вороны, и рыбы и звѣри» и прыскалъ водою по хоромамъ.

Данилова наказали, а дѣло о боярине Стрѣшневѣ отдали на обсужденіе боярской думы и доложили царю. Алексѣй Михайловичъ объявилъ Стрѣшневу: «Ты, Семенъ, вѣдалъ все и, преступивъ государево крестное цѣлованье и забывъ Бога, съ такими злыми вѣдуны знался многіе годы. Ты, Семенъ, государево здоровье не остерегалъ и государю про такихъ злыхъ вѣдуновъ не извѣстилъ, вѣдуны къ тебѣ пріѣзжали и въ селѣ Коломенскомъ у тебя бывали, а государево пришествіе въ Коломенское бываетъ

почасту». И присудили послать Стрѣшнева въ наказаніе за это въ Вологду.

Такъ, на примѣрѣ этомъ видно, какъ вѣрили въ колдовство тогда всѣ, начиная съ самого царя.

Заговоръ отъ недуговъ.

Заговариваю я раба такого-то отъ двѣнадцати скорбныхъ недуговъ: отъ трясовицы, отъ колючки, отъ свербежа, отъ стрѣльбы, отъ огневицы, отъ ломоты, отъ колотья, отъ дерганья, отъ морганья, отъ слѣпоты, отъ глухоты, отъ черной немочи. Ты, злая трясовица, уймись, а не то прокляну въ таръ-тарары; ты, неугомонная колючка, остановись, а не то сошлю тебя въ преисподнія земли; ты, свербежъ, прекратись, а не то утоплю тебя въ горячей водѣ; ты, стрѣльба, остановись, а не то засмолю тебя въ смолѣ кипучей; ты, огневица, охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами; ты, ломотье, сожмись, а не то сокрушу тебя о камень; ты, колотье, притупись, а не то распилю тебя на мелкія частички; ты, дерганье, воротись, а не то запружу тобою плотину на мельницѣ; ты, морганье, окрутись, а не то въ печи банной засушу; ты, слѣпота, скорчись, а не то утоплю тебя въ дегтю; ты, глухота, исчезни, а не то засмолю въ бочку и по морю пущу; ты, черная немочь, отвяжись, а не то заставлю воду толочь.

Начало раскола.

Во второй половинѣ XVII вѣка, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, совершился расколъ русской Церкви.

Корни этого раскола нужно искать въ далекомъ прошломъ. При князѣ Владимирѣ русскій народъ принялъ христіанство, но плохо понималъ суть Христова ученія. Прежній язычникъ привыкъ повиноваться своимъ богамъ за страхъ, а не за совѣсть. Завѣты Христа — любить ближняго — были мало доступны славянину. Евангеліе оставалось непонятно. Самымъ простымъ и близкимъ такому христіанину были обряды. Все видимое, что касалось церкви, чтилось необыкновенно, особенно храмы. При тогдашней простотѣ построекъ и домашняго обихода человѣкъ не видѣлъ ничего, что могло по красотѣ и величію сравняться съ церковной обстановкой. Храмъ поражалъ позолотою, освѣщеніемъ, иконами, торжественностью службы. Иногда у мірянъ возникали различные вопросы о вѣрѣ, за разрѣшеніемъ которыхъ они обращались къ священнику. Но это были вопросы о томъ, что надо ѣсть и пить

въ такой-то день, или какіе поклоны творить, или можно ли служить обѣдню на одной просфорѣ и т. п.

Черезъ 400 лѣтъ послѣ крещенія кіевлянъ язычество еще не вымерло въ народѣ, и въ самомъ церковномъ богослуженіи на Руси было не мало всякаго неустройства. Въ богослуженіи большое значеніе придавалось чтенію и пѣнію всего положеннаго безъ пропусковъ. Поэтому, чтобы сократить время, въ храмахъ молитвы и псалмы пѣли или читали сразу нѣсколько причетниковъ: ничего нельзя было разобрать. Въ церкви у каждаго была своя икона. Чужому не позволяли молиться на свою икону, и изъ-за этого прихожане часто ссорились. Міряне не знали молитвъ, даже «Отче нашъ» или «Богородице»; говорили, что знать молитвы это очень высокая наука, пригодная только для господъ. Иностранцевъ, хотя бы и христіанъ, считали басурманами, погаными. Ко всякимъ новшествамъ относились недовѣрчиво, подозрительно. Имѣть картины, зеркала считалось грѣхомъ. Пѣть пѣсни, брить бороду, — тоже было грѣшно. Самымъ главнымъ считалось жить «по-старинѣ», безъ всякихъ перемѣнъ, какъ жили дѣды.

Но жизнь брала свое. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ русскомъ обществѣ были уже и такіе, которые не чуждались новшествъ.

Москва кишѣла иноземцами. Тогда уже существовала Нѣмецкая слобода. Кромѣ нѣмцевъ Москва была переполнена поляками. Всюду пестрѣли костюмы, экипажи, вызывавшіе недоумѣніе у старозавѣтныхъ людей. Мечтой всякаго молодого франта было теперь — одѣться въ польскій кафтанъ и сбрить бороду. Прежде бояре ѣздили по Москвѣ или верхомъ или въ тяжелыхъ колымагахъ. Теперь можно было встрѣтить на улицахъ Москвы боярина въ польской каретѣ съ лакеями въ иностранныхъ ливреяхъ на запяткахъ. Самъ царь не отставалъ отъ другихъ. Преобразовалась внутренность самаго дворца. Кресла и стулья замѣнили собою старинныя русскія скамьи и лавки, кое-гдѣ на стѣнахъ заблестѣли зеркала на манеръ кіотовъ.

Въ XVII ст. въ московской Руси появляется масса переводныхъ сочиненій, самаго разнообразнаго содержанія: по астрономіи, математикѣ, исторіи, географіи, медицинѣ. Книги покупаютъ и читаютъ. Кое-гдѣ въ боярскихъ домахъ появляются библіотеки уже не изъ однихъ только божественныхъ книгъ.

Во дворцѣ, въ боярскихъ домахъ стѣны увѣшивались картинами историческаго содержанія и портретами.

Новшества эти проникали и въ церковную жизнь. Такъ, напримѣръ, иконы стали писать по-новому, не по прежнимъ

образцамъ. Прежніе темные, однообразные лики угодниковъ замѣняли написанными живо, болѣе яркими красками.

Но въ то время, какъ одни набрасывались на новинки, другіе злобно роптали противъ измѣны родной старинѣ. Всѣ новшества считали діавольскимъ навожденіемъ. Особенно большой ропотъ поднялся, когда патріархъ Никонъ вмѣстѣ съ частью духовенства рѣшилъ исправить отъ ошибокъ церковныя книги и ввести въ богослуженіе больше порядку.

Книги, по которымъ служили въ церкви, были до Ивана Грознаго рукописныя. Въ этихъ книгахъ переписчики надѣлали не мало ошибокъ. Трудно было найти двѣ книги, переписанныя одинаково.

Въ 1659 г. патріархъ Никонъ порѣшилъ вмѣстѣ съ церковнымъ соборомъ переиздать всѣ церковныя книги, предварительно исправивъ ихъ по вѣрнымъ греческимъ спискамъ. Изъ Греціи, изъ разныхъ угловъ Россіи, съ Аѳона навезли въ Москву цѣлыя горы рукописей греческихъ и древнихъ церковно-славянскихъ. По нимъ частью исправили книги, а въ большинствѣ случаевъ переводили вновь. Отпечатанныя новыя книги разослали по церквамъ и монастырямъ.

Исправленія въ новыхъ книгахъ только возстановляли первоначальное начертаніе искаженныхъ переписчиками словъ, напр., вмѣсто «Исусъ» «Іисусъ», или отмѣняли утвердившіеся въ русской церкви неправильные обряды въ родѣ употребленія при крестномъ знаменіи двоеперстія, а не троеперстія, или повторенія подъ рядъ дважды, а не трижды священнаго возгласа «аллилуія». Но въ глазахъ стародумовъ того времени буква Писанія и обрядъ церковный составляли самую суть религіи. Обсуждая вопросъ, какъ слѣдуетъ говорить въ Символѣ вѣры «рожденна не сотворенна» или «рожденна *а* не сотворенна», съ частицей *а* или безъ нея,— ревнители благочестія говорили:

— Намъ всѣмъ подобаетъ умирати за единый *азъ*. Великая зѣло сила въ семъ *азъ* сокровенна.

Отъ правильности буквы и обряда зависитъ спасеніе души человѣка, а *правильными* могутъ быть лишь тѣ обряды и книги, которые изстари употреблялись на Руси, ибо одной лишь русской землѣ дано отъ Бога хранить истину. Такъ разсуждали старозавѣтные люди, и церковныя новшества представились имъ такимъ же діавольскимъ навожденіемъ, какъ новые костюмы, новыя книжки и новыя иконы.

Тогда-то началась борьба за старину.

Недовольство было тѣмъ сильнѣе, что патріархъ Никонъ отстранилъ отъ исправленія книгъ прежнихъ неученыхъ рус-

В. И. Суриковъ. Боярыня Морозова.

скихъ справщиковъ и поручилъ это дѣло ученымъ кіевскимъ монахамъ.

Московскіе люди стали думать, откуда пришло зло? Многіе рѣшили, что вѣру нарушали потому, что слишкомъ ужъ передадались нѣмцамъ, которыхъ тогда во множествѣ призывали для обученія солдатъ, литья пушекъ и т. п. Русскіе люди, которымъ дорого эти новшества стоили — вѣдь деньги на введеніе новинъ брали съ нихъ, — видя, что нѣмецъ командуетъ ратными людьми и учитъ ихъ своей иностранной ратной хитрости, смутились, — стали опасаться, что ихъ теперь, пожалуй, заставятъ одѣваться

Ворота Данилова скита Олонецкой губ. Повѣнецкаго уѣзда XVIII вѣкъ.

и брить бороду по-нѣмецки, вѣру принять нѣмецкую, табакъ курить, молоко пить по средамъ и пятницамъ, а свое древнее благочестіе покинуть. Когда же стали вводить новшества и въ церковную жизнь, то темный народъ окончательно смутился. Креститься тремя перстами казалось незамолимымъ грѣхомъ — протопопъ Аввакумъ прямо говорилъ: «лучше человѣку не родиться, нежели три персты знаменоватися!» Такъ какъ правительство одобрило церковныя преобразованія, то порѣшили, что царь совращенъ нѣмцами, стало быть сопротивляться и не грѣхъ. «Выпросилъ себѣ сатана свѣтлую Россію у Бога и конечнѣ воцарился

всякимъ нечестіемъ надъ всею вселенною». Соловецкіе монахи отказались принять присланныя въ монастырь новоисправленныя книги. Они собрались на совѣщаніе, названное «Чернымъ соборомъ», и рѣшили скорѣе умереть, чѣмъ принять новыя книги.

Правительство постановило учинить розыски раскольниковъ, запретило продажу раскольническихъ сочиненіи и старыхъ книгъ, учредило строгій надзоръ за самими приверженцами старины. Все это въ глазахъ простого народа казалось прямымъ гоненіемъ за вѣру. Пострадать за вѣру, погибнуть за нее огненною смертью стало завѣтнымъ желаніемъ многихъ. Пошли въ расколѣ слухи, что настали послѣднія времена.

«Я, братья мои, — пишетъ Аввакумъ, — видѣлъ антихриста, собаку бѣшеную, право, видѣлъ. Платье у него все смрадъ и зѣло дурно, огнемъ дышетъ изо рта, а изъ ноздрей и ушей пламя смрадное исходитъ»... Разсчитали, что власть антихриста должна продлиться два съ половиной года, а за тѣмъ наступитъ свѣтопреставленіе. Стали ожидать конца свѣта въ 1669 году. Въ Нижегородскомъ краѣ многіе люди были такъ увѣрены въ наступленіи кончины міра, что уже съ осени 1668 г. забросили поля, не пахали, не сѣяли, выпустили на волю скотину, а съ наступленіемъ 1669 г. бросили и избы. Стали собираться толпами на поляхъ, сообща молились, постились, каялись другъ другу въ грѣхахъ, пріобщались Св. Дарами, освященными до Никона, и съ трепетомъ ждали той минуты, когда, согласно пророчеству, солнце померкнетъ, луна остановитъ теченіе свое, звѣзды спадутъ съ неба, загорится земля, гробы отдадутъ своихъ мертвецовъ и, наконецъ, послѣдняя зазвучитъ труба архангела, разверзнется небо, придетъ «Судія всѣхъ», разогнутся «книги животныя», рѣка огненная передъ судилищемъ потечетъ и настанетъ Страшный судъ.

По старинному преданію, кончины міра ожидали ночью, къ полночи. И вотъ каждую ночь, при наступленіи 12 часовъ, надѣвали люди смертныя рубахи и саваны, ложились въ долбленые изъ цѣльнаго дерева гробы и ждали трубнаго гласа, отпѣвая себя заживо.

Но 1669 годъ наступилъ и прошелъ благополучно, міръ стоялъ попрежнему. Невольно всталъ передъ ревнителями древняго благочестія вопросъ: какъ быть теперь? Надо было устраиваться жить, а не готовиться къ смерти.

Отказавшись отъ руководства Церкви, раскольники далеко не во всемъ были согласны и между собою. Одни учили такъ, другіе по-иному; въ концѣ-концовъ, возникло много разныхъ толковъ или сектъ: поповцы, безпоповцы, бѣгуны и многіе другіе

Нѣмецкая слобода.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ жило очень много иноземцевъ. Это были солдаты, офицеры и различные мастера. Отъ нихъ русскіе учились военному искусству, а также разнымъ мастерствамъ: лить колокола и пушки, дѣлать изъ желѣза оружіе и разные инструменты.

Многіе иноземцы надолго, и даже на всю жизнь поселились въ Москвѣ. Жили они не въ самой Москвѣ, а на ея окраинѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ теперь Нѣмецкая улица.

Въ слободѣ было много красивыхъ каменныхъ домовъ, иногда въ два-три этажа. Дома имѣли большія свѣтлыя окна и были выбѣлены и покрыты красными черепичными крышами. Террасы (крыльца) выходили въ тѣнистые сады и палисадники. Здѣсь между плодовыми деревьями и подчищенными дорожками пестрѣли цвѣтники съ красивыми душистыми цвѣтами. Сады и палисады были огорожены узорчатыми рѣшетками.

Въ огородахъ у нѣмцевъ росли такіе овощи и зелень, которые не были вовсе извѣстны москвичамъ. Такъ, напримѣръ, цѣлыя гряды были засѣяны салатомъ, который нѣмцы употребляли въ пищу въ сыромъ видѣ. Русскіе смѣялись надъ ними, говоря, что нѣмцы, какъ коровы, ѣдятъ сырую траву.

Улицы Нѣмецкой слободы были покрыты каменной или деревянной мостовой; по сторонамъ онѣ были окопаны канавками для стока воды; а у самыхъ домовъ возвышались дорожки для пѣшеходовъ, обсаженныя деревьями. Надъ канавками были перекинуты красивые мостики.

На улицахъ слободы бывало много народа, особенно въ праздничные дни и по вечерамъ. Здѣсь разъѣзжали всадники, въ короткихъ одеждахъ иноземнаго покроя, съ накинутыми поверхъ плащами и въ широкополыхъ шляпахъ. Зажиточные купцы катались въ расписанныхъ каретахъ. По дорожкамъ гуляли иноземцы со своими семействами. Тутъ были и молодые люди въ шелковыхъ чулкахъ и разноцвѣтныхъ кафтанахъ нѣмецкаго покроя, и женщины въ платьяхъ, затѣйливо отдѣланныхъ сборками и бантами, въ шляпкахъ съ перьями и лентами.

На прудахъ кавалеры и дамы катались на лодочкахъ. Иногда проходилъ по слободѣ спѣшившій къ больному «докторъ» въ узкомъ темномъ костюмѣ съ большимъ бѣлымъ воротникомъ.

Изъ открытыхъ оконъ слышалось пѣніе и звуки музыки. А въ самой Москвѣ въ это время улицы были пусты и безмолвны,

такъ какъ подъ вечеръ всѣ жители расходились по домамъ, и жизнь замирала.

Надъ слободой возвышалась обширная каменная церковь, отличавшаяся отъ другихъ домовъ только крестомъ на ея крышѣ. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ въ эту церковь сходились на молитву иностранцы по звону колоколовъ; изъ церкви неслись пѣніе хора и звуки органа.

Церковныхъ ходовъ въ слободѣ не было. По слободѣ изрѣдка важно и медленно шагалъ пасторъ въ черной одеждѣ, съ бѣлымъ длиннымъ воротникомъ и четыреугольною шапкою на головѣ, съ остриженными волосами и гладко выбритымъ лицомъ.

Нѣмцы въ это время имѣли въ своей слободѣ училище больницу и богадѣльню.

Какъ учился царевичъ Петръ.

Зотова [1]) отвели къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, которая вмѣстѣ съ сыномъ Петромъ ожидала наставника.

Принимая Зотова, царица милостиво ему сказала:

— Извѣстна я о тебѣ, что ты житія благого, божественное писаніе знаешь, — вручаю тебѣ единороднаго моего сына. Прими его, приложи къ наученію божественной мудрости и страху Божію и благочинному житію и писанію.

— Нѣсмь достоинъ принять въ хранилище мое толикое сокровище! — воскликнулъ въ отвѣтъ Зотовъ, трясясь отъ страха, обливаясь слезами и падая къ ногамъ Натальи Кирилловны.

— Пріими отъ рукъ моихъ, не отрицайся принять. О добродѣтели и смиреніи твоемъ я извѣстна,—милостиво сказала царица-мать, велѣла ему встать, позволила поцѣловать ея руку и распорядилась, чтобы уже на другой день начались правильныя занятія.

На слѣдующее утро, въ присутствіи царя, патріархъ, сотворя обычное моленіе, окропивъ царственнаго отрока святою водою и благословивъ, вручилъ его Зотову. Послѣдній, посадивъ царевича на скамью, поклонился сначала ему въ ноги и затѣмъ приступилъ къ ученію.

По случаю начала уроковъ преподаватель былъ щедро награжденъ: патріархъ пожаловалъ ему сто рублей, государь — «дворъ», государыня — двѣ пары богатаго платья. Впослѣдствіи къ Зотову приставили еще помощника — Аѳанасія Алексѣева Нестерова, которому, вѣроятно, было поручено обученіе царевича церковному пѣнію.

---

[1]) Зотовъ — ученый дьякъ.

Не сложенъ былъ курсъ наукъ Петра. Главнымъ предметомъ было умѣнье читать и запоминать наизусть прочитанное изъ Часослова, Псалтири, Дѣяній апостоловъ и Евангелія. Кромѣ этого, его обучали также письму, къ чему приступили, когда царевичу пошелъ уже восьмой годъ. Петръ Алексѣевичъ учился прилежно, охотно и легко. Самое ученіе происходило на особомъ «учительскомъ налоѣ» вышиною въ $1^1/_2$ арш. и обитомъ атласомъ съ галунами на мягкой подкладкѣ. Вскорѣ царственный ученикъ превзошелъ книжное ученіе и поражалъ всѣхъ, знавшихъ его, толковымъ чтеніемъ Евангелія и Апостола, которые выучилъ даже сплошь наизусть. Благодаря постоянному затверживанію на память, послѣдняя, и безъ того богатая отъ природы, удивительно развилась и окрѣпла. Въ дальнѣйшей жизни и дѣятельности Петръ особенно удивлялъ приближенныхъ именно громадностью своей памяти, которая позволяла ему сохранять въ умѣ самыя мельчайшія событія и обстоятельства, что, конечно, для всякаго правителя является могучимъ пособіемъ въ государственныхъ дѣлахъ.

Къ чести Зотова слѣдуетъ отмѣтить, что онъ не ограничилъ, однако, своего учительства такими несложными предметами, какъ простая грамотность и ученіе священныхъ книгъ наизусть. Онъ, въ предѣлахъ своихъ средствъ и познаній, сумѣлъ расширить программу преподаванія, ввести сюда побочные предметы, которые являлись для того времени новшествомъ.

* * *

Въ праздничные дни Зотовъ разсказывалъ царевичу исторіи о жизни храбрыхъ и премудрыхъ царей, показывалъ книги съ кунштами, т.-е. рисунками; такія книги назывались тогда «потѣшными», главное назначеніе коихъ была забава, увеселеніе дѣтей. Вотъ изъ этихъ-то «потѣшныхъ книгъ» умный наставникъ и сумѣлъ сдѣлать полезное примѣненіе для своихъ классныхъ занятій съ ученикомъ. Онъ попросилъ Наталью Кирилловну поручить опытнымъ и искуснымъ художникамъ составить раскрашенныя тетради «училища» и книги, по образцу имѣвшихся въ царской библіотекѣ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданій. Наталья Кирилловна охотно исполнила просьбу учителя, и ему были выданы «книги съ кунштами и всея Россіи книги съ рисунками градовъ, и книги многія знатныхъ во вселенной городовъ». По этимъ книгамъ живописцы сусальнымъ золотомъ и яркими красками разрисовали листы, съ изображеніемъ на нихъ разныхъ городовъ, палатъ, зданій, армій, кораблей, воинскихъ ученій и битвъ. Къ этимъ иллюстраціямъ, сдѣланнымъ занятно и разнообразно, присоединенъ былъ и текстъ, т.-е. повѣствованіе о томъ,

что изображено на картинкахъ. Такая же картина была изготовлена по астрономіи, съ показаніемъ двѣнадцати мѣсяцевъ и съ изображеніемъ теченія небесныхъ тѣлъ. Всѣ эти листы были размѣщены по стѣнамъ разныхъ комнатъ, и, когда царевичъ уставалъ учиться или начиналъ скучать, Зотовъ, взявъ его за руку, водилъ по комнатамъ, подводилъ къ той или другой картинѣ и разсказывалъ разныя достойныя вниманія историческія событія, напримѣръ: «о блаженныхъ дѣлахъ родителя его, царя Алексѣя Михайловича, и царя Ивана Васильевича, храбрыя ихъ военныя дѣла и дальніе, нужные походы, бои, взятье городовъ, и колико претерпѣвали нужду и тяготу больше простого народа, и тѣмъ коликія благополучія государству пріобрѣли, и государство Россійское распространили». Такъ, Зотовъ повѣдалъ ему о царствованіи и военныхъ подвигахъ Дмитрія Донского, Александра Невскаго и др., при чемъ касался значенія и содержанія разныхъ наукъ, присовокупляя, что «безъ нихъ державнымъ монархомъ невозможно быть».

Этотъ способъ нагляднаго обученія, гдѣ отдыхъ чередовался съ дѣломъ, пріучалъ маленькаго воспитанника Зотова къ постоянной дѣятельности и сосредоточенности вниманія. Мальчикъ такимъ образомъ развивалъ свои духовныя способности, оставаясь постоянно свѣжимъ, бодрымъ и избѣгая гнетущаго вліянія мертвыхъ и скучныхъ способовъ ученія того времени. Онъ пріобрѣлъ постепенно знанія въ слѣдующемъ порядкѣ: по святому Писанію, по исторіи, географіи и отчасти естественнымъ наукамъ.

Уже къ десяти годамъ, когда Петру пришлось надѣть царскій вѣнецъ, онъ имѣлъ основательныя познанія по Закону Божьему и отечественной исторіи. Менѣе всего ему далось искусство письма: почеркъ его и орѳографія были изъ рукъ вонъ плохи, и такими они остались до конца дней его. Начавъ поздно, восьми лѣтъ, владѣть перомъ, онъ не успѣлъ утвердить тогда же своего почерка, а впослѣдствіи, въ виду массы иныхъ занятій, уже было не до каллиграфіи.

Въ началѣ 1682 года передъ хоромами царевича была устроена «потѣшная площадка», на которой поставлены были «потѣшный» деревянный «шатеръ» и «потѣшная изба»; на площадкѣ были устроены «рогатки» и размѣщены деревянныя пушки, изъ которыхъ, посредствомъ особаго механизма, стрѣляли деревянными ядрами, обтянутыми кожей. Эта площадка представляла изъ себя воинскій станъ или лагерь, гдѣ производились ученіе и откуда дѣлались вылазки и нападенія. Въ лагерь часто требовались военные доспѣхи и орудія, и сюда то и дѣло доставлялись изъ Оружейной палаты знамена, барабаны разной величины и пушки.

Въ 1682 году въ судьбѣ маленькаго Петра произошла перемѣна. Братъ его, болѣзненный Ѳеодоръ Алексѣевичъ, скончался бездѣтнымъ, и десятилѣтній Петръ былъ объявленъ царемъ.

Игры и занятія Петра.

Петръ остался послѣ отца менѣе четырехъ лѣтъ, и ни при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ ни въ правленіе царевны Софьи о воспитаніи Петра не заботились, хорошаго, ученаго наставника ему не пріискивали. Петра выучили читать и писать по-русски, и этимъ покончили. А между тѣмъ ребенокъ былъ одаренъ способностями необыкновенными и необыкновенною страстью къ познаніямъ: ни одинъ предметъ не ускользалъ отъ его вниманія; онъ хотѣлъ непремѣнно узнать, и узнать точно и подробно, что́ это, для чего употребляется, какъ сдѣлано; но и этого мало,—хотѣлъ непремѣнно самъ сдѣлать. И подлѣ такого-то ребенка нѣтъ ни одного человѣка ни одного наставника, который бы могъ его занять, удовлетворить его любопытство, разсказать, объяснить. Кромѣ силы духовной, силы разума, ребенокъ былъ необыкновенно крѣпокъ и силенъ тѣломъ, не могъ выносить покоя, бездѣйствія, ему непремѣнно нужно было что-нибудь да дѣлать, и дѣлалъ онъ все съ необыкновенною быстротою. Такой живой, огненный ребенокъ не могъ сидѣть дома; ему нужны были игры, въ которыхъ было бы много шуму и движенія, въ которыхъ бы участвовало много народа и которыя требовали ловкости и смысла. Поэтому Петръ любилъ играть въ военныя игры, окружилъ себя бойкими, ловкими и смышленными людьми, изъ придворныхъ конюховъ составилъ себѣ потѣшное войско, изъ котораго потомъ вышло настоящее, образцовое войско, первые гвардейскіе полки. Эти же полки своими именами — Преображенскій, Семеновскій — указываютъ на тѣ московскія мѣста, бывшія тогда подгородными селами, гдѣ Петръ живалъ и любилъ играть со своими потѣшными въ военныя игры.

Но однѣ игры не могли удовлетворить Петра,—ему хотѣлось учиться. Жадно прислушивался онъ къ рѣчамъ человѣка, который разсказывалъ о какомъ-нибудь любопытномъ предметѣ. Однажды онъ услыхалъ объ инструментѣ, который называется астролябіею и употребляется при снятіи плановъ, и захотѣлъ непремѣнно имѣть этотъ инструментъ. Астролябію купили за границей и привезли ему; но что онъ съ ней будетъ дѣлать? не умѣетъ какъ взяться, а спросить не у кого,—никто изъ русскихъ не знаетъ. Не знаетъ ли кто изъ иностранцевъ? Самый близкій человѣкъ изъ иностранцевъ, котораго прежде всего русскіе цари

стали выписывать къ себѣ изъ-за границы, — это лѣкарь, дохтуръ, какъ тогда говорили. Дохтуръ говоритъ, что самъ не знаетъ, а сыщетъ человѣка знающаго, и приводитъ голландца Тиммермана. Петръ начинаетъ обучаться у него геометріи и фортификаціи.

Въ селѣ Измайловѣ, въ сараѣ, гдѣ лежали старыя вещи, Петръ находитъ большую лодку особой постройки; сейчасъ съ запросомъ къ Тиммерману, что это за судно? Тиммерманъ отвѣчалъ, что это англійскій ботъ. «Чѣмъ лучше нашихъ судовъ?» спрашиваетъ опять Петръ.—«Ходитъ на парусахъ по вѣтру и противъ вѣтра», отвѣчаетъ Тиммерманъ. Противъ вѣтра! быть не можетъ! надобно посмотрѣть: нѣтъ ли человѣка, который бы починилъ ботъ и показалъ его ходъ! Учитель приводитъ своего земляка, голландца Бранта. Ботъ спущенъ на Яузу; Петръ въ изумленіи и восторгѣ. Но рѣка узка; ботъ перетаскиваютъ въ Измайловскій прудъ, но и тутъ тѣсно. Петръ началъ провѣдывать, гдѣ больше воды: ему отвѣчали, что ближе нѣтъ Переяславскаго озера, въ 120 верстахъ отъ Москвы. Петръ отправляется въ Переяславль и на его озерѣ заводитъ новую потѣху; ѣдутъ туда голландскіе мастера: начинается постройка судовъ, и самъ Петръ—первый работникъ.

Въ такихъ занятіяхъ онъ достигъ семнадцати лѣтъ. Переяславское озеро стало для него тѣсно; онъ съѣздилъ на Кубенское озеро (въ нынѣшней Вологодской губерніи), но нашелъ его мелкимъ, и отправился въ Архангельскъ, поплавалъ по Бѣлому морю, налюбовался на иностранные корабли и заложилъ свой—русскій. Въ Москвѣ большею частью проводилъ время въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ жили ремесленники-иностранцы. Петръ, ища людей, отъ которыхъ можно было что-нибудь узнать, познакомился съ этими иностранцами, сталъ къ нимъ часто ѣздить въ Нѣмецкую слободу. Все это были люди изъ разныхъ странъ Европы,—люди бывалые, много странствовавшіе, много видавшіе на своемъ вѣку, много испытавшіе разныхъ приключеній; много любопытнаго они могли разсказать молодому Петру о томъ, какъ и что дѣлается въ чужихъ странахъ, въ Западной Европѣ, какія тамъ чудеса надѣлали искусства и науки. Понятно, какъ весело было Петру слушать эти разсказы, изъ которыхъ онъ узналъ такъ много новаго. Особенно понравился ему между жителями Нѣмецкой слободы одинъ офицеръ, Лефортъ, родомъ швейцарецъ изъ Женевы, человѣкъ очень умный, живой, веселый, душа общества. Скоро Лефортъ сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ и другомъ Петра.

Походы и путешествія Петра.

Думая остепенить Петра, царица Наталья женила его, когда ему еще не исполнилось и 17 лѣтъ, на дѣвицѣ Евдокіи Лопухиной. Но надежды матери не сбылись: въ апрѣлѣ Петръ былъ уже опять на Переяславскомъ озерѣ, готовилъ къ спуску на воду корабли, писалъ матери, жалуясь на свой недосугъ и просилъ благословенія: «Матушка, благослови сынишку своего Петрушку, въ работѣ пребывающаго». Однако и на озерѣ Петру показалось «тѣсно», и онъ ѣдетъ въ Архангельскъ, гдѣ отъ вѣка не бывалъ ни одинъ московскій царь. Петръ въ первый разъ увидалъ море и настоящіе морскіе корабли: къ Успенской ярмаркѣ сюда приходило изъза границы до 100 кораблей съ разными товарами, и Архангельскъ представлялъ тогда оживленную картину торговой дѣятельности; здѣсь Петръ заложилъ корабль, другой заказалъ черезъ голландскихъ купцовъ, съ которыми подолгу бесѣдовалъ.

На слѣдующее лѣто Петръ опять побывалъ, въ Архангельскѣ. Отсюда поѣхалъ въ Соловки поклониться мощамъ свв. Зосимы и Савватія, при чемъ выдержалъ страшную бурю. Разсказываютъ, что, вернувшись въ Архангельскъ, Петръ рѣшился пройти всю морскую службу, начавъ съ нижнихъ чиновъ, такъ же, какъ онъ прошелъ всю службу сухопутную; царь выбралъ себѣ въ учителя искуснаго голландскаго шкипера Виллемсона. Добродушный учитель царскій сначала думалъ, что съ нимъ шутятъ. «Если хочешь учиться, начинай съ должности цвиббера (корабельнаго мальчика, юнги), а потомъ будь матросомъ», сказалъ Виллемсонъ царю смѣясь.—«А какая цвиббера должность?» спросилъ царь.—«Вотъ поди, набей мнѣ трубку и принеси водки! Надобно учиться служить другимъ, пока не научишься повелѣвать самъ». Петръ бросился поспѣшно и исполнилъ приказаніе. — «Хорошо,— сказалъ Виллемсонъ,—теперь полѣзай на мачту»,—и, къ ужасу шкипера, Петръ отважно началъ взбираться на самый верхъ мачты. Петръ требовалъ продолженія уроковъ; какъ простой матросъ, царь исправно исполнялъ свое дѣло, завязывалъ и натягивалъ веревки, закрѣплялъ паруса и дѣлалъ всякую другую черную матросскую работу. Такъ онъ прошелъ съ Виллемсономъ всю службу морскую до офицерскаго чина.

Однако Бѣлое море было неудобно для торговли съ европейскими государствами: оно лежало въ странѣ бѣдной, холодной и далекой. И вотъ царь въ 1695 году отправляется брать Азовъ, который открывалъ дорогу къ Черному морю. Первый походъ не удался: турки подвозили на корабляхъ припасы, и крѣпость не

Антокольскій. Петръ Великій.

сдавалась. Царь отступилъ, но тотчасъ же, рѣшивъ вернуться къ Азову, приказалъ строить суда въ Воронежѣ на Дону. И вотъ съ небольшимъ 200 лѣтъ тому назадъ зимой началась спѣшная работа: согнали изъ разныхъ мѣстъ плотниковъ и рабочихъ, приставили иноземцевъ мастеровъ, собрали смолу и конопать, взяли съ желѣзныхъ заводовъ скобы, крючья и гвозди, и работа закипѣла. Самъ царь работалъ вмѣстѣ съ другими. «А мы,—писалъ Петръ изъ Воронежа,—по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой». Къ апрѣлю было готово 2 большихъ 44-пушечныхъ плоскодонныхъ корабля, 23 галеры, 4 брандера и много мелкихъ грузовыхъ струговъ. Это было начало русскаго флота. Самая лучшая галера была та, которую строилъ самъ государь: она вмѣщала въ себѣ болѣе 200 человѣкъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1696 года флотъ спустился къ Азову и крѣпость была взята. Торжество было полное. Многіе думали, что теперь наступитъ время отдыха, а трудамъ настанетъ конецъ; но они ошиблись.

Петръ понималъ, что надо учиться много и долго — и ему самому и всѣмъ русскимъ людямъ. Онъ началъ съ того, что велѣлъ отобрать 50 молодыхъ людей знатнѣйшихъ фамилій, болѣе способныхъ, и послалъ ихъ учиться кораблестроенію въ Англію, Голландію и Италію; отцы отпускали ихъ неохотно, матери причитали по нимъ, какъ по мертвымъ; но воля царя была непреклонна.

Вслѣдъ за тѣмъ царь самъ отправляется за границу, чтобы научиться тамъ военному и корабельному дѣлу. Было снаряжено великое посольство къ иноземнымъ государямъ и въ этомъ посольствѣ царь ѣхалъ простымъ человѣкомъ, подъ чужимъ именемъ десятника Петра Михайлова.

Прибывъ въ нѣмецкій городъ Кенигсбергъ, царь тотчасъ принялся за изученіе артиллеріи. Обучавшій его прусскій подполковникъ далъ ему аттестатъ, въ которомъ, удивляясь его быстрымъ успѣхамъ, свидѣтельствовалъ, что означенный Петръ Михайловъ «вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ». Изъ Кенигсберга Петръ торопился въ Голландію, славившуюся своимъ кораблестроеніемъ. Здѣсь, вблизи богатаго города Амстердама, было до 50 верфей, на которыхъ суда строились съ такою быстротою, что въ 5 недѣль поспѣвалъ корабль, готовый выйти въ море. Сначала Петръ поселился въ мѣстечкѣ Саардамѣ. Подъѣзжая къ этому городку, Петръ встрѣтилъ знакомаго кузнеца Киста, котораго еще зналъ въ бытность его въ Москвѣ, и окликнулъ его. Кистъ,

увидавъ передъ собой государя, сначала не узналъ его. Петръ былъ одѣтъ голландскимъ плотникомъ, въ красной фризовой курткѣ, бѣлыхъ холщевыхъ штанахъ и низкой лакированной шляпѣ. Петръ объяснилъ ему, зачѣмъ пріѣхалъ въ Сардамъ, не велѣлъ никому сказывать, кто онъ таковъ, и просился къ Кисту на житье. Домишко Киста былъ всего о двухъ горенкахъ, въ одно окно каждая, съ третьей глухой коморкой, куда можно было поставить только кровать. На слѣдующій день рано утромъ Петръ купилъ плотничныхъ инструментовъ и записался на верфи въ рабочіе, назвавшись Петромъ Михайловымъ; здѣсь онъ работалъ съ восхода солнца до заката. Однако любопытные, случайно узнавъ, кто такой этотъ высокій, почти въ сажень ростомъ, красивый плотникъ, не давали ему покою: всякій хотѣлъ посмотрѣть на московскаго царя, работающаго съ топоромъ въ рукахъ, и Петръ въ сильной досадѣ долженъ былъ черезъ нѣсколько дней переѣхать въ Амстердамъ, городъ большой и людный, гдѣ ему не такъ надоѣдали. Здѣсь онъ былъ опредѣленъ работникомъ на верфь и для него заложенъ былъ новый большой корабль; вмѣстѣ съ нимъ учились корабельному дѣлу и нѣкоторые изъ его спутниковъ. Съ зарей шелъ царь на работу и трудился усердно; утомившись, садился на какой-нибудь обрубокъ, опускалъ топоръ между колѣнъ и отиралъ потъ. Отдыхая, онъ дружелюбно бесѣдовалъ съ товарищами-рабочими; разговаривалъ и съ посторонними, если они называли его: «плотникъ Петръ Саардамскій» или «мастеръ Петръ»; если же снимали передъ нимъ шляпы и говорили: «Ваше Величество», Петръ не отвѣчалъ ничего и поворачивался спиною. Когда дневная работа кончалась, онъ уходилъ домой пѣшкомъ, заткнувъ топоръ за поясъ. А дома его ждала другая работа: онъ читалъ письма и донесенія изъ Москвы, усталой рукой писалъ отвѣты, коротко и торопливо, сильно и грозно.

Государь, однако, занимался въ Голландіи не однимъ кораблестроеніемъ. Петръ постоянно въ движеніи. Въ свободное время онъ рѣдко сидитъ дома; онъ осматриваетъ всевозможныя рѣдкости, больницы, воспитательные дома, музеи, лѣсопильни, бумагопрядильни, сукновальни, мельницы, всякія мастерскія, взлѣзаетъ на обсерваторію, ѣздитъ къ ученымъ, къ корабельнымъ мастерамъ. На одной писчебумажной фабрикѣ, присмотрѣвшись къ работѣ мастера, онъ попросилъ у него форму, проворно черпнулъ ею изъ чана, наполненнаго массою, и выкинулъ листъ очень удачный; довольный успѣхомъ и похвалою мастера, Петръ подарилъ ему цѣлый талеръ на водку. Особенно понравилось Петру у профессора Рюйша, который умѣлъ искусно сохранять тѣла человѣческія и животныхъ; Петръ сталъ даже учиться у Рюйша

анатоміи — наукѣ разсѣкать трупы и распознавать всѣ части человѣческаго тѣла. Впослѣдствіи Петръ при случаѣ не прочь былъ сдѣлать какую-нибудь операцію или вырвать больной зубъ.

Петръ все-таки не былъ доволенъ голландцами: они не могли передать ему полной науки кораблестроенія. Петръ поэтому отправился въ Англію и тамъ учился еще въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Послѣ царь не разъ говаривалъ, что если бы не побывалъ въ Англіи, то остался бы навсегда простымъ корабельнымъ плотникомъ, не сдѣлавшись кораблестроителемъ.

Преобразованія Петра Великаго.

По возвращеніи изъ своего перваго путешествія по западной Европѣ, Петръ задумалъ преобразовать Россію по образцу западно-европейскихъ государствъ и прежде всего обратилъ вниманіе на внѣшность русскаго человѣка. Такъ, онъ приказалъ всѣмъ, кромѣ крестьянъ и духовенства, сбрить бороды и перемѣнить длинную и широкую одежду, крайне неудобную для работы, на обще-европейское короткое платье. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ праздновать новый годъ 1 января, вмѣсто 1 сентября, ввелъ лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова, вмѣсто прежняго отъ сотворенія міра. Петръ раздѣлилъ всю Россію на 12 губерній, которыя управлялись губернаторами. Губернаторы подчинялись Правительствующему Сенату. Сенатъ былъ высшимъ судебнымъ мѣстомъ, заботился о правильномъ сборѣ налоговъ и былъ руководителемъ всего управленія. Царь признавалъ, что рѣшеніе дѣлъ цѣлымъ собраніемъ будетъ болѣе правильнымъ и безпристрастнымъ, поэтому ввелъ такой же порядокъ и въ церковномъ управленіи: онъ отмѣнилъ патріаршество и учредилъ вмѣсто него Святѣйшій Синодъ, который состоялъ изъ высшихъ духовныхъ лицъ. Петръ совершенно преобразовалъ русское войско. Прежде при началѣ войны на службу являлись помѣщики съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ слугъ, потомъ Іоаннъ IV завелъ еще постоянную пѣхоту стрѣльцовъ, а при его преемникахъ появляются уже полки солдатъ, драгунъ, гусаръ и рейтаровъ, обученныхъ иностранными офицерами. Но всѣ эти войска, плохо вооруженныя и плохо обученныя, весьма мало были пригодны для войны, поэтому Петръ, обращавшій особенное вниманіе на военное дѣло, завелъ впервые регулярное или, какъ онъ самъ говорилъ, настоящее войско, которое устроено было по нѣмецкому образцу и исправно пополнялось рекрутскими наборами.

Въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ было открыто нѣсколько школъ—морскія, инженерныя, математическія и другія. Кромѣ того, многихъ молодыхъ людей Петръ посылалъ за гра-

ницу для усовершенствованія въ разныхъ наукахъ и ремеслахъ. царь приказалъ переводить съ иностранныхъ языковъ самыя полезныя и нужныя книги и самъ придумалъ новыя буквы,—тѣ самыя, которыми и теперь печатаются всѣ русскія книги, тогда какъ прежде у насъ существовали однѣ славянскія буквы, которыми въ наше время печатаютъ только книги церковныя. Чтобы всѣ могли знать, что дѣлается въ разныхъ мѣстахъ Россіи и за границей, Петръ велѣлъ печатать особыя вѣдомости (теперь называемыя газетами), часто указывалъ, что̀ именно въ нихъ печатать, и даже самъ иногда писалъ разныя статьи.

Петръ заботился о развитіи разныхъ ремеслъ, для чего выписывалъ искусныхъ мастеровъ съ Запада и посылалъ туда русскихъ учиться разнымъ мастерствамъ, дорого платя за ихъ обученіе. Заводовъ до Петра было ничтожное число, а въ его царствованіе было открыто болѣе 200 фабрикъ и заводовъ. Петръ всячески содѣйствовалъ открытію новыхъ фабрикъ и заводовъ и давалъ имъ многія льготы. Изъ такихъ вновь открытыхъ заводовъ и фабрикъ были слѣдующіе: сахарные и металлическіе заводы, фабрики суконныя, полотняныя, писчебумажная, зеркальная, шелковыхъ матерій и др.

Вѣдомости,
ѡ̂ военныхъ и̂ и̂ныхъ дѣ-
лахъ достойныхъ знанія
и̂ памяти, случившихся
в̂ московскомъ гдртвѣ, и̂ во
и̂ныхъ окрестныхъ странахъ.
Начаты въ лѣто ѿ хрта
҂аѱг є, ѿ генваря,
а̂ ѡ̂кончены декабремъ
сегѡже года.

Заглавный листъ «Вѣдомости» 1704 г.

Посреди важныхъ государственныхъ заботъ Петръ обратилъ также вниманіе на семейные порядки. До сихъ поръ знатные люди держали своихъ женъ и дочерей взаперти, браки устраивались родителями, и женихъ ни въ коемъ случаѣ не могъ видѣть своей невѣсты до свадьбы. Царь строго запретилъ этотъ обычай. Онъ назначилъ между обрученіемъ и свадьбой шестинедѣльный срокъ, въ теченіе котораго бракъ могъ разстроиться, если бы женихъ и невѣста, ближе познакомившись, другъ другу не понравились. Затѣмъ Петръ установилъ ассамблеи, или общественныя собранія, на которыя сходились люди «всякихъ чиновъ» съ женами и дочерьми. Гости танцовали, играли въ шахматы, курили, бесѣдовали и т. п. Царь принималъ весьма дѣятельное участіе

въ ассамблеяхъ и нерѣдко, развеселившись, самъ руководилъ танцами. Такимъ образомъ, благодаря Петру, русская женщина вступила въ общество и не мало способствовала смягченію нравовъ.

Описаніе ассамблеи при Петрѣ.

Посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ Ибрагимъ, что время ѣхать. Ассамлея была дѣло должностное, и государь строго требовалъ присутствія своихъ приближенныхъ. Онъ одѣлся и поѣхалъ за К.

К. сидѣлъ въ шлафрокѣ, читая французскую книгу. «Такъ рано?» сказалъ онъ Ибрагиму, увидя его. «Помилуй! — отвѣчалъ тотъ,— ужъ половина шестого, мы опоздаемъ; скорѣе одѣвайся и поѣдемъ».

К. засуетился, сталъ звонить изъ всей мочи; люди сбѣжались; онъ сталъ поспѣшно одѣваться. Французъ камердинеръ подалъ ему башмаки съ красными каблуками, розовый кафтанъ, шитый блестками; въ передней наскоро пудрили парикъ; его принесли; К. всунулъ въ него стриженую голову, потребовалъ шпагу и перчатки, разъ десять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ готовъ. Гайдуки подали имъ медвѣжьи шубы, и они поѣхали въ Зимній дворецъ.

Множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливреяхъ и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажи, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ,—свита, необходимая по понятіямъ бояръ того времени. При видѣ Ибрагима, поднялся между ними общій шопотъ: «Арапъ, арапъ, царскій арапъ!» Онъ поскорѣе провелъ К. сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворилъ имъ двери настежь, и они вошли въ залу. К. остолбенѣлъ... Въ большой комнатѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ, толпою двигались взадъ и впередъ при безпрестанномъ звукѣ музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ. Молодыя убраны были со всей роскошью моды. Золото и серебро сіяло на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались направо и налѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать но-

вый образъ одежды съ гонимою стариною; чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Наталыи Кирилловны, а роброны и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ, присутствовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ и съ досадою косились на женъ и дочерей голландскихъ шкиперовъ, которыя, въ канифасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собой смѣялись и разговаривали, какъ будто дома. Замѣтя новыхъ гостей, лакей подошелъ къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносѣ. К. не могъ опомниться. «Что все это значитъ?» спрашивалъ онъ вполголоса у Ибрагима. Ибрагимъ не могъ не улыбнуться. Императрица и великія княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. К., желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большею частью иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма. Государь былъ такъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника, что не замѣтилъ К., какъ онъ около нихъ ни вертѣлся. Въ это время толстый господинъ съ толстымъ букетомъ на груди суетливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались, и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и К.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцовальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко кланялись; дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ налѣво, тамъ опять прямо, опять направо и такъ далѣе. К., смотря на сіе затѣйливое препровожденіе времени, таращилъ глаза и кусалъ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса, и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ. К. обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостьями одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ; она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. К. къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ и, казалось, не

знала, что ему сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. К. ждалъ ея разрѣшенія, но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, отвелъ на середину залы и важно сказалъ: «Государь мой, ты провинился: во-первыхъ, подошедъ къ сей молодой персонѣ, не отдалъ ей три должные реверанса, а во-вторыхъ, взялъ на себя самому ее выбрать, тогда какъ въ менуэтахъ право сіе подобаетъ дамѣ, а не кавалеру: сего ради имѣешь ты быть весьма наказанъ—именно: долженъ выпить «кубокъ большого орла». К. часъ отъ часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услыша хохотъ и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ толпа раздвинулась, и онъ вступилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ маршалъ ассамблеи [1]) съ огромнымъ кубкомъ вина. Онъ тщетно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону. «Ага!— сказалъ Петръ, увидя К., попался, братъ. Изволь же, мосье, пить и не морщиться». Дѣлать было нечего; бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его маршалу... К. хотѣлъ выйти изъ круга, но зашатался и чуть не упалъ, къ неописанному удовольствію государя и всей веселой компаніи.

Это не только не повредило единству и занимательности главнаго дѣйствія, но еще оживило его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присѣдать и постукивать каблучками съ большимъ усердіемъ и ужъ вовсе не наблюдая такта. К. не могъ участвовать въ общемъ весельѣ. Дама, имъ выбранная, подошла къ Ибрагиму и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ протанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ на прежнее мѣсто, потомъ, отыскавъ К., вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и повезъ домой. Дорогою К. сначала невнятно лепеталъ: «Проклятая ассамблея!.. проклятый кубокъ золотого орла!..» но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили, и проснулся на другой день съ головною болью, смутно помня шарканье, присѣданія, табачный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большого орла.

Великая сѣверная война.

Начало шведской войны.

Рѣшаясь на войну со шведами, Петръ былъ болѣе или менѣе увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ имѣлъ дѣло съ королемъ юнымъ,

[1]) Маршалъ ассамблеи—распорядитель ассамблеи.

только что вступившимъ на престолъ, неопытнымъ и мало знакомымъ съ военнымъ дѣломъ. Онъ имѣлъ такихъ союзниковъ, какъ Данія и Польша. Онъ шелъ въ прежде бывшія русскія земли и для возврата своихъ исконныхъ владѣній. Онъ имѣлъ войско, окрещенное войною и испытанное въ бою. Наконецъ онъ имѣлъ и опытныхъ военачальниковъ.

Королю шведскому. Карлу XII, въ описанное нами время, было всего 18 лѣтъ. Но онъ въ военномъ отношеніи являлся безусловно геніемъ. Если Петръ былъ геній всеобъемлющій и всесторонній, то Карлъ XII былъ геній узкій, чисто военный. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ очень любилъ тѣлесныя упражненія, особенно же предавался военнымъ играмъ и упражненіямъ, очень любилъ охотиться на медвѣдя, съ рогатиной и ножомъ. Онъ жилъ въ палаткѣ, носилъ грубое солдатское сукно, ѣлъ очень скудный обѣдъ, спалъ мало, проводилъ жизнь въ голодѣ, холодѣ и трудахъ, спиртного ничего не пилъ. Изъ наукъ онъ особенно усердно изучалъ то, что необходимо было знать воину и полководцу. Онъ всегда былъ серьезенъ и скорѣе мраченъ, нежели веселъ. Жажда славы была его единственною мечтою.

Въ сенатѣ Карлъ всѣ дѣла рѣшалъ самъ и не терпѣлъ ничьихъ совѣтовъ. Въ 18 лѣтъ все трепетало передъ Карломъ. Войско его любило. Народъ обожалъ.

Швеція въ то время могла считаться страною крѣпкою и могущественною. Двѣнадцать лѣтъ мира дали ей богатство и большое народонаселеніе. Народъ шведскій былъ рослый, крѣпкій, сильный, развитой и смышленый. Страна имѣла войско, флотъ и полную казну.

Объявленіемъ войны Швеціи Даніей, Польшей и Россіей Карлъ не смутился, а даже обрадовался. Это давало ему возможность показать себя и прославиться. На возраженіе, что онъ не имѣетъ даже союзниковъ, Карлъ отвѣчалъ:

— Богъ, мечъ мой и любовь народа—вотъ мои союзники.

Съ такимъ-то противникомъ пришлось Петру воевать.

Едва была объявлена война, какъ Карлъ двинулся на Данію и однимъ натискомъ уничтожилъ ее, такъ что датская армія должна была скрыться и король стушеваться. Также стремительно Карлъ бросился на Нарву и въ одинъ мигъ совершенно уничтожилъ русскую армію. Нашего войска не стало, генералы были въ плѣну, пушки взяты непріятелемъ.

Но это не смутило Петра. Онъ приказалъ стягивать запасныя войска къ Новгороду и укрѣплять его.

Энергія царя, его бодрость и надежда оживили всѣхъ. Закипѣла работа. Набрались новые полки. Новобранцы учились строю

и учились переносить невзгоды. Лились новыя пушки. Готовился порохъ. Выливались бомбы и ядра. Заготовлялся провіантъ. Шились мундиры.

— Пусть бьютъ шведы моихъ русскихъ,—они выучатъ насъ бить ихъ,—и когда же ученье проходитъ безъ потерь и огорченій. Къ веснѣ царь имѣлъ все необходимое на сѣверной границѣ: было и войско, была и артиллерія, были и необходимые запасы.

Весною Карлъ собралъ свою армію и бросился на Польшу и Саксонію. Прибывшія изъ Швеціи войска должны были защищать южную границу отъ русскихъ. Но Шлиппенбахъ, командовавшій шведскими войсками, ничего не могъ сдѣлать съ русскими. Шведы терпѣли пораженія въ мелкихъ стычкахъ съ русскими. Наступило серьезное сраженіе близъ Дерпта, и шведы были разбиты, многіе изъ нихъ убиты, многіе взяты въ плѣнъ, захвачены пушки, знамена. Русскіе съ гордостью праздновали побѣду. Неудачу потерпѣли шведы и въ Архангельскѣ.

Русскія войска одерживали новыя и новыя побѣды.

Занятіе Невы.

Петръ замыслилъ овладѣть Невою и входомъ въ Балтійское море. Для этого онъ рѣшилъ переволочить два военные корабля сухимъ путемъ изъ Нюхчи на Бѣломъ морѣ въ Повѣнецъ на Онежскомъ озерѣ, а оттуда на Ладожское озеро. Самъ царь руководилъ волокомъ, то ѣдучи, то идя пѣшкомъ. Такимъ путемъ русскій флотъ, хотя въ маломъ видѣ, достигъ входа въ Балтійское море. По пути взяты крѣпости Нотебургъ, нынѣ Шлиссельбургъ, и Ниніеншанцъ, при впаденіи Охты въ Неву. При взятіи Ниніеншанца, у входа въ Неву показался шведскій флотъ. Два шведскихъ судна съ 24 пушками вошли въ Неву. Царь на лодкахъ окружилъ непріятельскія суда, первый бросился на приступъ и овладѣлъ ими.

Овладѣвъ Невою и входомъ въ Балтійское море, Петръ захотѣлъ ихъ закрѣпить за Россіей на вѣчныя времена. Съ этою цѣлью онъ задумалъ здѣсь заложить великій городъ, который бы имѣлъ крѣпость и верфь и въ то же время являлся обширнымъ торговымъ городомъ. 16 мая 1703 г., въ Троицынъ день, заложенъ этотъ городъ, имя ему дано Петербургъ. Для лучшей охраны Петербурга, Петръ захватилъ островъ Котлинъ и заложилъ на немъ крѣпость Кронштадтъ. Комендантомъ Петербурга Петръ назначилъ своего любимца Меншикова.

Укрѣпивъ за собою Неву и выходъ въ Балтійское море, Петръ двинулъ войска на Лифляндію и другія, болѣе западныя

области. Прежде всего, однако, Петръ рѣшилъ взять Нарву. Долго и упорно защищался мѣстный гарнизонъ и жители Нарвы, отказываясь сдаться на какихъ бы то ни было условіяхъ. Но Нарва была взята приступомъ. Русскіе такъ были озлоблены упорнымъ сопротивленіемъ и отвѣтами осажденныхъ, что съ ожесточеніемъ бросились все истреблять и разрушать. Самъ Петръ останавливалъ разъяренныхъ побѣдителей.

Въ Олонецкой землѣ Петръ открылъ желѣзную руду, устроилъ заводъ, и здѣсь началось производство необходимыхъ военныхъ принадлежностей.

Петръ I и Карлъ XII.

Между тѣмъ, Карлъ семь лѣтъ провелъ въ Польшѣ, и Августъ, король польскій и саксонскій, принужденъ былъ отказаться отъ Польши и ограничиться Саксоніей.

Теперь Карлъ рѣшилъ уничтожить русскаго царя, и на томъ закончить свой юго-западный походъ. Изъ Польши въ Россію лежало два пути на Москву: черезъ Смоленскъ и Малороссію. Но первыя области были разорены, и Карлъ отправилъ войска черезъ Малороссію. Гетманъ Малороссіи, Иванъ Мазепа, измѣнившій Петру, не прочь былъ на извѣстныхъ условіяхъ помочь Карлу не только провіантомъ, но и войсками.

Мазепа былъ ума недюжиннаго, образованный, богатый, вліятельный и ловкій. Видя силу Петра, онъ отдался ему. Но пораженіе царя подъ Нарвою смутило его. Мазепа увидѣлъ, какъ Петръ разрушаетъ старую Россію и создаетъ себѣ безчисленное множество внутреннихъ враговъ. Мазепа видѣлъ цѣлый рядъ вспышекъ старой Руси. Мазепѣ казалось, что Петру не устоять въ борьбѣ съ Карломъ. А падетъ Петръ, падетъ вся Россія... Времена самозванцевъ на Руси были еще слишкомъ памятны. Что стало бы съ Россіей, если бы Карлъ одержалъ побѣду?!.. А Карлъ похвалялся стереть съ лица земли или, точнѣе, съ лица географической карты Россію, раздѣлить ее на части и отдать ихъ отдѣльнымъ лицамъ... И думалось Мазепѣ, что при помощи шведскаго короля онъ станетъ самодержавнымъ гетманомъ Малороссіи!.. Впрочемъ, онъ согласенъ былъ возвратить Малороссію и Польшѣ, выговоривши себѣ подъ властью ея особое владѣніе. Въ то время, когда Петръ надѣялся на Мазепу, какъ на каменную гору, — Мазепа рылъ ему яму; въ которую самъ же и попалъ...

Въ 1707 г. Карлъ двинулся на Россію. Дѣло было осенью, поэтому его не ожидали быстро. По всему было видно, что онъ идетъ на Москву черезъ Литву. Петръ принималъ мѣры, но дѣ-

лалъ это относительно покойно, не ожидая слишкомъ скораго появленія Карла. Карлъ же проходилъ по дорогамъ, немыслимымъ для перехода арміи, по болотамъ, трясинамъ и въ бродъ по грудь, и внезапно выросъ передъ войсками Репнина при Головчинѣ. Первымъ же натискомъ русскіе были разбиты: «многіе полки въ конфузію пришли въ томъ дѣлѣ, не исправили должности, покинули пушки, непорядочно отступили, иные и не бившись, а кокорые и бились, то не солдатскимъ, а казацкимъ боемъ». Результатомъ всего этого было 350 убитыми, 700 ранеными и до 700 плѣнныхъ русскихъ; шведовъ выбыло изъ строя несравненно меньше.

Карлъ страшно гордился этой побѣдой. Но и Петръ не потерялъ присутствія духа. Онъ писалъ: «Радуюсь, что мои русскіе до большой битвы обожглись на шведскомъ огнѣ»... По поводу пораженія царь назначилъ разслѣдованіе, по окончаніи коего разжаловалъ Репнина въ рядовые.

Скоро русскіе отплатили шведамъ за Головчино при Добромъ. Самъ Карлъ присутствовалъ при боѣ. Шведы потеряли убитыми до 2.000 человѣкъ, шесть знаменъ и три пушки. Царь писалъ: «Какъ началъ я служить, то такого порядочнаго огня и дѣйствія отъ своихъ солдатъ не видалъ, и король шведскій могъ видѣть, что мы русскіе,—уже не прежніе»...

Дѣйствительно, Карлъ убѣдился въ этомъ и воскликнулъ:

— Москвитяне насъ побѣждаютъ!

Карлъ пришелъ въ ярость и сталъ мстить. Близъ Смоленска онъ бросился на отрядъ русскихъ и едва не былъ убитъ. Рота солдатъ, окружившая короля, была изрублена. Подъ нимъ была убита лошадь, онъ дрался пѣшимъ и былъ спасенъ только подоспѣвшею помощью.

Это событіе, однако, не охладило короля. Онъ погнался за русскими, которые уходили на югъ, уничтожая все на пути и разрушая мосты и дороги. Положеніе арміи Карла было весьма непріятное. Ему пришлось гнаться за непріятелемъ осенью, по грязи, въ опустошенной мѣстности, безъ провіанта безъ лошадей и безъ теплой одежды. Карлъ началъ поджидать прибытія Левенгаупта съ подкрѣпленіями и обозами. Петръ рѣшилъ не допускать этого соединенія шведскихъ армій. Подъ Лѣсной царь самъ повелъ свое войско.

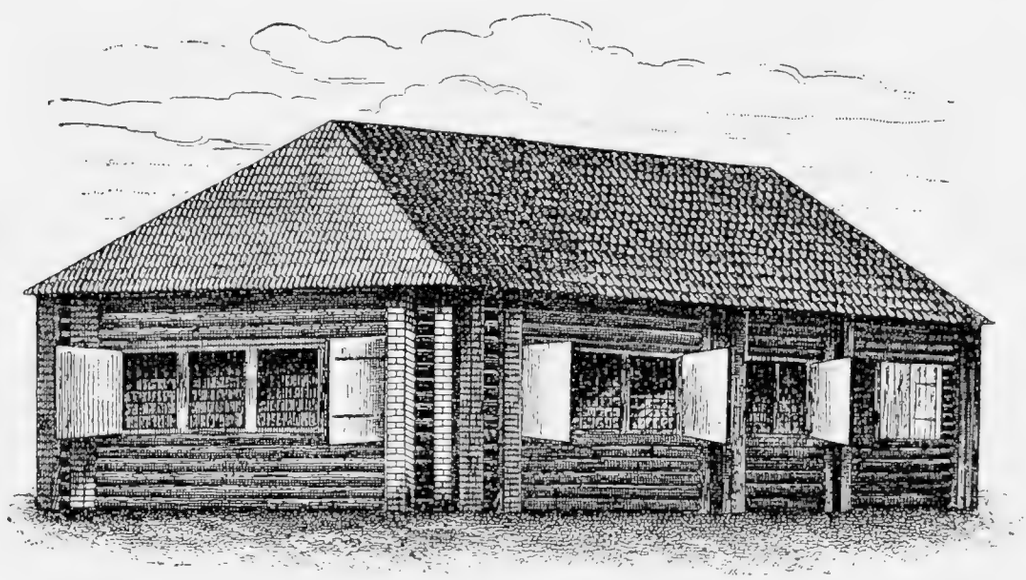
Двое сутокъ длилась ожесточенная битва. Дѣло подъ Лѣсной кончилось тѣмъ, что вмѣсто огромнаго обоза и свѣжей арміи, Левенгауптъ привелъ къ Карлу остатки разбитаго войска безъ всякаго обоза. Убито шведовъ 8.000, взято въ плѣнъ 900. Рус-

скимъ досталось 17 пушекъ, 44 знамени и до 7.000 повозокъ съ съѣстными припасами.

Можно было себѣ представить бѣшенство Карла, при прибытіи разбитаго Левенгаупта въ его голодный и изморепный лагерь... Теперь все спасеніе шведскій король возлагалъ на Мазепу.

А Петру уже донесли, что гетманъ измѣнилъ ему и перешелъ на сторону Карла. Правда, еще раньше Петру доносили о ненадежности Мазепы, но царь слишкомъ ему вѣрилъ и слишкомъ его любилъ. За доносъ жестоко пострадали полковники Кочубей и Искра. Теперь царь повѣрилъ факту и жестоко скорбѣлъ.

Прежде всего съ чрезвычайной быстротой по всей Малороссіи Мазепа былъ объявленъ измѣнникомъ родинѣ и царю. Съ та-



Домикъ Петра Великаго.

кою же быстротою былъ избранъ новый гетманъ, который призывалъ казаковъ немедленно сомкнуться на помощь государю противъ страшнаго врага.

Петръ зналъ, что малороссы — народъ добрый и религіозный. Исторія показала, какъ орлы Малороссіи за вѣру гибли въ Варшавѣ чуть не сотнями и какъ лучшихъ изъ вѣрныхъ дѣтей Малороссіи поляки четвертовали и истязали опять таки за приверженность православной вѣрѣ и русской народности. Царь приказалъ отлучить Мазепу отъ церкви и предать анаѳемѣ, при чемъ объявить эту анаѳему во всѣхъ церквахъ православныхъ и повторять ее изъ года въ годъ во всѣхъ храмахъ, пока св. церковь будетъ существовать, въ недѣлю православія. Прошли двѣ сотни лѣтъ послѣ смерти гетмана Мазепы, а слово Мазепа въ Малороссіи и понынѣ осталось самымъ ужаснымъ, позорнымъ прозвищемъ... Многіе сторонники Мазепы, какъ полков-

ники Апостолъ, Галлаганъ и др., явились съ повинною къ Петру. Самъ Мазепа скоро понялъ свою ошибку, но было поздно.

Ошибся и Карлъ. При входѣ въ Малороссію шведы и ихъ союзники были встрѣчены какъ враги. Положеніе арміи Карла въ Малороссіи было настолько печальнымъ, что король вынужденъ былъ прибѣгнуть къ великодушію Петра. Карлъ послалъ просить царя отпустить ему лѣкарствъ, въ которыхъ былъ большой недостатокъ въ шведской арміи. Царь приказалъ отпустить лѣкарствъ больше, чѣмъ просили.

Напрасно убѣждали Петра приближенные не дѣлать этого и не усиливать непріятеля. Петръ отвѣчалъ:

— Я воюю со шведами и изыскиваю всѣ средства ихъ погубить, но никогда не забуду чувства человѣколюбія.

— Я поступилъ бы иначе,—отвѣчалъ говорившій царю.

— И я, можетъ-быть, если бы не былъ царемъ.

Карлъ просилъ также о перемиріи и прекращеніи военныхъ дѣйствій въ зимнее время,—но въ этомъ Петръ ему рѣшительно отказалъ. Война продолжалась. Ни шведы ни русскіе не щадили другъ друга.

Полтавскій бой.

Наступила весна. Карлъ рѣшилъ овладѣть Полтавой. Осажденные защищались весьма упорно и ни за что не хотѣли сдаться живыми. Войска Петра начали стягиваться къ Полтавѣ. Однажды ночью, наѣхавъ на русскіе казацкіе аванпосты, Карлъ убилъ спавшаго казака. Остальные казаки дали залпъ и ранили короля въ колѣно. Это, однако, не смутило Карла. Онъ продолжалъ на носилкахъ появляться среди войскъ, распоряжаться и руководить всѣмъ.

Въ ночь на 27 іюня Петру донесли, что одинъ бѣглый полякъ изъ лагеря Карла говорилъ о приготовленіи шведовъ къ рѣшительному бою. Немедленно Петръ началъ готовить и свои войска. Главное командованіе онъ взялъ на себя.

Ведя войска на русскихъ, Карлъ былъ бодръ и веселъ. Его носили на носилкахъ между рядами и онъ, улыбаясь, говорилъ:

— Мы будемъ сегодня обѣдать у московскаго царя. Онъ много готовитъ намъ кушанья. Друзья! Я съ вами,—идите, куда ведетъ васъ слава!

Петръ говорилъ со своими войсками иначе:

— Воины, не за меня, за отечество, за церковь сражаетесь вы. Помните Бога, поборающаго въ правдѣ.

Его просили не рисковать собою.

— Обо мнѣ не думайте. Мнѣ не дорога жизнь. Была бы счастлива и славна Россія,—отвѣчалъ царь.

Въ два часа пополуночи, съ приближеніемъ шведовъ, загремѣли русскія пушки. Шведы шли непоколебимо. Ядра и картечи не остановили ихъ. Поражая штыками, бросались они на пушки, и два редута уже были въ ихъ рукахъ, когда конница шведская сразилась съ русской. Самъ король безстрашно присутствовалъ въ рядахъ своихъ воиновъ. Подъ его качалкой были убиты лошади. Подъ свистомъ пуль и грохотомъ ядеръ впрягли новыхъ.

Не падали духомъ и русскіе. Часть за частью, храбро выступали они и сражались со шведами. Петръ былъ всюду, все видѣлъ и всѣмъ распоряжался.

Скоро пушки смолкли. Ряды сошлись съ рядами и настала рукопашная битва на штыкахъ и сабляхъ. Около получаса бой былъ равный. Сначала дрогнули русскіе. Но явился Петръ, и силы возобновились. Шведы стали подаваться. Теперь ихъ одушевляла не мысль о побѣдѣ, а мысль о самозащитѣ. Вскорѣ шведы представляли нестройную толпу, тѣснимую со всѣхъ сторонъ. Войска всѣхъ національностей и всякаго рода оружія смѣшались и бросились во всѣ стороны. Русскіе всюду ихъ преслѣдовали и поражали. Казаки и калмыки долго преслѣдовали бѣжавшихъ.

Самъ Карлъ, окруженный горстью казаковъ—подъ предводительствомъ Мазепы и Потоцкаго, съ немногими поляками, едва спасся отъ плѣна, переѣхавъ за Днѣпръ. Обозъ и лагерь шведскій достались побѣдителямъ. Всѣ пушки и масса оружія также остались у русскихъ. Вся шведская армія, въ полномъ своемъ составѣ совершенно уничтожена. Убито 9.000 шведовъ. Въ плѣнъ попали первый министръ, фельдмаршалъ, четыре генерала, четыре полковника, 132 офицера, 2.277 солдатъ, не считая 2.874 человѣкъ нестроевыхъ. Русскимъ достались также королевская казна, гардеробъ короля, канцелярія его, докторъ и духовникъ короля. Самыми главными трофеями были пушки, 137 штандартовъ и знаменъ и генералы Рейншильдъ и Гамильтонъ.

Невыразимо радъ и счастливъ былъ Петръ своей побѣдѣ. Она дала русскимъ имя, честь и славу. Она дала имъ увѣренность и сознаніе своей силы и могущества.

— Здравствуйте дѣти,—говорилъ Петръ, обнимая и благодаря своихъ генераловъ и офицеровъ. — Благодарю васъ за подвиги, за побѣду. Богъ видѣлъ трудъ вашъ, и потомство не забудетъ васъ.

Передъ рядами собравшихся войскъ было вознесено благодарственное Господу Богу молебствіе, при пушечной стрѣльбѣ

Царь объѣзжалъ ряды воиновъ и благодарилъ ихъ. Угощеніе было наславу. Къ своему обѣду, кромѣ русскихъ генераловъ, главныхъ офицеровъ и чиновниковъ, царь пригласилъ шведовъ Пипера и Рейншильда и др. шведскихъ генераловъ, главныхъ офицеровъ и чиновниковъ. Онъ встрѣтилъ плѣнныхъ привѣтливо, безъ шляпы, возвратилъ имъ шпаги и былъ необыкновенно любезенъ съ ними.

За обѣдомъ Петръ провозгласилъ:

— Пью здоровье нашихъ учителей!

— Кого называете вы такимъ лестнымъ именемъ?—спросилъ его Рейншильдъ.

— Васъ, господа, васъ—шведовъ: вы научили насъ военному искусству!

— Плохо же вы заплатили за науку учителямъ вашимъ.

Карлъ былъ увезенъ насильно, почти въ безсознательномъ состояніи. Придя въ себя, онъ спросилъ:

— Гдѣ Пиперъ?

— Въ плѣну.

— А Рейншильдъ?

— Въ плѣну.

— А принцъ Виртембергскій?

— Въ плѣну.

— Куда мы ѣдемъ?

— Въ Турцію...

— Въ плѣну у русскихъ... въ Турцію...

Карлъ опять погрузился въ безпамятство.

Между тѣмъ царь прибылъ въ Полтаву. Тамъ онъ благодарилъ Господа за побѣду и наградилъ храбраго защитника Полтавы—Келина.

Явилось и 2.700 казаковъ, измѣнившихъ царю, и царь простилъ ихъ.

Вскорѣ и остальная горсточка шведовъ, прикрывавшихъ бѣгство Карла, была захвачена въ плѣнъ. При этомъ въ плѣну очутились Левенгауптъ, Кренцъ и Крузъ, два брата графы Дугласъ и графъ Банда, генералъ Штернъ, 10 полковниковъ, 12 подполковниковъ, 17 майоровъ... Всѣхъ плѣнныхъ шведовъ послѣ полтавской битвы было болѣе 20.000.

Полтавская битва много дала Россіи. Дала она ей устроенную, испытанную и крѣпкую армію, дала положеніе въ Европѣ царю и царству, дала славу и честь, укрѣпила за Россіей всѣ сдѣланныя до сихъ поръ земельныя пріобрѣтенія: часть Финляндіи, Эстляндію и Лифляндію. Петръ прочно стоялъ у моря и про-

рубленнаго имъ окна въ Европу. Царь достигъ того, чего искалъ, и даже больше того.

Карлъ же погубилъ себя и погубилъ свое дѣло. Онъ застрялъ надолго въ Турціи и окончательно потерялъ тамъ свою славу. Вскорѣ погибъ и Мазепа.

Видя полный успѣхъ Петра въ войнѣ со шведами и рѣшительное пораженіе Карла, Польша, Пруссія, Саксонія и Данія, разумѣется, захотѣли воспользоваться плодами трудовъ Петра. Онѣ немедленно предложили ему возобновленіе союза въ войнѣ со Швеціей. Петръ согласился. Устроивъ дѣла на югѣ, онъ двинулъ свою армію на сѣверъ. И пока союзники собрались и выступили, русскіе взяли Эльбингъ, Выборгъ, Ригу, Перновъ, Аренсбургъ, Кексгольмъ, Ревель и проч., при чемъ войска многихъ покоренныхъ городовъ поступали на царскую службу.

Швеція была истощена до крайнихъ предѣловъ. Шведы и ихъ правители пали духомъ. Король ихъ былъ далеко отъ своего королевства, но отъ власти не отказывался. Войска не было, а набрать его—не изъ кого.

Ништадтскій миръ.

Со смертью Карла XII и вступленіемъ на престолъ сестры его Элеоноры война со со швеціей возобновились.

Всѣ государства увидѣли, что Петръ своею сѣверною войною пріобрѣлъ отъ Швеціи столько, сколько никто не могъ и воображать. Россія становилась державой сильной и могущественной, съ нею приходилось считаться. Всѣ друзья Швеціи, и въ числѣ ихъ Англія, предложили ей свою помощь и услуги. Несмотря на это, и на морѣ и на сушѣ Россія наносила Швеціи жестокій уронъ.

Ведя опустошительную для Швеціи войну, Петръ не забывалъ и другихъ дѣлъ. Такъ, въ это время онъ старался утвердить союзъ съ Франціей и вполнѣ правильно понималъ, что этотъ союзъ выгоденъ одинаково, какъ для Франціи, такъ и для Россіи.

Разстроивъ жестоко свое здоровье, царь сознавалъ существенную необходимость въ лѣченіи минеральными водами. Но, въ виду военныхъ дѣйствій, онъ не хотѣлъ ѣхать ни въ Карлсбадъ, ни въ Спа, а поѣхалъ на свои Олонецкія желѣзныя воды. Пробывши тамъ шесть недѣль, царь получилъ значительное облегченіе и приказалъ опубликовать по всей имперіи о пользѣ, получаемой отъ лѣченія олонецкими желѣзными водами, предпочтительно передъ подобными же заграничными водами.

Наконецъ 30 августа 1721 года Швеція заключила съ Россіей миръ на тѣхъ условіяхъ, кои предложилъ еще ранѣе Петръ

Шведскія области—Лифляндія, Эстляндія, Ингерманландія и часть Финляндіи окончательно перешли къ Россіи.

Великую радость доставилъ этотъ миръ и Петру, и Петербургу, и всей Россіи. На церковное торжество по этому поводу къ Троицкому собору собралось несмѣтное число народа. Митрополитъ Стефанъ встрѣтилъ входившаго въ храмъ Петра словами:

— Вниди, побѣдитель и миротворецъ.

По совершеніи молебствія, при громѣ пушекъ и тысячныхъ кликахъ народа, Петръ вышелъ изъ церкви къ народу и сказалъ:

Набережная Васильевскаго острова 1716 г.

— Здравствуйте и благодарите Бога, православные. Богъ прекратилъ войну, которая продолжалась двадцать одинъ годъ, и даровалъ намъ счастливый миръ.

Поднялись новые клики народа, ружейные выстрѣлы и пушечный грохотъ. Народъ угощенъ былъ наславу.

Сподвижники Петра получили награды и великія царскія милости. Сознавая величіе подвиговъ царя, духовенство и чины государственные единодушно положили поднести ему отъ лица всей Россіи титулъ императора и наименованія — Великаго, Отца отечества. Долго царь не соглашался, но долженъ былъ сдаться на искреннюю всеобщую мольбу. Въ назначенный день собрались въ соборъ всѣ знатные люди и все высшее духовенство. Канцлеръ Головкинъ приблизился къ царю и просилъ его отъ имени всего

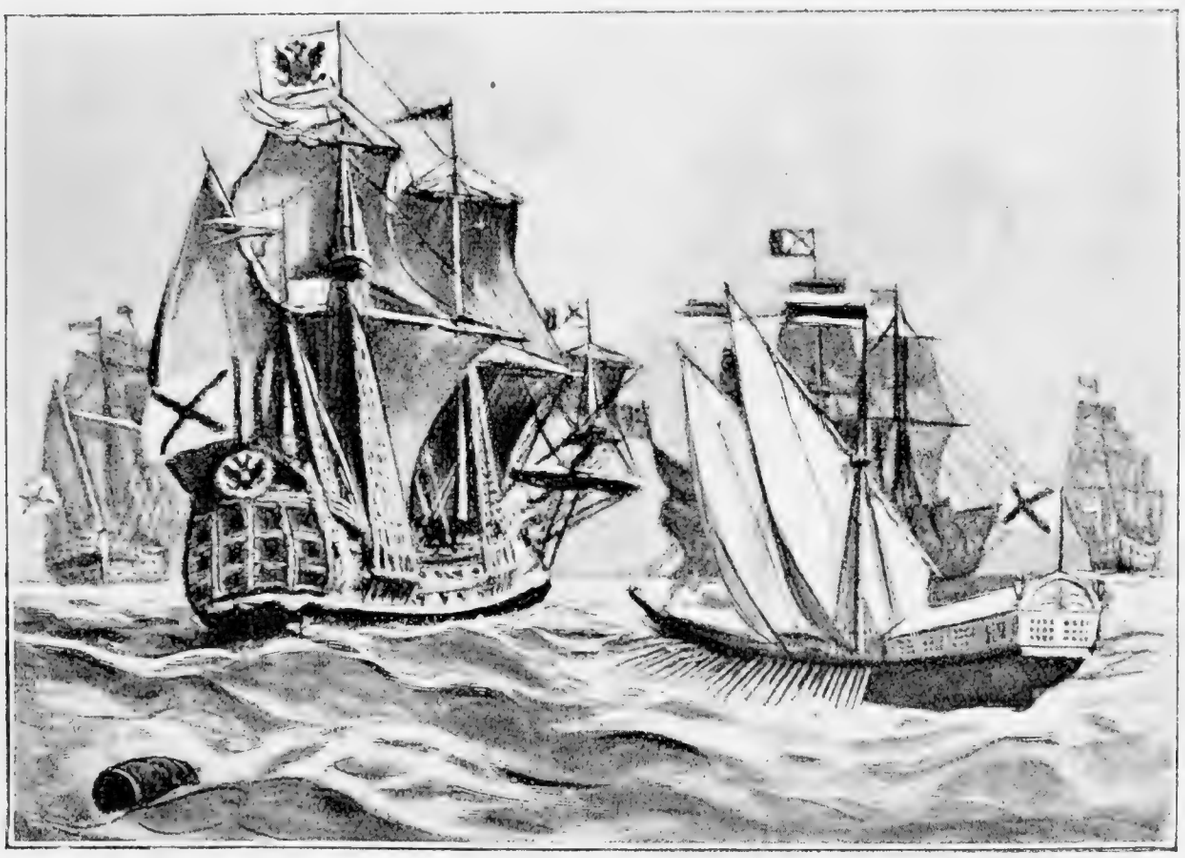
русскаго государства принять подносимыя народомъ наименованія: Императора, Великаго и Отца отечества.

— Тобой возведены мы изъ небытія въ бытіе, твоя отъ твоихъ, достойному достойное воздаемъ мы, — произнесъ Головкинъ!

Своды храма огласились кликами:

— Да здравствуетъ Петръ Великій, Императоръ Всероссійскій, Отецъ отечества.

Эти клики были подхвачены толпою народа, покрывавшаго площадь, крѣпость и оба берега Невы, и выстрѣлами изо всѣхъ



С. Пановъ. Флотъ Петра Великаго.

крѣпостныхъ пушекъ, со 125 галеръ, стоявшихъ на Невѣ, бѣглымъ огнемъ 29 полковъ, звономъ колоколовъ и звуками литавръ, трубъ и барабановъ.

— Друзья мои,—произнесъ растроганный императоръ,—убѣдитесь въ томъ, что не я моими слабыми силами, но Богъ все сотворилъ для насъ. Помните, что и теперь ослабѣвать въ средствахъ войны не должно и пользу общую надобно предпочитать своей.

Изъ „Полтавы“.

Богатъ и славенъ Кочубей.
Его луга необозримы;
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями,
Не златомъ, данью крымскихъ ордъ.
Не родовыми хуторами—
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.
Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ, тяжкій млат
Дробя стекло, куетъ булатъ.
Украйна глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась;
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазепы раздавался
Мятежный крикъ: «пора, пора!»
Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храня суровость обычайну,

Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
Молвѣ, казалось, не внималъ,
И равнодушно пировалъ.
Такъ, было время: съ Кочубеемъ
Былъ другъ Мазепа; въ оны дни,
Какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ,
Дѣлились чувствами они.
Ихъ кони по полямъ побѣды
Скакали рядомъ сквозь огни;
Нерѣдко долгія бесѣды
Наединѣ вели они
Предъ Кочубеемъ гетманъ скрытный
Души мятежной, ненасытной
Отчасти бездну открывалъ
И о грядущихъ измѣненьяхъ,
Переговорахъ, возмущеньяхъ
Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимый
Бѣжитъ въ степи необозримой?
Казакъ на сѣверъ держитъ путь.
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.
Какъ стекло булатъ его блеститъ,
Мѣшокъ за пазухой звенитъ,
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бѣжитъ, размахивая гривой.
Червонцы нужны для гонца,
Булатъ — потѣха молодца,
Ретивый конь — потѣха тоже,
Но шапка для него дороже,
За шапку онъ оставить радъ
Коня, червонцы и булатъ,
Но выдастъ шапку только съ бою,
И то лишь съ буйной головою
Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ.
Доносъ на гетмана-злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Серебристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой Церковью сіяетъ
И пышныхъ гетмановъ сады,
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ, размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему?—желанный сонъ!
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый
Дрема долитъ. Но, Боже правый,
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
Какъ безсловесное созданье!
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье!
Утратить жизнь — и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!...
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ.
И для чего? —
Но ключъ въ заржавомъ

Замкѣ гремитъ — и, пробужденъ,
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста,
Грѣховъ могучихъ разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, — да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ,
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,—
Онъ гостя узнаетъ иного—
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И, отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
«Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?»

Орликъ: Допросъ не конченъ; отвѣчай

Кочубей: Я отвѣчалъ уже; ступай,
Оставь меня.

Орликъ: Еще признанья
Панъ гетманъ требуетъ.

Кочубей: Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ.
Я строю козни. Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

Орликъ: Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ;
Мы знаемъ: не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую —
Таковъ законъ. Я указую

Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?
Кочубей: Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой честь была —
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый —
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ —
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ: святую месть, —
Ее готовлюсь Богу снесть.
Орликъ: Старикъ, оставь пустыя бредни:
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?
Кочубей: Злой холопъ!
Окончишь ли допросъ нелѣпый?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.
Съ собой возьмите дочь мою —
Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.
Орликъ: Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь? — Деньги гдѣ? скажи.
Или выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей, палачъ!

———

Души глубокая печаль
Стремится дерзновенно въ даль
Вождю Украйны не мѣшаетъ.
Твердѣя въ умыслѣ своемъ,

Онъ съ гордымъ шведскимъ королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,
На ложѣ мнимаго мученья
Стоная, молитъ исцѣленья.
Плоды страстей, войны, трудовъ,
Болѣзни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бренный міръ оставить;
Святой обрядъ онъ хочетъ править,—
Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины,
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течетъ.

Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждала всечасно,
Средь старыхъ вражескихъ могилъ
Готовя шведамъ тризну тайну.
Внезапно Карлъ поворотилъ
И перенесъ войну въ Украйну.

И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилый,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ—мощный врагъ Петра;
Теперь онъ, бодрый, предъ полками
Сверкаетъ гордыми очами
И саблей машетъ — и къ Деснѣ
Проворно мчится на конѣ.

И вѣсть на крыльяхъ полетѣла;
Украйна смутно зашумѣла:
«Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный». Пламя пышетъ,
Встаетъ кровавая заря
Войны народной.

Кто опишетъ.
Негодованье, гнѣвъ царя?
Гремитъ анаѳема въ соборахъ;

Мазепы ликъ терзаетъ катъ[1]);
На шумной радѣ, въ вольныхъ спорахъ
Другого гетмана творятъ.
Съ береговъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью и добромъ.

Горитъ востокъ зарею новой;
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью,
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры... Онъ прекрасенъ, —

---

[1]) Палачъ.

Онъ весь какъ Божія гроза...
Идетъ... Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ,
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
Равняясь, строятся полки;
Молчитъ музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ
Прервали свой голодный ревъ;
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье:
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье..
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины —
И грянулъ бой, полтавскій бой!
Надъ павшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ,

Бой барабанный, клики, скрежетъ;
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы;
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ:
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.
Но гдѣ жъ Мазепа? Гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхѣ?
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ?
Верхомъ, въ глуши степей нагихъ
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ... Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.
Онъ рану тяжкую свою,
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ;
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Петербургъ при Петрѣ.

(Изъ дневника фрейлины).

Раздался пушечный выстрѣлъ, и мы должны были спѣшить собираться на увеселительную прогулку по Невѣ — «водяную ассамблею».

Здѣсь такъ заведено, что по выстрѣлу и флагамъ, вывѣшеннымъ въ разныхъ концахъ города, всѣ барки, яхты и другія суда должны собираться у крѣпости. За неявку — штрафъ.

Мы тотчасъ отправились на нашемъ буерѣ съ десятью гребцами, и долго разъѣзжали съ прочими лодками взадъ и впередъ

по Невѣ, постоянно слѣдуя за адмираломъ, не смѣя ни отставать, ни обгонять, тоже подъ штрафомъ — здѣсь штрафы на все.

Играла музыка, трубы и волторны. Звуки повторяло эхо крѣпостныхъ бастіоновъ.

Холодная, блѣдноголубая рѣка съ плоскими берегами, блѣдноголубое какъ ледъ, прозрачное небо, сверканіе золотого шпица на церкви Петра и Павла, деревянной, выкрашенной въ желтую краску, «подъ мраморъ», унылый бой курантовъ — все наводило грусть, особенную, какой никогда нигдѣ я не испытывала, кромѣ этого города.

Между тѣмъ видъ его довольно красивъ. Вдоль низкой набережной, убитой черными смоленными сваями, — блѣдно-розовые кирпичные дома, похожіе на голландскія кирки, съ острыми шпицами, слуховыми окнами на высокихъ крышахъ и огромными рѣшетчатыми крыльцами. Подумаешь, настоящій городъ. Но тутъ же рядомъ—бѣдныя лачужки, крытыя дерномъ и берестою; дальше—топь да лѣсъ, гдѣ еще водятся олени и волки. На самомъ взморьѣ—вѣтряныя мельницы, точно въ Голландіи. Кажется, спишь и видишь небывалый городъ во снѣ.

Царь со всѣмъ своимъ семействомъ въ особомъ буерѣ стоялъ у руля и правилъ. Царицы и принцессы въ канифасныхъ кофточкахъ, красныхъ юбкахъ и круглыхъ клеенчатыхъ шляпахъ — все «на голландскій манеръ» — настоящіе саардамскія корабельщицы. «Я пріучаю семейство мое къ водѣ,—говоритъ царь,—кто хочетъ жить со мною, тотъ долженъ бывать часто на морѣ».

Каналовъ здѣсь множество. «Если Богъ продлитъ мнѣ жизнь и здравіе, Петербургъ будетъ другой Амстердамъ!» — говорилъ царь.

У царя страсть къ прямымъ линіямъ; все прямое, правильное кажется ему прекраснымъ. Если бы возможно было, онъ построилъ бы весь городъ по линейкѣ и циркулю. Жителямъ указано «строиться линейно, чтобы никакое строеніе за линію или изъ линіи не строилось, но чтобъ улицы и переулки были ровны и изрядны». Дома, выходящіе за прямую линію, ломаютъ безжалостно.

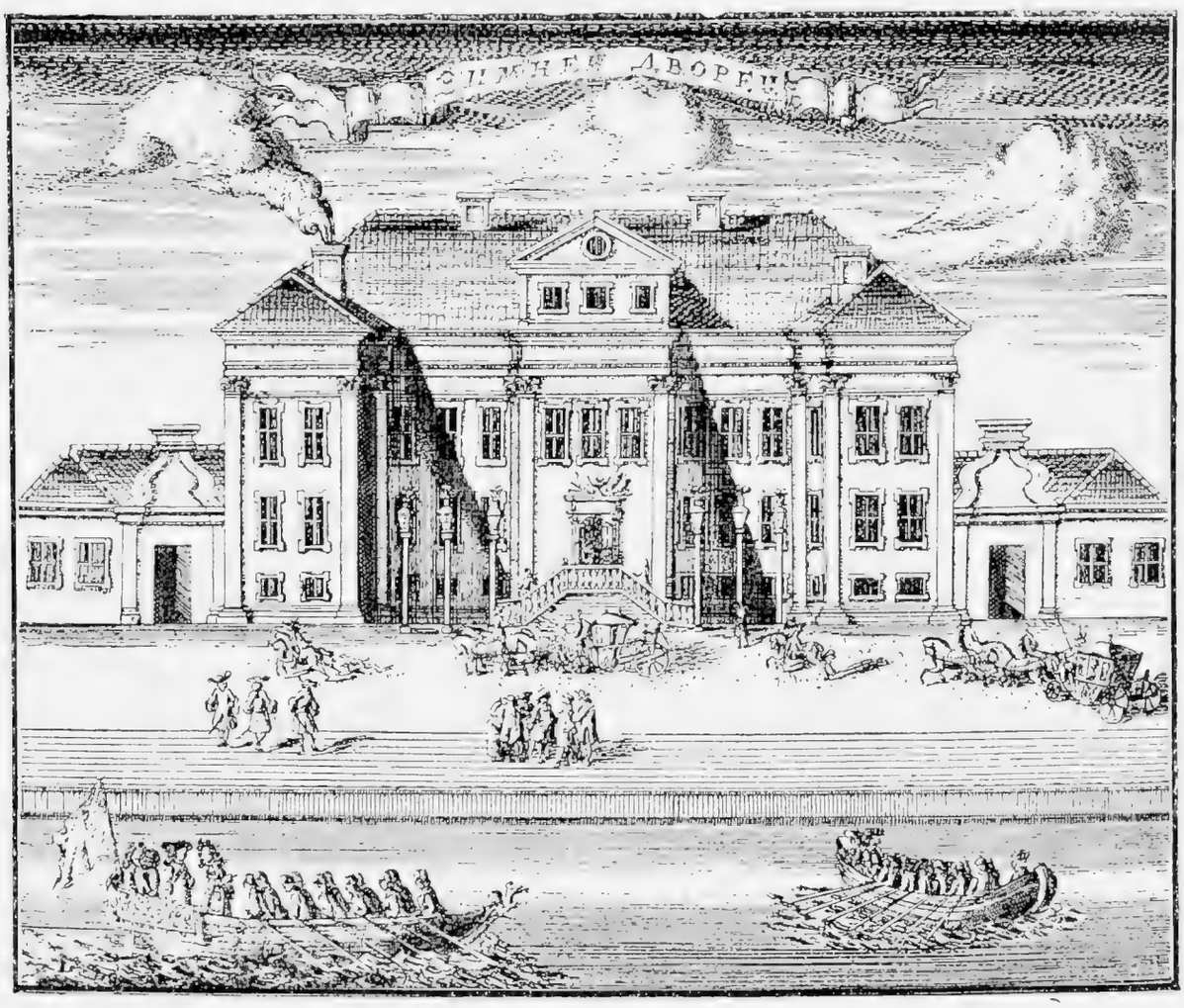
Гордость царя—безконечно длинная, прямая, пересѣкающая весь городъ, «Невская першпектива». Она совсѣмъ пустынна среди пустынныхъ болотъ, но уже обсажена тощими липками въ три, четыре ряда, и похожа на аллею. Содержится въ большой чистотѣ: каждую субботу подметаютъ ее плѣнные шведы.

Многіе изъ этихъ воображаемыхъ улицъ—почти безъ домовъ. Торчатъ только вѣхи. На другихъ, уже обстроенныхъ, видны слѣды плуговъ, борозды недавнихъ пашенъ.

Дома возводятся, хотя изъ кирпичей, но такъ поспѣшно и непрочно, что грозятъ паденіемъ. Когда проѣзжаютъ по улицѣ, они трясутся: болотистая почва слишкомъ зыбка. Враги царя предсказываютъ, что когда-нибудь весь городъ провалится.

Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, старый баронъ, разсказывалъ намъ много любопытнаго объ основаніи города.

Для возведенія первыхъ земляныхъ валовъ Петропавловской крѣпости нужна была сухая земля, а ея поблизости не было — все болотная тина да мохъ. Тогда придумали таскать къ бастіо-



Первый зимній дворецъ Петра Великаго. Рисунокъ 1717 года.

намъ землю изъ дальнихъ мѣстъ въ старыхъ куляхъ, рогожахъ и даже просто въ полахъ платья. При этой работѣ двѣ трети несчастныхъ погибло. По цѣлымъ мѣсяцамъ не видали они хлѣба, котораго, впрочемъ, иногда и за деньги трудно достать въ этомъ пустынномъ краѣ; питались капустой да рѣпой, мерзли въ землянкахъ, подобныхъ звѣринымъ норамъ.

Вернувшись домой, сѣла писать дневникъ въ моей крошечной комнаткѣ, настоящей птичьей клѣткѣ, въ мезонинѣ, подъ самою крышею.

Было душно. Я открыла окно. Запахло весенней водою, дегтемъ, сосновыми стружками. На самомъ берегу Невы двое плотниковъ, молодой и старый, чинили лодку. Слышался стукъ молотковъ и протяжная пѣсня, которую пѣлъ молодой очень медленно, повторяя все одно и то же. Вотъ нѣсколько словъ этой пѣсни, насколько я могла ихъ разслышать:

Какъ въ городѣ, во Санктъпитерѣ,
Какъ на матушкѣ, на Невѣ-рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ,
Молодой матросъ корабли снастилъ.

Старое Адмиралтейство и церковь Исаакія Далматскаго. Рисунокъ 1725 года.

Пиръ Петра Великаго.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ:
Въ царскомъ домѣ пиръ весе-
лый;
Рѣчь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.
Что пируетъ царь великій
Въ Питербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики,
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій
флагъ?
Побѣжденъ ли шведъ суровый?
Мира ль проситъ грозный
врагъ?
Иль въ отъятый край у шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ навстрѣчу дѣда
Всей семьей нашъ юный флотъ'
И воинственные внуки

Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣснъ хоръ и пушекъ громъ?
Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ государь —
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла русскій царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?
Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.
Оттого-то шумъ и клики
Въ Питербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Личность Петра Великаго.

Великанъ ростомъ—Петръ всюду выдѣлялся изъ толпы. Будучи силачомъ отъ природы, онъ еще развилъ свою силу постоянными работами съ топоромъ и молотомъ. Онъ могъ свертѣть въ трубку серебряную тарелку и перерѣзать ножомъ кусокъ сукна на лету.

Онъ росъ въ дорогѣ или въ работѣ. Онъ исколесилъ Русь изъ конца въ конецъ, и это всегдашнее движеніе развило въ немъ большую подвижность; торопливость стала его привычкой, у него явилась потребность въ смѣнѣ мѣстъ. Онъ вѣчно спѣшилъ и спутники еле поспѣвали бѣгомъ за его обычной походкой. Сидѣть на мѣстѣ онъ не могъ. Если онъ не бѣгалъ, не спалъ, не пировалъ или не осматривалъ чего-нибудь, то онъ строилъ. Онъ любилъ ручной трудъ; ему все хотѣлось сработать самому, это развило въ немъ большую смѣтливость, и онъ быстро усвоялъ незнакомую работу. Къ двадцати пяти годамъ онъ зналъ 14 ремеслъ, а позднѣе на любой фабрикѣ былъ, какъ дома. Выше всего для него было корабельное мастерство. Никакое государственное дѣло не могло удержать его отъ работы на верфи; онъ считался лучшимъ корабельнымъ мастеромъ въ Россіи. Онъ могъ самъ построить весь корабль.

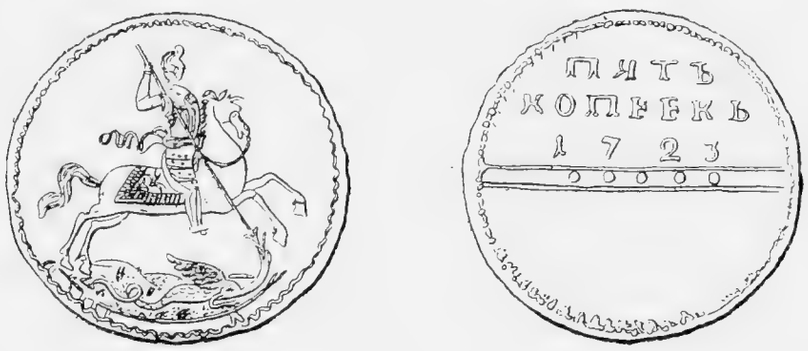
Онъ старался жить просто и дешево, ходилъ въ стоптанныхъ башмакахъ и штопаныхъ чулкахъ. Дома принималъ въ старомъ халатѣ, ходилъ въ плохомъ кафтанѣ и ѣздилъ на плохой парѣ въ скверномъ кабріолетѣ. Въ особенныхъ случаяхъ бралъ экипажъ напрокатъ. По древне-русской привычкѣ онъ не любилъ высокихъ

комнатъ и жилъ въ Петербургѣ въ плохонькомъ деревянномъ домикѣ; тамъ же онъ построилъ Зимній и Лѣтній дворцы съ тѣсными комнатами. Въ гостяхъ Петръ садился на первое свободное мѣсто, снималъ кафтанъ, если ему было жарко. На ассамблеяхъ онъ запросто игралъ въ шахматы съ иноземными матросами. Онъ не терпѣлъ хитрости въ другихъ и требовалъ прежде всего дѣла.

Утро Петра Великаго.

Петръ всталъ рано. Ноябрьское черное утро глядѣло въ окна. При свѣтѣ сальнаго огарка, въ ночномъ колпакѣ, халатѣ и кожаномъ передникѣ, какъ у ремесленниковъ, царь сидѣлъ за токарнымъ станкомъ и точилъ изъ кости паникадило въ церковь Петра и Павла.

Въ половинѣ пятаго пришелъ секретарь Макаровъ. Царь сталъ къ орѣховой конторкѣ, очень высокой и началъ диктовать указы.



Пятачокъ 1723 года.

Онъ продиктовалъ указъ:

— Въ городахъ и уѣздахъ по улицамъ пометный негодный всякій холстъ и лоскутья сбирая, присылать въ Санктпетербургскую канцелярію, а тѣмъ людямъ, кто что онаго собравъ объявитъ, платить по осьми денегъ за пудъ.

Эти лоскутья должны были итти на бумажныя фабрики.

Заглянулъ въ аспидную доску, которую вѣшалъ съ грифелемъ на ночь у изголовья постели, чтобы записывать, просыпаясь, приходившія ему въ голову мысли о будущихъ указахъ. Въ ту ночь было записано:

— Гдѣ класть навозъ? Не забывать о Персіи. О рогожахъ.

Началъ диктовать указы о замѣнѣ рогожныхъ мѣшковъ для сухарей — волосяными; о сбереженіи свинцовыхъ пулекъ при ученіи солдатъ стрѣльбѣ; о сохраненіи лѣсовъ.

Перелистывалъ записную книжку, провѣряя, не забылъ ли чего-нибудь нужнаго.

Въ шесть часовъ утра сталъ одѣваться. Натягивая чулки, замѣтилъ дыру. Присѣлъ, досталъ иголку съ клубкомъ шерсти и принялся чинить.

Потомъ выпилъ анисовой водки съ кренделемъ, закурилъ трубку, вышелъ изъ дворца, сѣлъ въ одноколку съ фонаремъ, потому что было еще темно, и поѣхалъ въ Адмиралтейство.

Игла Адмиралтейства въ туманѣ тускло рдѣла отъ пламени пятнадцати горновъ. Недостроенный корабль чернѣлъ голыми ребрами. Якорные канаты тянулись, какъ змѣи. Визжали блоки, гудѣли молоты, грохотало желѣзо, кипѣла смола.

Петръ обходилъ и осматривалъ все.

Провѣрялъ въ Оружейной палатѣ, точно ли записанъ калибръ чугунныхъ ядеръ и гранатъ, сложенныхъ пирамидами подъ кровлями, исполненъ ли указъ о пушкахъ.

По запаху различалъ достоинство моржоваго сала, наощупь— легкость парусныхъ полотенъ. Говорилъ съ мастерами:

— Дубъ надлежитъ въ дѣло самый добрый зеленецъ, видомъ бы просинь, а не красенъ былъ. Изъ такого дуба корабль уподобится желѣзному.

Всюду слышались окрики царя на поставщиковъ и подрядчиковъ:

Длинныхъ разговоровъ не терпѣлъ.

Узнавъ, что на нѣсколькихъ судахъ «солонина явилась гнилая, пять недѣль однихъ снятковъ ржавыхъ и воду солдаты употребляли, отчего 1.000 человѣкъ заболѣло», разгнѣвался не на шутку.

— Ежели впредь такъ станешь глупо дѣлать, то не пеняй, что на старости лѣтъ обезчещенъ будешь!—закричалъ онъ на стараго капитана.

— Никогда бъ я отъ тебя того не чаялъ,—прибавилъ уже тихо, съ такимъ упрекомъ, что виновному было бы легче, если бы царь его ударилъ.

Въ своей одноколкѣ Петръ ѣхалъ по набережной въ Лѣтній дворецъ, гдѣ въ тотъ годъ зажился до поздней осени, потому что въ Зимнемъ шли перестройки.

Куранты за Невою пробили одиннадцать. Казалось, дня совсѣмъ не будетъ. Шелъ снѣгъ съ дождемъ. Лошадиныя копыта шлепали по лужамъ; колеса брызгали грязью.

Когда въѣхали на деревянный подъемный мостикъ, изъ Лѣтняго сада запахло сыростью и гнилыми листьями — садовники въ аллеяхъ сметали ихъ метлами въ кучи.

Межъ черныхъ мокрыхъ стволовъ мелькнули желтыя стѣны голландскаго домика съ желѣзною крышею шашечками, жестянымъ флюгеромъ въ видѣ Георгія Побѣдоносца.

Во дворцѣ пахло кислыми щами. Щи готовились къ обѣду. Петръ любилъ ихъ такъ же, какъ другія простыя солдатскія кушанья.

Въ столовую черезъ окно прямо изъ кухни подавались блюда быстро, одно за другимъ — царь не охотникъ былъ долго сидѣть за столомъ — кромѣ щей и каши, устрицы, студень, салакуша, жареная говядина съ огурцами и солеными лимонами, утиныя ножки въ кисломъ соусѣ. Онъ вообще любилъ кислое и соленое; сладкаго не терпѣлъ. Послѣ обѣда — орѣхи, яблоки, сыръ. Для питья квасъ и красное французское вино. Прислуживалъ одинъ только денщикъ.

Къ обѣду, какъ всегда, приглашены были гости: Яковъ Брюсъ, какой-то англійскій шкиперъ, и фрейлина Гамильтонъ.

Петръ обратился къ Якову Брюсу и заговорилъ объ астрономіи, о пятнахъ на солнцѣ, которыя видны въ зрительную трубу, ежели покоптить ближайшее ко глазу стекло, и о предстоящемъ солнечномъ затменіи. Такъ увлекся разговоромъ, что не обращалъ ни на что вниманія до конца обѣда. Тутъ же, за столомъ, вынувъ изъ кармана памятную книжку, записалъ:

«Объявлять въ народъ о затменіяхъ солнечныхъ, дабы въ чудо не ставили».

Послѣ обѣда Петръ всталъ изъ-за стола и вышелъ въ сосѣднюю комнату.

Онъ сѣлъ въ кресло у топившагося камина, надѣлъ круглые желѣзные очки, закурилъ трубку и началъ просматривать новые голландскіе куранты, отмѣчая карандашемъ на поляхъ, что надо переводить въ «Вѣдомости.»

Александръ Даниловичъ князь Меншиковъ.

Свѣтлѣйшій князь, герцогъ Ижорскій и Козельскій, генералиссимусъ всѣхъ сухопутныхъ россійскихъ войскъ, отъ флота адмиралъ, первый членъ верховнаго тайнаго совѣта, генералъ-губернаторъ петербургскій, Меншиковъ, не получилъ никакого образованія, не зналъ ни одного иностраннаго языка, даже худо зналъ русскую грамоту и едва подписывалъ свое имя. Всѣмъ одолженъ онъ былъ только природному уму своему и обширнымъ дарованіямъ, замѣнявшимъ ему науку и образованность. Усердіе къ царю-благодѣтелю и неутомимый трудъ—были безспорными заслугами Меншикова.

Любя роскошь и великолѣпіе, Меншиковъ ничего не щадилъ на украшеніе великолѣпныхъ дворцовъ своихъ, богатство одежды

и экипажей, многочисленную прислугу, но онъ любилъ науку и просвѣщеніе, понималъ пользу ихъ и стоялъ впереди всѣхъ тѣхъ, кто помогалъ преобразованіямъ Петра Великаго.

Лучше Меншикова никто не умѣлъ постигать каждой мысли Петра Великаго и исполнять воли его.

Сынъ придворнаго конюха, въ дѣтствѣ отданный въ ученье къ пирожнику, разнося по Москвѣ пирожки и торгуя ими, какъ бойкій, расторопный и остроумный мальчикъ, онъ своими остроумными шутками и прибаутками обратилъ на себя вниманіе Лефорта, любимца императора Петра. Находясь впослѣдствіи въ услуженіи у Лефорта, Меншиковъ имѣлъ случай понравиться царю; царь взялъ «Алексашу» къ себѣ на должность денщика. Денщики были самые близкіе люди молодого царя, часто исполняли личныя его порученія. Въ азовскомъ походѣ Петръ и Меншиковъ жили вмѣстѣ въ одной палаткѣ. Когда царь обучался въ Голландіи корабельному мастерству, вмѣстѣ съ нимъ и Меншиковъ получилъ аттестатъ на знаніе плотника. При взятіи Петромъ Шлиссельбурга, Меншиковъ при штурмѣ крѣпости выказалъ особенную храбрость, за что былъ назначенъ ея комендантомъ. За одержанную морскую побѣду пожалованъ орденомъ Андрея Первозваннаго и назначенъ губернаторомъ вновь завоеваннаго края и строющагося г. Петербурга. За отличіе въ битвѣ при Полтавѣ Меншиковъ получилъ званіе фельдмаршала.

Съ тѣхъ поръ онъ принималъ участіе во всѣхъ дѣлахъ и заботахъ государя; въ его рукахъ сосредоточивалось множество канцелярій и учрежденій всякаго рода. Сдѣлавшись первымъ богачомъ Россіи, онъ, съ цѣлью наживы, заводитъ фабрики, занимается заграничной торговлей, становится главой всевозможныхъ компаній, притѣсняетъ купцовъ и, наконецъ, беретъ, гдѣ только можетъ, взятки, и даже присвоиваетъ себѣ казенныя деньги.

Послѣ кончины Петра, Меншиковъ входитъ въ силу. Императрица Екатерина, вдова Петра Великаго, умирая, оставила завѣщаніе, по которому наслѣдникомъ престола назначался 12-лѣтній великій князь Петръ Алексѣевичъ, съ тѣмъ, чтобы онъ женился на дочери Меншикова — Маріи Александровнѣ; на время его малолѣтства, во главѣ сталъ Меншиковъ, какъ будущій тесть императора.

Въ юномъ императорѣ Меншиковъ видѣлъ только 12-лѣтняго мальчика, отъ котораго можно требовать повиновенія, а потому позволялъ себѣ отмѣнять его распоряженія. Однажды цехъ петербургскихъ каменщиковъ поднесъ императору въ подарокъ 9 тысячъ червонцевъ, а тотъ, желая порадовать любимую сестру, отправилъ къ ней деньги съ однимъ изъ придворныхъ. Но по-

В. И. Суриковъ. Меньшиковъ въ Березовѣ.

сланный встрѣтился съ Меншиковымъ, который, узнавъ въ чемъ дѣло, замѣтилъ: «Государь еще очень молодъ и не знаетъ, на что слѣдуетъ употреблять деньги; отнесите ихъ ко мнѣ, я увижусь съ государемъ и поговорю съ нимъ». Узнавъ объ этомъ, Петръ пришелъ въ страшный гнѣвъ. Онъ немедленно послалъ за княземъ и съ запальчивостью закричалъ на него: «Я научу тебя, что я императоръ, что мнѣ надо повиноваться!» Враги Меншикова воспользовались недовольствомъ Петра, и вскорѣ послѣдовала ссылка его со всѣмъ семействомъ въ Сибирь. При этомъ у него было отобрано 90 тыс. душъ крестьянъ, 4 милл. рублей наличныхъ денегъ, капиталовъ въ разныхъ заграничныхъ банкахъ на 9 милл., брильянтовъ и драгоцѣнныхъ вещей на 1 милл., 72 дюж. серебрянныхъ тарелокъ и столовыхъ приборовъ и 105 пуд. золотой посуды.

Гордый, алчный во времена своего величія, Меншиковъ сдѣлался теперь смиреннымъ, и переносилъ свое несчастіе съ замѣчательной твердостью. «Богъ смирилъ меня!»—повторялъ онъ.

Поселенный въ г. Березовкѣ, въ 1.066 верстахъ отъ Тобольска, Меншиковъ изъ отпускавшихся на содержаніе его и семьи денегъ скопилъ небольшую сумму, на которую построилъ деревянную церковь. Онъ самъ работалъ съ плотниками, рубилъ бревна, копалъ землю и устраивалъ внутреннія украшенія. Когда постройка церкви была окончена, онъ принялъ на себя должность дьячка, пѣлъ на клиросѣ, звонилъ въ колокола, говорилъ прихожанамъ назидательныя поученія.

Онъ скончался 56 лѣтъ отъ роду, и похороненъ близъ алтаря построенной имъ церкви.

Никита Антуфіевичъ Демидовъ.

Никита Антуфіевичъ былъ крестьянинъ, уроженецъ теперешней Тульской губерніи. При первомъ петровскомъ рекрутскомъ наборѣ, опасаясь попасть въ число служивыхъ, онъ пришелъ на тульскіе заводы, имѣя лѣтъ 20 отъ роду, опредѣлился тамъ къ кузнецу и работалъ у него за одинъ алтынъ въ недѣлю. Скоро Никита завелъ въ Тулѣ свою небольшую фабрику. Въ 1699 году Петръ Великій, проѣзжая черезъ Тулу въ Воронежъ, гдѣ тогда готовился флотъ для Азова, созвалъ тульскихъ кузнецовъ, показалъ купленную имъ у иностранцевъ алебарду и, отъѣзжая, заказалъ мастеру Демидову, котораго зналъ за отличнаго кузнеца, сдѣлать триста такихъ же. По прошествіи мѣсяца Демидовъ привезъ въ Воронежъ сдѣланныя имъ по иностранному образцу алебарды. Царь заплатилъ ему втрое противъ того, чего онѣ ему

стали, одарилъ его серебрянымъ ковшомъ, нѣмецкимъ сукномъ на платье, и обѣщалъ на возвратномъ пути къ нему заѣхать, что и исполнилъ. При этомъ послѣднемъ посѣщеніи царь осмотрѣлъ фабрику Демидова и заказалъ ему нѣсколько ружей по иностраннымъ образцамъ, и когда эти *первыя русскія ружья* были готовы, царь пожаловалъ ему сто рублей, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ: «Постарайся, Демидычъ, распространить фабрику свою, а я тебя не оставлю». Демидовъ устроилъ скоро на рѣкѣ Тулицѣ чугуноплавильную домну (печь) и желѣзный заводъ, на которыхъ сталъ работать артиллерійскіе снаряды. Когда Демидовъ первые 5.000 пудовъ чугунныхъ и военныхъ припасовъ привезъ въ московскій артиллерійскій приказъ, Петръ велѣлъ ему заплатить втрое противъ того, что платилось иностранцамъ, и даровалъ ему грамоту на распространеніе завода. Въ 1699 году Демидовъ былъ посланъ съ другими мастерами въ Сибирь для устройства тамъ желѣзнаго завода на р. Невьѣ. Въ 1700 году этотъ заводъ былъ уже въ дѣйствіи. Демидовъ, возвратясь въ Тулу, продолжалъ трудиться и совершенствовать свое дѣло. Онъ построилъ въ Тулѣ большой желѣзный заводъ, изъ котораго поставлялъ въ пушкарскій приказъ всякіе военные снаряды, взимая съ пуда только по двѣнадцати копеекъ. Двадцать лѣтъ продолжалась война съ Швеціей, и все это время Демидовъ не переставалъ снабжать артиллерію орудіями, довольствуясь половиннымъ платежомъ противъ другихъ заводчиковъ. Получивъ отъ государя земли въ Сибири, съ правомъ распространять ихъ покупкой, онъ построилъ нѣсколько желѣзныхъ заводовъ и одинъ, мѣдный въ Пермской губерніи. Демидовъ, занимаясь устройствомъ собственныхъ дѣлъ, продолжалъ при всякомъ случаѣ облегчать и расходы казны. Такъ, онъ взялъ поставку корабельнаго лѣса изъ Казанской губерніи въ петербургское адмиралтейство и тѣмъ значительнымъ образомъ понизилъ цѣны на этотъ предметъ. Петръ Великій возвелъ его съ потомствомъ въ дворянское достоинство. Поощряя Демидова къ полезнымъ для государства открытіямъ, царь прислалъ ему портретъ свой при слѣдующемъ письмѣ: «Демидовъ! Я заѣхалъ зѣло въ горячую сторону; велитъ ли Богъ видѣться? Сего ради посылаю къ тебѣ мою персону; лей больше пушкарскихъ снарядовъ и отыскивай, по обѣщанію, серебряную руду». Скромность была отличительною чертой характера Демидова; онъ рѣшительно отказался отъ предложенныхъ ему монархомъ чиновъ и достоинствъ, и съ великимъ трудомъ заставили его принять дворянство. О богатствѣ Никиты Акинфіевича можно судить также и по сдѣланному имъ, въ 1715 году, подарку на зубокъ государынѣ, когда родился царевичъ Петръ

Петровичъ: кромѣ золотыхъ сибирскихъ вещей, онъ поднесъ ея величеству сто тысячъ рублей, разумѣется, мѣдныхъ, — сумму въ тогдашнее время равнявшуюся нынѣшнему милліону рублей серебромъ.

М. В. Ломоносовъ.

Первый русскій ученый Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

Деревня Денисовка расположена на одномъ изъ острововъ, которые образуетъ въ своемъ устьѣ Сѣверная Двина, раздѣляющаяся здѣсь на нѣсколько рукавовъ.

Денисовскіе крестьяне всѣ рыболовы. Василій Дорофеевъ Ломоносовъ былъ однимъ изъ зажиточныхъ денисовскихъ крестьянъ, онъ былъ женатъ на дочери діакона; жена его была грамотна, что въ то время было большой рѣдкостью. Она умерла молодой, оставивъ сиротой двухлѣтняго Мишу — будущаго ученаго. Василій Дорофеевъ вскорѣ женился второй разъ, и мачеха, какъ это часто бываетъ, не взлюбила пасынка; она его донимала попреками, и отецъ, чтобы мальчикъ поменьше попадался ей на глаза, сталъ брать его еще ребенкомъ съ собой въ море. Миша такимъ образомъ съ ранняго дѣтства познакомился съ Сѣвернымъ моремъ и съ опаснымъ промысломъ рыбака.

Миша Ломоносовъ выучился грамотѣ у сосѣда; черезъ самое короткое время онъ уже читалъ быстро и безъ запинки и съ жадностью набросился на книги; онъ перечиталъ скоро всѣ книги, какія были у сосѣда и у дьячка — «Псалтирь», «Четьи-Минеи» и др.; другихъ книгъ у нихъ не было.

Всѣ въ деревнѣ удивлялись, какъ бойко и внятно читалъ мальчикъ въ церкви на клиросѣ и какъ хорошо онъ разсказывалъ прочитанныя имъ житія святыхъ изъ книги «Четьи-Минеи», и заслушивались его разсказовъ.

Обрадовался Миша, когда услыхалъ, что у одного крестьянина—Дудина, есть три книги, которыхъ онъ еще не читалъ; онъ

Главная башня Николо-Корельскаго монастыря на берегу Бѣлаго моря близъ Архангельска. (Начало XVIII вѣка).

сталъ разспрашивать, какія это книги, и узналъ, что это грамматика, ариѳметика и Псалтирь въ русскомъ переводѣ.

Страшно захотѣлось мальчику прочитать эти книги.

Наконецъ-то книги попали въ руки Ломоносову; въ ту минуту онъ почувствовалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ и съ жаромъ принялся за чтеніе.

Онъ ни на минуту не разставался со своими сокровищами, постоянно носилъ ихъ за пазухой; ему приходилось дѣлать это еще и потому, что мачеха постоянно преслѣдовала его за его страсть къ чтенію и грозила отнять у него и сжечь его книги,

И Ломоносовъ берегъ ихъ пуще глаза. Мачеха постоянно мѣшала ему читать; стоило мальчику взяться за книгу, какъ она начинала его за это пилить; приходилось поневолѣ съ книгами уходить изъ дому и устраиваться гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ.

Ломоносову въ это время шелъ 14 годъ. Онъ не только прочелъ нѣсколько разъ взятыя имъ у Дудина книги, но выучилъ ихъ отъ начала до конца наизусть. Такимъ образомъ онъ безъ посторонней помощи прошелъ грамматику и ариѳметику, на что въ школахъ тратятся цѣлые годы занятій.

Книгъ достать было больше не у кого, поговорить о томъ, что занимало постоянно его умъ, тоже было не съ кѣмъ; онъ былъ совершенно одинокъ среди родныхъ и земляковъ, такъ какъ никто не понималъ его стремленія къ ученію. Между тѣмъ годы шли; Ломоносову минуло 17 лѣтъ; отецъ задумалъ его женить. Это заставило юношу серьезно задуматься надъ своимъ положеніемъ. Надо было что-нибудь предпринять, и Ломоносовъ рѣшилъ бѣжать изъ дому въ Москву и поступить тамъ въ школу.

Досталъ онъ себѣ паспортъ, три рубля денегъ, кафтанъ и глубокой ночью, когда въ избѣ всѣ спали, ушелъ изъ дому.

Вскорѣ Ломоносовъ нагналъ обозъ, шедшій въ Москву, и пристalъ къ нему.

Чтобы заработать сколько-нибудь денегъ на первое время жизни въ Москвѣ, онъ по дорогѣ остановился въ Антоніевскомъ монастырѣ и тамъ прожилъ нѣкоторое время, исполняя должность псаломщика.

Наконецъ добрался онъ до Москвы. Сначала поступилъ онъ въ школу у Сухаревой башни, основанную Петромъ Великимъ, но оказалось, что въ этой школѣ ему учиться нечему, такъ какъ онъ и грамматику и ариѳметику уже выучилъ дома; тогда ему удалось поступить въ школу при Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ учили латинскому и греческому языкамъ и риторикѣ [1]).

Ломоносовъ былъ ужасно радъ, когда его приняли въ Заиконоспасскую школу, и съ жаромъ принялся за ученье. Учителя удивлялись его прилежанію и способностямъ; черезъ $^1/_2$ года его перевели въ слѣдующій классъ. Ему, рослому, здоровому 20-лѣтнему юношѣ, пришлось сидѣть въ школѣ на ряду съ 11—12-лѣтними мальчиками. Тѣ смѣялись надъ нимъ: «У, какой болванъ, въ 20 лѣтъ пришелъ учиться». Но онъ не обращалъ никакого вниманія на насмѣшки ребятъ, и работалъ, не отрываясь отъ книги. Въ то время, когда другіе ученики, въ свободные отъ за-

---

[1]) Риторика — наука о томъ, какъ составлять и произносить рѣчи.

нятій часы, играли, онъ сидѣлъ въ монастырской библіотекѣ, зарывшись въ книги, и съ жадностью читалъ.

Жить ему приходилось въ крайней нуждѣ, впроголодь; ученикамъ школы выдавалось на прожитье по 3 к. въ день; 1 коп. Михаилъ Васильевичъ тратилъ на хлѣбъ, 1 коп. на квасъ, а копейку на бумагу, карандаши. Чтобы заработать себѣ на одежду, онъ то нанимался къ огородникамъ копать гряды по ночамъ, то исполнялъ въ церкви должность псаломщика.

Отецъ, узнавъ, что сынъ его въ Москвѣ, требовалъ, чтобы онъ вернулся домой, и нарочно не посылалъ ему ничего, думая, что нужда да голодъ заставятъ сына вернуться домой; Михаилъ Васильевичъ въ теченіе 5 лѣтъ терпѣлъ нужду и голодъ и все же не бросилъ ученія.

Проучившись 5 лѣтъ, Ломоносовъ прошелъ все то, чему учили въ Заиконоспасской школѣ; онъ увидѣлъ, что больше въ этой школѣ ему дѣлать нечего, однако учиться хотѣлось еще и еще; главное, ему хотѣлось познакомиться съ естественными науками, т.-е. съ науками о природѣ, къ чему у него съ дѣтства былъ большой интересъ, а въ Заиконоспасской школѣ этихъ наукъ не преподавали.

Въ это время изъ Заиконоспасской школы отправлялись лучшіе ученики для занятій наукой въ Петербургъ, гдѣ была только что открыта Академія Наукъ; въ числѣ этихъ молодыхъ людей былъ посланъ въ Петербургъ и Ломоносовъ; въ Петербургѣ онъ пробылъ недолго, а вскорѣ попалъ за границу [1]).

Случилось это такъ. Въ Россіи въ то время только еще начало развиваться горное дѣло, т.-е. разработка разныхъ минераловъ и металловъ въ горахъ. Дѣло это началъ Петръ Великій; при немъ былъ открытъ первый заводъ на Уралѣ. Чтобы продолжать это дѣло, нужны были знающіе люди, которыхъ въ Россіи тогда не было; вотъ и было рѣшено послать за границу нѣсколько молодыхъ людей для изученія горнаго дѣла.

Такъ какъ Ломоносовъ былъ одинъ изъ самыхъ умныхъ и способныхъ учениковъ, то его прежде всего выбрали для отправленія за границу. Поѣхали они въ Германію, сначала въ городъ Марбургъ и потомъ во Фрейбергъ.

За границей Ломоносовъ нашелъ, наконецъ, то, чего искалъ всю жизнь: тамъ профессора читали лекціи по тѣмъ наукамъ, которыя его больше всего интересовали: по физикѣ—наукѣ о явленіяхъ и силахъ природы; по химіи—наукѣ о веществахъ, изъ которыхъ состоитъ земля, вода и воздухъ; по геологіи—наукѣ о

---

[1]) Т.-е. въ другія государства, за русскую границу.

землѣ и измѣненіяхъ, происходящихъ на земномъ шарѣ; по математикѣ—наукѣ о величинахъ и вычисленіяхъ, и другимъ наукамъ.

Ломоносовъ пробылъ за границей 3 года и за это время такъ основательно изучилъ естественныя науки, что сталъ по своимъ знаніямъ наравнѣ съ европейскими учеными.

За границей Ломоносовъ женился на одной дѣвушкѣ-нѣмкѣ; жить ему приходилось бѣдно, такъ какъ денегъ, присылаемыхъ изъ Россіи, семейному человѣку на житье едва хватало.

Получивъ отъ Академіи Наукъ предписаніе вернуться обратно въ Россію, онъ отправился на родину одинъ, оставивъ пока жену съ ребенкомъ въ Германіи.

По дорогѣ въ Россію съ Ломоносовымъ произошелъ слѣдующій случай: пришлось заночевать въ одной харчевнѣ неподалеку отъ границы. Тамъ онъ встрѣтилъ вербовщиковъ солдатъ. (Вербовщиками солдатъ назывались въ Германіи люди, которые набирали въ войско солдатъ). Этихъ вербовщиковъ прельстилъ высокій ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе Ломоносова; они напоили его пьянымъ и пьянаго уговорили поступить на военную службу.

Когда Михаилъ Васильевичъ проснулся, онъ увидѣлъ на себѣ красный солдатскій галстукъ, а въ карманѣ у него позвякивали нѣмецкія деньги.

Его поздравляли съ поступленіемъ на военную службу.

Что было дѣлать?

Ломоносовъ рѣшилъ бѣжать.

Для этого онъ притворился очень довольнымъ своимъ новымъ положеніемъ. Видя его веселымъ и довольнымъ, офицеры ослабили за нимъ надзоръ, а Михаилъ Васильевичъ, воспользовавшись этимъ, ночью, когда всѣ спали, вылѣзъ изъ окна, влѣзъ на четвереньках на крѣпостной валъ, спустился съ него, переплылъ ровъ, снова перелѣзъ черезъ валъ и пустился бѣжать по полю по направленію къ границѣ.

Разсвѣло. Съ крѣпости раздался пушечный выстрѣлъ.

Ломоносовъ услышалъ за собою погоню, но онъ еще ускорилъ свой бѣгъ и успѣлъ перешагнуть черезъ границу прежде, чѣмъ погоня достигла ея.

Живя за границей, Ломоносовъ все время думалъ о родинѣ, и сердце его сжималось при мысли о томъ, въ какой темнотѣ и невѣжествѣ живетъ русскій народъ. Теперь онъ хорошо понималъ, что Россіи прежде всего нужно образованіе.

Въ Россіи въ то время еще не было людей настолько образованныхъ, чтобы они могли оцѣнить Ломоносова; въ петербургской же Академіи Наукъ всѣ мѣста были заняты нѣмцами, кото-

рыхъ выписали изъ-за границы, потому что своихъ ученыхъ въ Россіи еще не было

Эти нѣмцы были недовольны пріѣздомъ Ломоносова, они ему завидовали и встрѣтили его самымъ недружелюбнымъ образомъ.

Приходилось снова бороться; для Ломоносова, съ дѣтства привыкшаго къ борьбѣ, борьба съ этими врагами оказалась самой трудной и непріятной. Враги его дѣйствовали исподтишка, старались вредить ему, доставляя ему на каждомъ шагу непріятности, уколы и такимъ образомъ отравляли ему существованіе.

Цѣлыхъ два года по возвращеніи въ Россію Ломоносовъ терпѣлъ нужду, такъ какъ остался безъ дѣла; только на третій годъ, со вступленіемъ на престолъ императрицы Елизаветы Петровны и благодаря защитѣ Ивана Ивановича Шувалова, благороднаго и просвѣщеннаго человѣка, Ломоносовъ получилъ право читать лекціи; это дало ему средства къ жизни и онъ только теперь могъ выписать изъ-за границы жену и ребенка. Онъ поселился съ семьей въ Петербургѣ, вблизи Академіи, и сталъ работать.

Работалъ онъ, не давая себѣ отдыха, до самой смерти. Онъ занимался разными научными изслѣдованіями, — дѣлая научныя открытія, въ то же время составлялъ учебники, писалъ книги для того, чтобы желающіе могли бы по нимъ учиться и знакомиться съ разными науками, произносилъ рѣчи, въ которыхъ знакомилъ слушателей съ своими мнѣніями о значеніи науки, образованія; устраивалъ учебныя заведенія, лабораторіи [1]), даже фабрики. Благодаря настояніямъ и хлопотамъ Ломоносова, былъ открытъ въ 1755 году Московскій университетъ и первая въ Россіи химическая лабораторія при немъ; имъ же устроенъ былъ стеклянный заводъ, снаряжена морская экспедиція для плаванія по Ледовитому океану. Занимался онъ не одной какой-нибудь наукой, какъ это дѣлаетъ большинство ученыхъ, а многими науками одновременно: физикой, химіей, геологіей, метеорологіей [2]), географіей, исторіей, словесностью. И въ каждой изъ этихъ наукъ онъ сдѣлалъ какое-нибудь новое открытіе.

Много поработалъ Ломоносовъ надъ опытами по электричеству; вмѣстѣ съ другимъ ученымъ, Рихманомъ, онъ запускалъ въ облака бумажнаго змѣя на проволокѣ, чтобы изслѣдовать воздушное электричество. Рихманъ во время этихъ опытовъ былъ убитъ электрической искрой, а Ломоносовъ и послѣ его смерти

---

[1]) Мѣсто для производства разныхъ опытовъ по химіи и др.; въ лабораторіи имѣются всѣ необходимые для опытовъ приборы и вещества.

[2]) Метеорологія — наука о погодѣ.

продолжалъ эти опыты. Всѣ самые образованные люди были поражены, потрясены смертью Рихмана и уже стали бояться электрической машины, готовы были признать электрическія явленія за волшебство, но Михаилъ Васильевичъ произнесъ по этому случаю въ публичномъ собраніи Академіи рѣчь, въ которой онъ разъяснялъ электрическія явленія и доказывалъ, что ничего волшебнаго въ нихъ нѣтъ, что они объясняются очень просто.

Такъ онъ боролся съ невѣжествомъ и предразсудками въ Россіи.

Изслѣдуя электричество въ воздухѣ, Михаилъ Васильевичъ открылъ причину сѣвернаго сіянія, разъяснилъ это явленіе движеніемъ электричества въ разныхъ слояхъ воздуха; до него сѣверное сіяніе было непонятно ученымъ.

Онъ открылъ и начертилъ на картѣ путь, которымъ надо плыть по Ледовитому океану, чтобы добраться до Сѣвернаго полюса; путь этотъ идетъ по полосѣ, на которой, вслѣдствіе морского теченія, бываетъ меньше всего льдовъ.

Михаилъ Васильевичъ очень много работалъ въ лабораторіи, дѣлая тамъ химическіе опыты: бралъ разныя вещества, смѣшивалъ ихъ, наблюдалъ, что отъ этого происходитъ. Такимъ образомъ онъ, между прочимъ, научился приготовлять стекло, послѣ чего имъ устроенъ былъ цѣлый стеклянный заводъ; въ лабораторіи же имъ было изобрѣтено нѣсколько красокъ; но эти открытія онъ дѣлалъ такъ, между прочимъ; главная же цѣль его опытовъ въ лабораторіи была не въ подобныхъ открытіяхъ, а чисто научная и заключалась она въ томъ, чтобы опредѣлить, изъ чего состоятъ: земля, вода, воздухъ, изъ какихъ веществъ, что это за вещества.

Всего Ломоносовымъ было передѣлано болѣе 2.000 опытовъ.

До Ломоносова у насъ не было того языка, который мы называемъ русскимъ литературнымъ языкомъ, на которомъ пишутся книги и говорятъ образованные люди, а былъ языкъ церковнославянскій, на которомъ написаны церковныя книги и было много народныхъ говоровъ; въ каждой мѣстности говорили на своемъ нарѣчіи. Изъ всѣхъ этихъ составныхъ частей Ломоносовъ выработалъ одинъ общій русскій языкъ, на которомъ и сталъ писать свои сочиненія.

Языкъ этотъ такъ и остался у насъ, мы всѣ на немъ говоримъ и пишемъ, но всѣ знаютъ, что этимъ языкомъ мы обязаны Ломоносову. Имѣть же одинъ языкъ, понятный всѣмъ, для такой большой страны, какъ Россія, большое удобство. Этотъ языкъ связываетъ всѣхъ, даетъ каждому русскому человѣку то, что его

всѣ понимаютъ и что онъ можетъ, если только научится грамотѣ, прочесть и понять каждую книгу.

Ломоносовъ же первый сталъ писать стихи такъ, какъ они пишутся теперь.

Теперь сочиненія Ломоносова уже устарѣли, но для того времени они имѣли большое значеніе.

Чрезмѣрный, напряженный трудъ расшаталъ богатырское здоровье Ломоносова. Онъ сталъ прихварывать, подолгу не выходилъ изъ дому.

Какъ-то разъ его, больного, навѣстила императрица Екатерина II вмѣстѣ съ одной изъ придворныхъ дамъ, княгиней Дашковой. Онѣ старались занять, развеселить Михаила Васильевича; Екатерина разспрашивала его объ его занятіяхъ, разсматривала стоявшіе у него на столѣ приборы и уходя, прощаясь, звала Ломоносова къ себѣ, обѣщая угостить его любимымъ кушаньемъ-щами. Ломоносова очень тронуло посѣщеніе императрицы, ея вниманіе къ нему; онъ немного развеселился, но не надолго.

Болѣзнь подтачивала его силы.

Въ 1765 году Ломоносова не стало.

Онъ умеръ 54 лѣтъ.

Похоронили Ломоносова въ Петербургѣ, въ Александро-Невской лаврѣ. Тамъ на его могилѣ поставленъ памятникъ.

Кромѣ того, есть памятникъ Ломоносову въ Москвѣ, передъ зданіемъ университета и въ Архангельскѣ.

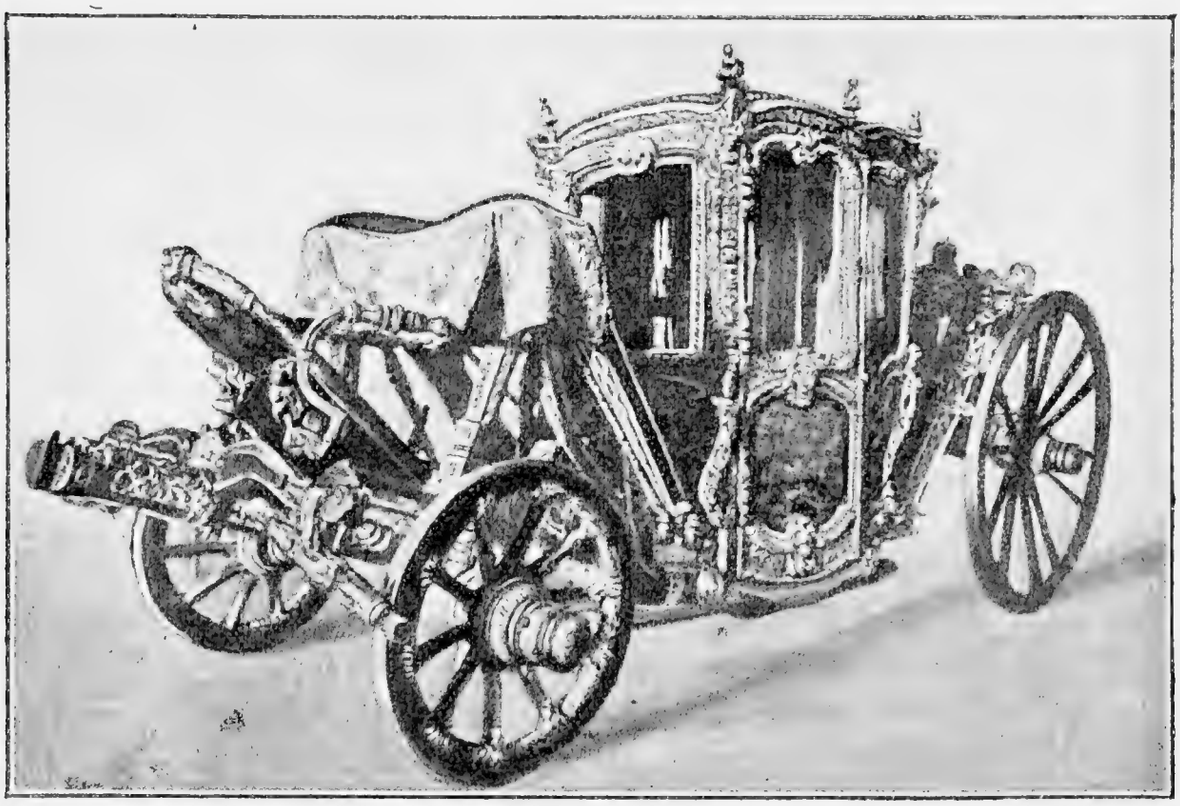
Вся жизнь Ломоносова была посвящена служенію наукѣ и родинѣ. Свои мысли о значеніи науки онъ высказывалъ во многихъ сочиненіяхъ. Вотъ, напр., отрывокъ изъ одного его стихотворенія, въ которомъ онъ говоритъ о значеніи науки.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шумѣ и наединѣ,
Въ покоѣ сладкомъ и трудѣ.

Императрица Екатерина Вторая.

Екатерина II по происхожденію была нѣмецкая принцесса. Ей было всего пятнадцать лѣтъ, когда она прибыла изъ Германіи въ Петербургъ. Здѣсь прежде всего ей нужно было изучить рус-

скій языкъ. Отъ природы она была одарена большими способностями, поэтому она очень скоро научилась прекрасно говорить и писать по-русски. Подъ руководствомъ учителей и сама она много читала о Россіи и полюбила свою новую родину. Скоро она приняла православную вѣру и была обвѣнчана съ наслѣдникомъ русскаго престола Петромъ Ѳеодоровичемъ. 28-го іюня 1762 г. императрица Екатерина II вступила на русскій престолъ, а 22-го сентября того же года торжественно короновалась въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ. Императрица Екатерина отличалась замѣчательнымъ трудолюбіемъ. Вотъ какъ проходилъ ея день. Вставала



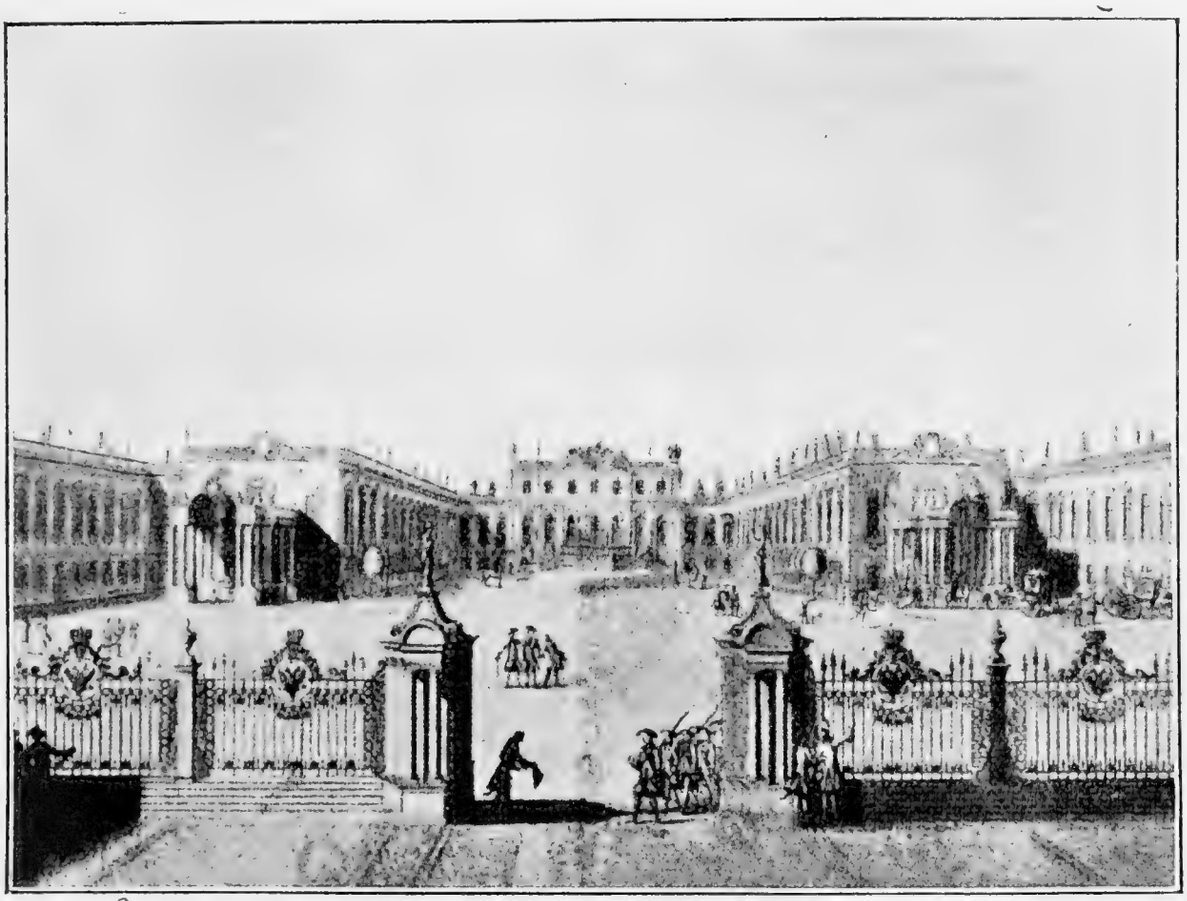
Карета времени Елизаветы Петровны.

она рано: въ 6 часовъ утра. Вставши, тотчасъ принималась за работу: читала, писала, рѣшала важнѣйшія дѣла. Въ 8 часовъ къ ней являлись уже высшіе государственные сановники. Одни дѣлали доклады, которые государыня выслушивала внимательно, другіе получали распоряженія, съ иными императрица совѣщалась о государственныхъ дѣлахъ. При этомъ такъ много проявляла она знанія, опытности и заботливости, что вызывала всеобщее удивленіе. Послѣ ранняго обѣда она садилась за какія-либо рукодѣлія и слушала чтеніе. Это былъ ея отдыхъ, послѣ котораго она снова принималась за дѣла государственныя. По вечерамъ собирались придворные и приглашенные. Время проходило въ

удовольствіяхъ: бесѣдовали, читали, смотрѣли театральныя представленія.

Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, всегда удивлялись роскоши и пышности русскаго двора. Нигдѣ они не встрѣчали такого богатства и блеска, какъ въ Россіи. Празднества, въ которыхъ принимала участіе императрица, были великолѣпны. Но все это не мѣшало самой государынѣ отличаться большой простотой и неприхотливостью.

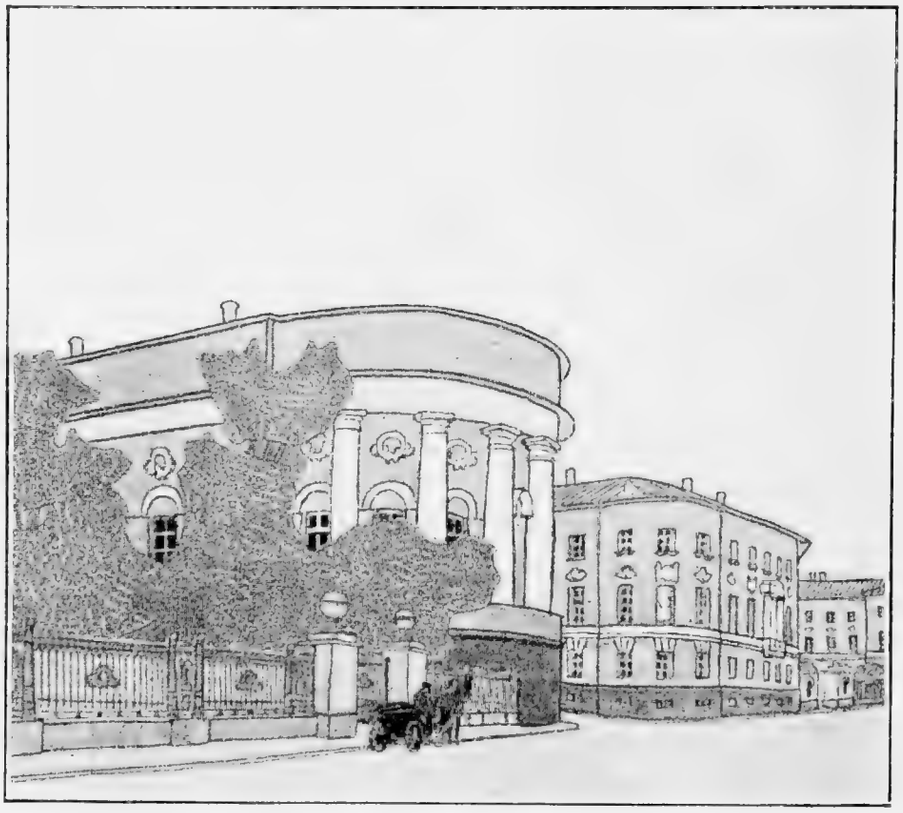
Еще проживая въ Москвѣ послѣ коронаціи, императрица Екатерина ознаменовала начало своего царствованія великимъ и



Лѣтній дворецъ императрицы Елисаветы въ 1753 году.

добрымъ дѣломъ: она основала такъ называемый Воспитательный домъ. Въ домѣ этомъ находили пріютъ и получали воспитаніе дѣти, оставленныя почему-либо родителями. До этого времени несчастные подкидыши или погибали отъ холода и голода или выростали въ страшномъ невѣжествѣ и нищетѣ; немногіе изъ нихъ только попадали къ добрымъ людямъ. Теперь этихъ несчастныхъ брали въ Воспитательный домъ, и тамъ ихъ не только кормили, поили и одѣвали, но и учили. Вскорѣ такой же домъ былъ открытъ и въ Петербургѣ.

Узнала Екатерина, что въ Англіи есть лѣкарь, который прививаетъ взрослымъ и дѣтямъ оспу и тѣмъ предохраняетъ людей отъ заболѣванія оспой натуральной; къ этому средству за границей уже многіе прибѣгали. Въ Россіи никто еще о немъ не зналъ. Императрица вызвала этого лѣкаря, заплативъ ему громадныя деньги за пріѣздъ, и рѣшилась подѣйствовать на подданныхъ собственнымъ примѣромъ: она привила оспу себѣ и наслѣднику престола, великому князю Павлу Петровичу. Этотъ поступокъ государыни вызвалъ всеобщее удивленіе, и съ этого времени оспопрививаніе дѣйствительно было принято въ Россіи; по указу Екатерины II оно сдѣлалось обязательнымъ.



Московскій университетъ.

Екатерина издала много важныхъ законовъ. Чтобы легче было управлять такимъ обширнымъ государствомъ, какъ Россія, она увеличила число губерній. Губерніи дѣлились на уѣзды, при чемъ многія села были обращены въ уѣздные города. Въ каждомъ уѣздномъ городѣ былъ учрежденъ судъ, а въ губернскомъ городѣ—высшій судъ. Обвиненный могъ принести жалобу и въ Сенатъ. Государственные доходы вѣдала Казенная Палата. Чтобы удобнѣе было вносить подати, въ каждомъ уѣздномъ городѣ было открыто казначейство.

Народное просвѣщеніе Екатерина считала важнѣйшей заботой, вотъ почему она такъ много заботилась объ открытіи учи-

Императ'рица Екатерина II.

лищъ. Ея главнымъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ Иванъ Ивановичъ Бецкій, съ которымъ она совѣщалась почти ежедневно. Чтобы всѣ подданные могли дать дѣтямъ образованіе, Екатерина велѣла открывать училища всюду: въ большихъ городахъ — главныя, въ уѣздныхъ—малыя. Какъ истинно образованная женщина, любившая просвѣщеніе и желавшая его распространенія, Екатерина покровительствовала всѣмъ писателямъ и ученымъ; она принимала ихъ у себя, вела съ ними продолжительныя бесѣды и чтенія, осыпала ихъ царскими милостями за труды. Знаменитый русскій ученый Ломоносовъ жилъ при Екатеринѣ II всего три года, но удостоился отъ нея большихъ милостей. Въ ея царствованіе жили поэтъ Державинъ и писатель Фонъ-Визинъ. Сама государыня также любила писать, и въ своихъ сочиненіяхъ она больше всего говоритъ о воспитаніи дѣтей.

Разсказы о Суворовѣ.

I.

Въ то время, когда Суворовъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ полковымъ командиромъ, вотъ какое письмо послалъ одинъ изъ подчиненныхъ его офицеровъ къ прежнимъ товарищамъ по службѣ. Въ письмѣ этомъ заключается исторія всей первоначальной службы Суворова:

«Давно не писалъ я къ вамъ, и вы гнѣваетесь на меня, любезные товарищи, что я оставилъ васъ и нашихъ храбрыхъ гренадеровъ и перешелъ въ пѣхотный полкъ къ полковнику, котораго вы прозвали «чудакомъ». Не удивляйтесь. Этотъ полковникъ таковъ, что какъ взглянетъ на человѣка съ солдатскимъ сердцемъ, то и покоритъ навѣкъ. Онъ и говоритъ, и ходитъ, и смотритъ, и ѣстъ, и пьетъ, и спитъ не такъ, какъ другіе люди. Послѣдняя рубаха, послѣдній кусокъ хлѣба пополамъ съ нами! Ему ничего не надобно, говоритъ онъ, былъ бы солдатъ доволенъ. Лѣтомъ чуть свѣтъ — на ногахъ. Вскочилъ съ соломы, которую онъ называетъ солдатскимъ пухомъ, помолился Богу, окатился холодною водой, что дѣлаетъ онъ и въ трескучіе морозы, и тотчасъ сборъ. «На вахтпарадъ [1]), братцы, на вахтпарадъ!» кричитъ онъ навстрѣчу солдатамъ... «Смотрите, ужъ птички Божіи поднялись и намъ грѣшно не встрѣтить солнышко въ чистомъ полѣ». Вы думаете, что нашъ вахтпарадъ то самое, что было у васъ?

---

[1]) *Вахтпарадъ*—военный разводъ.

Какъ бы не такъ! Нашъ вахтпарадъ—настоящая баталія! [1]) Полкъ и полковую артиллерію раздѣлитъ на двѣ части и давай сражаться. Сперва стрѣлки, потомъ атака на пушки — карре [2]) противу кавалеріи, а наконецъ, всему дѣлу вѣнецъ, въ штыки! Тутъ нашъ полковникъ самъ не свой. «Шпага наголо,—кричитъ?— штыкъ вполчеловѣка, ура, бей, коли, впередъ, бѣгомъ, наблюдай интервалы!» [3]) и пустился во весь духъ, а мы за нимъ и цѣлымъ фронтомъ: «Ура, ура!» Наконецъ: «Стой! Спасибо, братцы... Побѣда! Ступай домой!»

«Въ жилахъ нашего полковника течетъ не кровь, а пламя, и онъ такъ умѣетъ воспламенять всѣхъ, что самъ я часто забываюсь, что я на ученьи, и воображаю, что нахожусь въ дѣйствительномъ сраженіи. Громъ барабановъ, стрѣльба, крикъ, болтовня, пыль столбомъ, дымъ клубомъ — это нашъ вахтпарадъ! И вообразите, что солдаты не только не скучаютъ этимъ ученьемъ, а рады ему. За быстрый натискъ и вѣрность въ движеніяхъ — по чаркѣ водки, а когда недоволенъ ученьемъ, въ наказаніе не командуетъ въ штыки, и церемоніальнымъ маршемъ велитъ итти съ поля. Повѣрите ли, что мы боимся этого наказанія! Послѣ ученья, часовъ въ семь или восемь, а много—девять, полковникъ нашъ обѣдаетъ. Кто приглашенъ изъ офицеровъ обѣдать — милость. Вы думаете—вотъ тутъ-то пируха! Передъ обѣдомъ рюмка водки и солдатскій сухарь на закуску, солдатскія щи и каша, жаркое, какое случится, и баста. Питье—квасъ и вода, а для охотниковъ рюмка мадеры. Пожалуйста не воображайте, что это отъ скупости. Денегъ нашъ полковникъ не любитъ, и всегда отдаетъ въ полкъ, но говоритъ: «Если кто посвятилъ себя военному ремеслу, тотъ долженъ привыкать къ солдатской жизни, а роскошь мертвитъ мужество». Послѣ обѣда онъ отдыхаетъ, а тамъ, исправивъ полковыя дѣла, занимается книгами и планами и такъ работаетъ до вечера. Тогда вскочитъ на донского скакуна и пошелъ скакать

А. В. Суворовъ.

---

[1]) Сраженіе.

[2]) *Карре*—строй войска квадратомъ, лицомъ на всѣ четыре стороны.

[3]) Разстоянія между рядами.

во весь опоръ по полямъ и по оврагамъ. Передъ вечерней зарей ужинъ; при зарѣ вечерняя молитва и набоковую, на солому!

«Вотъ какую жизнь ведетъ нашъ полковникъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, сынъ богатаго отца—генералъ-лейтенанта! Нѣтъ у насъ ни пирушекъ, ни баловъ, ни попоекъ, а о картежной игрѣ—ни гу-гу! Сохрани Богъ, да онъ, кажется, проглотилъ бы игрока и съ картами; не можетъ слышать о нихъ! Дай Богъ дождаться войны! ручаюсь, что нашъ полковникъ покажетъ себя. Я рѣшился служить при немъ, пока пуля и штыкъ непріятельскій не разлучатъ насъ. Онъ самъ выбралъ меня, и я командую его ротой. Была бы война, и умѣли бы только постигнуть его! Но у насъ царствуетъ Екатерина, а взоръ ея проникаетъ въ сердца».

II.

Въ разговорѣ, на письмѣ, въ движеніяхъ, въ самой походкѣ Суворовъ отвергъ условныя приличія. Онъ ходилъ припрыгивая, говорилъ отрывисто, вмѣшивалъ въ рѣчи поговорки и пословицы, высказывалъ правду въ глаза, притворялся, что не терпитъ зеркалъ, боясь въ нихъ увидѣть себя; иногда странно кривлялся и посмѣивался, слушая другихъ; молчалъ, когда всѣ ожидали его рѣчи; начиналъ говорить умно, краснорѣчиво, вдругъ останавливался, смѣялся и убѣгалъ, прыгая на одной ногѣ. Онъ повелъ особенный родъ жизни: отказался отъ всякихъ предметовъ роскоши, спалъ на сѣнѣ, ходилъ зимою безъ шубы, ѣлъ простую, грубую пищу, отрекся отъ свѣтскихъ обществъ, проводилъ время съ своими солдатами и офицерами. Жители Ладоги показываютъ церковь, гдѣ онъ читалъ апостолъ за обѣднею и пѣлъ на клиросѣ. Иногда онъ принималъ на себя должность школьнаго учителя, собиралъ солдатскихъ дѣтей, самъ училъ ихъ, сочинялъ для нихъ молитвенникъ, катихизисъ, руководство къ ариѳметикѣ, шумѣлъ, спорилъ, игралъ съ ними. Обращеніе его съ солдатами, самый образъ ученія солдатскаго были у него особенные. Первое требованіе его отъ подчиненнаго было немедленный отвѣтъ на всякій, даже самый странный, нелѣпый вопросъ. Слово «не знаю» возбуждало гнѣвъ Суворова. Онъ притворялся разсерженнымъ, кричалъ, бранился, топалъ ногами. Сверхъ обыкновеннаго воинскаго ученія изобрѣталъ онъ свои особенныя упражненія, гдѣ можно было показать силу, ловкость, отвагу. Такъ, идя съ полкомъ изъ Ладоги въ Петербургъ мимо какого-то монастыря, онъ неожиданно скомандовалъ: «На штурмъ!» и полкъ его бросился на монастырскія стѣны. Солдаты взобрались на стѣну съ крикомъ

«ура!» Суворовъ извинился передъ испуганнымъ настоятелемъ, объяснивъ, что онъ учитъ солдатъ своихъ. Императрицѣ донесли о поступкѣ Суворова. Она улыбнулась и сказала: «Не троньте его: я знаю». Иногда Суворовъ проводилъ цѣлые дни съ солдатами на полѣ, въ маршахъ, переходахъ. Училъ ихъ ружью среди морозовъ и жаровъ, тревожилъ и внезапно выводилъ ночью, переправляясь съ ними вплавь черезъ рѣки.

Турецкая война.

Суворовъ сталъ проситься на боевую службу въ Турцію. Война съ Турціей тянулась уже пятый годъ, и такой генералъ, какъ Суворовъ, былъ тамъ очень не лишній. Поэтому государыня охотно согласиллсь на его просьбу и повелѣла выдать ему на дорогу 2.000 рублей.

Весь нынѣшній полуденный русскій край, который лежитъ у Чернаго моря, въ русское государство тогда еще не входилъ, а принадлежалъ Турціи. Рѣка Дунай протекала очень далеко отъ русскаго рубежа; но армія фельдмаршала графа Румянцева добралась уже давно до Дуная, и туда же пришлось ѣхать Суворову.

Румянцевъ замышлялъ перевести свою армію за Дунай и приказалъ сдѣлать нѣсколько поисковъ.

Переправа началась въ самую тьму; сначала переѣзжала пѣхота, потомъ кавалерія—люди въ лодкахъ, лошади вплавь. Турки конечно, ее замѣтили и открыли пальбу на-авось; по темнотѣ вреда отъ нея было мало. Пѣхота причалила, построилась и двинулась на непріятеля вверхъ по рѣкѣ. Турки занимали городокъ Туртукай, три лагеря и четыре батареи. Три батареи и два лагеря были сорваны живо штыками; остальной, самый большой лагерь съ батареей, а также и городъ, немного позже. Атака велась горячо; офицеры шли впереди и первыми всходили на окопы.

Суворова послали съ небольшимъ отрядомъ наблюдать турокъ, бывшихъ въ Туртукаѣ [1]). При первомъ взглядѣ увидѣлъ Суворовъ возможность взять эту крѣпость и переправиться черезъ рѣку. Весь отрядъ его составляли два пѣхотные полка. Артиллерія состояла изъ четырехъ пушекъ. Ночью на 10 мая пѣхота поплыла черезъ Дунай на лодкахъ: конница пустилась вплавь (всего было ея семьсотъ человѣкъ); непріятель открылъ пальбу съ прибрежной батареи, но войска успѣли пристать къ берегу благополучно. Часть ихъ бросилась на турецкія лодки, другая напала

---

[1]) *Туртукай*—большая крѣпость на Дунаѣ.

на самый городъ. Суворовъ самъ повелъ одинъ отрядъ на крѣпостные валы. Турки бѣжали изъ редута почти безъ боя. Городъ и флотилія были въ рукахъ русскихъ также послѣ слабаго сопротивленія...

Смѣлый поступокъ Суворова, когда дѣла въ главной арміи шли неудачно, возбудилъ всеобщій восторгъ. Но покоритель Туртукая могъ опасаться, что своевольный поступокъ его не заслужитъ похвалы главнокомандующаго. Суворовъ думалъ отдѣлаться шуткою. Донесеніе его фельдмаршалу состояло изъ двухъ стиховъ:

„Слава Богу, слава вамъ!
Туртукай взятъ, и я тамъ“.

По ту сторону Дуная въ рукахъ русскихъ былъ городокъ Гирсово, но Турки не разъ уже норовили его отнять. Мѣсто было очень важное, удержать его надо было во что бы то ни стало, Румянцевъ рѣшилъ послать туда Суворова.

Румянцевъ былъ настоящій военный человѣкъ; онъ уразумѣлъ Суворова какъ никто другой, прозрѣлъ въ немъ великія дарованія и въ такомъ смыслѣ доносилъ о немъ императрицѣ. Суворовъ поѣхалъ къ своему мѣсту, осмотрѣлъ все до мелочей и тотчасъ же принялся поправлять старые окопы и насыпать новые. Работа была большая и требовала много времени, а между тѣмъ пришли вѣсти, что турки уже идутъ.

Въ ночь на 3 сентября въ 20 верстахъ показались турки, а къ полудню подошли къ Гирсову на пушечный выстрѣлъ. Они выставили батареи и стали пускать ядра и гранаты, потомъ разсыпали часть своей пѣхоты, охватили одно укрѣпленіе, продолжая итти впередъ и потомъ разомъ, во весь духъ, пустились на окопы.

Въ это время русскіе открыли такой жаркій огонь, что турки, не добѣжавъ до окоповъ, повернули тылъ.

Побѣда была полная, хотя русскіе бились съ силами очень неравными. У Суворова всѣхъ войскъ было тысячи три съ небольшимъ, у турокъ 10.000.

Вскорѣ Турція пошла на мировую, поступившись многими землями и отказавшись отъ власти надъ Крымомъ.

Вторая турецкая война.

I.

Сентября 11 произошла памятная въ военной исторіи битва, имя которой соединилось въ потомствѣ съ именемъ Суворова,— битва на рѣкѣ *Рымникъ*.

Съ огромными турецкими силами явился тогдашній турецкій визирь, Австрія была въ союзѣ съ Россіей. Австрійскій принцъ извѣстилъ Суворова, что вся армія визиря, числомъ около ста тысячъ человѣкъ, шла на него. «Спаси насъ», писалъ принцъ. Суворовъ отвѣчалъ однимъ словомъ на лоскуткѣ бумаги: «Иду». Въ полночь выступилъ онъ. Къ досадѣ его, гроза и дождь, отчего развело большую грязь и разрушило мостъ, затруднили переходъ. Несмотря на то, переходъ Суворова былъ изумительно быстръ. Принцъ выбѣжалъ къ нему навстрѣчу и называлъ его своимъ спасителемъ.

Захваченные врасплохъ турки выслали отрядъ изъ лагеря. Онъ былъ сбитъ, смятъ, и, не боясь пальбы турокъ, Суворовъ устремился на высоты. Визирь въ отчаяніи бѣжалъ за рѣку, во многихъ мѣстахъ запруженную лошадьми, пушками, обозомъ. Картечные выстрѣлы и конница довершили пораженіе.

Вечерѣло, когда союзники вступили въ лагерь, бывшій на лѣвомъ берегу Рымника. Весь обозъ, сто знаменъ, восемьдесятъ пушекъ и мортиръ достались побѣдителямъ, кромѣ богатой добычи и запасовъ. Въ числѣ пушекъ было много австрійскихъ, отбитыхъ у нихъ прежде турками.

Екатерина наградила «своего генерала» титуломъ графа Рымникскаго.

II.

25 ноября Потемкинъ послалъ Суворову приказъ — взять Измаилъ. «Получа повелѣніе вашей свѣтлости,—отвѣчалъ Суворовъ,– отправился и къ Измаилу. Боже, дай помощь Свою!» Измаилъ въ то время былъ одною изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей, извѣстныхъ въ Европѣ; онъ былъ превосходно защищенъ искусствомъ и природою. Къ тому же, гарнизонъ этой крѣпости состоялъ изъ цѣлой сорокатысячной арміи, подъ начальствомъ самыхъ искусныхъ и храбрыхъ начальниковъ. И Суворовъ рѣшился на великій подвигъ — взять Измаилъ, хотя у него было только 28,000 войска. Время стояло ужасное: грязь и холодъ отнимали средства дѣйствовать.

Ославъ свой отвѣтъ Потемкину, Суворовъ сѣлъ на казацкую лошадь и на другой день (2 декабря), съ отрядомъ казаковъ, былъ уже подъ Измаиломъ. «Къ Измаилу я прибылъ», писалъ онъ Потемкину. Между тѣмъ войска отступали отъ крѣпости. Суворовъ приказалъ имъ воротиться

Одно появленіе Суворова переродило всѣхъ. На военномъ совѣтѣ тѣ самые, которые приходили въ отчаяніе за два дня, положили единодушно: «Штурмовать Измаилъ». Казацкій началь-

никъ Платовъ, еще очень молодой человѣкъ,—прославившійся впослѣдствіи въ войну 1812 года,—какъ младшій, первый подписалъ рѣшеніе совѣта и первый подалъ голосъ: «Штурмовать». «Хорошо, помилуй Богъ, хорошо!—воскликнулъ Суворовъ, обнимая его.—Сегодня молиться, завтра учиться, послѣ обѣда—побѣда или смерть!» вскричалъ онъ, когда утверждено было общее сообраніе.

Къ сераскиру [1]) послали 2 декабря требованіе о сдачѣ. Въ отвѣтъ онъ совѣтовалъ русскимъ «убраться поскорѣе», если не хотятъ погибнуть отъ холода и голода. Послали еще разъ. «Скажи Суворову,—былъ отвѣтъ сераскира,—что прежде небо упадетъ на землю и Дунай потечетъ кверху, нежели я сдамъ Измаилъ». Между тѣмъ русскіе дѣятельно готовили фашины [2]) и лѣстницы. Суворовъ самъ училъ солдатъ, какъ ставить лѣстницы, какъ лѣзть на стѣны и сражаться на валахъ.

Утромъ 10 декабря, желая занять вниманіе турокъ, открыли пальбу съ флота и съ двухъ батарей. Вечеромъ она смолкла. Сильнымъ морозомъ скрѣпило грязь. Войско было готово. Наступила темная ночь.

Ни въ городѣ ни въ русскомъ лагерѣ никто не спалъ; полки двигались. Осажденные готовились, увѣдомленные перебѣжчиками о наступающей грозной минутѣ. Суворовъ объѣзжалъ войско: говорилъ съ офицерами и солдатами; являлся всюду. Радостно привѣтствовали его солдаты. Въ три часа утра взлетѣла ракета — всѣ взялись за оружіе; въ четыре другая — построились; въ пять третья — и въ одно мгновеніе колонны двинулись къ Измаилу. Стѣны Измаила вспыхнули огнемъ, и скоро крики: «Ура!» «Алла!» дали знать о началѣ штурма.

«Въ Измаилѣ истреблена была сорокатысячная армія, защищенная укрѣпленіями,—говорилъ Потемкинъ въ донесеніи своемъ императрицѣ.—Побѣдители сами изумились, когда днемъ осматривали рвы и валы, по которымъ перешли ночью подъ губительнымъ огнемъ непріятеля. Бросивъ лѣстницы, солдаты лѣзли безъ нихъ, втыкая въ валъ штыки. Колонна Кутузова остановилась. Онъ извѣстилъ Суворова о невозможности итти далѣе. «Скажите Кутузову, что я жалую его комендантомъ Измаила,—отвѣчалъ Суворовъ.—Мы другъ друга знаемъ,—говорилъ Суворовъ послѣ взятія Измаила:—ни онъ, ни я не пережили бы неудачи». Въ 8 часовъ утра русскіе овладѣли всѣми внѣшними укрѣпленіями: но имъ предстояла битва, не менѣе страшная: каждая улица, каждый

---

[1]) Начальникъ крѣпости.

[2]) *Фашины* — вязанки хвороста.

домъ были оспариваемы съ оружіемъ въ рукахъ. Сражались даже женщины.

Суворовъ писалъ императрицѣ: «Горцый Измаилъ у ногъ вашего императорскаго величества», а къ Потемкину: «Не бывало крѣпости крѣпче, не бывало обороны отчаяннѣе обороны Измаила, но Измаилъ взятъ. Поздравляю вашу свѣтлость». Черезъ недѣлю войско ушло на зимнія квартиры. Суворовъ отправился попрежнему верхомъ на казацкой лошадкѣ въ старой шинели.

Екатерина Великая на Днѣпрѣ.

Императрица Екатерина пожелала увидѣть вновь пріобрѣтенную Новороссію. Она выѣхала изъ Петербурга 7 января 1787 г., въ кругу отборныхъ лицъ двора, въ сопровожденіи пословъ французскаго, австрійскаго и англійскаго, поджидая на дорогѣ встрѣтить двухъ вѣнценосныхъ гостей — польскаго короля Станислава-Августа и австрійскаго императора Іосифа Второго. Императрица совершала путь въ раззолоченной каретѣ; четырнадцать другихъ каретъ везли ея свиту и дворъ. Въ экипажи запрягалось по восьми лошадей. До шестисотъ лошадей заготовлялось на каждой станціи.

Свѣтлѣйшій Потемкинъ ничего не щадилъ, чтобы путешествіе Екатерины сдѣлать поистинѣ волшебнымъ.

Въѣздъ въ Кіевъ былъ совершонъ зимой, при ста тридцати одномъ выстрѣлѣ изъ пушекъ и сдачѣ ключей комендантомъ крѣпости. Сотни купчихъ и мѣщанокъ, въ малороссійскихъ одеждахъ, провожали карету императрицы.

Два съ половиною мѣсяца, съ января до половины апрѣля, Днѣпръ задержалъ Екатерину въ Кіевѣ. Отъ 23 марта она писала: «Сегодня Днѣпръ тронулся, и уже въ лодкахъ оный переѣзжаютъ; однако еще холодновато. Я надѣюсь, аще Богъ изволитъ, въ половинѣ будущаго апрѣля отселѣ на галерахъ пуститься далѣе».

22 апрѣля императрица и дворъ со свитою сѣли на галеры, раззолоченныя и убранныя флагами. На каждой помѣстился хоръ музыки. Галера «Днѣпръ» выкинула адмиралтейскій флагъ. На ней ѣхала императрица. По сигналу всѣ сходились обѣдать но галеру «Десну». Время шло быстро. Черезъ недѣлю прибыли въ Кременчугъ. Это было 30 апрѣля. Императрица вышла рано утромъ на палубу изъ каюты, гдѣ постоянно еще топился каминъ, и изумилась. Украинская весна была во всемъ блескѣ...

Тогда уже во всей красѣ пышно цвѣли въ прибрежныхъ садахъ и лѣсахъ черешни, дикія яблони и груши. Берега устилались каймами цвѣтовъ. У мутныхъ еще водъ Днѣпра, надъ камышами, перепархивали желтогрудыя иволги и краснощекое

дятлы. Небо было сине и безъ единой тучки. По вечерамъ, на зарѣ, гребцы, чубатые и усатые хохлы, затягивали пѣсни.

Императрица каждое утро усаживалась къ столу своей каюты, открывала занавѣску у окна, выходившаго на рѣку, замыкала дверь и на листахъ переплетенной въ зеленый атласъ тетрадки упражнялась писаніемъ стиховъ.

Занятія Екатерины были въ одно утро неожиданно прерваны легкимъ стукомъ въ двери. То былъ посланный отъ князя Потемкина, графъ Румянцевъ. Онъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что императоръ австрійскій около 6 мая пріѣхалъ въ Миргородъ и 8-го выѣхалъ въ сопровожденіи Потемкина, собираясь посѣтить Екатерину на галерахъ. Императрица сейчасъ же приказала кинуть якоря и вышла на берегъ, гдѣ, рядомъ съ галерами, по сухому пути ѣхали ея придворные экипажи. Тамъ она пересѣла въ карету и поспѣшила отъ Днѣпра навстрѣчу къ императору.

Вдругъ передовой форейторъ замахалъ шапкою и закричалъ: «Кто-то ѣдетъ!»

И въ то же время изъ-за угла лѣса, въ полуверстѣ, навстрѣчу каретѣ показалась дорожная коляска, также запряженная восьмерикомъ. Лошади коляски неслись въ карьеръ. Это былъ Іосифъ, ѣхавшій съ Потемкинымъ. Экипажи съѣхались среди поля, въ долинѣ, у кучки вербъ, подъ которыми была корчма сосѣдняго казацкаго хутора. Дымясь отъ пара, остановились лошади обоихъ экипажей.

Императоръ выскочилъ первый и подоспѣлъ къ откинутымъ подножкамъ кареты, изъ которой выходила императрица. Они нѣсколько минутъ провели въ обычныхъ привѣтствіяхъ. Завидя бѣлую мазанку корчмы и чтобы дать лошадямъ вздохнуть, Екатерина предложила нѣсколько минутъ переждать. Предложеніе было принято. Екатерина и Іосифъ пошли впередъ, свита немного поодаль. Потемкинъ указывалъ дорогу.

«И что это за корчма? И чортъ бы ее побралъ!» шепталъ свѣтлѣйшій, между тѣмъ, не зная самъ, куда идетъ и куда ведетъ двухъ вѣнценосныхъ странниковъ.

— Ваше величество, пожалуйте!—сказалъ свѣтлѣйшій, отворяя передъ императрицей дверь корчмы, точно давно знакомый и съ этимъ мѣстомъ и съ самой корчмой, между тѣмъ какъ глаза его напряженно и не безъ волненія слѣдили изъ-за спины гостей за внутренностью комнаты, куда они вошли.

Чистыя лавки шли вдоль стѣнъ комнаты. Образа въ главномъ углу были утыканы сухими цвѣтами. Лампада теплилась передъ иконою Николая Чудотворца, праздникъ котораго 9 мая былъ черезъ два дня. Двухлѣтній ребенокъ сидѣлъ у порога ком-

наты на полу и ложкою каши потчевалъ подслѣповатаго котенка, котораго успѣлъ поймать и придержать между ногъ. Бѣлая курочка вышла изъ-подъ печки, при чемъ на только что подметенномъ и усыпанномъ пескомъ полу оставила рядъ крестиковъ отъ своихъ осторожныхъ лапокъ, и клевала на лавкѣ изъ миски, покрытой полотенцемъ, какую-то стряпню, припасенную на ужинъ. Не видя хозяевъ, Екатерина обратилась къ Потемкину:

— Вѣроятно, здѣшняя хозяйка ушла въ поле на работу или на базаръ?

Императрица ласково протянула руку Іосифу и съ улыбкою попросила его сѣсть. Потемкинъ, Румянцевъ, Безбородко, Шуваловъ и прочіе изъ свиты Екатерины и Іосифа почтительно стали у дверей.

— Не закусить ли намъ чего-нибудь?

— Но есть ли у насъ что съ собою?—спросила Екатерина.

Кинулись къ экипажамъ. Оказалось, что впопыхахъ забыли взять съ собою придворную кухню императрицы.

— Да неужели тутъ нѣтъ чего-нибудь, хоть самаго простого?—начала Екатерина.—Ну, масла, куръ, яицъ, сметаны?.

— Трудно достать,—отвѣтилъ Шуваловъ:—мѣсто глухое, и всѣ теперь въ полѣ, на работѣ. Да верстъ на десять тутъ и поселка не найдешь... Вѣдь это, ваше величество, уже почти Запорожье...

Безбородко нашелся.

— А що, ваше сіятельство,—сказалъ онъ по-малороссійски Потемкину,—неужели мы не нагодуемъ царицы и ея гостя?

И, подвязавъ подъ мышки, въ видѣ фартука, носовой платокъ, онъ открылъ трубу, наложилъ въ печку щепокъ, вздулъ огонь, поставилъ на треногъ сковородку; очень ловко угадалъ, что подъ лавкою, въ чистомъ горшкѣ съ золою, должны быть куриныя яйца, выпустилъ ихъ съ дюжину на сковородку, и яичница вскорѣ зашипѣла. Румянцевъ и Шуваловъ отъ него не отставали: нашли въ сѣняхъ, въ подпольѣ, кринку масла, съ чердака стащили привѣшенный въ дымникѣ окорокъ, въ темной кладовой отыскали кувшинъ молока и все это уставили на столъ. Самъ Потемкинъ, въ чулкахъ и въ башмакахъ, закинувъ за спину полы шитаго золотомъ кафтана, не отставалъ отъ этихъ самоучекъ-поваровъ: онъ засучилъ рукава, и весьма усердно перемывалъ и перетиралъ для царскаго завтрака глиняныя миски и деревянныя тарелки корчмаря.

Между тѣмъ, пока готовился завтракъ, въ открытыхъ дверяхъ корчмы показался старикашка, согнутый, съ краснымъ носомъ и съ жиденькимъ бѣлымъ пухомъ на головѣ, бородѣ и около

ушей. Онъ остановился на порогѣ и въ изумленіи сталъ глядѣть по комнатѣ. Завидя его, собесѣдники замолчали и, въ разныхъ положеніяхъ, съ любопытствомъ устремили на него глаза.

— А что, панове-молодци,—началъ старичокъ, очевидно, бывшій навеселѣ:—ходилъ я на царицю подывиться! Да ба! Ничего не видѣлъ... Нѣту уже. Еще вчера проѣхала!

— Ты хозяинъ?—спросила Екатерина.

— Хозяинъ, пани-ма́тко, корчмарь. А вы изъ Мирной, чи зъ Кременчука?

— Изъ Кременчуга,—улыбнулась Екатерина, втайнѣ радуясь, что ее не узнали.

— А что, давно ли ты здѣсь торгуешь?—спросила императрица.

— Да еще какъ Пугача ловили, то я внука на войну снарядилъ, а самъ тутъ сѣлъ. Вотъ съ какого году, считайте сами...

— Сынъ у тебя есть?—продолжала Екатерина.

— Былъ, да ужъ три года какъ умеръ.

— Который же, дѣдушка, тебѣ годъ?

— Какой годъ? А вотъ какой. Девяносто восьмой годъ, говорятъ. Я еще и шведа не забылъ, какъ подъ Полтавою бился, да и самого царя Петра Алексѣевича видѣлъ...

Имя Петра Великаго оживило присутствовавшихъ. Всѣ тѣсно сдвинулись къ старику. Потемкинъ подошелъ къ нему и ободрительно-благосклонно потрепалъ его по плечу.

— Говори, говори, старикъ! Какъ тебя звать?—подхватила Екатерина.

Старикъ кашлянулъ, вынулъ изъ-за пазухи клѣтчатый платокъ и утерся.

— Постойте, пани-матко! Что-то утомился! Сяду немного. Ходилъ пѣшкомъ до самаго Днѣпра на царицю посмотрѣть, какая тамъ она есть, да прозѣвалъ... Гайда — уже проѣхала. А царя Петра такъ я точно видѣлъ и даже говорилъ съ нимъ, какъ шведа погнали до Переволочной, и мы панихиду на могилѣ служили. Зовутъ меня Галайда. Стойте, добродіи. Выпить хочется...

Беззубый Галайда выпилъ водки, замѣтилъ, что Шуваловъ изъ-за спины другихъ нюхаетъ табакъ, попросилъ и себѣ табакерку, понюхалъ, крякнулъ и началъ. Графъ Безбородко переводилъ его слова.

— Былъ я, пани-матко, и вы, панове-молодцы, былъ я, голубочко, краля ты моя, тогда казакомъ и служилъ у Мазепы въ войскѣ, только ему не передавался, чтобы ему пусто было! И царю не измѣнялъ, хоть и былъ еще совсѣмъ молодой... Какъ наступалъ на насъ шведъ, а меня поставили съ алебардою и пищаль

въ руки дали. Только туда-сюда, глядь, анъ велятъ уже бить не шведовъ, а москалей и шведу передаться. Не передавались мы и пошли гурьбой до лагеря. Тутъ палятъ изъ пушекъ, а мы хлѣба съ солью поѣли да и сами давай палить. Послѣ насъ перевели на гору Ворсклу, черезъ Лыкощинъ-бродъ. А тутъ вблизи уже царь стоитъ лагеремъ. Какъ стали стрѣлять изъ царскаго отряда, смотримъ, шведы и побѣжали.

Этимъ разсказомъ не кончилось. Императрица задала старику не одинъ еще вопросъ о видѣнномъ имъ.

Старику, наконецъ, сказали, кто передъ нимъ былъ. Онъ нѣсколько мгновеній остался въ совершенномъ столбнякѣ, потомъ упалъ на колѣни и вскрикнулъ: «Мàмо, царица, помилуй!»

Императрица милостиво подняла его, снова обласкала, садясь въ карету, и, видя, какъ онъ занялъ ея гостей и въ особенности Іосифа II, спросила у старика:

— Ну, дѣдушка, скажи же ты мнѣ, чего ты желаешь? Все, что скажешь, исполню. Говори. Не робѣй...

Старикъ взглянулъ на пышныхъ странниковъ, на придворныхъ, которые суетились вокругъ кареты, и задумался. Хмель его прошелъ.

— Ваше царское величество,—сказалъ онъ,—коли просить, такъ вотъ чего я попрошу. Дайте мнѣ денегъ рублей двадцать, коли ваша милость... Есть у меня племянникъ—полюбилъ одну дѣвку и посватался за нее, а батько ея не отдаетъ, затѣмъ, что бѣдный онъ. Ну, онъ и продался въ рекруты, нанялся за одного мѣщанина за двадцать карбованцевъ—ну, и гуляетъ теперь! Такъ коли бы его спасти отъ солдатчины, пропитыя деньги мѣщанину воротить, а его женить! Вотъ бы мнѣ подмога и была... Да и жаль его: малюетъ, вотъ какъ малюетъ всякія картины, что поискать! Въ Борисовкѣ учился и совсѣмъ вышелъ маляръ, и въ Переяславлѣ въ ученьи, въ бурсѣ былъ! Грамотный и совсѣмъ хорошій человѣкъ...

— Гдѣ же твой племянникъ?—спросила Екатерина.—И не поздно ли? Можетъ-быть, ему уже и лобъ забрили?

— Ни, мамо,—отвѣчалъ Галайда;—срокъ еще до завтра, а онъ въ Мирномъ! Тутъ неподалеку, на ярмаркѣ, гуляетъ со своимъ наемщикомъ...

Императрица обратилась къ графу Безбородко, поручила ему устроить судьбу племянника старика, назначила сумму на выкупъ его изъ рекрутъ и на его свадьбу и уѣхала снова на Днѣпръ.

Старый Галайда очутился въ раззолоченной каретѣ и съ графомъ Безбородко понесся на ярмарку въ Мирное.

Невыразимо было удивленіе ярмарочнаго люда, когда царская золотая карета въѣхала на торгъ, и изъ кареты вышли важный панъ, въ шелку и въ бархатѣ, и старый дѣдъ, въ онучахъ и въ свиткѣ. Кинулись искать рекрута. Онъ явился къ каретѣ, какъ былъ, съ музыкантами и съ толпою гулявшаго съ нимъ народа.

По мѣстному обычаю, Боровиковскій (такъ звали племянника стараго Галайды) еще съ утра обвѣшался лентами и платками, взялъ музыкантовъ, выговоренныхъ у своего нанимателя, и пошелъ на торгъ.

— Ты наемщикъ въ рекруты? Ты Боровиковскій?—спросилъ онъ, вглядываясь въ забулдыгу, который уже не могъ какъ слѣдуетъ танцовать, но все еще подъ хоръ музыки переминался на мѣстѣ и подплясывалъ

— Я... а вамъ что, пане-добродію?

— Ну, Боровиковскій, готовься же: меня послала сама царица. Бросай своего нанимателя... Вотъ деньги за тебя и за все, что ты растратилъ.

Мѣщанинъ вытаращилъ глаза и, дрожа, лепеталъ:

— За что же, помилуйте, не погубите!

Старику и маляру было велѣно немедленно снаряжаться и ѣхать на царской подводѣ въ Полтаву.

На возвратномъ пути изъ Крыма, подъ Полтавою, императрица смотрѣла неслыханные и невиданные дотолѣ маневры, гдѣ былъ искусно представленъ примѣрный бой русскихъ и шведовъ. И эти маневры были устроены по указаніямъ стараго Галайды.

Боровиковскій отличился на другомъ поприщѣ.

Полтавское дворянство, въ самомъ городѣ, выстроило залу для встрѣчи императрицы. Его маршалу кто-то шепнулъ о любопытной судьбѣ племянника Галайды. Маршалъ призвалъ маляра.

— Можешь ли ты расписать царскую залу? — спросилъ онъ.

— Могу.

— А какъ брешешь?

— Ни, убей Богъ, не брешу!

— Ну, смотри же! Вотъ тебѣ краски и кисти, что остались отъ новаго иконостаса въ соборѣ. Малюй, да берегись! Испакостишь дѣло, дамъ тебѣ двѣсти батоговъ въ спину...

Боровиковскій принялся за работу и изумилъ всѣхъ.

Когда императрица въѣхала въ Полтаву и вошла въ изукрашенную дворянскую залу, четыре картины на четырехъ стѣнахъ представились ея глазамъ.

На одной былъ изображенъ во весь ростъ Петръ Великій, въ видѣ плугатаря, пахавшаго тяжелымъ плугомъ пустынную, заросшую терніемъ и бурьянами почву Россіи.

На противоположной стѣнѣ была изображена Екатерина Вторая въ видѣ сѣятельницы, бросавшей изъ лукошка на плечѣ сѣмена въ эту разрыхленную уже почву.

На третьей стѣнѣ изображалась опять Екатерина, съ перомъ въ рукѣ и съ вдохновенно-откинутой головой.

Боровиковскій получилъ ходъ и впослѣдствіи прославился въ Петербургѣ своими работами по церковной и портретной живописи.

Изъ „Капитанской дочки".

ГЛАВА II.

Вожатый.

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не самъ ли я на тебя зашелъ,
Что не добрый ли да меня коня завезъ:
Завезла меня, добраго молодца,
Прыткость, бодрость молодецкая,
И хмелинушка кабацкая.

Старинная пѣсня.

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону, и, наконецъ, снявъ шапку, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Баринъ, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачѣмъ?

— Время ненадежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу.

— Что жъ за бѣда!

— А видишь тамъ что?

Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ.

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

— А вонъ-вонъ: это облачко.

Я увидѣлъ, въ самомъ дѣлѣ, на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было сперва за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ.

Я слыхалъ о тамошнихъ метеляхъ и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ: я

понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ, между тѣмъ, часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ; сдѣлалась метель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло.

— Ну, баринъ,—закричалъ ямщикъ,—бѣда, буранъ!..

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ выл съ такой свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали.

— Что же ты не ѣдешь?—спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.

— Да что ѣхать?—отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка.—Нивѣсть и такъ, куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ.

Я сталъ было его бранить. Савельичъ за него заступился. «И охота было не слушаться,—говорилъ онъ сердито,—воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бъ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы на свадьбу!» Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣяся увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго крученія метели... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное.

— Эй, ямщикъ!—закричалъ я.—Смотри, что тамъ такое чернѣется?

Ямщикъ сталъ всматриваться.

— А Богъ знаетъ, баринъ,—сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто,—возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно-быть, или волкъ или человѣкъ.

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ навстрѣчу. Черезъ двѣ минуты поровнялись съ человѣкомъ

— Гей, добрый человѣкъ!—закричалъ ему ямщикъ.—Скажи, не знаешь ли, гдѣ дорога?

— Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ,—отвѣчалъ дорожный,—да что толку?

— Послушай, мужичокъ,—сказалъ я ему,—знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?

— Сторона мнѣ знакомая,—отвѣчалъ дорожный;—слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперекъ. Да вишь, какая погода; какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться да переждать, авось буранъ утихнетъ да небо прояснится; тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ.

Его хладнокровіе ободрило меня. Я ужъ рѣшился, предавъ себя Божіей волѣ, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучокъ и сказалъ ямщику:

— Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поѣзжай.

— А почему ѣхать мнѣ вправо?— спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ.— Гдѣ ты видишь дорогу? Небось, лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй, не стой.

Ямщикъ казался мнѣ правъ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ я,—почему думаешь ты, что жило недалече?

— А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ,—отвѣчалъ дорожный,—и я слышу, дымомъ пахнуло; знать, деревня близко.

Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то въѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мой бокъ. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

— Выходи, сударь, пріѣхали.

— Куда пріѣхали?—спросилъ я, протирая глаза.

— На постоялый дворъ. Господь помогъ, наткнулись прямо на заборъ. Выходи, сударь, скорѣй да обогрѣйся.

Я вышелъ изъ кибитки. Буранъ еще продолжался, хотя съ меньшею силою. Было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа фонарь подъ полою, и ввелъ меня въ горницу, тѣсную, но довольно чистую; лучина освѣщала ее. На стѣнѣ висѣла винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяинъ, родомъ яицкій казакъ, казался, мужикъ лѣтъ шестидесяти, еще свѣжій и бодрый. Савельичъ внесъ за мною погребецъ, потребовалъ огня, чтобъ готовить чай, который никогда такъ не казался мнѣ нуженъ. Хозяинъ пошелъ хлопотать.

— Гдѣ же вожатый?—спросилъ я у Савельича.

— Здѣсь, ваше благородіе,—отвѣчалъ мнѣ голосъ сверху.

Я взглянулъ на полати и увидѣлъ черную бороду и два сверкающіе глаза.

— Что, братъ, прозябъ?

— Какъ не прозябнуть въ одномъ худенькомъ армякѣ! Былъ тулупъ, да что грѣха таить — заложилъ вечоръ у цѣловальника: морозъ показался невеликъ.

Въ эту минуту хозяинъ вошелъ съ кипящимъ самоваромъ; я предложилъ вожатому нашему чашку чаю; мужикъ слѣзъ съ полатей. Наружность его показалась мнѣ замѣчательна. Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые большіе глаза такъ и бѣгали. Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. Волосы были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и татарскія шаровары. Я поднесъ ему чашку чаю; онъ отвѣдалъ и поморщился. «Ваше благородіе, сдѣлайте мнѣ такую милость... прикажите поднести стаканъ вина; чай не наше казацкое питье». Я съ охотой исполнилъ его желаніе. Хозяинъ вынулъ изъ ставца штофъ и стаканъ, подошелъ къ нему и, взглянувъ ему въ лицо: «Эхе, — сказалъ онъ, — опять ты въ нашемъ краю! Отколѣ Богъ принесъ?» Вожатый мой мигнулъ значительно и отвѣчалъ поговоркою: «Въ огородѣ леталъ, конопли клевалъ; швырнула бабушка камушкомъ, да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что наши!—отвѣчалъ хозяинъ, продолжая иносказательный разговоръ.—Стали было къ вечернѣ звонить, да попадья не велитъ: попъ въ гостяхъ, черти на погостѣ.

— Молчи, дядя,—возразилъ мой бродяга;—будетъ дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ; а теперь (тутъ онъ мигнулъ опять) заткни топоръ за спину: лѣсничій ходитъ. Ваше благородіе! За ваше здоровье!

При сихъ словахъ онъ взялъ стаканъ, перекрестился и выпилъ однимъ духомъ, потомъ поклонился мнѣ и воротился на полати.

Я ничего не могъ тогда понять изъ этого воровского разговора, но послѣ уже догадался, что дѣло шло о дѣлахъ яицкаго войска, въ то время только что усмиреннаго послѣ бунта 1772 г. Савельичъ слушалъ съ видомъ большого неудовольствія. Онъ посматривалъ съ подозрѣніемъ то на хозяина, то на вожатаго. Постоялый дворъ, или по тамошнему *уметъ*, находился въ сторонѣ, въ степи, далече отъ всякаго селенія, и очень походилъ на разбойническую пристань. Но дѣлать было нечего. Нельзя было и подумать о продолженіи пути. Безпокойство Савельича очень меня забавляло. Между тѣмъ я расположился ночевать и легъ на

лавку. Савельичъ рѣшился убраться на печь; хозяинъ легъ на полу. Скоро вся изба захрапѣла, и я заснулъ какъ убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидѣлъ, что буря утихла. Солнце сіяло. Снѣгъ лежалъ ослѣпительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ такую умѣренную плату, что Савельичъ съ нимъ не заспорилъ и не сталъ торговаться по своему обыкновенію, и вчерашнія подозрѣнія изгладились совершенно изъ головы его. Я позвалъ вожатаго, благодарилъ за оказанную помощь и велѣлъ Савельичу дать ему полтину на водку. Савельичъ нахмурился. «Полтину на водку!—сказалъ онъ.—За что это? За то, что ты же изволилъ подвезти его къ постоялому двору? Воля твоя, сударь: нѣтъ у насъ лишнихъ полтинъ. Всякому давать на водку, такъ самому скоро придется голодать». Я не могъ спорить съ Савельичемъ. Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. Мнѣ было досадно, однакожъ, что не могъ отблагодарить человѣка, выручившаго меня если не изъ бѣды, то, по крайней мѣрѣ, изъ очень непріятнаго положенія.

— Хорошо,—сказалъ я хладнокровно,—если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь изъ моего платья. Онъ одѣтъ слишкомъ легко. Дай ему мой заячій тулупъ.

— Помилуй, батюшка Петръ Андреевичъ! — сказалъ Савельичъ. — Зачѣмъ ему твой заячій тулупъ? Онъ его пропьетъ, собака, въ первомъ кабакѣ.

— Это, старинушка, ужъ не твоя печаль,—сказалъ мой бродяга:—пропью ли я, или нѣтъ. Его благородіе жалуетъ мнѣ шубу съ своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дѣло—не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойникъ!—отвѣтилъ ему Савельичъ сердитымъ голосомъ.—Ты видишь, что дитя еще не смыслитъ, а ты и радъ его обобрать, простоты его ради. Зачѣмъ тебѣ барскій тулупчикъ? Ты и не напялишь его на свои окаянныя плечища.

— Прошу не умничать,—сказалъ я своему дядькѣ;—сейчасъ неси сюда тулупъ.

— Господи Владыко!—простоналъ мой Савельичъ.—Заячій тулупъ почти новешенькій! И добро бы кому, а то пьяницѣ оголѣлому!

Однако заячій тулупъ явился. Мужичокъ тутъ же сталъ его примѣривать. Въ самомъ дѣлѣ, тулупъ, изъ котораго успѣлъ и я вырасти, былъ немножко и для меня узокъ. Однако онъ кое-какъ умудрился и надѣлъ его, распоровъ по швамъ. Савельичъ

чуть не завылъ, услышавъ, какъ нитки затрещали. Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкимъ поклономъ: «Спасибо, ваше благородіе! Награди васъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милостей». Онъ пошелъ въ свою сторону, а я отправился далѣе, не обращая вниманія на Савельича, и скоро позабылъ о вчерашней вьюгѣ, о своемъ вожатомъ и о заячьемъ тулупѣ.

ГЛАВА III.

Крѣпость.

Мы въ фортеціи живемъ,
Хлѣбъ ѣдимъ и воду пьемъ;
А какъ лютые враги
Придутъ къ намъ на пироги,
Зададимъ гостямъ пирушку:
Зарядимъ картечью пушку.

Солдатская пѣсня.

Старинные люди, мой батюшка.

Недоросль.

Бѣлогорская крѣпость находилась въ сорока верстахъ отъ Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Рѣка не замерзала, и ея свинцовыя волны грустно чернѣли въ однообразныхъ берегахъ, покрытыхъ бѣлымъ снѣгомъ. За ними простирались киргизскія степи. Я погрузился въ размышленія, большею частію печальныя. Гарнизонная жизнь мало имѣла для меня привлекательности. Я старался вообразить себѣ капитана Миронова, моего будущаго начальника, и представлялъ его строгимъ, сердитымъ старикомъ, не знающимъ ничего, кромѣ своей службы, и готовымъ за всякую бездѣлицу сажать меня подъ арестъ на хлѣбъ и воду. Между тѣмъ начало смеркаться. Мы ѣхали довольно скоро. «Далече ли до крѣпости?» спросилъ я у своего ямщика. «Недалече,— отвѣчалъ онъ.—Вонъ ужъ видна». Я глянулъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозные бастіоны, башни и валъ, но ничего не видалъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или четыре скирды сѣна, полузанесенныя снѣгомъ; съ другой—скривившаяся мельница, съ лубочными крыльями, лѣниво опущенными. «Гдѣ же крѣпость?» спросилъ я съ удивленіемъ. «Да вотъ она», отвѣчалъ ямщикъ, указывая на деревушку, и съ этимъ словомъ мы въ нее въѣхали. У воротъ увидѣлъ я старую чугунную пушку; улицы были тѣсны и кривы; избы низки и большею частію крыты соломою. Я велѣлъ

ѣхать къ коменданту, и черезъ минуту кибитка остановилась передъ деревяннымъ домикомъ, выстроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, близъ деревянной же церкви.

Никто не встрѣтилъ меня. Я вошелъ въ сѣни и отворилъ дверь въ переднюю. Старый инвалидъ, сидя на столѣ, нашивалъ синюю заплату на локоть зеленаго мундира. Я велѣлъ ему доложить обо мнѣ. «Войди, батюшка,—отвѣчалъ инвалидъ,—наши дома». Я вошелъ въ чистенькую комнатку, убранную по-старинному. Въ углу стоялъ шкапъ съ посудой; на стѣнѣ висѣлъ дипломъ офицерскій за стекломъ и въ рамкѣ; около него красовались лубочныя картинки, представляющія взятіе Кистрина и Очакова, также выборъ невѣсты и погребеніе кота. У окна сидѣла старушка въ тѣлогрѣйкѣ и съ платкомъ на головѣ. Она разматывала нитки, которыя держалъ, распяливъ на рукахъ, кривой старичокъ въ офицерскомъ мундирѣ. «Что вамъ угодно, батюшка?» спросила она, продолжая свое занятіе. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ на службу и явился по долгу своему къ господину капитану, и съ этимъ словомъ обратился было къ кривому старику, принимая его за коменданта, но хозяйка перебила затверженную мною рѣчь. «Ивана Кузьмича дома нѣтъ,—сказала она,—онъ пошелъ въ гости къ отцу Герасиму; да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула дѣвку и велѣла ей позвать урядника. Старичокъ своимъ одинокимъ глазомъ поглядывалъ на меня съ любопытствомъ. «Смѣю спросить,—сказалъ онъ,—вы въ какомъ полку изволили служить?» Я удовлетворилъ его любопытству. «А смѣю спросить,—продолжалъ онъ,—зачѣмъ изволили вы перейти изъ гвардіи въ гарнизонъ?» Я отвѣчалъ, что такова была воля начальства. «Чаятельно, за неприличные гвардіи офицеру поступки?» продолжалъ неутомимый вопрошатель. «Полно врать пустяки,—сказала ему капитанша;—ты видишь, молодой человѣкъ съ дороги усталъ; ему не до тебя... держи-ка руки прямѣе... А ты, мой батюшка,—продолжала она, обращаясь ко мнѣ,—не печалься, что тебя упекли въ наше захолустье. Не ты первый, не ты послѣдній. Стерпится — слюбится. Швабринъ, Алексѣй Иванычъ, вотъ ужъ пятый годъ какъ къ намъ переведенъ за смертоубійство. Богъ знаетъ, какой грѣхъ его попуталъ; онъ, изволишь видѣть, поѣхалъ за городъ съ однимъ поручикомъ, да взяли съ собою шпаги, да и ну другъ въ друга пырять, а Алексѣй Иванычъ и закололъ поручика, да еще при двухъ свидѣтеляхъ! Что прикажешь дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ».

Въ эту минуту вошелъ урядникъ, молодой и статный казакъ.

— Максимычъ!—сказала ему капитанша.—Отведи г. офицеру квартиру да почище.

— Слушаю, Василиса Егоровна,—отвѣчалъ урядникъ.—Не помѣстить ли его благородіе къ Ивану Полежаеву?

— Врешь, Максимычъ,—сказала капитанша,—у Полежаева и такъ тѣсно; онъ же мнѣ кумъ и помнитъ, что мы его начальники. Отведи г. офицера... какъ ваше имя и отчество, мой батюшка?

— Петръ Андреичъ.

— Отведи Петра Андреича къ Семену Кузову. Онъ, мошенникъ, лошадь свою пустилъ ко мнѣ въ огородъ. Ну что, Максимычъ, все ли благополучно?

— Все, слава Богу, тихо,—отвѣчалъ казакъ,—только капралъ Прохоровъ подрался въ банѣ съ Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

— Иванъ Игнатьичъ! — сказала капитанша кривому старичку. — Разбери Прохорова съ Устиньей, кто правъ, кто виноватъ. Да обоихъ и накажи. Ну, Максимычъ, ступай себѣ съ Богомъ. Петръ Андреичъ, Максимычъ отведетъ васъ на вашу квартиру.

Я откланялся. Урядникъ привелъ меня въ избу, стоявшую на высокомъ берегу рѣки, на самомъ краю крѣпости. Половина избы занята была семьей Семена Кузова, другую отвели мнѣ. Она состояла изъ одной горницы, довольно опрятной, раздѣленной надвое перегородкой. Савельичъ сталъ въ ней распоряжаться; я сталъ глядѣть въ узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло нѣсколько избушекъ; по улицѣ бродило нѣсколько курицъ. Старуха, стоя на крыльцѣ съ корытомъ, кликала свиней, которыя отвѣчали ей дружелюбнымъ хрюканьемъ. И вотъ въ какой сторонѣ осужденъ я былъ проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошелъ отъ окошка и легъ спать безъ ужина, несмотря на увѣщанія Савельича, который повторялъ съ сокрушеніемъ: «Господи Владыко! Ничего кушать не изволитъ! Что скажетъ барыня, коли дитя занеможетъ?»

На другой день поутру я только что сталъ одѣваться, какъ дверь отворилась и ко мнѣ вошелъ молодой офицеръ, невысокаго роста, съ лицомъ смуглымъ и отмѣнно некрасивымъ, но чрезвычайно живымъ. «Извините меня,—сказалъ онъ мнѣ по-французски,— что я безъ церемоніи прихожу съ вами познакомиться. Вчера узналъ я о вашемъ пріѣздѣ; желаніе увидѣть, наконецъ, человѣческое лицо такъ овладѣло мною, что я не вытерпѣлъ. Вы это поймете, когда проживете здѣсь нѣсколько времени». Я догадался, что это былъ офицеръ, выписанный изъ гвардіи за поеди-

нокъ. Мы тотчасъ познакомились. Швабринъ былъ очень не глупъ. Разговоръ его былъ остеръ и занимателенъ. Онъ съ большой веселостію описалъ мнѣ семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смѣялся отъ чистаго сердца, какъ вошелъ ко мнѣ инвалидъ, который чинилъ мундиръ въ передней коменданта, и отъ имени Василисы Егоровны позвалъ меня къ нимъ обѣдать. Швабринъ вызвался итти со мною вмѣстѣ.

Подходя къ комендантскому дому, мы увидѣли на площадкѣ человѣкъ двадцать старенькихъ инвалидовъ съ длинными косами и въ треугольныхъ шляпахъ. Они выстроены были во фрунтъ. Впереди стоялъ комендантъ, старикъ бодрый и высокаго роста, въ колпакѣ и въ китайчатомъ халатѣ. Увидя насъ, онъ къ намъ подошелъ, сказалъ мнѣ нѣсколько словъ и сталъ опять командовать. Мы остановились было смотрѣть на ученіе, но онъ просилъ насъ итти къ Василисѣ Егоровнѣ, обѣщаясь быть вслѣдъ за нами. «А здѣсь,—прибавилъ онъ,—нечего вамъ смотрѣть».

Василиса Егоровна приняла насъ запросто и радушно и обошлась со мною, какъ бы вѣкъ была знакома. Инвалидъ и Палашка накрывали на столъ. «Что это мой Иванъ Кузьмичъ сегодня такъ заучился!—сказала комендантша.—Палашка, позови барина обѣдать. Да гдѣ же Маша?» Тутъ вошла дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, круглолицая, румяная, съ свѣтло-русыми волосами, гладко зачесанными за уши, которыя у ней такъ и горѣли. Марья Ивановна сѣла въ уголъ и стала шить. Между тѣмъ подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за нимъ Палашку. «Скажи барину: гости де ждутъ, щи простынутъ; слава Богу, ученье не уйдетъ; успѣетъ накричаться». Капитанъ вскорѣ явился, сопровождаемый кривымъ старичкомъ.

— Что это, мой батюшка,—сказала ему жена,—кушанье давнымъ-давно подано, а тебя не дозовешься?

— А слышь ты, Василиса Егоровна,—отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ,—я былъ занятъ службою: солдатушекъ училъ.

— И полно!—возразила капитанша.—Только слава, что солдатъ учишь: ни имъ служба не дается ни ты въ ней толку не вѣдаешь. Сидѣлъ бы дома да Богу молился, такъ было бы лучше. Дорогіе гости, милости просимъ за столъ.

Мы сѣли обѣдать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, гдѣ живутъ и каково ихъ состояніе. Услыша, что у батюшки триста душъ крестьянъ, «Легко ли!—сказала она.—Вѣдь есть же на свѣтѣ богатые люди! А у насъ, мой батюшка, всего-то одна дѣвка Палашка; да, слава Богу, живемъ помаленьку. Одна бѣда: Маша—дѣвка на выданьѣ, а какое у ней приданое? Частый гре-

бень да вѣникъ да алтынъ денегъ (прости Богъ!), съ чѣмъ въ баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человѣкъ, а то сиди въ дѣвкахъ вѣковѣчной невѣстою». Я взглянулъ на Марью Ивановну, она вся покраснѣла и даже слезы капнули на ея тарелку. Мнѣ стало жаль ее, и я спѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Я слышалъ,—сказалъ я довольно некстати,—что на вашу крѣпость собираются напасть башкирцы.

— Отъ кого, батюшка, ты изволилъ это слышать?—спросилъ Иванъ Кузьмичъ.

— Мнѣ такъ сказывали въ Оренбургѣ,—отвѣчалъ я.

— Пустяки!—сказалъ комендантъ.—У насъ давно ничего не слыхать. Башкирцы — народъ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на насъ не сунутся; а насунутся, такъ я такую задамъ острастку, что лѣтъ на десять угомоню.

— И вамъ не страшно,—продолжалъ я, обращаясь къ капитаншѣ,— оставаться въ крѣпости, подверженной такимъ опасностямъ?

— Привычка, мой батюшка, — отвѣчала она. — Тому лѣтъ двадцать, какъ насъ изъ полка перевели сюда, и не приведи Господи, какъ я боялась проклятыхъ этихъ нехристей! Какъ завижу, бывало, рысьи шапки да какъ заслышу ихъ визгъ, вѣришь ли, отецъ мой, сердце такъ и замретъ! А теперь такъ привыкла, что и съ мѣста не тронусь, какъ придутъ намъ сказать, что злодѣи около крѣпости рыщутъ.

— Василиса Егоровна прехрабрая дама, — замѣтилъ важно Швабринъ.—Иванъ Кузьмичъ можетъ это засвидѣтельствовать.

— Да, слышь ты,—сказалъ Иванъ Кузьмичъ,—баба-то не робкаго десятка.

— А Марья Ивановна, — спросилъ я, — такъ же ли смѣла, какъ и вы?

— Смѣла ли Маша?—отвѣчала мать.—Нѣтъ, Маша трусиха. До сихъ поръ не можетъ слышать выстрѣла изъ ружья: такъ и затрепещется. А какъ тому два года Иванъ Кузьмичъ выдумалъ въ мои именины палить изъ нашей пушки, такъ она, моя голубушка, чуть со страха на тотъ свѣтъ не отправилась. Съ тѣхъ поръ ужъ и не палимъ изъ проклятой пушки.

Мы встали изъ-за стола. Капитанъ съ капитаншею отправились спать; а я пошелъ къ Швабрину, съ которымъ и провелъ цѣлый вечеръ.

ГЛАВА VI

Пугачевщина.

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будемъ сказывати.

Пѣсня.

Однажды вечеромъ (это было въ началѣ октября 1773 года) сидѣлъ я дома одинъ, слушая вой осенняго вѣтра и смотря въ окно на тучи, бѣгущія мимо луны. Пришли меня звать отъ имени коменданта. Я тотчасъ отправился. У коменданта нашелъ я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкаго урядника. Въ комнатѣ не было ни Василисы Егоровны ни Марьи Ивановны. Комендантъ со мною поздоровался съ видомъ озабоченнымъ. Онъ заперъ двери, всѣхъ усадилъ, кромѣ урядника, который стоялъ у дверей, вынулъ изъ кармана бумагу и сказалъ намъ: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишетъ генералъ». Тутъ онъ надѣлъ очки и прочелъ слѣдующее:

«Господину коменданту Бѣлогорской крѣпости
капитану Миронову.
По секрету

Симъ извѣщаю васъ, что убѣжавшій изъ-подъ караула донской казакъ и раскольникъ Емельянъ Пугачевъ, учиня непростительную дерзость, принятіемъ на себя имени покойнаго императора Петра III, собралъ злодѣйскую шайку, произвелъ возмущеніе въ яицкихъ селеніяхъ и уже взялъ и разорилъ нѣсколько крѣпостей, произведя вездѣ грабежи и смертныя убійства. Того ради, съ полученіемъ сего, имѣете вы, господинъ капитанъ, немедленно принять надлежащія мѣры къ отраженію помянутаго злодѣя и самозванца, а буде можно, и къ совершенному уничтоженію онаго, если онъ обратится на крѣпость, ввѣренную вашему попеченію».

— Принять надлежащія мѣры!—сказалъ комендантъ, снимая очки и складывая бумагу.—Слышь ты, легко сказать. Злодѣй-то, видно, силенъ; а у насъ всего сто тридцать человѣкъ, не считая казаковъ, на которыхъ плоха надежда, не въ укоръ буди тебѣ сказано, Максимычъ (урядникъ усмѣхнулся). Однако дѣлать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры, въ случаѣ нападенія запирайте ворота да выводите солдатъ. Ты, Максимычъ, смотри крѣпко за своими казаками. Пушку осмотрѣть да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите все это втайнѣ, чтобъ въ крѣпости никто не могъ о томъ узнать преждевременно.

Раздавъ сіи повелѣнія, Иванъ Кузьмичъ насъ распустилъ.

Вскорѣ всѣ заговорили о Пугачевѣ. Толки были различны. Комендантъ послалъ урядника съ порученіемъ развѣдать хорошенько обо всемъ по сосѣднимъ селеніямъ и крѣпостямъ. Урядникъ возвратился черезъ два дня и объявилъ, что въ степи, верстъ за шестьдесятъ отъ крѣпости, видѣлъ онъ множество огней и слышалъ отъ башкирцевъ, что идетъ невѣдомая сила. Впрочемъ, не могъ онъ сказать ничего положительнаго, потому что ѣхать далѣе побоялся

Въ крѣпости между казаками замѣтно стало необыкновенное волненіе: во всѣхъ улицахъ они толпились въ кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизоннаго солдата.

Мы собрались опять. Иванъ Кузьмичъ въ присутствіи жены прочелъ намъ воззваніе Пугачева, писанное какимъ-нибудь полуграмотнымъ казакомъ. Разбойникъ объявлялъ о своемъ намѣреніи немедленно итти на нашу крѣпость, приглашалъ казаковъ и солдатъ въ свою шайку, а командировъ увѣщавалъ не сопротивляться, угрожая казнію въ противномъ случаѣ. Воззваніе написано было въ грубыхъ, но сильныхъ выраженіяхъ, и должно было произвести опасное впечатлѣніе на умы простыхъ людей.

— Каковъ мошенникъ! — воскликнула комендантша. — Что смѣетъ еще намъ предлагать! Выйти къ нему навстрѣчу и положить къ ногамъ его знамена! Ахъ онъ, собачій сынъ! Да развѣ не знаетъ онъ, что мы уже сорокъ лѣтъ въ службѣ, и всего, слава Богу, насмотрѣлись? Неужто нашлись такіе командиры, которые послушались разбойника?

— Кажется, не должно бы,—отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ.—А слышно, злодѣй завладѣлъ ужъ многими крѣпостями.

— Видно, въ самомъ дѣлѣ силенъ,—замѣтилъ Швабринъ.

Мы стали разсуждать о нашемъ положеніи, какъ вдругъ Василиса Егоровна вошла въ комнату, задыхаясь и съ видомъ чрезвычайно встревоженнымъ.

— Что это съ тобою сдѣлалось?—спросилъ изумленный комендантъ.

— Батюшка, бѣда!—отвѣчала Василиса Егоровна.—Нижнеозерная взята сегодня утромъ. Работникъ отца Герасима сейчасъ оттуда воротился. Онъ видѣлъ, какъ ее брали. Комендантъ и всѣ офицеры перевѣшаны. Всѣ солдаты взяты въ полонъ. Того и гляди, злодѣи будутъ сюда.

Неожиданная вѣсть сильно меня поразила. Комендантъ Нижнеозерной крѣпости, тихій и скромный молодой человѣкъ, былъ мнѣ знакомъ: мѣсяца за два передъ тѣмъ проѣзжалъ онъ

изъ Оренбурга съ молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузьмича. Нижнеозерная находилась отъ нашей крѣпости верстахъ въ двадцати пяти. Съ часу на часъ должно было и намъ ожидать нападенія Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мнѣ, и сердце у меня такъ и замерло.

— Послушайте, Иванъ Кузьмичъ!—сказалъ я коменданту.— Долгъ нашъ защищать крѣпость до послѣдняго издыханія: объ этомъ и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщинъ. Отправьте ихъ въ Оренбургъ, если дорога еще свободна, или въ отдаленную, болѣе надежную крѣпость, куда злодѣи не успѣли бы достигнуть.

Иванъ Кузьмичъ оборотился къ женѣ и сказалъ ей:

— А слышь ты, матушка, и въ самомъ дѣлѣ, не отправить ли васъ подалѣе, пока не управимся мы съ бунтовщиками?

— И, пустое!—сказала комендантша.—Гдѣ такая крѣпость, куда бы пули не залетали? Чѣмъ Бѣлогорская не надежна? Слава Богу, двадцать второй годъ въ ней проживаемъ. Видали и башкирцевъ и киргизцевъ: авось, и отъ Пугачева отсидимся!

— Ну, матушка,—возразилъ Иванъ Кузьмичъ.—Оставайся, пожалуй, коли ты на крѣпость нашу надѣешься. Да съ Машей-то что намъ дѣлать? Хорошо, коли отсидимся или дождемся сикурса; ну, а коли злодѣи возьмутъ крѣпость?

— Ну, тогда...

Тутъ Василиса Егоровна заикнулась и замолчала съ видомъ чрезвычайнаго волненія.

— Нѣтъ, Василиса Егоровна,—продолжалъ комендантъ, замѣчая, что слова его подѣйствовали, можетъ-быть, въ первый разъ въ его жизни,—Машѣ здѣсь оставаться не гоже. Отправимъ ее въ Оренбургъ, къ ея крестной матери: тамъ и войска, и пушекъ довольно, и стѣна каменная. Да и тебѣ совѣтовалъ бы съ нею туда же отправиться.

— Добро,—сказала комендантша.—Такъ и быть, отправимъ Машу. А меня и во снѣ не проси: не поѣду; нечего мнѣ подъ старость лѣтъ разставаться съ тобою да искать одинокой могилы на чужой сторонѣ. Вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать.

— И то дѣло,—сказалъ комендантъ.—Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу въ дорогу. Завтра чѣмъ свѣтъ ее и отправимъ да дадимъ ей и конвой, хоть людей лишнихъ у насъ нѣтъ. Да гдѣ же Маша?

— У Акулины Памфиловны,—отвѣчала комендантша.—Ей сдѣлалось дурно, какъ услышала о взятіи Нижнеозерной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи Владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать объ отъѣздѣ дочери. Разговоръ у коменданта продолжался, но я уже въ него не мѣшался и ничего не слушалъ. Марья Ивановна явилась къ ужину блѣдная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали изъ-за стола скорѣе обыкновеннаго; простясь со всѣмъ семействомъ, мы отправились по домамъ.

ГЛАВА VII.

Приступъ.

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Ахъ, не выслужила головушка
Ни корысти себѣ ни радости,
Какъ ни слова себѣ добраго
И ни рангу себѣ высокаго;
Только выслужила головушка
Два высокіе столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народная пѣсня.

Въ эту ночь я не спалъ и не раздѣвался. Я намѣренъ былъ отправиться на зарѣ къ крѣпостнымъ воротамъ, откуда Марья Ивановна должна была выѣхать, и тамъ проститься съ нею въ послѣдній разъ. Ночь прошла незамѣтно. Я хотѣлъ уже выйти изъ дому, какъ дверь моя отворилась и ко мнѣ явился капралъ съ донесеніемъ, что наши казаки ночью выступили изъ крѣпости и что около крѣпости разъѣзжаютъ невѣдомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успѣетъ выѣхать, ужаснула меня; я поспѣшно далъ капралу нѣсколько наставленій и тотчасъ бросился къ коменданту.

Ужъ разсвѣтало. Я летѣлъ по улицѣ, какъ услышалъ, что зовутъ меня. Я остановился.

— Куда вы? — сказалъ Иванъ Игнатьичъ, догоняя меня.— Иванъ Кузьмичъ на валу и послалъ меня за вами. Пугачъ пришелъ.

— Уѣхала ли Марья Ивановна?—спросилъ я съ сердечными трепетомъ.

— Не успѣла, — отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ. — Дорога въ Оренбургъ отрѣзана; крѣпость окружена. Плохо, Петръ Андреичъ!

Мы пошли на валъ, возвышеніе, образованное природой и укрѣпленное частоколомъ. Тамъ уже толпились всѣ жители крѣ-

пости. Гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ. Пушку туда перетащили наканунѣ. Комендантъ расхаживалъ передъ своимъ малочисленнымъ строемъ. Близость опасности одушевляла стараго воина бодростію необыкновенной. По степи, не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости, разъѣзжали человѣкъ двадцать верхами. Они, казалося, были казаки, но между ними находились и башкирцы, которыхъ легко было распознать по ихъ рысьимъ шапкамъ и по колчанамъ. Комендантъ обошелъ свое войско, говоря солдатамъ: «Ну, дѣтушки, постоимъ сегодня за матушку государыню и докажемъ всему свѣту, что мы люди бравые и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердіе. Швабринъ стоялъ подлѣ меня и пристально глядѣлъ на непріятеля. Люди, разъѣзжающіе въ степи, замѣтя движеніе въ крѣпости, съѣхались въ кучку и стали между собою толковать. Комендантъ велѣлъ Ивану Игнатьичу навести пушку на ихъ толпу и самъ приставилъ фитиль. Ядро зажужжало и пролетѣло надъ ними, не сдѣлавъ никакого вреда. Наѣздники, разсѣясь, тотчасъ ускакали изъ виду, и степь опустѣла.

Тутъ явилась на валу Василиса Егоровна и съ нею Маша, не хотѣвшая отстать отъ нея.

— Ну, что?—сказала комендантша.—Каково идетъ баталія? Гдѣ же непріятель?

— Непріятель недалеко,—отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ.—Богъ дастъ, все будетъ ладно. Что, Маша, страшно тебѣ?

— Нѣтъ, папенька, — отвѣчала Марья Ивановна, — дома одной страшнѣе.

Тутъ она взглянула на меня и съ усиліемъ улыбнулась. Я невольно стиснулъ рукоять моей шпаги, вспомня, что наканунѣ получилъ ее изъ ея рукъ, какъ бы на защиту моей любезной. Сердце мое горѣло. Я воображалъ себя ея рыцаремъ. Я жаждалъ доказать, что былъ достоинъ ея довѣренности, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать рѣшительной минуты.

Въ это время изъ-за высоты, находившейся въ полверстѣ отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ степь усѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками. Между ними, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ человѣкъ въ красномъ кафтанѣ съ обнаженной саблею въ рукѣ; это былъ самъ Пугачевъ. Онъ остановился; его окружили и, какъ видно, по его повелѣнію, четыре человѣка отдѣлились и во весь опоръ подскакали подъ самую крѣпость. Мы въ нихъ узнали нашихъ измѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ держалъ надъ шапкою листъ бумаги; у другого на копьѣ воткнута была голова Юлая, которую, стряхнувъ, перекинулъ онъ къ намъ черезъ частоколъ. Голова бѣднаго калмыка упала къ ногамъ коменданта. Измѣнники кричали:

— Не стрѣляйте; выходите вонъ, къ государю. Государь здѣсь!

— Вотъ я васъ! — закричалъ Иванъ Кузьмичъ. — Ребята, стрѣляй!

Солдаты наши дали залпъ. Казакъ, державшій письмо, зашатался и свалился съ лошади; другіе поскакали назадъ. Я взглянулъ на Марью Ивановну. Пораженная видомъ окровавленной головы Юлая, оглушенная залпомъ, она казалась безъ памяти. Комендантъ подозвалъ капрала и велѣлъ ему взять листъ изъ рукъ убитаго казака. Капралъ вышелъ въ поле и возвратился, ведя подъ уздцы лошадь убитаго. Онъ вручилъ коменданту письмо. Иванъ Кузьмичъ прочелъ его про себя и разорвалъ потомъ въ клочки. Между тѣмъ мятежники, видимо, приготовлялись къ дѣйствію. Вскорѣ пули начали свистать около нашихъ ушей, и нѣсколько стрѣлъ воткнулись около насъ въ землю и въ частоколъ. «Василиса Егоровна,—сказалъ комендантъ,—здѣсь не бабье дѣло, уведи Машу; видишь, дѣвка ни жива ни мертва».

Василиса Егоровна, присмирѣвшая подъ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе; потомъ обратилась къ мужу и сказала ему: «Иванъ Кузьмичъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу. Маша, подойди къ отцу».

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузьмичу, стала на колѣна и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды; потомъ поднялъ и, поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ:

— Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человѣкъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе.

Маша кинулась ему на шею и зарыдала.

— Поцѣлуемся жъ и мы,—сказала, заплакавъ, комендантша.— Прощай, мой Иванъ Кузьмичъ. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила!

— Прощай, прощай, матушка!—сказалъ комендантъ, обнявъ свою старуху.—Ну, довольно! Ступайте домой; да коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ.

Комендантша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ вослѣдъ Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мнѣ головой. Тутъ Иванъ Кузьмичъ оборотился къ намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мятежники съѣзжались около своего предводителя и вдругъ начали слѣзать съ лошадей. «Теперь стойте крѣпко,—сказалъ комендантъ,—будетъ приступъ»... Въ эту минуту

раздался страшный визгъ и крики; мятежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую середину толпы. Мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди... Онъ махалъ саблею и, казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились. «Ну, ребята,—сказалъ комендантъ,—теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ! Ребята! впередъ, на вылазку, за мною!»

Комендантъ, Иванъ Игнатьичъ и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ, но оробѣлый гарнизонъ не тронулся. «Что жъ вы, дѣтушки, стоите?—закричалъ Иванъ Кузьмичъ.—Умирать, такъ умирать, дѣло служивое!» Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибли съ ногъ, но я всталъ и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненый въ голову, стоялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился было къ нему на помощь; нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вотъ ужо вамъ будетъ, государевымъ ослушникамъ!» Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ. Вдругъ закричали въ толпѣ, что государь на площади ожидаетъ плѣнныхъ и принимаетъ присягу. Народъ повалилъ на площадь; насъ погнали туда же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красный казацкій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лицо его показалось мнѣ знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца съ крестомъ въ рукахъ и, казалось, молча умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народъ, и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина. «Который комендантъ?» спросилъ самозванецъ. Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузьмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему: «Какъ смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?» Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: «Ты мнѣ не государь; ты воръ и самозванецъ, слышь ты!» Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капи-

тана и потащили къ висѣлицѣ. На ея перекладинѣ очутился верхомъ изувѣченный башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держалъ въ рукахъ веревку, и черезъ минуту увидѣлъ я бѣднаго Ивана Кузьмича, вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай,—сказалъ ему Пугачевъ,—государю Петру Ѳеодоровичу!»—«Ты намъ не государь,—отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, повторяя слова своего капитана.—Ты, дядюшка, воръ и замозванецъ!» Пугачевъ махнулъ опять платкомъ, и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ неописанному моему изумленію, увидѣлъ я среди мятежныхъ старшинъ Швабрина, обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. «Вѣшать его», сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня. Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу. «Небось, небось!» повторяли мнѣ губители, можетъ-быть, и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услышалъ я крикъ: «Постойте, окаянные! Погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ лежитъ въ ногахъ у Пугачева. «Отецъ родной!—говорилъ бѣдный дядька.—Что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради вели повѣсить хоть меня, старика!» Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили. «Батюшка нашъ тебя милуетъ», говорили мнѣ. Въ эту минуту не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу, однакожъ, чтобъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ жилистую свою руку. «Цѣлуй руку, цѣлуй руку!» говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію. «Батюшка, Петръ Андреичъ! — шепталъ Савельичъ, стоя за мною и толкая меня.—Не упрямься! Что тебѣ стоитъ? Плюнь да поцѣлуй у злод... (тьфу!) поцѣлуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкою: «Его благородіе, знать, одурѣлъ отъ радости. Подымите его». Меня подняли и оставили на свободѣ. Я сталъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходили одинъ за другимъ, цѣлуя распятіе и потомъ кланяясь самозванцу. Гарнизонные сол-

Судъ Пугачева. *В. Г. Перовъ.*

даты стояли тутъ же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они, отряхиваясь, подходили къ рукѣ Пугачева, который объявлялъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около трехъ часовъ. Наконецъ Пугачевъ всталъ и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи свсихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатой сбруей. Два казака взяли его подъ руки и посадили на сѣдло. Онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ эту минуту раздался женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздѣтую донага. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали перины, сундуки, чайную посуду, бѣлье и всю рухлядь. «Батюшки мои! — кричала бѣдная старушка. — Отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, меня къ Ивану Кузьмичу». Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа. «Злодѣи! — закричала она въ изступленіи.— Что вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузьмичъ, удалая солдатская головушка! Не тронули тебя ни штыки прусскіе ни пули турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника!»—«Унять старую вѣдьму!» сказалъ Пугачевъ. Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвой на ступени крыльца. Пугачевъ уѣхалъ; народъ бросился за нимъ.

ГЛАВА XIV.

Прошло нѣсколько недѣль... Вдругъ батюшка получаетъ изъ Петербурга письмо отъ нашего родственника, князя Б. Князь писалъ ему обо мнѣ. Послѣ обыкновеннаго приступа онъ объявилъ ему, что подозрѣнія насчетъ участія моего въ замыслахъ бунтовщиковъ, къ несчастію, оказались слишкомъ основательными, что примѣрная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, изъ уваженія къ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ отца, рѣшилась помиловать преступнаго сына и, избавляя его отъ позорной казни, повелѣла только сослать въ отдаленный край Сибири на вѣчное поселеніе.

Сей неожиданный ударъ едва не убилъ отца моего. Онъ лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно нѣмая) изливалась въ горькихъ жалобахъ. «Какъ!—повторялъ онъ, выходя изъ себя.—Сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна: пращуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, отстаивая то,

что почиталъ святынею совѣсти; отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками, съ убійцами, съ бѣглыми холопьями!.. Стыдъ и срамъ нашему роду!..» Испуганная его отчаяніемъ, матушка не смѣла при немъ плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о невѣрности молвы, о шаткости людского мнѣнія. Отецъ мой былъ неутѣшенъ.

Марья Ивановна мучилась болѣе всѣхъ. Будучи увѣрена, что я могъ бы оправдаться, когда бы только захотѣлъ, она догадывалась объ истинѣ и почитала себя виновницею моего несчастія. Она скрывала отъ всѣхъ свои слезы и страданія и между тѣмъ непрестанно думала о средствахъ, какъ бы меня спасти.

Однажды вечеромъ батюшка сидѣлъ на диванѣ, перевертывая листы «Придворнаго Календаря», но мысли его были далеко, и чтеніе не производило надъ нимъ обыкновеннаго своего дѣйствія. Онъ насвистывалъ старинный маршъ. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слезы изрѣдка капали на ея работу. Вдругъ Марья Ивановна, тутъ же сидѣвшая за работой, объявила, что необходимость заставляетъ ее ѣхать въ Петербургъ и что она проситъ дать ей способъ отправиться. Матушка очень огорчилась. «Зачѣмъ тебѣ въ Петербургъ? — сказала она. — Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты насъ покинуть?» Марья Ивановна отвѣчала, что вся будущая судьба ея зависитъ отъ этого путешествія и что она ѣдетъ искать покровительства и помощи у сильныхъ людей, какъ дочь человѣка, пострадавшаго за свою вѣрность.

Отецъ мой потупилъ голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступленіе сына, было ему тягостно и казалось колкимъ упрекомъ. «Поѣзжай, матушка!—сказалъ онъ ей со вздохомъ.—Мы твоему счастію помѣхи сдѣлать не хотимъ. Дай Богъ тебѣ въ женихи добраго человѣка, не ошельмованнаго измѣнника». Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наединѣ съ матушкою, отчасти объяснила ей свои предположенія. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучномъ концѣ замышленнаго дѣла. Марью Ивановну снарядили, и черезъ нѣсколько дней она отправилась въ дорогу съ вѣрной Палашей и съ вѣрнымъ Савельичемъ, который, насильственно разлученный со мною, утѣшался, по крайней мѣрѣ, мыслію, что служитъ нареченной моей невѣстѣ.

Марья Ивановна благополучно прибыла въ Петербургъ и, узнавъ, что дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена смотрителя тотчасъ съ нею разговорилась, объявила, что она племянница придворнаго истопника, и посвятила ее во всѣ тайн-

ства придворной жизни. Она разсказала, въ которомъ часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ. Словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна разсказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день, рано утромъ Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка англійской породы залаяла и побѣжала ей навстрѣчу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: «Не бойтесь, она не укуситъ». И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла, а Марья Ивановна со своей стороны, бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей казалось лѣтъ сорокъ. Лицо ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчаніе.

— Вы, вѣрно, не здѣшняя?—сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

— Вы пріѣхали съ вашими родными?

— Никакъ нѣтъ-съ, я пріѣхала одна.

— Одна! Но вы такъ еще молоды.

— У меня нѣтъ ни отца ни матери.

— Вы здѣсь, конечно, по какимъ-нибудь дѣламъ?

— Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу государынѣ.

— Вы—сирота: вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова.

— Капитана Миронова! Того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ оренбургскихъ крѣпостей?

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута.

— Извините меня,—сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ,—если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла, но я бываю при дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ-быть, мнѣ удастся вамъ помочь.

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ, но вдругъ лицо ея перемѣнилось, и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

— Вы просите за Гринева?—сказала дама съ холоднымъ видомъ.—Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй.

— Ахъ, неправда!—вскрикнула Марья Ивановна.

— Какъ, неправда?—возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей Богу, неправда! Я знаю все, я все вамъ разскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня.

Тутъ она съ жаромъ разсказала все, что уже извѣстно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманіемъ.

— Гдѣ вы остановились?—спросила она потомъ, и услыша, что у Анны Власьевны, примолвила съ улыбкою:—А! Знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы недолго будете ждать отвѣта на ваше письмо.

Съ этимъ словомъ она встала и вышла въ крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ и за чашкою чая только было принялась за безконечные разсказы о дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась

у крыльца, и камеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, Господи!— закричала она. — Государыня требуетъ васъ ко двору. Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь къ императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умѣете... Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки я васъ хоть въ чемъ-нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ?»

Камеръ-лакей объявилъ, что государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

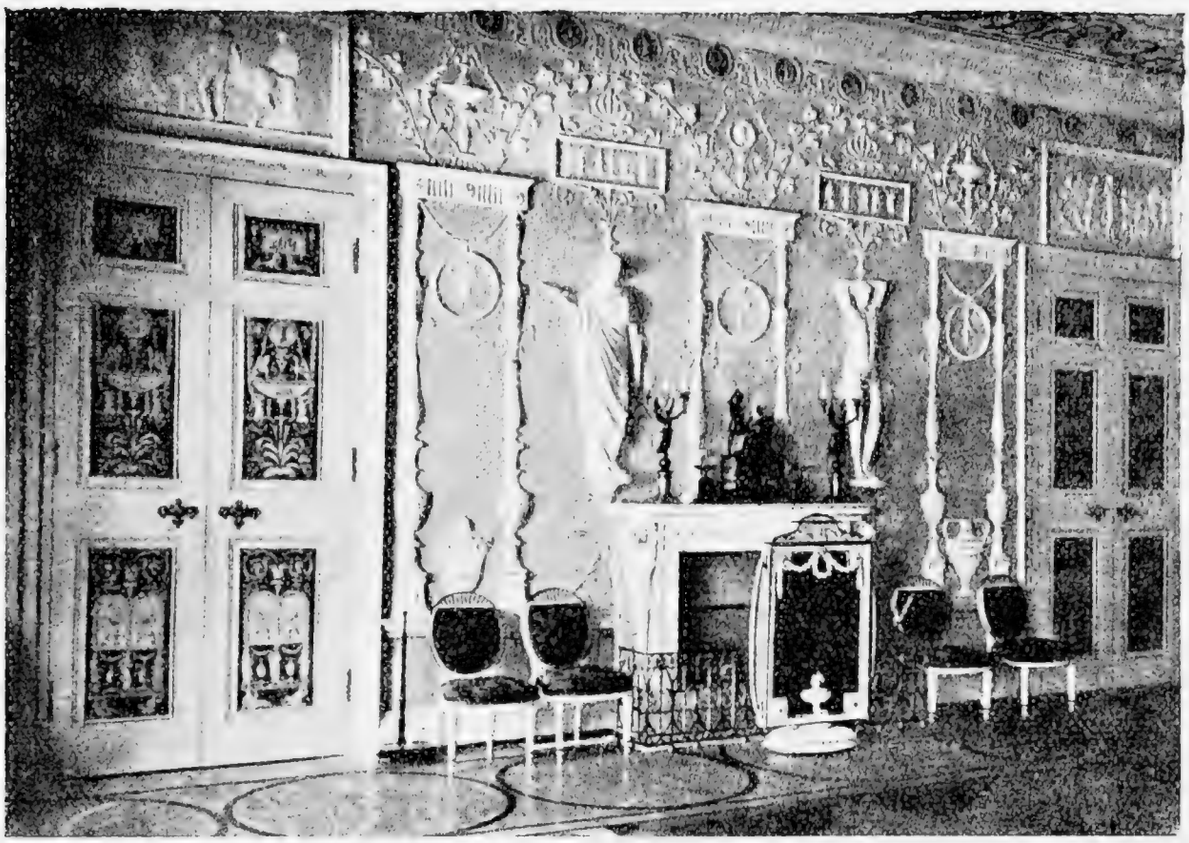
Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе нашей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Черезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею отворились настежь. Она прошла длинный рядъ пустыхъ великолѣпныхъ комнатъ: камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложитъ, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть императрицу лицомъ къ лицу такъ устрашила ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Черезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой: «Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. «Знаю, что вы не богаты,—сказала она,—но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе».

Обласкавъ бѣдную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьевна,



Столовая въ собственныхъ покояхъ императрицы Екатерины II въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ.

нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню...

Григорій Саввичъ Сковорода.

Григорій Саввичъ родился въ Полтавской губ., въ 1722 году. Родители его были простолюдины — отецъ казакъ, мать казачка.

Гриша уже на 7 году имѣлъ наклонность къ музыкѣ и чтенію. Сперва игралъ онъ на дудочкѣ, а потомъ на флейтѣ; одинъ ходилъ по рощамъ и лѣсамъ или, пріютившись дома, сидѣлъ въ уголкѣ и на память повторялъ читанное имъ или слышанное. Въ церковь онъ ходилъ охотно, становился на клиросъ и отличался пѣніемъ.

Отецъ отдалъ его въ Кіевскую академію. Здѣсь онъ пріятнымъ голосомъ и любовью къ музыкѣ обратилъ на себя вниманіе регента пѣвчихъ и немедленно поступилъ въ хоръ.

При восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны въ Малороссіи набирали мальчиковъ для придворной пѣвческой капеллы. Сковорода попалъ туда изъ первыхъ. Находясь тамъ около двухъ лѣтъ, онъ сложилъ голосъ духовной пѣсни: «Иже херувимы», который и доселѣ употребляется во многихъ сельскихъ церквахъ на Украйнѣ.

Кромѣ того, онъ же сложилъ радостный торжественный напѣвъ: «Христосъ воскресе» и канонъ Пасхи: «Воскресенія день», нынѣ употребляемый въ церквахъ по всей Россіи.

Въ августѣ 1744 г. императрица предпріняла путешествіе въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ другими пѣвчими прибылъ туда и Сковорода. Но при отбытіи двора въ Петербургъ Сковорода остался въ Кіевѣ продолжать ученіе.

Въ академіи молодой Сковорода занялся еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ языками, упражняясь въ краснорѣчіи, философіи, естественной исторіи и богословіи. Благодаря острому уму и рѣдкимъ способностямъ, онъ скоро превзошелъ своихъ сверстниковъ.

Генералъ-маіоръ Вишневскій, посланный въ Венецію, взялъ съ собой Сковороду. Вишневскій для находившейся тамъ православной церкви хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію.

Путешествуя съ генераломъ, Сковорода осмотрѣлъ Венгрію, Вѣну, Пресбургъ и другія мѣстности Австріи и вездѣ старался знакомиться съ людьми учеными.

Онъ говорилъ чисто и хорошо по-латыни и по-нѣмецки и порядочно понималъ греческій языкъ, почему легко могъ пріобрѣтать знакомство и расположеніе ученыхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и новыя познанія, какихъ не имѣлъ и не могъ имѣть на родинѣ.

А потомъ, когда средства его поизсякли, онъ взялъ посохъ въ руку и отправился дальше пѣшимъ и съ тощимъ кошелькомъ. Онъ странствовалъ въ Польшѣ, Пруссіи, Германіи и Италіи.

Наконецъ Григорій Саввичъ пустился назадъ. Сильно забилось сердце его, когда онъ издали увидѣлъ деревянную колокольню родимой своей деревушки! Побывавши дома, онъ взялъ опять свой страннический посохъ.

По приглашенію епископа бѣлгородскаго, Григорій Саввичъ занялъ мѣсто учителя стихотворства въ Харьковскомъ коллегіумѣ (университетѣ). И здѣсь онъ продолжалъ вести скромную жизнь. Одѣвался просто, питался овощами, на сонъ тратилъ не болѣе 4 часовъ; вставалъ до зари и любилъ совершать прогулки; несмотря на свой зрѣлый возрастъ, былъ очень подвиженъ, легокъ и бодръ;

считалъ своимъ долгомъ посѣщать больныхъ, утѣшать печальныхъ, дѣлиться въ неимущими.

Любимымъ занятіемъ Сковороды была музыка. Онъ сочинялъ духовные концерты, положа нѣкоторые псалмы на музыку, также и стихиры для литургіи. Всѣ они гармоничны, просты и проникаютъ въ душу. Кромѣ того, онъ игралъ на скрипкѣ, флейтѣ, бандурѣ и гусляхъ и вообще любилъ музыку и занимался ею съ дѣтства.

Григорію Саввичу было уже 53 года, а онъ оставался все тѣмъ же безпечнымъ старымъ ребенкомъ. Съ этого времени его жизнь уже принимаетъ видъ постоянныхъ переходовъ, странствованій пѣшкомъ за сотни верстъ и краткихъ отдыховъ у немногихъ, которыхъ онъ любилъ и которые гордились его посѣщеніями. Слава о немъ распространилась по всей Украйнѣ. Его посѣщеніе считалось благодатью. Многіе хулили его, многіе хвалили, и всѣ хотѣли его видѣть. Постояннаго жилища онъ нигдѣ не имѣлъ. Въ крайней бѣдности переходилъ онъ изъ избы въ избу и училъ дѣтей.

Одежду его составляла сѣрая свита, пищу—самое грубое кушанье. Проживши нѣсколько дней въ одномъ домѣ, гдѣ лѣтомъ ночевалъ въ саду, подъ кустарникомъ, а зимой въ сараѣ, бралъ онъ свою Библію въ карманъ, флейту и пускался далѣе, всегда пѣшкомъ. Что бы ему ни предлагали, онъ всегда отказывался, говоря: «Дайте неимущему!»

Екатерина II знала о Сковородѣ, дивилась его жизни, уважала его славу и однажды, чрезъ Потемкина, послала ему приглашеніе переселиться изъ Украйны въ столицу. Гонецъ Потемкина засталъ Сковороду съ флейтой, сидящаго при дорогѣ; близъ него ходила овца хозяина. Сковорода, выслушавъ приглашеніе, отвѣтилъ: «Скажите матушкѣ царицѣ, что я не покину родины»...

Сковорода училъ простой народъ всюду: на базарахъ, у кладбища, на папертяхъ церковныхъ, называлъ себя другомъ поселянъ.

Онъ говорилъ: «Добрый человѣкъ вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ и людей, а воду даетъ ему земля безъ платы, лишнее не нужно.

«Лучше мнѣ сухарь съ водою, чѣмъ сахаръ съ бѣдою!»

Псалмы-стихиры слушались простымъ народомъ — поселянами, казачествомъ, чумаками, бурлаками и мѣщанами. Но сильнѣе всякихъ своихъ сочиненій дѣйствовалъ онъ самъ, своей собственной личностью, своимъ примѣромъ.

Заслуги Сковороды предъ обществомъ велики. Ему многимъ обязанъ Харьковскій университетъ, такъ какъ первые помѣщики, подписавшіе въ 1803 г. безпримѣрную сумму въ 618.000 руб. для

основанія его, были большей частью или ученики или друзья Сковороды. Извѣстно, что въ мѣстностяхъ, куда приходилъ Сковорода, паны мѣняли свое обращеніе съ рабами.

Григорій Саввичъ Сковорода скончался 29 октября 1794 года, исполнивъ все положенное по уставу Церкви и пріобщившись св. Таинъ. Похороненъ онъ въ селѣ Ивановкѣ, въ 40 верстахъ отъ Харькова.

Изъ комедіи „Недоросль“.

I.

Г-жа Простакова (помѣщица прошлаго вѣка), Митрофанъ (ея сынъ). Кутейкинъ и Цыфиркинъ (учителя).

Г-жа Простакова. Пока онъ отдыхаетъ, другъ мой, ты хоть для виду поучись, чтобы дошло до ушей его, какъ ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофанъ. Ну, а тамъ что?

Г-жа Простакова. А тамъ и женишься.

Митрофанъ. Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь; только чтобъ это былъ послѣдній разъ, и чтобы сегодня жъ быть сговору.

Г-жа Простакова. Придетъ часъ воли Божіей!

Митрофанъ. Часъ моей воли пришелъ: не хочу учиться, хочу жениться. Ты жъ меня взманила, пеняй на себя. Вотъ я сѣлъ. *(Цыфиркинъ очиняетъ грифель.)*

Г-жа Простакова. А я тутъ же присяду, кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой. Софьюшкины денежки было бъ куда класть.

Митрофанъ. Ну, давай доску, гарнизонная крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркинъ. Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите.

Г-жа Простакова *(работая)*. Ахъ, Господи Боже мой! ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича! Ужъ и разгнѣвался!

Цыфиркинъ. За что разгнѣваться, ваше благородіе? У насъ россійская пословица: собака лаетъ—вѣтеръ носитъ.

Митрофанъ. Задавай же зады, поворачивайся!

Цыфиркинъ. Все зады, ваше благородіе! Вѣдь съ задами-то вѣкъ назади останешься.

Г-жа Простакова. Не твое дѣло, Пафнутьичъ. Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ. Съ его умомъ да залетѣть далеко, да и Боже избави!

Цыфиркинъ. Задача: изволилъ ты, на прикладъ [1]), итти по дорогѣ со мною, ну, хоть возьмемъ съ собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофанъ *(пишетъ)*. Трое.

Цыфиркинъ. На дорогѣ, на прикладъ же, триста рублей.

Митрофанъ. Триста.

Цыфиркинъ. Дошло дѣло до дѣлежа. Смекни-тко, по чему на брата?

Митрофанъ *(вычисляя, шепчетъ)*. Единожды три—три, единожды нуль—нуль; единожды нуль—нуль...

Г-жа Простакова. Что, что? до дѣлежа?

Митрофанъ. Вишь триста рублей, что нашли, троимъ раздѣлить.

Г-жа Простакова. Вретъ онъ, другъ мой сердечный! Нашелъ деньги, ни съ кѣмъ не дѣлись: всѣ себѣ возьми, Митрофанушка! Не учись этой дурацкой наукѣ.

Митрофанъ. Слышь, Пафнутьичъ, задавай другую.

Цыфиркинъ. Пиши, ваше благородіе. За ученье жалуете мнѣ въ годъ десять рублей.

Митрофанъ. Десять.

Цыфиркинъ. Теперь, правда, не за что, а кабы ты, баринъ, что-нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофанъ *(пишетъ)*. Ну, ну, десять.

Цыфиркинъ. Сколько же на годъ?

Митрофанъ *(вычисляя шепчетъ)*. Нуль да нуль — нуль; одинъ да одинъ... *(задумался)*.

Г-жа Простакова. Не трудись попусту, другъ мой: гроша не прибавлю; да и не за что, наука такая: лишь тебѣ мученье, а все вижу пустота. Денегъ нѣтъ — что считать? деньги есть — сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошенько.

Кутейкинъ. Шабашъ, право, Пафнутьичъ. Двѣ задачи рѣшены. Вѣдь на повѣрку приводить не станутъ.

Митрофанъ. Небось, братъ, матушка тутъ сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкинъ, проучи вчерашнее...

Кутейкинъ *(открываетъ часословъ. Митрофанъ беретъ указку)*. Начнемъ, благословясь. За мною со вниманьемъ: Азъ же есмь червь...

Митрофанъ. Азъ есмь червь...

Кутейкинъ. Червь, сирѣчь животина, скотъ. Сирѣчь: азъ есмь скотъ.

---

[1]) Т.-е.: напримѣръ.

Митрофанъ. Азъ есмь скотъ.

Кутейкинъ *(учебнымъ голосомъ)*. А не человѣкъ.

Митрофанъ *(такъ же)*. А не человѣкъ.

Кутейкинъ. Поношеніе человѣковъ.

Митрофанъ. Поношеніе человѣковъ.

II.

Софья (воспитанница Простаковыхъ), Стародумъ (богатый дядя ея), Милонъ (женихъ ея), г-жа Простакова, Скотининъ (братъ ея), Простаковъ, Митрофанъ и Еремѣевна (няня его), Правдинъ (чиновникъ).

Г-жа Простакова *(входя)*. Все ль съ тобою, другъ мой?

Митрофанъ. Ну, да ужъ не заботься.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. Хорошо ли отдохнуть изволилъ, батюшка? Мы всѣ въ четвертой комнатѣ на цыпочкахъ ходили, чтобъ тебя не безпокоить; не смѣли въ дверь заглянуть; послышимъ, анъ ужъ ты давно и сюда выйти изволилъ. Не взыщи, батюшка.

Стародумъ. О сударыня! мнѣ очень было бы досадно, если бъ вы сюда пожаловали ранѣ.

Г-жа Простакова. Позволь же, мой батюшка, потрудить васъ теперь общею нашею просьбою. *(Мужу и сыну.)* Кланяйтесь.

Стародумъ. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первыхъ, прошу милости всѣхъ садиться. *(Всѣ садятся, кромѣ Митрофана и Еремѣевны.)* Вотъ въ чемъ дѣло, батюшка. За молитвы родителей нашихъ—намъ грѣшнымъ гдѣ бъ и умолить?—даровалъ намъ Господь Митрофанушку. Мы все дѣлали, чтобъ онъ у насъ сталъ таковъ, какъ изволишь его видѣть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя трудъ посмотрѣть, какъ онъ у насъ выученъ?

Стародумъ. О сударыня! До моихъ ушей уже дошло, что онъ теперь только и отучиться изволилъ. Я слышалъ объ его учителяхъ, и вижу напередъ, какому грамотею ему быть надо, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. *(Къ Правдину.)* Любопытенъ бы я былъ послушать, чему нѣмецъ-то его училъ.

Г-жа Простакова. Всѣмъ наукамъ, батюшка!
Простаковъ. Всему, мой отецъ!
Митрофанъ. Всему, чему изволишь. } *(Вмѣстѣ.)*

Правдинъ *(Митрофану)*. Чему жъ бы, напримѣръ?

Митрофанъ *(подаетъ ему книгу)*. Вотъ грамматикѣ.

Правдинъ *(взявъ книгу)*. Вижу, что грамматика. Что жъ вы въ ней знаете?

Митрофанъ. Много. Существительное да прилагательное...

Правдинъ. *Дверь*, напримѣръ, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофанъ. Дверь? Котора дверь?

Правдинъ. Котора дверь! вотъ эта.

Митрофанъ. Эта?—прилагательная.

Правдинъ. Почему же?

Митрофанъ. Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вотъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена; такъ та покамѣстъ существительна.

Правдинъ. Такъ поэтому у тебя слово *дуракъ* — прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку?

Митрофанъ. И вѣдомо.

Г-жа Простакова. Что? Каково, мой батюшка?

Простаковъ. Каково, мой отецъ?

Правдинъ. Нельзя лучше. Въ грамматикѣ онъ силенъ.

Милонъ. Я думаю, не меньше и въ исторіи.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, онъ еще сызмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ. Митрофанъ—по мнѣ. Я самъ безъ того глазъ не сведу, чтобъ выборный не разсказывалъ мнѣ исторій. Мастеръ, собачій сынъ, откуда что берется!

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придетъ противъ Адама Адамыча.

Правдинъ *(Митрофану)*. А далеко ли вы въ исторіи?

Митрофанъ. Далеко ль? Какова исторія. Въ иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдинъ. А! такъ этой-то *исторіи* учитъ васъ Вральманъ?

Митрофанъ. Нѣтъ. Нашъ Адамъ Адамычъ исторій не разсказываетъ; онъ, что я же, самъ охотникъ слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляютъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью.

Правдинъ. Да не у ней ли оба вы учились и географіи?

Г-жа Простакова *(сыну)*. Слышишь, другъ мой сердечный? Это что за наука?

Митрофанъ *(тихо матери)*. А я почемъ знаю.

Г-жа Простакова *(тихо Митрофану)*. Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Митрофанъ *(тихо матери)*. Да я не возьму въ толкъ, о чемъ спрашиваютъ.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. Какъ, батюшка, назвалъ ты науку-то?

Правдинъ. Географія.

Митрофанъ. Да что такое! Господи, Боже мой! Пристали съ ножомъ къ горлу.

Г-жа Простакова. И вѣдомо, батюшка. Да скажи ему, сдѣлай милость, какая это наука-то: онъ ее и разскажетъ.

Правдинъ. Описаніе земли.

Г-жа Простакова. А къ чему бы это служило на первый случай?

Стародумъ. На первый случай годилось бы и къ тому, что ежели бъ случилось ѣхать, такъ знаешь, куда ѣдешь.

Московская улица въ XVIII вѣкѣ. Съ гравюры того времени.

Г-жа Простакова. Ахъ, мой батюшка! Да извозчики-то на что жъ? Это ихъ дѣло! Это-таки и наука-то не дворянская. Дворянинъ только скажи: повези меня туда—свезутъ, куда изволишь. Мнѣ повѣрь, батюшка, что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.

Стародумъ. О, конечно, сударыня! Въ человѣческомъ невѣжествѣ весьма утѣшительно считать все то за вздоръ, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Безъ наукъ люди живутъ и жили. Покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ, а умѣлъ достато-

чекъ нажить и сохранить. Челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что-нибудь положитъ. То-то экономъ былъ! Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ-свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду. А! Каково это?

Стародумъ. Препохвально! Надобно быть Скотинину, чтобы вкусить такую блаженную кончину.

Скотининъ. Да коль доказывать, что ученье вздоръ, такъ возьмемъ дядю Вавилу Фалалеича. О грамотѣ никто отъ него не слыхалъ, ни онъ слышать не хотѣлъ, а какова была головушка!

Правдинъ. Что жъ такое?

Скотининъ. Да съ нимъ на роду вотъ что случилось. Верхомъ на борзомъ иноходцѣ разбѣжался онъ хмельной въ каменны ворота. Мужикъ былъ рослый, ворота низки, забылъ наклониться—какъ хватитъ себя лбомъ о притолоку, индо пригнуло дядю къ похвямъ потылицею, и бодрый конь вынесъ его изъ воротъ къ крыльцу навзничь. Я хотѣлъ бы знать: есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который отъ такого тумака не развалился? А дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только: цѣлы ли ворота?

Суворовъ въ царствованіе Павла I.

I.

Среди придворнаго величія и почестей Суворовъ не измѣнилъ своего обхожденія, своихъ странностей и образа жизни. Въ Таврическомъ дворцѣ, прежнемъ жилищѣ Потемкина, отведенномъ ему для житья, занималъ онъ маленькую комнату, спалъ на сѣнѣ, рѣдко являлся на великолѣпныхъ обѣдахъ, и только мелькомъ—въ высшихъ обществахъ, гдѣ всѣ искали его, почитая счастьемъ, если Суворовъ удостоилъ чей-нибудь пиръ и праздникъ минутнымъ присутствіемъ.

Замѣтивъ, что Суворовъ ѣздилъ зимою безъ шубы, императрица Екатерина упрекала его, что онъ не бережетъ здоровья, и подарила ему дорогую соболью шубу. Суворовъ благодарилъ и, ѣздя во дворецъ, сажалъ съ собою слугу, который держалъ шубу на рукахъ и надѣвалъ на него при выходѣ изъ кареты. «Не смѣю ослушаться императрицы,—говорилъ Суворовъ,—шуба со мной, а нѣжиться солдату не хорошо!»

Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла при дворѣ, въ войскѣ, въ гражданскомъ управленіи Россіи явились новые сановники. Въ войскѣ измѣнены были одежда, вооруженіе, раздѣленіе полковъ.

Враги Суворова успѣли представить императору въ превратномъ видѣ любовь войска къ Суворову, его противорѣчія новымъ порядкамъ, самыя странности его. «Мнѣ поздно перемѣняться!» — отвѣчалъ огорченный старецъ.

Суворовъ былъ удаленъ въ деревню. Мѣстомъ пребыванія его назначалось родовое сельцо Коншанское, гдѣ былъ еще цѣлъ старый отцовскій домъ Суворова, и гдѣ нерѣдко Суворовъ живалъ въ дѣтствѣ.

Коншанское находится въ глуши лѣсовъ, далеко отъ большой дороги, среди болотъ и озеръ. Господскій домъ и садъ расположены въ немъ на высокой горѣ. За садомъ находилась тогда старинная церковь Видъ мѣста вообще мрачный, унылый. Здѣсь-то поселился Суворовъ, одинокій и, казалось, забытый всѣми людьми.

Суворовъ жилъ въ Коншанскомъ спокойно. Ни жалобъ ни сѣтованій отъ него не слыхали. Онъ былъ веселъ и заботливо занялся постройкой двухъ небольшихъ домиковъ. Эти домики еще цѣлы донынѣ. Въ одномъ изъ нихъ три небольшія комнаты, спальня и комната для служителя, находившагося при Суворовѣ. Стѣны были обиты простыми пестрыми обоями. Другой домикъ въ саду. Въ немъ одна комната. Туда уединялся Суворовъ для своихъ вечернихъ занятій. Онъ велъ прежній образъ жизни: вставалъ рано, звонилъ на колокольнѣ, ходилъ къ заутренѣ, къ обѣднѣ, въ продолженіе которыхъ исполнялъ должность пономаря и дьячка, пѣлъ на клиросѣ, читалъ Апостолъ, подавалъ священнику кадило. По воскресеньямъ, послѣ обѣдни, заходилъ къ священнику. Обѣдалъ всегда у себя одинъ и послѣ отдыха отправлялся гулять по деревнѣ. Здѣсь игралъ съ крестьянскими дѣтьми, слушалъ сельскія и городскія новости и сплетни, мирилъ ссоры и споры, благотворилъ крестьянамъ, вмѣшивался въ ихъ игры, а по вечерамъ удалялся въ свой садовый пріютъ. Тамъ иногда утренняя заря заставала его за картами, планами и книгами.

II.

Однажды къ воротамъ его дома прискакала фельдъегерская телѣжка. «Гдѣ графъ?» спрашиваетъ соскочившій съ нея курьеръ. Полицейскій чиновникъ указалъ ему на старика въ парусинной курткѣ, игравшаго на дворѣ въ бабки съ ребятиш-

ками. Офицеръ подалъ ему пакетъ изъ Петербурга съ надписью: «Фельдмаршалу Суворову». «Письмо не ко мнѣ», сказалъ онъ курьеру.—Со мною запрещено переписываться». Курьеръ утверждалъ, что письмо писано по волѣ государя. «Не вѣрю,—говорилъ Суворовъ,—я названъ фельдмаршаломъ, но если я фельдмаршалъ, мнѣ надобно быть при арміи, а не подъ стражею въ деревнѣ». Курьеръ возвратился въ Петербургъ съ нераспечатаннымъ конвертомъ и съ этимъ словеснымъ отвѣтомъ Суворова. Новый курьеръ, поспѣшно прискакавшій въ Коншанское, вручилъ Суворову уже собственноручное письмо императора:

«Графъ Александръ Васильевичъ!

«Теперь намъ не время разсчитываться Виновнаго Богъ проститъ. Римскій императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше спасти ихъ. Поспѣшайте пріѣздомъ сюда, и не отнимайте у славы вашей времени, а у меня удовольствія васъ видѣть».

Императоръ Павелъ I.

Прочитавъ письмо, Суворовъ побѣжалъ въ церковь, велѣлъ служить молебенъ; стоя на колѣняхъ, пѣлъ, молился, плакалъ. Между тѣмъ запрягали лошадей въ повозку и открытыя сани, а камердинеръ его распоряжался по слѣдующему письменному приказу его:

«Часъ собираться, другой отправляться. Ѣду съ четырьмя товарищами. Приготовь 18 лошадей. Денегъ взять на дорогу 250 рублей. Егоркѣ бѣжать къ старостѣ Ѳомкѣ и сказать, чтобы такую сумму повѣрилъ. Ѣду не на шутку, да вѣдь я же служилъ здѣсь дьячкомъ и пѣлъ басомъ, а теперь ѣду пѣть Марсомъ!» [1]).

---

[1]) Марсъ — богъ войны у древнихъ грековъ.

Въ первыхъ числахъ февраля по Петербургу пронеслась молва: «Суворовъ пріѣхалъ!»

Народъ бѣгалъ за его каретою; толпы собирались на парады, желая посмотрѣть его. Сановники съ ранняго утра тѣснились въ его передней.

Любимецъ императора Обольяниновъ засталъ Суворова прыгающимъ черезъ чемоданы и разныя дорожныя вещи, которыя въ нихъ укладывали. «Учусь прыгать», сказалъ ему Суворовъ,—вѣдь въ Италію-то прыгнуть—ой, ой! Великъ прыжокъ! Поучиться надобно!»

Суворовъ отправился въ Вѣну. Онъ ѣхалъ на почтовыхъ безъ отдыха день и ночь.

Марта 15 прибылъ Суворовъ въ Вѣну.

Нѣсколько дней спустя Суворовъ спѣшилъ на мѣсто военныхъ дѣйствій. Онъ ѣхалъ день и ночь, несмотря на дурныя дороги и темныя ночи. Въ горахъ, ночью, экипажъ его упалъ въ рѣку. Суворовъ больно ушибся. «Ничего»,—отвѣчалъ онъ, когда ему выразили сожалѣніе,—жаль только, что церковныя ноты подмокли; боюсь, что непочемъ будетъ пѣть: «Тебе, Бога, хвалимъ!»

За освобожденіе Италіи въ четыре мѣсяца пожалованъ Суворовъ княземъ Россійской имперіи, титуломъ *Италійскаго*, который распространенъ и на его потомковъ.

Суворовъ въ Швейцаріи.

Погода была очень дурная: дождь лилъ ливмя, рѣзкій вѣтеръ прохватывалъ насквозь, ночи были сырыя и холодныя. Дорога шла съ крутыми спусками и подъемами; приходилось ходить по скользкимъ косогорамъ, переправляться въ бродъ по колѣна, иногда по поясъ. Войска подымались съ разсвѣтомъ, шли до поздней ночи и на ночлегѣ не всегда находили даже хворостъ для бивачныхъ костровъ. А отсталыхъ все-таки было мало и больныхъ почти не прибавлялось, только нѣсколько человѣкъ оборвались съ кручъ и расшиблись.

Суворовъ ѣхалъ среди войскъ на казачьей лошади, въ лѣтнемъ платьѣ, въ широкополой шляпѣ, закрываясь отъ ненастья тонкимъ суконнымъ плащомъ, который онъ справилъ 7 лѣтъ назадъ въ Херсонѣ.

Гора Сенъ-Готардъ высилась передъ русскими войсками подъ небеса и выглядѣла угрюмо, сурово. Французовъ было тутъ немного, всего тысячъ девять, но они занимали такія крѣпкія мѣста, что могли выстоять противъ двойного и тройного по числу непріятеля.

Переходъ Суворова черезъ Альпы.

Хоронясь за камнями, скалами, въ оврагахъ, французы дали жестокій отпоръ и были сбиты съ большимъ трудомъ; но, отступая, занимали безпрестанно новыя, крѣпкія мѣста, защищали ихъ упорно и такимъ образомъ добрались до вершины Сенъ-Готарда.

Суворовъ приказалъ штурмовать французскую позицію. Войска опять полѣзли кверху, и въ это время показались противъ лѣваго крыла французовъ передніе люди Багратіона, который былъ посланъ въ обходъ. Французы этого не ожидали и живо отретировались; Сенъ-Готардъ былъ въ рукахъ русскихъ.

14 сентября Суворовъ пошелъ внизъ по р. Рейсѣ. Скоро встрѣтилась помѣха: дорога вошла въ узкій, темный проходъ, пробитый внутри горы шаговъ на 80, потомъ лѣпилась по отвѣсной скалѣ и круто спускалась къ мосту. И проходъ и мостъ сторожили французы, а другого пути не было

Въ этихъ мѣстахъ р. Рейса несется какъ бы въ глубокой трещинѣ, между нависшими надъ ней горами; русло ея усыпано большими камнями, теченіе быстрое, водопады безпрестанные. Рѣка реветъ, сплошь покрытая пѣной, и ревъ ея слышится далеко кругомъ. Черезъ рѣку былъ перекинутъ тутъ мостъ, называемый Чортовымъ; онъ держался на двухъ каменныхъ сводахъ.

Мудрено было штурмовать такую крѣпкую позицію, но Суворовъ распорядился какъ истинный мастеръ. Суворовъ приказалъ одному отряду обойти справа, по горамъ, безъ тропинокъ, а другому, поменьше, перебраться черезъ рѣку въ бродъ на тотъ берегъ.

Французы были обойдены и не смѣли дольше оставаться у моста.

Когда начался спускъ, каждый невѣрный шагъ грозилъ смертью. Особенно трудно было казачьимъ лошадямъ подъ вьюками; много ихъ оборвалось въ пропасти или сбили копыта до того, что не могли итти и были брошены. И по времени видно, какъ путь былъ труденъ. Весь переходъ былъ не длиннѣе 16 верстъ, но авангардъ прошелъ его въ 12 часовъ, хвостъ колонны прибылъ на другой день къ ночи, а вьюки тянулись еще двое сутокъ. Зато безпримѣрный походъ этотъ изумилъ всѣхъ, и французы не сразу ему повѣрили.

Война въ Швейцаріи была послѣднимъ военнымъ дѣломъ Суворова, самымъ труднымъ и самымъ славнымъ. Тутъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, сказалась суворовская военная наука. Сами швейцарцы дивились Суворову, и между ними долгое время ходили разные несбыточные про него разсказы.

Недавно высѣченъ въ скалѣ, невдалекѣ отъ Чортова моста, памятникъ Суворову и его войскамъ.

Кончина Суворова.

Когда Суворовъ вышелъ изъ Швейцаріи, государь порвалъ съ Австріей союзъ и приказалъ Суворову, устроивъ войска, итти домой, въ Россію.

Этотъ обратный путь продолжался больше трехъ мѣсяцевъ, потому что войскамъ приходилось не разъ останавливаться и подолгу стоять, по разнымъ приказамъ изъ Петербурга.

Выѣхавъ въ половинѣ января 1800 года изъ Праги (въ Богеміи), Суворовъ почувствовалъ себя очень не хорошо. Онъ писалъ въ Петербургъ, что у него «огневица», что все тѣло его «во гноищѣ» и что онъ съ каждымъ часомъ слабѣетъ, ибо 11 дней ровно ничего не ѣлъ.

Онъ лежалъ въ большой каретѣ, на перинѣ, охая и стоная, ѣхалъ очень тихо, останавливался часто на отдыхъ. При каждой остановкѣ народъ толпился вокругъ. Одни подносили ему букеты цвѣтовъ, другіе—корзинки съ разными дорогими плодами, третьи поднимали дѣтей подъ его благословеніе. Суворовъ благодарилъ за подношенія, за добрый привѣтъ, благословлялъ дѣтей. Но эта задушевная встрѣча очень его утомила, и онъ съ трудомъ дотащился до Петербурга, гдѣ прямо слегъ въ постель.

Съ каждымъ днемъ слабѣла его память, бредъ учащался, на давнихъ, затянувшихся ранахъ открылись язвы. Суворовъ исповѣдался, съ благоговѣніемъ пріобщился и простился со всѣми. «Долго гонялся я за славой,—сказалъ онъ,—все мечта, покой души у престола Всевышняго». Однако земныя мысли не могли его сразу покинуть; военныя грезы, боевой бредъ прорывались нерѣдко, хоть и мало понятно. 6 мая 1800 года великій русскій воинъ испустилъ духъ.

Дѣтство Александра I.

Ни одна бабушка на свѣтѣ, кажется, не радовалась такъ сильно рожденію своего перваго внука, какъ радовалась Екатерина Великая, когда у ея единственнаго сына Павла Петровича 12 декабря 1777 г. родился первый ребенокъ.

Бабушка сама выбрала имя новорожденному. Назвала его Александромъ въ честь Александра Невскаго. Она сама была крестной матерью своего внука, а въ крестные отцы пригласила прусскаго короля Фридриха Великаго.

Бабушка рѣшила сама воспитывать внука и слѣдовать наставленіямъ лучшихъ западныхъ ученыхъ и воспитателей.

Чтобы ей никто не мѣшалъ дѣлать то, что она считала необходимымъ и важнымъ, она помѣстила внука поближе къ своимъ покоямъ.

Въ это время маленькихъ дѣтей въ Россіи всячески кутали, туго пеленали, качали въ люлькахъ и держали въ жарко натопленныхъ комнатахъ. Больше всего боялись простуды, и окошекъ въ дѣтскихъ почти не отворяли. Екатерина не могла безъ ужаса вспомнить, какъ государыня Елизавета, тоже обожавшая сына своего, наслѣдника Петра III, держала маленькаго Павла подъ мѣховымъ одѣяломъ, въ душной комнатѣ, набитой мамушками и нянюшками. Можетъ-быть, отъ этого Павелъ и вышелъ такимъ слабымъ. Екатерина хотѣла, чтобы у ея внука было здоровое тѣло.

Она помѣстила его въ большой свѣтлой комнатѣ, которую часто провѣтривали. Люльки у него не было, и бабушка запретила его пеленать. Каждый день мальчика купали въ холодной ваннѣ. Ночью онъ спалъ безъ ночника, и въ комнатѣ громко говорили даже когда онъ спалъ. На воздухъ мальчика стали выносить очень рано и въ первое же лѣто носили по царскосельскому парку безъ чепчика и усаживали безъ всякихъ ковриковъ прямо на траву или на песокъ. Все это дѣлалось, чтобы закалить ребенка. Благодаря бабушкѣ, онъ росъ, не зная простуды. Красивый мальчикъ казался еще красивѣе, потому что былъ большимъ, полнымъ и крѣпкимъ. Онъ былъ здоровъ и потому никогда не кричалъ.

Заботясь о тѣлѣ внука, бабушка не забывала и о томъ, чтобы мальчикъ развивался умственно. Онъ еще едва говоритъ, а она уже сама составляетъ для него азбуку съ картинками. Въ то время хорошихъ азбукъ еще не было и, просмотрѣвъ ихъ всѣ, Екатерина составила свою. Эта «Бабушкина азбука» была потомъ отпечатана, и по ней учили дѣтей.

Чтобы любимый внукъ не скучалъ безъ сверстниковъ, Екатерина взяла къ себѣ и второго сына Павла Петровича — Константина. Онъ родился черезъ два года послѣ Александра.

Каждый день, ровно въ $10^1/_2$ часовъ, «господинъ Александръ» и «сударь Константинъ», какъ ихъ прозвала бабушка, являются въ ея комнату. Она учитъ ихъ азбукѣ, разсказываетъ имъ сказки, которыя сама сочиняетъ.

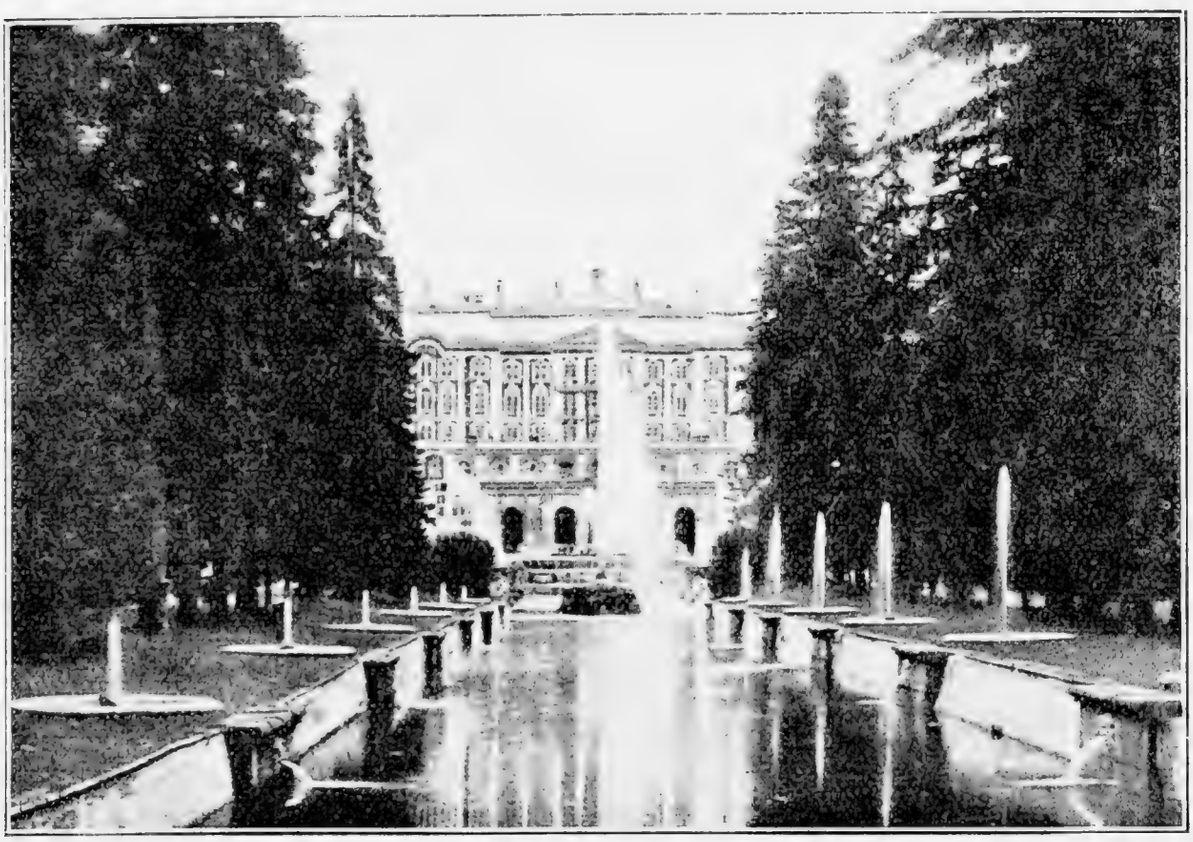
Бабушка приказываетъ внукамъ чаще бывать на свѣжемъ воздухѣ, не бояться ни загара ни сквозняковъ.

Лѣтомъ они купаются и плаваютъ вволю въ царскосельскихъ прудахъ и на взморьѣ, когда пріѣзжаютъ съ Екатериной въ Петергофскій дворецъ. Бабушка позволяетъ имъ однимъ кататься

на лодкѣ. Они бѣгаютъ, сколько хотятъ, по всѣмъ дорожкамъ царскосельскаго и петергофскаго парка, копаютъ землю, сѣютъ горохъ, садятъ капусту, пашутъ сохой, боронятъ, столярничаютъ подъ руководствомъ столяра-нѣмца, бѣлятъ дворецъ подъ надзоромъ голландца-штукатура.

Съ шестилѣтняго возраста у Александра уже не воспитательница, а воспитатели: Салтыковъ и образованный швейцарецъ Лагарпъ.

Сначала Лагарпъ былъ приглашенъ только для французскаго языка, но у государыни даръ узнавать людей. Въ Лагарпѣ она



Большой Петергофскій дворецъ.

открыла талантъ воспитателя и поручила ему главный надзоръ за мальчиками.

Съ Лагарпомъ Екатерина часто бесѣдуетъ о воспитаніи. Взгляды у нихъ на этотъ предметъ одинаковые.

Каждый вечеръ Лагарпъ приходитъ къ ней съ дневникомъ маленькаго Александра. Мальчикъ самъ записываетъ туда всѣ свои проступки и оплошности.

Въ десять лѣтъ мальчики уже серьезно учатся, ихъ учатъ географіи, астрономіи, математикѣ, физикѣ, ботаникѣ, но больше всего обращаютъ вниманіе на русскую исторію. Бабушка, не найдя хорошаго руководства, сама пишетъ исторію для своихъ

внуковъ и постоянно напоминаетъ воспитателямъ, чтобы они, какъ можно больше, знакомили своихъ воспитанниковъ съ Россіей, съ ея картами, съ описаніемъ разныхъ губерній во всѣхъ подробностяхъ. Великіе князья должны знать, гдѣ какая почва, какія животныя водятся, какая растительность, какія рѣки, какіе нравы, обычаи и одежда населенія.

За свое царствованіе государыня еще раздвинула предѣлы и безъ того обширной имперіи.

«Теперь больше войнъ въ ближайшемъ будущемъ не предвидится,—мечтала она.—Когда Александръ сдѣлается царемъ, онъ будетъ только заботиться о внутреннемъ устройствѣ страны, заботиться объ ея просвѣщеніи, о распространеніи наукъ, о процвѣтаніи искусствъ».

Но это осталось только мечтой.

Изъ безвѣстнаго уголка міра, съ маленькаго островка на Средиземномъ морѣ появился человѣкъ не знатнаго происхожденія, но одаренный геніемъ полководца. Человѣкъ этотъ былъ Наполеонъ Бонапартъ. Онъ сумѣлъ сдѣлаться французскимъ императоромъ, а потомъ, подчинивъ себѣ почти всю Европу, мечтая покорить міръ, обрушился и на Россію и принудилъ къ войнѣ Александра.

Двѣнадцатый годъ.

Сто лѣтъ тому назадъ, въ 1812 году, Россія переживала тяжелое время. Французская армія вторглась въ Россію и дошла до самой Москвы. Москва, наша древняя столица, была занята французами, и большая часть города выгорѣла отъ пожаровъ...

Это было время, когда во Франціи царствовалъ знаменитый императоръ Наполеонъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ полководцевъ, когда-либо бывшихъ. Наполеонъ покорилъ почти всѣ европейскія государства (кромѣ Англіи, Швеціи и Россіи), и всѣ почти европейскіе государи были поставлены имъ въ зависимость отъ него.

Русскимъ приходилось сражаться съ Наполеономъ еще до войны 1812 г. Въ 1805 г., когда Австрія воевала съ французами, русскій императоръ Александръ I послалъ на помощь австрійцамъ 72-тысячное войско. Противники встрѣтились около г. Аустерлица, и соединенная русско-австрійская армія была разбита Наполеономъ.

Александру I пришлось согласиться на миръ. Оба императора съѣхались въ прусскомъ городѣ Тильзитѣ, на рѣкѣ Нѣманѣ, недалеко отъ русской границы. Первое свиданіе императоровъ

Императоръ Александръ I.

происходило при необыкновенно торжественной обстановкѣ. Посреди рѣки былъ построенъ паромъ, и на немъ павильонъ. Оба государя подъѣхали на лодкахъ со своими свитами и удалились вдвоемъ въ павильонъ, гдѣ два часа проговорили съ глазу на глазъ. Затѣмъ дальнѣйшіе переговоры велись уже въ самомъ городѣ.

По Тильзитскому договору Александру I пришлось согласиться на нѣкоторыя непріятныя и невыгодныя для Россіи усло-

вія. Особенно тяжело было обязательное участіе въ такъ называемой «континентальной системѣ». Чтобы стѣснить англичанъ и ослабить ихъ морское могущество, Наполеонъ обязалъ всѣ союзныя съ нимъ государства отказаться отъ торговли съ Англіей. Теперь Александръ I былъ принужденъ согласиться закрыть всѣ свои гавани для англійскихъ судовъ и прекратить съ ними торговлю. Но это было невыгодно не для одной только Англіи, но и для самой Россіи, такъ какъ Россія продавала въ Англію хлѣбъ, и теперь торговля ея сильно пострадала.

Этотъ невыгодный для Россіи Тильзитскій миръ не могъ быть прочнымъ. Къ тому же Александръ ясно видѣлъ, что Наполеонъ поступаетъ неискренно и только откладываетъ до болѣе удобнаго случая, чтобы начать войну съ Россіей.

Къ концу 1811 г. Наполеонъ собралъ огромнѣйшее войско. Оно состояло, кромѣ французовъ, изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, подчиненныхъ и находящихся въ союзѣ съ Наполеономъ. Вся наполеоновская армія достигала полумилліона человѣкъ.

Съ начала 1812 года стали стягиваться къ западу и наши войска. Они были раздѣлены на три арміи: одна, самая большая, въ 127.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, была расположена въ Виленской губ.; другая въ 40.000 — въ Гродненской губ., ею командовалъ Багратіонъ. Наконецъ третья армія, въ 43.000, стояла южнѣе, поблизости австрійской границы, на случай вторженія союзниковъ Наполеона, австрійцевъ.

11 іюля главныя силы Наполеона, болѣе 200.000, подошли къ Нѣману, близъ г. Ковно. Здѣсь Нѣманъ служитъ границей между Пруссіей и Россіей. Наполеонъ верхомъ объѣзжалъ и изслѣдовалъ мѣстность, чтобы найти болѣе удобныя мѣста для переправы своихъ войскъ. Никакихъ признаковъ присутствія на томъ берегу русскихъ войскъ не было замѣтно, и Наполеонъ вернулся послѣ своей поѣздки въ самомъ хорошемъ настроеніи духа.

Съ вечера французская армія стала переправляться черезъ рѣку. Первыми переправились нѣсколько саперовъ въ челнокѣ, и, къ ихъ удивленію, никто не воспрепятствовалъ имъ высадиться на русскомъ берегу. Къ нимъ только подъѣхалъ казацкій офицеръ съ патрулемъ и спросилъ иностранцевъ, кто они? Они отвѣтили: «Французы».—«Что нужно вамъ и зачѣмъ пришли вы въ Россію?» — «Воевать съ вами! Взять Вильну и освободить Польшу». Казаки повернули и ускакали въ лѣсъ. Вдогонку имъ пролетѣло нѣсколько пуль. Наполеонъ въ это время сидѣлъ въ своей палаткѣ. Эти первые выстрѣлы привели его въ сильное волненіе: онъ боялся, что русскіе обратятъ вниманіе на пере-

праву. Тотчасъ же триста стрѣлковъ переѣхали на другой берегъ, чтобы охранять постройку мостовъ.

Къ 11 часамъ вечера уже были построены три моста, и переправа французскихъ войскъ продолжалась всю ночь и весь слѣдующій день. Наполеонъ занялъ Ковно.

Хотя русскіе и готовились къ войнѣ съ Наполеономъ, но всѣ были страшно поражены такимъ быстрымъ переходомъ его черезъ Нѣманъ. Еще больше поразило всѣхъ, что въ одну ночь онъ успѣлъ переправить на другой берегъ 200.000 человѣкъ.

Наполеонъ, какъ замѣчательный полководецъ, умѣло воспользовался тѣмъ, что обѣ наши западныя арміи, Барклая и Багратіона, были разъединены. Онъ стремительно врѣзался между ними и быстро дошелъ до Вильны, покинутаго русскими войсками. Отсюда Наполеону открывался прямой путь на Смоленскъ, но, къ счастью для насъ, онъ промедлилъ нѣсколько дней въ Вильнѣ, чтобы дать отдыхъ своимъ солдатамъ. Наши войска отступали передъ нимъ. Ихъ цѣль была—соединиться вмѣстѣ и тогда уже сообща дать сраженіе французамъ, не допуская ихъ до Смоленска. Наполеонъ, напротивъ, всѣми силами старался помѣшать этому соединенію и надѣялся разбить каждую армію порознь. Онъ послалъ противъ Багратіона 80.000 войска, а самъ съ главными силами двинулся на Барклая.

И вотъ началось постепенное, длительное отступленіе нашихъ армій передъ Наполеономъ. Были при этомъ отступленіи и небольшія сраженія, то неудачныя, то удачныя для насъ, но они не могли имѣть рѣшающаго значенія. Багратіонъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы уйти отъ французовъ и поспѣшить на помощь Барклаю. Но непріятель, вдвое сильнѣйшій его, все время оттѣснялъ его.

Наконецъ обѣ наши арміи сошлись у Смоленска. Такъ какъ и Барклай и Багратіонъ самостоятельно командовали своими арміями и одного главнокомандующаго у насъ не было, то былъ созванъ военный совѣтъ, чтобы рѣшить, какъ теперь дѣйствовать. Барклай, сознавая, насколько силы Наполеона больше русскихъ, совѣтовалъ уклониться отъ битвы и отступать дальше; Багратіонъ и нѣкоторые другіе генералы, напротивъ, настаивали, что нужно дать сраженіе, чтобы поднять духъ нашего войска. Къ тому же Александръ I писалъ Барклаю, что ему хотѣлось бы, чтобы русскія войска перешли въ наступленіе. Итакъ, рѣшено было наступать на французовъ. Но Барклай, соглашаясь противъ воли, медлилъ начать сраженіе.

Незамѣтно для русскихъ Наполеонъ переправилъ большую часть войска черезъ Днѣпръ и повелъ его на городъ Красный,

откуда лежалъ прямой путь на Смоленскъ. А русскія войска въ это время находились по ту сторону Днѣпра и только удалялись отъ Смоленска. Въ Красномъ былъ небольшой русскій отрядъ, въ 8.000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Невѣровскаго. Несмотря на такое различіе въ силахъ, Невѣровскій оказалъ отчаянное сопротивленіе и, хотя съ большими потерями, медленно отступилъ къ Смоленску, стараясь, насколько могъ, задержать движеніе Наполеона. Узнавъ о приближеніи Наполеона къ Смоленску, Багратіонъ поспѣшно послалъ на защиту города генерала Раевскаго. Оба отряда — Раевскаго и Невѣровскаго, соединившись, составили 15.000 человѣкъ, а противъ нихъ двигалось почти все войско Наполеона. Однако они мужественно обороняли городъ, пока не приблизились главныя русскія силы. Тогда Наполеонъ прекратилъ приступы на городъ, ожидая, что теперь русскіе дадутъ ему сраженіе передъ городомъ, и заранѣе радовался, что, наконецъ-то, онъ одолѣетъ русскую армію.

Но Барклай снова отказался дать сраженіе, предпочитая уступить французамъ Смоленскъ, чѣмъ рисковать всей арміей. Въ Смоленскѣ было оставлено только 20.000 солдатъ, подъ начальствомъ генерала Дохтурова, и, пока онъ мужественно отбивалъ нападенія Наполеона, вся остальная наша армія стала отступать и перешла на московскую дорогу. Только тогда Дохтуровъ получилъ приказъ оставить городъ и вывести уцѣлѣвшее войско. Наполеонъ вступилъ въ Смоленскъ, но онъ представлялъ изъ себя только развалины: большая часть города была разрушена и сгорѣла отъ французскихъ снарядовъ.

А наши войска продолжали отступать и отступать... «Они шли тихо, въ молчаніи, съ растерзаннымъ и озлобленнымъ сердцемъ. Солдаты, офицеры, генералы винили во всемъ Барклая какъ «нѣмца», и нѣкоторые называли его даже измѣнникомъ».

И въ высшемъ нашемъ обществѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ, также были недовольны Барклаемъ. Тогда Александръ I, уступая общему желанію, назначилъ главнокомандующимъ надъ всѣми нашими арміями уже стараго, прославленнаго полководца Кутузова. Кутузову было въ то время 78 лѣтъ; но онъ былъ бодрый и крѣпкій старикъ и только недавно вернулся съ турецкаго похода, одержавши побѣду надъ турками. Кутузовъ былъ умный, осторожный и хитрый полководецъ, и всѣ, даже иностранцы, указывали на него какъ на самаго подходящаго противника Наполеону.

Когда Кутузовъ уѣзжалъ въ армію, родственники спросили его, неужели онъ надѣется разбить Наполеона. «Разбить... нѣтъ,— отвѣчалъ онъ,—а обмануть надѣюсь».

М. И. Кутузовъ.

17 августа Кутузовъ пріѣхалъ въ нашу армію, которая была сосредоточена тогда около г. Гжатска (Смоленской губ.). Солдаты радостно привѣтствовали его, и среди нихъ пошла поговорка: «Пріѣхалъ Кутузовъ — бить французовъ».

Здороваясь съ солдатами, Кутузовъ говорилъ: «Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами». Всѣ думали, что сейчасъ же будетъ сраженіе, и войска уже готовились. Но Кутузовъ, осмотрѣвъ позицію, нашелъ, что мѣсто около Гжатска невыгодно для насъ, и велѣлъ опять отступать. Но теперь войска отступали уже въ бодромъ настроеніи, зная, что битва только отложена.

Наконецъ, въ ста верстахъ отъ Москвы, около деревни Бородина, было найдено такое удобное для расположенія русской арміи мѣсто. Здѣсь наши войска остановились, и здѣсь 26 августа произошла знаменитая Бородинская битва.

Встрѣча императора Александра I въ Москвѣ.

Чѣмъ дальше Петя шелъ, чѣмъ больше онъ развлекался все прибывающимъ и прибывающимъ у Кремля народомъ, — тѣмъ больше онъ забывалъ соблюденіе степенности и медлительности, свойственныхъ взрослымъ людямъ. Подходя къ Кремлю, онъ уже сталъ заботиться о томъ, чтобы его не затолкали, и рѣшительно, съ угрожающимъ видомъ выставилъ по бокамъ свои локти. Но въ Троицкихъ воротахъ, несмотря на всю его рѣшительность, люди, которые, вѣроятно, не знали, съ какой патріотической цѣлью онъ шелъ въ Кремль, такъ прижали его къ стѣнѣ, что онъ долженъ былъ покориться и остановиться, пока въ ворота съ гудящими подъ сводами звуками проѣзжали экипажи. Около Пети стояла баба съ лакеемъ, два купца и отставной солдатъ. Постоявъ нѣсколько времени въ воротахъ, Петя, не дождавшись того, чтобы всѣ экипажи проѣхали, прежде другихъ хотѣлъ тронуться дальше и началъ рѣшительно работать локтями, но баба, стоявшая противъ него, на которую онъ первую направилъ свои локти, сердито крикнула на него:

— Что, барчукъ, толкаешься, видишь—всѣ стоятъ. Что жъ лѣзть-то?

— Такъ и всѣ полѣзутъ,—сказалъ лакей и, тоже начавъ работать локтями, затискалъ Петю въ дальній уголъ воротъ.

Петя отеръ руками потъ, покрывавшій его лицо, и поправилъ размочившіеся отъ пота воротнички, которые онъ такъ хорошо, какъ у большихъ, устроилъ дома. Петя чувствовалъ, что онъ имѣетъ непрезентабельный [1]) видъ, и боялся, что ежели такимъ онъ представится камергерамъ, то его не допустятъ до государя. Но оправиться и перейти въ другое мѣсто не было возможности отъ тѣсноты. Одинъ изъ проѣзжавшихъ генераловъ былъ знакомый Ростовыхъ. Петя хотѣлъ просить его помощи, но счелъ, что это было бы противно мужеству. Когда всѣ экипажи проѣхали, толпа хлынула и вынесла Петю на площадь, которая была вся занята народомъ. Не только на площади, но на откосахъ, на крышахъ, вездѣ былъ народъ. Только что Петя очутился

---

[1]) Непрезентабельный (фр.)—непредставительный.

на площади, онъ явственно услыхалъ наполнявшіе весь Кремль звуки колоколовъ и радостнаго народнаго говора.

Одно время на площади было просторнѣе, но вдругъ всѣ головы открылись, все бросилось еще куда-то впередъ. Петю сдавили такъ, что онъ не могъ дышать, и все закричало: «Ура! ура! ура!» Петя поднимался на цыпочки, толкался, щипался, но ничего не могъ видѣть, кромѣ народа вокругъ себя

На всѣхъ лицахъ было одно общее выраженіе умиленія и восторга. Одна купчиха, стоявшая подлѣ Пети, рыдала, и слезы текли у нея изъ глазъ

— Отецъ, ангелъ, батюшка!—проговорила она, отирая пальцами слезы.

— Ура!—кричали со всѣхъ сторонъ.

Съ минуту толпа простояла на одномъ мѣстѣ, но потомъ опять бросилась впередъ.

Петя, самъ себя не помня, стиснулъ зубы и, звѣрски выкативъ глаза, бросился впередъ, работая локтями и крича: «Ура!» какъ будто онъ готовъ былъ и себя и всѣхъ убить въ эту минуту.

«Такъ вотъ что такое государь!—думалъ Петя.—Нѣтъ, нельзя мнѣ самому ему подать прошеніе: это слишкомъ смѣло!» Несмотря на то, онъ все такъ же отчаянно пробивался впередъ и изъ-за спинъ переднихъ ему мелькнуло пустое пространство съ устланнымъ краснымъ сукномъ ходомъ; но въ это время толпа заколебалась назадъ (спереди полицейскіе отталкивали надвинувшихся слишкомъ близко къ шествію: государь проходилъ изъ дворца въ Успенскій соборъ), и Петя неожиданно получилъ въ бокъ такой ударъ по ребрамъ и такъ былъ придавленъ, что вдругъ въ глазахъ его все помутилось, и онъ потерялъ сознаніе. Когда онъ пришелъ въ себя, какое-то духовное лицо, съ пучкомъ сѣдѣвшихъ волосъ назади, въ протертой синей рясѣ, вѣроятно, дьячокъ, одной рукой держалъ его подъ мышку, другой охранялъ отъ напиравшей толпы.

— Барчонка задавили!—говорилъ дьячокъ.

— Что жъ такъ!.. легче... задавили, задавили!

Государь прошелъ въ Успенскій соборъ.

Толпа опять разравнялась, и дьячокъ вывелъ Петю блѣднаго и недышащаго къ царь-пушкѣ [1]). Нѣсколько лицъ пожалѣли Петю, и вдругъ вся толпа обратилась къ нему, и уже вокругъ него произошла давка. Тѣ, которые стояли ближе, услуживали ему, раз-

---

[1]) Царь-пушка — самая большая изъ пушекъ, одна изъ достопримѣчательностей Москвы.

стегивали его сюртучокъ, усаживали на возвышеніе пушки и укоряли кого-то, тѣхъ, кто раздавилъ его.

— Эдакъ до смерти раздавить можно. Что жъ это! Душегубство сдѣлать. Вишь, сердечный, какъ скатерть бѣлый сталъ,— говорили голоса.

Петя скоро опомнился, краска вернулась ему въ лицо, боль прошла, и за эту временную непріятность онъ получилъ мѣсто на пушкѣ, съ которой онъ надѣялся увидать долженствующаго пройти назадъ государя. Петя уже не думалъ теперь о подачѣ прошенія. Ужъ только ему увидать бы его, и то онъ считалъ бы себя счастливымъ.

Во время службы въ Успенскомъ соборѣ—соединеннаго молебствія по случаю пріѣзда государя и благодарственнаго молебствія за заключеніе мира съ турками, толпа распространилась: появились покрикивающіе продавцы квасу, пряниковъ, мака, до котораго былъ особенно охотникъ Петя, и послышались обыкновенные разговоры. Одна купчиха показывала свою разорванную шаль и сообщала, какъ дорого она была куплена; другая говорила, что нынче всѣ шелковыя матеріи дороги стали. Дьячокъ, спаситель Пети, разговаривалъ съ чиновникомъ о томъ, кто и кто служитъ нынче съ преосвященнымъ. Дьячокъ нѣсколько разъ повторилъ слово «соборнѣ» [1]), котораго не понималъ Петя. Всѣ эти разговоры теперь не занимали Петю; онъ сидѣлъ на своемъ возвышеніи—пушкѣ, все такъ же волнуясь при мысли о государѣ и о своей любви къ нему. Совпаденіе чувства боли и страха, когда его сдавили, съ чувствомъ восторга, еще болѣе усилили въ немъ сознаніе важности этой минуты.

Вдругъ съ набережной послышались пушечные выстрѣлы (это стрѣляли въ ознаменованіе мира съ турками), и толпа стремительно бросилась къ набережной смотрѣть, какъ стрѣляютъ. Петя тоже хотѣлъ бѣжать туда, но дьячокъ, взявшій подъ свое покровительство барчонка, не пустилъ его. Еще продолжались выстрѣлы, когда изъ Успенскаго собора выбѣжали офицеры, генералы, камергеры; потомъ ужъ не такъ поспѣшно вышли еще другіе, опять снялись шапки съ головъ, и тѣ, которые убѣжали смотрѣть пушки, бѣжали назадъ. Наконецъ вышли еще четверо мужчинъ въ мундирахъ и лентахъ изъ дверей собора. «Ура! Ура!» опять закричала толпа.

— Который, который? — плачущимъ голосомъ спрашивалъ вокругъ себя Петя, но никто не отвѣчалъ ему: всѣ были слишкомъ увлечены, и Петя, выбравъ одного изъ этихъ четырехъ лицъ,

---

[1]) Соборнѣ — всѣмъ соборомъ (церк.-сл.).

котораго онъ изъ-за слезъ, выступившихъ ему отъ радости на глаза, не могъ ясно разглядѣть, сосредоточилъ на него весь свой восторгъ, хотя это былъ не государь, закричалъ «ура!» неистовымъ голосомъ и рѣшилъ, что завтра же, чего бы это ему ни стоило, онъ будетъ военнымъ.

Толпа побѣжала за государемъ, проводила его до дворца и стала расходиться. Было уже поздно, а Петя ничего не ѣлъ, и потъ лилъ съ него градомъ; но онъ не уходилъ домой и вмѣстѣ съ уменьшившейся, но еще довольно большой толпой стоялъ передъ дворцомъ, во время обѣда государя, глядя въ окна дворца, ожидая еще чего-то и завидуя одинаково и сановникамъ, подъѣзжавшимъ къ крыльцу — къ обѣду государя, и камеръ-лакеямъ, служившимъ за столомъ и мелькавшимъ въ окнахъ.

За обѣдомъ государя Валуевъ сказалъ, оглянувшись въ окно:

— Народъ все еще надѣется увидать Ваше Величество.

Обѣдъ уже кончился; государь всталъ и вышелъ на балконъ. Народъ, съ Петей въ серединѣ, бросился къ балкону.

— Ангелъ, батюшка! Ура!

— Отецъ!..—кричалъ народъ и Петя, и опять бабы и нѣкоторые мужчины послабѣе, въ томъ числѣ и Петя, заплакали отъ счастья...

Государь ушелъ, и послѣ того большая часть народа стала расходиться.

Какъ ни счастливъ былъ Петя, но ему все-таки грустно было итти домой и знать, что все наслажденіе этого дня кончилось. Изъ Кремля Петя пошелъ не домой, а къ своему товарищу Оболенскому, которому было 15 лѣтъ и который уже тоже поступалъ въ полкъ. Вернувшись домой, онъ рѣшительно и твердо объявилъ, что ежели его не пустятъ, то онъ убѣжитъ. И на другой день, хотя и не совсѣмъ еще сдавшись, но графъ Илья Андреичъ [1]) поѣхалъ узнавать, какъ бы пристроить Петю куда-нибудь побезопаснѣе.

Молебенъ на Бородинскомъ полѣ.

Изъ-подъ горы отъ Бородина поднималось церковное шествіе. Впереди всѣхъ по пыльной дорогѣ стройно шла пѣхота со снятыми киверами и ружьями, опущенными книзу. Позади пѣхоты слышалось церковное пѣніе. Безъ шапокъ бѣжали навстрѣчу идущимъ солдатамъ и ополченцы.

---

[1]) Графъ Илья Андреевичъ Ростовъ—отецъ Пети.

— Матушку несутъ! Заступницу!.. Иверскую!..

— Смоленскую Матушку,—поправилъ другой.

Ополченцы и тѣ, которые были въ деревнѣ, и тѣ, которые работали на батареѣ, побросавъ лопаты, побѣжали навстрѣчу церковному шествію. За батальономъ, шедшимъ по пыльной дорогѣ, шли въ ризахъ священники, одинъ старичокъ въ клобукѣ съ причтомъ и пѣвчими. За ними солдаты и офицеры несли большую, съ чернымъ ликомъ, въ окладѣ, икону. Это была икона, вывезенная изъ Смоленска и съ того времени возимая за арміей. За иконой, кругомъ ея, впереди ея, со всѣхъ сторонъ шли, бѣжали, кланялись въ землю съ обнаженными головами толпы военныхъ.

Взойдя на гору, икона остановилась; державшіе на полотенцахъ икону люди перемѣнились, дьячки зажгли вновь кадила, и начался молебенъ. Жаркіе лучи били отвѣсно сверху; слабый свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона; пѣніе негромко раздавалось подъ открытымъ небомъ. Огромная толпа, съ открытыми головами, офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала икону. Позади священника и дьячка, на очищенномъ мѣстѣ, стояли чиновные люди. Какъ только уставшіе дьячки начинали пѣть: «Спаси отъ бѣдъ рабы Твоя, Богородице», и священникъ и дьяконъ подхватывали: «Яко вси по Бозѣ къ Тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству», на всѣхъ лицахъ вспыхивало выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты, и чаще опускались головы, встряхивались волосы, и слышались вздохи и удары крестовъ по грудямъ.

Толпа, окружавшая икону, вдругъ раскрылась. Кто-то, вѣроятно, очень важное лицо, судя по поспѣшности, съ которой передъ нимъ сторонились, подходилъ къ иконѣ.

Это былъ Кутузовъ, объѣзжавшій позицію.

Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ толщиной тѣлѣ, съ сутуловатой спиной, съ открытой бѣлой головой и съ вытекшимъ бѣлымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ своею ныряющею, раскачивающеюся походкой въ кругъ и остановился позади священника. Онъ перекрестился привычнымъ жестомъ, досталъ рукой до земли и, тяжело вздохнувъ, опустилъ свою сѣдую голову. За Кутузовымъ были Беннигсенъ и свита. Несмотря на присутствіе главнокомандующаго, обратившаго на себя вниманіе всѣхъ высшихъ чиновъ, ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться.

Когда кончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, тяжело опустился на колѣни, кланяясь въ землю, и долго пытался

и не могъ встать отъ тяжести и слабости. Сѣдая голова его подергивалась отъ усилій. Наконецъ онъ всталъ, приложился къ иконѣ и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитетъ послѣдовалъ его примѣру; потомъ офицеры, а за ними, давя другъ друга, топчась, пыхтя и толкаясь, съ взволнованными лицами полѣзли солдаты и ополченцы.

Видъ Москвы до пожара 1812 года. Съ современной гравюры.

Бородино.

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!
Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали
Ворчали старики:
«Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки —
Французы тутъ какъ тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: «Угощу я друга!
Постой-ка, братъ-мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою,
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!»
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на полѣ грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ,
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ бородинскій бой.
Ну жъ, былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи —
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами, —
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась—какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое пѣмя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля —
Не отдали бъ Москвы!

Военный совѣтъ въ деревнѣ Фили.

Въ просторной лучшей избѣ мужика Андрея Севостьянова, въ два часа собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахару, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одного за другимъ входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренно называла Малаша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло, и безпрепятственно покряхтывалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и разстегнутый, все какъ будто жалъ его шею. Входившіе одинъ за другимъ подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адъютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но Кутузовъ сердито замахалъ ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобы видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ много народу, что денщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку эту сѣли пришедшіе Ермолаевъ, Кайсаровъ и Толь. Подъ самыми образами на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и со своимъ высокимъ лбомъ, сливающимся съ голою головой, Барклай-де-Толли. Второй уже день онъ мучился лихорадкой, и въ это самое время его знобило и ломало. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщалъ Барклаю. Маленькій, кругленькій Дохтуровъ, приподнявъ брови и сложивъ руки на животѣ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотивши на руку свою широкую со смѣлыми чертами и блестящими глазами голову, графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раевскій съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ, курчавя свои черные волосы на вискахъ, поглядывалъ то на Кутузова, то на входную

дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына свѣтилось нѣжною и хитрою улыбкой. Онъ встрѣтилъ взглядъ Малаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которые заставляли дѣвочку улыбаться.

Только когда въ избу вошелъ Беннигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но настолько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Беннигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: «Оставить ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи или защищать ее?» Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтѣнье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось недолго.

— Священную, древнюю столицу Россіи,—вдругъ заговорилъ онъ сердитымъ голосомъ, повторяя слова Беннигсена.—Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ.) Такой вопросъ нельзя ставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, — это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: «Спасенье Россіи въ арміи. Выгоднѣе ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженія?» Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе. (Онъ откачнулся назадъ на спинку кресла.)

Начались пренія. Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, Беннигсенъ, проникнувшись русскимъ патріотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска въ ночи съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло французовъ. Мнѣнія раздѣлились, были споры въ пользу и противъ этого мнѣнія. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Беннигсена. Остальные генералы, оставляя въ сторонѣ вопросъ о Москвѣ, говорили о томъ направленіи, которое въ своемъ отступленіи должно было принять войско. Малаша, которая, не спуская глазъ, смотрѣла на то, что дѣлалось передъ нею, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между дѣдушкой и «длинополымъ», какъ она называла Беннигсена. Она видѣла, что они злились, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону «дѣдушки». Въ серединѣ разговора она замѣтила быстрый, лукавый взглядъ, брошенный дѣдушкой на Беннигсена, и вслѣдъ затѣмъ къ ра-

дости своей замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длиннополому, осадилъ его. Беннигсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошелся по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшія на Беннигсена, были спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Беннигсена: о переводѣ въ ночи войскъ съ праваго фланга на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла французовъ.

— Я, господа,—сказалъ Кутузовъ,—не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе.

Послѣдовало, показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ, минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— Итакъ, господа, стало-быть, мнѣ платить за перебитые горшки,—сказалъ онъ, и, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу.—Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученною мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ, я приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходиться съ тою торжественною и молчаливой осторожностью, съ которою расходятся послѣ похоронъ.

Малаша, которую уже давно ждали ужинать, осторожно спустилась задомъ съ полатей, цѣпляясь босыми ножонками за уступы печки, и, замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула въ дверь.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ, облокотившись на столъ, и думалъ все о томъ же страшномъ вопросѣ: «Когда же, когда же, наконецъ, рѣшилось то, что оставлена Москва? Когда было сдѣлано то, что рѣшило вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ?»

— Этого, этого я не ждалъ,—сказалъ онъ вошедшему къ нему, уже поздно ночью, адъютанту.—Этого я не ждалъ! Этого я не думалъ!

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость,—сказалъ адъютантъ.

— Да нѣтъ же! Будутъ они лошадиное мясо жрать, какъ турки!—не отвѣчая, прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу.

Опустѣвшая Москва.

Въ 10 часовъ утра, 2 сентября, Наполеонъ стоялъ между своими войсками на Поклонной горѣ и смотрѣлъ на открывавшееся передъ нимъ зрѣлище. Начиная съ 26 августа и по 2 сентября, отъ Бородинскаго сраженія и до вступленія непріятеля въ Москву, во всѣ дни этой тревожной, этой памятной недѣли стояла та необычайная, всегда удивляющая людей, осенняя погода, когда низкое солнце грѣетъ жарче, чѣмъ весной; когда блеститъ въ рѣдкомъ, чистомъ воздухѣ такъ, что глаза рѣжетъ; когда грудь крѣпнетъ и свѣжѣетъ, вдыхая осенній пахучій воздухъ; когда ночи даже бываютъ теплыя, и когда въ темныхъ, теплыхъ ночахъ этихъ съ неба, безпрестанно пугая и радуя, сыплются золотыя звѣзды.

2 сентября въ 10 часовъ утра была такая погода. Блескъ утра былъ волшебный. Москва съ Поклонной горы разстилалась просторно съ своей рѣкой, своими садами и церквами и, казалось, жила своею жизнью, трепеща, какъ звѣзды, своими куполами въ лучахъ солнца.

При видѣ страннаго города съ невиданными формами необыкновенной архитектуры, Наполеонъ испытывалъ то нѣсколько завистливое и безпокойное любопытство, которое испытываютъ люди при видѣ формъ не знающей о нихъ, чуждой жизни. Очевидно, городъ этотъ жилъ всѣми силами своей жизни. По тѣмъ неопредѣленнымъ признакамъ, по которымъ, на дальнемъ разстояніи, безошибочно узнается живое тѣло отъ мертваго, Наполеонъ съ Поклонной горы видѣлъ трепетаніе жизни въ городѣ. Ему странно было самому, что, наконецъ, свершилось его давнишнее, казавшееся ему невозможнымъ, желаніе. Въ ясномъ утреннемъ свѣтѣ онъ смотрѣлъ то на городъ, то на планъ, провѣряя подробности этого города, и увѣренность обладанія волновала и ужасала его.

«Но развѣ могло быть иначе?—подумалъ онъ.—Вотъ она, эта столица, у моихъ ногъ ожидаетъ судьбы своей»...

— Пусть приведутъ ко мнѣ бояръ!—обратился онъ къ свитѣ.

Генералъ съ блестящей свитой тотчасъ же поскакалъ за боярами.

Прошло часа два. Наполеонъ позавтракалъ и опять стоялъ на томъ же мѣстѣ на Поклонной горѣ, ожидая депутаціи...

Между тѣмъ въ задахъ свиты императора происходило шопотомъ взволнованное совѣщаніе между его генералами и маршалами. Посланные за депутаціей вернулись съ извѣстіемъ, что

Москва пуста, что всѣ уѣхали и ушли изъ нея. Лица совѣщавшихся были блѣдны и взволнованы. Не то, что Москва была оставлена жителями (какъ ни важно казалось это событіе), пугало ихъ, но ихъ пугало то, какимъ образомъ объявить о томъ императору, какимъ образомъ, не ставя его величество въ смѣшное положеніе, объявить ему, что онъ напрасно ждалъ бояръ такъ долго, что есть толпы пьяныхъ, но никого больше. Одни говорили, что надо было, во что бы то ни стало, собрать хоть какую-нибудь депутацію; другіе оспаривали это мнѣніе и утверждали, что надо, осторожно и умно приготовивъ императора, объявить ему правду.

— А все-таки надо ему сказать...—говорили господа свиты.

Положеніе было тѣмъ тяжелѣе, что императоръ, обдумывая свои планы великодушія, терпѣливо ходилъ взадъ и впередъ передъ планомъ, посматривая изрѣдка изъ-подъ руки по дорогѣ въ Москву и весело и гордо улыбаясь.

— Но это невозможно...—пожимая плечами, говорили господа свиты, не рѣшаясь выговорить подразумѣваемое страшное слово: «Смѣшно».

Между тѣмъ императоръ, уставши отъ тщетнаго ожиданія и чувствуя, что величественная минута, продолжаясь слишкомъ долго, начинаетъ терять свою величественность, подалъ рукою знакъ. Раздался одинокій выстрѣлъ сигнальной пушки, и войска, съ разныхъ сторонъ обложившія Москву, двинулись въ Москву черезъ Тверскую, Калужскую и Дорогомиловскую заставы. Быстрѣе и быстрѣе, перегоняя одни другихъ, бѣглымъ шагомъ и рысью, двигались войска, скрываясь въ поднимаемыхъ ими облакахъ пыли и оглашая воздухъ сливающимися гулами криковъ. Увлеченный движеніемъ войскъ, Наполеонъ доѣхалъ съ войсками до Дорогомиловской заставы, но тамъ опять остановился и, слѣзши съ лошади, долго ходилъ у Камеръ-Коллежскаго вала, ожидая депутаціи.

Москва между тѣмъ была пуста. Въ ней были еще люди, въ ней оставалась еще пятидесятая часть всѣхъ бывшихъ жителей, но она была пуста, какъ бываетъ пустъ домирающій, обезматочившій улей...

Такъ пуста была Москва, когда Наполеонъ, усталый, безпокойный и нахмуренный, ходилъ взадъ и впередъ у Камеръ-Коллежскаго вала, ожидая того, хотя внѣшняго, но необходимаго, по его понятіямъ, соблюденія приличій—депутаціи.

Въ разныхъ углахъ Москвы только безмысленно еще шевелились люди, соблюдая старыя привычки и не понимая того, что они дѣлали.

Когда Наполеону съ должной осторожностью было объявлено, что Москва пуста, онъ сердито взглянулъ на доносившаго объ этомъ и отвернувшись продолжалъ ходить молча.

— Подать экипажъ,—сказалъ онъ.

Онъ сѣлъ въ карету рядомъ съ дежурнымъ адъютантомъ и поѣхалъ въ предмѣстье.

— Пустая Москва! Какое неправдоподобное событіе!—говорилъ онъ самъ съ собой.

Онъ не поѣхалъ въ городъ, а остановился на постояломъ дворѣ Дорогомиловскаго предмѣстья.

Война за отечество.

— Это превосходитъ всякое вѣроятіе! Эти люди одержимы какимъ-то бѣсомъ!—кричалъ Наполеонъ, бѣгая изъ угла въ уголъ по огромной залѣ Кремлевскаго дворца. Онъ изрѣдка останавливался, прислушивался къ шуму за стѣнами дворца и вновь начиналъ быстро ходить по залѣ, выкрикивая ругательства.—Пусть проклятія вѣковъ падутъ на виновниковъ этого варварства! Поджигать собственные города! Сжечь столько дворцовъ,—это достойно дикарей!

Вдругъ Наполеонъ остановился, подумалъ и хлопнулъ въ ладоши. На этотъ призывъ тотчасъ же явился къ нему въ блестящемъ мундирѣ, съ крестами и знаками отличія на груди, дежурный офицеръ. Наполеонъ остановился въ полуоборотъ къ офицеру и, нахмуривъ брови, гнѣвно, словно офицеръ былъ виновникъ всему, крикнулъ:

— Приведите ко мнѣ одного изъ этихъ поджигателей! Это не война, а истребленіе! Это варварство!—тонкимъ голосомъ выкрикивалъ Наполеонъ. Потомъ, ставъ прямо передъ офицеромъ, онъ поглядѣлъ на него въ упоръ и снова крикнулъ:

— Вы слышали что я вамъ приказалъ?

— Точно такъ, ваше величество!—отчетливо проговорилъ офицеръ, повернулся и вышелъ.

А Наполеонъ въ безсильной злобѣ остановился у высокаго окна съ нахмуренными бровями и сталъ глядѣть въ окно.

Былъ поздній вечеръ, но на площади передъ дворцомъ было свѣтло, какъ днемъ. Кругомъ дворца, направо, налѣво—всюду пылала Москва; черный дымъ клубами и непрерывными столбами тянулся къ небу и сливался съ нимъ. Небо надъ Москвой было похоже на окровавленный плащъ: оно было въ багровыхъ, оранжевыхъ, кровавыхъ пятнахъ отъ зарева. Трескъ, грохотъ разрушающихся зданій, вой вѣтра, шумъ пламени,—все это сливалось

въ одинъ зловѣщій гулъ. Народъ не боролся съ пожаромъ,—никого не было подлѣ разрушающихся зданій. Москвичи покинули свои жилища, а французы, владѣтели Москвы, сперва попробовали тушить огонь, потомъ бросили. Они не въ силахъ были бороться съ нимъ. Только въ одномъ мѣстѣ потушатъ, тотчасъ же загорится въ другомъ.

Наполеонъ глядѣлъ на это море огня, прислушивался къ грозному шуму пожара и чувствовалъ, какъ злоба въ груди кипѣла на этихъ варваровъ русскихъ, сжигающихъ свой собственный городъ, а не идущихъ къ нему съ мольбой о мирѣ.

Вдругъ дверь тихо отворилась. Къ Наполеону вошелъ дежурный офицеръ и остановился въ молчаливой готовности. Наполеонъ повернулся къ нему и съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на офицера, точно не зная, зачѣмъ пришелъ тотъ.

— Ваше величество! Привели одного поджигателя...—началъ офицеръ.

— А... введите!—крикнулъ Наполеонъ и въ волненіи заходилъ по залу.

Офицеръ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился въ сопровожденіи переводчика и еще какого-то страннаго человѣка, не походившаго на блестящихъ военныхъ. Этотъ человѣкъ былъ невысокаго роста, съ длинными, остриженными въ скобку волосами, съ голубыми глазами, сутуловатый, нескладный, но съ добрымъ, чистымъ русскимъ лицомъ.

— Ты зачѣмъ зажигалъ?—набросился Наполеонъ на плѣннаго, осыпая его нехорошими ругательствами.

Плѣнный моргалъ глазами, покорно глядѣлъ внизъ и, видимо, ни слова не понималъ изъ бранной рѣчи французскаго императора.

— Спросите его, кто онъ? Зачѣмъ жегъ? — проговорилъ Наполеонъ переводчику.

— Кто вы, откуда и зачѣмъ въ Москвѣ?—спросилъ переводчикъ.

— Мы изъ деревни, изъ Ѳедотовки. Брательникъ у меня тутъ былъ и меня въ Москву въ кучера приспособилъ. У барина Евстигнѣева мы служимъ. А жечь,—вотъ те крестъ, не жегъ!—и кучеръ перекрестился, а лицо его при этомъ вдругъ стало испуганнымъ.

Переводчикъ передалъ слова кучера Наполеону.

— Видали, какъ онъ жегъ?—отрывисто спросилъ Наполеонъ.

— Такъ точно, ваше величество! Двадцать драгунъ видѣли, какъ онъ съ факеломъ вбѣгалъ въ конюшню съ лошадьми и поджигалъ сѣно. Пять человѣкъ сгорѣли, и лошади погибли.

Наполеонъ поблѣднѣлъ. Онъ долго пристально смотрѣлъ на кучера и вдругъ отрывисто бросилъ:

— Отведите! Разстрѣл... Судить! — поправился Наполеонъ, отвертываясь въ сторону и опять начиная быстро ходить по залу.

Но ни разстрѣлы ни жестокости французовъ надъ захваченными поджигателями не могли остановить пожаровъ. 10 человѣкъ разстрѣляли за поджоги, и все-таки каждый день Наполеону докладывали, будто русскіе съ факелами, съ головнями, подъ пулями французскихъ солдатъ перебѣгали отъ дома къ дому, поджигали и по задамъ садами скрывались.

Наполеонъ усилилъ жестокости. Онъ приказалъ поджигателей пристрѣливать безъ суда. Но и это не помогло. Да и могло ли это запугать русскихъ? Они боролись на жизнь и смерть съ чужеземцами-французами во имя родины за собственную независимость.

Пустой городъ Москва сдѣлался могилой для французовъ. Вмѣсто отдыха и славы французы встрѣтили пожарище и готовность русскихъ итти на всякую жертву, чтобы изгнать врага. Французы теряли силы и воинственный пылъ, а русскіе собирались съ силами и горѣли желаніемъ спасти родину отъ нашествія.

Наполеонъ тогда самъ сталъ просить мира. Кутузовъ, начальникъ русскихъ войскъ, отвѣтилъ Наполеону, что народъ не хочетъ примиренія. И вѣрно, когда озлобленный Наполеонъ съ истощенной, голодной, полураздѣтой арміей двинулся обратно, русскій народъ съ дубинами, вилами и рогатинами вышелъ навстрѣчу обезславленному завоевателю. Русскія войска нѣсколько разъ разбили французовъ въ сраженіяхъ.

Холода и зимніе морозы помогали русскимъ, и вся пятисоттысячная армія Наполеона растаяла въ этомъ походѣ гордаго завоевателя на Россію, гдѣ его встрѣтилъ и проводилъ русскій народъ,—самъ народъ, ополчившійся на враговъ.

Ворона и курица [1]).

Когда Смоленскій князь,
Противу дерзости искусствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ,

---

[1]) Французы, доведенные Смоленскимъ княземъ Кутузовымъ до голода, дѣйствительно не брезговали и воронами.

Тогда всѣ жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собрались,
И вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
«А ты что жъ, кумушка, въ дорогу?»
Ей съ воза курица кричитъ:
«Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ»
— «Мнѣ что до этого за дѣло?»
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: «Я здѣсь останусь смѣло
Вотъ ваши сестры какъ хотятъ,
А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ:
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А можетъ-быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась,
Но вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей,
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ:
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься,
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься—
Попался, какъ ворона въ супъ!

Волкъ на псарнѣ [1]).

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню
Попалъ на псарню,
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ,
Почуя сѣраго такъ близко забіяку.
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку.
Псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ!»
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.

---

[1]) Въ баснѣ изображены: тяжелое положеніе Наполеона (волка), запер таго въ сожженной Москвѣ, его попытки къ миру и твердое рѣшеніе сѣдого Кутузова (ловчаго) „съ волками иначе не дѣлать мировой, какъ снявши шкуру съ нихъ долой“.

Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
«Огня!», кричатъ, «огня!» Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ,
Зубами щелкая и ощетиня щерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть,
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему расчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры
И началъ такъ: «Друзья! Къ чему весь этотъ шумъ?
Я вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...»—«Послушай-ка, сосѣдъ,—
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ,—
Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю,
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой».
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

Къ тѣни полководца [1]).

(Отрывокъ).

Предъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!

---

[1]) Памяти Кутузова.

Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди спасай!» Ты всталъ и спасъ...

Казанскій соборъ въ С.-Петербургѣ (1801—1811 г.).

Французская армія передъ Березиной [1]).

Настало 13 (25) ноября, было часовъ семь утра, и еще не совсѣмъ разсвѣло. Я сидѣлъ, погруженный въ черныя думы, какъ вдругъ увидалъ вдали голову колонны и указалъ на нее Пикару.

Первые, кого мы увидѣли, были генералы; нѣкоторые ѣхали верхомъ, но большинство шли пѣшкомъ, какъ и многіе другіе высшіе офицеры, остатки священныхъ эскадрона и батальона, которые были сформированы 10 (22) и отъ которыхъ теперь, черезъ три дня, остались лишь жалкіе слѣды. Они плелись съ трудомъ, у всѣхъ почти были отморожены ноги и завернуты въ тряпье или куски овчины; всѣ умирали съ голоду. Затѣмъ шелъ императоръ, тоже пѣшій, съ палкой въ рукѣ. Онъ былъ закутанъ въ длинный плащъ, подбитый мѣхомъ, а на головѣ у него была шапка малиноваго бархата, отороченная кругомъ черно-бурой лисицей. По правую руку отъ него шелъ, также пѣшкомъ, король Мюратъ, по лѣвую—принцъ Евгеній, вице-король Италіи; далѣе

[1]) Изъ воспоминаній сержанта Бургонь.

маршалы Бертье, принцъ Нефшательскій, Ней, Мортье, Лефевръ и другіе маршалы и генералы, чьи корпуса были большею частью истреблены.

Миновавъ насъ, императоръ сѣлъ на коня, какъ и часть сопровождавшей его свиты; у большинства генераловъ уже не было лошадей. За императорской группой слѣдовали семь или восемь сотъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, двигавшихся въ глубочайшемъ безмолвіи съ значками полковъ, къ которымъ они принадлежали и которыхъ столько разъ водили въ побѣдоносныя сраженія. То были остатки отъ шестидесятитысячной слишкомъ арміи. Далѣе шла пѣшая императорская гвардія въ образцовомъ порядкѣ—впереди егеря, а за ними старые гренадеры.

Мой бѣдный Пикаръ, цѣлый мѣсяцъ не видавшій арміи, наблюдалъ все это, не говоря ни слова, но по его судорожнымъ движеніямъ можно было догадаться, что происходитъ въ его душѣ. Нѣсколько разъ онъ стучалъ прикладомъ ружья о землю и билъ себя кулаками въ грудь. Крупныя слезы катились по его щекамъ на обледенѣвшіе усы.

Повернувшись ко мнѣ, онъ промолвилъ: «Ей Богу, землякъ, мнѣ кажется, что все это сонъ. Не могу удержать слезъ, видя, что императоръ идетъ пѣшкомъ, опираясь на палку—онъ, этотъ великій человѣкъ, которымъ всѣ мы такъ гордимся!» При этомъ Пикаръ опять стукнулъ ружьемъ объ землю. Этимъ движеніемъ онъ, вѣроятно, хотѣлъ придать больше выразительности своимъ словамъ.

— А замѣтили вы, какъ онъ взглянулъ на насъ?—продолжалъ Пикаръ. Дѣйствительно, проходя мимо, императоръ повернулъ голову въ нашу сторону. Онъ взглянулъ на насъ такъ, какъ всегда глядѣлъ на солдатъ своей гвардіи, когда встрѣчалъ ихъ идущими въ одиночку, а тутъ, въ эту злополучную минуту, онъ, вѣроятно, желалъ своимъ взглядомъ внушить намъ мужество и довѣріе. Пикаръ увѣрялъ, будто императоръ узналъ его—вещь весьма возможная...

Наконецъ показались старые гренадеры...

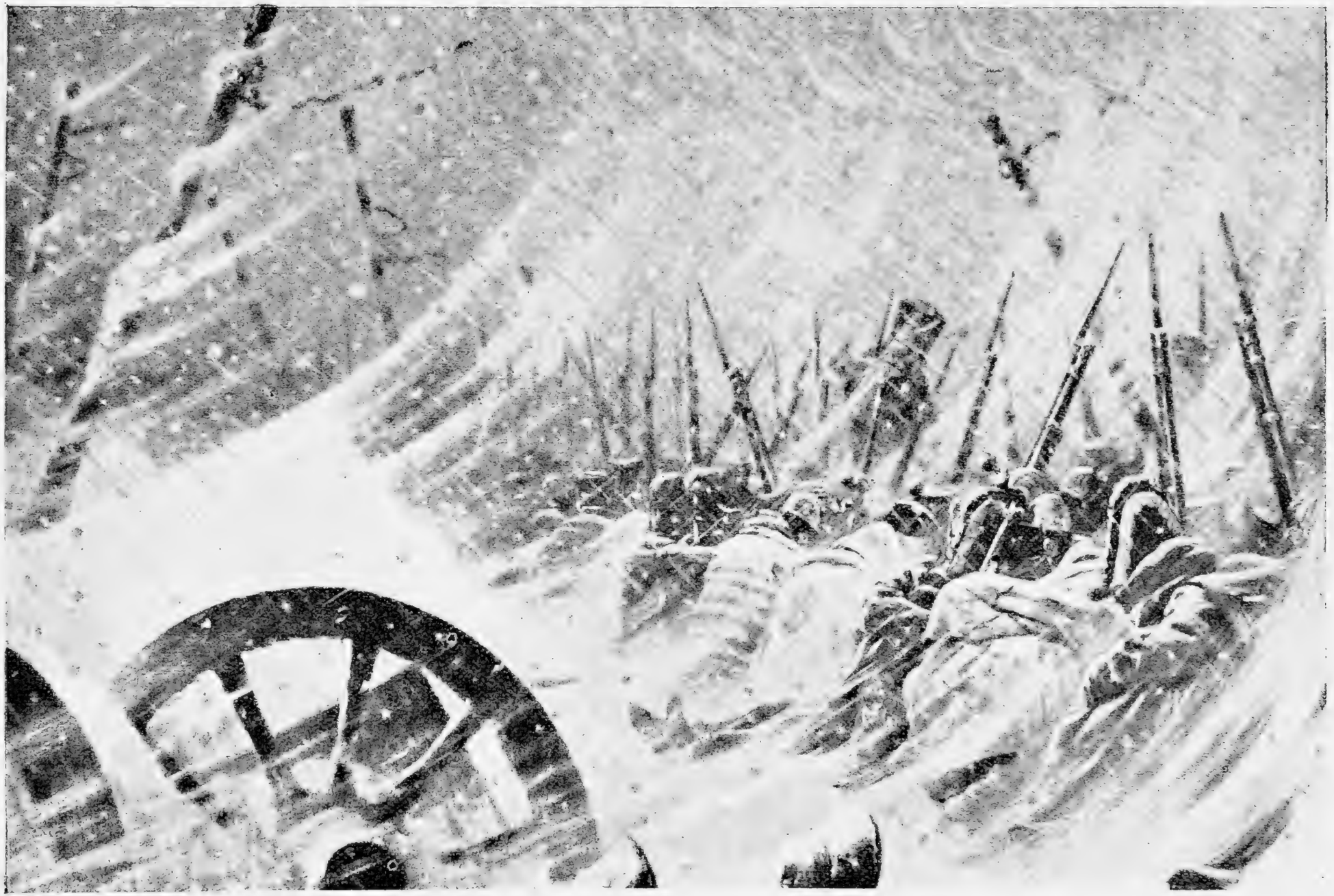
За гренадерами слѣдовало болѣе 30 тысячъ войска; почти всѣ были съ отмороженными руками и ногами, большею частью безъ оружія, такъ какъ они все равно не могли бы владѣть имъ. Многіе шли, опираясь на палки. Генералы, полковники, офицеры, солдаты, кавалеристы, пѣхотинцы всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ нашей арміи, шли всѣ вперемежку, закутанные въ плащи, подпаленныя, дырявыя шубы, въ куски сукна, въ овчины, словомъ—во что попало, лишь бы какъ-нибудь защититься отъ стужи.

Кратко. Отступленіе.

Шли они не ропща и не жалуясь, готовясь, какъ могли къ борьбѣ, если бы непріятель сталъ противиться нашей переправѣ. Присутствіе императора воодушевляло насъ и внушало довѣріе; онъ всегда умѣлъ находить новые способы, чтобы извлечь насъ изъ бѣды. Это былъ все тотъ же великій геній, и какъ бы мы ни были несчастны, всюду съ нимъ мы были увѣрены въ побѣдѣ.

Это множество людей на ходу оставляло за собой мертвыхъ и умирающихъ. Мнѣ пришлось подождать съ часъ, пока прошла вся колонна. Дальше тянулась длинная вереница еще болѣе жалкихъ существъ, слѣдовавшихъ машинально на значительныхъ промежуткахъ. Эти шли, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ,—имъ не суждено было даже перейти черезъ Березину, отъ которой мы были такъ близко. Минуту спустя я увидалъ остатки молодой гвардіи, стрѣлковъ, фланкеровъ и нѣсколько волтижеровъ, спасшихся въ Красномъ, когда полкъ, командуемый полковникомъ Люрономъ, былъ на нашихъ глазахъ смятъ и изрубленъ русскими кирасирами.

Эти полки, смѣшавшись, шли все-таки въ порядкѣ. За ними слѣдовала артиллерія и нѣсколько фургоновъ... Минуту спустя я увидалъ правую колонну, идущую двумя рядами по обѣ стороны дороги, чтобы присоединиться къ лѣвой фузильеровъ-егерей. Полковой адъютантъ, майоръ Рустанъ, первый увидавшій меня, сказалъ: «Вы ли это, мой бѣдный Бургонь? Васъ считали мертвымъ въ арьергардѣ, а вы живы и впереди! Ну, и прекрасно! Не встрѣчали ли вы позади людей нашего полка?». Я отвѣчалъ, что трое сутокъ я бродилъ съ однимъ гренадеромъ по лѣсу, чтобы не быть захваченнымъ въ плѣнъ русскими. Наконецъ подошла наша рота; я успѣлъ занять свое мѣсто на правомъ флангѣ, а товарищи еще не замѣтили меня; они шли понуривъ головы и уставивъ глаза въ землю, почти ничего не видя, до такой степени морозъ и бивачный дымъ испортилъ имъ зрѣніе. Узнавъ, что я вернулся, они подошли ко мнѣ и засыпали меня вопросами, на которые я не въ силахъ былъ отвѣчать, до того я былъ растроганъ, очутившись среди нихъ, точно я вернулся въ свою родную семью! Они говорили мнѣ, что не постигаютъ, какъ это я могъ отстать отъ нихъ, и что этого не случилось бы, если бы они во-время замѣтили, что я боленъ и не могу слѣдовать за ними. Окинувъ глазами роту, я увидалъ, что она еще значительно убыла. Капитана не было съ ними: всѣ пальцы на ногахъ у него отвалились. Въ настоящую минуту не знали, гдѣ онъ; говорятъ, онъ ѣхалъ на плохой клячѣ, съ трудомъ добытой для него.



Верещагинъ.

Ночной привалъ.

Двое моихъ друзей, Гранжье и Лебудъ, видя, что я еле держусь на ногахъ, взяли меня подъ руки. Мы присоединились къ фузильерамъ-егерямъ. Я не помню, чтобы когда-нибудь въ жизни мнѣ такъ сильно хотѣлось спать, но дѣлать было нечего, приходилось маршировать дальше. Мои друзья убѣждали меня подремать немного, пока ведутъ меня подъ руки, и мы дѣлали это по очереди, такъ какъ ихъ тоже клонило ко сну. Нѣсколько разъ намъ случалось останавливаться совсѣмъ, при чемъ всѣ трое спали. Къ счастью, въ этотъ день холодъ значительно смягчился, иначе нашъ сонъ неминуемо перешелъ бы въ смерть.

Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ.

Какъ французы пришли.

(Изъ воспоминаній крестьянской дѣвочки.)

Была я тогда годовъ двѣнадцати, а можетъ, и меньше. Отецъ и мать уже давно померли, а жили мы у своей тетки, какъ къ намъ французы пришли.

Тетка налила намъ борщу, какъ вдругъ пришли французы, было ихъ человѣкъ шесть, отобрали они у насъ ложки и стали ѣсть борщъ. Французы нашъ борщъ ѣдятъ, а мы всѣ кинулись къ скотинѣ, угонять скотину отъ французовъ. Много насъ было, со всего села народъ собрался, погнали въ лѣсъ скотину. Гнали-гнали, въ самую гущу загнали. Стали мужчины деревья валить, загородку ставить, а бабы смотрятъ; скотины много; а воды нѣтъ, Что тутъ дѣлать?

Пошла я съ подругой Стеклой воды искать и ведра съ собой взяли. Ходили-ходили, поблизу нигдѣ нѣтъ воды; такъ мы пошли къ самой рѣчкѣ, зачерпнули по ведру и несемъ. Взошла я на пригорокъ, вижу—французы около нашей скотины.

— Ой, Стекла, французы,—кидай ведра, бери палки.

Побрали мы палки, да бѣгомъ къ нимъ.

— А вы, гады, зачѣмъ сюда пришли?

Французы, въ чулкахъ, въ башмакахъ, давай наутекъ. Французы — бѣжать, а мы за ними. Тогда уже и мужчины наши за нами давай французовъ гонять. А то, право, стоятъ и смотрятъ, и не двинулись, пока мы со Стеклой не погнали французовъ. Такъ мы съ мужчинами загнали французовъ въ самую рѣчку. Перешли они на другую сторону, или нѣтъ—ужъ я того не знаю. Было ихъ всего три человѣка. Мы скорѣе вернулись къ скотинѣ, да и погнали скотину въ другое мѣсто. Гнали мы скотину по болотамъ, по кочкамъ, не приведи Богъ, какъ трудно было. Братъ мой зналъ гдѣ-то такое мѣсто, что скотину черезъ рѣчку можно было переправить. А за рѣчкой, среди кустовъ, удобное такое мѣсто было, чтобы скотину держать. Согнали мы почти со всего села всю скотину вмѣстѣ, а корму не очень много было. Вотъ на другой день мнѣ и говорятъ:

— Возьми да отгони телятъ, куда дальше, пастись на мелкую траву.

Я погнала, сижу въ кустахъ, пасу телятъ. Слышу — голосъ: «Кто,—думаю,—говоритъ?» Встала, гляжу: пять французовъ на коняхъ, и они меня замѣтили. Я бы убѣжала, да боюсь—стрѣлять будутъ: у нихъ пистолеты. Я и стою, какъ дурочка, а они мнѣ кричатъ:

— Але-але, маширъ!

А я стою, не шелохнусь. Соскочилъ одинъ съ коня, взялъ меня за руки, ведетъ. Надѣли мнѣ веревку на шею.

— Веди насъ,—говорятъ,—гдѣ коровы, молоко, яйца, куры, бараны.

Почемъ я знаю, какъ они говорятъ, только и разбираю: «але-але, маширъ». Ну, а только я поняла то, что какъ я при-

веду ихъ туда, гдѣ коровы, да масло, да куры, да яйца, то, знать, хорошо будетъ все, чтобы я не боялась. «Ну,—думаю,—куда жъ я поведу ихъ?»

И пошла я впередъ, а они за мною идутъ, ведутъ меня на веревкѣ. Есть у меня ножикъ съ собою. Какъ скотъ пасешь, такъ что же дѣлать? Лапти плетешь. Вотъ ножикъ и нуженъ, всегда съ собою и есть. Заложенъ у меня ножикъ за онучкой, да никакъ его не выну, нельзя мнѣ наклониться, а я-таки умудрилась: подогнула ногу и выхватила ножикъ. Спрятала ножикъ на груди, иду, боюсь, чтобъ не замѣтили. Нѣтъ, ничего не видали. Тогда я осмѣлилась, стала веревку перерѣзать. Какъ меня Богъ все на умъ наводилъ — такъ я и дѣлала: перерѣзала я веревку, да и держу около шеи, а они, можетъ, думали: веревка около шеи третъ, такъ я и держу, а сама себѣ думаю: «Поведу ихъ къ канавѣ». Такъ туда и иду къ канавѣ. Лоза густая, кропива большая. Дошла до канавы, да и скокъ—перескочила черезъ канаву, бѣгу, а французъ на конѣ перескочилъ, да за мною. Я къ другой канавѣ—перескочила, а французъ тамъ съ конемъ и загрузъ. Тогда они въ меня изъ пистолета стрѣльнули, да Богъ избавилъ—жива осталась.

Убѣжала я отъ французовъ, да и думаю:

«Гдѣ жъ мои телята? Должно-быть, ихъ французы не забрали, не замѣтили?»

Вернулась и телятъ нашла. Только всего и бѣды было, что поздно пригнала къ своимъ. Стали меня бранить:

— Чего такъ поздно пригнала? Должно-быть, спала?

Такъ я никому ничего не сказала изъ домашнихъ. Все равно, думаю, завтра не пошлютъ кого другого, а опять меня: своихъ дѣтей тетка жалѣла, а меня нѣтъ. Такъ мы до самаго Успенія въ лѣсу жили и скотъ держали въ лѣсу. Кабы такъ оставили, можетъ, и былъ бы цѣлъ скотъ. Да то бѣда, что хлѣбъ на полѣ пропадаетъ, надо жать и косить.

Разставили французы около каждой хаты по три человѣка стражи и говорятъ, чтобы народъ шелъ работать и скотъ чтобы пригоняли, что ничего не будетъ тому, кто будетъ работать. Ну, наши повѣрили и пригнали скотъ въ село. Нажнутъ хлѣба, намолотятъ да ночью и стащатъ въ лѣсъ; спрячутъ въ ямы, думаютъ люди на зиму припрятать, а французы все найдутъ и отберутъ. Богъ ихъ знаетъ, какъ они и узнавали, только почти все, что мужики наши прятали, почти все находили. Пригнали мы на Успенье скотъ домой, а вечеромъ пошли къ рѣчкѣ поить скотъ. Наѣхали французы, и кто что поймаетъ, какую кто скотину зацѣпитъ, то и уводитъ. Видимъ, дѣло плохо. На другой

день рано утромъ, на зарѣ, погнала я, что осталось скота, въ лѣсъ, а сама хожу по полю да смотрю—куда мнѣ лучше погнать скотину, чтобы не повстрѣчать французовъ. Гляжу, французы гонятъ скотъ, стадо со всѣхъ четырехъ селъ. Я тогда скорѣе давай свой скотъ подальше въ лѣсъ загонять. Былъ тутъ и нашъ скотъ и сосѣдскій: все, что осталось въ нашемъ селѣ. Загнала я скотъ далеко въ лѣсъ и думаю: «Долго ль это будетъ, пока французы уйдутъ, и когда же можно домой воротиться? Какъ мнѣ со скотомъ управиться: всѣхъ дойныхъ коровъ я не могу доить». Понадѣлывала я такихъ корзинокъ изъ бересты, да изъ лозы, листьями корзинки устелю, да и дою туда молоко, а какъ скиснетъ молоко, такъ я на пень выверну простоквашу, сыворотка сбѣжитъ, а сыръ остается: высохнетъ, да такой вкусный. Я его со сметанкой ѣмъ, орѣхами закусываю да ягодами разными. Орѣховъ столько тогда было, что и собирать мнѣ не надо: бери сколько хочешь. Погоню я своихъ коровъ на водопой, да такъ онѣ у меня выучились, что идутъ тихонько; которая, если хрустнетъ, такъ на нее всѣ и оглядываются. На ночь пригоню опять на старое мѣсто. Полягутъ коровы одна около другой близехонько, ночи ужъ холодныя стали, — такъ я между коровами лягу: мнѣ и тепло.

Пообносилась я только, одни лохмотья на мнѣ болтаются. Такъ дожила я до Покрова. Ну, и осталась я совсѣмъ голая. «Ну, — думаю, — пойду, навѣдаюсь я домой, что тамъ дѣлается».

Вышла я на опушку, какъ разъ къ нашей нивкѣ. Смотрю, тамъ мой братъ пашетъ. Я и кричу ему:

— Ѳедоръ, Ѳедоръ!

Оглянулся онъ, да и не пойметъ никакъ — кто это его зоветъ. Я ему тогда и кричу:

— Иди сюда, братику, Ѳедоръ, это жъ я, Настя.

— Откуда жъ ты взялась? Мы уже думали, что ты и пропала. Чего же ты не идешь сама ко мнѣ?

— Да какъ же я пойду, когда я голая.

Ну, онъ подошелъ, я спряталась въ кусты, онъ снялъ съ себя свитку и кинулъ мнѣ. Я одѣла братнину свитку да тогда уже и вышла въ поле. Тогда я пошла къ своимъ и разсказала, гдѣ я скотъ прятала. А французы-то ушли отъ насъ. Какъ разъ въ самый Покровъ наѣхали въ село наши казаки и прогнали отъ насъ французовъ.

Только въ нашей одной деревнѣ и остались коровы тѣ, что я въ лѣсу спрятала, а то кругомъ весь скотъ забрали французы.

Наводненіе въ Петербургѣ [1]).

I.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно - зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.
Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да усмирится же съ тобой
И побѣжденная стихія.
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!
Была ужасная пора;
Объ ней свѣжо воспоминанье...
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ.

II.

Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ бурной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...
Поутру надъ ея брегами

---

[1]) Изъ поэмы „Мѣдный всадникъ“.

Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы,
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.
Осада! приступъ! Злыя волны,
Какъ воры лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки бѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ! Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный царь [1]) еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ
И молвилъ: «Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть». Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ:
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы; дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ — изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь, средь бурныхъ водъ,
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.

Графъ Сперанскій.

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій родился въ 1772 году Отецъ его былъ простой сельскій священникъ Владимирской губерніи. Семи лѣтъ мальчикъ былъ отданъ во владимирскую духовную семинарію.

Сперанскій отлично учился, и 18-ти лѣтъ былъ отправленъ въ Петербургъ, въ главную Александро-Невскую семинарію для

---

[1]) Александръ I.

пополненія образованія. Здѣсь Сперанскій много читалъ и много думалъ; учился онъ блестяще и по окончаніи курса остался преподавателемъ въ этой же семинаріи. Преподавалъ онъ самые разнообразные предметы и всѣ съ большимъ успѣхомъ, но скоро бросилъ учительство и поступилъ домашнимъ секретаремъ къ князю Куракину.

Куракинъ оцѣнилъ своего секретаря и, повышаясь самъ въ чинахъ и орденахъ, повышалъ и Сперанскаго.

Разъ министръ заболѣлъ и послалъ къ государю съ докладомъ вмѣсто себя Сперанскаго. Сперанскій сумѣлъ понравиться впечатлительному Александру и съ тѣхъ поръ сталъ въ числѣ ближайшихъ довѣренныхъ лицъ государя.

М. М. Сперанскій.

Сперанскій и государь часто и подолгу бесѣдовали, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ у Сперанскаго уже былъ готовъ «планъ государственнаго преобразованія». Въ своемъ проектѣ Сперанскій предлагалъ раздѣлить власть на три части: законодательную, исполнительную и судебную

Государственная дума, составленная изъ выборныхъ отъ всей Россіи, издаетъ законы.

Это — власть законодательная.

Государственная дума собирается ежегодно безъ всякаго созыва, при чемъ ни одинъ законъ не можетъ имѣть силы, пока его не разсмотритъ дума. Кромѣ разсмотрѣнія законовъ, государственная дума также должна была участвовать въ изданіи постановленій о налогахъ и другихъ повинностяхъ и возбуждать вопросы о различныхъ государственныхъ нуждахъ.

За исполненіемъ законовъ, разсмотрѣнныхъ государственною думою и утвержденныхъ державною властью, слѣдятъ министерства.

Министерства—власть исполнительная.

Средоточіемъ же судебной власти долженъ быть Сенатъ, высшее судебное учрежденіе съ выборными сенаторами.

Александръ не рѣшился привести въ исполненіе весь планъ.

Открытъ былъ только Государственный Совѣтъ, члены котораго назначались государемъ

Вмѣсто 8-ми прежнихъ министерствъ основано было одиннадцать, что нѣсколько облегчило веденіе дѣлъ.

Когда приближалась французская война, требовавшая, какъ всегда, большихъ денежныхъ затратъ, Сперанскому же поручено было добываніе денегъ.

Онъ увеличилъ налоги, при чемъ въ первый разъ введены были подоходные налоги.

Этотъ налогъ падалъ, главнымъ образомъ, на состоятельныхъ лицъ.

Всѣ эти планы и мѣропріятія возбудили противъ Сперанскаго недовольство. Вельможи были обижены тѣмъ, что человѣкъ простого происхожденія пользуется такимъ довѣріемъ у государя. Дворяне боялись, какъ бы Сперанскій не уничтожилъ крѣпостное право.

Приближалась война 1812 года. Время было тревожное. Все это отразилось на судьбѣ Сперанскаго. Александръ пересталъ относится къ нему довѣрчиво, и Сперанскій былъ удаленъ въ Пермь.

Въ Перми Сперанскій нуждался даже въ насущномъ хлѣбѣ и долженъ былъ закладывать царскіе подарки и ордена, чтобы добыть денегъ. Онъ написалъ государю письмо, въ которомъ доказывалъ свою правоту.

Наконецъ въ 1819 году Сперанскій былъ назначенъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ и выѣхалъ въ Сибирь.

Громадная страна, раскинувшаяся за Уральскими горами, страна по величинѣ большая Европейской Россіи, населенная темнымъ и бѣднымъ народомъ,—такова была въ то время Сибирь. Здѣсь, вдали отъ Петербурга, въ управленіи страною царствовалъ большой безпорядокъ. Пробывъ въ Сибири менѣе двухъ лѣтъ, Сперанскій успѣлъ сдѣлать много хорошаго.

Въ 1821 году Сперанскому, наконецъ, было разрѣшено явиться въ Петербургъ и лично изложить государю свои обширные планы о переустройствѣ сибирскаго управленія.

Въ 1825 году не стало Александра и русскій престолъ занялъ Николай I.

Въ теченіе царствованія Николая I собирались одинъ за другимъ девять комитетовъ, которые обсуждали разныя стороны крѣпостного права. Однимъ изъ наиболѣе видныхъ работниковъ въ первыхъ комитетахъ былъ Сперанскій. По повелѣнію государя онъ составилъ записку о крѣпостномъ состояніи Россіи и о мѣрахъ, какія должны быть приняты для улучшенія положенія крестьянъ.

Въ своей запискѣ въ качествѣ первоначальныхъ мѣръ Сперанскій предлагаетъ:

1) Запретить крестьянъ безъ земли продавать, дарить и отдавать въ приданое.

2) Запретить продавать одну землю безъ крестьянъ, которые на ней водворены.

Другимъ болѣе значительнымъ трудомъ Сперанскаго въ царствованіе Николая I было изданіе Полнаго Собранія Законовъ и составленіе Свода Законовъ.

«Никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона», такъ гласитъ первое правило всякаго государственнаго устройства. Но до сихъ поръ законы Россіи были разсѣяны въ различныхъ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ, въ сотняхъ книгъ, изданныхъ безъ всякаго порядка. Законы эти, постоянно умножаясь, представляли такое смѣшеніе, что трудно было въ нихъ разобраться. Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ нужно было сперва собрать и расположить въ порядкѣ старые. Это громадное дѣло поручено было второму отдѣленію государевой канцеляріи, душою которой былъ Сперанскій. Не было никого болѣе способнаго, чтобы совершить это изумительное дѣло.

Приступивъ со своей канцеляріей къ работѣ, Сперанскій прежде всего собралъ всѣ узаконенія почти за 200 лѣтъ, начиная съ уложенія царя Алексѣя Михайловича и кончая послѣднимъ указомъ императора Александра I. Все это расположили въ порядкѣ по годамъ, напечатали и получилось 45 громадныхъ томовъ «Собранія законовъ Россійской Имперіи». Изъ этого собранія Сперанскій бралъ годные къ дѣйствію законы и располагалъ ихъ въ видѣ статей. И эта выборка изъ «Собранія законовъ» разрослась до довольно внушительныхъ размѣровъ: вышло 15 томовъ «Свода Законовъ Россійской имперіи».

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что подъ конецъ жизни на долю Сперанскаго выпалъ еще одинъ трудъ, принесшій богатые плоды: онъ былъ однимъ изъ преподавателей наслѣдника Александра Николаевича, будущаго царя-Освободителя, и своими бесѣдами съ нимъ содѣйствовалъ тѣмъ просвѣщеннымъ начинаніямъ, которыя отмѣтили собою царствованіе Александра II.

Умеръ Сперанскій шестидесяти семи лѣтъ въ февралѣ 1839 года.

День помѣщика.

I.

Въ исходѣ іюня стояли уже сильныя жары. Послѣ душной ночи потянулъ на разсвѣтѣ восточный свѣжій вѣтерокъ, всегда упадающій, когда обогрѣетъ солнце. На восходѣ его проснулся

дѣдушка. Жарко было ему спать въ небольшой горницѣ, хотя съ поднятымъ на всю подставку подъемомъ старинной оконной рамы съ мелкимъ переплетомъ, но зато въ пологу изъ домашней рѣдинки. Предосторожность необходимая: безъ полога заѣли бы его злые комары и не дали бы уснуть. Роями носились и тыкались длинными жалами своими въ тонкую преграду крылатые музыканты и всю ночь пѣли ему докучныя серенады. Смѣшно сказать, а грѣхъ утаить, что я люблю дискантовый пискъ и даже кусанье комаровъ: въ нихъ слышно мнѣ знойное лѣто, роскошныя безсонныя ночи, берега Бугуруслана, обросшіе зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловьиныя пѣсни; я помню замираніе молодого сердца и сладкую, безотчетную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни... Проснулся дѣдушка, обтеръ жаркою рукою горячій потъ съ крутого, высокаго лба своего, высунулъ голову изъ-подъ полога и разсмѣялся. Ванька Мазанъ и Никаноръ Танайчонокъ храпѣли врастяжку на полу, въ карикатурно-живописныхъ положеніяхъ. «Экъ храпятъ, собачьи дѣти!» сказалъ дѣдушка и опять улыбнулся. Степанъ Михайловичъ былъ загадочный человѣкъ: послѣ такого сильнаго словеснаго приступа слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ подожкомъ (всегда у постели его стоявшимъ) въ бокъ спящаго или пинка ногой, даже привѣтствія стуломъ; но дѣдушка разсмѣялся, просыпаясь, и на весь день попалъ въ добрый стихъ, какъ говорится. Онъ всталъ безъ шума, разъ-другой перекрестился, надѣлъ порыжѣлыя кожаныя туфли на босыя ноги и въ одной рубахѣ изъ крестьянской оброчной льняно́й холстины (ткацкаго тонкаго полотна на рубашки бабушка ему не давала) вышелъ на крыльцо, гдѣ пріятно обхватила его утренняя влажная свѣжесть. Никого не безпокоя, онъ самъ досталъ войлочный потникъ, лежавшій всегда въ чуланѣ, подостлалъ его подъ себя на верхней ступени крыльца и сѣлъ встрѣчать солнышко по всегдашнему своему обычаю. Передъ восходомъ солнца бываетъ весело на сердцѣ у человѣка какъ-то безсознательно; а дѣдушкѣ, сверхъ того, весело было глядѣть на свой господскій дворъ, всѣми нужными по хозяйству строеніями тогда уже достаточно снабженный. Правда, дворъ былъ не обгороженъ, и выпущенная съ крестьянскихъ дворовъ скотина, собираясь въ общее мірское стадо для выгона въ поле, посѣщала его мимоходомъ, какъ это было и въ настоящее утро и какъ всегда повторялось по вечерамъ. Нѣсколько запачканныхъ свиней потирались и почесывались о самое то крыльцо, на которомъ сидѣлъ дѣдушка, и, хрюкая, лакомились раковыми скорлупами и всякими столовыми объѣдками, которые безъ церемоніи выкидывались у того

же крыльца; заходили также и коровы и овцы; разумѣется, отъ ихъ посѣщеній оставались неопрятные слѣды; но дѣдушка не находилъ въ этомъ ничего непріятнаго, а, напротивъ, любовался, глядя на здоровый скотъ, какъ на вѣрный признакъ довольства и благосостоянія своихъ крестьянъ.

II.

Скоро громкое хлопанье длиннаго пастушьяго кнута угнало посѣтителей. Начала просыпаться дворня. Дюжій конюхъ Спиридонъ, котораго до глубокой старости звали «Спирькой», выводилъ, одного за другимъ, двухъ рыже-пѣгихъ и третьяго бураго жеребца, привязывалъ ихъ къ столбу, чистилъ и проминалъ на длинной коновязи. Проснулась и старая ключница, спавшая на погребицѣ, вышла изъ погреба, сходила на Бугурусланъ умыться, повздыхала, поохала (это была ея неизмѣнная привычка), помолилась Богу, оборотясь къ солнечному восходу, и принялась мыть, полоскать, чистить горшки и посуду. Весело кружились въ небѣ, щебетали и пѣли ласточки и касаточки; звонко били перепела въ поляхъ; надсѣдаясь, хрипло кричали въ кустахъ дергуны; подсвистыванье погонышей, токованье и блеянье дикаго барашка неслись съ ближняго болота; варакушки взапуски передразнивали соловьевъ, — выкатывалось изъ-за горы яркое солнце!.. Задымились крестьянскія избы, погнулись по вѣтру сизые столбы дыма, точно вереница рѣчныхъ судовъ выкинула свои флаги; потянулись мужички въ поле... захотѣлось дѣдушкѣ умыться студеной водою и потомъ напиться чаю. Разбудилъ онъ безобразно спавшихъ слугъ своихъ. Повскакали они, какъ полоумные, въ испугѣ, но веселый голосъ Степана Михайловича скоро ободрилъ ихъ: «Мазанъ, умываться! Танайчонокъ, будить Аксютку и барыню,—чаю!» Не нужно было повторять приказаній: неуклюжій Мазанъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ съ мѣднымъ свѣтлымъ рукомойникомъ на родникъ за водою, а проворный Танайчонокъ разбудилъ некрасивую Аксютку, которая, поправляя свалившійся на бокъ платокъ, уже будила старую дородную барыню Арину Васильевну. Въ нѣсколько минутъ весь домъ былъ на ногахъ, и всѣ уже знали, что старый баринъ проснулся веселъ. Черезъ четверть часа стоялъ у крыльца столъ, накрытый бѣлою браною скатерткой домашняго издѣлія, кипѣлъ самоваръ въ видѣ огромнаго мѣднаго чайника, суетилась около него Аксютка и здоровалась старая барыня, Арина Васильевна, съ Степаномъ Михайловичемъ, не охая и не стоная, что было нужно въ иное утро, а весело и громко спрашивала его о здоровьѣ: «Какъ почивалъ и

что во снѣ видѣлъ?» Ласково поздоровался дѣдушка съ своей супругой и назвалъ ее Аришей; онъ никогда не цѣловалъ ея руки, а свою давалъ цѣловать въ знакъ милости. Арина Васильевна расцвѣла и помолодѣла: куда дѣвалась ея тучность и неуклюжесть! Сейчасъ принесла скамеечку и усѣлась возлѣ дѣдушки на крыльцѣ, чего никогда не смѣла дѣлать, если онъ неласково встрѣчалъ ее. «Напьемся-ка вмѣстѣ чайку, Ариша,—заговорилъ Степанъ Михайловичъ,—покуда не жарко. Хотя спать было душно, а спалъ я крѣпко, такъ что и сны всѣ заспалъ. Ну, а ты?» Такой вопросъ была необыкновенная ласка, и бабушка поспѣшно отвѣчала, что которую ночь Степанъ Михайловичъ хорошо почиваетъ, ту и она хорошо спитъ; но что Танюша всю ночь металась. Танюша была меньшая дочь, и старикъ любилъ ее больше другихъ дочерей, какъ это часто случается; онъ обезпокоился такими словами и не приказалъ будить Танюшу до тѣхъ поръ, покуда сама не проснется. Татьяну Степановну разбудили вмѣстѣ съ Александрой и Елизаветой Степановнами, и она уже одѣлась; но объ этомъ сказать не осмѣлились. Танюша проворно раздѣлась, легла въ постель, велѣла затворить ставни въ своей горницѣ, и хотя заснуть не могла, но пролежала въ потемкахъ часа два: дѣдушка остался доволенъ, что Танюша хорошо выспалась.

III.

Накушавшись чаю и поговоря о всякой всячинѣ съ своей семьей, дѣдушка собрался въ поле. Онъ уже давно сказалъ Мазану: «Лошадь!»—и старый бурый меринъ, запряженный въ длинныя крестьянскія дроги, или роспуски, чрезвычайно покойныя, переплетенныя частою веревочной рѣшеткою, съ длиннымъ лубкомъ посединѣ, накрытымъ войлокомъ, уже стоялъ у крыльца. Конюхъ Спиридонъ сидѣлъ кучеромъ въ незатѣйливомъ костюмѣ, т.-е. просто въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шерстянымъ тесемочнымъ краснымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ключъ и мѣдный гребень. Въ предыдущій разъ Спиридонъ ѣздилъ въ такую же экспедицію даже безъ шляпы; но дѣдушка побранилъ его за то, и на этотъ разъ онъ приготовилъ себѣ что-то въ родѣ шапки, сплетенной изъ широкихъ лыкъ; дѣдушка посмѣялся надъ его *шлычкой* и, надѣвъ *полевой* кафтанъ изъ небѣленаго домашняго холста да картузъ и подостлавъ подъ себя про запасъ отъ дождя армякъ, сѣлъ на дроги. Спиридонъ также подложилъ подъ себя сложенный втрое свой обыкновенный зипунъ изъ крестьянскаго бѣлаго сукна, но окрашенный въ ярко-красный цвѣтъ марены, которой много родилось въ поляхъ. Этотъ красный цвѣтъ

былъ въ такомъ употребленіи у стариковъ, что багровскихъ дворовыхъ сосѣди звали «маренниками»; я самъ слышалъ это прозвище лѣтъ пятнадцать послѣ смерти дѣдушки. Въ полѣ Степанъ Михайловичъ былъ всѣмъ доволенъ. Онъ осмотрѣлъ отцвѣтавшую рожь, которая, съ человѣка вышиною, стояла какъ стѣна; дулъ легкій вѣтерокъ, и синія волны ходили по ней, то свѣтлѣе, то темнѣе отражаясь на солнцѣ. Любо было глядѣть хозяину на такое поле! Дѣдушка объѣхалъ молодые овсы, полбы и всѣ яровые хлѣба; потомъ отправился въ паровое поле и приказалъ возить себя взадъ и впередъ по вспареннымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлизна, всякое нетронутое сохою мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если дѣдушка бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно. Въ этотъ разъ все шло благополучно; можетъ-быть, и попадались цѣлизны, только Степанъ Михайловичъ ихъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить. Онъ заглянулъ также на мѣста степныхъ сѣнокосовъ и полюбовался густой, высокой травой, которую черезъ нѣсколько дней надо было косить. Онъ побывалъ и на крестьянскихъ поляхъ, чтобы знать самому, у кого уродился хлѣбъ хорошо и у кого плохо, даже паръ крестьянскій объѣхалъ и попробовалъ, все замѣтилъ и ничего не забылъ. Проѣзжая черезъ залежи и увидѣвъ поспѣвавшую клубнику, дѣдушка остановился и, съ помощью Мазана, набралъ большую кисть крупныхъ, чудныхъ ягодъ и повезъ домой своей Аришѣ. Несмотря на жаръ, онъ проѣздилъ почти до полденъ. Только завидѣли спускающіяся съ горы дѣдушкины дроги—кушанье уже стояло на столѣ, и вся семья ожидала хозяина на крыльцѣ. «Ну, Ариша,—весело сказалъ дѣдушка,—какіе хлѣба даетъ намъ Богъ! Велика милость Господня! А вотъ тебѣ и клубничка». Бабушка растаяла отъ радости. «Наполовину поспѣла, — продолжалъ онъ, — съ завтрашняго дня посылать по ягоды». Говоря эти слова, онъ входилъ въ переднюю; запахъ горячихъ щей несся ему навстрѣчу изъ залы. «А, готово!—еще веселѣе сказалъ Степанъ Михайловичъ.—Спасибо»; и, не заходя въ свою комнату, прямо прошелъ въ залу и сѣлъ за столъ. Надобно сказать, что у дѣдушки былъ обычай: когда онъ возвращался съ поля, рано или поздно,—чтобъ кушанье стояло на столѣ, и, Боже сохрани, если прозѣваютъ его возвращеніе и не успѣютъ подать обѣда! Бывали примѣры, что отъ этого происходили печальныя послѣдствія. Но въ этотъ блаженный день все шло какъ по маслу, все удавалось. Здоровенный дворовый парень, Николка Рузанъ, сталъ за дѣдушкой съ цѣлымъ сучкомъ березы, чтобы обмахивать

его отъ мухъ. Горячія щи, отъ которыхъ русскій человѣкъ не откажется въ самыя палящія жары, дѣдушка хлебалъ деревянной ложкой, потому что серебряная обжигала ему губы; за ними слѣдовала ботвинья со льдомъ, съ прозрачнымъ балыкомъ, желтой, какъ воскъ, соленой осетриной и съ чищеными раками и тому подобныя легкія блюда. Все это запивалось домашней брагой и квасомъ, также со льдомъ. Обѣдъ былъ превеселый. Всѣ говорили громко, шутили, смѣялись; но бывали обѣды, которые проходили въ страшной тишинѣ и безмолвномъ ожиданіи какой-нибудь вспышки. Всѣ дворовые мальчишки и дѣвчонки знали, что старый баринъ весело кушаетъ, и всѣ набились въ залу за подачками; дѣдушка щедро одѣлялъ всѣхъ, потому что кушанья готовилось впятеро болѣе, чѣмъ было нужно. Послѣ обѣда онъ сейчасъ легъ спать. Вымахали мухъ изъ полога, опустили его надъ дѣдушкой, подтыкали кругомъ края подъ перину; скоро сильный храпъ возвѣстилъ, что хозяинъ спитъ богатырскимъ сномъ.

IV

Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ также отдыхать. Мазанъ и Танайчонокъ, предварительно пообѣдавъ и наглотавшись объѣдковъ отъ барскаго стола, также растянулись на полу въ передней, у самой двери въ дѣдушкину горницу. Они спали и до обѣда, но и теперь не замедлили заснуть; только духота и упека отъ солнца, ярко свѣтившаго въ окна, скоро ихъ разбудили. Отъ сна и отъ жара пересохло у нихъ въ горлѣ, захотѣлось имъ прохладить горячія гортани господской бражкой съ ледкомъ, и вотъ на какую штуку пустились дерзкіе лежебоки: въ непритворенную дверь достали они дѣдушкинъ халатъ и колпакъ, лежавшіе на стулѣ у самой двери. Танайчонокъ надѣлъ на себя барское платье и сѣлъ на крыльцо, а Мазанъ побѣжалъ со жбаномъ на погребъ, разбудилъ ключницу, которая, какъ и всѣ въ домѣ, спала мертвымъ сномъ, требовалъ поскорѣе проснувшемуся барину студеной браги, и когда ключница изъявила сомнѣніе, проснулся ли баринъ,—Мазанъ указалъ ей на фигуру Танайчонка, сидящаго на крыльцѣ въ халатѣ и колпакѣ; нацѣдили браги, положили льду, — проворно побѣжалъ Мазанъ съ добычей. Жбанъ выпили по-братски, положили халатъ и колпакъ на старое мѣсто, и цѣлый часъ еще дожидались, пока проснется дѣдушка. Еще веселѣе утрешняго проснулся баринъ, и первое его слово было: «Студеной бражки». Перепугались лакеи: Танайчонокъ побѣжалъ къ ключницѣ, которая сейчасъ догадалась, что первый жбанъ выпили они сами; она отпустила пойла, но вслѣдъ за посланнымъ сама

подошла къ крыльцу, на которомъ сидѣлъ уже въ халатѣ настоящій баринъ. Съ первыхъ словъ обманъ открылся, и дрожащіе отъ страха Мазанъ и Танайчонокъ повалились барину въ ноги, и что жъ, вы думаете, сдѣлалъ дѣдушка?.. Расхохотался, послалъ за Аришей и дочерьми и, громко смѣясь, разсказалъ имъ всю продѣлку своихъ слугъ. Отдохнули бѣдняги отъ страха, и даже одинъ изъ нихъ улыбнулся. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ и чуть-чуть не разсердился; брови его начали морщиться, но въ его душѣ такъ много было тихаго спокойствія отъ цѣлаго веселаго дня, что лобъ его разгладился, и, грозно взглянувъ, онъ сказалъ: «Ну, Богъ проститъ на этотъ разъ, но если въ другой...» договаривать было не нужно.

V.

Онъ проснулся часу въ пятомъ пополудни, и послѣ студеной бражки, несмотря на палящій зной, скоро захотѣлось накушаться чаю, вѣруя, что горячее питье уменьшаетъ тягость жара. Онъ сходилъ только искупаться въ прохладномъ Бугурусланѣ, протекавшемъ подъ окнами дома, и, воротясь, нашелъ всю свою семью, ожидающую его у того же чайнаго стола, поставленнаго въ тѣни, съ тѣмъ же кипящимъ чайникомъ-самоваромъ и съ тою же Аксюткою. Накушавшись досыта любимаго потогоннаго напитка съ густыми сливками и толстыми подрумянившимися пѣнками, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать для прогулки на мельницу. Разумѣется, всѣ съ радостію согласились, и двѣ тетки мои Александра и Татьяна Степановны взяли съ собой удочки, потому что были охотницы до рыбной ловли. Въ одну минуту запрягли двое длинныхъ дрогъ: на однѣхъ сѣлъ дѣдушка съ бабушкой, посадивъ промежъ себя единственнаго своего наслѣдника, драгоцѣнную отрасль древняго своего дворянскаго рода; на другихъ дрогахъ помѣстились три тетки и парень Николашка Рузанъ, взятый для того, чтобы нарыть въ плотинѣ червяковъ и насаживать ими удочки у барышень. На мельницѣ бабушкѣ принесли скамейку, и она усѣлась въ тѣни мельничнаго амбара неподалеку отъ кауза, около котораго удили ея меньшія дочери, а старшая Елизавета Степановна, сколько изъ угожденія къ отцу, столько и по собственному расположенію къ хозяйству, пошла съ Степаномъ Михайловичемъ осматривать мельницу и толчею. Малолѣтній сынокъ то смотрѣлъ, какъ удятъ рыбу сестры (самому ему удить на глубокихъ мѣстахъ еще не позволяли), то игралъ около матери, которая не спускала съ него глазъ, боясь, чтобы ребенокъ не свалился какъ-нибудь въ воду. Оба камня мололи: однимъ обдирали

пшеницу для господскаго стола, а на другомъ мололи завозную рожь; толчея толкла просо. Дѣдушка былъ знатокъ всякаго хозяйственнаго дѣла; онъ хорошо разумѣлъ мельничный уставъ и толковалъ своей умной и понятливой дочери всѣ тонкости этого дѣла. Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ уставѣ жернововъ: одинъ изъ нихъ приказалъ опустить на ползарубки, и мука пошла мельче, чѣмъ помолецъ былъ очень доволенъ; на другомъ поставѣ по слуху угадалъ, что одна цѣвка въ шестернѣ начала подтираться; онъ приказалъ запереть воду; мельникъ Болтуненокъ соскочилъ внизъ, осмотрѣлъ и ощупалъ шестерню и сказалъ: «Правда твоя, батюшка Степанъ Михайловичъ! Одна цѣвка маленько пообтерлась». — «То-то маленько,—безъ всякаго неудовольствія возразилъ дѣдушка.—Кабы я не пришелъ, такъ шестерня-то бы ночью сломалась».—«Виноватъ, Степанъ Михайловичъ, не доглядѣлъ».—«Ну, Богъ проститъ; давай новую шестерню, а у старой подтертую цѣвку перемѣнить, да чтобы новая была не толще, не тоньше другихъ—въ этомъ вся штука». Сейчасъ принесли новую шестерню, заранѣе прилаженную и пробованную, вставили на мѣсто прежней, смазали, гдѣ надобно, дегтемъ, пустили воду не вдругъ, а понемногу (тоже по приказанію дѣдушки), и запѣлъ, замололъ жерновъ безъ перебоя, безъ стука, а плавно и ровно. Потомъ пошелъ дѣдушка съ своей дочерью на толчею, захватилъ изъ ступы горсть толченаго проса, обдулъ его на ладони и сказалъ помольщику, знакомому мордвину: «Что смотришь, сосѣдъ Васюха? Видишь, ни одного неотолченнаго зернышка нѣтъ. Вѣдь перепустишь, такъ пшена-то будетъ меньше». Васюха самъ попробовалъ и самъ увидѣлъ, что дѣдушка говорилъ правду: сказалъ спасибо, поклонился, т.-е. кивнулъ головой, и побѣжалъ запереть воду. Оттуда прошелъ дѣдушка съ своей ученицей на птичный дворъ; тамъ все нашелъ въ отличномъ порядкѣ: гусей, утокъ, индѣекъ и куръ было великое множество, и за всѣмъ смотрѣла одна пожилая баба съ внучкой. Въ знакъ особенной милости дѣдушка далъ обѣимъ поцѣловать ручку и приказалъ, сверхъ мѣсячины, выдавать птичницѣ ежемѣсячно по полпуду пшеничной муки на пироги. Весело воротился Степанъ Михайловичъ къ Аринѣ Васильевнѣ: всѣмъ былъ онъ доволенъ,— и дочь понятна, и мельница хорошо мелетъ, и птичница Татьяна Горожана хорошо смотритъ за птицею.

VI.

Жаръ давно свалилъ, прохлада отъ воды умножала прохладу отъ наступающаго вечера, длинная туча пыли шла по дорогѣ и приближалась къ деревнѣ, слышалось въ ней блеянье и мычанье

стада, опускалось за крутую гору потухающее солнце Стоя на плотинѣ, любовался Степанъ Михайловичъ на широкій прудъ, какъ зеркало неподвижно лежавшій въ отлогихъ берегахъ своихъ; рыба играла и плескалась безпрестанно; но дѣдушка не былъ рыбакомъ. «Пора, Ариша, домой; староста, чай, ждетъ меня», сказалъ онъ. Меньшія дочери, видя его въ веселомъ расположеніи, стали просить позволенія остаться поудить, говоря, что на солнечномъ закатѣ рыба клюетъ лучше и что черезъ полчаса онѣ придутъ пѣшкомъ. Дѣдушка согласился и уѣхалъ съ бабушкой домой на своихъ дрогахъ, а Елизавета Степановна съ маленькимъ братомъ сѣла на другія дроги. Степанъ Михайловичъ не ошибся: у крыльца ожидалъ его староста, да и не одинъ, а съ нѣсколькими мужиками и бабами. Староста уже видѣлъ барина, зналъ, что онъ въ веселомъ духѣ, и разсказалъ о томъ кое-кому изъ крестьянъ; нѣкоторые, имѣвшіе до дѣдушки надобности или просьбы, выходящія изъ числа обыкновенныхъ, воспользовались благопріятнымъ случаемъ, и всѣ были удовлетворены: дѣдушка далъ хлѣба крестьянину, который не заплатилъ еще стараго долга, хотя и могъ это сдѣлать; другому позволилъ женить сына, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ; позволилъ виноватой солдаткѣ, которую приказалъ было выгнать изъ деревни, жить попрежнему у отца и проч. Этого мало: всѣмъ было поднесено по серебряной чаркѣ, вмѣщавшей въ себѣ болѣе квасного стакана домашняго крѣпкаго вина. Коротко и ясно отдалъ дѣдушка хозяйственныя приказанія старостѣ и поспѣшилъ за ужинъ, нѣсколько времени его уже ожидавшій. Вечерній столъ мало отличался отъ обѣденнаго и, вѣроятно, кушали за нимъ даже поплотнѣе, потому что было не такъ жарко. Послѣ ужина Степанъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе еще съ полчаса посидѣть въ одной рубахѣ и прохладиться на крыльцѣ, отпустя семью свою на покой. Въ этотъ разъ нѣсколько долѣе обыкновеннаго онъ шутилъ и смѣялся съ своей прислугой; заставлялъ Мазана и Танайчонка бороться и драться на кулачки и такъ ихъ поддразнивалъ, что они, не шутя, колотили другъ друга и вцѣпились даже въ волосы; но дѣдушка, досыта насмѣявшись, повелительнымъ словомъ и голосомъ заставилъ ихъ опомниться и разойтись.

Лѣтняя, короткая, чудная ночь обнимала всю природу. Еще не угасъ свѣтъ вечерней зари и не угаснетъ до начала сосѣдней утренней зари! Часъ отъ часу темнѣла глубь небеснаго свода, часъ отъ часу ярче сверкали звѣзды, громче раздавались голоса и крики ночныхъ птицъ, какъ будто они приближались къ человѣку! Ближе шумѣла мельница и толкла толчея въ ночномъ сы-

ромъ туманѣ... Всталъ мой дѣдушка съ своего крылечка, перекрестился разъ-другой на звѣздное небо и легъ почивать, несмотря на духоту въ комнатѣ, на жаркій пуховикъ и приказалъ опустить на себя пологъ.

Старый стремянный.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Заборье, только что принялъ я въ управленіе вотчину, пошелъ я поутру съ докладомъ къ князю Данилѣ Борисычу. Онъ былъ не въ духѣ.

— Я,—говоритъ,—сегодня ни на волосъ уснуть не могъ. Что это за вой былъ у насъ на разсвѣтѣ?

— Должно-быть, на псарномъ дворѣ собаки звѣря учуяли, докладываю ему.

А князь спрашиваетъ съ неудовольствіемъ:

— Развѣ,—говоритъ,— у меня есть псарный дворъ?

— Какъ же,—говорю,—псарня у вашего сіятельства хорошая; собакъ пятьсотъ борзыхъ да сотни полторы гончихъ. Псарей и доѣзжачихъ при нихъ до сорока человѣкъ.

— Какъ!—закричалъ князь.—Шестьсотъ пятьдесятъ собакъ и сорокъ псарей-дармоѣдовъ!.. Да вѣдь эти проклятые псы столько хлѣба съѣдаютъ, что имъ на худой конецъ полтораста бѣдныхъ людей круглый годъ будутъ сыты. Прошу васъ, Сергѣй Андреевичъ, чтобы сегодня же всѣ собаки до единой были перевѣшаны. Псарей на мѣсячину; кто хочетъ итти на заработки, выдать паспорты.

— Слушаю, ваше сіятельство,—сказалъ я, и тотчасъ же отдалъ приказъ вѣшать собакъ.

Черезъ полчаса приходитъ къ князю древній старикъ. Лицо у него все сморщилось; длинные, по плечамъ лежавшіе, волосы пожелтѣли, во рту ни единаго зуба, а черные глаза такъ и горятъ. Одѣтъ былъ онъ въ старинный малиновый чекмень съ золотымъ галуномъ, опоясанъ черкесскимъ поясомъ.

— Я вѣковѣчный холопъ вашего сіятельства, Анисимъ Прокофьевъ,—зашамкалъ старикъ,—я былъ, государь мой, первымъ стремяннымъ у вашего дѣдушки, у князя Алексѣя Юрьевича.

— Здравствуй, здравствуй, старикъ, садись-ка, усталъ, чай,— говоритъ ему князь.

— Сидѣть мнѣ передъ вашимъ сіятельствомъ не приходится. Я пришелъ къ вамъ, государь мой, челомъ ударить.

— О чемъ это, Анисимъ Прокофьичъ?

— Да слышно, ваше сіятельство, что изволили на насъ свой княжескій гнѣвъ положить.

— Я? Что ты, Прокофьичъ?.. Въ умѣ ли?

— Не мудрое дѣло, ваше сіятельство, и ума лишиться отъ такого безчеловѣчія!.. Избить шестьсотъ шестьдесятъ восемь собакъ, ничѣмъ неповинныхъ!.. Это дѣло, сударь, не малое!.. Вѣдь это все едино, что какъ царь Иродъ неповинныхъ младенцевъ избивалъ!.. Чѣмъ бѣдныя собаки провинились передъ вашимъ сіятельствомъ? Вѣдь это не шутка: шестьсотъ шестьдесятъ восемь собакъ задавить!.. Надо будетъ вѣдь вашему сіятельству и Богу на страшномъ судилищѣ отвѣтъ давать...

— Полно, старикъ, успокойся, перестань...— говоритъ ему князь.

— Чего мнѣ перестать, коль я не буду говорить, кто тебѣ скажетъ?—гнѣвно вскричалъ старый стремянный. — Да какъ же тому статься, чтобы всѣхъ собакъ перевѣшать?.. Дѣдами, прадѣдами псарня установлена, больше ста годовъ держится, прошла про нее слава по всему, почитай, свѣту, и вдругъ ни съ того ни съ сего разомъ перевести ее!.. Да отъ такого дѣла, князь Данило Борисычъ, кости твоихъ родителей въ гробахъ повернутся, всѣ твои дѣды, прадѣды изъ гробовъ встанутъ, руки на тебя протянутъ, проклятье тебѣ изрекутъ... знаешь ли ты, государь мой, что псарня-то наша со дней царя Петра Алексѣевича нерушимо стоитъ? За что же ее нарушать хотите?.. Да вѣдь это роду вашему вѣчный покоръ, всему княжьему племени безчестье, не говорю ужъ про то, что на совѣсть свою такое душегубство хотите принять!.. Собака-то, батюшка, тоже тварь Божія, а въ писаніи что сказано?.. «Блаженъ иже и скоты милуетъ». Идете, ваше сіятельство, супротивъ Божьей заповѣди... И вотъ, сударь, ваше сіятельство, надѣлъ я на старости лѣтъ жалованный чекмень вашего дѣдушки—двадцать лѣтъ въ сундукѣ лежалъ, думалъ я, что придется его только въ могилу надѣть: вотъ, сударь, надѣлъ я и поясъ черкесскій, а жаловалъ мнѣ этотъ поясъ родитель вашъ въ ту самую пору, какъ женившись на вашей матушкѣ, княгинѣ Еленѣ Васильевнѣ, привезъ ее въ вотчину и въ первый разъ охоту свою своей княгинѣ изволилъ показывать: никто изъ нашихъ не могъ русака угнать, а сосѣдъ Иванъ Алексѣевичъ Ратировъ уже совсѣмъ почти угонялъ, я поскакалъ, угналъ русака и тѣмъ княжую честь передъ молодой супругой сохранилъ... Власть ваша, князь Данило Борисычъ, съ мѣста не сойду, покамѣстъ милости собакамъ не выпрошу.

— Да чего жъ ты хочешь?—спрашиваетъ у него князь.

— А того я хочу, ваше сіятельство, чтобы вы мнѣ прежде голову приказали снять, а потомъ бы ужъ и собакъ вѣшать изволили... Въ этомъ чекменѣ, въ этомъ поясѣ предстану я передъ

вашими родителями и прадѣдами, подведу къ нимъ собачекъ, вами задавленныхъ... А они-то, старики-то ваши, яко зѣницу ока ихъ берегли!.. Пусть же ваши родители судятся съ вами на страшномъ судѣ за такое злодѣйство... что не хотѣли вы уберечь родительскаго благословенія, пролили кровь неповинную!.. Дѣло мое, государь мой, старое, а порядки у васъ новые, отпустите меня, ваше сіятельство, къ господамъ моимъ: прикажите рубить голову, а тамъ ужъ и собакъ вѣшайте.

Отъ сильнаго волненія у Прокофьича духъ занялся и ноги подкосились; онъ бы упалъ и расшибся, если бы мы съ княземъ его не поддержали. Безъ чувствъ вынесли старика изъ дома.

Горячее заступничество девяностолѣтняго стремяннаго спасло на время собакъ. Псарный дворъ въ Заборье былъ уничтоженъ лишь послѣ смерти князя Данилы Борисыча и Прокофьича...

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, великій артистъ изъ крѣпостныхъ.

Извѣстный талантливый артистъ М. С. Щепкинъ вышелъ, какъ и многіе русскіе таланты, изъ народа. Онъ былъ сынъ дворовыхъ людей графовъ Волкенштейнъ. Дѣтство свое онъ провелъ среди барской дворни; къ счастью, родители его пользовались расположеніемъ господъ, и поэтому его миновали тяжелыя испытанія, какія выпадали обыкновенно на долю подобныхъ ему дѣтей. Съ дѣтства онъ отличался пытливымъ и наблюдательнымъ умомъ. Грамотѣ онъ выучился у ключника, затѣмъ отецъ опредѣлилъ его въ уѣздное училище въ г. Суджѣ. Въ это время произошелъ случай, повліявшій на всю дальнѣйшую судьбу М. С.: здѣсь онъ въ первый разъ былъ въ оперѣ «Новое семейство», разыгранной доморощенными артистами на домашней сценѣ графа Волкенштейна. Опера произвела на семилѣтняго Щепкина сильное впечатлѣніе. Скоро ему самому пришлось выступить актеромъ. Въ училищѣ одинъ изъ учителей предложилъ ученикамъ сыграть Сумароковскую «Вздорщицу». Щепкинъ игралъ роль слуги Размарина, но онъ ее понялъ очень своеобразно. Онъ читалъ свою роль съ такою быстротой, что всѣ пришли въ удивленіе, а городничій, въ домѣ котораго онъ также игралъ, погладилъ его по головѣ и прибавилъ: «Ай да Щепкинъ! Молодецъ! Бойчѣе всѣхъ говоришь. Хорошо, братецъ, очень хорошо! Добрый слуга будешь барину!» Вернувшись домой, онъ съ восторгомъ разсказалъ отцу о своемъ успѣхѣ, но отецъ, бывавшій часто въ театрѣ и слышавшій лучшихъ актеровъ того времени, не похвалилъ его, а разсмѣялся и назвалъ сына и учителя дура-

ками. Все же съ этого времени Щепкинъ страстно полюбилъ театръ; эта страсть не покидала его до конца жизни. Кончивъ прекрасно курсъ губернскаго училища, онъ, какъ крѣпостной, долженъ былъ вернуться къ своему барину. Здѣсь онъ исправлялъ самыя разнообразныя обязанности—съ письмоводителя и до лакея. Легко понять, какъ тяжело ему было жить при такихъ условіяхъ; единственное утѣшеніе его было—все свое свободное время посвящать театру и лелѣять мечту быть когда-нибудь актеромъ.

Слѣдующій случай помогъ ему достигнуть желаемаго. Въ 1805 году въ курскомъ театрѣ долженъ былъ состояться бенефисъ [1]) актрисы Лыковой, которая, привезя билетъ графу Волкенштейну, стала жаловаться, что бенефисъ можетъ и не состояться, такъ какъ актеръ, который долженъ играть роль почтаря Андрея въ драмѣ «Зоя», закутилъ; тогда Щепкинъ сталъ ее умолять дать ему эту роль. Дебютъ вышелъ удачный. Графъ, и раньше одобрительно относившійся къ Щепкину, также остался очень доволенъ его игрой, въ знакъ чего поцѣловалъ Щепкина и подарилъ ему новый триковый жилетъ. Всю ночь Щепкинъ бредилъ игрой и не вѣрилъ своему счастью. «Этого дня,—говорилъ онъ,—я не забуду никогда: ему я обязанъ всѣмъ, всѣмъ!..»

Послѣ того онъ поступилъ на сцену и, прослуживъ 8 лѣтъ въ курскомъ театрѣ, потомъ поступилъ въ харьковскую труппу и объѣздилъ много городовъ,—это была лучшая провинціальная труппа. Особенное впечатлѣніе произвела на Щепкина игра актера-любителя князя Мещерскаго. Онъ вызвалъ въ немъ желаніе играть такъ же просто.

Въ скоромъ времени Щепкинъ пріобрѣлъ извѣстность и сдѣлался любимцемъ публики, которая доказала ему любовь свою рѣшеніемъ выкупить его изъ крѣпостной зависимости.

Князь Репнинъ устроилъ спектакль съ платой за мѣста по особой подпискѣ. Въ заголовкѣ подписного листа стояло: «Въ награду таланта актера Щепкина для основанія его участи, іюля 26 дня 1818 г. Креслы». Была собрана сумма въ 10.000 рублей ассигнаціями, и Щепкинъ и его семья были выкуплены.

Тогда его положеніе измѣнилось къ лучшему, и 23 ноября 1822 года онъ поступилъ на сцену московскаго Императорскаго театра. Какъ выдающійся талантливый артистъ, онъ познакомился съ извѣстными писателями: Бѣлинскимъ, Аксаковымъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ и другими, которые высоко его цѣ-

---

[1]) Бенефисомъ называется представленіе, сборъ съ котораго идетъ въ пользу какого-либо актера или актрисы.

нили. Гоголь охотно предоставилъ въ его полное распоряженіе всѣ свои сочиненія, написанныя для театра. Публика также высоко цѣнила талантъ Щепкина, который очень скоро составилъ себѣ извѣстность первоклассnаго артиста. Жить для Щепкина значило играть въ театрѣ, играть значило жить. Онъ не могъ покинуть театръ даже въ глубокой старости. Сила таланта Щепкина состояла преимущественно въ чувствительности и огнѣ. Рано усвоивъ себѣ тотъ взглядъ, что артистъ долженъ возможно естественнѣе, живѣе и правдивѣе передавать свою роль, Щепкинъ постоянно работалъ, учился и требовалъ работы отъ другихъ. Онъ скончался въ 1863 году.

Привозъ запасовъ изъ деревни.

Изъ воспоминаній.

Мой отецъ считался богатымъ человѣкомъ. У него было около 1200 душъ крѣпостныхъ крестьянъ въ трехъ различныхъ губерніяхъ и еще большія земли. Онъ жилъ соотвѣтственно положенію. Это значило, что домъ былъ открытъ для гостей и что отецъ держалъ многочисленную дворню.

Но было бы разорительно содержать такую многочисленную дворню, какъ у насъ, если бы приходилось всю провизію покупать въ Москвѣ. Но во время крѣпостного права все устраивалось очень просто. Когда наступала зима, отецъ садился за столъ и писалъ:

«Бурмистру моему, села Никольскаго, Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда, на рѣкѣ Спренѣ, отъ князя Алексѣя Петровича ***, полковника и кавалера, приказъ:

«По полученіи сего, какъ только установится санный путь, предписывается тебѣ отправить въ мой домъ, въ городъ Москву, двадцать пять крестьянскихъ парныхъ подводъ, по лошади отъ двора, да по человѣку и по дровнямъ отъ другого; нагрузить столько-то четвертей овса, столько-то пшеницы, столько-то ржи, а также куръ, гусей и утокъ, которые должны быть убиты въ эту зиму, хорошо заморожены, хорошо упакованы и препровождены при описи съ вѣрными людьми».

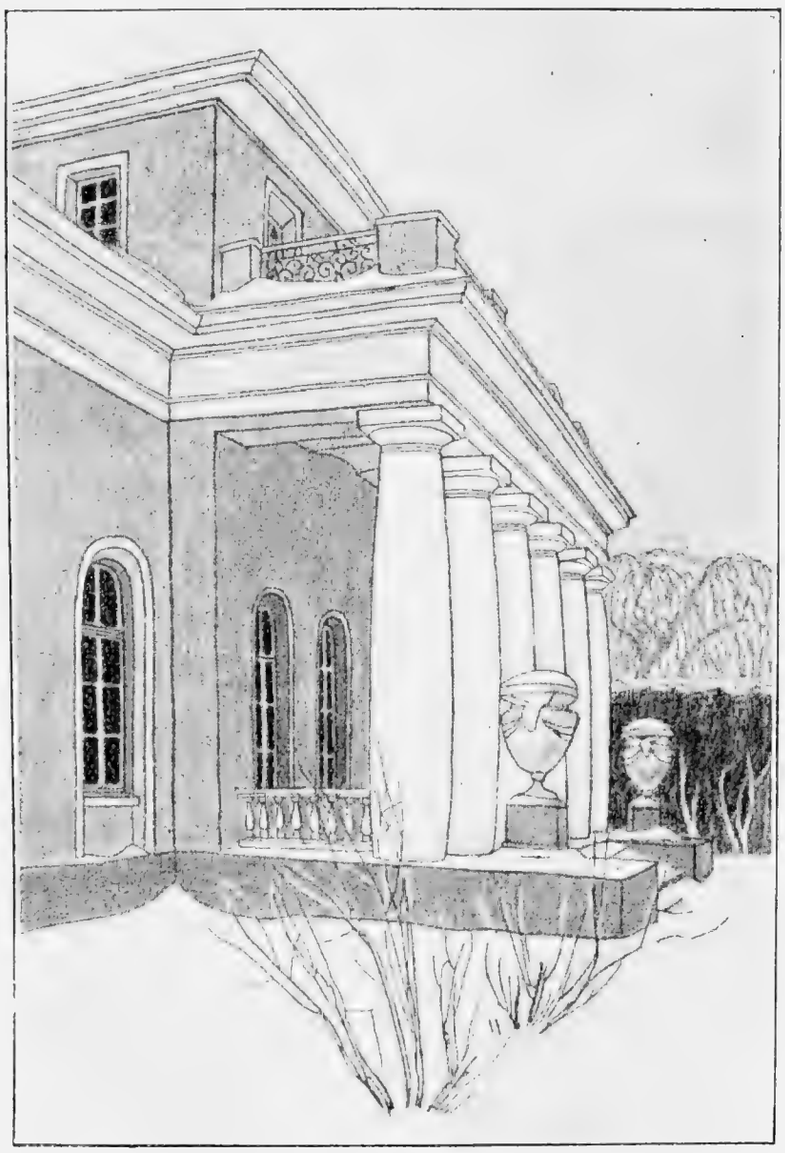
Въ томъ же духѣ шли двѣ страницы до точки. Далѣе шло перечисленіе наказаній, которыя постигнутъ виновниковъ, если провизія не будетъ во-время и въ хорошемъ состояніи доставлена въ домъ номеръ такой-то и на такой-то улицѣ.

Незадолго до Рождества двадцать пять крестьянскихъ саней, дѣйствительно, въѣзжали въ ворота и заполняли весь громадный дворъ.

Какъ только докладывалось отцу объ этомъ важномъ событіи, онъ начиналъ звать громко:

— Фролъ! Кирюшка! Егорка! Гдѣ вы тамъ? Все раскрадутъ! Фролъ! Ступай принимать овесъ! Ульяна! Ступай принимать птицу! Кирюшка! Зови княгиню!

Во всемъ домѣ начиналось смятеніе. Слуги метались, какъ угорѣлые, во всѣ стороны, изъ передней во дворъ, а изъ двора опять въ переднюю, но, главнымъ образомъ, въ дѣвичью, чтобы сообщить никольскія новости. «Паша выходитъ замужъ послѣ Рождества. Тетка Анна отдала Богу душу» и т. п.



Домъ Леонтьевыхъ въ Москвѣ.

Когда сани бывали разгружены, передняя наполнялась крестьянами. Они стояли въ армякахъ поверхъ полушубковъ и дожидались, покуда отецъ позоветъ ихъ въ кабинетъ, чтобы разспросить о томъ, каковъ снѣгъ выпалъ и каковы виды на урожай. Они робѣли ступать по навощенному паркету и немногіе рѣшались присѣсть на кончикъ дубовой скамьи. Они наотрѣзъ отказывались отъ стульевъ. Такъ они дожидались цѣлыми часами, глядя съ тоской на каждаго входившаго или же выходившаго изъ кабинета.

Нѣсколько попозже, обыкновенно на другой день, кто-нибудь изъ слугъ пробирался въ нашу классную.

— Князенька, вы одни?

— Да.

— Такъ бѣгите скорѣе въ переднюю, мужики хотятъ васъ видѣть. Гостинцы привезли отъ кормилицы.

Когда я спускался въ переднюю, кто-нибудь изъ крестьянъ вручалъ мнѣ узелокъ съ гостинцемъ: нѣсколько ржаныхъ лепешекъ, полдюжины крутыхъ яицъ и нѣсколько яблокъ. Все это бывало завязано въ пестрый ситцевый платокъ.

— Вотъ это тебѣ гостинцы отъ кормилицы Василисы. Ужъ не замерзли ли яблоки? Авось, нѣтъ. Я ихъ всю дорогу держалъ за пазухой. Да ужъ не дай Богъ какой морозъ!

И широкое, бородатое лицо сіяло отъ улыбки, а изъ-подъ густой стрѣхи усовъ сверкали два ряда ослѣпительныхъ зубовъ.

— А это для братца отъ его кормилицы Анны,—прибавлялъ другой, вручая мнѣ такой же узелокъ. — Бѣдный, — сказывала она, — поди, никогда не доѣстъ-то тамъ, въ корпусѣ (въ военномъ училищѣ).

Я краснѣлъ и не зналъ, что отвѣтить. Наконецъ я бормоталъ:

— Скажи Василисѣ, что я цѣлую ее; то же самое скажи Аннѣ отъ брата.

При этомъ лица у крестьянъ еще болѣе расцвѣтали.

— Да ужъ передамъ, само собою...

Какъ жили крестьяне при крѣпостномъ правѣ.

Крѣпостные, населявшіе земли помѣщиковъ, дѣлились на *оброчныхъ*, *барщинныхъ и дворовыхъ людей*.

Оброчными крестьянами назывались тѣ изъ крѣпостныхъ, которые получали отъ помѣщиковъ усадьбу и землю. Эту землю они обрабатывали и вели на ней свое собственное хозяйство. Помѣщику же платили за это денежный оброкъ, обыкновенно отъ 2 до 5 рублей съ души. Но, въ большинствѣ случаевъ, помѣщики не ограничивались только одной денежной платой. Часто многіе изъ нихъ принуждали крестьянъ поставлять еще «столовый запасъ», т.-е. всякіе припасы для барскаго стола. На ряду съ этимъ съ нихъ взимались и разные случайные поборы.

Оброчнымъ крестьянамъ жилось лучше, чѣмъ *барщиннымъ*. Барщинные крестьяне были постоянно на глазахъ у помѣщиковъ. Барщиннымъ крестьянамъ давалась также земля и усадьбы, но вмѣсто денежнаго оброка они должны были извѣстное количество времени работать на господина. По закону полагалось работать на барина 3 дня въ недѣлю, а остальные 3 дня упо-

треблять на свою землю. Воскресенье же оставлялось для отдыха. Однако этотъ законъ наблюдался далеко не вездѣ.

Кромѣ того, барщинные крестьяне точно такъ же, какъ и крестьяне оброчные, не были избавлены отъ поставки на помѣщичій дворъ «столоваго запаса».

Но и этого мало: крестьяне несли еще личную службу помѣщику. Помѣщики брали часть крестьянъ къ себѣ въ господскій домъ и составляли изъ нихъ *дворню* для всякихъ домашнихъ услугъ. Вотъ что говоритъ одно изъ воспоминаній XVIII вѣка:

«Людей въ домахъ держали тогда премножество, потому что кромѣ выѣздныхъ лакеевъ и офиціантовъ, были еще дворецкій и буфетчикъ, а то и два; камердинеръ и его помощникъ, парикмахеръ, кондитеръ, два или три повара и столько же поварятъ; ключникъ, два дворника, скороходы, кучера, форейторы и конюхи, а ежели гдѣ при домѣ садъ, то и садовники. Кромѣ того, у людей достаточныхъ и не то чтобы очень богатыхъ бывали свои пѣсельники, ну, хоть понемногу, а все-таки человѣкъ по десяти. Это только въ городѣ, а въ деревнѣ—тамъ еще всякіе мастеровые (портные, сапожники, столяры и т. п.) и у многихъ псари, егеря, которые стрѣляли дичь для стола, а тамъ скотники, скотницы...

«Городскихъ и деревенскихъ мужчинъ и женщинъ такъ едва ли въ большихъ домахъ было не по 200 человѣкъ прислуги, ежели не болѣ».

Такъ было у богатыхъ. У дворянъ средняго состоянія, разумѣется, дворни было меньше, но жилось ей вездѣ одинаково незавидно.

Крѣпостное право причиняло большой вредъ всему русскому государству.

Несмотря на то, что въ Россіи главное занятіе ея жителей составляло земледѣліе, обработка земли велась очень плохо. Никакихъ улучшеній въ хозяйствѣ не дѣлалось. Все велось такъ, какъ велось когда-то у дѣдовъ. Земля истощалась и давала хлѣба все меньше и притомъ худшаго качества.

Промышленности на Руси тоже почти не существовало, т.-е. ни фабрикъ ни ремесленниковъ почти не было.

Фабричная и ремесленная промышленность не могла развиваться, потому что мало было свободныхъ рабочихъ рукъ, да и почти некому было покупать выработаннаго товара. У помѣщика были свои крѣпостные ремесленники, которые работали для него все необходимое. Крестьяне же были слишкомъ бѣдны.

У насъ не было и хорошихъ путей сообщенія, т.-е. хорошихъ дорогъ. Желѣзныхъ дорогъ, исключая Царско-Сельской и

Николаевской, которыя были выстроены при императорѣ Николаѣ, не существовало. Приходилось ѣздить на лошадяхъ, и такъ какъ дороги въ большинствѣ случаевъ не мостились, то въ распутицу застревали въ грязи цѣлые обозы, какъ это было, напримѣръ, въ Севастопольскую кампанію.

Императоръ Николай I уже думалъ надъ вопросомъ, какъ бы освободить крестьянъ, многіе и изъ дворянъ тяготились крѣпостнымъ правомъ

Императоръ Николай I.

Оборона Севастополя.

Высадка непріятельскихъ войскъ и битва при р. Альмѣ. Несмотря на объявленіе войны, жители Севастополя не ожидали скораго прибытія непріятельскихъ войскъ. Многіе надѣялись, что има пройдетъ спокойно и военныя дѣйствія начнутся лишь вес-

ною. Тѣмъ страшнѣе показалось всѣмъ внезапное появленіе непріятельскаго флота, и въ городѣ поднялся ужасный переполохъ. 1-го сентября 1854 года, въ десятомъ часу утра, общее вниманіе было привлечено небольшимъ облачкомъ дыма на горизонтѣ, а около полудня уже стало извѣстно, что непріятельскій флотъ идетъ тремя колоннами и что судовъ такъ много, что ихъ и не перечесть. На разсвѣтѣ 2-го сентября непріятельскій флотъ подошелъ къ берегу, растянувшись слишкомъ на четырнадцать верстъ; спущены были боты, лодки и другія гребныя суда, и союзныя войска приступили къ высадкѣ. Они выбрали плоскій и низменный берегъ, и, такъ какъ русскихъ войскъ нигдѣ не было видно, высадка продолжалась безпрепятственно. Въ первый же день непріятель перевезъ на берегъ 45.000 человѣкъ и 83 орудія.

Русскіе, узнавъ о высадкѣ непріятеля, начали стягивать свои войска на лѣвый берегъ рѣки Альмы, которая впадаетъ въ море. Лагерь нашихъ войскъ тянулся верстъ на шесть на возвышенномъ берегу, а по ту сторону рѣки разстилалась ровная мѣстность съ небольшими холмами.

Среди русскихъ войскъ шла дѣятельная работа; мѣстами укрѣплялись позиціи, люди поспѣшно работали лопатами, выбрасывая землю, и копошились, словно кроты, не зная устали. Въ лагерѣ разносили дрова, зажигали костры и варили пищу.

Ночь съ 7-го на 8-е сентября, которую двѣ непріятельскія арміи провели другъ передъ другомъ, была темная и холодная; кое-гдѣ мелькали огни, а суда, стоявшія на морѣ, были ярко освѣщены.

Не успѣло солнце выглянуть изъ-за горизонта, какъ въ нашемъ и непріятельскомъ лагеряхъ все пришло въ движеніе.

Союзная армія двинулась въ атаку. Въ то же время непріятельскія суда усилили огонь.

Несмотря на всѣ усилія русскихъ войскъ, они не могли отбросить непріятеля за рѣку. Одно время стойкость нашихъ войскъ задержала натискъ противника, но вскорѣ онъ получилъ новыя подкрѣпленія и подскакавшія батареи осыпали русскихъ картечью и гранатами. Командиры полковъ были ранены, большая часть офицеровъ перебита, и войска, лишившись начальниковъ, начали отступать.

Немного времени спустя, самая высокая позиція русскихъ была взята французами, и они водрузили на ней свое знамя. Одновременно англійскія войска стройно пошли въ атаку и были встрѣчены егерскимъ полкомъ; но вслѣдствіе того, что артиллерія не могла открыть своевременно огонь, англичане взобрались на русскія укрѣпленія; черезъ минуту и тамъ развѣвалось англійское

знамя. Въ семь часовъ вечера союзныя войска расположились биваками на позиціяхъ, которыя утромъ занимала наша армія.

8-го сентября жители Севастополя узнали о наступленіи непріятеля, а грохотъ отдаленныхъ выстрѣловъ возвѣстилъ о началѣ сраженія. Къ вечеру канонада смолкла, и первые слухи о неудачномъ для насъ исходѣ боя начали распространяться по городу. Вскорѣ прибывшій курьеръ подтвердилъ печальныя вѣсти.

На другой день послѣ Альминскаго сраженія Меншиковъ повелъ войска по направленію къ Севастополю. Онъ сознавалъ, что не имѣетъ достаточной силы для задержанія непріятеля, адмиралъ Корниловъ, еще до прибытія главнокомандующаго, распорядился началомъ работъ по укрѣпленію Севастополя.

Потопленіе кораблей. Утромъ девятаго числа Корниловъ созвалъ совѣтъ изъ адмираловъ и высшихъ чиновъ гарнизона и объявилъ, что въ виду отступленія нашей арміи непріятель можетъ подойти къ городу, открыть огонь по кораблямъ, защищающимъ входъ въ Севастопольскій рейдъ и сжечь ихъ. Поэтому Корниловъ предлагалъ выйти въ море и атаковать непріятельскій флотъ.—«При удачѣ мы уничтожимъ его,—говорилъ онъ,—а если потерпимъ неудачу, то обѣщаю взорвать часть непріятельскаго флота и умереть со славою».

Его предложеніе не встрѣтило сочувствія: слишкомъ мало было у всѣхъ надежды на успѣхъ; явился другой планъ: потопить нѣсколько старыхъ кораблей въ фарватерѣ, а людей съ нихъ и съ прочихъ судовъ, остающихся на рейдѣ, употребить для усиленія защиты.

Вечеромъ 10-го сентября суда, назначенныя заградить собою рейдъ, были выведены на указанныя мѣста. Ихъ провожали вдоль берега толпы народа, съ грустью прощаясь съ кораблями, какъ съ дорогими покойниками. Все, что возможно было, свезли на берегъ. На судахъ въ послѣдній разъ сыграли зорю и спустили флаги.

Въ полночь 11-го сентября начали прорубать дно кораблей, раздался трескъ, и вода съ шумомъ бросилась въ отверстія; шесть судовъ постепенно скрылись подъ водой, и только корабль «Три Святителя» продолжалъ качаться на волнахъ. Со слезами на глазахъ глядѣли на него севастопольцы; громкій говоръ стоялъ въ толпѣ.

— Не поддается, старый!

— Боевой смерти проситъ.

— Вспоминаетъ свою побѣдную команду.

Но вотъ къ нему подошелъ пароходъ «Громоносецъ» и повернулся бокомъ, съ котораго торчали жерла орудій.

— По своимъ бить будутъ!

— Вѣдь съ честью прослужилъ, а теперь топить собираются,— произнесъ съ тоской и упрекомъ старый матросъ.

Съ «Громоносца» показались клубы дыма, раздался залпъ и ядра полетѣли въ подводную часть корабля. Онъ дрогнулъ, заметался и потомъ медленно, зачерпнувъ бортомъ, погрузился въ воду.

Только верхушки мачтъ торчали надъ волнами, которыя, пѣнясь, перебѣгали черезъ потопленныя суда.

Портъ пересталъ существовать: почти на годъ Севастополь обратился въ крѣпость, а моряки въ пѣхотинцевъ. Городъ вооружился орудіями, а жители терпѣніемъ и самоотверженной рѣшимостью умирать, не сдаваясь.

Осада. Прошло три мѣсяца осады, а гулъ и трескъ выстрѣловъ неумолкая висѣлъ надъ городомъ. Иногда канонада усиливалась до такой степени, что всѣ ожидали штурма. Ни днемъ ни ночью не было покоя. Въ ноябрѣ союзникамъ привезли новые снаряды—ракеты необыкновенной величины и дальности полета. Они летали далѣе чѣмъ на пять верстъ, и сила ихъ удара была неимовѣрна. Сперва они производили ужасающее дѣйствіе, но потомъ и къ нимъ привыкли, какъ привыкли къ бомбамъ и гранатамъ. Въ темныя осеннія ночи все небо покрывалось огненными полосами, снаряды летали какъ метеоры, теряясь на мгновеніе между блестящими звѣздами и затѣмъ, усиливая быстроту своего полета, внезапно останавливались на небѣ, озаряя все окружающее блескомъ молніи, и потомъ низвергались стремглавъ и разрывались, оглушая, точно громовымъ ударомъ.

Солдаты, жившіе на батареяхъ, до того изучили звукъ полета снарядовъ, что, сидя въ закрытомъ мѣстѣ, могли опредѣлить, съ какихъ батарей стрѣляютъ, какіе летятъ снаряды и гдѣ лягутъ.

Болѣе храбрый и опытный въ умѣньи распознавать снаряды назначался въ сигнальщики.

— Пушка!—кричитъ онъ—и вслѣдъ за тѣмъ раздается свистъ ядра и брызги летятъ во всѣ стороны.

Если сигнальщикъ кричитъ: «бомба!»—значитъ, она упадетъ на батарею, и люди ложатся на землю, спасаясь отъ осколковъ. Бомба вертится, шипитъ и дымится; приникнувъ къ землѣ, лежатъ солдаты, ожидая разрыва, — быстрая вспышка огня, небольшой клубъ дыма, выстрѣлъ и звонъ осколковъ поднимаютъ тѣхъ, кто остался цѣлъ; слышенъ стонъ раненыхъ и крикъ: «Носилки!»

— Непріятель никакъ раскутился,—замѣтитъ командиръ батареи или бастіона и прикажетъ послать прислугу къ бомбической пушкѣ.

— Есть! — по морскому обычаю отзовется комендоръ, и нѣсколько человѣкъ матросовъ быстро подбѣгутъ къ орудію.

— Чѣмъ заряжено: бомбой или картечью?

— Бомбой.

— Ну, валяй,

Чугунная махина, слишкомъ въ 300 пудовъ, разомъ отпрыгнетъ назадъ; клубы горячаго порохового дыма охватятъ прислугу, грянетъ выстрѣлъ, и тяжелая бомба, шипя и гудя по воздуху, понесется къ непріятелю. Вслѣдъ за тѣмъ не одно, а нѣсколько ядеръ пролетятъ надъ головами стоящихъ на бастіонѣ, и сигнальщикъ то и дѣло кричитъ: «Бомба! пушка! берегись, граната!» Вскорѣ отзовутся и сосѣдніе бастіоны, и пальба разгорается, совершая свое опустошительное дѣло.

Жены и дѣти матросовъ привыкли къ опасностямъ осады, какъ и солдаты. Мальчики бѣгаютъ и собираютъ непріятельскіе снаряды, которые упали и не разорвались.

Матроски безъ всякаго страха ходили въ траншеи и носили мужьямъ своимъ пищу или такъ провѣдывали ихъ, безпокоясь о судьбѣ близкихъ.

Всѣ жители Севастополя находились въ постоянномъ ожиданіи чего-нибудь необыкновеннаго. Нервы были напряжены до крайности; каждый слухъ подхватывали налету и быстро распространяли. Почту ждали съ нетерпѣніемъ, надѣясь, что получится какое-нибудь утѣшительное извѣстіе, какая-нибудь надежда на скорое окончаніе мучительнаго, напряженнаго осаднаго положенія.

Послѣдніе мѣсяцы обороны. Захвативъ нѣсколько укрѣпленій, союзныя войска начали дѣйствовать смѣлѣе; они продолжали бомбардировку почти безъ перерывовъ, а 5-го іюня она достигла такихъ страшныхъ размѣровъ, какихъ не достигала ни разу. Ядра, картечь и пули сыпались градомъ, а воздухъ отъ порохового дыма сдѣлался такимъ удушливымъ, что дышать было почти невозможно. 6-го іюня начался 4-й штурмъ Севастополя! Союзники надѣялись, что имъ удастся овладѣть городомъ, но геройскія усилія русскихъ войскъ отбили и этотъ штурмъ.

Войска готовились къ новой борьбѣ, вырывая траншеи и поправляя развороченные бомбами редуты. Стояла жаркая погода, и земля такъ разсохлась, что работать лопатой было чрезвычайно трудно. Но люди терпѣливо продолжали свой трудъ подъ грохотомъ орудій и весело перекидывались шутками.

28-го іюня былъ смертельно раненъ въ голову на Корниловскомъ бастіонѣ знаменитый защитникъ Севастополя, адмиралъ Нахимовъ.

Союзныя войска между тѣмъ продолжали свои дѣйствія, получивъ въ подмогу еще 103 орудія. Ружейная стрѣльба тоже не ослабѣвала. Съ нашей стороны производились вылазки, но онѣ не могли задержать дѣйствія непріятеля, который подступалъ все ближе и ближе, такъ что къ началу августа подвинулся къ Малахову кургану на разстояніе 55 саженей. Подступы его стѣсняли осажденныхъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, въ Севастополѣ уже не было такого мѣста, куда не попадали бы снаряды. Войска въ немъ оставалось до 50.000 человѣкъ, разсѣянныхъ по всей оборонительной линіи. Непріятель обладалъ значительнымъ превосходствомъ силъ и большими запасами артиллерійскихъ снарядовъ.

Всѣмъ было ясно, что Севастополь доживалъ послѣдніе дни.

Начался 5-й штурмъ Севастополя. Траншеи противника придвигались съ каждымъ часомъ все ближе и ближе, и въ послѣднихъ числахъ августа онѣ находились отъ Корниловскаго бастіона на разстояніи 12 саженъ. Наступили послѣдніе дни Севастополя. Большинство построекъ представляло груды развалинъ, какъ послѣ землетрясенія.

27-го августа начался шестой и послѣдній штурмъ. Французы завладѣли Малаховымъ курганомъ и оттуда открыли огонь по нашимъ укрѣпленіямъ. Англичане нѣсколько разъ производили атаки, но были отбиты. Однако къ вечеру, послѣ ужасной битвы, русскіе принуждены были покинуть укрѣпленія и отказаться отъ дальнѣйшей защиты. Развалины южнаго Севастополя были предоставлены врагу, а войска переведены черезъ бухту, частью на судахъ, частью по пловучему мосту.

Изъ „Севастопольской обороны“.

На нашемъ бастіонѣ и на французской траншеѣ выставлены бѣлые флаги (бѣлые флаги выставляются въ знакъ перемирія), и между ними, въ цвѣтущей долинѣ, кучками лежатъ, безъ сапогъ, въ сѣрыхъ и синихъ одеждахъ, изуродованные трупы, которые сносятъ рабочіе и накладываютъ на повозки. Изъ Севастополя и изъ французскаго лагеря толпы народа высыпали смотрѣть на это зрѣлище и съ жаднымъ любопытствомъ стремятся однѣ къ другимъ.

Послушайте, что говорятъ между собой эти люди.

Вотъ въ кружкѣ собравшихся русскихъ и французовъ молоденькій офицеръ, хотя плохо, но достаточно хорошо, чтобы его понимали, говорящій по-французски, разсматриваетъ гвардейскую сумку.

— А здѣсь зачѣмъ изображена птица?—говоритъ онъ.

— Потому, что эта сумка гвардейскаго баталіона, который отличается отъ другихъ императорскимъ орломъ, — отвѣчаетъ французъ.

— А вы изъ гвардіи?

— Нѣтъ, я изъ шестого линейнаго баталіона

— Это гдѣ купили? — спрашиваетъ офицеръ, указывая на деревянную желтую сигарочницу, изъ которой французъ куритъ папиросу.

— Въ Балаклавѣ. Это очень простая вещь изъ пальмоваго дерева,—отвѣчаетъ французъ.

— Хорошенькая вещичка,—говоритъ офицеръ.

— Если вы примите отъ меня эту вещичку въ память нашего свиданія, вы меня очень обяжете.

И учтивый французъ выдуваетъ папироску и подаетъ офицеру сигарочницу съ маленькимъ поклономъ. Офицеръ даетъ ему свою, и всѣ присутствующіе въ группѣ, какъ французы, такъ и русскіе, кажутся очень довольными и улыбаются.

Вотъ пѣхотный бойкій солдатъ, въ розовой рубашкѣ и съ шинелью въ накидку, въ сопровожденіи другихъ солдатъ, которые, заложивъ руки за спину, съ веселыми любопытными лицами стоятъ за нимъ, подошелъ къ французу и попросилъ у него огня закурить трубку. Французъ разжигаетъ, расковыриваетъ трубочку и высыпаетъ огня русскому.

— Табакъ *бунъ* (т.-е. хорошъ),—говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ,—и зрители улыбаются.

— Да, бонъ табакъ, табакъ туркъ; а руссъ табакъ бонъ?— говоритъ французъ.

— Русь бунъ,—говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, при чемъ присутствующіе покатываются со смѣху. — *Франсе нѣтъ бунъ, бонжуръ мусье!* — говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, сразу ужъ выпуская весь свой зарядъ знаній языка, и треплетъ француза по животу и смѣется. Французы тоже смѣются.

— О чемъ это они смѣются? — говоритъ другой французъ, подходя къ нашимъ.

— Кафтанъ бунъ, — говоритъ бойкій солдатъ, разсматривая шитыя полы французскаго мундира, и опять смѣются.

— Не заходить за линію, на мѣста! — кричитъ французскій капралъ, и солдаты, съ видимымъ неудовольствіемъ, расходятся.

Императоръ Александръ II.

Освобожденіе крестьянъ.

Послѣ того, какъ Севастополь перешелъ въ руки союзныхъ войскъ, вскорѣ заключенъ былъ миръ (въ мартѣ 1856 г.).

Императоръ Николай I скончался еще во время войны. На престолъ вступилъ сынъ его, Александръ II.

19-го марта появился Высочайшій манифестъ, въ которомъ государь благодарилъ войско и народъ за понесенныя жертвы. Въ концѣ манифеста онъ говоритъ: «Правда и милость да царствуетъ

въ судахъ; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности». Всюду носились слухи о скоромъ освобожденіи крестьянъ. Въ это время Россія точно проснулась отъ сна. Всѣ начинаютъ открыто говорить о необходимости преобразованій.

Это настроеніе прекрасно передано въ стихотвореніи И. Аксакова.

„День встаетъ, багрянъ и пышенъ;
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна".

Больше всего общество занималъ крестьянскій вопросъ.

19 февраля 1861 года наступила, наконецъ, желанная новая эпоха въ жизни русскаго народа; былъ изданъ манифестъ, въ силу котораго крестьяне освобождались отъ крѣпостной зависимости. Манифестъ оканчивается извѣстными словами:

«Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой *свободный* трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго».

Земля, которую крестьяне столько лѣтъ обрабатывали, сдѣлалась ихъ собственностью; они получили право повсемѣстнаго жительства, право свободнаго воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ и право заниматься торговлею.

Высочайшій манифестъ былъ обнародованъ въ Петербургѣ и Москвѣ 5 марта, а въ прочихъ городахъ отъ 7 марта по 2 апрѣля.

Объявленіе воли.

Солнце свѣтило ярко, когда я пошелъ поглазѣть на любопытную сцену объявленія воли. Весна наполняла все жизнью. Птицы пѣли о любви, о счастіи. Несмѣтныя толпы народа наполняли церковь, ея дворъ и улицу. Тутъ были всѣ.

Въ церковь протиснуться было нельзя. Я сталъ на улицѣ за оградой, въ кучѣ толпившагося народа. Изъ открытыхъ церковныхъ дверей неслось отрывочное пѣніе и клубы ѳиміама. Я видѣлъ, какъ шевелились головы, какъ открытыя уста толпы шептали молитву. Но вотъ ударилъ колоколъ... разъ, два... Какой-то отрывокъ священнаго пѣнія донесся и пропалъ въ синемъ воздухѣ. Еще что-то такое... Затѣмъ не то стонъ, не то крикъ... какое-то движеніе и весь народъ, зарыдавъ, упалъ на колѣни.

— Божьею милостью, Мы, Александръ Вторый...—донеслось изъ церкви, и толпа, какъ одинъ человѣкъ, грохнулась наземь, растянувшись, рыдая, въ пыли...

— Воля! воля! воля!..

Вышелъ съ крестомъ сѣдой отецъ Паисій. Онъ дрожалъ и не могъ итти самъ,—его велъ заплаканный дьячокъ Панфилъ. Сзади шелъ становой, держа въ рукахъ манифестъ и плача, какъ ребенокъ. Отецъ Паисій кропилъ лежавшій ницъ народъ. Народъ поднялся, но вдругъ грохнулся на колѣни...

— За царя... Теперь за царя!..

Какъ встрѣчалъ русскій народъ волю.

Спокойно и радостно встрѣчалъ русскій народъ по всему лицу земли русской «желанную свободу дорогую вѣсть». Не умолкая цѣлый день, какъ въ Свѣтлый праздникъ, торжественно гудѣли колокола, люди цѣловались другъ съ другомъ и говорили «Христосъ воскресе», такъ какъ «воистину воскресъ Христосъ» для раба. Это былъ «свѣтлый праздникъ» на всей русской землѣ! Это былъ звукъ трубы архангела, возвѣстившій о днѣ воскресенія; отъ этой вѣсти не только дрогнули сердца двадцати трехъ милліоновъ живыхъ, но, казалось, взыграли кости поколѣній, давно уже уснувшихъ въ могилахъ; то были незабвенныя святыя минуты въ русской исторіи.

«Сегодня лучшій день въ моей жизни», говорилъ Александръ II 5 марта, въ день объявленія манифеста о волѣ

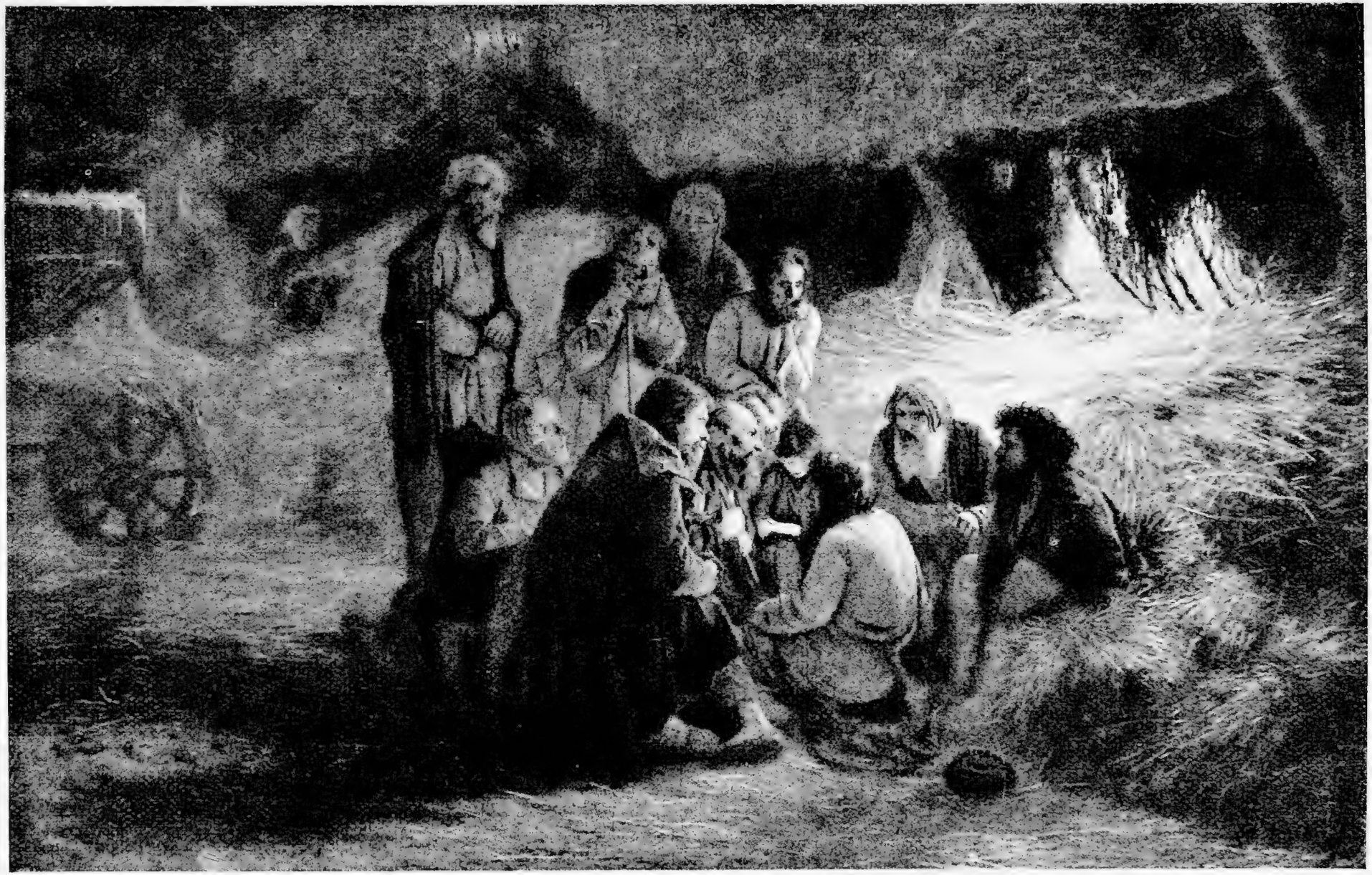
Въ Петербургѣ, спустя недѣлю, 12 марта, тысячи крестьянъ, фабричныхъ и ремесленниковъ, отслушавъ литургію въ Александро-Невской лаврѣ, отправились съ женами и дѣтьми къ Зимнему дворцу благодарить государя. Первыя слова императора къ нимъ были:

— Здравствуйте, дѣти!

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество! Мы пришли благодарить тебя, государь, за свободу, которую ты даровалъ намъ. Удостой принять хлѣбъ и соль отъ трудовъ нашихъ.

— Благодарю васъ, дѣти, за сочувствіе ваше. Дѣло стоило не малаго труда. Поняли ли вы, дѣти, что для васъ сдѣлано на пользу вашего общаго блага?

— Мы чувствительно благодаримъ ваше императорское величество за ваши великія благодѣянія, которыми вы обновили жизнь нашу.



Г. Р. Мясоѣдовъ. Чтеніе положенія 19 февраля 1861 года.

— Это великое дѣло было начато еще моимъ родителемъ, но онъ не успѣлъ его окончить при своей жизни. Мнѣ пришлось съ помощью Бога довершить оное для блага вашего. Но вы, дѣти, теперь должны благодарить Бога и молиться о вѣчной памяти моего родителя, а сами вы всѣ должны быть полезными для блага отечества. Благодарю васъ. Я доволенъ вами!

Въ Москвѣ послѣ молебна народъ всюду, на улицахъ и перекресткахъ, прислушивался къ чтенію манифеста, который, въ разныхъ мѣстахъ, читали грамотные люди.

Одинъ писатель передавалъ такія, видѣнныя имъ, сцены: мужичокъ везетъ дрова и видитъ объявленіе, прибитое къ будкѣ,— спрашиваетъ.

— Что это такое?

— Свобода,—отвѣтилъ ему прохожій.

Мужикъ какъ стоялъ, такъ и упалъ на колѣни, прямо въ лужу и началъ молиться Богу.

5 марта было Прощеное воскресенье. Замѣчательно, что пьянства въ это время въ Москвѣ было гораздо меньше обыкновеннаго.

Въ маѣ государь пріѣхалъ въ Москву; здѣсь 10.000 человѣкъ крестьянъ поднесли ему хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ въ аршинъ поперекъ. Всѣ шли съ обнаженными головами. Когда къ депутатамъ вышелъ государь и принялъ хлѣбъ-соль, то 70-лѣтній старикъ Захаровъ произнесъ привѣтствіе, на которое царь отвѣтилъ благодарностью. Другой старикъ просилъ не взыскать, что всѣ они, по простотѣ своей, не могутъ выразить на словахъ и малой доли того, что они чувствуютъ сердцемъ при мысли о милосердіи къ нимъ его величества. Затѣмъ государь прошелся по двору среди депутатовъ. Толпа передъ нимъ разступалась, падала на колѣни и оглашала воздухъ непрерывными криками «ура». Когда государь возвратился на прежнее мѣсто, староста просилъ его удостоить крестьянъ — показать имъ государыню. На замѣчаніе государя, что она здѣсь, на балконѣ, старикъ простодушно отвѣчалъ: «Не видимъ, государь, удостой насъ ее видѣть и поклониться матушкѣ». Государыня появилась одна на другомъ балконѣ; при видѣ ея всѣ пали на колѣни, и раздалось громкое «ура». Царю была поднесена благодарственная «грамотка».

Въ селахъ церкви были полны молящимся народомъ. Въ избахъ грамотеи читали царскій указъ о волѣ.

Такъ торжественно и радостно русскій народъ встрѣчалъ дорогую вѣсть о желанной «золотой волѣ».

Реформы Александра II.

До освобожденія крестьяне управлялись своими помѣщиками. Теперь же «Положеніе» даровало имъ самоуправленіе, т.-е. право управлять своими дѣлами черезъ выборныхъ лицъ.

Крестьянское самоуправленіе было устроено слѣдующимъ образомъ. Крестьяне одного села или деревни составляютъ сельское общество—*міръ*. Міръ можетъ собираться на *мірской сходъ*, который рѣшаетъ мірскія дѣла. Міръ выбираетъ также *сельскаго старосту*, который слѣдитъ за порядкомъ и за исполненіемъ мірскихъ приговоровъ. Нѣсколько селеній составляютъ *волость*. Управленіе волостью состоитъ изъ *волостного схода, волостного старшины и волостного суда*. На волостной сходъ собираются сельскія и волостныя выборныя должностныя лица и по одному крестьянину съ каждыхъ десяти дворовъ. Онъ рѣшаетъ дѣла, касающіяся всей волости.

Въ 1864 году императоръ даровалъ населенію *земскія учрежденія*.

Теперь населеніе должно было само черезъ своихъ выборныхъ лицъ управлять своими общественными дѣлами, такъ же, какъ и хозяйственными. Земство вѣдаетъ земскія повинности, народное продовольствіе въ случаѣ неурожая, проведеніе дорогъ, постройку мостовъ, плотинъ, врачебную помощь населенію, народное образованіе и вообще всѣ общественныя и хозяйственныя дѣла, имѣющія значеніе для всѣхъ жителей губерніи или уѣзда.

Земства бываютъ *губернскія и уѣздныя*. Въ земскомъ собраніи нѣтъ никакого различія въ сословіяхъ. И дворянинъ, и мѣщанинъ, и купецъ, и крестьянинъ—всѣ они засѣдаютъ вмѣстѣ и всѣ имѣютъ право рѣшать дѣла, касающіяся ихъ уѣзда.

Дѣятельность земства стала развиваться съ каждымъ годомъ. Благодаря ему, въ Россіи съ этихъ поръ можно было говорить объ удобныхъ путяхъ сообщенія, о больницахъ и, наконецъ, о народныхъ школахъ.

Теперь стоялъ на очереди вопросъ о преобразованіи *суда*. Еще въ манифестѣ по заключеніи мира послѣ Севастопольской кампаніи Александръ II провозгласилъ: «Правда и милость да царствуетъ въ судахъ». Теперь это пожеланіе нужно было привести въ исполненіе.

Прежде судъ былъ письменный и тайный, т.-е. судья судилъ по бумагамъ, не видя ни тяжущихся ни свидѣтелей. Онъ знакомился съ ихъ показаніями только по бумагамъ.

Теперь письменный судъ замѣнился устнымъ. По новому уставу требовалось, чтобы тяжущіеся и свидѣтели давали показаніе лично передъ самими судьями, которые поэтому могли легче понять, кто говоритъ правду.

Кромѣ того, судъ сдѣлался гласнымъ. Каждый желающій могъ приходить въ судъ и слушать, какъ ведется тамъ дѣло.

Судебное разбирательство и приговоры суда стали слѣдовать быстро, а не затягивались на цѣлые десятки лѣтъ, какъ это постоянно случалось раньше.

На мѣсто судей стали назначать только людей образованныхъ и хорошо знающихъ законы.

Дѣла о наиболѣе тяжелыхъ преступленіяхъ рѣшалъ *судъ присяжныхъ*, т.-е. 12 выборныхъ по жребію изъ мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій. Имъ предоставляется право рѣшать по совѣсти, виновенъ ли подсудимый въ совершонномъ имъ преступленіи, или не виновенъ, т.-е. хотя онъ и совершилъ преступленіе, но, благодаря стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, справиться съ которыми онъ не былъ въ силахъ. Если присяжные убѣждаются, что онъ дѣйствительно виновенъ, они говорятъ: «Да, виновенъ», и судьи присуждаютъ преступника къ наказанію, опредѣленному закономъ. Если же имъ кажется, что провинившагося извиняютъ какія-нибудь обстоятельства, они прибавляютъ: «Виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія», и судьи смягчаютъ слѣдуемое наказаніе. Въ томъ же случаѣ, когда присяжные видятъ, что подсудимый не злоумышленникъ, а просто человѣкъ, съ которымъ приключилось несчастье, они отвѣчаютъ: «Нѣтъ, не виновенъ», и тогда судьи оправдываютъ подсудимаго и отпускаютъ его на свободу.

Для важныхъ дѣлъ Александръ II учредилъ 3 ступени: *окружный судъ*, *судебную палату и Сенатъ*. Правительствующій Сенатъ является высшимъ судомъ всей Россійской имперіи. Онъ наблюдаетъ за правильностью судопроизводства и примѣненія законовъ во всѣхъ судахъ.

1 января 1874 года былъ обнародованъ новый уставъ объ отбытіи воинской повинности. Этимъ новымъ уставомъ о воинской повинности круто измѣнялся порядокъ, господствовавшій раньше.

Прежде военная служба лежала всею своею тяжестью исключительно на бѣднѣйшей части населенія. Въ солдаты обязаны были итти только крестьяне и мѣщане, тогда какъ духовныя лица, купцы и дворяне были совершенно свободны отъ отбыванія воинской повинности. Кромѣ того, болѣе богатые изъ крестьянъ и мѣщанъ имѣли право нанимать за себя «охотника»

или просто вносить въ казну опредѣленную сумму «за выкупную рекрутскую квитанцію» и тѣмъ освобождаться отъ военной службы. Воинская повинность въ то время была крайне тяжелой. Солдатская служба длилась цѣлыхъ 25 лѣтъ. Уходили въ нее люди молодые, а возвращались старики. Часто на родинѣ никто не узнавалъ вернувшагося солдата. Всѣ отъ него отвыкли, для всѣхъ онъ сталъ чужимъ.

Александръ II рѣшилъ сравнять всѣхъ, безъ различія сословій и состояній, въ отношеніи воинской повинности.

Въ 1874 году былъ обнародованъ «Уставъ о воинской повинности», который провозглашалъ, что «защита престола и отечества есть священная обязанность *каждаго* русскаго подданнаго, а потому все мужское населеніе *безъ различія состоянія* подлежитъ отбыванію воинской повинности».

Вмѣсто прежнихъ 25 лѣтъ на службу было назначено всего 6 лѣтъ и 9 лѣтъ въ запасѣ, который призывается подъ знамена лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда не хватаетъ наличныхъ войскъ.

По «уставу» на службу должны поступать всѣ молодые люди, достигшіе 21 года. Но ихъ въ Россіи ежегодно бываетъ 700—800 тысячъ; для арміи же потребуется не болѣе 200 тысячъ, поэтому всѣ призываемые на службу вынимаютъ жребій.

Кромѣ такихъ, которые освобождаются отъ военной службы по жребію, есть и такіе, которые освобождаются отъ нея по закону. Хотя шестилѣтній срокъ и не великъ, но если на это время изъ дому уйдетъ единственный кормилецъ семьи, то ей грозитъ полное разореніе. Поэтому такимъ лицамъ (напримѣръ, единственному сыну при вдовѣ-матери или при отцѣ старше 55 лѣтъ) дается льгота, т.-е. они освобождаются отъ службы.

Кромѣ этихъ льготъ—по семейному положенію, существуютъ еще льготы по образованію. Чѣмъ дольше человѣкъ учился и чѣмъ выше получилъ образованіе, тѣмъ меньше долженъ онъ служить.

Въ окружномъ судѣ.

Было раннее утро. Въ передней окружнаго суда находился лишь сторожъ, высокій мужчина, съ большой бородой и строгимъ лицомъ, въ полушубкѣ и чисто вычищенныхъ сапогахъ. Онъ только что окончилъ подметать соръ и присѣлъ на табуретку отдохнуть. Въ это время въ переднюю вошли шесть человѣкъ крестьянъ. Это были присяжные засѣдатели. Ихъ вызвали изъ Пеньковской волости за тридцать верстъ въ уѣздный городъ для разбора дѣла въ окружномъ судѣ.

— Раненько, почтенные, раненько!—проговорилъ сторожъ, увидя засѣдателей.—Долго вамъ придется ждать. Присяжные?

— Они,—отвѣтилъ одинъ изъ крестьянъ, по фамиліи Бычковъ.—Да вѣдь гдѣ у насъ время-то знать. Поранѣе-то оно безъ опаски. А то вы, слышно, строги.

— Мы строги,—съ важностью сказалъ сторожъ.—У насъ все сроки. Какъ что мало-мальски упущенье, хоть полчаса,—сейчасъ срокъ... Ну, и оштрафуютъ.

— Вотъ видишь,—замѣтилъ Бычковъ.—Такъ тутъ, по нашимъ капиталамъ, и съ ночи заберешься.

Сторожъ глянулъ на часы и сталъ «прибираться по форменному». Присяжные смотрѣли, какъ онъ тщательно расправлялъ бороду и усы, приглаживалъ волосы на головѣ, какъ надѣвалъ длинный кафтанъ-ливрею съ блестящими пуговицами и позументами. Лука Трофимовъ, мужикъ пожилой и добродушный, покачалъ головой и сказалъ:

— Вотъ оно, дѣло-то: какъ видѣлъ его въ полушубкѣ, такъ теперь и не боязно, а глянь-ка сразу, каковъ онъ есть теперь,—того и смотри, что сробѣешь.

— Форма! Нельзя иначе,—отозвался сторожъ, оправляя на себѣ ливрею.—У насъ все форма. Вы теперь ступайте на верхъ и тамъ ждите.

Присяжные поднялись во второй этажъ. Въ пріемной комнатѣ, передъ заломъ засѣданій, они усѣлись рядомъ на одной скамьѣ и стали ждать. Скоро въ комнатѣ собралось много народу: свидѣтели, адвокаты, купцы, помѣщики. Пришли и другіе присяжные. Среди присяжныхъ были люди разнаго званія: крестьяне, мѣщане, два купца, чиновникъ, учитель духовнаго училища. Прошло больше часа времени. Наконецъ присяжныхъ ввели въ залу засѣданій суда. Деревянная рѣшетка раздѣляла залу на двѣ половины. Въ одной половинѣ были разставлены, словно въ школѣ парты, длинныя скамьи для публики; въ другой—стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, а за столомъ—высокія кресла для судей. Позади креселъ, на стѣнѣ висѣлъ громадный портретъ государя. По сторонамъ большого стола находились два стола поменьше—одинъ для прокурора, другой—для адвоката. Тутъ же стоялъ аналой съ евангеліемъ и крестомъ. Поближе къ рѣшеткѣ были поставлены скамьи для присяжныхъ засѣдателей и отдѣльно еще одна скамья для подсудимыхъ.

Присяжные, священникъ и адвокатъ заняли свои мѣста Крестьяне, видимо, робѣли въ непривычной для нихъ обстановкѣ; они старались не смотрѣть по сторонамъ, а глядѣли прямо передъ собою. Но вотъ судебный приставъ громко произнесъ:

— Прошу встать: судъ идетъ!

Дверь отворилась, и въ залу вошли трое судей въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ и заняли мѣста за столомъ. Присяжные-крестьяне вздрогнули, смѣшались и, вставши, долго еще не рѣшались сѣсть; они ожидали, не скажетъ ли приставъ еще чего-нибудь. Но тотъ молча махнулъ имъ рукой, и они нерѣшительно опустились на скамьи.

Судъ приступилъ къ провѣркѣ списка присяжныхъ засѣдателей—всѣ ли явились, послѣ чего священникъ привелъ ихъ къ присягѣ. Затѣмъ поднялся предсѣдатель суда и произнесъ рѣчь, въ которой разъяснилъ засѣдателямъ ихъ обязанности на судѣ и напомнилъ имъ о великомъ значеніи присяги. Произвели жеребьевку, кому изъ присяжныхъ засѣдать въ первую очередь.

Случилось такъ, что всѣ двѣнадцать человѣкъ присяжныхъ первой очереди попались крестьяне, и въ ихъ числѣ нашъ знакомый Бычковъ.

— Изберите изъ своей среды старшину,—сказалъ предсѣдатель.—Старшина обязательно долженъ быть грамотный.

— Сказывай, братцы, кто грамотей,—заговорили крестьяне.

Оказалось, что только одинъ Бычковъ знаетъ грамоту; его и выбрали старшиной.

— Ввести подсудимаго!—приказалъ предсѣдатель.

Двое солдатъ, съ ружьями въ рукахъ, ввели въ залу худого и блѣднаго парня лѣтъ восемнадцати, посадили его на скамью, и сами сѣли по бокамъ. Въ то же время судебный приставъ вызвалъ изъ особой свидѣтельской комнаты нѣсколько человѣкъ крестьянъ, свидѣтелей по этому дѣлу.

Подсудимый назывался Петръ Петровъ, и обвиняли его въ покушеніи на поджогъ. Онъ былъ такъ малъ и сухъ, что казался моложе своихъ лѣтъ; глаза его глубоко ввалились, и онъ, повидимому, равнодушно смотрѣлъ на все, что окружало его. Секретарь началъ читать обвинительный актъ. Въ этомъ актѣ было написано, что Петръ Петровъ пытался поджечь избу своего отчима, Гаврилы Волкова, былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и сознался въ своей винѣ. «На основаніи такой-то и такой-то статьи уложенія,—читалъ секретарь,—крестьянинъ д. Хлѣбниково Петръ Петровъ, восемнадцати лѣтъ, православный, предается суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей».

— Подсудимый Петръ Петровъ,—спросилъ предсѣдатель,—признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что хотѣли поджечь домъ Гаврилы Волкова?

Парень сорвался съ мѣста и, путаясь въ словахъ, быстро заговорилъ:

— Виноватъ... Точно, хотѣлъ спалить избу... Слава Богу, не допустили люди... Потому тяжело стало: каждый день колотилъ меня Гаврило, грозился убить... И мамку колотилъ безперечь, такъ что она вовсе убѣгала изъ дому, и гдѣ теперь — неизвѣстно...

Начался допросъ свидѣтелей, хлѣбниковскихъ крестьянъ. Они нарисовали передъ судомъ тяжелую и безотрадную картину неурядицы въ семьѣ Волкова. Волковъ былъ пьяница и драчунъ. Постоянно колотилъ свою жену и ея сына отъ перваго мужа, Петра. Наконецъ жена не выдержала и ушла изъ дому около года тому назадъ. Тогда Волковъ еще съ большимъ ожесточеніемъ сталъ колотить своего пасынка. Послѣ одной изъ такихъ дракъ, кто-то изъ сосѣдей Волкова замѣтилъ, что Петръ вечеромъ пробрался на задворки, и оттуда вдругъ блеснулъ свѣтъ, какъ бы отъ зажженной спички. Поднялась тревога. Петра задержали съ коробкой спичекъ, и онъ съ первыхъ же словъ сознался, что хотѣлъ поджечь дворъ Волкова.

Допросъ окончился. Началъ говорить рѣчь прокуроръ.

— Дѣло ясное, — сказалъ прокуроръ. — Обвиняемый самъ сознался въ своемъ преступномъ намѣреніи и долженъ понести заслуженное наказаніе. Вы, господа присяжные засѣдатели, слышали здѣсь, на судѣ, разсказъ о жестокомъ обращеніи Волкова съ обвиняемымъ; слыхали вы также чистосердечное признаніе обвиняемаго. Конечно, все это смягчаетъ вину Петра Петрова, но не можетъ служить къ полному его оправданію. Поджигая дворъ Волкова, Петровъ совершалъ тяжкое преступленіе: вѣдь онъ могъ сжечь не только Волкова, но и его ближайшихъ сосѣдей, а то и всю деревню. Правда, по счастливому случаю, преступленіе не удалось, но оно могло и удаться. Обвиняемый — не маленькій ребенокъ, онъ зналъ, что съ огнемъ не шутятъ, зналъ, на что шелъ. И вы, господа присяжные, — закончилъ свою рѣчь прокуроръ, — вынесите ему обвинительный приговоръ. Вы можете облегчить ему наказаніе — дать снисхожденіе, но вполнѣ оправдать поджигателя было бы большой несправедливостью.

— Слово принадлежитъ господину защитнику, — сказалъ предсѣдатель.

Изъ-за стола поднялся молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ, съ небольшой бородкой и курчавыми волосами. Это былъ защитникъ Петрова по назначенію суда. Петровъ не имѣлъ средствъ нанять себѣ защитника. А въ такихъ случаяхъ окружный судъ самъ назначаетъ обвиняемому защитникомъ кого-нибудь изъ адвокатовъ.

— Господа присяжные засѣдатели! — началъ защитникъ. — Вы слышали изъ устъ господина прокурора слова: преступленіе, поджигатель, наказаніе. Но посмотрите на эту скамью,—защитникъ указалъ рукой на скамью, на которой сидѣлъ между двухъ солдатъ Петровъ,—гдѣ вы тутъ видите преступника? Нѣтъ его тутъ! На скамьѣ сидитъ хилый молодой парень, почти ребенокъ. Справедливо, что онъ, въ одну изъ тяжкихъ минутъ своей жизни, хотѣлъ поджечь сарай Волкова. Это такъ. Но припомните, господа засѣдатели, что привело Петрова на задворки, гдѣ онъ былъ пой-

В. Е. Маковскій. Оправданная.

манъ со спичками? Припомните всю его недолгую, но трудную жизнь, — свидѣтели немало поразсказали намъ о ней. На слабыя плечи Петрова свалилась такая тягота, какой и сильному человѣку не снести. Мудрено ли, что Петровъ не могъ выдержать этой тяготы и, не зная самъ, что дѣлаетъ, едва не сталъ поджигателемъ. Нѣтъ, господа присяжные засѣдатели, не преступникъ передъ вами, а глубоко несчастный человѣкъ, для котораго жизнь была жестокой мачехой почти съ дѣтскихъ лѣтъ. И такого человѣка осудить? Я твердо вѣрю, что вы по чистой совѣсти скажете: нѣтъ за нимъ вины!

Послѣ рѣчи защитника предсѣдатель вручилъ старшинѣ присяжныхъ, Бычкову, листъ бумаги, на которомъ были написаны вопросы о виновности Петра Петрова въ намѣреніи поджечь дворъ Волкова. Судебный приставъ отвелъ присяжныхъ въ отдѣльную комнату и заперъ дверь. Комната эта называется совѣщательной, и пока засѣдатели не столкуются, какой дать отвѣтъ на вопросы, никто не можетъ входить въ совѣщательную, да и засѣдатели не могутъ изъ нея выходить. Черезъ полчаса засѣдатели вышли изъ комнаты. Бычковъ, держа въ рукахъ листъ бумаги, выступилъ впередъ и громко прочиталъ.

— Виновенъ ли Петръ Петровъ въ томъ, что, находясь въ состояніи раздраженія, покушался на поджогъ? Нѣтъ, не виновенъ. Бычковъ передалъ листъ предсѣдателю, который мелькомъ взглянулъ на бумагу и сказалъ Петрову:

— Подсудимый, вы свободны... Можете уходить.

Свидѣтели-однодеревенцы окружили оправданнаго парня.

— Ну, Петька, молись теперь за нихъ Богу, — говорили свидѣтели, указывая на присяжныхъ засѣдателей. — Имъ скажи спасибо!

— Бога, малецъ, Бога благодари!—откликнулся кто-то изъ засѣдателей.

Но Петька ничего не могъ говорить. Видъ у него былъ растерянный и на глазахъ стояли слезы.

И присяжные засѣдатели и свидѣтели-крестьяне были, видимо, рады оправдательному приговору. Всѣ они чувствовали, что полученный Петькой урокъ не забудется во всю жизнь, и что изъ парня можетъ еще выйти толкъ.

Изъ воспоминаній участника въ покореніи Кавказа.

Навсегда останется въ памяти моей переходъ нашъ въ большой Кабардѣ, черезъ Баксанское ущелье, по крутому берегу бьющей какъ водопадъ рѣки Баксана, стѣсненной со всѣхъ сторонъ громадными горами. Намъ должно было проходить черезъ подмытую рѣкою скалу, висящую надъ свирѣпымъ и шумнымъ Баксаномъ. По тропинкѣ, какъ по карнизу, шириною въ иныхъ мѣстахъ не болѣе полутора аршина, должно было слѣдовать нашему отряду. Самъ генералъ Ермоловъ находился съ нами. Ему извѣстно было черезъ лазутчиковъ, что далѣе на пространствѣ этого ущелья въ одномъ мѣстѣ укрѣпился непріятель, и я съ моимъ баталіономъ посланъ былъ впередъ, чтобы вытѣснить его. Пройдя нѣкоторое разстояніе этою узкою тропинкою, имѣвшею, какъ я прежде ска-

залъ, видъ карниза, подошли мы къ такому мѣсту, гдѣ и эта тропинка обрушилась. Намъ предстала совершенно неожиданная препона къ дальнѣйшему слѣдованію. Провалъ былъ сажени въ три глубины, а потомъ опять продолжалась та же тропинка. Я бросился самъ и послалъ отыскивать другую дорогу, чтобы миновать провалъ, но крутыя, каменныя, голыя скалы окружали насъ со всѣхъ сторонъ, прохода рѣшительно не было нигдѣ, и я въ отчаяніи хотѣлъ было уже возвратиться; въ то время подошелъ ко мнѣ старый кавказскій ветеранъ, котораго всѣ въ баталіонѣ звали «дядей». — «Какъ же это, ваше высокоблагородіе,— сказалъ онъ,—вернуться назадъ, вѣдь, воля ваша, не приходится: у насъ еще такого примѣра не было, чтобы мы не дошли туда, куда приказалъ Алексѣй Петровичъ» [1]). — «Да что же намъ дѣлать?—отвѣчалъ я.—Вишь, у насъ крыльевъ нѣтъ, чтобы перелетѣть черезъ провалъ».—«Какъ что дѣлать?—продолжалъ баталіонный дядя.—А вотъ позвольте мнѣ, ваше высокоблагородіе». Съ этимъ словомъ снялъ онъ съ себя скатанную шинель, развернулъ ее и бросилъ въ провалъ.—«Ну, ребята, шинели долой и бросайте туда». Всѣ послѣдовали его примѣру. Онъ перекрестился и первый кинулся въ провалъ съ ружьемъ.—«Эге, эге! да какъ мягко, ребята,—кричалъ онъ оттуда:—постойте; дайте я еще поправлю и поразстелю шинели, чтобы вамъ было еще мягче». Я поблагодарилъ дядю за славную его выдумку, и самъ спрыгнулъ къ нему; за мною послѣдовали офицеры, одинъ за другимъ, а потомъ и солдаты. Всѣ мы очень удачно свершили наше прыганье, солдаты разобрали свои шинели, мы пошли далѣе и сдѣлали свое дѣло, прогнали непріятеля изъ ущелья и очистили дорогу для всего отряда.

Въ кавказской крѣпости,

(Изъ воспоминаній офицера.)

Въ началѣ апрѣля 1854 года Бутырскій пѣхотный полкъ, въ которомъ я служилъ, стоялъ бивакомъ на берегу рѣки Кубани. Полкъ ожидалъ дальнѣйшихъ приказаній. Наконецъ двинулись мы съ горы на крѣпость Остогай для слѣдованія въ крѣпость Анапу.

Не успѣли мы сдѣлать нѣсколькихъ верстъ отъ рѣки, какъ были окружены небольшими шайками черкесовъ. Дорога шла не-

---

[1]) Ермоловъ.

большими курганами, покрытыми мелкимъ лѣсомъ. Видъ былъ великолѣпенъ. Вдали виднѣлись аулы и хутора, а на возвышенностяхъ гарцовали партіи черкесовъ на своихъ быстрыхъ коняхъ. Въ первой же балкѣ (такъ называются на Кавказѣ овраги) мостъ черезъ ручей былъ сожженъ. Приказано было солдатамъ наскоро строить новый, и такъ повторялось въ каждой балкѣ, на каждомъ ручьѣ. Непривычные кучера-солдаты, непривычныя лошади неумѣло взбирались на пригорки съ тяжелыми полковыми фурами, а время шло и шло съ постоянною перестрѣлкой въ цѣпи съ невидимымъ непріятелемъ, который ловко скрывался въ лѣсу, а на ровныхъ мѣстахъ не показывался ближе пушечнаго выстрѣла. Стрѣлять по пяти или шести горцамъ не стоило труда, хотя вмѣсто ученья и было выпущено нѣсколько ядеръ и нѣкоторыя довольно удачно. Мы видѣли паденіе людей и лошадей. Въ одной только балкѣ передовая цѣпь наткнулась на завалъ, изъ котораго былъ сдѣланъ залпъ нѣсколькихъ винтовокъ; но когда цѣпь бросилась на завалъ, то тамъ не нашли никого. Черкесы безъ боя пошли наутекъ, и эта первая пробная битва не стоила намъ ни капли крови. Только къ ночи достигли мы крѣпости, гдѣ, сваривъ ужинъ, заночевали на бивакѣ въ сосѣдствѣ съ крѣпостнымъ валомъ. На утро повторился тотъ же маршъ, съ тѣми же препятствіями и тѣми же остановками и постоянною перестрѣлкой въ цѣпи.

Ночью мы опять остановились на какомъ-то бугрѣ. Пищи не было никакой; чтобъ утолить какъ-нибудь голодъ, мы безъ конца пили чай, но это не успокоивало нашъ молодой желудокъ.

Расположась ночью подъ шалашомъ, устроеннымъ на поднятыхъ оглобляхъ ротной телѣги, я никакъ не могъ заснуть: голодъ безпокоилъ меня; сосѣдъ мой, ротный командиръ, тоже ворочался на своемъ наскоро приготовленномъ ложѣ. Вдругъ слышимъ голосъ ротнаго артельщика: «Ваше благородіе, я нашелъ мѣшокъ сухарей въ ротной телѣгѣ». Вмигъ мы были на ногахъ, обрадовались такому неожиданному ужину, и хотя сухари были очень жестки, но молодые зубы тотчасъ же принялись за работу. Въ чайникѣ оставалось еще нѣсколько жидкаго чая, и сдѣлавъ въ немъ тюрю, мы славно поужинали и потомъ крѣпко уснули.

Съ зарей поднялся отрядъ, и въ 10 часовъ мы были у крѣпости Анапы. На слѣдующій день два баталіона помѣстили въ крѣпости, а третій размѣстили въ двухъ станицахъ. Станицы были окружены рвомъ и земляным валомъ съ бастіонами на углахъ. Прежде тутъ жили малороссы, но при началѣ войны ихъ вывели за Кубань, а въ ихъ хатахъ помѣстили черноморскіе линейные баталіоны и войска, пришедшія изъ Россіи.

Началась гарнизонная служба съ крѣпостными работами. Посылали команды въ предгорья для рубки дровъ, подъ конвоемъ. Всякій разъ была безполезная перестрѣлка, не приносившая никому вреда.

Крѣпость Анапа съ трехъ сторонъ омывается моремъ, а съ четвертой выкопанъ сухой ровъ. Въ серединѣ крѣпости былъ каменный гостиный дворъ на манеръ всѣхъ гостиныхъ дворовъ губернскихъ городовъ. Товары были невысокаго качества и довольно дорогіе. Единственная вещь отличалась своею дешевизной, это—табакъ. Его привозили турецкіе армяне моремъ. Былъ въ крѣпости и клубъ, но въ немъ, кромѣ бильярдной, почти никто не бывалъ.

II.

Влѣво отъ Николаевской станицы было большое болото, покрытое мелколѣсьемъ—гнѣздо шакаловъ и горныхъ разбойниковъ. Почти на самомъ берегу болота построена была изъ дикаго камня небольшая башня, съ плоскою каменною крышей, обрамленною каменными, аршина въ полтора, зубцами. Въ эту башню посылался ежедневно караулъ при офицерѣ для наблюденія за мелкими партіями черкесовъ, прокрадывавшихся черезъ болото къ станицамъ, а главное, къ пасущемуся на лугу скоту; ночью же на площадкѣ башни клались трое часовыхъ, чтобы предупреждать выстрѣлами въ случаѣ нападенія на крѣпость и станицы.

Далѣе влѣво, въ 3 верстахъ, на возвышенномъ бугрѣ была другая башня, немного бо́льшихъ размѣровъ, гдѣ также былъ наряженъ караулъ. Башня эта охраняла почтовую дорогу по берегу моря отъ Тамани въ Анапу. Постъ этотъ остался твердо въ моей памяти: переѣздъ отъ него въ крѣпость едва не стоилъ мнѣ жизни, и если я остался живъ, то благодаря только черкесскому скакуну, бывшему у меня въ то время.

Въ августѣ мѣсяцѣ почти весь отрядъ косилъ сѣно въ 18-ти верстахъ отъ крѣпости, а одинъ баталіонъ занималъ караулъ въ Анапѣ, гдѣ я былъ адъютантомъ. По должности своей я каждый день ѣздилъ въ отрядъ за приказаніями, въ сопровожденіи 4 казаковъ. На каждыхъ трехъ верстахъ со стороны горъ выставлялись конные и пѣшіе пикеты. Движеніе между отрядомъ и крѣпостью было постоянное. Съ закатомъ солнца пикеты снимались и никому не дозволено было ѣздить, въ виду того, что ночью невозможно было уберечься отъ бродячихъ горцевъ.

Въ одинъ изъ вечеровъ начала августа возвращался я изъ отряда съ конвоемъ изъ 4 казаковъ; было часовъ 6 вечера; поравнявшись съ пикетомъ-крѣпостцой, я остановился переговорить

съ бывшимъ тамъ офицеромъ, а казакамъ приказалъ ѣхать впередъ шагомъ. Впереди меня спускалась водяная бочка на парѣ воловъ, конвоируемая 4 вооруженными солдатами, посланная за водой для лазарета въ станицу. Казалось, все было мирно. Я слѣзъ съ лошади и заговорилъ съ дежурнымъ офицеромъ. Когда мы вышли изъ караулки, то совсѣмъ стемнѣло. Казаки мои давно уѣхали и были уже въ крѣпости. Офицеръ предлагалъ мнѣ казачій конвой. «Что можетъ случиться?—былъ мой отвѣтъ:—направо море, налѣво крѣпость, караулка, затѣмъ станица, гдѣ расположенъ цѣлый баталіонъ солдатъ». Молодость ничего не боится, и я спустился одинъ съ горъ шагомъ. Такъ проѣхалъ я болѣе версты. Несмотря на темноту, я могъ уже разглядѣть рѣчку и на ней мостъ. Вдругъ слѣва по направленію къ станицѣ раздались нѣсколько выстрѣловъ, гиканье, и все смолкло. Недоброе почуяло мое сердце. Вернуться назадъ — опасно: можетъ-быть, между пройденной мною дорогой и крѣпостцой ворвалась шайка. Ѣхать на мостъ? Но тамъ навѣрное ждутъ меня другіе. Что̀ дѣлать? Блестящая мысль пришла мнѣ въ голову. За мостомъ, вправо отъ дороги, былъ выгонъ, примыкавшій къ морю и крѣпости; ѣхать по немъ скоро ночью было опасно. Весь выгонъ былъ изрытъ колодцами для водопоя скота, обложенными сверхъ земли камнями не болѣе 4-хъ вершковъ высоты; ночью весьма легко было попасть въ одинъ изъ нихъ. Но зато опасность была одинакова какъ для меня, такъ и для моихъ преслѣдователей. Рѣшивъ въ умѣ маневръ, я сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю и продолжалъ ѣхать шагомъ по направленію къ мосту. Не доѣхавъ саженъ полтораста до него, я круто взялъ вправо; нѣсколько ударовъ нагайкой — и конь мой быстро достигъ рѣчки. Переправясь на другой берегъ, что было силъ у лошади, понесся я по выгону. Черкесы, увидавъ изъ-за моста, что добыча ускользаетъ отъ нихъ, понеслись за мной погонею; гиканье, стрѣльба изъ винтовокъ слышались за мною. Но я былъ впереди. Бросивъ поводья, я билъ мое благородное животное справа налѣво нагайкой. Мой умный конь, опустивъ голову почти къ землѣ, несъ меня ураганомъ и перепрыгивалъ колодцы какъ кустики. Когда осталось саженъ полтораста до крѣпости, было пущено свѣтящееся ядро и по погонѣ можно было стрѣлять изъ крѣпости.

На другой день выстрѣлы близъ Николаевской станицы разъяснились.

Подводчикъ и четверо конвойныхъ, не доѣзжая станицы, выпрягли воловъ изъ желанія покормить ихъ, соблазнясь сочною травой, а сами расположились отдохнуть на травѣ. Шайка горцевъ около 10 человѣкъ, скрывшаяся днемъ въ лѣсу, по снятіи

карауловъ пробралась между ночнымъ постомъ и станицей; часовой прозѣвалъ на башнѣ, и они напали на отдыхавшихъ солдатъ. Подводчикъ и двое солдатъ были убиты на мѣстѣ, одинъ тяжело раненый поднятъ былъ утромъ, а пятый, тоже раненый шашкой, бросился въ рѣку и притаился подъ мостомъ. Воловъ угнали и оружіе увезли; осталась только одна изрубленная телѣга.

Покореніе Кавказа.

Уже со временъ императора Александра I велась война на Кавказѣ. Горскія племена Кавказа безпрерывно нападали на южные предѣлы Россіи и тревожили ее. Они нападали и на Грузію, которая добровольно присоединилась къ единовѣрной Россіи при императорѣ Александрѣ I, грабили и опустошали ея земли, во множествѣ уводили въ плѣнъ жителей. Необходимо было положить конецъ нападеніямъ горцевъ и подчинить ихъ твердой власти. Война съ ними приняла рѣшительный характеръ при императорѣ Александрѣ II. Въ то время кавказскимъ намѣстникомъ былъ назначенъ князь Барятинскій. Онъ обратилъ все свое вниманіе на восточную часть Кавказа, гдѣ лежитъ горная страна Дагестанъ. Здѣсь укрылись тогда горцы вмѣстѣ со своимъ смѣлымъ вождемъ Шамилемъ. Началась упорная борьба, представлявшая очень много трудностей для нашихъ войскъ. Нужно было преслѣдовать врага по узкимъ тропинкамъ непроходимыхъ скалистыхъ горъ. Много русской крови было пролито здѣсь, много героевъ пало въ бояхъ. Но, наконецъ, мужество русскаго солдата взяло верхъ, и горцы начали повсюду терпѣть неудачи. Разбитый вездѣ, Шамиль укрылся въ Дагестанѣ, на вершинѣ горы Гунибъ. Эта гора имѣла видъ неприступной скалы, съ отвѣсными склонами. Не довольствуясь природной крѣпостью Гуниба, Шамиль постарался сдѣлать его еще болѣе неприступнымъ: загородилъ всѣ тропинки завалами, башнями, стѣнами и заготовилъ огромныя кучи камней, чтобы сбрасывать ихъ на головы нападающихъ. Русскія войска со всѣхъ сторонъ окружили Гунибъ и начали подниматься на него. Цѣлый градъ камней посыпался на нашихъ воиновъ. Несмотря на это, послѣ большихъ усилій, они взобрались на вершину Гуниба и оцѣпили аулъ Шамиля. Сопротивляться далѣе было невозможно. «Шамиль,—сказалъ ему посланный для переговоровъ полковникъ Лазаревъ,—всему міру извѣстно о твоихъ подвигахъ, и слава о нихъ не погибнетъ въ горахъ, пока стоятъ самыя горы. Покорись судьбѣ и предайся великодушію государя императора: ты тѣмъ спасешь отъ гибели тысячу человѣкъ, оставшихся тебѣ вѣрными въ самомъ несчастіи». Долго еще колебался Шамиль, но затѣмъ

сѣлъ на коня и отправился къ князю Барятинскому, ожидавшему его въ березовой рощѣ и окруженному большой свитой. «Сардарь,— сказалъ ему Шамиль,—я не внялъ твоимъ совѣтамъ: прости и не осуждай меня. Тридцать лѣтъ я дрался за вѣру, но теперь народы мои мнѣ измѣнили, да и я утомился борьбой. Я старъ: мнѣ 63 года. Поздравляю васъ съ владычествомъ надъ Дагестаномъ и отъ души желаю государю успѣха въ управленіи горцами». Шамиль съ семействомъ былъ отправленъ въ Россію. Императоръ Александръ II принялъ его очень ласково и назначилъ ему содержаніе.

Послѣ взятія въ плѣнъ Шамиля былъ завоеванъ весь восточный Кавказъ. Вскорѣ затѣмъ, при новомъ намѣстникѣ, великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, была покорена и западная его половина. Такъ окончилась трудная Кавказская война, продолжавшаяся болѣе 60 лѣтъ.

Споръ.

Какъ-то разъ передъ толпою
Соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шатъ-горою [1])
Былъ великій споръ.
— Берегись,—сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ,—
Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ.
Онъ настроитъ дымныхъ келлій
По уступамъ горъ:
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари—орлы.
Люди хитры. Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ,—
Берегися: многолюденъ
И могучъ востокъ.
«Не боюся я востока,—
Отвѣчалъ Казбекъ,—
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима
Богомъ сожжена
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше: вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ

[1]) Шатъ-гора—Эльбрусъ.

И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня...
Нѣтъ, не дряхлому востоку
Покорить меня».
— Не хвались еще заранѣ,—
Молвилъ старый Шатъ,—
Вонъ на сѣверѣ, въ туманѣ,
Что-то видно, братъ».
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньи
Смотритъ, полный думъ.
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Поднимая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамена,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой,
Идутъ всѣ полки могучи
Шумны, какъ потокъ,
Страшно медленны, какъ тучи,
Прямо на востокъ.
И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ
И на вѣкъ затихъ.

Турецкая война.

Кромѣ Кавказской войны, Россія при императорѣ Александрѣ II вела еще другую войну. Она была менѣе продолжительна, но въ ней погибло много народа, и стоила она большихъ денежныхъ затратъ. Эта война происходила съ Турціей. Турки сильно притѣсняли на Балканскомъ полуостровѣ славянскія племена—болгаръ и сербовъ, которые имъ были подвластны. Славяне возстали, чтобы освободиться отъ турецкаго ига, и мужественно начали бороться за свою свободу. Но борьба была неравная: турки значительно превосходили славянъ числомъ, и потому безпощадно избивали ихъ во множествѣ. Страданія единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народовъ вызывали сильное сочувствіе русскихъ. Въ Россіи начали поступать повсемѣстно денежныя пожертвованія для помощи болгарамъ и сербамъ, собралось нѣсколько тысячъ добровольцевъ, которые шли въ ихъ ряды и храбро сражались за

ихъ дѣло. «Я знаю,—сказалъ императоръ Александръ II дворянамъ въ Москвѣ,—что вся Россія, вмѣстѣ со мной, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и происхожденію. Но для меня интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь». Эта крайность вскорѣ наступила. Государь предложилъ Турціи прекратить избіеніе славянъ и улучшить ихъ положеніе. Получивъ отказъ, онъ объявилъ ей войну и приказалъ войскамъ двинуться въ походъ.

Войска были собраны въ одномъ изъ южныхъ городовъ Россіи и готовы были вступить въ предѣлы Турціи. Здѣсь самъ императоръ произвелъ смотръ своей арміи. Такъ началась война съ Турціей за освобожденіе славянъ. Девять мѣсяцевъ продолжалась она, и за это время много трудовъ, лишеній и опасностей пришлось испытать нашимъ войскамъ. При арміи находился самъ императоръ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола, нынѣ покойнымъ государемъ Александромъ III, и другими членами царскаго дома.

Турецкая война окончилась полной побѣдой нашихъ войскъ. Но она стоила большихъ усилій. Перейдя рѣку Дунай, войска наши вступили въ глубь турецкихъ земель. Каждое мѣсто приходилось брать съ боя. Несмотря на всѣ препятствія, войска двигались впередъ. Они подошли къ Балканскимъ горамъ, совершили переходъ черезъ нихъ и заняли Шипкинскій проходъ.

Здѣсь, на Шипкѣ, болѣе 5 мѣсяцевъ простояла горсть нашихъ войскъ. Всѣ попытки турокъ захватить снова проходъ Шипку остались тщетными. Въ это же время главная часть нашихъ войскъ обступила сильную турецкую крѣпость Плевну. Въ ней засѣлъ одинъ изъ храбрыхъ турецкихъ генераловъ—Османъ-паша, съ многочисленной арміей. Началась продолжительная осада Плевны. Наконецъ Османъ-паша вынужденъ былъ сдаться со всѣмъ войскомъ. Тогда наши войска пошли на помощь отряду, сидѣвшему въ Шипкѣ. Дѣло было зимой. Нужно было переходить черезъ Балканскія горы, покрытыя обледенѣлымъ снѣгомъ. Переходъ былъ очень труденъ. При всемъ этомъ, войска наши, въ рождественскій морозъ, совершили славный переходъ черезъ Балканы разбили многочисленную турецкую армію и освободили шипкинскій отрядъ. Имѣя во главѣ героевъ этой войны: Радецкаго, Скобелева и др., они направились теперь прямо на столицу Турціи—Константинополь.

Турки потерпѣли пораженія не только на Балканскомъ полуостровѣ, но и въ Азіи, со стороны Кавказа, гдѣ также шла война. Вскорѣ наши войска заняли сильныя турецкія крѣпости Карсъ, Ардаганъ и осадили городъ Эрзерумъ.

Турція начала просить о мирѣ, который вскорѣ и былъ заключенъ. Главная цѣль войны была достигнута: славянскіе народы Балканскаго полуострова были освобождены отъ турецкаго ига, которое тяготѣло надъ ними въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Такимъ образомъ, императору Александру II, даровавшему свободу своему народу, выпала роль освободителя и балканскихъ христіанъ, которые тоже назвали его Освободителемъ

Зимой черезъ Балканы.

Только 1 декабря въ отрядѣ генерала Гурко получена была вѣсть о паденіи Плевны. Одновременно съ этимъ въ главной квартирѣ рѣшено было продолжать зимнюю кампанію и перейти Балканы.

Гурко началъ движеніе черезъ Балканы 13 декабря. Съ необыкновенными усиліями подвигались впередъ гвардія и армейскіе полки, предпринимая на Балканскихъ высотахъ цѣлый рядъ обходныхъ движеній, заставлявшихъ турокъ уступать свои позиціи и уходить, куда попало. На вершинахъ горъ, въ это время года, поднимались страшные бураны, завѣвавшіе снѣгомъ цѣлые отряды; замерзали при этомъ цѣлыя роты. Наши войска гибли, но не уступали своихъ позицій. Только послѣ нечеловѣческихъ усилій войскамъ удалось сбить турокъ и взять Софію, Филиппополь, преслѣдуя по пятамъ всюду отступавшихъ турокъ

Но самымъ блестящимъ дѣломъ былъ переходъ Балканъ войсками Скобелева. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ этотъ походъ:

«Съ перваго же раза Балканы дали знать себя. Въѣхавъ на небольшую высоту, мы увидѣли передъ собой крутой подъемъ. Вѣтеръ свѣялъ съ него недавній снѣгъ, осталась скользкая обледенѣлая поверхность. Тѣ, которые добрались доверху, тяжело дыша отдыхали, прислонившись къ деревьямъ, или просто ложились въ снѣгъ въ полномъ безсиліи. Падая и скатываясь, напрасно хотѣли удержаться руками: руки скользили по гладкой поверхности. Впереди слышался звонъ кирокъ и стукъ лопатъ:— саперы дальше прокладывали дорогу. Отъ площади вверхъ опять шелъ крутой спускъ, но уже весь засыпанный снѣгомъ. Этакъ привелось итти съ часъ, ноги не скользили, но зато рыхлый снѣгъ приходился по грудь. До того убійственно тяжелъ былъ этотъ путь, что безъ преувеличенія можно сказать — отдыхали черезъ каждые двадцать пять-тридцать шаговъ. Солдаты съ натугой выхватывали ногу изъ снѣговой глуби, потомъ ступали

впередъ, опять погружаясь въ вязкую массу. Подъ ногами снѣгъ расползался, ноги расходились,—приходилось падать и подниматься опять. Такимъ образомъ, въ пять часовъ не прошли и трехъ верстъ!

«Съ артиллеріей была мука. Десяти-фунтовки бросили позади. Ихъ нельзя было взвести на эти кручи и скалы; горныя орудія везли на саночкахъ,—тѣла отдѣльно отъ лафетовъ тянули лямкой. Взошла луна. Затеплились звѣзды, кругомъ развернулась безконечная панорама горныхъ вершинъ. Часть дороги смѣлымъ взлетомъ пересѣкала вершину горы. Направо она подходила къ крутизнѣ. Тутъ приходилось итти особенно осторожно. Но и осторожность часто не спасала. Сколько разъ срывался внизъ несчастный солдатъ, гремя по выступамъ ружьемъ, лопатой, котелкомъ... А другіе шли впередъ, предоставляя несчастнаго его печальной участи. Останавливаться и задерживать отрядъ было некогда!

«28 декабря Скобелевъ освободилъ осажденную Шипку.

«Наступленіе наше было чудовищно быстро. Случались дни, когда кавалерійскій отрядъ дѣлалъ по 65 верстъ, а къ вечеру ихъ догоняла пѣхота, вмѣстѣ съ ними утромъ снявшаяся съ позицій. Часто по одной дорогѣ тянулись отступающія турецкія войска, а по другой параллельной уже далеко впереди шелъ нашъ авангардъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ утомленные солдаты шли по поясъ въ грязи, падали въ ямы, полныя слякоти. Нѣсколько дней подъ рядъ на нихъ не было ничего сухого.

«Пришли въ Германлы,—переночевали одну ночь, разсчитывали на дневку, чтобы возстановить истощенныя силы, какъ вдругъ на другой день: — «Поздравляю, братцы, съ походомъ на Адріанополь!» объѣзжаетъ ряды Скобелевъ. Переходъ отъ Германлы до вокзала Адріанопольской желѣзной дороги рукой подать.

«Трудно изобразить восторгъ солдатъ, когда они увидѣли рельсовый путь и ихъ разсадили по вагонамъ. Запѣли пѣсни, заиграла музыка».

На этомъ можно было считать кампанію оконченною.

Находка.

Снѣгъ по брюхо лошадямъ. Кони барахтаются, едва выбираясь на площадки скалъ, гдѣ все-таки поменьше снѣгу, тяжело дышатъ, втягивая и безъ того тощіе бока... Гуськомъ по узкой тропинкѣ продвигаются такимъ образомъ казаки. Человѣкъ двадцать колышется въ сѣдлахъ, жмурясь, когда мятель словно

иглами сыплетъ въ лицо, захлестываетъ носъ и ротъ снѣгомъ, забиваетъ имъ уши... Кони только фыркаютъ да отмахиваются головами...

— Ну, ужъ братцы и праздникъ!.. Неча сказать!..—злился передовой.

— Рождество!..

— Дома-то теперь, поди, пиръ валомъ-валитъ... А тутъ на-ко — выкуси...

— Египетская сторона...

— Никакъ не способно... Самая подлая путина... Во, опять по брюхо коню влѣзъ... Ахъ, и каторга же!..

— И вѣтеръ же здѣсь...

— А что?

— Точно иглами тебя... Лицо совсѣмъ засудобило. И чудно же:—мятель, а мѣсяцъ вовсю... Ахъ, и колетъ же...

— А ты жмурься, словно котъ передъ огнемъ.

— Трубку бы раскурить хорошо...

— Чего лучше!

— Табаку вотъ только нѣтъ.

Бородатый старый казакъ только сплюнулъ въ сторону, вспомнивъ про табакъ.

— Да табаку-то нема! А сказывали, какъ шли сюда, что тутъ самая табачная сторона, хоть весь обкурись...

— Въ черевахъ ажъ тоска съ этого самаго.

Наверху путь сталъ полегче... Взъѣхали на Марковы Столбы. Отсюда вѣтромъ свѣяло снѣгъ; зато обледенѣлая поверхность поляны создавала новыя неудобства. Копыта скользили, разъѣзжались, широко разставлялись ноги коней; иной и спотыкался, такъ что всадникъ того и гляди перекинется черезъ голову... Мятель стала замѣтно утихать.

— Къ утру и вовсе стихнетъ...

— Да утро ужъ скоро... Часа черезъ два... Ишь, птицы проснулись.

— Это пугачъ, онъ по ночамъ живетъ...

— Ты гляди,—тяжело летитъ,—значитъ, домой на отдыхъ, а на отдыхъ онъ всегда передъ самымъ утромъ.

Мятель дѣйствительно улеглась.

А утренничекъ уже синимъ паромъ встаетъ внизу...

Мѣсяцъ погасъ, точно клочокъ облака замеръ въ холодныхъ небесахъ... Востокъ зыблется огнистымъ сіяніемъ... Силуэты деревьевъ на немъ кажутся совсѣмъ черными. Каждая маленькая вѣтка вырисовывается рѣзко и отчетливо.

— Тепло Богъ даетъ,—замѣтилъ казакъ, оглядывая западъ, гдѣ, казалось, густилась еще лазурь, темная лазурь южной ночи.

— Да, день будетъ хорошій...

— Постсй, братцы, что это?..—остановился офицеръ.

Станичники попридержали коней: въ тишинѣ утра слышались бряцанье серебрянаго набора на уздечкѣ офицера, нетерпѣливый стукъ копыта въ отвердѣвшій снѣгъ, да лязганье шашки о бока нежданно сорвавшагося коня...

— Такъ попритчилось..

— Должно-быть... Нѣтъ, вонъ опять оттуда...

— Плачетъ...

— Оно и есть... Словно бы, дитё малое...

— Какому тутъ дитю быть!..

— Слышишь? опять...

— Ну-ко, станишники, бери вправо!.. И, вслѣдъ за офицеромъ, казаки стали пробираться на поляну, свѣтлѣвшую впереди, за чащею мелкорослыхъ деревъ, словно разбѣжавшихся отъ вѣковыхъ гигантовъ, обступившихъ эту поляну.

— Такъ и есть, дитё пищитъ...

— Гдѣ жъ это?..

— Никого...

— А вонъ...

Посреди полянки что-то словно было засыпано снѣгомъ, бугорокъ какой-то. Синяя тѣнь отъ него ложилась назадъ... Плачъ слышался оттуда...

— Ишь ты... Кого это Богъ посылаетъ?

Казаки спѣшились, подошли... Разгребли снѣгъ...

— Господи!.. Что жъ это?

— Ахъ, ты, бѣдная!..

Мятель только слегка завѣяла Радоницу... Казаки бережно вынули изъ закостенѣвшихъ рукъ окутаннаго лохмотьями ребенка. Руки такъ и остались въ воздухѣ, словно онѣ еще прижимали дитя къ охолодѣвшему сердцу. Снѣгъ опушилъ рѣсницы, искрился на лицѣ Радоницы... Что она пристально смотритъ такъ, совсѣмъ сознательно смотритъ? Кажется, вотъ сейчасъ подымется и скажетъ что-то. Нѣтъ, не подняться ей. Косы крѣпко примерзли ко льду, такъ примерзли, что и не оторвешь... На одеревенѣвшемъ голомъ плечѣ—синіе подтеки, царапины... Ноги тоже изорваны, сквозь опанки кровь проступила и замерзла...

— Ахъ, ты, бѣдная, бѣдная!..

— Ну, и находка... Поѣхали за однимъ, нашли другое...

— Богъ счастье посылаетъ, ваше благородіе! Черезъ дѣтей счастье...

— И съ чего это она? Ночь не была ужъ такъ холодна.

— Съ устали надорвалась, бѣжамши... Это бываетъ... Отъ турокъ уходила... Лѣтомъ часто мы ихъ подымали здѣсь... А дитё Господь спасъ...

— Ишь ты,—зѣваетъ какъ...

— Здоровъ орать-то...

Ребенокъ, взглянувъ на свѣтъ Божій, сталъ кричать во-всю. Онъ таращилъ глаза и на бородатыя лица казаковъ, и на ярко солнышко, и на свѣтившіяся надъ нимъ верхушки деревьевъ. Пухлыя ручонки, высвободившись, перебирали въ воздухѣ, точно лапки опрокинутаго на спинку кузнечика.

— Ишь ты, веселый... А ну-ко!—и старый казакъ пощекоталъ ему шейку.

Ребенокъ ухватился за его палецъ и прямо въ ротъ.

— Вонъ, братцы!.. Сейчасъ давай мнѣ палецъ жевать... Ахъ, ты, дитё неразумное!—посмѣивался сѣдобородый казакъ.

— Что жъ, ребята,—мать-то хоронить иль нѣтъ?

— Чѣмъ земли нароешь тутъ? Погоди, пѣхота пройдетъ—закопаетъ.

— Гайда назадъ!

— Ребенка, станишники, бережнѣе!.. Ёнъ нашъ теперь... Давай въ очередь.

— Я его за пазуху... У меня тепло тамъ... Сухарь нажую,—въ ротъ ему.—И сѣдобородый казакъ бережно уложилъ дитя за шинель, укрылъ его, какъ могъ... Ребенокъ въ теплѣ, пососавъ сухаря, заснулъ...

Каждый разъ, какъ онъ просыпался по пути, слышались возгласы:

— Ахъ, и горло же здоровое... Кричи, кричи, братъ,—крѣпче будешь!

— Давай-ка его, Семенъ! Теперь моя очередь.

— Да я его еще повожу.

— Ну, во!.. Я и самъ его чудесно.

И дитя переходило въ новую пазуху. Новый станичникъ осторожно придерживалъ его, чтобы лошадь не встряхнула обрѣтенное сокровище. Такимъ образомъ, пока казаки доѣхали до мѣста, дитя перебывало у всѣхъ...

Изъ угла въ уголъ въ темной землянкѣ ходитъ сѣдой генералъ, нервно покусывая усы... Онъ останавливался надъ разбросанными по столу картами Шипки, соображалъ что-то и опять принимался ходить... У дверей, на табуретѣ, сидѣлъ молоденькій офицеръ, то и дѣло засыпавшій отъ устали.

— Петровъ, ложитесь, засните пока...

— Нѣтъ, я не хочу, ваше превосходительство, это меня въ теплѣ растомило.

— Ну, ладно... Что жъ это казаки?.. Вотъ, только бы ихъ за смертью посылать!

Петровъ сорвался съ мѣста, кинулся въ дверь...

— Нѣтъ еще ихъ... Не вернулись... Путь тяжелый...

— Самъ знаю, что тяжелый...

За дверями раздались шумъ и говоръ многихъ голосовъ.

— Что тамъ? Посмотрите, Петровъ!

Офицеръ не успѣлъ еще подойти къ двери, какъ она раскрылась со двора... Весь опушенный снѣгомъ, съ обледянѣлою бородой и побѣлѣвшими бровями, въ землянку вошелъ казачій офицеръ.

— Слава Богу! Наконецъ-то.

— Честь имѣю доложить...

— Прошли весь путь?

— Весь, ваше превосхо...

— Можно пушки провезти?

— Провезти нельзя, пронести съ пѣхотою на гужахъ можно.

— Кавалерія пройдетъ?

— Съ трудомъ, а пройдетъ.

Генералъ повеселѣлъ.

— Ну, спасибо за добрую вѣсть. На турокъ не наткнулись?

— Нѣтъ...

— Ничего не нашли?..

— Нашли-съ...—улыбнулся офицеръ:—мои станишники нашли.

— Что такое?

— Позвольте ужъ имъ... Совсѣмъ не казачье дѣло...

— Ну, позовите ихъ, —заинтересовался генералъ.

Казаки ввалились въ просторную землянку и вытянулись у дверей, какъ вкопанные. У сѣдого казака оттопыривалась только шинель на груди...

— Что вы тамъ нашли?..

Казаки, переминаясь, смотрѣли другъ на друга и конфузились.

— Чего же вы молчите?

Находка, впрочемъ, отвѣтила сама за себя. Почуявъ тепло, ребенку захотѣлось выбраться изъ-за грубаго сукна шинели. Онъ заоралъ благимъ матомъ и заработалъ ручонками, упираясь ими въ грудь казака.

— Вотъ тебѣ и на!—остолбенѣлъ генералъ.

Старикъ-казакъ вышелъ впередъ, вынулъ изъ-за пазухи дитя и положилъ его прямо на столъ, на карты и планы генерала...

— Вотъ тебѣ и на! — повторилъ про себя генералъ, щекоча у ребенка за ухомъ и, очевидно, не зная, что же съ нимъ дѣлать... Попробовалъ въ ротъ ему палецъ,—сдавилъ тотъ деснами, такъ что больно стало...

— Вотъ тебѣ и на...

А ребенокъ, заработавъ руками и ногами, опять было уже собирался заорать, да огонекъ свѣчи увидалъ и раздумалъ. Уставился на него, вытянулъ губы трубочкой, выпучилъ глаза...

— Ишь... Если ему коньяку дать?—задумался генералъ.

— Они коньяку не пьютъ-съ, — почтительно доложилъ старикъ-казакъ.

— А молока нѣтъ...

— Они и сухарь чудесно кушаютъ...

— А ну-ко? Ну-ко?

Казакъ разжевалъ сухарь и положилъ его въ ротъ ребенку... Тотъ потянулся къ казаку.

— Они еще просятъ...

— Какъ же вы это, ребята, теперь?.. Болгарамъ развѣ обратно въ Габрово его послать?

— Дозвольте намъ его оставить у себя. Потому какъ онъ намъ Богомъ на счастье посланъ...

— Да какъ же вы его кормить станете!..

— Съ пальца, ваше превосходительство.

— Ну, ежели съ пальца!..— раздумчиво проговорилъ генералъ...—Агу... Агу... А только кто-нибудь одинъ долженъ... Всѣмъ нельзя. У семи нянекъ... т.-е. двадцати казаковъ... того, безъ глазу... Ишь, шустрый какой!..

— Мы ужъ и сами, такъ надумали... Пущай одинъ. А всѣ мы будемъ ему пищу доставать.

— Будемъ стараться, это точно.

— Кто же одинъ-то, кто?

— Пущай дитё само выбираетъ, ваше превосходительство.

— Да какъ же, чудаки этакіе, оно выберетъ?

— А вотъ, кому оно засмѣется... тотъ пусть и будетъ ему кормилкой.

— А ну-ка?—совсѣмъ уже заинтересовался генералъ.—Ну-ка?

— Только, братцы, безъ подвоха,—условливались казаки. Чтобъ не щекотать его...

— Честно, ребята...

Бородатыя, огрубѣвшія среди балканской зимы лица, опушенныя всклоченными бородами, поочередно наклонялись къ ребенку. Изъ-подъ грубыхъ щетинистыхъ бровей мягко смотрѣли добрые глаза станичниковъ. Но ребенокъ, злясь на то, что они

заслоняли отъ него огонекъ свѣчи, только кривлялся и перебиралъ руками. Наконецъ, захвативъ пухлой ручкой такую же пухлую, словно нитками перевязанную ногу, малютка успокоился; и когда старый казакъ зашелъ съ другой стороны, такъ что дитя и вожделѣнное пламя свѣчи увидѣло,—находка почувствовала себя какъ нельзя лучше и засмѣялась...

— Мой, братцы!.. — обрадовался тотъ, забирая къ себѣ за пазуху ребенка.

— Твой, такъ твой... Твое счастье...

— Ну, вотъ тебѣ на зубокъ золотой...

— Много благодаренъ вашему превосходительству...

— Что же ты его, а?

— Вырастетъ,— казакъ будетъ... Ужъ я изъ ево такого казака сдѣлаю!

— А имя-то, имя какъ?

Казаки опѣшили... Объ этомъ они и не подумали.

— Я такъ полагаю,—замѣтилъ генералъ:—фамилію ему дать Шипкинъ... На Шипкѣ его нашли. Ну, и пусть будетъ Шипкинъ.

— Потому, ваше-ство, какъ его Богъ послалъ, пущай же онъ будетъ Богданомъ.

— Ну, и чудесно... Ну, прощай, Богданъ Шипкинъ!.. Рости себѣ во славу русскаго оружія... Прощайте, станичники! Спасибо...

— Рады стараться, ваше-ство!..

И Богданъ Шипкинъ, будущій казакъ, былъ торжественно унесенъ изъ генеральской землянки.

Завоеваніе Средней Азіи.

Въ 1839 году, при Николаѣ I, русское правительство сдѣлало попытку прочно утвердиться въ киргизскихъ степяхъ.

Въ концѣ осени русскій отрядъ выступилъ изъ Оренбурга въ степи. Холодное время было выбрано потому, что зимою по снѣгу походъ черезъ степи сдѣлать легче, чѣмъ лѣтомъ при безводьи и страшной жарѣ. Но этотъ походъ окончился полнѣйшею неудачею.

Около 3 тысячъ людей, до 9.000 верблюдовъ и множество лошадей погибли въ пути отъ холода, голода, болѣзней и другихъ лишеній; оставшіеся въ живыхъ возвратились въ Оренбургъ.

Этотъ неудачный походъ нашихъ войскъ заставилъ русское правительство подчинить себѣ киргизовъ другимъ путемъ.

Въ теченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ на берегахъ Аральскаго моря было построено нѣсколько крѣпостей, гдѣ были по-

сажены отряды солдатъ. Они должны были наблюдать за всѣмъ, что происходитъ въ степяхъ, и при набѣгахъ кочевниковъ на русскую границу выступать въ походъ.

Благодаря этому, дѣйствительно, набѣги кочевниковъ на русскую границу прекратились; киргизы успокоились, и не прошло 25 лѣтъ, какъ на всемъ протяженіи ихъ степей введено было русское управленіе и появились русскіе города и селенія. Но это пришлось не по вкусу хивинцамъ и коканцамъ, владѣнія которыхъ теперь стали соприкасаться съ русскими землями.

Чтобы вернуть утраченную власть надъ киргизами, хивинцы и коканцы стали употреблять всѣ усилія, какъ бы удалить русскихъ изъ степей.

Въ 1863 году, въ царствованіе Александра II, русскія войска начали наступательное движеніе противъ коканскаго ханства. Войска шли со стороны Сибири и отъ Сыръ-Дарьинскихъ укрѣпленій. Сибирскими отрядами командовалъ полковникъ Черняевъ, а Сыръ-Дарьинскимъ — полковникъ Веревкинъ. Скоро Веревкинъ взялъ приступомъ сильную непріятельскую крѣпость Туркестанъ. Съ паденіемъ Туркестана былъ открытъ путь и къ Ташкенту, одному изъ главныхъ городовъ Коканскаго ханства

Черняевъ выступилъ въ походъ противъ Ташкента, и Ташкентъ сдался.

Съ паденіемъ Ташкента коканцы перестали воевать съ русскими, но на смѣну имъ выступили бухарцы. Но и бухарцы потерпѣли жестокія пораженія и потеряли нѣсколько крѣпостей.

Вскорѣ затѣмъ изъ всѣхъ новоприобрѣтенныхъ земель былъ образованъ особый военный округъ. Съ эмиромъ бухарскимъ завязались мирныя сношенія. Но миръ и доброе согласіе съ бухарцами продолжались недолго. Бухарцы перестали соблюдать прежде заключенные мирные договоры, опять на всей русской границѣ съ Бухарою появились многочисленныя шайки, грабившія русскихъ подданныхъ. Противъ нихъ были высланы войска, было также послано эмиру предупрежденіе, что если нападенія на русскую границу будутъ продолжаться, русскіе принуждены будутъ объявить войну.

Эмиръ объявилъ, наконецъ, войну (въ 1868 г.). Русскій отрядъ выступилъ по дорогѣ къ Самарканду, второй столицѣ бухарскаго ханства, гдѣ коронуются на царство всѣ эмиры Бухары. Подлѣ этого города были собраны многочисленныя отборныя бухарскія войска, которыя и встрѣтили подошедшій русскій отрядъ сильнымъ огнемъ. Послѣ жаркаго боя бухарцы были разбиты; жители Самарканда заперли ворота города и не пустили къ себѣ бѣжавшихъ съ поля битвы бухарцевъ, а на другой день

прислали къ намъ посольство съ просьбою принять городъ подъ покровительство Россіи.

Съ паденіемъ Самарканда бухарцы, разбитые еще въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, окончательно смирились. Черезъ 5 лѣтъ послѣ того было покончено съ Хивою—ханствомъ на низовьяхъ Аму-Дарьи съ населеніемъ въ 300.000 душъ. Хивинцы подстрекали киргизовъ на различные грабежи и нападенія на русскія селенія и даже пограничныя крѣпости; неоднократно и сами хивинцы появлялись на русской границѣ и грабили проѣзжавшіе караваны, угоняли табуны и уводили въ плѣнъ людей. Генералъ-губернаторъ Кауфманъ пытался вразумить хивинскаго хана, прося, чтобы подобные случаи болѣе не повторялись, и чтобы съ виновныхъ было взыскано, но ханъ на всѣ эти мирныя предостереженія не обращалъ вниманія. Наконецъ весною 1873 года рѣшено было покончить съ Хивою; одновременно выступили войска со стороны Кавказа, Оренбурга и Туркестана подъ руководствомъ фонъ-Кауфмана. Туркестанскія войска выступили изъ г. Ташкента въ мартѣ мѣсяцѣ, и къ началу мая достигли хивинскихъ владѣній, пройдя до Хивы 900 верстъ. Во время пути отрядъ чрезвычайно страдалъ отъ недостатка воды, зноя и изнуренія, особенно терпѣли солдаты въ пустынѣ Кара-Кумъ (Черные пески). Эти безводные пески страшны не только для человѣка, но и для привычнаго къ пустынямъ верблюда. По зыбучимъ пескамъ, накаленнымъ знойнымъ солнцемъ, пробираться было тяжело; знойный песокъ, поднимаемый вѣтромъ, билъ солдатамъ въ лицо и засыпалъ глаза. Въ воздухѣ жгло, какъ огнемъ; губы трескались, во рту страшно сохло, а на бивакахъ колодцы были или съ тухлою водою или засыпаны непріятелемъ. Къ тому же съ каждымъ днемъ, съ каждымъ новымъ переходомъ отрядъ не досчитывался верблюдовъ десятками. Эти животныя, изнуренныя безкормицею, страдая отъ недостатка воды, издыхали по пути движенія отряда, и ихъ трупы, высохшіе на знойномъ пескѣ подъ палящими лучами солнца, служили при обратномъ движеніи отряда поверстными столбами. Оставшіеся же въ живыхъ верблюды были такъ изнурены, что едва могли поднять грузъ въ десять пудовъ, поэтому съ каждымъ павшимъ верблюдомъ провіантъ уменьшался, такъ какъ выгоднѣе было бросать грузъ, чѣмъ раскладывать его на другихъ живыхъ верблюдовъ. Эти причины вызвали распоряженіе уменьшить солдатамъ дневную дачу сухарей до одного фунта на человѣка, тогда какъ прежде полагалось по 3 фунта на каждаго, а впослѣдствіи, къ концу похода, выдавалось ужъ по полфунту въ день.

Второй отрядъ выступилъ въ походъ отъ береговъ Каспія 10 апрѣля и, несмотря на страшныя трудности, достигъ хивин-

скихъ предѣловъ въ началѣ мая и соединился съ оренбуржцами. Самый длинный путь выпалъ оренбургскому отряду, которому пришлось пройти всего около 1.400 верстъ.

Такимъ образомъ русскія войска почти одновременно и съ запада и съ востока подошли къ Хивѣ. Русскіе ворвались въ городъ. Непріятель не выдержалъ и бѣжалъ по разнымъ направленіямъ. Городъ былъ взятъ. Ханъ подписалъ мирный договоръ между Россіей и его страною, при чемъ обязался освободить всѣхъ рабовъ, которые находились въ его владѣніяхъ.

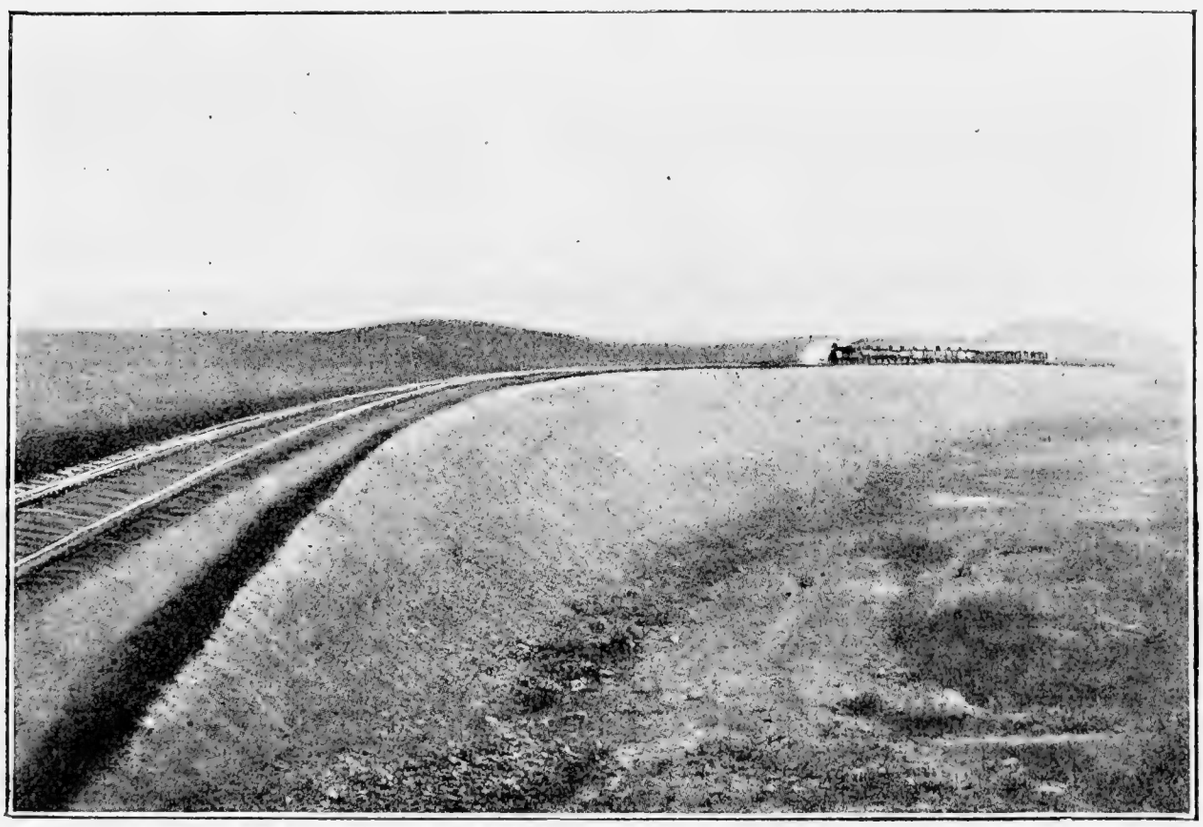
Такимъ образомъ безпокойныя азіатскія ханства—Кокандъ, Хива и Бухара были усмирены, оставались непокоренными лишь воинственные туркмены. Продолжавшіеся набѣги и грабежи закаспійскихъ туркменъ заставили русское правительство снарядить противъ нихъ войско подъ начальствомъ генерала Скобелева (въ 1880 г.). Туркмены построили сильную и неприступную крѣпость Геокъ-тепе.

Мѣстность, которую занимала эта крѣпость, была прекрасно орошена и покрыта садами. Каждое кочевье туркменовъ было окружено отлично воздѣланными полями. Туркмены, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, укрылись за стѣнами Геокъ-тепе. Крѣпость, какъ большой муравейникъ, кишмя кишѣла народомъ. Лихіе туркменскіе наѣздники то и дѣло шныряли въ окрестностяхъ, слѣдили за каждымъ движеніемъ русскихъ и тревожили ихъ безпрестанными нападеніями. Однако, несмотря на всѣ препятствія и упорное сопротивленіе непріятеля, генералъ Скобелевъ взялъ нѣсколько укрѣпленій въ окрестностяхъ Геокъ-тепе и осадилъ послѣднюю. Послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія непріятеля, въ нѣсколько разъ превосходившаго по численности наше войско, неприступная и послѣдняя твердыня туркменовъ пала. Генералъ Скобелевъ, по взятіи крѣпости, успокоилъ оставшееся въ живыхъ населеніе тѣмъ, что обѣщалъ пощаду и полную безопасность всѣмъ, кто уцѣлѣлъ, и тѣмъ, кто вернется и добровольно изъявитъ свою покорность. Черезъ нѣсколько дней прибыли къ Скобелеву старшины туркменскихъ родовъ съ изъявленіемъ полной покорности. Изъ присоединенныхъ туркменскихъ земель была образована *Закаспійская область*.

Замиреніе Средней Азіи кончилось, и развитію въ странѣ русской торговли и промышленности съ этого времени предоставленъ широкій просторъ.

Подлѣ большихъ старинныхъ азіатскихъ городовъ: Ташкента, Коканда, Самарканда и проч., возникли русскіе города съ тѣми же названіями, но только къ каждому изъ нихъ прибавлено слово

«русскій», такъ, есть «русскій Самаркандъ», «русскій Ташкентъ» и друг. Всѣ эти русскіе города построены по-европейски, съ правильно разбитыми улицами, городскими садами, магазинами, различными школами, храмами и т. д. Широкія улицы, вымощенныя камнемъ, обсажены со всѣхъ сторонъ исполинскими тополями и платанами, у подножія которыхъ прорыты арыки съ водою. Иностранцы, которые посѣщали такіе русскіе города въ Средней Азіи, не могутъ нахвалиться ихъ прекраснымъ видомъ, опрятностью и порядкомъ. Бокъ о бокъ съ этими русскими городами находятся туземные города. Вмѣсто нашихъ каменныхъ и



Самаркандъ-Андижанская желѣзная дорога. Насыпь на 61-ой верстѣ.

деревянныхъ городскихъ построекъ здѣсь глинобитные дома безъ оконъ и съ плоскими крышами; улицы кривыя, узкія; всюду почти царитъ мертвая тишина; людей почти не видно. Жизнь и движеніе сосредоточены только въ центрахъ городовъ—на базарахъ. На средне-азіатскихъ рынкахъ вся жизнь туземца. Онъ проводитъ здѣсь время съ утра до вечера, и большинство горожанъ идетъ сюда не для какого-нибудь дѣла, а просто потому, что имъ не сидится дома, что они любятъ многолюдство.

Въ настоящее время, вслѣдствіе наплыва русскихъ поселенцевъ, число русскихъ поселеній въ Средней Азіи съ каждымъ годомъ все возрастаетъ.

Вскорѣ послѣ завоеванія Хивы (въ 1880 г.), начата постройка желѣзной дороги; ея проведеніе представляло неимовѣрныя затрудненія: на каждомъ шагу приходилось считаться съ природою. Однако ни летучіе пески пустынь, заносившіе желѣзнодорожное полотно, ни страшныя жары, ни недостатокъ воды, ничто не могло остановить настойчивости ея строителей и помѣшать ея постройкѣ: въ очень короткій срокъ, черезъ три года, дорога, протяженіемъ въ 1.344 версты, была окончена. Ея конечные пункты: Красноводскъ на Каспійскомъ морѣ и Самаркандъ. Она соединила Европу съ центральною Азіею, усилила туда ввозъ русскихъ товаровъ и обезпечила сбытъ туземныхъ произведеній въ Россію. Съ устройствомъ этой дороги въ Средней Азіи открылись во многихъ мѣстахъ различные фабрики и заводы, развилась промышленность и увеличилось въ странѣ число русскаго люда.

Императоръ Александръ III.

Императоръ Александръ III является миротворцемъ народовъ Европы. Не разъ наступали тревожные для Европы дни, когда всѣ ожидали общеевропейской войны, но твердая воля Императора Александра III устраняла грозный призракъ войны. Когда Германія, Австрія и Италія составили союзъ, императоръ Александръ III сблизилъ Россію съ Франціей. Французы и русскіе хорошо сознали всѣ выгоды взаимной помощи и радостно привѣтствовали франко-русское сближеніе.

Для распространенія торговли и промышленности при Александрѣ III построены Средне-Азіатская и Закаспійская желѣзныя дороги, а также начата постройка великой Сибирской желѣзной дороги.

Александръ III всѣ немногія свободныя отъ государственныхъ заботъ минуты проводилъ въ кругу семьи, часто раздѣляя съ дѣтьми ихъ игры. Въ свой жизни онъ не позволялъ себѣ роскоши. Вступивъ на престолъ, онъ остался жить въ своемъ тѣсномъ Аничковомъ дворцѣ, расширивъ только садъ этого дворца для игръ дѣтей; обстановка его комнатъ, его обѣдъ, чисто русскій, отличались замѣчательной простотой. Большую часть года царь проводилъ въ Гатчинѣ, обширные парки и озера котораго были любимыми мѣстами его прогулокъ; здѣсь онъ жилъ въ обстановкѣ русскаго богатаго помѣщика прежнихъ временъ.

Государь Императоръ Николай II Александровичъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Наши предки. *По Алексѣеву*	3
Природа русской равнины. *Печерск., Ключевск. и др.*	—
Жизнь славянъ. *По Н. Тарас. и А. Гартвигъ*	6
Вѣрованія славянъ	8
Домовой, лѣшій, водяной. *По Забѣлину*	10
Курганъ. *А. Толстого*	14
Первые князья. *По Водовозову*	15
Вѣщій Олегъ.	—
Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. *А. Пушкина*	16
Игорь	18
Ольга правительница. *Изъ „Дѣтск. Міра"*	—
Святославъ. *По Алексѣеву*	21
Пѣснь баяна. *Языкова*	22
Владиміръ и крещеніе кіевлянъ. *По Алексѣеву*	23
Кіевъ. *Хомякова*	25
Борьба Владимира со степью. *По Алексѣеву*	26
Богатыри на заставѣ	27
Ярославъ и его братья. *По Водовозову*	32
Судъ Божій у славянъ. *Изъ кн. Бернашевскаго и Звягинцева*	35
Основаніе Кіево-Печерской лавры	40
Полюдье и судъ. *По Тарас. и Гартвигу*	45
Боярская усадьба	47
Владиміръ Мономахъ. *По Алексѣеву*	48
Поученіе Владимира Мономаха	49
Сказаніе о походѣ Игоря	53
Нашествіе татаръ. *По А. Петрушевскому*	57
Полоняночка	63
Колыбельная пѣснь	64
Состояніе русской земли во время татаръ. *По Сиповскому*	—
Щелканъ Дудентьевичъ	66
Александръ Невскій. *По А. Петрушевскому*	67
Возвышеніе Москвы. *По А. Петрушевскому*	70
Монастыри. *По Ключевскому*	73
Куликовская битва. *Карамзина*	74
Иванъ III Васильевичъ. *По А. Петрушевскому*	78
Садко и господинъ Великій-Новгородъ	80
Великій-Новгородъ. *По Водовозову*	82
Ушкуйники. *Немировичъ-Данченко*	85
Паденіе Новгорода. *По Водовозову*	—

Стр.

Пѣсня о быломъ. *Э. Грубера* 87
Какъ строили храмы на Руси. *По Забѣлину и др.* 88
Посольство германскаго императора. *По Алексѣеву* 92
Начало царствованія Ивана Грознаго. *По Майкову* 98
Покореніе Казани и Астрахани. *По Майкову* 101
Книга на Руси. *По А. Бахтіарову* 104
Учрежденіе опричины. *По Водовозову* 108
Митрополитъ Филиппъ. *Карамзина* 110
Война за Балтійское море. *По В. Петрушевскому* 113
Василій Шибановъ. *А. Толстого* 114
Ханство Крымское и борьба съ нимъ. *По Ключевскому* 116
Въ турецкой неволѣ. *Любичъ-Кошуровой* 120
Маруся Богуславка. *Козленицкій* 122
Завоеваніе Сибири. *По Майкову* 125
Начало Смутнаго времени. *По Костомарову* 130
Изъ „Бориса Годунова“. *А. С. Пушкина* 133
Царствованіе Дмитрія I. *По Волковой* 145
Царь Василій Шуйскій. *Изъ сб. Грекова* 147
Осада Троицкой лавры. *По Алексѣеву* 148
Ночь передъ приступомъ. *А. Толстого* 150
Освобожденіе Москвы отъ поляковъ 151
Посольство къ Михаилу Ѳеодоровичу 155
Московское государство послѣ смуты. *По Л. Воронцовой* 158
Царствованіе Алексѣя Михайловича. *По И. Катаеву* 162
Заселеніе Сибири. *По Д. Садовникову* 166
Присоединеніе Малороссіи. *По А. Петрушевскому* 171
Козацкій батька. *Т. Шевченко* 174
Изъ „Тараса Бульбы“. *Н. В. Гоголя* . . . . . —
Жизнь въ московскомъ дворцѣ. *По И. Катаеву* 188
Какъ жили бояре. *По Строеву* 195
Одѣваніе невѣсты 198
Старинная масленица. *По Н. Манасеиной* 199
Грамота въ старину 202
Какъ прежде читать учили 204
Суевѣрія въ старину 205
Заговоръ отъ недуговъ 206
Начало раскола. *По С. К. и др.* . . . . . —
Нѣмецкая слобода 211
Какъ учился царевичъ Петръ. *Изъ кн. Глинскаго* 213
Игры и занятія Петра. *По А. Петрушевскому* 216
Походы и путешествія Петра. *По А. Гартвигу* 218
Преобразованія Петра Великаго. *По Елпатьевскому* 222
Ассамблея. *А. С. Пушкина* 224
Шведская война. *П. Ковалевскаго* 226
Изъ „Полтавы“. *А. С. Пушкина* 238
Петербургъ при Петрѣ. *По Мережковскому* 246
Пиръ Петра Великаго. *А. С. Пушкина* 249
Личность Петра Великаго. *По Ключевскому* 250
Утро Петра Великаго. *По Мережковскому* 251
Князь А. Д. Меншиковъ 253
Н. А. Демидовъ 256

Стр.
М. В. Ломоносовъ. *Изъ брош. Моск. Гор. Самоупр.* 258
Императрица Екатерина II. *Изъ кн. Борзаковскаго* 265
Разсказы о Суворовѣ. *По Милютину и Полевому* 270
Турецкая война. *По А. Петрушевскому и др.* 273
Вторая турецкая война. *По Полевому* 274
Екатерина Великая на Днѣпрѣ. *По Г. П. Данилевскому* 277
Изъ „Капитанской дочки". *Пушкина* 283
Г. С. Сковорода. *По Г. П. Данилевскому* 307
Изъ „Недоросля". *Фонвизина* 310
Суворовъ при Павлѣ I. *По Полевому* 315
Суворовъ въ Швейцаріи. *По А. Петрушевскому* 318
Кончина Суворова. *По А. Петрушевскому* 321
Дѣтство Александра I. *По П. Мамаеву* . . . . . —
Двѣнадцатый годъ. *По В. Л.* 324
Встрѣча Александра I въ Москвѣ. *Л. Толстого* 330
Молебенъ на Бородинскомъ полѣ. *Л. Толстого* 333
Бородино. *М. Ю. Лермонтова* 335
Военный совѣтъ въ „Фили". *Л. Толстого* 337
Опустѣвшая Москва. *Л. Толстого* 340
Война за отечество. *Изъ кн. Бернашевскаго и Звягинцева* 342
Ворона и курица. *Крылова* 344
Волкъ на псарнѣ. *Крылова* 345
Къ тѣни полководца. *Пушкина* 346
Французская армія передъ Березиной. *Бургонь* 347
Какъ французы пришли 352
Наводненіе въ Петербургѣ. *Пушкина* 356
Графъ Сперанскій *А. Н.* 357
День помѣщика. *С. Т. Аксакова* 360
Старый стремянный. *А. Печерскаго* 369
М. С. Щепкинъ 371
Привозъ запасовъ изъ деревни 373
Какъ жили крѣпостные крестьяне. *По Ефимовой* 375
Оборона Севастополя. *По Поповой* 377
Изъ „Севастопольской обороны". *Л. Н. Толстого* 382
Освобожденіе крестьянъ 384
Объявленіе воли. *Мачтета* 385
Какъ встрѣчалъ русскій народъ волю. *Е. Ефимовой* 386
Реформы Александра II. *По Ефимовой* 389
Въ окружномъ судѣ. *Изъ кн. Бернашевскаго и Звягинцева* 391
Изъ воспоминаній участниковъ въ покореніи Кавказа. *Авт. „Семейств. Холмскихъ"* 396
Въ кавказской крѣпости. *Д. Никифорова* 397
Покореніе Кавказа 401
Споръ. *М. Ю. Лермонтова* 402
Турецкая война 403
Зимой черезъ Балканы 405
Находка. *Немировичъ-Данченко* 406
Завоеваніе Средней Азіи. *По Семенову* 412
Императоръ Александръ III. *По Елпатьевскому* 418

Книгоиздательство Т-ва И. Д. Сытина.

Тѣхъ же составителей:

Ариѳметическій задачникъ. Часть II. Задачи и примѣры на числа любой величины и составныя именованныя числа для городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ. Изданіе 3-е. Ц. 20 коп.

Практическая грамматика. Часть I. Первоначальныя свѣдѣнія для городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ. Изданіе 10-е. Ц. 10 к.

Практическая грамматика. Часть II. Краткія свѣдѣнія изъ этимологіи и синтаксиса для городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ. Изданіе 12-е. Цѣна 15 коп.

Практическая грамматика. Часть III. Краткій курсъ этимологіи и синтаксиса для городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ и приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 2-е. Ц. 25 к.

Практическая грамматика. Этимологія и синтаксисъ для городскихъ, двухклассныхъ училищъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 5-е. Ц. 35 к.

Уч. Ком. при Св. Синодѣ **одобрено** для духовныхъ училищъ, епархіальныхъ училищъ и женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства въ качествѣ пособія.

Главнымъ Управленіемъ военно-учеб. заведеній **рекомендовано** для практическихъ цѣлей преподаванія грамматики.

Живой родникъ. Первая книга для чтенія въ школѣ и дома. Составили: В. Ананьинъ, В. Гусаковъ, Г. Макаровъ, А. Насимовичъ, Н. Чернышевъ, Н. Чукаевъ. Изданіе 3-е. Ц. 30 к.

М. Н. Пр. **допущено** въ ученич. библіот. низшихъ учебн. заведеній.

Гл. Упр. военно-учеб. заведеній **допущено** для приготовительныхъ школъ.

Живой родникъ. Вторая книга для чтенія въ школѣ и дома. Изданіе 2-е. Ц. 50 коп.

М. Н. Пр. **допущено** въ ученическія библ. низшихъ учебн. заведеній

Живой родникъ. Третья книга для чтенія въ школѣ и дома.

Живой родникъ. Четвертая книга (печатается).

В. Гусаковъ и А. Насимовичъ. Краткій курсъ всеобщей географіи для городскихъ, двухклассныхъ, ремесленныхъ и др. низшихъ училищъ. Изданіе 2-е. Цѣна **50** коп.

М. Н. Пр. **допущено** къ классному употребленію въ городскихъ училищахъ.

М. Давыдкинъ и И. Селезневъ. Краткая русская исторія для народныхъ училищъ. Изданіе 3-е. Цѣна **30** коп.

Грамотей. Орѳографическая пропись. Часть I. Первые уроки правописанія. Ц. **20** к.

Грамотей. Часть II (готовится къ печати).

Диктантъ. Систематическій сборникъ примѣровъ и статей. Этимологія и синтаксисъ. Учебное пособіе для начальныхъ училищъ и младшихъ классовъ ср. уч. зав. Составленъ подъ редакціей В. Гусакова и Г. Макарова. Ц. **30** к.

Сътребованіями обращаться въ книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина.

Въ Москвѣ:
1) **Правленіе и главный складъ**, Марос., д. 7/8.
2) Никольская, д. Заиконоспасск. монастыря.
3) Никольская, домъ гр. Орлова-Давыдова.
4) Тверская, д. 48, Т-ва И. Д. Сытина.

въ С.-Петербургѣ:
1) Большая Садовая, домъ 25.
2) Невскій, 68—40, уг. Аничкова моста.

въ Кіевѣ, Подолъ, Гостиный дворъ.
въ Варшавѣ, Краковское предмѣстье, д. 1.
въ Екатеринбургѣ, Покровскій пр., д. Ермолаева.
въ Одессѣ, Преображенская, д. 58.
въ Харьковѣ, Торговая площ., д. Мѣщ. О-ва.
въ Воронежѣ, Московская улица.
въ Ростовѣ-на-Дону, Садовая ул., д. 92, Аграева.
въ Иркутскѣ, Большая ул., д. Тышковскаго.
въ Саратовѣ, Александровская ул.
въ Нижегородской ярмаркѣ, на Шоссе.
въ Софіи (Болгарія), Русскій книжный магаз.

им. Д. И. Ге

Книгоиздательство Т-ва И. Д. Сытина.

В. АНАНЬИНЪ. Учебникъ всеобщей исторіи для высшихъ начальныхъ училищъ и торговыхъ школъ. Съ иллюстраціями. 184 стр. Цѣна **60** коп.

Изъ отзыва печати:

Составитель настоящаго учебника въ общемъ довольно удачно справился съ поставленной себѣ задачей. „Учебникъ,—по его словамъ,—долженъ закрѣпить въ памяти учащагося наиболѣе важное и существенное изъ слышаннаго въ классѣ и прочитаннаго самостоятельно по указанію преподавателя". Но, давая только самое основное на протяженіи 167 стр., сопровождая свое изложеніе провѣрочными вопросами, на что отведено 15 страницъ, и довольно большимъ количествомъ хорошо выполненныхъ иллюстрацій, г. Ананьинъ долженъ заинтересовать учащагося, такъ какъ въ его книгѣ нѣтъ сухости изложенія и она содержитъ довольно много матеріала для размышленія. Что, на нашъ взглядъ, наиболѣе цѣнно, такъ это отсутствіе личнаго элемента, которымъ обычно такъ много злоупотребляютъ. Характеристика эпохъ и событій въ общемъ правильна и объективна... Что также должно быть поставлено въ заслугу составителю, такъ это хорошій, правильный языкъ и отсутствіе тенденціозности въ изложеніи. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, учебникъ г. Ананьина можно вполнѣ свободно положить въ основу прохожденія всеобщей исторіи и въ народной и торговой школѣ. *В. Бочкаревъ. (Журналъ „Для народнаго учителя„ за 1912 г., № 17.)*

В. ГУСАКОВЪ и А. НАСИМОВИЧЪ. Краткій курсъ всеобщей географіи для городскихъ, двухклассныхъ, техническихъ, ремесленныхъ и др. низшихъ училищъ. Изд. 2-е. Цѣна **50** коп.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **допущено** къ классному употребленію въ гор. училищахъ.

Уч. Ком. при Св. Синодѣ **допущено** для духовн. училищъ.

В. АНАНЬИНЪ, В. ГУСАКОВЪ, Г. МАКАРОВЪ, А. НАСИМОВИЧЪ, Н. ЧЕРНЫШОВЪ, Н. ЧУКАЕВЪ. Живой родникъ. Первая книга для чтенія въ школѣ и дома. Цѣна **30** коп., изд. 4-е. Вторая книга. Цѣна **50** коп., изд. 4-е. Третья книга. Цѣна **75** коп., изд. 2-е. Четвертая книга. Литературно-художественная хрестоматія. Цѣна **60** коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія всѣ четыре книги **допущены** къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Гл. Упр. военно-учеб. завед. первая книга **допущена** къ классному употребленію въ приготовительныхъ школахъ.

Цѣна 80 коп.